Библиотека
всемирной литературы

Серия первая *

Литература Древнего Востока
Античного мира
Средних веков
Возрождения
XVII и XVIII веков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Грабарь-Пассек М. Е.
Егоров А. Г.
Елистратова А. А.
Емельяников С. П.
Жирмунский В. М.
Ибрагимов М.
Кербабаев Б. М.
Конрад Н. И.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г.
Рюриков Б. С.
Самарин Р. М.
Семпер И. Х.
Сучков Б. Л.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Шамота П. З.

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

ТРАГЕДИИ

СОНЕТЫ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

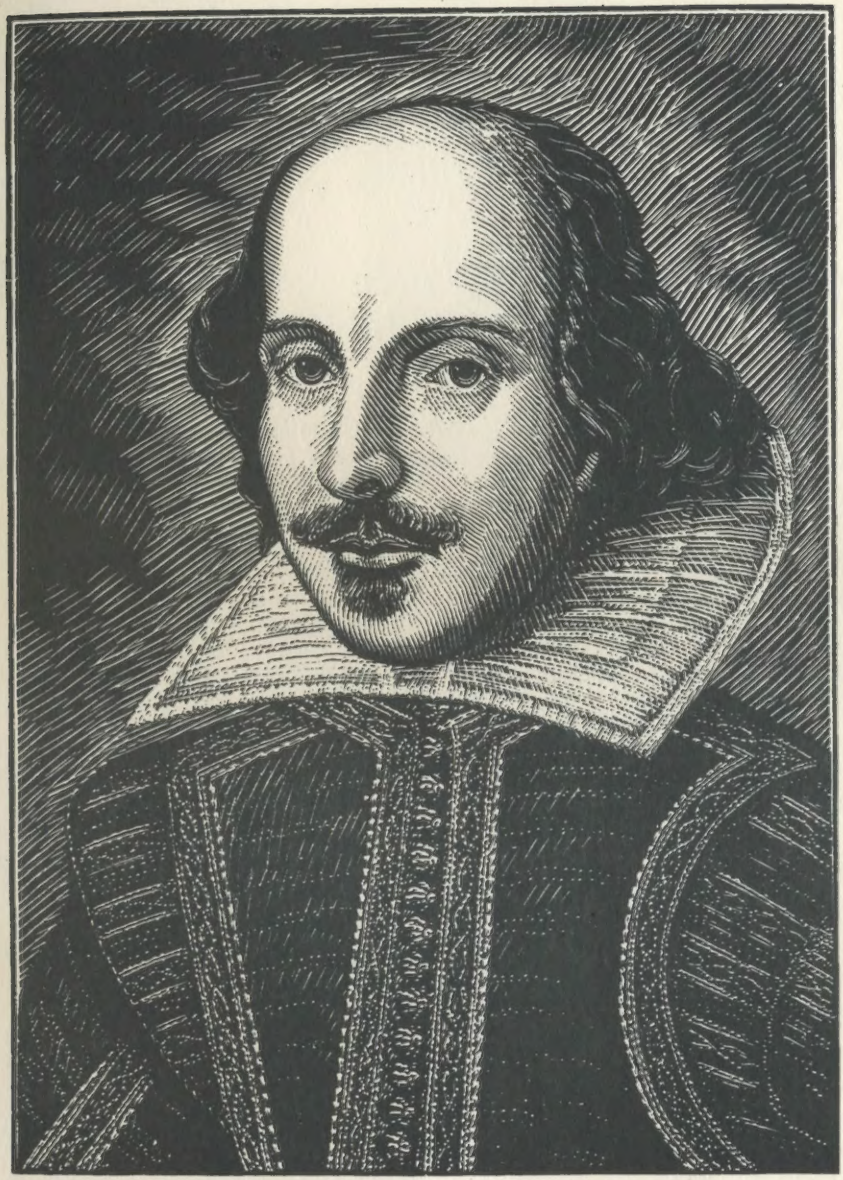
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1968

Вступительная статья
А. Аникста

И (Англ.)
Ш 41

Иллюстрации
А. Гончарова
Б. Дехтерева
М. Пикова
В. Фаворского
Д. Шмаринова

7-7-5
Подп. изд.



ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Шекспир — одно из тех чудес света, которым не перестаешь удивляться: история движется гигантскими шагами, меняется облик планеты, а людям все еще нужно то, что создал этот поэт, отделенный от нас несколькими столетиями.

Чем более зрелым становится человечество в духовном отношении, тем больше открывает оно глубин в творчестве Шекспира. Десятки, сотни жизненных положений, в каких оказываются люди, были точно уловлены и запечатлены Шекспиром в его драмах. Ими можно мерить жизнь отдельного человека и можно отмечать стадии развития целого народа. Все драматичное, что случается с разными людьми и с обществом в целом, было изображено Шекспиром с той степенью типизации и художественного обобщения, какая позволяет в разные времена и в казалось бы изменившихся условиях узнавать себя и свою жизнь.

Да, самое большое, самое сильное впечатление, оставляемое Шекспиром,— жизненность его искусства. Оно не определяется точностью деталей, совпадением частностей с тем, что непосредственно знакомо каждому. Быт, нравы, обстоятельства, изображенные в его драмах, подчас далеки от наших, и тем не менее в том, что он изобразил, ощущается та высшая правда, какая доступна только самому великому искусству. Она не зависит от схожести с жизнью каждого из нас. Можно не быть в тех ситуациях, в каких оказались Ромео и Джульетта, Виола или Розалинда, Брут и Гамлет, король Лир или Макбет, но через их судьбы и переживания наш собственный опыт становится богаче. Шекспир расширяет наш духовный горизонт. Мы познаем жизнь более драматически напряженную, чем наше повседневное бытие, выходим за рамки своего мирка и попадаем в большой мир. Благодаря этим и подобным творениям мы начинаем понимать, что такое настоящая жизнь.

Историк, философ, моралист и психолог находят у Шекспира подтверждения открываемых ими истин. А он, художник, не мудрствуя и не поучая, воплощал эти истины как историю отдельных человеческих судеб. И делал он это так, что читатель и зритель его драм приобщается к пониманию того, как движется история, проникается желанием поразмыслить над сущностью важнейших жизненных явлений, лучше постигает себя и окружающих.

Кажется, что художник, который столько увидел, столько знал и понимал, должен был сам быть человеком необыкновенным. А между тем, что известно о личности Шекспира, рисует его человеком ординарным.

Уроженец провинциального городка Стратфорд-на-Эйвоне, сын ремесленника и торговца, получивший лишь начальное образование, он в двадцать лет покинул родной город и через пять лет оказался актером лондонской театральной труппы. Попробовав свои силы в драме, он пытался завоевать признание как поэт, издав поэмы «Венера и Адонис» и «Лукреция». Поэмы были замечены и даже имели успех у образованных читателей. Но средств к существованию поэзия не давала, если не считать подачек меценатов. Шекспир вернулся к драматургии и писал для своей труппы по одной-две пьесы в год. Впрочем, и писания для театра не приносили автору большого вознаграждения. Средства к существованию Шекспир получал как актер и пайщик труппы, признанной лучшей среди лондонских актерских товариществ.

Эта труппа построила для себя большое театральное здание «Глобус», она удостоилась в 1603 году наименования королевской труппы. Актеры играли обычно для самой разнообразной городской публики, а в праздники их приглашали играть при дворе.

Так жил Шекспир год за годом, сочиняя пьесы, участвуя в исполнении их (а также пьес других авторов), копя деньги и вкладывая их в недвижимость в родном городе. Ему было немногим за сорок лет, когда он оставил актерскую профессию и вернулся в Стратфорд, где приобрел для себя самый большой каменный дом в городке. Здесь он прожил последние годы в кругу семьи (жена и две дочери, сын Гамлет умер одиннадцати лет). В пятьдесят два года Шекспир скончался и был похоронен в местном храме как один из самых почтенных горожан Стратфорда.

Есть несомненное несоответствие между красочной и полной драматизма жизнью героев Шекспира и будничным, монотонным существованием их создателя. Скептики стали сомневаться: как мог этот обыватель, жалкий актер без университетского образования написать драмы, содержащие столь много необыкновенных событий, таких грандиозных героев и такие бурные страсти? Есть люди, которые с трудом верят в это. Особенно смущает, как мог недоучка вложить в свои

произведения столь глубокие мысли, что и поныне мудрейшие из мудрых восхищаются ими. Конечно, если отождествлять ум и талант с дипломами и учеными званиями, то это покажется невероятным.

Скромного стратфордского актера даже хотели лишить права считаться автором созданных им пьес. Сочинение их готовы были приписать либо философу Фрэнсису Бэкону, либо одному из образованных аристократов того времени — графам Оксфорду, Дарби или Ретленду. Ложный романтический ореол, который благодаря этим выдумкам приобретает таинственный автор прославленных пьес, не приближает, а отдаляет от подлинного их создателя.

Для нас пьесы Шекспира, прежде всего, великое явление книжной литературы. Многие представляют себе, что Шекспир писал их для печати. Но в том-то и заключается особенность его пьес, что они писались не для чтения. Трагедии и комедии Шекспира были сценарием и либретто для театральных постановок. Именно так создавал свои пьесы Шекспир. Поэтому он даже не стремился к тому, чтобы увидеть их напечатанными.

Шекспир писал свои пьесы для определенной труппы. Каждая роль предназначалась актеру, данные которого учитывались при создании образа. Количество главных персонажей зависело от состава труппы. Женщин-актрис в Англии тогда не было, и женские роли исполняли обученные этому мальчики-актеры. В разное время в труппе Шекспира таких мальчиков было то больше, то меньше, сколько именно, нетрудно подсчитать, взяв пьесы, написанные Шекспиром в разные годы. Обычно у него две-три-четыре женских роли. Всего в труппе было не больше шестнадцати человек, поэтому, создавая пьесы с большим количеством действующих лиц, Шекспир делал так, чтобы один и тот же актер мог сыграть две роли, одну в начале, а другую во второй половине пьесы. Учитывал он также, что актеры, играющие большие роли, устают во время спектакля. Поэтому он строил действие так, чтобы Гамлет, Фальстаф, Отелло, Лир, Макбет не появлялись подряд в каждой сцене. Он устраивал передышки для исполнителей главных ролей. Шекспир учитывал также эмоциональное состояние зрителей. После сцен большого драматического напряжения он вводил веселые, смешные эпизоды, выпускал на подмостки шутов.

Подобные особенности пьес Шекспира могли возникнуть только оттого, что автор до мелочей понимал театральную работу и приспособлял свою творческую фантазию к конкретным условиям сцены. Ничего подобного не могло прийти в голову философам и аристократам, если бы они сочиняли пьесы в тиши кабинета. Пьесы Шекспира родились на сцене народного театра его времени. Они настолько срослись с природой этого театра, что теперь, когда техника сцены Возрождения мало

известна, по пьесам Шекспира можно в значительной мере восстановить особенности тогдашней сцены и актерского искусства.

Получить вкус к такого рода пьесам, научиться писать их в университетах того времени было просто невозможно. Тогдашняя университетская наука с презрением относилась к народному театру и безоговорочно осуждала пьесы, шедшие на его сцене. В ту эпоху в университетах изучали в качестве образцов пьесы древнегреческих и римских авторов, особенно последних. Авторы с университетским образованием, писавшие для образованной публики, сочиняя трагедии, как правило, подражали Сенеке, а в комедиях — Плавту или Теренцию. Когда же несколько молодых магистров из Оксфорда и Кембриджа — Марло, Грин, Пиль, Кид, поселившись в Лондоне, стали зарабатывать писанием пьес для народных театров, им пришлось забыть правила драмы, изученные в университетах, и писать в том духе, к которому привыкли зрители из народа. Эти «университетские умы» обновили драму не столько в силу своей образованности, сколько благодаря поэтическому таланту. Они обогатили язык драмы, подняв его на высоту подлинной поэзии. Они подготовили почву для Шекспира. Он воспользовался многими приемами, введенными ими в драму. Но главное он нес в себе — поэтический дар, превосходивший таланты его предшественников, и такое острое чувство драматизма, каким не обладал ни один из них.

Художественная система драматургии Шекспира выросла на почве традиций народного театра и лишь немногим обязана наследию античного театра. Драма классической древности отличалась строгим единством построения. В пьесах античных авторов действие, как правило, происходило в одном месте и на протяжении краткого периода, около суток; сюжет содержал лишь одно событие, изображавшееся без каких-либо отклонений. В трагедиях действие вообще начиналось уже накануне развязки конфликта.

Драматургия Шекспира не скована никакими жесткими рамками. Пьеса изображает не одно событие, а цепь происшествий, зритель видит зарождение, развитие, усложнение и развязку со множеством всевозможных подробностей. Нередко перед ним проходит вся жизнь человека. А рядом с судьбой главного героя и героини показаны и судьбы остальных участников событий.

Шекспир часто ведет две, а то и три параллельные линии действия. Некоторые эпизоды не всегда связаны с главным действием, но по-своему и они необходимы,— для создания атмосферы и для обрисовки жизненных условий, в которых развивается трагедийный или комический конфликт.

Сравнивая два типа драмы, немецкий критик начала XIX века Август Вильгельм Шлегель метко определил, что античная трагедия

скульптурна, а трагедия Шекспира — живописна. И действительно, в античной драме величественная и неизменная фигура героя или героини подобна прекрасной статуе, тогда как в пьесах Шекспира много разнообразных персонажей, и в целом его драмы подобны пестрым, многокрасочным картинам с обилием интересных деталей.

Древность строго разграничивала пьесы по их общей тональности, тогда были либо мрачные, либо веселые представления — трагедии или комедии. У Шекспира в одной пьесе уживается серьезное со смешным, и в его трагедиях немало шутовства, а в комедиях подчас происходят события, находящиеся на грани трагического.

Шекспир принес в драму важные новые художественные принципы, которых до него вообще не было в искусстве. Характеры героев в древней драме обладали лишь одной какой-нибудь важной чертой. Шекспир создал героев и героинь, наделенных чертами духовно богатой живой личности. Вместе с тем он показал характеры своих героев в развитии. Эти художественные нововведения обогатили не только искусство, но и понимание природы человека.

Сделать подобные открытия мог только гений. Но и для высоко одаренных людей нужны условия, чтобы задатки, заложенные в них природой, могли развиться. Шекспиру посчастливилось жить в эпоху, во многих отношениях благоприятную для творчества.

Нельзя сказать, чтобы то было время большой свободы. В Англии господствовала деспотическая королевская власть. В обществе существовали вопиющие различия между богатством верхушки и нуждой народа. Но повсюду происходили какие-то перемены. Менялось положение разных сословий общества. В частности, все большую силу приобретали богатые горожане. Утратила прежнее могущество церковь. Духовный горизонт расширился от того, что англичане все чаще бросались в рискованные морские путешествия в поисках новых товаров и новых земель.

Относительная свобода возникла оттого, что никто больше не был привязан к своей среде раз и навсегда, как это было в феодальную эпоху. Люди покидали насиженные места в поисках счастья и богатства. То была эпоха неожиданных удач, головокружительных карьер. В то время как одни находили удовлетворение в приобретении материальных благ, другие посвящали себя культурной деятельности.

Были открыты просторы для всякого рода активности. И хотя власть зорко следила за тем, чтобы никто не посягал ни на существующий строй, ни на особу монарха, она не сковывала инициативы ни в предпринимательстве, ни в науке, ни в искусстве.

Жизненные противоречия могли поэтому свободно рассматриваться искусством. Особенно тем из искусств, самую сущность которого составляет изображение конфликтов,— драмой. Театр становится любимым

развлечением народа. В Лондоне конца XVI — начала XVII века было с полдюжины постоянных театральных зданий. Кроме того, актеры играли во дворах гостиниц. Бродячие труппы колесили по всей стране. Правда, набожные пуритане пытались препятствовать их деятельности, но власти защищали их, ограничивая лишь в двух вещах: нельзя было касаться живых царственных особ и подвергать сомнению догматы религии. Актеры подчинялись. Они могли сыграть пьесу, изображающую, как убивают Юлия Цезаря, Ричарда II или Генриха VI, а по окончании представления приглашали зрителей вместе с ними помолиться за здравие королевы Елизаветы, правившей тогда Англией.

Театр заменял народу книги. Все, что было в древней и новой литературе интересного, инсценировалось драматургами. На сцене можно было увидеть и Троянскую войну, и гибель римской республики, и похождения средневековых рыцарей, и истории английских королей. Все это изображалось в духе гуманистического мировоззрения, возникшего в эпоху Возрождения.

Полностью развить в себе задатки, заложенные природой, быть всегда деятельным, испытать все, завоевать все блага, какие есть в жизни,— такова была та новая мораль, которую утверждали гуманисты. Созданное ими искусство, и в том числе пьесы Шекспира, изображают людей деятельных, могучих, непокорных, не боящихся никаких опасностей. Каждый из них хочет полностью проявить себя, измерить все возможности жизни. В любви, в науке, на государственном поприще они не знают пределов своим стремлениям.

Зрители, приходившие в театр смотреть пьесы Шекспира и его современников, не интересовались повседневным и рядовым. То было время великих поисков и смелых авантюр. Живя среди невероятных возможностей, неожиданно открывшихся если не для всех, то для многих, видя взлеты и падения дерзновенных смельчаков, посетители театра хотели, чтобы сцена отвечала их взволнованному чувству жизни. И театр шел навстречу этой потребности.

Приключения молодых людей, преодолевающих все препятствия, чтобы соединиться с любимой; жадное стремление к богатству и власти, не останавливающееся перед преступлениями; благородная борьба за справедливость в личных отношениях и в государственных порядках — таковы особенно частые темы пьес, варьируемые на все лады.

Театр давал развлечение, в нем можно было увидеть много занятных историй; он давал знания,— изображал подлинные события прошлых времен; он обогащал разум и чувства раскрытием всей сложности жизни и человеческих характеров.

Некоторые стороны этого театра были просты до крайности. Сцена представляла собой площадку с нехитрыми декоративными приспособлениями. Кушетка, вынесенная на нее, превращала ее в спальню, а

трон — в королевский дворец. Для изображения сражений на сцену выходило четыре актера с мечами и щитами. Но сравнительная примитивность внешних средств не помешала этому театру стать местом, где были созданы величайшие драмы мира.

Драматическое искусство Шекспира существенно отличается от искусства тех мастеров драмы, которые имели в своем распоряжении сцену, богато оснащенную декорациями и всевозможными приспособлениями для того, чтобы точно воспроизводить время и место действия. Шекспир восполнял недостаточность внешнего убранства сцены поэтическими описаниями, которые он вкладывал в уста персонажей. Шекспир владел магией слова. Одними только краткими репликами стражей в первой сцене «Гамлета» он создает у читателя и зрителя ощущение тревожной ночи, а в «Короле Лире» речи старого короля в степи создают впечатление бури.

Но мастерство Шекспира не столько в том, что он умеет заставить нас почувствовать атмосферу и характер внешнего действия, сколько в том, как он раскрывает всю сложность жизненных конфликтов и человеческих характеров.

Он не сразу овладел этим искусством. В ранних исторических драмах Шекспира — «Генрих VI», «Ричард III», «Король Джон», много драматических событий, изображения всякого рода злодейств. Правда, механика политической жизни здесь вскрыта точно и выразительно. Но участники этих драм люди нехитрого склада — они либо злодеи, иногда очень изощренные, как Ричард III, либо их жертвы.

В «Ричарде II» Шекспир впервые показал в облике короля человека, который был тираном, а став жертвой, обнаружил неожиданные глубины человечности в своей душе.

В полном блеске развернулось мастерство Шекспира — создателя исторических драм — в «Генрихе IV», пьесе в двух частях, где каждый участник драмы борьбы за власть — это своеобразная, неповторимая личность. Главное достоинство этой пьесы в том, что она изображает не только то, что происходит на авансцене истории, в высших сферах, но и на задворках истории, где живут люди, далекие от больших государственных интересов, погруженные в свои маленькие и даже низменные интересы. Такое изображение истории, снимающее парадность и помпезность, было одним из художественных открытий Шекспира. Оно тем более значительно, что эту сторону истории, ее, так сказать, изнанку, он воплотил в образе огромной выразительной силы — в облике опустившегося рыцаря Фальстафа.

Фальстаф один из примеров той сложности и глубины, какие отличают шекспировское изображение характеров. Нет ничего проще, как составить перечень пороков Фальстафа, а между тем он нисколько не

отвратителен, наоборот, в нем есть обаяние. Во всяком случае, он самый привлекательный из персонажей пьесы.

Секрет обаяния Фальстафа в его переливающемся через край жизнелюбии. В его облике воплощено торжество плоти над моральным долгом и обязанностями перед государством. Присущее ему озорство придает любому его поступку задорную веселость.

Будь в Фальстафе одна плоть, он был бы отвратителен. Но все дурное, что мы о нем знаем, перекрывается умом и шутливостью Фальстафа. Он обезоруживает тем, что предупреждает своими шутками любые обвинения, которые выдвигаются против него. Его способность обыгрывать шутливо все вплоть до собственных недостатков заставляет нас не судить его теми строгими критериями, которые мы обычно применяем к другим.

В «Генрихе IV» Фальстаф шут среди героев. В «Виндзорских насмешницах» он сам тщится вылезть в герои, но эта роль не по нем, и его наказывают веселым обманом. Эта пьеса подводит нас к комедиям Шекспира.

Точно так же, как в исторической драме, Шекспир и в комедии начинал с овладения внешним действием. Его самые ранние комедии «Комедия ошибок» и «Укрощение строптивой» еще близки к фарсу. «Двумя веронцами» начинается серия романтических комедий. Основу их сюжета составляет какая-нибудь любовная история романтического характера, с приключениями, переодеваниями, недоразумениями и смешной путаницей. Таковы «Бесплодные усилия любви», «Сон в летнюю ночь», «Много шума из ничего», «Двенадцатая ночь», «Как вам это понравится», «Конец делу венец». Только в «Венецианском купце» и «Мера за меру» в сюжет вплетаются такие драматические мотивы и события, которые подавляют романтику и придают этим произведениям мрачный колорит. Но в других комедиях царит дух праздничного веселья. И если тучи набегают на небосклон, то лишь ненадолго. Они быстро рассеиваются.

Комедии Шекспира почти свободны от сатирических элементов. Смешное в них не связано с осмеиванием пороков отдельных лиц или всего общества. Оно здесь результат проделок или следствие забавных случайностей, совпадений или недоразумений. Юмор сопутствует в комедиях Шекспира лиризму, подчас переплетается с ним. Это особенно тонко проявляется в комедиях «Сон в летнюю ночь», «Двенадцатая ночь» и «Как вам это понравится».

Комедии Шекспира резко отличаются от комедий, господствующих на сцене с середины XVIII века вплоть до нашего времени. Послешекспировская комедия была преимущественно сатирической. Шекспировским комедиям присущ смех, но не осмеяние. Его комедии можно

в полном смысле слова назвать праздничными, ибо они возбуждают радость и веселье. Они являются праздничными еще и в другом смысле.

После XVII века театр стал культурным учреждением, обособленным от повседневной действительности. Он настолько отдалился от жизни, что стал развлечением лишь для незначительной части общества.

Не так было в древности. Театральные представления древней Греции были частью общенародных празднеств. То же можно сказать и о народном театре средневековой Европы. Шекспир жил на переломе. Его театр еще сохранял многие элементы народных празднеств, но уже в некоторой степени становился театром в нынешнем смысле.

В комедиях Шекспира есть непосредственные народно-игровые элементы — ряжение, веселые розыгрыши, песни и пляски. Представление некоторых пьес приурочивалось к определенным праздничным датам, и это отражено в их названиях: «Сон в летнюю ночь» — майский праздник (в России — ночь на Ивана Купала); «Двенадцатая ночь» — последняя ночь рождественских празднеств.

Поэтому трудно, да и не нужно определять темы большинства комедий Шекспира. Их содержание всегда любовь и дружба, а лейтмотив — радостное ощущение красоты жизни, праздничное веселье.

Еще одна важная черта комедий — чувство близости к природе. Недаром в большинстве комедий герои обретают счастье на лоне природы, в лесу.

Цельность и сила характера отличает молодых героев и героинь комедий. Особенно прелестны шекспировские девушки, преданные в любви, стойкие в жизненной борьбе, тонкие в чувствах и остроумные в беседах. Рядом с этими героями романтического плана Шекспир выводит целую галерею комедийных персонажей — это его чудаки-простолюдины, педанты и констебли, смешные и не сознающие своего комизма, тогда как шуты — потешники и острословы по профессии.

Радостно весеннее ощущение жизни нигде не проявилось у Шекспира так полнокровно, как в его комедиях.

Но есть и другой Шекспир, тот, кто серьезно задумывался над противоречиями жизни, тот, кого до глубины души потрясало зло, которое он видел в жизни. Трагические мотивы встречались и в исторических пьесах молодого Шекспира, они ярко проявились в первой совершенной трагедии «Ромео и Джульетта», написанной им приблизительно на тридцать первом году жизни. Трагическое стало основным содержанием творчества Шекспира, когда он приблизился к сорока годам. В тридцать семь лет он создает «Гамлета», в сорок — «Отелло», в сорок один — «Короля Лира», затем «Макбета», «Антония и Клеопатру», «Кориолана» и в сорок четыре — последнюю из своих трагедий — «Тимона Афинского».

Возраст, несомненно, имел значение. Художественным мастерством молодой Шекспир владел уже, когда он создал свою прекрасную лирическую трагедию «Ромео и Джульетта». Но годы принесли большой жизненный опыт и большую зрелость мысли. И это сразу чувствуется при сравнении ранней трагедии с поздними. Ощущается и разница в общем умонастроении поэта. Вся трагедия юных веронцев звучит, как гимн любви, и завершается моральной победой Ромео и Джульетты над миром зла, над родовой враждой семейств Монтекки и Капулетти. В трагедиях более позднего времени герои уже не столь прекрасны, а главное, их гибель не искореняет зла в мире. Тон этих трагедий более мрачен. Трагизм жизни в них представлен с такой глубиной, какая редко встречалась и до и после Шекспира. И если эти произведения полны горестных замет о жизни, то это было отнюдь не следствием каких-нибудь личных неудач или несчастий в жизни автора. Наоборот, годы, когда Шекспир создал свои трагедии, были в его жизни временем наибольшего успеха и благополучия во всех отношениях.

Что же побудило Шекспира обратиться к этому жанру? Может быть, чисто художественный интерес, стремление доказать, что, достигнув совершенства в комедии и исторической драме, он в не меньшей мере обладал умением писать трагедии?

Даже если допустить, что задачи чисто художественные возбуждали творческий дух Шекспира, все же, знакомясь с его трагедиями, нельзя не почувствовать, что дело было не только в стремлении автора освоить еще один вид драмы.

Шекспир был художником-мыслителем. Он много думал о жизни и о человеке. Мыслями об этом наполнены все его пьесы, начиная с самых ранних. Зло жизни он видел всегда. Оно непосредственно изображено в его исторических драмах о судьбе английских королей и в трагедии «Юлий Цезарь». Даже в комедиях Шекспира более или менее ясно показано, что дружбе и любви мешают зависть, ревность, злоба, жестокость и ханжество. Но на протяжении первых десяти лет своего творческого пути Шекспир неизменно выражал веру в возможность победы лучших начал жизни над дурными.

В большинстве трагедий, написанных Шекспиром в зрелые годы, зло торжествует. Внешне оно, правда, терпит поражение в такой трагедии, как «Макбет». Здесь злодей и захватчик трона в конце оказывается побежденным. Но существо трагедии вовсе не в том, что идет борьба между кровавым королем Макбетом и его противниками, а в том, что некогда прекрасный и благородный человек, подлинный герой по своим личным качествам, подпал под влияние дурной страсти и властолюбие толкнуло его на множество кровавых преступлений.

В трагедиях Шекспира всегда сильны и значительны социальные мотивы: неравенство сословий, общественная несправедливость,

деспотизм власти,— эти вопросы настолько ясно освещены в трагедиях Шекспира, что нет необходимости останавливаться на них подробно.

Проблема, волновавшая Шекспира, состояла вот в чем. Вместе с другими гуманистами он видел в человеке «венец природы», богоподобное существо. Чем больше Шекспир познавал жизнь, тем очевиднее становилось ему, что человек далек от совершенства. Для него мерилом служили не мелкие и не рядовые люди. Ничтожества всегда встречались среди людей. Взор Шекспира обращался на людей по-настоящему значительных — умных, энергичных, волевых, выделяющихся различными способностями и доблестями. И вот среди этих поистине больших людей, к тому же вознесенных на самые вершины власти и могущества, он обнаруживал несовершенства даже более значительные и подчас страшные, чем у людей рядовых.

Откуда берется зло в человеке, как проникает оно в души людей, что побуждает их коверкать свою жизнь и жизнь других, сеять смерть и разрушение вокруг себя и, в конце концов, погибать, не достигнув настоящего счастья?

Из пьес Шекспира при желании можно вывести моральные поучения. Однако ж они всегда будут плоскими. Можно осудить нерешительность Гамлета, ревность Отелло, самодурство Лира, властолюбие Макбета, гордость Кориолана, чувственность Антония, расточительство Тимона,— но разве одна черта, хотя и роковая для данного героя, исчерпывает содержание его личности? Вот тут-то и вступает в свои права шекспировское понимание человека, широта его взгляда, способность видеть личность во всем ее многообразии.

Каждый из его героев обладает богатой натурой. Гамлет — поистине царственная личность, воин, ученый, поэт, человек огромной силы мысли и тончайшей душевной чувствительности. Отелло — полководец, прекраснодушный, доверчивый, человек с сильными и чистыми чувствами, беспощадный к чужой измене и еще более суровый по отношению к собственной ошибке. Лир — монарх, пользующийся любовью и преданностью самых лучших и морально взыскательных людей, вначале предстает как деспот-самодур; но он и человек большой души, однако его лучшие духовные качества заглохли из-за той большой власти, какою он обладал; они обнаруживаются лишь тогда, когда он сам становится жертвой несправедливости. Макбет — талантливый военачальник, волевой и несгибаемый человек, бесстрашный в бою, жестокий и одновременно душевно тонкий во всем, что касается его самого. Владыка полумира римский полководец Антоний — умный политик, закаленный в битвах воин, но не очерствевший душевно; в нем есть своего рода артистизм, он стремится жить красиво, способен любить страстно и безрассудно.

Существо трагедии для самих шекспировских героев отнюдь не в том, что они погибают. Смерти они не боятся. Только Гамлета недолгое время терзала тайна ее, но и он преодолел страх. К смерти они относятся с героическим спокойствием. Ромео, Джульетта, Отелло, Антоний, Клеопатра сами убивают себя. Другие бестрепетно идут навстречу смерти, и Макбет втайне жаждет скорейшего конца своим душевным мукам, хотя и не сдается до последнего мига, ибо для него это вопрос чести. И хотя гибель значительного человека трагична, все же трагедия имеет своим содержанием не смерть, а моральную, нравственную гибель человека, то, что привело его на роковой путь, заканчивающийся гибелью.

В этом смысле истинная трагедия Гамлета состоит в том, что он, человек прекраснейших душевных качеств, надломился, когда увидел ужасные стороны жизни — коварство, измену, убийство близких. Он утратил веру в людей, в любовь, жизнь утратила для него свою ценность. Притворяясь безумным, он и в самом деле на грани сумасшествия от сознания того, насколько чудовищны люди,— предатели, кровосмесители, клятвопреступники, убийцы, льстецы и лицемеры. Он обретает мужество для борьбы, но на жизнь он может смотреть только со скорбью.

Что послужило причиной душевной трагедии Гамлета? Его честность, ум, чувствительность, вера в идеалы. Будь он подобен Клавдию, Полонию, Лаэрту, Розенкранцу и Гильденстерну, он мог бы жить, как они, обманывая, притворяясь, приспособляясь к миру зла. Но мириться он не мог, а как бороться и, главное, как победить, уничтожить это зло,— он не знал.

Причина трагедии Гамлета, таким образом, коренится в благородстве его натуры. В общем, то же самое можно сказать и об Отелло, хотя случай здесь совсем другой: он сам совершает ужасное убийство — душит верную и любящую Дездемону, которая ради него бросила отца и презрела различия возраста и расы. Отелло становится жертвой собственного доверия, той быстроты и легкости, с какой вспыхивает в нем страсть. Коварный Яго, одержимый желанием творить зло, портит жизнь людям, особенно лучшим из них, умело растравляет ревность Отелло. Благородный мавр мучительно переживает мнимую измену Дездемоны. Наконец, как ему кажется, овладев собой, он творит над ней суд и казнит ее за то, что она, как он думает, осквернила их любовь и нарушила самую священную связь между людьми — доверие и верность. Пережив трагедию ревности, Отелло затем узнает, что, доверившись негодному человеку и мнимым доказательствам, он совершил двойное преступление: и перед своей любовью, и перед доверием и любовью Дездемоны, сохранившей ему верность до последнего дыханья.

Хотя Отелло казнит себя, но умирает он с сознанием, что любовь Дездемоны, осветившая его жизнь, не была иллюзией и, значит, в жизни его было нечто подлинно прекрасное. Трагедия его в том, что он сам это прекрасное уничтожил, поддавшись слепой страсти. Ошибка его ужасна, но заметим, что и он был движим лучшими побуждениями.

Гамлет и Отелло на наших глазах утрачивают на время свои достоинства, становясь жертвами роковых жизненных обстоятельств и лишь под конец обретая себя вновь. Лира мы впервые видим уже тогда, когда его врожденное душевное благородство оказывается искаженным из-за чрезмерной власти, которой он обладает. Его уверенность в своей значительности доходит до того, что он отказывается от власти, ибо не сомневается в возможности сохранить почет и уважение, не имея короны и земель. Ему приходится убедиться в том, что он страшно заблуждался. Он познает ужасную истину: человек в обществе ценен не сам по себе, а по богатству, титулам, которыми он обладает. Неимущий не имеет никакой цены. Среди таких обездоленных оказывается он сам.

Обезумев от того, что рухнули все понятия его прежней жизни, Лир проникся новым для него чувством — смирением и любовью ко всем несчастным. Но поздно, он сам дал власть и могущество коварным и злобным себялюбцам. Погибает чистая и прекрасная Корделия, воплощение преданности, и Лир, во второй раз утратив любимую дочь, теряет силы жить дольше. Те, кто творил зло, тоже погибают. Гордость и себялюбие погубили все семейство Лира. Ужас жизни в том, что ее поток не разбирает правых и виноватых. Зло, которое люди вносят в мир, оказывается сильнее их, и ничем они не могут искупить вины перед собой и другими.

Макбет — злодей, но не такой, как Яго (в «Отелло») или Эдмунд (в «Короле Лире»). Те не признают добра. Делать зло для них естественно, и у них нет ни совести, ни чести. Макбет понимает различие между добром и злом. Он сознает, что, убивая Дункана, нарушает нравственные законы, в значение которых верит. Более того, еще не совершив преступления, он заранее знает, какие душевные муки ожидают его. И все же он решается. Демон властолюбия оказывается сильнее совести и страха нравственной расплаты. Совершив подлое убийство, Макбет навсегда лишается покоя. Он перестает верить другим, его душой овладевают подозрения. Всюду видя возможных врагов, он беспощадно разит всех. Он добился власти, но лишил себя возможности насладиться ею. Вооружив против себя народ и дворянство, он сражается до конца. Понимая уже весь ужас и бессмыслицу того, что он сделал, превратив свою жизнь в кровавый кошмар, Мак-

бет не сдается и тогда, когда всё и все оказываются против него, ибо в нем до конца живет душа героя, хотя и запятнанная его преступлениями.

Жизнь сурово мстит Антонию и Клеопатре за их двоедушие. Соединяла их любовь, а разобщали политические интересы. Антонию надо было бы заниматься борьбой против своего соперника, тоже стремившегося к господству над миром, а он нежился в объятиях Клеопатры. А она, по-женски любя Антония, как царица маленькой страны, стремясь сохранить ее, хитрила и маневрировала, то заманивая Антония, то предавая его, из расчета на возможность победы Октавиана. Они ничему не отдавались до конца, поэтому не достигли ни полного счастья в любви, ни удачи в политике. Но когда все их практические интересы перестали иметь значение и они сводили последние счеты с жизнью, оба поняли, что самым большим их счастьем была любовь. Прекрасное и героическое спело в их предсмертный час свою лебединую песнь. На смену рыцарственному Антонию шел пошлый и расчетливый Октавиан.

Трагедии Шекспира изображают не только гибель и падение личности. Их герои необыкновенные люди, наделенные титаническими душевными силами. Они заблуждаются, падают, совершают роковые ошибки, и все же, если они не всегда возбуждают сочувствие, то, безусловно, вызывают интерес. В них есть такие человеческие качества и силы, которые не могут не привлечь к ним хотя бы отчасти. И хотя трагедии раскрывают нам несовершенства людей, их ошибки и преступления, общее впечатление, оставляемое ими, не является мрачным. Это объясняется тем, что даже в самом падении своем они сохраняют достоинство. Шекспир стремится побудить не столько к нравственному суждению о своих героях, сколько приблизить нас к пониманию природы человека, независимо от того, придерживается ли зритель религиозной морали или является свободомыслящим и не скован никакой системой догматической морали. И тогда обнаруживается подспудная вера в человека, которая лежит в основе даже тех произведений Шекспира, в которых люди проявляют себя не с лучшей стороны. Сознание не только мощи, но и красоты человека пронизывает все творчество Шекспира.

В этом Шекспир — человек и мыслитель — черпал надежду, что зло можно преодолеть. Мыслями об этом наполнены последние пьесы Шекспира, где реализм уступает место сказочности, утопическому решению жизненных противоречий, с которыми сталкиваются герои. «Цимбелин», «Зимняя сказка» и особенно «Буря» выражают веру Шекспира в конечное торжество лучших начал жизни.

В Шекспире сочетались два великих дара: способность необыкновенно живо воспроизводить драматизм жизни и умение облечь свое

видение жизни в неповторимую прекрасную поэтическую форму. Без действенности нет драм Шекспира, но их нет и без его поэзии.

В пьесах это сочетание драматичного и поэтического органично. Но Шекспир пробовал свои силы и в лирике. Он оставил замечательный цикл «Сонетов», в которых особенности его поэтического мастерства вырисовываются особенно наглядно.

«Сонеты» представляют двоякий интерес. В этих стихотворениях намеками отражена сложная история дружбы и любви поэта. Неизвестны имена ни юноши, который вызывал такое восхищение поэта, ни той смуглой красавицы, которая истерзала его душу своей изменой. По-видимому, во всей этой истории есть значительная доля личного, пережитого самим Шекспиром.

Но известно, что между биографиями поэтов и их стихами прямого соответствия нет. Обобщая свой жизненный опыт, поэт в своих творениях что-то усиливает, что-то ослабляет, и в качестве биографических документов поэтические творения весьма неточны.

Сила лирики не в ее автобиографичности, по большей части сомнительной и относительной, а в поэтическом выражении душевных возможностей человека, далеко не всегда практически осуществляемых поэтом в его реальной жизни. Эти душевные способности Шекспира в «Сонетах» выражены с огромной поэтической силой.

Лирика Шекспира не была просто непосредственным излиянием чувств поэта. «Сонеты» — образцы искусства, культивировавшегося в европейской литературе в течение нескольких веков, начиная с провансальских трубадуров XII века. Сонет имеет жесткую форму: в нем всегда четырнадцать строк с определенной системой рифм, которая, впрочем, иногда варьировалась. Шекспир придерживался такого чередования рифмованных строк: abab cdcd efef gg. Тематика и техника сонета были разработаны многими поколениями поэтов — итальянцами Данте и Петраркой, французом Ронсаром, англичанами Уайетом, Сарри, Сидни и Спенсером.

Создавая свои «Сонеты», Шекспир вступал в соперничество с великими мастерами лирики. Он стремился не столько сравняться с ними, сколько отличиться от них новизной и оригинальностью ситуаций и образов. Шекспир усилил драматизм сонетной поэзии и больше своих предшественников приблизил лирику к реальным чувствам людей.

Написанные на протяжении ряда лет, по-видимому, между двадцатью восемью и тридцатью четырьмя годами, «Сонеты» неоднородны. Многие из них, особенно начальные, посвященные другу, несут печать явной идеализации, тогда как более поздние поражают той же

силой психологической правды, какая свойственна лучшим драмам Шекспира.

Но при всех внутренних различиях между отдельными группами сонетов, объединяет их общность поэтического принципа. «Сонеты» Шекспира от начала и до конца метафоричны. Они наполнены сравнениями, уподоблениями, и никакое явление жизни не представлено в них в плоском отражении. Красочность образов Шекспира поразительна. Он следует в ранних сонетах условным поэтическим образам других сонетистов, но, обретя полное владение формой этих маленьких лирических стихотворений, смело вводит в них образы и сравнения, почерпнутые из всех сфер жизни, включая и прозаическую повседневность.

Мастерское владение поэтическим словом, сила образности проявились и в драматургии Шекспира. Чувства и мысли героев выражены их речами, которые подобны маленьким поэмам. Молодой Шекспир увлекался поэтизацией речи героев иногда даже в ущерб действию пьес. Зрелость его гения проявилась в том органическом сочетании драматизма и поэтичности, которая характерна для комических и трагических шедевров Шекспира. Особенно наглядна эволюция поэтической речи Шекспира при сопоставлении таких произведений, как «Ромео и Джульетта» и «Антоний и Клеопатра». В ранней трагедии чуть ли не каждый монолог юных героев подобен небольшому лирическому стихотворению. В поздней трагедии лиризм скрыт, растворен в действии, поступках, скупее выражен в словах, но драматическая сила страсти героев выражена здесь с огромной мощью.

Шекспир всегда любил расцвечивать мысли своих героев поэтическими образами. Монологи Гамлета, Отелло, Лира, Макбета производят такое впечатление потому, что драматизм ситуации получает равноценное выражение в речах огромной поэтической выразительности.

Поэтическим словом Шекспир не только восполнял бедность убранства своей сцены. Она, кстати сказать, была менее бедна, чем кажется нам, привыкшим к декорациям. Театр того времени обладал своими приемами для создания необходимой иллюзии реальности. Поэзия служила Шекспиру вернейшим средством преодолеть в зрителе поверхностное любопытство к тому, что произойдет в пьесе, и, проникнув в его душу, возбудить ту силу воображения, которая помогает человеку увидеть мир лучше, чем тогда, когда он смотрит на него только с трезво практическими целями.

Это свойство Шекспира сохраняется поныне. Читаем ли мы его пьесы, смотрим ли их на сцене, наше восприятие их не ограничивается знакомством с событиями и героями. В нас возникает необъ-

ясимое ощущение всей полноты жизни, мы как бы поднимаемся на высоту, с которой видится то, что в повседневности от нас скрыто.

Наше воображение возбуждается не столько внешним действием, сколько поэзией Шекспира, связанной с этим внешним действием. Отсюда очевидно то значение, какое имеет перевод для тех, кто не может знакомиться с произведениями Шекспира в подлиннике.

Русские читатели, к счастью, находятся в выгодном положении. У нас имеется более чем полуторавековая традиция перевода произведений английского драматурга. Здесь не место излагать ее историю и оценивать отдельные переводы. Ограничимся лишь характеристикой переводов, включенных в эту книгу.

Она является избранной в двух отношениях. Само творчество Шекспира здесь нельзя было представить во всем его объеме. Можно было, правда, дать мозаику разных переводческих манер. Предпочтение было отдано относительному единству. Произведения Шекспира представлены здесь в переводах двух выдающихся современных русских поэтов.

Именно потому, что Шекспир был великим поэтом, очень важно, чтобы для читателя это утверждение не осталось отвлеченным понятием. Но поэзия не стоит на месте. За века, прошедшие со времени Шекспира, многое в ней изменилось. К тому же у каждого народа поэзия имеет свои неповторимые особенности. Все это очень усложняет задачу перевода и превращает ее в труднорешимую проблему.

История поэзии показывает, что никогда ни один поэт не мог создать перевода большого произведения, который полностью, вплоть до мельчайших деталей, воспроизводил бы подлинник. Всякий перевод по-своему ограничен, даже при максимальной добросовестности переводчика.

Более того, эта ограниченность состоит не в отсутствии точности в мелочах, а в том, что каждая эпоха по-своему воспринимает поэзию прошлых веков. В XIX веке были созданы прекрасные переводы произведений Шекспира, соответствовавшие духу русской поэзии того времени. Они и сейчас читаются с пользой и удовольствием.

Наш век создал свою поэзию. Русскому читателю нашего времени посчастливилось: два больших поэта перевели некоторые из лучших творений Шекспира, окрылив русский текст силой своего поэтического дарования. Эти переводы не зачеркивают других работ, имеющихся на русском языке. С. Маршак и Б. Пастернак обладали поэтической индивидуальностью, которая наложила печать на их переводы. При желании можно найти в их переводах частные отклонения от деталей подлинника. Но перевод не буквальная копия, а творческое

воспроизведение. Творческое начало, несомненно, присутствует в переводах С. Маршака и Б. Пастернака. В этом их достоинство, а не недостаток, и это делает их переводы не рядовым явлением в нашей переводческой литературе, а выдающимся фактом. Переводы С. Маршака и Б. Пастернака сами по себе принадлежат к большой литературе. Они внесли вклад в русскую поэзию и уже приобрели значение классических творений.

Шекспир шире и глубже, чем он представлен в этой книге, но и в ней столько богатств, что читатели найдут в ней много прекрасного. Тем, кто встречается с Шекспиром впервые, этот том пусть послужит введением в мир его поэтических образов. Тем, кто знает и любит его, несомненно, будет радостна еще одна встреча с гением, чьи произведения богаты и неисчерпаемы, как жизнь.

А. АНИКСТ

ТРАГЕДИИ

ПЕРЕВОДЫ Б. ПАСТЕРНАКА

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эскал, князь веронский.
Граф Парис, молодой человек, родственник князя.
Монтекки, Капулетти } главы двух враждующих домов.
Дядя Капулетти.
Ромео, сын Монтекки.
Меркуцио, родственник князя, друг Ромео.
Бенволио, племянник Монтекки, друг Ромео.
Тибальт, племянник леди Капулетти.
Брат Лоренцо, Брат Джованни } францисканские монахи.
Балтазар, слуга Ромео.
Самсон, Грегорио } слуги Капулетти.
Петр, слуга кормилицы.
Абрам, слуга Монтекки.
Аптекарь.
Три музыканта.
Паж Париса.
Первый горожанин.
Леди Монтекки, жена Монтекки.
Леди Капулетти, жена Капулетти.
Джульетта, дочь Капулетти.
Кормилица Джульетты.
Горожане Вероны, мужская и женская родня обоих домов, ряженые, стража, слуги. Хор.

Место действия — Верона и Мантуя.

ПРОЛОГ

Входит хор.

Хор

Две равно уважаемых семьи
В Вероне, где встречают нас событья,
Ведут междоусобные бои
И не хотят унять кровопролитья.
Друг друга любят дети главарей,
Но им судьба подстраивает козни,
И гибель их у гробовых дверей
Кладет конец непримиримой розни.
Их жизнь, любовь и смерть и, сверх того,
Мир их родителей на их могиле
На два часа составят существо
Разыгрываемой пред вами были.
Помилостивей к слабостям пера —
Их сгладить постарается игра.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Верона. Площадь.

Входят Самсон и Грегорио, слуги Капулетти, с мечами и щитами.

Самсон. Грегорио, уговор: перед ними не срамиться.

Грегорио. Что ты! Наоборот. Кого ни встречу, сам осрамлю.

Самсон. Зададим им баню!

Грегорио. Самим бы выйти сухими из воды.

Самсон. Я скор на руку, как раскипячусь.

Грегорио. Раскипятить-то тебя — не скорое дело.

Самсон. При виде монтекковских шавок, я вскипаю, как кипяток.

Грегорио. Кипеть — уйдешь. Вскипишь — и паутек, как молоко. А смелый упрется — не сдвинуть.

Самсон. Перед шавками из дома Монтекки я упрусь — не сдвинуть. Всех сотру в порошок: и молодцов и девок.

Грегорио. Подумаешь, какой ураган!

Самсон. Всех до одного. Молодцов в сторону, а девок по углам и в щель.

Грегорио. Ссора-то ведь господская и между мужской прислугой.

Самсон. Все равно. Слажу с мужской, примусь за женскую. Всем покажу свою силу.

Грегорио. И бедным девочкам?

Самсон. Пока хватит мочи, и девочкам. Я, слава богу, кусок мяса не малый.

Грегорио. Хорошо, что ты не рыба, а то был бы ты соленой треской. Скорей, где твой меч? Вон двое монтекковских.

Самсон. Готово, меч вынут. Задери их. Я тебя не оставлю.

Грегорио. Это еще что за разговор? Как! Струсить и показать пятки?

Самсон. Обо мне не беспокойся.

Грегорио. Есть о ком беспокоиться!

Самсон. Выведем их из себя. Если они начнут драку первыми, закон будет на нашей стороне.

Грегорио. Я скорчу злое лицо, когда пройду мимо. Посмотрим, что они сделают.

Самсон. Я буду грызть ноготь по их адресу. Они будут опозорены, если смолчат.

Входят Абрам и Балтазар.

Абрам. Не на наш ли счет вы грызете ноготь, сэр?

Самсон. Грызу ноготь, сэр.

Абрам. Не на наш ли счет вы грызете ноготь, сэр?

Самсон *(вполголоса Грегорио)*. Если это подтвердить, закон на нашей стороне?

Грегорио *(вполголоса Самсону)*. Ни в коем случае.

Самсон. Нет, я грызу ноготь не на ваш счет, сэр. А грызу, говорю, ноготь, сэр.

Грегорио. Вы набиваетесь на драку, сэр?

Абрам. Я, сэр? Нет, сэр.

Самсон. Если набиваетесь, я к вашим услугам. Я проживаю у господ ничуть не хуже ваших.

Абрам. Но и не у лучших.

Грегорио *(в сторону, Самсону, заметив вдали Тибальта)*. Говори — у лучших. Вон один из хозяйской родни.

Самсон. У лучших, сэр.

Абрам. Вы лжете!

Входит Бенволио.

Самсон. Деритесь, если вы мужчины! Грегорио, покажи-ка им свой молодецкий удар.

Дерутся.

Бенволио

Оружье прочь — и мигом по местам!
Не знаете, что делаете, дурни.
(Выбивает у них мечи из рук.)

Входит Тибальт.

Тибальт

Как, ты сцепился с этим мужичьем?
Вот смерть твоя — оборотись, Бенвольо!

Бенволио

Хочу их помирить. Вложи свой меч,
Или давай их сообща разнимем.

Тибальт

Мне ненавистен мир и слово «мир»,
Как ненавистен ты и все Монтекки.
Постой же, трус!

Дерутся.

Входят приверженцы обоих домов и присоединяются к дерущимся; затем горожане с дубинками и алебардами.

Первый горожанин

Сюда с дубьем и кольями! Лупи!
Долой Монтекки вместе с Капулетти!

Входят Капулетти в халате и леди Капулетти.

Капулетти

Что тут за шум? Где меч мой боевой?

Леди Капулетти
Костыль ему! Меча недоставало!
Капулетти
Подать мне меч! Монтекки — на дворе
И на меня свое оружье поднял.

Входят Монтекки и леди Монтекки.

Монтекки
Ты, Капулетти, плут! Пусти, жена!
Леди Монтекки
К дерущимся не дам ступить ни шагу!

Входит князь со свитой.

Князь
Изменники, убийцы тишины,
Грязнящие железо братской кровью!
Не люди, а подобия зверей,
Гасящие пожар смертельной розни
Струями красной жидкости из жил!
Кому я говорю? Под страхом пыток
Бросайте шпаги из бесславных рук
И выслушайте княжескую волю.
Три раза под влияньем вздорных слов
Вы оба, Капулетти и Монтекки,
Резней смущали уличный покой.
Сняв мантии, советники Вероны
Сжимали трижды в старческих руках
От ветхости тупые алебарды,
Решая тяжбу дряхлой старины.
И если вы хоть раз столкнетесь снова,
Вы жизнью мне заплатите за все.
На этот раз пусть люди разойдутся.
Вы, Капулетти, следуйте за мной,
А вас я жду, Монтекки, в Виллафранке
По делу этому в теченье дня.
Итак, под страхом смерти — разойдитесь!

Все уходят, кроме Монтекки, леди Монтекки и Бенволио.

Монтекки
Кто сызнова затеял этот спор?
Скажи, племянник, ты ведь был при этом?
Бенволио
Я нашу дворню с челядью врага
Уже застал в разгаре рукопашной.

Едва я стал их разнимать, как вдруг
Неистовый Тибальт вбежал со шпагой
И ею стал махать над головой.
Он вызывал меня на бой, а ветер
Насмешливо свистел ему в ответ.
Пока чередовали мы удары,
С толпой людей, сбежавшихся на зов,
Явился князь и рознял драчунов.

Леди Монтекки

А где Ромео? Виделись вы с ним?
Он не был тут? Он правда невредим?

Бенволио

Сударыня, за час пред тем, как солнце
Окно востока золотом зажгло,
Я в беспокойстве вышел на прогулку.
Пересекая рощу сикомор,
У западных ворот я натолкнулся
На сына вашего. Он там гулял
В такую рань. Я зашагал вдогонку.
Узнав меня, он скрылся в глубине,
И так как он искал уединенья,
То я его оставил одного.

Монтекки

Его там часто по утрам видали.
Он бродит и росистый пар лугов
Парами слез и дымкой вздохов множит.
Однако, только солнце распахнет
Постельный полог в спальне у Авроры,
Мой сын угрюмо тащится домой,
Кидается в свой потаенный угол
И занавесками средь бела дня
Заводит в нем искусственную полночь.
Откуда этот неотступный мрак?
Хочу понять и не пойму никак.

Бенволио

Вы знаете причину, милый дядя?

Монтекки

Не ведаю и не могу узнать.

Бенволио

С расспросами к нему вы обращались?

Монтекки

А как же! Я и лучшие друзья.
Но он непроницаем для расспросов

И отовсюду так же защищен,
Как червяком прокушенная почка,
Которая не выгонит листа
И солнцу не откроет сердцевины.
Ты спрашиваешь, знаю ль я причину?
Когда б я знал печали этой суть,
Я б излечил больного чем-нибудь.

Входит Ромео.

Бенволио
А вот и он. Вы здесь как бы случайно.
Увидите, я доберусь до тайны.
Монтекки
Пойдем, жена. Оставим их вдвоем,
Как исповедника с духовником.

Монтекки и леди Монтекки уходят.

Бенволио
Ромео, с добрым утром!
Ромео
Разве утро?
Бенволио
Десятый час.
Ромео
Как долог час тоски!
Что это, не отец мой удалился?
Бенволио
Да, твой отец. Какая же тоска
Тебе часы, Ромео, удлиняет?
Ромео
Тоска о том, кто б мог их сократить.
Бенволио
Ты по любви тоскуешь?
Ромео
Нет.
Бенволио
Ты любишь?
Ромео
Да, и томлюсь тоскою по любви.
Бенволио
О, эта кроткая на вид любовь
Как на поверку зла, неумолима!

«Ромео и Джульетта», акт первый
Д. Шмаринов

Ромео

Как сразу, несмотря на слепоту,
Находит уязвимую пяту! —
Где мы обедать будем? — Сколько крови!
Не говори о свалке. Я слыхал.
И ненависть мучительна и нежность.
И ненависть и нежность — тот же пыл
Слепых, из ничего возникших сил,
Пустая тягость, тяжкая забава,
Нестройное собранье стройных форм,
Холодный жар, смертельное здоровье,
Бессонный сон, который глубже сна.
Вот какова, и хуже льда и камня,
Моя любовь, которая тяжка мне.
Ты не смеешься?

Бенволио

Нет, скорее плачу.

Ромео

О чем, дружок?

Бенволио

В ответ слезам твоим.

Ромео

Какое зло мы добротой творим!
С меня и собственной тоски довольно,
А ты участьем делаешь мне больно.
Заботами своими обо мне
Мою печаль ты растравил вдвойне.
Что есть любовь? Безумье от угара.
Игра огнем, ведущая к пожару.
Воспламенившееся море слез,
Раздумье — необдуманности ради,
Смешенье яда и противоядья.
Прощай, дружок.

Бенволио

Постой, ты слишком скор.
Пойду и я, но кончим разговор.

Ромео

Я потерял себя, и я не тут.
Ромео нет, Ромео не найдут.

Бенволио

Нет, не шутя скажи: кого ты любишь?

Ромео

А разве шутки были до сих пор?

Бенволио

Конечно, нет. Но кто она, без шуток?

Ромео

Скажи больному у его одра,
Что не на шутку умирать пора.
Она не в шутку женщина, приятель.

Бенволио

Я так и знал, и бью не в бровь, а в глаз.

Ромео

Лихой стрелок, но дева не про нас.

Бенволио

Чем лучше цель, тем целимся мы метче.

Ромео

Сюда неприложимы эти речи.
У ней душа Дианы, Купидон
Не страшен девственнице и смешон.
Она не сдастся на умильность взора
Ни за какие золотые горы.
Красавица, она свой мир красот
Нетронутым в могилу унесет.

Бенволио

А что, она дала обет безбрачья?

Ромео

Увы, дала и справится с задачей.
От этой девы и ее поста
Останется в потомстве пустота.
Она такая строгая святая,
Что я надежд на счастье не питаю,
Ей в праведности жить, а мне конец:
Я не жилец на свете, я мертвец.

Бенволио

Советую, брось помыслы о ней.

Ромео

Так посоветуй, как мне бросить думать.

Бенволио

Дай волю и простор своим глазам —
Другими полюбуйся.

Ромео

Это способ
Признать за ней тем больше совершенств.
В разрезах черных масок с большей силой
Сверкают лица женщин белизной.
Ослепший вечно помнит драгоценность

Утраченного зренья. А в чертах
Красавиц я прочту напоминанье
О той, кто без сравненья лучше всех.
Забвенью все же я не научился.

Бенволио

Я научу, как ты бы ни крепился.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Улица.

Входят Капулетти, Парис и слуга.

Капулетти

Монтекки и меня оштрафовали.
А разве трудно было б жить в ладу?

Парис

Да, это странно. Два почтенных старца —
И почему-то вечно на ножах.
Однако вы мне не дали ответа.

Капулетти

Я повторю, что я уже сказал:
Ведь дочь моя совсем еще ребенок,
Ей нет еще четырнадцати лет.
Еще повремените два годочка,
И мы невестою объявим дочку.

Парис

Вступают в брак моложе, чем она.

Капулетти

Но эта зрелость ранняя вредна.
Мои надежды пожрала могила,
И небо только дочь мне сохранило.
Столкуйтесь с нею, дорогой Парис,—
Вот все, что надо, чтобы мы сошлись.
Узнайте наперед ее желанья,
А я благословляю вас заране.
Сегодня вечером у нас прием —
Мы ежегодный праздник задаем.
Тут соберется множество народа.
Мы будем рады вашему приходу.
Вы попадете на богатый съезд,
Как звезды ночи, блещущих невест
И будете свидетелем веселья,

Подобного разливу вод в апреле.
Когда вас окружит их хоровод
И вы очутитесь среди красот,
Решите вы, какая с большей силой
Воображенье ваше поразила.
Без права на такую похвалу
Дочь будет тоже ночью на балу.
Пойдемте, граф.
(Слуге, отдавая ему записку.)
А ты, мошенник низкий,
Всех приглашенных обойди по списку.
Скажи гостям, чье имя здесь стоит,
Что вход для них широко к нам открыт.

Капулетти и Парис уходят.

Слуга. «Обойди по списку, обойди по списку»! А кто поймет этот список? А может, тут написано, что дело сапожника — аршин, а дело портного — колодка. «Обойди по списку»! А может, тут написано, что рыбу ловят кистью, а крыши красят неводами. «Скажи гостям, чье имя здесь стоит»! А ты мне скажи, чье здесь стоит имя? Для этого есть которые умеющие. Да вот они! Легки на помине.

Входят Бенволио и Ромео.

Бенволио
Молчи, мой друг. Огонь огнем встречают,
Беду — бедой и хворью лечат хворь,
Круженьем вспять круженье прекращают,
И ты с бедою точно так же спорь.
Схватить старайся новую заразу,
И прежняя не вспомнится ни разу.
Ромео
Хорош при этом также подорожник.
Бенволио
При чем, дружок?
Ромео
При переломе ног.
Бенволио
Да ты не спятил?
Ромео
Нет, совсем не спятил,
Но на цепи, как спятивший с ума,
Замучен и в смирительной рубашке.

Слуга

Здорово, сэр. Вы мастер ли читать?

Ромео

О да! Свой жребий по складам несчастий.

Слуга. Спасибо за откровенность. А нам надо, которые по писаному.

Ромео. Куда ты? Я пошутил. Дай я прочту. *(Читает.)* «Позвать синьора Мартино с супругой и дочерьми; графа Ансельмо с его прекрасными сестрами; вдовствующую госпожу Витрувио; синьора Плаченцо и его милых племянниц; Меркуцио с его братом Валентином; дядю Капулетти с женой и дочерьми; прелестную племянницу Розалину; Ливию; синьора Валенцио с его братом Тибальтом; Лючио и его резвушку Елену».

Прекрасный выбор! А куда их ждут?

Слуга

Вон в тот конец.

Ромео

Куда?

Слуга

К нам в дом на ужин.

Ромео

В чей дом?

Слуга

Хозяйский дом.

Ромео

Об этом всём
Я должен был спросить тебя сначала.

Слуга. Это я вам сам скажу. Мой хозяин — богач Капулетти. Может, слыхали? Если вы не родня Монтекки, пожалуйте к нам на чарочку. *(Уходит.)*

Бенволио

У Капулетти, кроме Розалины,
Твоей зазнобы, будут на балу
Виднейшие красавицы Вероны.
Пойдем туда. Когда ты их сравнишь
С твоею павой непредубежденно,
Она тебе покажется вороной.

Ромео

О, если вы такие святотатцы,
Богоотступных глаз моих зрачки,
Пусть ваши слезы в пламя обратятся
И вы сгорите, как еретики!

Неужто зреньем бог меня обидел,
Чтоб я на небе солнца не увидел?

Бенволио

Но ты ведь солнца этого красы
Еще не клал ни разу на весы.
Взгляни кругом на тех, что попригожей,
И вряд ли будешь петь одно и то же.
Быть может, твой единственный алмаз
Простым стеклом окажется на глаз.

Ромео

Пойдем на бал, но не на смотр собранья,
А ради той, кто выше описаний.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Комната в доме Капулетти.

Входят леди Капулетти и кормилица.

Леди Капулетти

Кормилица, скорее: где Джульетта?

Кормилица

Клянусь былой невинностью, звала.
Джульетта, где ты? Что за непоседа!
Куда девалась ярочка моя?

Входит Джульетта.

Джульетта

Ну, что еще?

Кормилица

Тебя зовет мамаша.

Джульетта

Я здесь. Что, матушка, угодно вам?

Леди Капулетти. Сейчас. Кормилица, выйди на минуту, мы поговорим. Впрочем, постой, не уходи, тебе лучше послушать. Моя дочь порядком подросла.

Кормилица. Помилуйте, я ее лета сочту до часочка.

Леди Капулетти. Ей нет четырнадцати лет.

Кормилица. Я прозакладую своих четырнадцать зубов, даром что их только четыре, что нету. Сколько до Петрова дня?

Леди Капулетти. Две недели с лишним.

Кормилица. С лишним или без лишнего, не об этом спор, а четырнадцать ей минет на Петров день, я вам верно говорю. Она и Сусанна — упокой ее, господи! — были ровесницы. Но я ее не стоила, и ее господь прибрал. А четырнадцать ей минет на Петров день, это вы не сомневайтесь, я хорошо помню. Этому трясенью земли, вы теперь сосчитайте, полных одиннадцать годов. А в самое трясенье, как сейчас помню, я ее отлучила. Натерла я себе соски полынью и села у голубятни на солнечный припек. Вы с их милостью были в Мантуе, ну скажите, какова память! Хватила она, родимая, с соска полыни и закатилась — не приведи бог! В это самое время голубятня передо мною кувырк, и я, само собой, оттуда давай бог ноги. А этому делу теперь полных одиннадцать годов. Она уже тогда на ножки становилась — да что я, на ножки! — бегала уже и ходила, ей-богу, правда, истинный господь! Теперь я вам скажу, расшибла она себе в то время лобик. И вот мой муж... царство ему небесное, ужасный был шутник!.. взял он ребенка на руки и говорит: «Лицом, говорит, Джулинька, падать не годится. Вырастешь, будешь, говорит, норовить упасть на спину. Будешь?» — говорит. И что же вы думаете? Утерла моя крошка слезы и отвечает ему: «Да». Вы подумайте, что за смехота! Тысячу лет проживу и никогда не забуду. «Будешь, говорит, на спину, Джулинька?» И она, как ни в чем не бывало, отвечает ему: «Да».

Леди Капулетти. Довольно болтать! Замолчи, пожалуйста!

Кормилица. Слушаю, сударыня. Но скажите, разве не умора? Угомонилась в минуту и, не задумываясь, отвечает ему «да», а ведь шишка-то была здоровенная, с голубиное яйцо, и плакала она горючими слезами. «Лицом, говорит, падать не годится. Вырастешь, будешь, говорит, на спину? Будешь?» — говорит. И эта крошка отвечает ему «да» и разом угомонилась.

Джульетта

Угомонись, кормилица, и ты.

Кормилица. Слушаюсь, больше не буду. Из моих питомиц ты была самая хорошенькая. Дожить бы мне до твоей свадьбы, то-то была бы радость!

Леди Капулетти

До свадьбы? А о свадьбе-то и речь.
Затем пришла. Скажи-ка мне, Джульетта,
К замужеству как ты бы отнеслась?

Джульетта

Об этой чести я не помышляла.

Кормилица. Об этой чести? Вы подумайте! Жаль, я твоя кормилица, а то можно было бы сказать, что ты ум с молоком всосала.

Леди Капулетти

Так вот подумай. Меньших лет, чем ты,
Становятся в Вероне матерями,
А я тебя и раньше родила.
Итак, покуда второпях и вкратце:
К нам за тебя посватался Парис.

Кормилица. Ну, это, барышня моя, мужчина на славу! Такой мужчина, что объедешь целый свет — лучшего не сыщешь. Не человек, а картинка.

Леди Капулетти

Цветок, каких Верона не видала.

Кормилица

Цветок, нет слова. Слова нет, цветок.

Леди Капулетти

Что скажешь? По́ сердцу ли он тебе?
Сегодня на балу его изучишь.
Прочти, как в книге, на его лице
Намеки ласки и очарованья.
Сличи его черты, как письмена,
Измерь, какая в каждой глубина,
А если что останется в тумане,
Ищи всему в глазах истолкованья.
Вот где тебе блаженства полный свод,
И переплета лишь недостает.
Как рыба — глуби, с той же силой самой
Картина требует красивой рамы,
И золотое содержанье книг
Нуждается в застежках золотых.
Вот так и ты, подумавши о муже,
Не сделаешься меньше или хуже.

Кормилица. Не сделаешься меньше! Больше, сударыня, больше. От мужчин женщины полнеют.

Леди Капулетти

Ну, как, займешься ль ты его особой?

Джульетта

Еще не знаю. Надо сделать пробу.
Но это лишь единственно для вас.
Я только исполняю ваш приказ.

Входит слуга.

Слуга. Сударыня, гости пришли, кушать подано, вас кличут не докличутся, каждый спрашивает барышню, в кладовой на чем свет стоит ругают кормилицу, и всё вверх дном. Побегу к гостям. Сделайте милость, пожалуйте безотлагательно.

Леди Капулетти

Идем.

Слуга уходит.

Скорей, Джульетта! Граф уж там.

Кормилица

Благих ночей в придачу к добрым дням!

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Улица.

Входят Ромео, Меркуцио и Бенволио с пятью или шестью ряженными, факельщики и мальчик с барабаном.

Ромео

Прочесть ли нам приветствие в стихах
Или войти без лишних предисловий?

Бенволио

Нет, в наше время это не в ходу.
Мы сможем обойтись без Купидона
С повязкой шерстяною на глазах,
С татарским луком из лыковой дранки,
Который видом так бывал нелеп,
Что дамам был страшней вороньих пугал.
Нам не придется никого томить
Экспромтами при помощи суфлера.
Под дудку их не будем мы плясать,
А сплясом под свою и удалимся.

Ромео

Тогда дай факел мне. Я огорчен
И не плясун. Я факельщиком буду.

Меркуцио

Ромео, нет, от танцев не уйдешь.

Ромео

Уволь меня. Вы в легких бальных туфлях,
А я придавлен тяжестью к земле.

Меркуцио

Ведь ты влюблен, так крыльями амура
Решительней взмахни и оторвись.

Ромео

Он пригвоздил меня стрелой навылет.
Я ранен так, что крылья не несут.
Под бременем любви я подгибаюсь.

Меркуцио

Повалишься, ее не придави:
Она нежна для твоего паденья.

Ромео

Любовь нежна? Она груба и зла.
И колется и жжется, как терновник.

Меркуцио

А если так, будь тоже с ней жесток,
Коли и жги, и будете вы квиты.
Однако время маску надевать.
Ну, вот и всё, и на лице личина.
Теперь пусть мне что знают говорят:
Я ряженый, пусть маска и краснеет.

Бенволио

Стучитесь в дверь, и только мы войдем —
Все в пляс, и пошевеливай ногами.

Ромео

Дай факел мне. Пусть пляшут дураки.
Половики не для меня стелили.
Я ж со свечой, как деды говорили,
Игру понаблюдаю из-за плеч,
Хоть, кажется, она не стоит свеч.

Меркуцио

Ах, факельщик, своей любовью пылкой
Ты надоел, как чадная коптилка!
Стучись в подъезд, чтоб не истлеть живьем.
Мы днем огонь, как говорится, жжем.

Ромео

Таскаться в гости — добрая затея,
Но не к добру.

Меркуцио

А чем, спросить посмею?

Ромео

Я видел сон.

Меркуцио

Представь себе, и я.

Ромео

Что видел ты?

Меркуцио

Что сны — галиматья.

Ромео

А я не ошибался в них ни разу.

Меркуцио

Все королева Маб. Ее проказы.
Она родоприемница у фей,
А по размерам — с камушек агата
В кольце у мэра. По ночам она
На шестерне пылинок цугом ездит
Вдоль по носам у нас, пока мы спим.
В колесах — спицы из паучьих лапок,
Каретный верх — из крыльев саранчи,
Ремни гужей — из ниток паутины,
И хомуты — из капелек росы.
На кость сверчка накручен хлыст из пены,
Комар на козлах — ростом с червячка,
Из тех, которые от сонной лени
Заводятся в ногтях у мастериц.
Ее возок — пустой лесной орешек.
Ей смастерили этот экипаж
Каретники волшебниц — жук и белка.
Она пересекает по ночам
Мозг любящих, которым снится нежность,
Горбы вельмож, которым снится двор,
Усы судей, которым снятся взятки,
И губы дев, которым спится страсть.
Шалунья Маб их сыпью покрывает
За то, что падки к сладким пирожкам.
Подкатит к переносице сутяги,
И он почует тяжбы аромат.
Щетинкой под ноздрею пощекочет
У пастора, и тот увидит сон
О прибыльности нового прихода.
С разбегу ринется за воротник
Солдату, и ему во сне приснятся
Побоища, испанские ножи,
И чары в два ведра, и барабаны.
В испуге вскакивает он со сна
И крестится, дрожа, и засыпает.
Все это плутни королевы Маб.
Она в конюшнях гривы заплетает
И волосы сбивает колтуном,

Который расплетать небезопасно.
Под нею спят девушки во сне,
Заранее готовясь к материнству.
Вот эта Маб...

Ромео

Меркуцио, молчи.
Ты пустомеля.

Меркуцио

Речь о сновиденьях.
Они плоды бездельницы-мечты
И спящего досужего сознанья.
Их вещество — как воздух, а скачки —
Как взрывы ветра, рыщущего слепо
То к северу, то с севера на юг
В приливе ласки и порыве гнева.

Бенволио

Не застудил бы этот ветер твой
Нам ужина, пока мы сдуру медлим.

Ромео

Не сдуру медлим, а не в срок спешим.
Добра не жду. Неведомое что-то,
Что спрятано пока еще во тьме,
Но зародится с нынешнего бала,
Безвременно укоротит мне жизнь
Виной каких-то страшных обстоятельств.
Но тот, кто направляет мой корабль,
Уж поднял парус. Господа, войдемте!

Бенволио

Бей в барабан!

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Зал в доме Капулетти.

Музыканты. Слуги с салфетками.

Первый слуга. Где Антон Сотейщик? Отчего не помогает убирать? Так и липнет к объедкам! Так и возит языком!

Второй слуга. Плохо дело, когда вся работа на одном или двух, да и у тех руки немытые.

Первый слуга. Резные кресла вон, горки с посудой — к стене. Присматривай за серебром. Припрячь мне, дорогой

мой, кусок марципану и, если любишь меня, предупреди внизу у входа, чтобы пропустили Надежду Наждачницу и Нелли. Антон Сотейщик!

Третий слуга. Здесь я. Об чем крик?

Первый слуга. В большой комнате тебя зовут, кличут, требуют, и уж не знаю, как сказать.

Третий слуга. Всюду не поспеешь, надвое не разорваться. Веселей поворачивайся, ребята! Поживешь дольше — наживешь больше.

Входят Капулетти, леди Капулетти, Джульетта и Тибальт с домашними навстречу гостям и ряженым.

Капулетти

Привет, синьоры! Дамам без мозолей
У нас работы хватит до утра.
Что скажете, красавицы? Какая
Не станет после этого плясать?
Сейчас и заподозрим, что мозоли.
Вот видите, у нас вы и в руках.
Привет, синьоры! Дамам, было время,
И я признанья на ухо шептал.
То время миновало, миновало...

Входят Ромео, Меркуцио, Бенволио и другие.

Привет, друзья! Играйте, музыканты!
С дороги все! Танцоры, дамы — в круг!

Музыка. Гости танцуют.

Побольше света! Отодвиньте стулья!
Залейте жар в камине: духота.
(Дяде Капулетти.)
Глядишь на танцы, так и разбирает.
Нет, что вы, сядьте, где уж нам плясать!
Когда, скажите, дядя Капулетти,
Плясали в масках мы в последний раз?

Дядя Капулетти

Да, думаю, тому назад лет тридцать.

Капулетти

О нет, не так давно, не так давно!
Считайте, сколько лет женат Люченцо?
Никак не больше двадцати пяти.
На свадьбе у него мы и плясали.

Дядя Капулетти

Да нет, их сыну тридцать с чем-то лет.

Капулетти

Он только год, как вышел из опеки.

Ромео *(слуге из своей компании)*

Кто эта барышня, с которой в ряд
Стал этот кавалер?

Слуга

Не знаю, сударь.

Ромео

Ее сиянье факелы затмило.
Она, подобно яркому бериллу
В ушах арапки, чересчур светла
Для мира безобразия и зла.
Как голубя среди вороньей стаи,
Ее в толпе я сразу отличаю.
Я к ней пробьюсь и посмотрю в упор.
Любил ли я хоть раз до этих пор?
О нет, то были ложные богини.
Я истинной красы не знал доныне.

Тибальт

Мне показалось, голосом — Монтекки.
Мальчишка, шпагу! Этот негодяй
Осмелился пробраться к нам под маской
В насмешку над семейным торжеством!
Ну что ж, у нас находчивости хватит.
Он жизнью мне за этот шаг заплатит.

Капулетти

Мой дорогой, зачем ты поднял крик?

Тибальт

У нас Монтекки! Как он к нам проник?
Врывается к нам, ни на что не глядя,
Чтобы позорить нас на маскараде!

Капулетти

Ты о Ромео?

Тибальт

О дрянном Ромео.

Капулетти

Приди в себя. Что ты к нему пристал?
Он держится, как должно, и в Вероне
Единогласно признан, говорят,
Примером истинного благородства.
За все богатства мира я не дам
Кому-нибудь у нас его обидеть.

Оставь его, вот мой тебе приказ.
И если для тебя я что-то значу,
Развеселись и больше лба не хмурь.
В гостях надутость эта неуместна.

Тибальт

Нет, к месту, если лишние в гостях.
Я не снесу...

Капулетти

Снесешь, когда прикажут!
Вы слышали? Каков! Он не снесет!
Он не снесет! Не я, а он хозяин!
Он не снесет! Он мне, того гляди,
В моей гостиной общество взбунтует!
Он главный тут! Он всё! Он коновод!

Тибальт

Но, дядя, это срам.

Капулетти

Без разговоров!
Угомонись!
(Гостям.)
Так, так. Не может быть!
(Тибальту.)
Он будет мне давать еще советы!
(Гостям.)
Не может быть!
(Тибальту.)
Ты неуч и буян!
Учись манерам.
(Слугам.)
Свету, больше свету!
(Тибальту.)
Добром не хочешь — силой научу.
(Гостям.)
Что за разброд? Дружнее, дорогие!

Тибальт

Уйти, смиреньем победивши злость?
Что ж, и уйду. Но ваш незваный гость,
Которого нельзя побеспокоить,
Еще вам будет много крови стоить!
(Уходит.)

Ромео *(одетый монахом, Джульетте)*

Я ваших рук рукой коснулся грубой.
Чтоб смыть кощунство, я даю обет:

К угоднице спаломничают губы
И зацелуют святотатства след.

Джульетта

Святой отец, пожатье рук законно.
Пожатье рук — естественный привет.
Паломники святыням бьют поклоны.
Прикладываться надобности нет.

Ромео

Однако губы нам даны на что-то?

Джульетта

Святой отец, молитвы воссылать.

Ромео

Так вот молитва: дайте им работу.
Склоните слух ко мне, святая мать.

Джульетта

Я слух склоню, но двигаться не стану.

Ромео

Не надо наклоняться, сам достану.

(Целует ее.)

Вот с губ моих весь грех теперь и снят.

Джульетта

Зато мои впервые им покрылись.

Ромео

Тогда отдайте мне его назад.

Джульетта

Мой друг, где целоваться вы учились?

Кормилица

Тебя зовет мамаша на два слова.

Джульетта уходит.

Ромео

А кто она?

Кормилица

Да вы-то сами где?
Она глава семьи, хозяйка дома.
Я в мамках тут и выходила дочь.
Вы с ней сейчас стояли. Помяните:
Кто женится на ней, тот заберет
Хороший куш.

Ромео

Так это Капулетти?
Я у врага в руках и пойман в сети!

Бенволио

Прощайся. Вижу, шутка удалась.

Ромео

И даже чересчур на этот раз.

Капулетти

О нет, куда вы, господа, так рано?
Вон слуги с прохладительным идут.
Не можете? Торопитесь? Ну что же,
Благодарю. Прощайте. Добрый путь.
Светите им! А я на боковую.
Ах, черт, а ведь и правда поздний час!
Пора в постель.

Капулетти и другие уходят.

Джульетта

Кормилица, послушай:
Кто этот гость у выхода в углу?

Кормилица

Сын и наследник старика Тиберьо.

Бенволио уходит.

Джульетта

А этот вот, который стал в дверях?

Кормилица

А это, кажется, Петручьо-младший.

Меркуцио уходит.

Джульетта

А тот, который подошел к нему
И не охотник танцевать?

Ромео уходит.

Кормилица

Не знаю.

Джульетта

Поди узнай-ка.

Кормилица удаляется к расходящимся.

Если он женат,
Пусть для венчанья саван мне кроят.

Кормилица *(возвращаясь)*

Его зовут Ромео. Он Монтекки,
Сын вашего заклятого врага.

Джульетта

Я воплощенье ненавистной силы
Некстати по незнанью полюбила!

Что могут обещать мне времена,
Когда врагом я так увлечена?

Кормилица

Что ты бормочешь?

Джульетта

Так, стихи, пустое.
На танцах в парке кто-то подсказал.

Леди Капулетти *(за сценой)*

Джульетта!

Кормилица

Слышим, слышим! Знаю, знаю!
Все разошлись. Пойдем и мы, родная.

Уходят. Входит хор.

Хор

Былая страсть лежит на смертном ложе,
И новая на смену ей пришла.
И бывшая Ромео всех дороже
Перед Джульеттой больше не мила.
Хотя любовь их все непобедимей,
Они пока еще разделены.
Исконная вражда семей меж ними
Разрыла пропасть страшной глубины.
В ее семье Монтекки ненавидят,
В глазах родни Ромео не жених.
Когда и где она его увидит
И как спасет от ненависти их?
Но страсть их учит побеждать страданье
И им находит способ для свиданья.

Хор уходит.

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

У стены сада Капулетти.

Входит Ромео.

Ромео

Куда уйду я, если сердце здесь?
Вращайся вкруг планеты, бедный спутник!
(Перелезает через стену сада.)

Входят Бенволио и Меркуцио.

Бенволио
Ромео, стой!
Меркуцио
Ромео не дурак:
Он дома и, наверное, в постели.
Бенволио
Он перелез чрез эту стену в сад.
Погромче позови его, Меркуцио.
Меркуцио
Звать мало — вызову его, как тень.
Ромео! Сумасшедший обожатель!
Стань предо мной, как облачко, как вздох!
Произнеси полстрочки, и довольно.
Скажи «увы». Срифмуй «любовь» и «кровь».
К Венере обратись иль Купидону.
Скажи, что это мерзкий сорванец
С подбитым глазом. Расскажи легенду
О нищей и царе Кофетуа.
Не слышит, не колышется, не дышит.
Бедняга мертв, а я зову его!
Зову тебя во имя Розалины,
Ее горящих глаз и влажных губ,
Крутого лба и стройных ног и бедер
И прочих околичностей, проснись
И выйди к нам.
Бенволио
Он может рассердиться.
Меркуцио
А, собственно, на что? Иной вопрос,
Когда бы я к его любезной вызвал
Другого и оставил их вдвоем.
Но я ведь заклинаю дух Ромео
В его прямом и собственном лице.
Он должен оценить, а не сердиться.
Бенволио
Идем отсюда. Он засел в кустах.
Его слепые чувства одолели.
Меркуцио
Слепая страсть не достигает цели.
Он, верно, тут, под деревом, застыл
И сожалеет, что его царица
Не ягода садовая кизил,
Чтоб в рот к нему без косточки свалиться.

О, если б ягодой она была!
Ну и дурак набитый ты, Ромео!
Прощай, однако. Поспешу в постель.
В твоей походной койке страшный холод.
Идем, Бенволио.

Бенволио

Идем. Зачем
Искать того, кто найден быть не хочет?

СЦЕНА ВТОРАЯ

Сад Капулетти.

Входит Ромео.

Ромео

Им по незнанью эта боль смешна.
Но что за блеск я вижу на балконе?
Там брезжит свет. Джульетта, ты как день!
Стань у окна, убей луну соседством;
Она и так от зависти больна,
Что ты ее затмила белизною.

На балконе показывается Джульетта.

Оставь служить богине чистоты.
Плат девственницы жалок и невзрачен.
Он не к лицу тебе. Сними его.
О милая! О жизнь моя! О радость!
Стоит, сама не зная, кто она.
Губами шевелит, но слов не слышно.
Пустое, существует взглядов речь!
О, как я глуп! С ней говорят другие.
Две самых ярких звездочки, спеша
По делу с неба отлучиться, просят
Ее глаза покамест посверкать.
Ах, если бы глаза ее на деле
Переместились на небесный свод!
При их сиянье птицы бы запели,
Приняв ночь за солнечный восход.
Стоит одна, прижав ладонь к щеке.
О чем она задумалась украдкой?

О, быть бы на ее руке перчаткой,
Перчаткой на руке!

Джульетта

О горе мне!

Ромео

Проговорила что-то. Светлый ангел,
Во мраке над моею головой
Ты реешь, как крылатый вестник неба
Вверху, на недоступной высоте,
Над изумленною толпой народа,
Которая следит за ним с земли.

Джульетта

Ромео, как мне жаль, что ты Ромео!
Отринь отца да имя измени,
А если нет, меня женою сделай,
Чтоб Капулетти больше мне не быть.

Ромео

Прислушиваться дальше иль ответить?

Джульетта

Лишь это имя мне желает зла.
Ты б был собой, не будучи Монтекки.
Что есть Монтекки? Разве так зовут
Лицо и плечи, ноги, грудь и руки?
Неужто больше нет других имен?
Что значит имя? Роза пахнет розой,
Хоть розой назови ее, хоть нет.
Ромео под любым названьем был бы
Тем верхом совершенств, какой он есть.
Зовись иначе как-нибудь, Ромео,
И всю меня бери тогда взамен!

Ромео

О, по рукам! Теперь я твой избранник!
Я новое крещение приму,
Чтоб только называться по-другому.

Джульетта

Кто это проникает в темноте
В мои мечты заветные?

Ромео

Не смею
Назвать себя по имени. Оно
Благодаря тебе мне ненавистно.
Когда б оно попалось мне в письме,
Я б разорвал бумагу с ним на клочья.

Джульетта

Десятка слов не сказано у нас,
А как уже знаком мне этот голос!
Ты не Ромео? Не Монтекки ты?

Ромео

Ни тот, ни этот: имена запретны.

Джульетта

Как ты сюда пробрался? Для чего?
Ограда высока и неприступна.
Тебе здесь неминуемая смерть,
Когда б тебя нашли мои родные.

Ромео

Меня перенесла сюда любовь,
Ее не останавливают стены.
В нужде она решается на все,
И потому — что мне твои родные!

Джульетта

Они тебя увидят и убьют.

Ромео

Твой взгляд опасней двадцати кинжалов.
Взгляни с балкона дружелюбней вниз,
И это будет мне от них кольчугой.

Джульетта

Не попадись им только на глаза!

Ромео

Меня плащом укроет ночь. Была бы
Лишь ты тепла со мною. Если ж нет,
Предпочитаю смерть от их ударов,
Чем долгий век без нежности твоей.

Джульетта

Кто показал тебе сюда дорогу?

Ромео

Ее нашла любовь. Я не моряк,
Но если б ты была на крае света,
Не медля мига, я бы, не страшась,
Пустился в море за таким товаром.

Джульетта

Мое лицо спасает темнота,
А то б я, знаешь, со стыда сгорела,
Что ты узнал так много обо мне.
Хотела б я восстановить приличье,
Да поздно, притворяться ни к чему.
Ты любишь ли меня? Я знаю, верю,

Что скажешь «да». Но ты не торопись.
Ведь ты обманешь. Говорят, Юпитер
Пренебрегает клятвами любви.
Не лги, Ромео. Это ведь не шутка.
Я легковерной, может быть, кажусь?
Ну ладно, я исправлю впечатленье
И откажу тебе в своей руке,
Чего не сделала бы добровольно.
Конечно, я так сильно влюблена,
Что глупою должна тебе казаться,
Но я честнее многих недотрог,
Которые разыгрывают скромниц.
Мне б следовало сдержаннее быть,
Но я не знала, что меня услышат.
Прости за пылкость и не принимай
Прямых речей за легкость и доступность.

Ромео

Мой друг, клянусь сияющей луной,
Посеребрившей кончики деревьев...

Джульетта

О, не клянись луною, в месяц раз
Меняющейся,— это путь к изменам.

Ромео

Так чем мне клясться?

Джульетта

Не клянись ничем
Или клянись собой, как высшим благом,
Которого достаточно для клятв.

Ромео

Клянусь, мой друг, когда бы это сердце...

Джульетта

Не надо, верю. Как ты мне ни мил,
Мне страшно, как мы скоро сговорились.
Все слишком второпях и сгоряча,
Как блеск зарниц, который потухает,
Едва сказать успеешь «блеск зарниц».
Спокойной ночи! Эта почка счастья
Готова к цвету в следующий раз.
Спокойной ночи! Я тебе желаю
Такого же пленительного сна,
Как светлый мир, которым я полна.

Ромео

Но как оставить мне тебя так скоро?

Джульетта

А что прибавить к нашему сговóру?

Ромео

Я клятву дал. Теперь клянись и ты.

Джульетта

Я первая клялась и сожалею,
Что дело в прошлом, а не впереди.

Ромео

Ты б эту клятву взять назад хотела?

Джульетта

Да, для того, чтоб дать ее опять.
Мне не подвластно то, чем я владею.
Моя любовь без дна, а доброта —
Как ширь морская. Чем я больше трачу,
Тем становлюсь безбрежней и богаче.

Голос кормилицы за сценой.

Меня зовут. Я ухожу. Прощай.—
Иду, иду! — Прости, не забывай.
Я, может быть, вернусь еще. Постой-ка.
(Уходит.)

Ромео

Святая ночь, святая ночь! А вдруг
Все это сон? Так непомерно счастье,
Так сказочно и чудно это все!

На балкон возвращается Джульетта.

Джульетта

Еще два слова. Если ты, Ромео,
Решил на мне жениться не шутя,
Дай завтра знать, когда и где венчанье.
С утра к тебе придет мой человек
Узнать на этот счет твое решенье.
Я все добро сложу к твоим ногам
И за тобой последую повсюду.

Кормилица *(за сценой)*

Голубушка!

Джульетта

Иду! Сию минуту! —
А если у тебя в уме обман,
Тогда, тогда...

Кормилица *(за сценой)*

Голубушка!

Джульетта

Немедля
Оставь меня и больше не ходи.
Я завтра справлюсь.

Ромео

Я клянусь спасеньем...

Джульетта

Сто тысяч раз прощай.
(Уходит.)

Ромео

Сто тысяч раз
Вздохну с тоской вдали от милых глаз.
К подругам мы — как школьники домой,
А от подруг — как с сумкой в класс зимой.
(Направляется к выходу.)

На балкон возвращается Джульетта.

Джульетта

Ромео, где ты? Дудочку бы мне,
Чтоб эту птичку приманить обратно!
Но я в неволе, мне кричать нельзя,
А то б я эхо довела до хрипа
Немолчным повторенъем этих слов:
Ромео, где ты? Где же ты, Ромео?

Ромео

Моя душа зовет меня опять.
Как звонки ночью голоса влюбленных!

Джульетта

Ромео!

Ромео

Милая!

Джульетта

В каком часу
Послать мне завтра за ответом?

Ромео

В девять.

Джульетта

До этого ведь целых двадцать лет!
Мученье ждать... Что я сказать хотела?

Ромео

Припомни, я покамест постою.

Джульетта

Постой, покамест я опять забуду,
Чтоб только удержать тебя опять.

Ромео

Припоминай и забывай, покуда,
Себя не помня, буду я стоять.

Джульетта

Почти светает. Шел бы ты подальше.
А как, скажи, расстаться мне с тобой?
Ты как ручная птичка щеголихи,
Привязанная ниткою к руке.
Ей то дают взлететь на весь подвесок,
То тащат вниз на шелковом шнурке.
Вот так и мы с тобой.

Ромео

Мне б так хотелось
Той птицей быть!

Джульетта

О, этого и я
Хотела бы, но я бы умертвила
Тебя своими ласками. Прощай!
Прощай, прощай, а разойтись нет мочи!
Так и твердить бы век: «Спокойной ночи».

(Уходит.)

Ромео

Прощай! Спокойный сон к тебе приди
И сладкий мир разлей в твоей груди!
А я к духовнику отправлюсь в келью
Поговорить о радости и деле.

(Уходит.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Келья брата Лоренцо.

Входит брат Лоренцо с корзиной.

Брат Лоренцо

Ночь сердится, а день исподтишка
Расписывает краской облака.
Как выпившие, кренделя рисуя,

Остатки тьмы пустились врассыпную.
Пока роса на солнце не сошла
И держится предутренняя мгла,
Наполню я свой кузовок плетеный
Целебным зельем и травою сонной.
Земля — праматерь всех пород, их цель.
Гробница их и вновь — их колыбель.
Все, что на ней, весь мир ее зеленый
Сосет ее, припав к родному лону.
Она своим твореньям без числа
Особенные свойства раздала.
Какие поразительные силы
Земля в каменья и цветы вложила!
На свете нет такого волокна,
Которым не гордилась бы она,
Как не отыщешь и такой основы,
Где не было бы ничего дурного.
Полезно все, что кстати, а не в срок —
Все блага превращаются в порок.
К примеру, этого цветка сосуды:
Одно в них хорошо, другое худо.
В его цветах — целебный аромат,
А в листьях и корнях — сильнейший яд.
Так надвое нам душу раскололи
Дух доброты и злого своеволья.
Однако в тех, где побеждает зло,
Зияет смерти черное дупло.

Ромео *(за сценой)*

Отец!

Брат Лоренцо

Благословение господне!
Кому б ко мне в такую рань сегодня?

Входит Ромео.

Ах, это ты? Вполне ли ты здоров,
Что пробудился раньше петухов?
Иное дело старость и заботы:
У них свои с бессонницею счеты.
Но в молодые годы крепкий сон,
Мне кажется, единственный закон.
Ты неспроста горишь усердьем ранним,
А по каким-то важным основаньям.
Ты должен был по нездоровью встать,

А то и вовсе не ложился спать?

Ромео

Ты прав. Об этом не было помину.

Брат Лоренцо

Прости, господь! Ты был у Розалины?

Ромео

Нет, с Розалиной у меня конец.
Я имя позабыл ее, отец.

Брат Лоренцо

Я одобряю. Что ж ты так сияешь?

Ромео

Сейчас, отец, ты главное узнаешь:
Вчера я ранен был, придя на бал,
И на удар ударом отвечал.
Перевяжи нас поскорей обоих.
Вот я зачем в твоих святых покоях.
Как заповедь твоя мне дорога!
Я зла не помню и простил врага.

Брат Лоренцо

Попроще, сын. Что отвечать я стану,
Когда так исповедь твоя туманна?

Ромео

Дочь Капулетти, знай, я полюбил,
И ей такую же любовь внушил.
Мы друг без друга часа не протянем,
Все слажено, и дело за венчаньем.
Теперь скорее по делам пойдем.
Подробности я расскажу потом.
Но раньше мне пообещай, однако,
Сегодня взяться за свершенье брака.

Брат Лоренцо

Святой Франциск, какой переворот!
О Розалине уж и речь нейдет.
Привязанности нашей молодежи
Не в душах, а в концах ресниц, похоже.
Скажи, по ком недавно, вертопрах,
Я видел слезы на твоих глазах?
Рассолу сколько, жалости в приправу,
Без всякой пользы вылито в канаву?
Давно ли замер твой последний вздох?
Давно ли безутешный стон заглох
И побледнели слез следы и пятна?
Чьи это были чувства, непонятно.

Я, может, ошибаюсь и похвал
В честь Розалины ты не расточал?
Но если так мужское слово шатко,
Какого ждать от женщины порядка?

Ромео

Не за нее ль бывал мне нагоняй?

Брат Лоренцо

Не за нее — за резвость через край.

Ромео

Вот я и охладел к ней тем скорее.

Брат Лоренцо

Чтоб новою увлечься вслед за нею?

Ромео

Но эта предыдущей не чета.
Та злобилась, а эта — доброта.

Брат Лоренцо

И хорошо, что злилась. За любовью
Она угадывала пустословье.
Но я с тобою, юный ветрогон.
Я к вам обоим вот чем привлечен:
Мне видится в твоей второй зазнобе
Развязка вашего междоусобья.

Ромео

Прошу, скорей!

Брат Лоренцо

Прошу не торопить:
Тот падает, кто мчится во всю прыть.

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Улица.

Входят Бенволио и Меркуцио.

Меркуцио

Где носят черти этого Ромео?
Он был сегодня ночью дома?

Бенволио

Нет.
Я там справлялся.

Меркуцио

Эта Розалина
Своей пустой, бессовестной игрой
Беднягу доведет до полоумья.

Бенволио

Слыхал? Тибальт, племянник Капулетти,
Прислал ему письмо.

Меркуцио. Вызов, вот увидите.

Бенволио. Ромео ответит.

Меркуцио. Ничего удивительного. Ответить на письмо — не хитрость.

Бенволио. Нет, он ответит принятием вызова.

Меркуцио. Бедный Ромео! Он и так уже мертв от черного глаза белой лиходейки. Уши у него простреляны серенадами, сердце — любовною стрелою. И такому-то тягаться с Тибальтом!

Бенволио. А что такое Тибальт?

Меркуцио. Нечто посущественней кота Тибальта из сказки, можешь мне поверить. В делах чести — настоящий дьявол. Фехтует, как по нотам: раз, два, а три уже сидит по рукоятку у тебя в брюхе. Такой дуэлист, что мое почтенье! А его бессмертные passado, его punto reverso, его hai!

Бенволио. Его что?

Меркуцио. Это из их дурацкой тарабарщины, чтоб их черт побрал! Только и слышишь: «Готов побожиться, вот это клинок! Бьюсь об заклад, вот это мужчина! Провалиться, вот это девка!» И откуда их столько берется, этих мух заморских с их модными pardonnez moi и bon, bon! А их широченные штаны, от которых не стало места на старых лавках!

Входит Ромео.

Бенволио. Глядн-ка, никак, Ромео!

Меркуцио. Моща мощой, как высохшая селедка! О бедная плоть человеческая, до чего же ты уподобилась рыбьей! Вот кому теперь растекаться стихами вроде Петрарки, благо перед его милой Лаура не больше, чем кухонная замарашка. Бонжур, синьор Ромео! Французский поклон вашим французским штанам. Здóрово вы нас вчера надули!

Ромео. Здравствуйте оба. Надул? Каким образом?

Меркуцио. А как же: уговор был идти вместе, а вы улизнули.

Ромео. Прости, милый Меркуцио, я теперь так занят! В делах, как мои, не до условностей.

Меркуцио. Еще бы! В делах, как твои, приходится пóлзать на коленях.

Ромео. Весьма вежливое соображение.

Меркуцио. Еще бы! Я цвет вежливости.

Ромео. Гвоздика, наверное.

Меркуцио. Совершенно верно.

Ромео. Вроде гвоздики на моих башмачных застежках.

Меркуцио. Ах, как остроумно! Развивай эту сапожную остроту, пока не сотрешь на ней подошвы. О, единственное в мире остроумие, натянутое и долговечное, как стелька!

Ромео. Зато ты — сама естественность. Ты воображаешь, что от натянутости тебя спасает твоя распущенность?

Меркуцио. Ну что, это не лучше твоих «охов» и «ахов»? Теперь с тобой можно разговаривать, ты — Ромео, ты — то, что ты есть и чем должен казаться. А эта чертова твоя любовь — как слюнявая юродивая, которая ходит из угла в угол, укачивая деревянную чурку и кутая ее в тряпки.

Бенволио. Довольно, довольно.

Меркуцио. Ты боишься, что это будет против шерстки?

Бенволио. Я боюсь, что этому не будет конца.

Меркуцио. Ошибаешься. Я добрался до сущности и кончаю.

Ромео. Обратите внимание, вот так зрелище!

Входят кормилица и Петр.

Меркуцио. На горизонте парус!

Бенволио. Целых два: юбка и штаны.

Кормилица. Петр!

Петр. Что изволите?

Кормилица. Мой веер, Петр.

Меркуцио. Дай ей веер, чтобы прикрыться. Он исправит ей внешность.

Кормилица. С добрым утром, добрые государи!

Меркуцио. С добрым вечером, добрая государыня!

Кормилица. Разве уж вечер?

Меркуцио. По-видимому. В вашей жизни — бесспорно.

Кормилица. А ну вас, право! Что вы за человек?

Ромео. Природою, сударыня, он создан себе на посмеянье.

Кормилица. Любопытно! Себе, говорите, на посмеянье? Но дело не в этом. Кто мне скажет, где найти молодого Ромео?

Ромео. Извольте. Только молодой Ромео будет немного старше, когда вы его найдете, чем во время поисков. Из людей с этим именем я самый младший, за неименем худшего.

Кормилица. Если вы Ромео, мне надо вам сказать что-то доверительное.

Бенволио. Увидишь, она зазовет его куда-нибудь на ужин.

Меркуцио. Ай да сводня! Ату ее, ату ее!

Ромео. Кого ты выследил?

Меркуцио. К сожалению, не зайца. Или такого, который за старостью может считаться постным. *(Поет.)*

Если зайца кусок
Занечь в пирог,
Ты им постного не оскоромишь.
Но бывает, что так
Староват русак —
Тропешь вилкою, зуб переломишь.

Ромео, собираешься ли ты домой? Мы идем к вашим обедать.

Ромео. Сейчас я подоспею.

Меркуцио. Прощайте, старая барыня, прощайте!

Кормилица. Прощайте, скатертью дорога.

Меркуцио и Бенволио уходят.

Объясните мне, сударь, кто этот нахал, бог знает что о себе возомнивший?

Ромео. Это молодой человек, который любит послушать себя и в час наговорит столько, что будет жалеть об этом целый месяц.

Кормилица. Если это он на мой счет, ему не поздоровится, будь он вдесятеро вострей двадцати таких же выскочек. Я покажу ему, как смеяться надо мною! А если не покажу, все равно найдутся, которые покажут. Подлый хвастун! Ты это со своими сударками так разговаривай или с кем-нибудь из твоих поганых забулдыг! *(Обращаясь к Петру.)* А этот тоже хорош! Стоит, как пень, и смотрит, как каждый негодяй делает с его госпожой, что хочет.

Петр. Я этого не замечал. Я бы таких вещей не потерпел и на месте вынул бы оружие. Я пускаю в дело шпагу ничуть не хуже всякого, едва вижу к этому повод и когда знаю, что закон на моей стороне.

Кормилица. Боже правый, я до сих пор не могу прийти в себя, и всю меня так и трясет! Подлый хвастун!.. Ах, сэр, ведь я-то пришла совсем по другому делу. Моя барышня, как говорится, просила меня узнать. Что она просила, это, конечно, моя тайна, но если вы, сударь, собираетесь ее одурачить, это я уж просто слов не найду, как нехорошо. Потому что моя барышня совсем еще молоденькая, и если вы ее обманете, хорошие люди так не поступают. И вам так не годится, ей-богу, не годится.

Ромео. Погоди, нянюшка. Во-первых, передай от меня барышне поклон. Уверяю тебя...

«Ромео и Джульетта», акт третий
Д. Шмаринов

Кормилица. Я передам ей это, добрая вы душа. То-то она обрадуется!

Ромео. Что передать ты хочешь? Я и рта ведь не успел еще открыть порядком.

Кормилица. Передам, что вы уверяете. Это, как я полагаю, изъявление немаловажное.

Ромео

Скажи, что под любым предлогом надо
К полудню ей на исповедь прийти.
Нас с нею обвенчает брат Лоренцо.
Не спутаешь? А это за труды.

Кормилица

Да полноте, не надо ни полушки.

Ромео

Ну вот еще! Дают, так надо брать.

Кормилица

Устрою, ладно. Приведу к полудню.

Ромео

А ты постой у монастырских врат
И там покараулишь человека
С веревочною лестницей. По ней
Взберусь я ночью на вершину счастья.
Я за услуги отблагодарю.
Теперь прощай. Поклон твоей хозяйке.

Кормилица

Спаси вас бог! Послушайте-ка, сэр...

Ромео

Что, нянюшка?

Кормилица

А человек-то верный?
К чему нам третий, в толк я не возьму.
Меня б одну, а третий ни к чему.

Ромео

Ручаюсь, он надежнее железа.

Кормилица. Ну хорошо, сэр. Моя барышня... Господи, господи!.. Когда она была маленькая... Слушайте, здесь в городе есть молодой человек, некто Парис, который бы не прочь ее заполучить. Но для нее он все равно что лягушка — ей-богу, все равно что лягушка. Она терпеть не может, когда я говорю, что этот Парис более подходящая партия, чем вы, и при этих словах белеет, как полотно. Что, слова «розмарин» и «Ромео» не на одну букву?

Ромео. На одну, пяпюшка. Что ж из этого? Оба начинаются на «эр».

Кормилица. Какие вы насмешники! Это собачья буква. «Эр» — совсем другое дело. Ваше имя начинается не так. Я знаю, она придумывает всякие словечки на вас и розмарин. Вам бы страшно понравилось.

Ромео. Поклон барышне.

Кормилица. Да, тысяча поклонов.

Ромео уходит.

Петр!

Петр. Чего изволите?

Кормилица. Возьми мой веер и ступай вперед проворней.

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Сад Капулетти.

Входит Джульетта.

Джульетта

Кормилицу я в девять отослала.
Она хотела сбегать в полчаса.
Они не разминулись? Быть не может.
Нет, попросту она плохой ходок.
Рассыльными любви должны быть мысли,
Они быстрее солнечных лучей,
Несущихся в погоне за тенями.
Вот что торопит почту голубей
И отчего у Купидона крылья.
Однако солнце уж над головой
И три часа от девяти до полдня,
Ее же нет как нет. Когда б она
Была с горячей кровью и страстями,
Она летала б с легкостью мяча
Между моим возлюбленным и мною.
Но это право старых хитрецов —
Плестись и мешкать, корча мертвецов.

Входят кормилица и Петр.

Но вот она. Кормилица, родная!
Что нового? Ты видела его?
Спровадь Петра.

Кормилица

Ступай-ка, брат, к воротам.

Петр уходит.

Джульетта

Ну, няня... Чем ты так огорчена?
Дурных вестей не множь угрюмым видом,
Но если сообщенья хороши,
Их портит кислая твоя улыбка.

Кормилица

Я утомилась. Дай передохну.
Концы — не шутка. Ноги отходила.

Джульетта

Мои бы кости за твою бы весть
Готова в жертву я тебе принесть!

Кормилица

Подумаешь, горячка! Ты не видишь —
Одышка одолела, я без сил.

Джульетта

А на одышку плакаться есть силы?
Ах, нянюшка, твои обиняки
Длинней иного полного рассказа!
В порядке ли дела у нас иль нет?
Скажи, я успокоюсь и отстану.
Итак, скажи, в порядке ли дела?

Кормилица. Сама знаешь, в каком порядке. Навязала себе сокровище! Без меня выбирала, на себя и пеняй. Ромео! Ну, что поделаешь... Конечно, лицом он хорош, но фигура еще лучше. О руках и ногах, конечно, нечего и говорить, но они выше всякого сравненья. Да что уж там... Служи, детка, молебен. Вы еще не обедали?

Джульетта

Нет, нет. Но я все это знала раньше.
Со свадьбой как? Что он о ней сказал?

Кормилица

Головушку как ломит, инда треснет
И разлетится на́ двадцать кусков!
А поясница-то, а поясница!
Ты полагаешь, бог тебе простит,
Что до́ смерти меня ты загоняла?

Джульетта

Мне очень жаль, что ты удручена,
Но что сказал он, золотая няня?

Кормилица. Как полагается человеку доброму, красивому и, главное, порядочному, он сказал... Где матушка твоя?

Джульетта

Где матушка моя? Она в дому.
А где ж ей быть? Какой ответ нелепый!
«Как люди с воспитаньем, он сказал:
«Где матушка твоя?»

Кормилица

О боже правый!
Вот егоза! И этот нетерпеж —
Моим костям заслуженная грелка?
Вперед летай с записками сама.

Джульетта

Вот мука-то! Что говорит Ромео?

Кормилица

Ты б нынче исповедаться могла?

Джульетта

Могу.

Кормилица

Тогда беги к Лоренцо в келью...
Там муж твой сделает тебя женой.
Ишь кровь-то как, злодейка, заиграла!
Зарделась, только палец покажи!
Ну вот. Ты в храм, а у меня забота:
Веревочная лестница нужна
Для твоего ночного шатуна.
Кто хочет, всяк меня, старуху, мучит.
Да ночью и тебя, смотри, навьючат.
Пойду поесть. А ты не опоздай.

Джульетта

Иду, иду, родимая! Прощай!

Уходят.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Келья брата Лоренцо.

Входят брат Лоренцо и Ромео.

Брат Лоренцо

Брак надо достодолжно освятить,
Чтобы о том впоследствии не плакать.

Ромео

Аминь! Что б ни грозило впереди,
Все беды перевешивает счастье
Свидания с Джульеттой хоть на миг.
С молитвою соедини нам руки,
А там хоть смерть. Я буду ликовать,
Что хоть минуту звал ее своею.

Брат Лоренцо

У бурных чувств неистовый конец,
Он совпадает с мнимой их победой.
Разрывом слиты порох и огонь,
Так сладок мед, что, наконец, и гадок:
Избыток вкуса отбивает вкус.
Не будь ни расточителем, ни скрягой:
Лишь в чувстве меры истинное благо.

Входит Джульетта.

Вот и она. Столь легкая нога
Еще по этим плитам не ступала.
Влюбленный дух, наверно, невесом,
Как нити паутины бабьим летом.

Джульетта

Привет тебе, духовный мой отец!

Брат Лоренцо

Благодари, Ромео, за обоих.

Ромео

Скажи, Джульетта, так же ль у тебя
От счастья бьется сердце? Если так же,
Найди слова, которых я лишен,
Чтоб выразить, что нас переполняет.
Пропой хоть звук из хора голосов,
Которые бушуют в нашей встрече.

Джульетта

Богатство чувств чуждается прикрас,
Лишь внутренняя бедность многословна.
Любовь моя так страшно разрослась,
Что мне не охватить и половины.

Брат Лоренцо

Пойдем и поскорей все обрядим.
Не повенчав, с такою речью страстной
Вас оставлять одних небезопасно.

Уходят.

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Площадь.

Входят Меркуцио, Бенволио, паж и слуги.

Бенволио

Прошу тебя, Меркуцио, уйдем.
Сегодня жарко. Всюду Капулетти.
Нам неприятностей не избежать,
И в жилах закипает кровь от зноя.

Меркуцио. Ты похож на тех, кто, входя в трактир, кладут шпагу на стол со словами: «Пронеси, господи!», и хватаются за нее при второй чарке без надобности.

Бенволио. Разве я таков?

Меркуцио. Милый мой, ты горяч, как все в Италии, и так же склонен к безрассудствам и безрассуден в склонностях.

Бенволио. Неужто?

Меркуцио. А то нет? Он еще сомневается! Ведь ты готов лезть с кулаками на всякого, у кого на один волос больше или меньше в бороде, чем у тебя, или только за то, что человек ест каштаны, в то время как у тебя глаза каштанового цвета. Голова у тебя набита кулачными соображениями, как яйцо — здоровою пищей, и, совершенно как яйцо, сбита всмятку вечными потасовками. Разве ты не поколотил человека за то, что он кашлянул на улице и разбудил твою собаку, лежавшую на солнце? Разве ты не набросился на портного, осмелившегося надеть новую пару до пасхи, или на кого-то другого за то, что он новые башмаки подвязал старыми лентами? И такой-то хочет научить меня миролюбию!

Бенволио. Если бы я любил ссоры, как ты, я дал бы застраховать себя с гарантией на час с четвертью.

Меркуцио. Застраховать себя! Эх ты, гарантия!

Входит Тибальт и другие.

Бенволио. Ручаюсь головой, вот Капулетти.

Меркуцио. Ручаюсь пяткой, мне и дела нет.

Тибальт. За мной, друзья! Я потолкую с ними.— Словечко-два, не больше, господа!

Меркуцио. Словечко-два? Скажите, какая важность! Я думал, удар-другой.

Тибальт. Я всегда готов к вашим услугам, дайте мне только повод.

Меркуцио. Его еще надо давать?

Тибальт. Меркуцьо, ты в компании с Ромео?

Меркуцио. В компании? Это еще что за выражение! Что мы, в артели бродячих музыкантов? Если так, то не прогневайтесь. Вот мой смычок, которым я вас заставлю попрыгать. Это мне нравится! В компании!

Бенволио

Напрасно мы шумим среди толпы.
Одно из двух: уединимся — либо
Обсудим спор с холодною душой
И разойдемся. Отовсюду смотрят.

Меркуцио

И на здоровье. Для того глаза.
Пускай их смотрят. Я не сдвинусь с места.

Входит Ромео.

Тибальт

Отстаньте! Вот мне нужный человек.

Меркуцио

Ваш человек? К чему же он приставлен?
По-видимому, состоять при вас
Противником на вашем поединке.

Тибальт

Ромео, сущность чувств моих к тебе
Вся выразима в слове: ты мерзавец.

Ромео

Тибальт, природа чувств моих к тебе
Велит простить твою слепую злобу.
Я вовсе не мерзавец. Будь здоров.
Я вижу, ты меня совсем не знаешь.

Тибальт

Словами раздраженья не унять,
Которое всегда ты возбуждаешь.

Ромео

Неправда, я тебя не обижал.
А скоро до тебя дойдет известье,
Которое нас близко породнит.
Расстанемся друзьями, Капулетти!
Едва ли знаешь ты, как дорог мне.

Меркуцио

Трусливая, презренная покорность!
Я кровью должен смыть ее позор!
Как, крысолов Тибальт, ты прочь уходишь?
(Обнажает шпагу.)

Тибальт

Что, собственно, ты хочешь от меня?

Меркуцио. Одну из твоих девяти жизней, кошачий царь, в ожидании восьми остальных, которые я выколочу следом. Тащи за уши свою шпагу, пока я не схватил тебя за твои собственные!

Тибальт

С готовностью! *(Обнажает шпагу.)*

Ромео

Меркуцио, оставь!

Меркуцио

Ну, сударь мой, а где passado ваше?

Бьются.

Ромео

Вынь меч, Бенволио! Выбивай из рук
У них оружье. Господа, стыдитесь!
Тибальт! Меркуцьо! Князь ведь запретил
Побоища на улицах Вероны.
Постой, Тибальт! Меркуцьо!

Из-под руки Ромео Тибальт ранит Меркуцио и скрывается со своими сообщниками.

Меркуцио

Заколол!
Чума возьми семейства ваши оба!
А сам ушел — и цел?

Бенволио

Большой укол?

Меркуцио

Царапина. Но и такой довольно.
Где паж мой? Сбегай, мальчик, за врачом.

Паж уходит.

Ромео

Мужайся, рана ведь не из глубоких.

Меркуцио. Ну конечно, колодцы глубже и церковные двери шире. Но довольно и этой. Кликни меня завтра, и тебе скажут, что я отбегался. Для этого света я переперчен, дело ясное. Чума возьми семейства ваши оба! Ах, собака, и крыса,

и кошка! Зацарапать человека до́ смерти! Подлец бессовестный! Выучился драться по книжке! Какого черта затесались вы между нами? Меня ранили из-под вашей руки!

Ромео

Я вас хотел разнять.

Меркуцио

Веди, Бенволью,
Куда-нибудь. Я чувств сейчас лишусь.
Чума возьми семейства ваши оба!
Я из-за вас стал кормом для червей.
Всё прахом!

Бенволио уходит с Меркуцио.

Ромео

Он — мой друг и родич князя
И ранен тяжело из-за меня.
Я молча снес смертельную обиду:
Меня пред всеми оскорбил Тибальт,
Тибальт, который скоро больше часу
Стал мне родным! Благодаря тебе,
Джульетта, становлюсь я слишком мягким.

Бенволио возвращается.

Бенволио

Ромео, наш Меркуцио угас.
Его бесстрашный дух вознесся к небу,
С презреньем отвернувшись от земли.

Ромео

Недобрый день! Одно убийство это —
Грядущего недобрая примета.

Возвращается Тибальт.

Бенволио

Ты видишь, вот опять Тибальт кровавый!

Ромео

Как, невредим и на вершине славы?
А тот убит? Умолкни, доброта!
Огнеиноокий гнев, я твой отныне!
Тибальт, возьми обратно подлеца,
Которого сказал мне! Дух Меркуцьо
Еще не отлетел так далеко,
Чтобы тебя в попутчики не жаждать.
Ты или я разделим этот путь.

Тибальт
Нет, только ты. Ты в жизни с ним якшался,
Ты и ступай!
Ромео
Еще посмотрим, кто!

Бьются. Тибальт падает.

Бенволио
Беги, Ромео! Живо! Горожане
В движенье. Ты Тибальта заколол.
Тебя осудят на смерть за убийство.
Что ты стоишь? Немедленно беги!
Ромео
Насмешница судьба!
Бенволио
Зачем ты медлишь?

Ромео уходит. Входят горожане.

Первый горожанин
Куда удрал головорез Тибальт?
Меркуцьо мертв. Держите негодяя!
Бенволио
Вот ваш Тибальт.
Первый горожанин
Я вас предупреждаю:
Вы арестованы. За мной, синьор!

Входят князь со свитой, Монтекки, Капулетти, их жены и другие.

Князь
Кто подал поножовщины пример?
Бенволио
Светлейший князь, восстановить велите
Причину этого кровопролитья.
Рукой Ромео умерщвлен и нем
Убивший сам Меркуцио пред тем.
Леди Капулетти
Тибальт! Тибальт! Дитя родного брата!
О муж! О князь! О, страшная утрата!
Кровь родственная наша пролилась!
Взыщи ее с Монтекки, добрый князь!
Вот он стоит — убийца и мерзавец!

Князь

Я спрашиваю, кто самоуправец?

Бенволио

Виной Тибальт, который здесь простерт.
Он оскорбил Ромео. Оскорбленный
Стерпел обиду и, наоборот,
Как мог, старался охладить Тибальта.
Но все Тибальту было нипочем,
Он продолжал буянить. Тут вмешался
Меркуцио, сцепились, и пошло.
Они сражались долго с равной силой.
Вертясь почти все время между шпаг,
Ромео их просил остановиться,
Но сам приблизил роковой исход:
Из-под его руки был ранен насмерть
Храбрец Меркуцио. Тибальт бежал
И думал скрыться, но потом вернулся.
Тогда Ромео вышел из себя,
И, прежде чем успел я разобраться,
Лежал Тибальт без жизни на земле
И от последствий убегал Ромео.
Вот поединка достоверный ход.
Я жизнью отвечаю за отчет.

Леди Капулетти

Он из семьи Монтекки. Для него
Не истина важнее, а родство.
Их было двадцать человек, и еле
Всем скопищем Тибальта одолели.
Схвати Ромео, князь! Убийца он
И по закону должен быть казнен.

Князь

Ромео был возмездия орудьем.
Кого мы за Меркуцио осудим?

Монтекки

Ромео меньше всех. Он с ним дружил
И мстил убийце, как и ты б отмстил.

Князь

И за поступок этот самочинный
Немедля будет выслан на чужбину.
А ваш раздор мне надоел вдвойне
С тех пор, как жизни близких стоит мне.
Я наложу на вас такую пеню,
Что вы оцените мое терпенье.

Слезам, мольбам не придаю цены,
Вы ими не искупите вины.
Когда Ромео края не оставит,
Ничто его от смерти не избавит.
Очистить площадь! Мертвеца убрать.
Прощать убийцу — значит убивать.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Сад Капулетти.

Входит Джульетта.

Джульетта

Неситесь шибче, огненные кони,
К вечерней цели! Если б Фаэтон
Был вам возницей, вы б давно домчались
И на земле настала б темнота.
О ночь любви, раскинь свой темный полог,
Чтоб укрывающиеся могли
Тайком переглянуться и Ромео
Вошел ко мне неслышим и незрим.
Ведь любящие видят всё при свете
Волненьем загорающихся лиц.
Любовь и ночь живут чутьем слепого.
Прабабка в черном, чопорная ночь,
Приди и научи меня забаве,
В которой проигравший в барыше,
А ставка — непорочность двух созданий.
Скрой, как горит стыдом и страхом кровь,
Покамест вдруг она не осмелеет
И не поймет, как чисто все в любви.
Приди же, ночь! Приди, приди, Ромео,
Мой день, мой снег, светящийся во тьме,
Как иней на вороньем оперенье!
Приди, святая, любящая ночь!
Приди и приведи ко мне Ромео!
Дай мне его. Когда же он умрет,
Изрежь его на маленькие звезды,
И все так влюбятся в ночную твердь,
Что бросят без вниманья день и солнце.
Я дом любви купила, но в права

Не введена, и я сама другому
Запродана, но в руки не сдана.
И день тосклив, как накануне празднеств,
Когда обновка сшита, а надеть
Не велено еще. Но вот и няня
С вестями от Ромео, а тогда
Любой язык красноречив, как небо.

Входит кормилица с веревками.

Какие вести, няня? Это что:
Веревки для Ромео?

Кормилица

Да, веревки.
(Бросает их наземь.)

Джульетта

Что ты ломаешь руки? Что с тобой?

Кормилица

Погибель наша! Светопреставленье!
Убит, убит, родимая, убит,
Убит, болезный, отдал богу душу!

Джульетта

Ужель так бессердечны небеса?

Кормилица

Не небеса, а милый твой Ромео.
А я-то, дура! Кто ж мог ожидать?

Джульетта

Зачем ты мучаешь меня, чертовка?
От этой пытки взвыли бы в аду!
Итак, Ромео сам с собой покончил?
Да или нет? Меня такое «да»
Убьет вернее взгляда василиска.
Одно такое «да», и я — не я
И больше никогда собой не буду.
Ответь мне: да иль нет, и слов не трать,
Чтоб осчастливить или доконать.

Кормилица

Сама видала рану. Вот такая.
Здесь, на груди. Не приведи господь!
А крови сколько, крови! Лужа крови!
Сам белый-белый, точно полотно.
Я прямо обмерла, как увидала.

Джульетта

О сердце! Разорившийся банкрот!
В тюрьму, глаза! Закройтесь для свободы.
Стань снова прахом, прах. В одном гробу
Ромео и тебя я погребу.

Кормилица

Тибальт, Тибальт! Сердечный друг Тибальт!
Какая речь! Какое обхожденье!
Зачем тебя должна я пережить!

Джульетта

Как, этот вихрь меняет направленье?
Убит Ромео и Тибальт убит?
Лишилась мужа я? Лишилась брата?
Что ж не трубит архангела труба?
Кто жив еще, когда таких не стало?

Кормилица

Убит один Тибальт, Ромео жив.
Он заколол Тибальта и в изгнанье.

Джульетта

Ромео пролил кровь Тибальта?

Кормилица

Да.
Хоть верь, хотя не верь, а пролил, пролил!

Джульетта

О, куст цветов с таящейся змеей!
Дракон в обворожительном обличье!
Исчадье ада с ангельским лицом!
Поддельный голубь! Волк в овечьей шкуре!
Ничтожество с чертами божества!
Пустая видимость! Противоречье!
Святой и негодяй в одной плоти!
Чем занята природа в преисподней,
Когда она вселяет сатану
В такую покоряющую внешность?
Зачем негодный текст переплетен
Так хорошо? Откуда самозванец
В таком дворце?

Кормилица

В мужчинах нет ни в ком
Ни совести, ни чести. Все притворство,
Пустое обольщенье и обман.
Глоток наливки! Эти огорченья

Меня, старуху, скоро вгонят в гроб.
Позор Ромео твоему!

Джульетта

Опомнись!
Ромео для позора не рожден,
Позор стыдится лба его коснуться.
На этом незапятнанном лице
Могла бы честь короноваться. Низость,
Что я осмелилась его бранить.

Кормилица

А что ж тебе хвалить убийцу брата?

Джульетта

Супруга ль осуждать мне? Бедный муж,
Где доброе тебе услышать слово,
Когда его не скажет и жена
На третьем часе брака? Ах, разбойник,
Двоюродного брата умертвил!
Но разве было б лучше, если б в драке
Тебя убил разбойник этот, брат?
Вернитесь вспять к своим истокам, слезы!
Вы не у места. Данники тоски,
Вы счастью дань несете по ошибке.
Супруг мой жив, которого Тибальт
Хотел убить. Убит Тибальт, который
Хотел его убить. Все обошлось.
Так что ж я плачу? Слово я слыхала.
Тибальта жалко, но оно страшней.
Я рада бы забыть его, но память
Полна им, как раскаяньем злодей.
«Тибальт убит, а твой Ромео изгнан».
Вот это слово: «Изгнан». Этот звук
Страшнее смерти тысячи Тибальтов.
Достаточно Тибальтова конца,
Но если горю скучно в одиночку
И требуется общество, скажи
Вслед за известьем о конце Тибальта
Про гибель матери или отца,
Или обоих, если очень нужно.
Но на Тибальтов труп нагромождать
Слова: «Ромео изгнан» — это слишком
И значит уничтожить мать, отца,
Тибальта, и Ромео, и Джульетту.

«Ромео изгнан» — это глубина
Отчаянья без края и без дна!
Где мой отец и мать, скажи мне, няня?

Кормилица

Рыдают над Тибальтом без скончанья.
Не хочешь ли ты к ним? Я отведу.

Джульетта

Не надо, няня. Пусть поплачут сами.
Ромео я не ворочу слезами.
А лестницу веревочную спрячь.
Веревочки, о сколько неудач!
У вас ведь тоже разочарованье:
Ромео ждали вы, а он в изгнанье.
Вас вили, чтоб, хватаясь за узлы,
Ко мне проник он под покровом мглы,
А вы теперь валяетесь без цели.
Тут и без вас в невестах овдовели.
Возьми их, няня... Лягу на кровать —
Не жениха, а скорой смерти ждать.

Кормилица

Ну, так и быть. Я знаю, где Ромео.
Утешься, детка. Я его найду
И к вечеру доставлю непременно.
Сейчас отправлюсь. Он в монастыре.

Джульетта

Надень ему кольцо на безымянный,
И пусть придет проститься на заре.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Келья брата Лоренцо.

Входит брат Лоренцо.

Брат Лоренцо

Ромео, выйди. Выходи, несчастный!
В тебя печаль влюбилась. Ты женат
На горести.

Входит Ромео.

Ромео

Отец, какие вести?
Что приговор гласит? Какое зло
Еще желало бы со мной знакомства?

Брат Лоренцо

Ты прав. С тобою в дружбе беды все.
Я весть принес о княжеском решенье.

Ромео

Он дело переносит в Страшный суд?

Брат Лоренцо

О нет, зачем? Его решенье мягче:
Ты к ссылке, а не к смерти присужден.

Ромео

О, лучше сжалься и скажи, что к смерти!
Мне близость ссылки тяжелей, чем смерть.
Не говори ни слова об изгнанье.

Брат Лоренцо

Ты выслан из Вероны. Потерпи.
Все впереди, не клином свет сошелся.

Ромео

Вне стен Вероны жизни нет нигде,
Но только ад, чистилище и пытки.
Из жизни выслать, смерти ли обречь —
Я никакой тут разницы не вижу.
Когда ты мне об этом говоришь,
Ты мне топор вручаешь на подносе,
Чтоб мне с улыбкой голову срубить.

Брат Лоренцо

Неблагодарный! Ты ведь по закону
Достоин смерти, а остался жить.
Так что ж, ты слеп, что милости не видишь?

Ромео

Какая это милость! Это месть.
Небесный свод есть только над Джульеттой.
Собака, мышь, любая мелюзга
Живут под ним и вправе с ней видаться,
Но не Ромео. У навозных мух
Гораздо больше веса и значенья,
Чем у Ромео: им разрешено
Соприкасаться с белоснежным чудом
Джульеттиной руки и воровать
Благословенье губ ее стыдливых,
Но не Ромео. Этому нельзя.

Он в высылке, а мухи полноправны!
И ты сказал, что высылка — не смерть?
Ты б отравил меня или зарезал,
Чем этим пустословьем донимать.
Изгнание! Изгнанье — выраженье,
Встречаемое воплями в аду.
И ты, священник, друг, мудрец, наставник,
Ты мог меня изгнанником назвать?

Брат Лоренцо

Влюбленный дурень, дай сказать мне слово.

Ромео

Ты об изгнанье вновь заговоришь.

Брат Лоренцо

В защиту от твоих тоскливых мыслей
Я философию препровожу
С тобой в изгнанье, спутницу гонимых.

Ромео

Опять изгнанье? Это не исход.
Твоя премудрость не создаст Джульетты,
Она не сдвинет стен, не упразднит
Приказа. Философия — не помощь.

Брат Лоренцо

Ну, значит у безумцев нет ушей.

Ромео

Безумцы глухи, а провидцы слепы.

Брат Лоренцо

Дай о твоих делах поговорим.

Ромео

Молчи о том, чего не понимаешь!
Когда б ты так же молод был, как я;
Любил Джульетту; час, как обвенчался;
Убил Тибальта; так же тосковал
И шел бы в ссылку, ты бы мог по праву
Судить о том. Тогда б ты на себе
Рвал волосы и по полу катался,
Снимая мерку гроба для себя.

Стучат в дверь.

Брат Лоренцо

Стучат. Вставай. Скорей, Ромео! Прячься!

Ромео

Зачем! Я спрятан все равно от всех
Стеной непроницаемой печали.

Стучат.

Брат Лоренцо
Ты слышишь, как стучатся? Уходи.

Стучат.

Кто там? Сейчас.— Вставай. Тебя задержат.
Ступай в читальню. Ах, как ты упрям!

Стучат.

Сейчас, сейчас! Какое петерпенье!
Кто там! Кого вам надо? От кого?
Кормилица *(за сценой)*
Откройте дверь, тогда отвечу. Это
Кормилица Джульетты.
Брат Лоренцо
В добрый час.

Входит кормилица.

Кормилица
Святой отец, скажите, где Ромео,
Муж госпожи моей?
Брат Лоренцо
Он на полу
И пьян от слез.
Кормилица
Какое совпаденье!
Точь-в-точь она.
Брат Лоренцо
Сочувствие сердец.
Сродство души.
Кормилица
Вот так лежит и плачет,
Лежит — и всё. А вам нельзя, нельзя!
Вы встаньте, сударь, встаньте! Вы мужчина,
Вам не к лицу.
Ромео
Ах, пяня!
Кормилица
Вот и «ах»!
Мы все умрем и смерти не минуем.
Ромео
Ты о Джульетте говоришь? Ну как?
Что с ней? Я, верно, ей кажусь злодеем?

Ведь я родною кровью обагрил
Ей память детства. Как ее здоровье?
Как ей живется? Где она сейчас?
Что говорит она о нашем браке?

Кормилица

Что говорит? Ревет, ревмя ревет.
То на постель повалится, то вскочит,
То закричит «Ромео», то «Тибальт»,
И снова навзничь падает.

Ромео

Ромео!
Ах, это имя — гибель для нее,
Как было смертью для ее родного.
Скажи, где в нас гнездятся имена?
Я уничтожу это помещенье.
(Вынимает шпагу.)

Брат Лоренцо

Сдержи, безумец, руку! Отвечай:
Мужчина ль ты? Слезливостью ты баба,
А слепотой поступков — дикий зверь.
Женоподобье в образе мужчины!
Звереныш с человеческим лицом!
Ты удивил меня. Священным саном
Кляпусь, я думал лучше о тебе.
Убил ли ты Тибальта? Что же, надо
Убить себя и заодно убить
Свою жену, живущую тобою?
Чем плох твой род и небо и земля,
Которые ты предаешь хуленьям?
Они соединились все в тебе
Не для распада. Этим ты позоришь
Свою природу и любовь и ум.
Не пользуясь своим тройным богатством,
Подобен ты скупцу-ростовщику.
Твоя природа — восковая кукла,
Когда бесстрашьем не оживлена.
Твоя любовь — игра напрасной клятвой,
Когда во вред для любящих. Твой ум —
Как порох у неловкого солдата,
Который рвется у него в руках,
Меж тем как создан для самозащиты.
Встань, человек! По ком ты обмирал,
Жива твоя Джульетта. Это счастье.

Как ни желал тебя убить Тибальт,
Ты сам убил Тибальта. Снова счастье.
Подумай, сколько сыплется удач,
А ты сердит на собственную участь!
Смотри, смотри, таким плохой конец.
Пойди к Джульетте ночью на свиданье,
Как решено, и успокой ее,
Но возвращайся до обхода стражи,
А то не сможешь в Мантую попасть.
Будь в Мантуе, пока найдется повод
Открыть ваш брак и примирить дома.
Тогда упросим, чтоб тебя вернули,
И радость будет в двести раз сильней,
Чем горе нынешнего расставанья.
Кормилица, хозяйке передай,
Чтоб в доме спать легли сегодня раньше,—
От слез и так ведь нападает сон,—
И чтоб она к себе ждала Ромео.

Кормилица

О боже, боже! Ночь бы до утра
Стоять да слушать. Вот она, ученость!
Скажу, что вы придете, доложу.

Ромео

И что готовлюсь выговор услышать.

Кормилица

Она послала, сударь, вам кольцо.
Смотрите, как-нибудь не опоздайте.

(Уходит.)

Ромео

Как ожил я от этого всего!

Брат Лоренцо

Ступай. Спокойной ночи. Значит, помни,
Одно из двух: до стражи уходи
Иль утром проберись переодетым.
Будь в Мантуе. Я буду посылать
С твоим слугой по временам известья,
Как подвигаются твои дела.
Пора. Дай руку. До счастливой встречи!

Ромео

Я к ней — и под собой не слышу ног,
А то б с тобой расстаться я не мог.
Прощай!

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комната в доме Капулетти.

Входят Капулетти, леди Капулетти и Парис.

Капулетти

У нас несчастье, граф, и до сих пор
Мы с дочерью еще не говорили.
В Тибальте здесь не чаяли души.
Но смерть есть смерть. Уже довольно поздно.
Джульетта сверху больше не сойдет.
Когда б не ваше общество, поверьте,
Я тоже лег бы час тому назад.

Парис

Дни траура — для сватовства не время.
Миледи, вашей дочери поклон.

Леди Капулетти

Я поклонюсь и все у ней узнаю.
Она утратой вся поглощена.

Капулетти

Парис, я знаю дочь, и я ручаюсь:
Она полюбит вас. Нелепа мысль,
Чтобы она ослушалась. Проведай
Ее пред сном, жена, и приготовь
К тому, что́ сын наш будущий задумал.
И в эту среду... Впрочем, что у нас?

Парис

Сегодня понедельник.

Капулетти

Понедельник?
Пожалуй, в среду рано — не успеть.
Тогда в четверг. Итак, в четверг, скажи ей,
Ее с Парисом решено венчать.
Вы будете готовы! Вы согласны?
Без шума. Два-три друга, вот и всё.
А то Тибальт — и вдруг веселье, сплетни,
Не правда ли? Две или три семьи.
Удобно ли в четверг, скажите прямо?

Парис

Жаль, что четверг не завтра, не сейчас.

Капулетти

Отлично. Так в четверг. Теперь ступайте.
А ты сходи к Джульетте. Прикажи,

Чтобы она готовилась к венчанью.
Прощайте, граф. Светите, слуги, мне!
Так поздно, что уж скоро будет рано.
Спокойной ночи!

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Комната Джульетты.

Ромео и Джульетта.

Джульетта

Уходишь ты? Еще не рассвело.
Нас оглушил не жаворонка голос,
А пенье соловья. Он по ночам
Поет вон там, на дереве граната.
Поверь, мой милый, это соловей!

Ромео

Нет, это были жаворонка клики,
Глашатая зари. Ее лучи
Румянят облака. Светильник ночи
Сгорел дотла. В горах родился день
И тянется на цыпочках к вершинам.
Мне надо удалиться, чтобы жить,
Или остаться и проститься с жизнью.

Джульетта

Та полоса совсем не свет зари,
А зарево какого-то светила,
Взошедшего, чтоб осветить твой путь
До Мантуи огнем факелоносца.
Побудь еще. Куда тебе спешить?

Ромео

Пусть схватят и казнят. Раз ты согласна,
Я и подавно остаюсь с тобой.
Пусть будет так. Та мгла — не мгла рассвета,
А блеск луны. Не жаворонка песнь
Над нами оглашает своды неба.
Мне легче оставаться, чем уйти.
Что ж, смерть так смерть! Так хочется Джульетте.
Поговорим. Еще не рассвело.

Джульетта

Нельзя, нельзя! Скорей беги: светает,
Светает! Жаворонок-горлодер
Своей нескладицей нам режет уши,
А мастер трели будто разводить!
Не трели он, а любящих разводит,
И жабьи будто у него глаза.
Нет, против жаворонков жабы — прелесть!
Он пеньем нам напомнил, что светло
И что расстаться время нам пришло.
Теперь беги: блеск утра все румяней.

Ромео

Румяней день и все черней прощанье.

В комнату входит кормилица.

Кормилица

Джульетта!

Джульетта

Няня?

Кормилица

Матушка идет.
Светает. Осторожнее немножко.

(Уходит.)

Джульетта

В окошко — день, а радость — из окошка!

Ромео

Обнимемся. Прощай! Я спрыгну в сад.

Джульетта

Ты так уйдешь, мой друг, мой муж, мой клад?
Давай мне всякий раз все это время
Знать о себе. В минуте столько дней,
Что, верно, я на сотни лет состарюсь,
Пока с моим Ромео свижусь вновь.

Ромео

Я буду посылать с чужбины весть
Со всяким, кто ее возьмется свезть.

Джульетта

Увидимся ль когда-нибудь мы снова?

Ромео

Наверное. А муки эти все
Послужат нам потом воспоминаньем.

Джульетта

О боже, у меня недобрый глаз!
Ты показался мне отсюда, сверху,

Опущенным на гробовое дно
И, если верить глазу, страшно бледным.

Ромео

Печаль нас пожирает, и она
Пьет нашу кровь. Ты тоже ведь бледна.
Прощай, прощай!
(Уходит.)

Джульетта

Судьба, тебя считают
Изменчивою. Если так, судьба,
То в самом деле будь непостоянной
И вдалеке не век его держи.

Леди Капулетти *(за сценой)*

Ты встала, дочь?

Джульетта

Кто говорит со мною?
Вы, матушка? Еще вы не легли
Иль поднялись? Что надо вам так рано?

Леди Капулетти

Ну как, Джульетта?

Джульетта

Мне не по себе.

Леди Капулетти

Все плачешь об убитом? Но слезами
Его не выполощешь из земли,
А вымоешь — не оживишь. Довольно.
Поплакать в меру — знак большой любви,
А плач без меры — признак тупоумья.

Джульетта

А если так утрата велика?

Леди Капулетти

Ведь слез твоих утраченный не видит.

Джульетта

Да я ж их по своей охоте лью.

Леди Капулетти

Ты плачешь не о том, что нет Тибальта,
А что подлец, его убивший, жив.

Джульетта

Какой подлец?

Леди Капулетти

Ромео!

Джульетта *(в сторону)*

Он и подлость

Никак не совместимы.— Видит бог,
Еще никто так не терзал мне сердца!

Леди Капулетти

Все потому, что он еще живет.

Джульетта

Живет и для меня недосягаем.
Я за Тибальта отомщу сама.

Леди Капулетти

Отмстим и мы, ты можешь быть покойна.
Я в Мантую пошлю, где, говорят,
Скрывается преступник. Там сумеют
Отравы подмешать ему в еду.
Он в гости поторопится к Тибальту,
И это восстановит твой покой.

Джульетта

Я, правда, никогда не успокоюсь,
Пока Ромео не в моих руках.
Найдите человека для посылки,
А яд Ромео я сама сыщу.
Я так составлю для него отраву,
Что с миром он, поверьте мне, уснет.
О, что за мука слышать это имя
И быть не в силах броситься к нему,
Чтоб из любви к несчастному Тибальту
Его в объятьях насмерть задушить!

Леди Капулетти

Составь мне смесь, а я гонца достану.
Теперь тебе я радость сообщу.

Джульетта

В такое время радость очень кстати.
Итак, в чем радость эта состоит?

Леди Капулетти

Отец твой полон о тебе заботы.
Чтобы тебя развлечь, он выбрал день
Для праздника. Нам и во сне не снилось
Нежданное такое торжество.

Джульетта

Что ж, в добрый час. Когда назначен праздник?

Леди Капулетти

В четверг, моя хорошая. В четверг
Прекрасный граф Парис, твой нареченный,
С утра нас приглашает в храм Петра,
Чтобы с тобою сочетаться браком.

Джульетта

Клянусь Петровым храмом и Петром,
Ничем с Парисом я не сочетаюсь!
Какая спешка! Гонят под венец,
Когда жених и глаз еще не кажет.
Благодарю! Уведомьте отца,
Что замуж рано мне, а если надо,
Скорее за Ромео я пойду,
Чем выйду за Париса. Вот так радость!

Леди Капулетти

Вот он идет. Скажи ему сама.
Посмотрим, как он примет эти речи.

Входят Капулетти и кормилица.

Капулетти

Закат сопровождается росой,
Племянника ж закат отмечен ливнем.
Опять потоки? Все еще в слезах?
На взгляд такое щупленькое тельце,
А борется, как на море корабль,
С пучиной слез и ураганом вздохов
До воцаренья новой тишины.
Ну, как дела? Уже ты сообщила
Ей наше повеленье, жена?

Леди Капулетти

Сказала, но она не хочет слушать,
Отказывается. Благодарит.

Капулетти

Что? Что? Не слышу. Повтори. Не хочет?
Благодарит? Она не поняла
Всей этой чести? Ей не очевидно,
Во сколько раз жених знатнее нас?
Она находкой нашей не гордится?

Джульетта

Должна благодарить, но не горжусь.
Какая гордость в том, что ненавистно?
Но и напрасный труд ваш дорог мне.

Капулетти

Вот логика! Прости, не понимаю.
Где связь? То «благодарна» и «горда»,
То «не горда» вдруг и «не благодарна».
Брось эти штуки, маменькина дочь!

Что гордость мне твоя и благодарность?
А вот в четверг, пожалуйста, изволь
Пойти венчаться в храм с Парисом, или
Тебя я на веревке притащу.
В чем держится душа, холера, падаль!
Разважничалась!

Леди Капулетти

Вы с ума сошли!

Джульетта

Отец, прошу вас слезно на коленях,
Позвольте только слово мне сказать!

Капулетти

Ни звука! Все заранее известно.
В четверг будь в церкви или на глаза
Мне больше никогда не попадайся!
Молчать, молчать! Роптали, дураки,
Что дочь у нас одна, а на поверку
И этой много, так нас допекла!
У, подлая!

Кормилица

Избави боже, сударь!
О дочке отзываться так нельзя.

Капулетти

А почему, наставница с указкой?
К соседкам шли бы языком трепать!

Кормилица

Я зря не вру.

Капулетти

Проваливайте к богу!

Кормилица

Нельзя и рта открыть?

Капулетти

Вам говорят,
С соседками за кружкою судачьте!
Тут не кабак.

Леди Капулетти

Вы слишком горячи.

Капулетти

Меня с ума все это сводит. Боже!
Где б ни был я и что б ни затевал,
В гостях ли, дома ль, вечно, днем и ночью,
Моею мыслью было подыскать

Ей жениха. И наконец он найден.
Богач, красавец, знатный человек,
Воспитан, воплощенье всех достоинств,
Мечта и сон, а эта тварь пищит:
«Я не хочу! Я не могу! Мне рано.
Простите». Ты не можешь? Хорошо.
Прощаю. Но изволь вперед кормиться
Где хочешь, только больше не со мной.
Имей в виду, я даром слов не трачу.
На размышленья у тебя два дня.
И если ты мне дочь, то выйдешь замуж,
А если нет, скитайся, голодай
И можешь удавиться: бог свидетель,
Тебе тогда я больше не отец.
Так вот, подумай. Это ведь не шутки.

(Уходит.)

Джульетта

Ужель нет состраданья в небесах?
Им видно ведь насквозь мое несчастье.
Ах, матушка, не выгоняйте вон!
Отсрочьте брак на месяц, на неделю
Или с Тибальтом положите в склеп!

Леди Капулетти

Все обсудили. Поступай, как знаешь.
Молчи. Я слова больше не скажу.

(Уходит.)

Джульетта

О господи! О нянюшка! Что делать?
Обет мой в небе, у меня есть муж.
Как клятву мне вернуть с небес на землю,
Пока мой муж не улетел с земли?
Зачем судьба кует такие ковы
Столь беззащитным существам, как я?
Ну, что ты скажешь, няня? Неужели
Нет утешенья?

Кормилица

Утешенье есть.
Ромео в ссылке. Он остережется
Соваться к нам и требовать тебя.
Поэтому я вышла бы за графа.
Он — милочка. Ромео — мелюзга
В сравненье с ним. Такой грозы во взоре
Не сыщешь у орлов. Твой новый брак

Затмит своими выгодами первый.
А нынешний твой муж в такой дали,
Что это — как покойник, та же польза.

Джульетта

Ты говоришь от сердца?

Кормилица

От души.

Джульетта

Аминь!

Кормилица

Что?

Джульетта

Ты меня переродила.
Спустись-ка вниз и матушке скажи:
Я принесу Лоренцо покаянье
В грехе непослушания отцу.

Кормилица

Пойду скажу. Вот это шаг похвальный!

(Уходит.)

Джульетта

Ведь вот он, вот он, первородный грех.
О демон-искуситель! Что подлее:
Толкать меня на ложь или хулить
Ромео тем же языком, которым
Она его хвалила столько раз?
Разрыв, разрыв! Меж нами пропасть, няня.
И если не поможет мне монах,
Есть средство умереть в моих руках.

(Уходит.)

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Келья брата Лоренцо.

Входят брат Лоренцо и Парис.

Брат Лоренцо

До четверга короткий слишком срок.

Парис

Так хочет тесть, и спешки Капулетти
Ничем я не намерен ослаблять.

Брат Лоренцо
Невестин образ мыслей вам неведом?
Не нравится мне что-то это все.
Парис
Она все время плачет о Тибальте,
Я ни о чем не мог с ней говорить.
Любовь не ко двору в домах, где траур,
Но против этих слез ее отец.
Они вредят здоровью. Он считает,
Что брак остановил бы их поток,
Который разлился в уединенье,
А в обществе вошел бы в берега.
Вы поняли причину нашей спешки?
Брат Лоренцо *(в сторону)*
К несчастию! *(Громко.)*
А вот она сама.

Входит Джульетта.

Парис
Счастливый миг, прекрасная супруга!
Джульетта
Мы не принадлежим еще друг другу.
Парис
В четверг вы станете моей женой.
Джульетта
Всё в воле божьей!
Брат Лоренцо
Только в ней одной.
Парис
Вы к брату исповедаться явились?
Джульетта
Ответить — было б исповедью вам.
Парис
Как вы от слез горючих похудели!
Джульетта
Я не была и раньше хороша.
Парис
Зачем наружность портите вы ложью?
Джульетта
Я на свое лицо не клевещу
И, думаю, своим чертам — хозяйка.
Парис
Они мои, а вы черните их.

Джульетта

За то их, видно, и черню, что ваши.—
Свободны ль вы теперь, святой отец,
Иль лучше мне прийти перед вечерней?

Брат Лоренцо

Нет, у меня сейчас как раз досуг.—
Нам надо с ней одним остаться, сударь.

Парис

Избави бог молитве помешать!
В четверг приду вас поднимать, Джульетта,
Пока ж позвольте вас поцеловать.

(Уходит.)

Джульетта

Запри за ним. Поплачь со мной немного.
Всему конец! Надежды больше нет!

Брат Лоренцо

Джульетта, мне твоя печаль известна.
Как быть тебе, ума не приложу.
В четверг, слыхал, твое венчанье с графом
И будто отложить его нельзя.

Джульетта

Не говори, раз выхода не видишь.
И если ты не можешь мне помочь,
То оправдай меня, по крайней мере,
И мне в беде поможет этот нож.
Бог нам сердца связал, ты сплел нам руки.
Я отдана Ромео. Прежде чем
Я руку с сердцем передам другому,
Я сердца жизнь рукою пресеку.
Итак, перебери свой долгий опыт
И вспомни, нет ли случая, как мой.
А то кинжал защитником мне будет
И с честью отстоит мой правый иск.
Будь короток, не говори пространно.
Дай умереть иль залечи мне рану.

Брат Лоренцо

Стой, дочка. Я обдумываю шаг,
Такой же, впрочем, страшный, как опасность,
Которую хотим мы отвратить.
Ты говоришь, что вместо свадьбы с графом
В себе нашла бы силу умереть?

«Ромео и Джульетта», акт третий
Д. Шмаринов

Что ж, если так, есть средство вроде смерти
От этого позора и беды.
Я дам его, но тут нужна решимость.

Джульетта

Чтоб замуж за Париса не идти,
Я лучше брошусь с башни, присосежусь
К разбойникам, я к змеям заберусь
И дам себя сковать вдвоем с медведем.
Я вместо свадьбы лучше соглашусь
Заночевать в мертвецкой или лягу
В разрытую могилу. Все, о чем
Я прежде слышать не могла без дрожи,
Теперь я, не колеблясь, совершу,
Чтоб не нарушить верности Ромео.

Брат Лоренцо

Тогда ступай уверенно домой,
Будь весела и дай отцу согласье
На свадьбу с графом. Завтра ведь среда.
Ляг завтра спать одна. Устрой, чтоб няня
Не оставалась на ночь наверху.
Ляг и пред сном откупорь эту склянку.
Когда ты выпьешь весь раствор до дна,
Тебя скует внезапный холод. В жилах
Должна остановиться будет кровь.
Ты обомрешь. В тебе не выдаст жизни
Ничто: ни слабый вздох, ни след тепла.
Со щек сойдет румянец. Точно ставни,
Сомкнутся на ночь наглухо глаза.
Конечности, лишившись управленья,
Закоченеют, как у мертвецов.
В таком, на смерть похожем, состоянье
Останешься ты сорок два часа,
И после них очнешься освеженной.
Когда тебя придет будить Парис,
Ты будешь мертвой. Как у нас обычай,
Тебя в гробу без крышки отнесут
В фамильную гробницу Капулетти.
Я вызову Ромео. До того
Как ты проснешься, мы с ним будем в склепе.
Вы сможете уехать в ту же ночь.
Вот выход, если ты не оробеешь
Или не спутаешь чего-нибудь.

Джульетта

Дай склянку мне! Не говори о страхе.

Брат Лоренцо

Возьми ее. Я напишу письмо
И в Мантую отправлю с ним монаха.
Мужайся и решимость прояви!

Джульетта

Решимость эту я найду в любви.
Прощай, отец.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Зал в доме Капулетти.

Входят Капулетти, леди Капулетти, кормилица и два служителя.

Капулетти

Всех выписанных по порядку— в гости!

Первый служитель уходит.

Найми мне двадцать добрых поваров.

Второй служитель. Об этом не беспокойтесь. Я посмотрю, облизывают ли они себе пальцы.

Капулетти. Это для чего?

Второй служитель. Плох тот повар, который не лижет себе пальцев. Таких вон.

Капулетти. Ну-ну, ступай.

Второй служитель уходит.

Придется эти дни похлопотать.
Действительно ль она пошла к Лоренцо?

Кормилица. Пошла, ей-богу пошла.

Капулетти

Он, может, наведет ее на путь.
Бессовестная, наглая девчонка!

Входит Джульетта.

Кормилица

Вот, исповедалась и расцвела.

Капулетти

Ну что, упрямица? Где пропадала?

Джульетта

Спросите лучше, где себя нашла!
Я горько каюсь, что была упряма.
Лоренцо настрого мне приказал
Пасть в ноги вам и попросить прощенья.
Пожалуйста, простите. Никогда
Я более перечить вам не буду.

Капулетти

Все это надо графу передать.
Зачем тянуть? Я поженю их завтра.

Джульетта

Я графа видела в монастыре.
Насколько позволяло мне приличье,
Я с ним была любезна и тепла.

Капулетти

Ну что ж, прекрасно. Поднимайся с полу.
Давно бы так. За графом не пошли?
Ведь я сказал, чтобы пошли за графом.
Какой нравоучительный монах!
Его недаром город уважает.

Джульетта

Пойдем со мною, няня. Отберем
Для завтрашнего дня что понарядней.

Леди Капулетти

Не к завтрашнему дню, а к четвергу.
У вас есть время.

Капулетти

Собирайся, няня.
Я все-таки их завтра поженю.

Джульетта и кормилица уходят.

Леди Капулетти

Нам на устройство времени не хватит:
Ведь скоро ночь!

Капулетти

Не бойся, помогу,
И дело загорится, вот увидишь.
Сбери Джульетте свадебный наряд,
А я внизу останусь за хозяйку.
Эй вы, дружней, ребята! — Ни души.
Все разошлись. Схожу-ка я к Парису.
Скажу, что свадьба завтра. Все легко,
С тех пор как сломлено ее упрямство.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Комната Джульетты.

Входят Джульетта и кормилица.

Джульетта

Да, это платье лучше всех. Но, няня,
Оставь меня на эту ночь одну.
Мне надо облегчить пред свадьбой душу.
Ты знаешь, сколько грешных тайн на ней,
И я должна их отмолить пред небом.

Входит леди Капулетти.

Леди Капулетти

Вы заняты? Быть может, вам помочь?

Джульетта

Нет, матушка. Мы все, что нужно завтра,
Собрали сами. Если вы не прочь,
Пожалуйста, меня одну оставьте,
А няня вам поможет в беготне.
У вас хлопот немало нынче ночью.

Леди Капулетти

Спокойной ночи. Ляг и отдохни.
Тебе необходимо.

Леди Капулетти и кормилица уходят.

Джульетта

Все прощайте.
Бог весть, когда мы встретимся опять...
Меня пронизывает легкий холод
И ужас останавливает кровь.
Я позову их. Мне без них тоскливо.
Кормилица! Нет, здесь ей дела нет.
Одна должна сыграть я эту сцену.
Где склянка?
Что, если не подействует питье?

Тогда я, значит, выйду завтра замуж?
Нет! Вот защита. Рядом ляг, кинжал!
(Кладет кинжал на постель.)
Что, если это яд? Ведь для монаха
Грозит разоблаченьем этот брак.
А если я умру, то не узнают,
Что он со мной Ромео обвенчал.
Да, это так. Нет, это невозможно!
Он праведником слыл до этих пор.
Что, если я очнусь до появленья
Ромео? Вот что может напугать!
Не задохнусь ли я тогда в гробнице
Без воздуха, задолго до того,
Как он придет ко мне на избавленье?
А если и останусь я жива,
Смогу ль я целым сохранить рассудок
Средь царства смерти и полночной тьмы
В соединенье с ужасами места,
Под сводами, где долгие века
Покоятся останки наших предков
И труп Тибальта начинает гнить,
Едва зарытый в свежую могилу,
Где временами, как передают,
Выходят мертвецы в ночную пору?
Увы, увы, кто поручится мне,
Что ежели я встану слишком рано,
То трупный смрад и резкость голосов,
Чудовищных, как стоны мандрагоры,
Немедля не сведут меня с ума,
Как сводят всех, кто слышал эти крики?
Как поручусь, что рук не запущу
В сыпучий прах и савана с Тибальта
Не стану рвать и что, вооружась
Берцовой костью предка, как дубиной,
Я головы себе не размозжу?
Гляди, гляди! Мне кажется, я вижу
Двоюродного брата. Он бежит
На поиски Ромео. Он кричит,
Как смел тот насадить его на шпагу.
Остановись, Тибальт! Иду к тебе
И за твое здоровье пью, Ромео!
(Падает на постель, за занавески.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Зал в доме Капулетти.

Входят леди Капулетти и кормилица.

Леди Капулетти
Возьми ключи и пряностей прибавь.
Кормилица
Еще айвы и фиников к пирожным.

Входит Капулетти.

Капулетти
Живей! Поют вторые петухи.
Звонили к утрене. Взгляни на кухню,
Не подгорел ли торт. Да не скупись.
Леди Капулетти
Не суйте нос в хозяйство, баба с прялкой!
Ложитесь. Завтра скажете — мигрень.
Капулетти
Я в жизни полунощничал так часто,
Что с правом прогуляю эту ночь.
Леди Капулетти
Да, вам бы все по дéвичьим таскаться,
Но я туда вас больше не пущу.

Леди Капулетти и кормилица уходят.

Капулетти
Ревнивица, ревнивица!

Входят три или четыре служителя. Они тащат дрова, вертелы и корзины.

Постой-ка.
Что это, братец?
Первый служитель
Повару в котел.
Не знаем сами!
Капулетти
Шевелись живее!

Первый служитель уходит.

Вот дрянь дрова! Куда с таким сырьем?
Спроси Петра, где сложены посуше.

Второй служитель

Зачем нам Петр? На то у нас башка.
Дойдем до дров своею головою.

Капулетти

Какой забавник! «Головой дойдем».
Не голова, а головня, коряга.

Второй служитель уходит.

Ба, да, никак, уж день? Того гляди,
Парис нагрянет. Вот и музыканты.
Ну да, они.

Музыка за сценой.

Кормилица! Жена!
Кричи — не докричишься. Няня, няня!

Кормилица возвращается.

Беги будить Джульетту. Одевай.
А я займу Париса. Живо, живо!
Жених пришел. Я говорю, живей!
Жених, я говорю!
(Уходит.)

СЦЕНА ПЯТАЯ

Комната Джульетты.

Входит кормилица.

Кормилица

Сударыня! Сударыня! Вставай!
Пора вставать! Ай-ай, какая соня!
Ну, погоди! Вот я ее, козу,
Вот я ее! Как, так-таки ни слова?
Да ладно, ладно. Спи, пока дают.
Спи про запас. Твой граф себя забудет,
А спать тебе не даст. Вот крепкий сон!
Однако разбужу ее. Джульетта!
Джульетта! Разве будет хорошо,
Когда тебя застанет граф в постели?
Ему-то что. Небось он будет рад.
(Отдергивает занавеску.)
Никак, одета? Встала, нарядилась —
И снова бух? Уж это извини!

Сударыня! Сударыня! А ну-ка! —
Не может быть... Сюда! Она мертва!
О господи! О господи! На помощь!
Глоток наливки! Не перенесу!

Входит леди Капулетти.

Леди Капулетти
Что ты шумишь?
Кормилица
Ужасное несчастье!
Леди Капулетти
Какое?
Кормилица
Посмотрите! Не могу...
Леди Капулетти
Ах, жизнь моя, дитя мое родное!
Взгляни, очнись, иль я умру с тобой!
На помощь! Помогите!

Входит Капулетти.

Капулетти
Безобразье!
Жених внизу, а этой нет как нет!
Кормилица
Джульетта померла! Она скончалась!
Леди Капулетти
Джульетты нет! Джульетта умерла!
Капулетти
Пустите! Быть не может! Ни кровинки.
Окоченела. Холодна, как лед.
О господи, она давно без жизни!
Все кончено! Как на́ поле мороз,
Смерть пеленой лежит на этом теле!
Кормилица
О горе, горе!
Леди Капулетти
О беда, беда!
Капулетти
Смерть, взявшая ее без сожаленья,
Сжимает рот мне и лишает слов!

Входят брат Лоренцо, Парис и музыканты.

Брат Лоренцо

Ну как? Готова в храм идти невеста?

Капулетти

Идти — пойдет, но не придет назад.
О сын мой, накануне обрученья
Твоей невестой овладела смерть!
Вон, как цветок со сломанной головкой,
Лежит она. Ее в супруги взял
Подземный царь. Он зять мой и наследник.
Я жить устал и умереть хочу
И все ему, добро и жизнь, оставлю.

Парис

Как долго ждал я нынешнего дня
И как ужасно он меня встречает!

Леди Капулетти

Проклятый, страшный, несчастливый день!
Тягчайший, самый страшный и несчастный
Из всех, какие только видел свет!
Одна была надежда и богатство,
Одна, одна-единственная дочь —
И даже той судьба не пощадила!

Кормилица

О боже, не глядели бы глаза!
Какой проклятый день! Какой проклятый!
Какой проклятый, проклятущий день!
О господи, глаза бы не глядели!

Парис

Я разведен, обманут, втоптан в грязь!
Как низко, смерть, меня ты обманула,
Как превратила в полное ничто!
О жизнь моя! О прелесть!

Капулетти

Я раздавлен,
Осмеян, искалечен, умерщвлен.
Зачем пришло ты, бедственное время,
Наш долгожданный праздник убивать?
Моей душой, а не моим ребенком
Была она, и вот она мертва.
А без души что́ все мои отрады?

Брат Лоренцо

Стыдитесь! Тише! Слезы не исход
В несчастии. Она принадлежала
Семье и небу. Ныне лишь оно

Владеет ею. Там Джульетте лучше.
Вы дочери от смерти не спасли,
А небо ей сияет вечной жизнью.
Вы прилагали силы все к тому,
Чтобы Джульетту возвеличить в свете.
Что ж плачете вы, видя вашу дочь
Так высоко за облаками в небе?
Знать, мало вы любили дочь свою,
Когда не рады, что она в раю.
Вы счастия молили для желанной?
Счастливейшие умирают рано.
Уймем свой плач и, как заведено,
Осыплем это тело розмарином
И вынесем в венчальном платье в храм.
Природа слабодушна и рыдает,
Но разум тверд, и разум побеждает.

Капулетти

На похоронный церемониал
Пойдет, что к свадьбе я приготовлял,
И мы услышим вместо бойких скрипок
Церковный хор и звон колоколов.
Накрытый стол послужит для поминок,
Венчальные цветы украсят гроб.
Все обратилось в противоположность!

Брат Лоренцо

Отправимся. Сударыня, и вы.
Вы тоже, граф. Подите приготовьтесь.
Ее пора на кладбище нести.
Наверно, в вышних недовольны вами.
Не гневайте их лишними слезами.

Капулетти, леди Капулетти, Парис и монах уходят.

Первый музыкант. Значит, трубы в футляры и по домам?

Кормилица

Да, по домам, сердечный, по домам.
Тут не до вас. Смотри, какое горе!

(Уходит.)

Первый музыкант. Горе горем, а позвали — надо платить.

Входит Петр.

Петр. Музыканты, а музыканты, плясовую! Если хотите мне угодить, пожалуйста, плясовую.

Первый музыкант. Почему плясовую?

Петр. Потому что у меня от горя сердце разрывается. Плясовую, пожалуйста! Что-нибудь позаористей. Распотешьте горемычного.

Первый музыкант. Никаких плясовых. Играть не велено.

Петр. Так вы не сыграете?

Первый музыкант. Нет.

Петр Ну, так вы не то запоете!

Первый музыкант. Виноват, это как же?

Петр. А так, что я вам напомню ваше место, дудошная рвань!

Первый музыкант. Вы, как видно, сами забыли дорогу в официантскую.

Петр. В официантскую? Вот я такую официантскую распишу вам на спине, что куда там ваши ре-фа-ля!

Второй музыкант. Уберите кинжал! Благородные режутся только остротами.

Петр. Ах, вот вы как? Ну хорошо, держитесь! Я убью вас насмешками. Отвечайте:

«Когда в груди терзания и муки
И счастия несбыточного жаль,
Лишь музыки серебряные звуки...»

Почему «серебряные»? Почему «лишь музыки серебряные звуки»? А, Симон Телячья Струна?

Первый музыкант. Потому что у серебра приятный звук.

Петр. Превосходно! А твое мнение как, Гью Козлодер?

Второй музыкант. Почему «серебрянные»? Потому что за музыку платят серебром.

Петр. Превосходно! А ты что скажешь, Яшка Пищик?

Третий музыкант. Ей-богу, не знаю.

Петр. Виноват, виноват: я забыл, что ты певчий. Никто не угадал. «Лишь музыки серебряные звуки» — потому что за музыку не платят золотом.

«Лишь музыки серебряные звуки
Снимают как рукой мою печаль».

(Уходит.)

Первый музыкант. Что за сверхъестественная бестия!

Второй музыкант. Плюнь на него, Джек! Пойдем в буфетную. Придут факельщики, пообедаем.

Уходят.

АКТ ПЯТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Мантуя. Улица.

Входит Ромео.

Ромео

Когда я вправе доверяться сну,
Он обещает мне большую радость.
Я возбужден и весел целый день.
Какие-то живительные силы
Меня как будто носят над землей.
Я видел сон. Ко мне жена явилась,
А я был мертв и, мертвый, наблюдал.
И вдруг от жарких губ ее я ожил
И был провозглашен царем земли.
О, как живит любовь на самом деле,
Когда так оживляет мысль о ней!

Входит Балтазар в сапогах со шпорами.

А, Балтазар! С вестями из Вероны?
От моего монаха писем нет?
Ну, как жена? Что дома? Как Джульетта?
Скажи скорее. Дело только в ней.
И все в порядке, если ей не плохо.

Балтазар

В Джульетте суть. Джульетте хорошо.
Ее останки в склепе Капулетти.
Ее душа средь ангелов небес.
Я видел погребение Джульетты
И выехал вас тотчас известить.
Помилуйте меня за эту новость,
Я утаить от вас ее не смел.

Ромео

Что ты сказал? Я шлю вам вызов, звезды!..
Беги в мой дом. Бумаги и чернил!
Достанем лошадей и выезжаем.

Балтазар

Не надо падать духом, господин.
У вас горят глаза, и ваша бледность
Добра не предвещает.

Ромео

Пустяки.
Оставь меня и делай, что велели.
Мне, значит, от монаха писем нет?

Балтазар

Нет, сударь!

Ромео

Все равно. Так отправляйся
За лошадьми. Я скоро сам приду.

Балтазар уходит.

Джульетта, мы сегодня будем вместе.
Обдумаю, как это совершить.
Как ты изобретательно, несчастье!
Аптекаря я вспомнил. Он живет
Поблизости. На днях его я видел.
Он травы разбирал. Худой старик,
Весь отощавший от нужды, в лохмотьях.
В аптеке черепаха, крокодил
И чучела иных морских уродов.
Кругом на полках нищенский набор
Горшечных черепков, пустых коробок,
Веревочных обрывков, трав, семян
И отсыревших розовых лепешек.
Плачевный хлам, которому с трудом
Придать старались видимость товара.
Тогда же мысль мне в голову пришла:
Когда б у вас нужда явилась в яде,
Который запрещают продавать
Законы Мантуи под страхом смерти,
Несчастный этот вам его продаст.
Как кстати я тогда о нем подумал!
Сейчас он должен будет мне помочь.
Вот, кажется, как раз его лачуга.
Сегодня праздник, лавка заперта.
Аптекарь! Эй, аптекарь!

Входит аптекарь.

Аптекарь

Что угодно?

Ромео

Поди сюда. Я вижу, ты бедняк.
Вот пятьдесят дукатов. Дай мне яду.
Мне надобно такое вещество,
Чтоб через миг давало полный отдых
От жизни и с такой же быстротой
Освобождало тело от дыханья,
С какой из орудийного жерла
Молниеносно вылетают ядра.

Аптекарь

Составы есть. Но в Мантуе казнят
Торгующих такими веществами.

Ромео

Ты так убог — и жизнью дорожишь?
Провалы щек твоих — живая повесть
О голоде, горящие глаза —
Об униженьях. Нищета согнула
Тебя в дугу. Свет не в ладах с тобой.
Его закон — не твой. Его обычай
Не даст тебе богатства. Ну так что ж?
Рассорься с миром, сделай беззаконье,
Спрячь эти деньги и разбогатей.

Аптекарь

Не я — моя нужда дает согласье.

Ромео

И я плачу нужде, а не тебе.

Аптекарь

Вот порошок. В любую жидкость всыпьте,
И будь в вас силы за двадцатерых,
Один глоток уложит вас мгновенно.

Ромео

Вот золото, гораздо больший яд
И корень пущих зол и преступлений,
Чем этот безобидный порошок.
Не ты, а я даю тебе отраву.
Купи себе еды и откормись.
Тебя ж, мое спасительное зелье,
Я захвачу к Джульетте в подземелье.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Келья брата Лоренцо.

Входит брат Джованни.

Брат Джованни

Брат во святом Франциске! Здравствуй, брат.

Входит брат Лоренцо.

Брат Лоренцо

Ах, это брат Джованни! Ты вернулся?
Что говорит Ромео? Может быть,
Есть от него из Мантуи записка?

Брат Джованни

Я в путь с собой хотел монаха взять,
Ухаживающего за больными.
Когда я был у брата, нашу дверь
Замкнули сторожа из карантина,
Решив, что мы из дома, где чума,
И не пускали, наложив печати.
Я в Мантую никак не мог попасть.

Брат Лоренцо

А кто ж отвез мое письмо к Ромео?

Брат Джованни

Я никому не мог его отдать,
Так велика была боязнь заразы.
Возьми его обратно. Вот оно.

Брат Лоренцо

Какое горе! Дело-то не шутка:
Письмо имело очень важный смысл.
Задержка этих строк грозит несчастьем.
Поди достань-ка мне железный лом
И возвращайся с ним, Джованни, в келью.

Брат Джованни

Сейчас схожу.

(Уходит.)

Брат Лоренцо

Придется одному
К гробнице мне... С минуты на минуту
Джульетта может встать и не простит,
Что я еще не известил Ромео.
Но я ему еще раз напишу.
А в промежутке узнице гробницы
Позволю в келье у себя укрыться.

(Уходит.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Кладбище. Гробница семьи Капулетти.

Входят Парис и паж с цветами и факелом.

Парис

Дай факел и ступай. Пожалуй, нет:
Задуй его. Я не хочу быть видим.
Вон два-три вяза. Ляг у их корней,
Прижмись к земле и слушай чутким ухом.
Земля внутри на кладбище пуста.
Нельзя ступить, чтобы не отдавалось.
Едва услышишь шорох, свистни мне.
Давай цветы и делай, как сказали.

Паж *(в сторону)*

Мне страшно оставаться одному.
Кругом могилы. Надо поневоле!
(Уходит.)

Парис

Лежи в цветах — сама, как сад в цвету.
Твоя постель из пепла и гранита.
Я руки над тобой переплету
И окроплю слезами эти плиты.
А завтра снова принесу цветов
И забросаю ими твой покров.

Паж свистит.

Мальчишка свищет. Кто-нибудь идет.
Кого несет нелегкая к могиле
И мне побыть в раздумье не дает?
Как, с факелом? Я спрячусь за кустами.
(Прячется.)

Входят Ромео и Балтазар с факелом и киркой.

Ромео

Дай мне кирку и лом. Возьми письмо.
Оно к отцу. Ты должен завтра утром
Снести его. Теперь дай факел мне.
Стань в стороне и, чтобы ни случилось,
Не вмешивайся и держись вдали.
Я вот зачем спускаюсь в подземелье:
Отчасти, чтоб взглянуть в лицо жены,
Но главное, чтоб снять с покойной перстень

Большой цены, в котором мне нужда.
Итак, ступай отсюда и не вздумай
Ходить назад подсматривать за мной,
А то я разорву тебя на клочья
И разбросаю по всему двору.
Я сам неукротим сейчас и страшен,
Как эта ночь. Нас лучше не дразнить,
Как море в бурю и голодных тигров.

Балтазар

Немедленно уйду, чтоб не мешать.

Ромео

И будешь другом. Вот тебе награда.
Прощай. Ты славный малый. Будь здоров.

Балтазар *(в сторону)*

А все-таки я спрячусь здесь в кустах:
Его слова и вид внушают страх.
(Уходит.)

Ромео

О смерть с ненасытимою утробой,
Ты съела лучший из плодов земли!
Но вот тебе я челюсти раздвину
И брюхо новой пищею набью.
(Открывает склеп.)

Парис

Монтекки это, шурина убийца,
Виновник слез, которые свели
Джульетту в гроб. Но негодяю мало,
И он пришел тела их осквернять.
(Выходит вперед.)
Монтекки, стой! Не подходи к святыне.
Неужто и умершим можно мстить?
Сбежавший осужденный, подчиняйся!
Идем. Ты арестован и умрешь.

Ромео

Да, я умру, за этим и явился,
Ты ж, милый юноша, ступай добром.
Не искушай безумного. Подумай
Об этих двух. Они тебе пример.
Не делай сызнова меня убийцей —
Тебя люблю я больше, чем себя.
Я здесь готовлю над собой расправу.
Беги, мой друг! Беги, покуда цел.
Тебя больной в горячке пожалел.

Парис

Твои слова встречаю я презреньем
И по закону задержу тебя.

Ромео

Ты так настойчив? Ну, так защищайся!

Бьются.

Паж

У них дуэль! Я кликну караул!

(Уходит.)

Парис

Я умираю!

(Падает.)

Если ты не камень,
Прошу, внеси меня к Джульетте в склеп.

(Умирает.)

Ромео

Внесу. Кто это? Надобно вглядеться.
Родня Меркуцьо, бедный граф Парис!
О чем, когда мы ехали верхами,
Дорóгой говорил мой человек?
Не о предполагаемом ли браке
Джульетты и Париса? Или нет?
Быть может, это мне во сне приснилось?
Быть может, это я с тоски прочел
В его предсмертной просьбе? Дай мне руку.
Мы в книге бедствий на одной строке.
Ты ляжешь в величавую могилу.
В могилу? Нет, в сияющий чертог.
Среди него покоится Джульетта
И наполняет светом этот склеп.
Лежи, мертвец, похороненный мертвым!

(Кладет Париса в гробницу.)

Пред смертью на иных находит смех.
Свидетели зовут веселье это
Прощальными зарницами. Теперь
Проверю я, зарницы ль эти вспышки.
Любовь моя! Жена моя! Конец
Хоть высосал, как мед, твое дыханье,
Не справился с твоею красотой.
Тебя не победили: знамя жизни
Горит в губах твоих и на щеках,
И смерти бледный стяг еще не поднят.
И ты тут, в красном саване, Тибальт?

Какую радость я тебе доставлю!
Смотри: сразившею тебя рукой
Сейчас сражу я твоего убийцу.
Прости меня! Джульетта, для чего
Ты так прекрасна? Я могу подумать,
Что ангел смерти взял тебя живьем
И взаперти любовницею держит.
Под страхом этой мысли остаюсь
И никогда из этой тьмы не выйду.
Здесь поселюсь я, в обществе червей,
Твоих служанок новых. Здесь останусь,
Здесь отдохну навек, здесь сброшу с плеч
Томительное иго звезд зловещих.
Любуйтесь ею пред концом, глаза!
В последний раз ее обвейте, руки!
И губы, вы, преддверия души,
Запечатлейте долгим поцелуем
Со смертью мой бессрочный договор.
Сюда, сюда, угрюмый перевозчик!
Пора разбить потрепанный корабль
С разбега о береговые скалы.
Пью за тебя, любовь!

(Выпивает яд.)

Ты не солгал,
Аптекарь! С поцелуем умираю.

(Умирает.)

С другого конца кладбища входит брат Лоренцо с фонарем, ломом и лопатой.

Брат Лоренцо

Будь мне опорою, святой Франциск,
Чтоб в яму не свалиться. Кто ты, малый?

Балтазар

Не бойтесь. Я вас знаю хорошо.

Брат Лоренцо

Благослови господь! Скажи, приятель,
Чей факел льет там бесполезный свет
Червям и черепам? Он за решеткой
У Капулетти, кажется.

Балтазар

Он там,
Святой отец. В гробнице мой хозяин,
Ваш друг.

Брат Лоренцо

Какой?

Балтазар

Ромео.

Брат Лоренцо

И давно?

Балтазар

Да с полчаса!

Брат Лоренцо

Пойдем со мной в гробницу.

Балтазар

Нельзя: хозяин мой не должен знать,
Что я был тут. Он мне под страхом смерти
Велел уйти и не смотреть за ним.

Брат Лоренцо

Ну, не ходи. Я сам пойду. Мне страшно,
И чудится какая-то беда.

Балтазар

Когда я спал в кустах, мне показалось,
Что в споре с незнакомцем господин
Убил его у входа в склеп.

Брат Лоренцо

Ромео!
(Подходит к склепу.)
О господи! Чьей это крови след
На плитах пред решеткою? А это?
Чьи это обагренные мечи
У входа в усыпальницу?
(Входит в гробницу.)
Ромео!
Как бледен! А другой? Как, граф Парис?
И весь в крови? Где ключ к загадке этой?
Но спящая проснулась.

Джульетта пробуждается.

Джульетта

О монах,
Где мой супруг? Я сознаю отлично,
Где быть должна. Я там и нахожусь.
Где ж мой Ромео?

Шум за сценой.

Брат Лоренцо

Слышишь, кто-то ходит.
Уйдем скорей из этого гнезда
Заразы, смерти и оцепененья.
Другая сила, больше, чем моя,
Предупредила нас. Идем отсюда.
У ног твоих лежит твой мертвый муж,
И с ним Парис. Поторопись. Ты вступишь
Монахиней в обитель. Поспешим.
Не спрашивай меня. Подходит стража.
Джульетта, торопись! Мы на виду.

Джульетта

Ступай один, отец. Я не пойду.

Брат Лоренцо уходит.

Что он в руке сжимает? Это склянка.
Он, значит, отравился? Ах, злодей,
Все выпил сам, а мне и не оставил!
Но, верно, яд есть на его губах.
Тогда его я в губы поцелую
И в этом подкрепленье смерть найду.
(Целует Ромео.)
Какие теплые!

Первый сторож

Где это место?

Веди, любезный.

Джульетта

Чьи-то голоса.
Пора кончать. Но вот кинжал, по счастью.
(Схватывает кинжал Ромео.)
Сиди в чехле.
(Вонзает его в себя.)
Будь здесь, а я умру.
(Падает на труп Ромео и умирает.)

Входит стража с пажом Париса.

Паж

Вот это место. Там, где воткнут факел.

Первый сторож

Тут кровь. Могилы надо обыскать.
Кого кругом ни встретите, хватайте.
Печальный вид! Вот мертвый граф Парис.
Вот теплая и вся в крови Джульетта,

Хотя два дня уж как схоронена.
Сходить за князем. Вызвать Капулетти.
Поднять Монтекки. Окружите склеп.
Причина гибели их неизвестна.
Ее откроют розыск и допрос.

Несколько сторожей возвращаются с Балтазаром.

Второй сторож
На кладбище нашли слугу Ромео.
Первый сторож
Покамест князь придет, не отпускать.

Зходит брат Лоренцо в сопровождении других сторожей.

Третий сторож
Монах задержан. Плачет и рыдает.
При нем мотыга и железный лом.
Он взят у дальнего конца ограды.
Первый сторож
Ввиду больших улик — не отпускать.

Входит князь со свитой.

Князь
Какая неурочная невзгода
Так рано поднимает нас от сна?

Входят Капулетти, леди Капулетти и другие.

Капулетти
О чем кричат, сбегаясь отовсюду?
Леди Капулетти
Народ бежит по улицам бегом,
Крича: «Парис», «Ромео» и «Джульетта»,
И окружает наш фамильный склеп.
Князь
Что тут случилось?
Первый сторож
Вот лежит Ромео,
А вот Парис. А вот, светлейший князь,
Скончавшаяся перед тем Джульетта,
Опять тепла и вновь умерщвлена.
Князь
Ищите, кто виновник изуверства.

Первый сторож

Вот тут слуга Ромео и монах.
При них орудье взлома. Ими вскрыта
Могила эта.

Капулетти

Боже! Глянь, жена,
Как наша дочка истекает кровью!
Кинжал ошибся местом. Вон ремень
С его ножнами на боку Монтекки,
А он торчит у дочери в груди.

Леди Капулетти

Ах, это все, как колокольный звон,
Мне мысль о близкой смерти навевает!

Входят Монтекки и другие.

Князь

Монтекки, ты сегодня рано встал,
Но до восхода сын твой закатился.

Монтекки

Жена моя сегодня умерла:
Она не вынесла разлуки с сыном.
Какая скорбь еще готова мне?

Князь

Взгляни и сам увидишь!

Монтекки

О невежа!
Тесниться к гробу впереди отца!

Князь

Сдержите горестные восклицанья,
Пока не разъяснили этих тайн.
Когда я буду знать их смысл и корень,
То я, как предводитель ваших бед,
Не буду вас удерживать от смерти.
Пока пусть пострадавшие молчат.
Где эти подозрительные лица?

Брат Лоренцо

Хоть без вины, как будто главный я.
Так говорят, на первый взгляд, улики.
Итак, я тут стою в двойном лице —
Как обвиняемый и обвинитель,
Чтоб осудить себя и оправдать.

Князь

Рассказывай, что ты об этом знаешь.

Брат Лоренцо

Я буду краток, коротко и так
Для длинной повести мое дыханье.
Простертый на земле Ромео — муж
Джульетты, и она — жена Ромео.
Я тайно их венчал, и в этот день
Убит Тибальт, и смерть его — причина
Изгнанья новобрачного. О нем,
А не о брате плакала Джульетта.
Тогда для прекращенья этих слез
Вы ей велели выйти за Париса.
Она пришла ко мне, чтоб я помог
Избавиться ей от второго брака,
А то б она покончила с собой.
Я, пользуясь познаньями своими,
Дал ей снотворное. Как я и ждал,
Она уснула сном, подобным смерти,
А я Ромео написал письмо,
Чтоб он за ней приехал этой ночью,
Когда ослабнет действие питья,
И взял с собой. К несчастью, брат Джованни,
Посыльный мой, не мог отвезть письма
И мне его вернул, застряв в Вероне.
Тогда за бедной узницей, к поре,
Когда она должна была очнуться,
Пошел я сам и думал приютить
Ее, до вызова Ромео, в келье.
Однако же, когда я к ней вошел
За несколько минут до пробужденья,
Я тут уж натолкнулся на тела
Погибшего Париса и Ромео.
Но вот она встает. Я, как могу,
Зову ее с собой и убеждаю
Смириться пред судьбой, но шум извне
Меня внезапно вынуждает скрыться.
Она не пожелала уходить
И, видимо, покончила с собою.
Вот все, что знаю я. Их тайный брак
Известен няне. Если в происшедшем
Я виноват хоть сколько, пусть мой век
Укоротят в угоду правосудью
За несколько часов перед концом.

Князь

Мы праведным всегда тебя считали.
Слуга Ромео, что ты скажешь нам?

Балтазар

Я свез Ромео весть про смерть Джульетты,
И мы пустились вскачь на лошадях
Из Мантуи сюда, к ограде склепа.
Он дал письмо для своего отца,
Которое при мне, и под угрозой
Велел его оставить одного.

Князь

Дай мне письмо. Посмотрим содержанье.
Где графов паж, позвавший караул? —
Что делал господин твой в этом месте?

Паж

Он возлагал цветы на гроб жены
И приказал мне отойти подальше.
Вдруг входит кто-то с факелом в руках,
И господин выхватывает шпагу.
Тут я за стражею и побежал.

Князь

В письме подтверждены слова монаха.
Рассказывая, как он встретил весть
Про смерть жены, Ромео прибавляет,
Что добыл яду в лавке бедняка,
Чтоб отравиться в склепе у Джульетты.
Где вы, непримиримые враги,
И спор ваш, Капулетти и Монтекки?
Какой для ненавистников урок,
Что небо убивает вас любовью!
И я двух родственников потерял
За то, что потакал вам. Всем досталось.

Капулетти

Монтекки, руку дай тебе пожму.
Лишь этим возмести мне вдовью долю
Джульетты.

Монтекки

За нее я больше дам.
Я памятник ей в золоте воздвигну.
Пока Вероной город наш зовут,
Стоять в нем будет лучшая из статуй
Джульетты, верность сохранившей свято.

Капулетти

А рядом изваяньем золотым
Ромео по достоинству почтим.

Князь

Сближенье ваше сумраком объято.
Сквозь толщу туч не кажет солнце глаз.
Пойдем, обсудим сообща утраты
И обвиним иль оправдаем вас.
Но повесть о Ромео и Джульетте
Останется печальнейшей на свете...

Уходят.

ГАМЛЕТ
ПРИНЦ ДАТСКИЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Клавдий, король датский.
Гамлет, сын прежнего и племянник нынешнего короля.
Полоний, гофмейстер двора.
Горацио, друг Гамлета.
Лаэрт, сын Полония.
Вольтиманд, Корнелий, Розенкранц, Гильденстерн, Озрик — придворные.
Дворянин.
Священник.
Марцелл, Бернардо — офицеры.
Франциско, солдат.
Рейнальдо, слуга Полония.
Актеры.
Два мужика, могильщики.
Фортинбрас, принц норвежский.
Капитан.
Английские послы.
Гертруда, королева датская, мать Гамлета.
Офелия, дочь Полония.
Лорды, леди, офицеры, солдаты, матросы, гонцы и слуги.
Призрак отца Гамлета.

Место действия — Эльсинор.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Эльсинор. Площадка перед замком. Полночь.

Франциско на своем посту. Часы бьют двенадцать. К нему подходит Бернардо.

Бернардо
Кто здесь?
Франциско
Нет, сам ты кто, сначала отвечай.
Бернардо
Да здравствует король!
Франциско
Бернардо?
Бернардо
Он.
Франциско
Вы аккуратны и пришли в свой час.
Бернардо
Двенадцать бьет; поди поспи, Франциско.
Франциско
Спасибо, что сменили: я озяб,
И на сердце тоска.
Бернардо
Как в карауле?
Франциско
Всё, как мышь, притихло.

Бернардо

Ну, доброй ночи.
А встретятся Гораций и Марцелл,
Подсменные мои,— поторопите.

Франциско

Послушать, не они ли.— Стой! Кто здесь?

Входят Горацио и Марцелл.

Горацио

Друзья страны.

Марцелл

И слуги короля.

Франциско

Прощайте.

Марцелл

До свиданья, старина.
Кто вас сменил?

Франциско

Бернардо на посту.
Прощайте.

(Уходит.)

Марцелл

Эй! Бернардо!

Бернардо

Да, скажи,
Гораций здесь?

Горацио

Да, в некотором роде.

Бернардо

Гораций, здравствуй; здравствуй, друг Марцелл.

Марцелл

Ну как, являлась нынче эта странность?

Бернардо

Пока не видел.

Марцелл

Горацио считает это все
Игрой воображенья и не верит
В наш призрак, дважды виденный подряд.
Вот я и предложил ему побыть
На страже с нами нынешнею ночью
И, если дух покажется опять,
Проверить дело и заговорить с ним.

Горацио
Да, так он вам и явится.
Бернардо
Присядем,
И разрешите штурмовать ваш слух,
Столь укрепленный против нас, рассказом
О виденном.
Горацио
Извольте, я сажусь.
Послушаем, что скажет нам Бернардо.
Бернардо
Минувшей ночью,
Когда звезда, что западней Полярной,
Перенесла лучи в ту часть небес,
Где и сейчас сияет, я с Марцеллом,
Лишь било час...
Входит Призрак.
Марцелл
Молчи. Замри. Гляди, вот он опять.
Бернардо
Осанкой — вылитый король покойный.
Марцелл
Ты сведущ: обратись к нему, Гораций.
Бернардо
Ну что, напоминает короля?
Горацио
Да как еще! Я в страхе и смятенье.
Бернардо
Он ждет вопроса.
Марцелл
Спрашивай, Гораций.
Горацио
Кто ты, без права в этот час ночной
Принявший вид, каким блистал бывало
Похороненный датский государь,—
Я небом заклинаю, отвечай мне!
Марцелл
Он оскорбился.
Бернардо
И уходит прочь.
Горацио
Стой! Отвечай! Ответь! Я заклинаю!
Призрак уходит.

Марцелл

Ушел, и говорить не пожелал.

Бернардо

Ну что, Гораций? Полно трепетать.
Одна ли тут игра воображенья?
Как ваше мненье?

Горацио

Богом поклянусь:
Я б не поверил, если б не увидел.

Марцелл

А с королем как схож!

Горацио

Как ты с собой.
И в тех же латах, как в бою с норвежцем,
И так же хмур, как в незабвенный день,
Когда, при ссоре с выборными Польши,
Он из саней их вывалил на лед.
Невероятно.

Марцелл

В такой же час таким же важным шагом
Проследовал он дважды мимо нас.

Горацио

Подробностей разгадки я не знаю,
Но в общем, вероятно, это знак
Грозящих государству потрясений.

Марцелл

Постойте. Сядем. Кто мне объяснит,
К чему такая строгость караулов,
Стесняющая граждан по ночам?
Чем вызвана отливка медных пушек,
И ввоз оружья из-за рубежа,
И корабельных плотников вербовка,
Усердных в будни и в воскресный день?
Зачем мы бьемся до седьмого пота
За днями дни и ночи напролет?
Кто объяснит мне это?

Горацио

Постараюсь.
По крайней мере, как слыхал. Король,
Чью тень мы с вами только что видали,
Однажды насмерть бился на мечах
С былым и павшим в этом поединке
Властителем норвежцев Фортинбрасом.

«Гамлет», акт первый
Б. Дехтерев

Пред боем обусловили статью,
Что победитель получает право
На землю побежденного. Страну
Убитого взял победитель Гамлет.
Такого положенья никогда
Не мог снести наследник Фортинбраса,
Носящий то же имя по отцу.
В избытке прирожденного задора
Он по Норвегии набрал отряд
За хлеб готовых в бой головорезов.
Формирований видимая цель,
Как это подтверждают донесенья,
Насильственно, с оружием в руках
Отбить отцом утраченные земли.
Вот тут-то, полагаю, и лежит
Важнейшая причина наших сборов,
Источник беспокойства и предлог
К растерянности и горячке в крае.

Бернардо

Все так, наверно, именно и есть.
Недаром проверяет караулы
Зловещий призрак, схожий с королем,
Который был и есть тех войн виновник.

Горацио

Он как сучок в глазу души моей.
Порой расцвета Рима, в дни побед,
Пред тем как властный Юлий пал, могилы
Стояли без жильцов, а мертвецы
На улицах невнятицу мололи.
В огне комет кровавилась роса,
Являлись пятна в солнце; влажный месяц,
На чьем влиянье зиждет власть Нептун,
Был болен тьмой, как в светопреставленье.
Предвестия таких же страшных бед,
Предшествующие самим событьям,
Как некий их трагический пролог,
Земля и небо вместе посылают
В широты наши нашим землякам.

Призрак возвращается.

Но тише! Вот он вновь! Остановлю
Любой ценой. Ни с места, наважденье!
О, если только речь тебе дана,

Откройся мне.
Быть может, надо милость сотворить
Тебе за упокой и нам во благо,
Откройся мне.
Быть может, ты проник в удел страны,
Который отвратить еще не поздно,
Откройся.
Быть может, ты при жизни закопал
Сокровище, неправдой нажитое,—
Вас, духов, манят клады, говорят,—
Откройся! Стой! Откройся мне!

Поет петух.

Марцелл,
Держи его!

Марцелл

Ударить алебардой?

Горацио

Бей, если увернется.

Бернардо

Вот он!

Горацио

Вот!

Призрак уходит.

Марцелл

Ушел!
Мы раздражаем царственность его
Открытым проявлением насилья.
При том, что он, как пар, неуязвим,
Удары наши — шутовство, и только.

Бернардо

Он отозвался б, но запел петух.

Горацио

И тут он вздрогнул, точно провинился,
И отвечать боится. Я слыхал,
Петух, трубач зари, своею глоткой
Пронзительною будит ото сна
Дневного бога. При его сигнале,
Где б ни блуждал скиталец-дух: в огне,
На воздухе, на суше или в море,
Он вмиг спешит домой. И только что
Мы этому имели подтвержденье.

Марцелл

Он стал тускнеть при пенье петуха.
Поверье есть, что каждый год, зимою,
Пред праздником Христова рождества,
Ночь напролет поет дневная птица.
Тогда, по слухам, духи не шалят,
Спокойны ночи, не вредят планеты
И пропадают чары ведьм и фей,
Так благодатно и священно время.

Горацио

Слыхал и я, и тоже склонен верить.
Но вот и утро в розовом плаще
Росу пригорков топчет на востоке.
Пора снимать дозор. И мой совет:
Поставим принца Гамлета в известность
О виденном. Ручаюсь жизнью, дух,
Немой при нас, прервет пред ним молчанье.
Ну, как, друзья, по-вашему? Сказать,
Что голос дружбы нам повелевает?

Марцелл

По-моему, сказать. Да и к тому ж
Я знаю, где найти его сегодня.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же. Приемный зал в замке.

Входят король, королева, Гамлет, Полоний, Лаэрт, Вольтиманд, Корнелий, придворные и свита.

Король

Хотя по брате Гамлете бесценном
Свежа печаль и всем нам надлежит
Скорбеть душою, а державе нашей
От сокрушенья сморщиться в комок,
Но ум настолько справился с природой,
Что надо будет сдержаннее впредь
Жалеть о нем, себя не забывая.
С тем и решили мы в супруги взять
Сестру и ныне королеву нашу,
Наследницу военных рубежей,—
С отравленным, сказал бы я, восторгом,

Смеясь вполглаза и тужа другим,
Шутя над гробом и вопя на свадьбе,
И соразмерив радость и печаль.
При этом шаге мы не погнушались
Содействием советников, во всем
Нам давших одобренье. Всем спасибо.
Второе. Королевич Фортинбрас,
Не чтя нас ни во что и полагая,
Что после смерти братниной у нас
Развал в стране и всё в разъединенье,
Возмнил такое о своей звезде,
Что надоел нам, требуя возврата
Потерянных отцовых областей,
Которые достал себе по праву
Наш славный брат. Вот, вкратце, что о нем.
Теперь о нас и сущности собранья.
Тут нами извещается в письме
Король норвежцев, дядя Фортинбраса.
По дряхлости едва ли он слыхал
О замыслах племянника. Мы просим
Пресечь их в корне, так как войско сплошь
Из подданных его и их содержат
На счет казны. Письмо мы отдаем
Вам, добрый Вольтиманд, и вам, Корнелий.
Свезите старцу-королю поклон.
Мы вам не расширяем полномочий.
Держитесь в совещаньях с ним границ,
Дозволенных статьями. Поезжайте.
Готовность докажите быстротой.

Корнелий и Вольтиманд

Здесь, как и всюду, мы ее докажем.

Король

Не смеем сомневаться. Добрый путь.

Вольтиманд и Корнелий уходят.

Итак, Лаэрт, что нового услышим?
Шла речь о просьбе. В чем она, Лаэрт?
С чем дельным вы б ни обратились к трону,
Успех предсказан: вещи нет такой,
Что б не дали мы, не дождавшись просьбы.
Не больше ладит с сердцем голова,
Для пользы рта не больше служат руки,

Чем датский трон для вашего отца.
Что вам угодно?

Лаэрт

Дайте разрешенье
Во Францию вернуться, государь.
Я сам оттуда прибыл для участья
В коронованье вашем, но, винюсь,
Меня опять по исполненье долга
Влекут туда и мысли и мечты.
С поклоном хлопочу о дозволенье.

Король

Отец пустил? Что говорит Полоний?

Полоний

Он вымотал мне душу, государь,
И, сдавшись после долгих убеждений,
Я нехотя его благословил.
Благоволите разрешить поездку.

Король

Ищите счастья; в добрый час, Лаэрт.
Как вздумаете, проводите время.
Ну, как наш Гамлет, близкий сердцу сын?

Гамлет *(в сторону)*

Ничуть не сын и далеко не близкий.

Король

Опять покрыто тучами лицо?

Гамлет

О нет, напротив: солнечно некстати.

Королева

Ах, Гамлет, полно хмуриться, как ночь.
Взгляни на короля подружелюбней.
До коих пор, потупивши глаза,
Следы отца разыскивать во прахе?
Так создан мир: живущее умрет
И вслед за жизнью в вечность отойдет.

Гамлет

Так создан мир.

Королева

Что ж кажется тогда
Столь редкостной тебе твоя беда?

Гамлет

Не кажется, сударыня, а есть.
Мне «кажется» неведомы. Ни этот
Суровый плащ, ни платья чернота,

Ни хриплая прерывистость дыханья,
Ни даже слез податливый поток
И впалость черт, и все подразделенья
Тоски не в силах выразить меня.
Вот способы казаться, ибо это
Лишь действия, и их легко сыграть,
Моя же скорбь чуждается прикрас
И их не выставляет напоказ.

Король

Приятно видеть и похвально, Гамлет,
Как отдаешь ты горький долг отцу.
Но твой отец и сам отца утратил,
И так же тот. На некоторый срок
Сыновняя забота переживших —
Блюсти печаль. Но утверждаться в ней
С закоренелым рвеньем — нечестиво.
Мужчины недостойна эта скорбь
И обличает волю без святыни,
Слепое сердце, ненадежный ум
И грубые понятья без отделки.
Что неизбежно и в таком ходу,
Как самые повальные явленья,
Благоразумно ль этому, ворча,
Сопротивляться? Это грех пред небом,
Грех пред умершим, грех пред естеством,
Пред разумом, который примирился
С судьбой отцов и встретил первый труп
И проводил последний восклицаньем:
«Так быть должно». Пожалуйста, стряхни
Свою печаль и нас в душе зачисли
Себе в отцы. Пусть знает мир, что ты
Ближайший к трону и к тебе питают
Любовь не меньшей пылкости, какой
Нежнейший из отцов привязан к сыну.
Что до надежд вернуться в Виттенберг
И продолжать ученье, эти планы
Нам положительно не по душе,
И я прошу, раздумай и останься
Пред нами, здесь, под лаской наших глаз,
Как первый в роде, сын наш и сановник.

Королева

Не заставляй, чтоб мать просила даром.
Останься здесь, не езди в Виттенберг.

Гамлет

Сударыня, всецело повинуюсь.

Король

Вот кроткий, подобающий ответ.
Наш дом — твой дом. Сударыня, пойдемте.
Своей сговорчивостью Гамлет внес
Улыбку в сердце, в знак которой ныне
О счете наших здравиц за столом
Пусть облакам докладывает пушка,
И гул небес в ответ земным громам
Со звоном чаш смешается. Идемте.

Все, кроме Гамлета, уходят.

Гамлет

О если б этот грузный куль мясной
Мог испариться, сгинуть, стать росою!
О если бы предвечный не занес
В грехи самоубийства! Боже! Боже!
Каким ничтожным, плоским и тупым
Мне кажется весь свет в своих затеях.
Глядеть тошнит! Он одичалый сад,
Где нет прохода. Низкий, грубый мусор
Глушит его. Зайти так далеко!
Два месяца, как умер. Двух не будет.
Такой король природный. Рядом с тем,
Как Феб с сатиром. До того ревниво
Любивший мать, что ветрам не давал
Дышать в лицо ей. О земля и небо!
Что поминать! Она к нему влеклась,
Как будто голод рос от утоленья.
И что ж, чрез месяц... Лучше не вникать!
О женщины, вам имя — вероломство!
Нет месяца! И целы башмаки,
В которых шла в слезах, как Ниобея,
За отчим гробом. И она, она,—
О боже, зверь, лишенный разуменья,
Томился б дольше,— замужем — за кем:
За дядею, который схож с покойным,
Как я с Гераклом. В месяц с небольшим!
Еще от соли лицемерных слез
У ней на веках краснота не спала,
И замужем! С такою быстротой
Нырять под простыню кровосмешенья!

Нет, не видать от этого добра!
Разбейся сердце, ибо надо смолкнуть.

Входят Горацио, Марцелл и Бернардо.

Горацио
Почтенье, принц.
Гамлет
Рад вас здоровым видеть.
Гораций,— если в памяти я сам?
Горацио
Он самый, принц, ваш верный раб до гроба.
Гамлет
Мой друг, еще поспорим мы, кто чей.
Что принесло вас к нам из Виттенберга? —
Марцелл,— не так ли?
Марцелл
Он, милейший принц...
Гамлет
Я очень рад вас видеть.
(К Бернардо.)
Добрый вечер.—
Что ж вас из Виттенберга принесло?
Горацио
Милейший принц, расположенье к лени.
Гамлет
Ваш враг не отозвался б так о вас,
И вы мне слуха лучше не терзайте
Поклепами на самого себя.
Я знаю вас: ничуть вы не ленивец.
Но все же, чем вас встретил Эльсинор?
Пока гостите, мы вас пить научим.
Горацио
Я видел вынос вашего отца.
Гамлет
Нехорошо смеяться над друзьями.
Хотите, свадьбу матери, сказать?
Горацио
Да, правда, это следовало быстро.
Гамлет
Расчетливость, Гораций! С похорон
На брачный стол пошел пирог поминный.
Врага охотней встретил бы в раю,

Чем снова испытать событья эти.
Отец,— о вот он словно предо мной.

Горацио

Где, принц?

Гамлет

В очах души моей, Гораций.

Горацио

Я помню, он во всем был королем.

Гамлет

Он человек был, вот что несомненно.
Уж мне такого больше не видать.

Горацио

Представьте, принц, он был тут нынче ночью.

Гамлет

Был? Кто?

Горацио

Король, отец ваш.

Гамлет

Мой отец?

Горацио

Спокойнее: сдержите удивленье
И выслушайте. Я вам расскажу,—
Меня поддержат эти очевидцы,—
Бог знает что.

Гамлет

Молю вас, поскорей!

Горацио

Две ночи кряду этим господам,
Бернардо и Марцеллу, на дежурстве
Средь мертвой беспредельности ночной
Такое выпадало. Кто-то, зримый,
В вооруженье с ног до головы,
И сущий ваш отец, проходит мимо
Державным шагом. Трижды он скользит
Пред их остолбенелыми глазами
В длину жезла от них, они ж стоят,
От ужаса почти свернувшись в студень
И проглотив язык, о чем потом
Рассказывают мне под страшной тайной.
Я стал на стражу с ними в третью ночь,
Где, подтверждая это все дословно,
В такой же час проходит та же тень.

Мне памятен отец ваш. Оба схожи,
Как эти руки.

Гамлет

Где он проходил?

Марцелл

По той площадке, где стоит охрана.

Гамлет

Вы с ним не говорили?

Горацио

Говорил,
Но без успеха. Впрочем, на мгновенье
По повороту плеч и головы
Я заключил, что он не прочь ответить,
Но в это время закричал петух,
И он при этом звуке отшатнулся
И скрылся с глаз.

Гамлет

Я слов не нахожу.

Горацио

Ручаюсь жизнью, принц, что это правда,
И мы за долг сочли вас известить.

Гамлет

Да, да, все так. Сейчас я успокоюсь.
Кто ночью в карауле?

Марцелл и Бернардо

Мы, милорд.

Гамлет

В оружье, говорите?

Марцелл и Бернардо

Весь.

Гамлет

До пяток?

Марцелл и Бернардо

До пят.

Гамлет

И вы не видели лица?

Горацио

Нет, как же,— шлем был с поднятым забралом.

Гамлет

И что ж, он хмурил брови?

Горацио

Нет, смотрел
Скорей с тоской, чем с гневом.

Гамлет
Он был бледен,
Иль раскрасневшись?
Горацио
Совершенно бел.
Гамлет
И не сводил с вас глаз?
Горацио
Ни на минуту.
Гамлет
Жаль,— без меня.
Горацио
Он свел бы вас с ума.
Гамлет
Все может быть. И что ж, он долго пробыл?
Горацио
Я мог легко бы до ста досчитать.
Марцелл и Бернардо
Нет, дольше, дольше.
Горацио
Нет, при мне не больше.
Гамлет
С седою бородою?
Горацио
Не совсем.
С едва посеребренной, как при жизни.
Гамлет
Я стану с вами на ночь. Может статься,
Он вновь придет.
Горацио
Придет наверняка.
Гамлет
И если примет вновь отцовский образ,
Я с ним заговорю, хотя бы ад,
Восстав, зажал мне рот. А к вам есть просьба.
Как вы скрывали случай до сих пор,
Так точно и вперед его таите,
И что бы ни случилось в эту ночь,
Во всем ищите смысла и молчите.
За дружбу отплачу. Храни вас бог.
А около двенадцати я выйду
И навещу вас.
Все
Ваши слуги, принц.

Гамлет

Не слуги, а друзья мои. Прощайте.

Все, кроме Гамлета, уходят.

Двойник отца в оружье! Быть беде!
Обман какой-то. Только бы стемнело!
А там, душа, терпенье: козней след,
Зарой их в землю, выступит на свет.
(Уходит.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Там же. Комната в доме Полония.

Входят Лаэрт и Офелия.

Лаэрт

Мешки на корабле. Прощай, сестра.
Пообещай не упускать оказий
И при попутном ветре не дремли
И вести шли.

Офелия

Не сомневайся в этом.

Лаэрт

А Гамлета ухаживанья — вздор.
Считай их блажью, шалостями крови,
Фиалкою, расцветшей в холода́,
Нежданной, гиблой, сладкой, обреченной,
Благоуханьем мига, и того
Не более.

Офелия

Не более?

Лаэрт

Не боле.
Рост жизни не в одном развитье мышц.
По мере роста тела, в нем, как в храме,
Растет служенье духа и ума.
Пусть любит он сейчас без задних мыслей,
Ничем еще не запятнавши чувств.
Подумай, кто он, и прониканись страхом.
По званью он себе не голова,
Но сам в плену у своего рожденья.

Не вправе он, как всякий человек,
Располагать собою. От избранья
Зависит благоденствие страны.
Поэтому не он свершает выбор,
А стан, которому он — голова.
Пусть он пока твердит тебе, что любит.
Твой долг не больше доверять словам,
Чем в силах он при этом положенье
Их оправдать, а он их подтвердит,
Как общий голос Дании захочет.
Итак, пойми, как пострадает честь,
Когда ты примешь песнь его за правду,
И сдашься сердцем, и откроешь клад
Невинности горячим настояньям.
Страшись, сестра; Офелия, страшись,
Остерегайся, как огня, влеченья,
На выстрел от взаимности беги.
Уже и то нескромно, если месяц
На девушку засмотрится в окно.
Оклеветать легко и добродетель.
Червь бьет всего прожорливей ростки,
Когда на них еще не вскрылись почки,
И ранним утром жизни, по росе,
Особенно прилипчивы болезни.
Пока наш нрав не искушен и юн,
Застенчивость наш лучший опекун.

Офелия

Я смысл ученья твоего поставлю
Хранителем души. Но, милый брат,
Не поступай со мной, как тот лжепастырь,
Который кажет нам тернистый путь
На небеса, а сам, вразрез советам,
Повесничает на стезях греха
И не краснеет.

Лаэрт

За меня не бойся.
Но что ж я медлю? Вот и наш отец.

Входит Полоний.

Вдвойне благословиться дважды благо.
Вот новый повод попрощаться нам.

Полоний

Всё тут, Лаэрт? В путь, в путь, стыдился б, право!
Уж ветер выгнул плечи парусов,
А сам ты где? Стань под благословенье
И заруби-ка вот что на носу.
Заветным мыслям не давай огласки,
Несообразным — ходу не давай.
Будь прост с людьми, но не запанибрата.
Проверенных и лучших из друзей
Приковывай стальными обручами,
Но до мозолей рук не натирай
Пожатьями со встречными. Старайся
Беречься драк, а сцепишься, берись
За дело так, чтоб береглись другие.
Всех слушай, но беседуй редко с кем.
Терпи их суд и прячь свои сужденья.
Рядись, во что позволит кошелек,
Но не франти,— богато, но без вычур.
По платью познается человек,
Во Франции ж на этот счет средь знати
Особо зоркий глаз. Не занимай
И не ссужай. Давая деньги в ссуду,
Лишаемся мы денег и друзей,
А займы притупляют бережливость.
Всего превыше: верен будь себе.
Тогда, как утро следует за ночью,
Не будешь вероломным ты ни с кем.
Прощай, запомни все и собирайся.

Лаэрт

Почтительно откланяться осмелюсь.

Полоний

Давно уж время. Слуги заждались.

Лаэрт

Прощай, Офелия, и твердо помни,
О чем шла речь.

Офелия

Замкну в душе, а ключ
Возьми с собой.

Лаэрт

Счастливо оставаться.
(Уходит.)

Полоний

О чем шла речь, Офелия, у вас?

Офелия

Предмет — принц Гамлет, если вам угодно.

Полоний

Ах, вот как? Это кстати. Я слыхал,
Он очень зачастил к тебе как будто.
А также избалован, говорят,
Твоим вниманьем? Если это правда,—
А так передавали мне как раз
Порядка ради,— должен я признаться,
Совсем не так ты сознаешь свой долг,
Как спросится с твоей дочерней чести.
Что между вами? Будь со мной пряма.

Офелия

Со мной не раз он в нежности пускался
В залог сердечной дружбы.

Полоний

Каково!
В залог сердечной дружбы. Что ты смыслишь
В таких вещах? А как ты отнеслась
К его,— как ты их назвала,— залогам?

Офелия

Не знаю я, что думать мне о них.

Полоний

Я научу: за чистую монету
Ты этих глупостей не принимай
И требуй впредь залогов подороже.
А то, сведя все это в каламбур,
Под твой залог останешься ты в дурах.

Офелия

Отец, он предлагал свою любовь
С учтивостью.

Полоний

С учтивостью! Подумай!

Офелия

И в подтвержденье слов своих всегда
Мне клялся чуть ли не святыми всеми.

Полоний

Силки для птиц! Иль я забыл, когда
Пылает кровь, как щедр язык на клятвы!
Нет, эти вспышки не дают тепла,
Слепят на миг и гаснут в обещанье.
Не принимай их, дочка, за огонь.
Будь поскупей на будущее время.

Пускай твоей беседой дорожат.
Не торопись навстречу, только кликнут.
А Гамлету верь только в том одном,
Что молод он, и меньше в поведенье
Стеснен, чем ты; точней — совсем не верь.
А клятвам и подавно. Клятвы — сводни.
Не то они, чем кажутся извне.
Они, как маклаки по ложным искам,
Нарочно дышат кротостью святош,
Чтоб обойти тем легче. Повторяю,
Я не хочу, чтоб впредь на твой досуг
Бросали тень хотя бы на минуту
Беседы с принцем Гамлетом. Ступай.
Смотри не забывай.

Офелия

Я повинуюсь.

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Там же. Площадка перед замком.

Входят Гамлет, Горацио и Марцелл.

Гамлет

А на ветру как щиплет! Ну и холод!

Горацио

Пронизывает. Прямо как зимой.

Гамлет

Который час?

Горацио

Без малого двенадцать.

Марцелл

Нет. С лишним. Било.

Горацио

Било? Не слыхал.
Тогда, пожалуй, наступает время,
В которое всегда являлась тень.

Трубы, пушечные выстрелы за сценой.

Что это значит, принц?

Гамлет

Король не спит и пляшет до упаду,
И пьет и бражничает до утра,
И чуть осилит новый кубок с рейнским,
Оповещает гром литавр и труб
Про этот подвиг.

Горацио

Это что ж,— обычай?

Гамлет

Да, как сказать,— увы.
Хотя я здешний и давно привык,
Обычай непохвальный и достойный
Уничтоженья. Эти кутежи,
Расславленные на восток и запад,
Покрыли нас стыдом в чужих краях.
Там наша кличка — пьяницы и свиньи.
И это отнимает, не шутя,
Какую-то существенную мелочь
У наших дел, достоинств и заслуг.
Бывает и с отдельным человеком,
Что, например, родимое пятно,
В котором он невинен, ибо, верно,
Родителей себе не выбирал,
Иль странный склад души, перед которым
Сдается разум, или недочет
В манерах, оскорбляющий привычки,—
Бывает, словом, что пустой изъян,
В роду ли, свой ли, губит человека
Во мненье всех, будь доблести его,
Как милость божья, чисты и несметны.
А всё от этой глупой капли зла,
И сразу все добро идет насмарку.
Досадно ведь.

Горацио

Смотрите, принц, вот он.

Входит Призрак.

Гамлет

Святители небесные, спасите!
Благой ли дух ты или ангел зла,
Дыханье рая, ада ль дуновенье,
К вреду иль к пользе помыслы твои,
Я озадачен так твоим явленьем,

Что должен расспросить тебя, и вот
Как назову тебя: отец мой, Гамлет,
Король, властитель датский, отвечай!
Не дай пропасть в неведенье. Скажи мне,
Зачем на преданных земле костях
Разорван саван? Отчего гробница,
Где мы в покое видели твой прах,
Разжала с силой челюсти из камня,
Чтоб выплюнуть тебя? Чем объяснить,
Что бездыханный труп, в вооруженье,
Ты движешься, обезобразив ночь,
В лучах луны, и нам, глупцам созданья,
Так страшно потрясаешь существо
Загадками не нашего охвата?
Скажи, зачем? К чему? Что делать нам?

Призрак манит Гамлета.

Горацио
Он подал знак, чтоб вы с ним удалились,
Как будто хочет что-то сообщить
Вам одному.
Марцелл
Смотрите, как любезно
Он вас зовет подальше в глубину.
Но не ходите.
Горацио
Ни за что на свете.
Гамлет
А здесь он не ответит. Я пойду.
Горацио
Не надо, принц.
Гамлет
Ну вот! Чего бояться?
Я жизнь свою в булавку не ценю.
А чем он для души моей опасен,
Когда она бессмертна, как и он?
Он снова мне кивает. Я приближусь.
Горацио
А если он заманит вас к воде
Или на выступ страшного утеса,
Нависшего над морем, и на нем
Во что-нибудь такое обернется,

Что вас лишит рассудка и столкнет
В безумие? Подумайте об этом.
На той скале и без иных причин
Шалеет всякий, кто увидит море
Под крутизной во столько саженей,
Ревущее внизу.

Гамлет

Опять кивает.
Ступай! Иду!

Марцелл

Не пустим.

Гамлет

Руки прочь!

Горацио

Опомнитесь. Не надо.

Гамлет

Это — голос
Моей судьбы, и он все жилы мне
Внезапно силой львиной наливает.

Призрак манит.

Все манит он. Дорогу, господа!
(Вырывается от них.)
Я в духов превращу вас, только троньте!
Прочь, сказано! Иди. Я за тобой.

Призрак и Гамлет уходят.

Горацио

Теперь он весь во власти исступленья.

Марцелл

Пойдем за ним, не слушаясь его.

Горацио

Последуем. Что это может значить?

Марцелл

Какая-то в державе датской гниль.

Горацио

Наставь на путь нас, господи!

Марцелл

Идемте.

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Там же. Более отдаленная часть площадки.

Входят Призрак и Гамлет.

Гамлет
Куда ведешь? Я дальше не пойду.
Призрак
Следи за мной.
Гамлет
Слежу.
Призрак
Настал тот час,
Когда я должен пламени геенны
Предать себя на муку.
Гамлет
Бедный дух!
Призрак
Не сожалей, но вверься всей душою
И выслушай.
Гамлет
Внимать тебе мой долг.
Призрак
И отомстить, когда ты все услышишь.
Гамлет
Что?
Призрак
Я дух родного твоего отца,
На некий срок скитаться осужденный
Ночной порой, а днем гореть в огне,
Пока мои земные окаянства
Не выгорят дотла. Мне не дано
Касаться тайн моей тюрьмы. Иначе б
От слов легчайших повести моей
Зашлась душа твоя и кровь застыла.
Глаза, как звезды, вышли из орбит
И кудри отделились друг от друга,
Поднявши дыбом каждый волосок,
Как иглы на взбешенном дикобразе.
Но вечность — звук не для земных ушей.
О слушай, слушай, слушай! Если только
Ты впрямь любил когда-нибудь отца...

Гамлет

О боже мой!

Призрак

Отмсти за подлое его убийство.

Гамлет

Убийство?

Призрак

Да, убийство из убийств,
Как ни бесчеловечны все убийства.

Гамлет

Рассказывай, чтоб я на крыльях мог
Со скоростью мечты и страстной мысли
Пуститься к мести.

Призрак

Вижу, ты готов.
И кто б ты был? — Болотной сонной ряской
В стоячих водах Леты, если б тут
Не всколыхнулся. Значит, слушай, Гамлет.
Объявлено, что спящего в саду
Меня змея ужалила. Датчане
Бесстыдной басней введены в обман.
Ты должен знать, мой мальчик благородный,
Змея — убийца твоего отца —
В его короне.

Гамлет

О мои прозренья!
Мой дядя?

Призрак

Да.
Кровосмеситель и прелюбодей,
Врожденным даром хитрости и лести
(Будь прокляты дары, когда от них
Такой соблазн!) увлекший королеву
К постыдному сожительству с собой.
Какое здесь паденье было, Гамлет!
От возвышающей моей любви,
Все годы шедшей об руку с обетом,
Ей данным при венчанье,— к существу,
Чьи качества природные ничтожны
Перед моими!
Но так же, как не дрогнет добродетель,
Каких бы чар ни напускал разврат,
Так похоть даже в ангельских объятьях

Пресытится блаженством и начнет
Жрать падаль.
Но тише! Ветром утренним пахнуло.
Потороплюсь. Когда я спал в саду
В свое послеобеденное время,
В мой уголок прокрался дядя твой
С проклятым соком белены во фляге
И влил в притвор моих ушей настой,
Чье действие в таком раздоре с кровью,
Что мигом обегает, словно ртуть,
Все внутренние переходы тела,
Створаживая кровь, как молоко,
С которым каплю уксуса смешали.
Так было и со мной. Сплошной лишай
Покрыл мгновенно пакостной и гнойной
Коростою, как Лазарю, кругом
Всю кожу мне.
Так был рукою брата я во сне
Лишен короны, жизни, королевы;
Так был подрезан в цвете грешных дней,
Не причащен и миром не помазан;
Так послан второпях на Страшный суд
Со всеми преступленьями на шее.
О ужас, ужас, ужас! Если ты
Не обделен природой, не потворствуй.
Не дай постели датских королей
Служить кровосмешенью и распутству.
Однако, как бы ни сложилась месть,
Не оскверняй души, и умышленьем
Не посягай на мать. Судья ей бог
И совести глубокие уколы.
Теперь прощай. Пора. Смотри, светляк,
Встречая утро, убавляет пламя.
Прощай, прощай и помни обо мне.

(Уходит.)

Гамлет

О небо! О земля! Кого в придачу?
Быть может, ад? Стой, сердце! Сердце, стой!
Не подгибайтесь подо мною, ноги!
Держитесь прямо! Помнить о тебе?
Да, бедный дух, пока есть память в шаре
Разбитом этом. Помнить о тебе?
Я с памятной доски сотру все знаки

Чувствительности, все слова из книг,
Все образы, всех былей отпечатки,
Что с детства наблюденье занесло,
И лишь твоим единственным веленьем
Весь том, всю книгу мозга испишу
Без низкой смеси. Да, как перед богом!
О женщина-злодейка! О подлец!
О низость, низость с низкою улыбкой!
Где грифель мой, я это запишу,
Что можно улыбаться, улыбаться
И быть мерзавцем. Если не везде,
То, достоверно, в Дании.
(Пишет.)
Готово, дядя. Мой завет отныне:
«Прощай, прощай и помни обо мне».
Я в том клянусь.

Горацио и Марцелл *(за сценой)*
Принц! Принц!

Марцелл *(за сценой)*
Принц Гамлет!

Горацио *(за сценой)*
Где он?

Гамлет
Да будет так!

Горацио *(за сценой)*
Ого-го-го, милорд!

Гамлет
Ого-го-го, сюда, моя охота!

Входят Горацио и Марцелл.

Марцелл
Ну как, милорд?

Горацио
Что нового, милорд?

Гамлет
О, чудеса!

Горацио
А именно?

Гамлет
Сболтнете.

Горацио
Нет, никогда, милорд.

Марцелл
И я, милорд.

Гамлет

Ну, хорошо. Итак, кто б мог подумать...
Но это между нами?

Горацио и Марцелл

Видит бог.

Гамлет

Нет в Дании такого негодяя,
Который дрянью не был бы притом.

Горацио

Нет надобности в духах из могилы
Для истин вроде этой.

Гамлет

Спору нет.
Итак, без околичностей, давайте
Пожмем друг другу руки и пойдем.
Вы — по своим делам или желаньям,—
У всех свои желанья и дела,—
Я — по своим; точней — бедняк отпетый,
Пойду молиться.

Горацио

Это только вихрь
Бессвязных слов, милорд.

Гамлет

Я сожалею,
Что вы в обиде.

Горацио

Здесь обиды нет.

Гамлет

Нет, есть, Гораций, есть, клянусь Патриком,—
Немалая! О призраке ж скажу,
Что это дух, достойный уваженья.
А страсть узнать всю правду как-нибудь
Уж пересильте. А теперь, собратья,
Товарищи по школе и мечу,—
Большая просьба.

Горацио

С радостью исполним.

Гамлет

О происшедшем чур не говорить.

Горацио и Марцелл

Не скажем, принц.

Гамлет

Клянитесь в этом.

Горацио

Честью

Клянусь, не скажем.

Марцелл

Честию клянусь.

Гамлет

Вот меч,— клянитесь.

Марцелл

Мы уж дали клятву.

Гамлет

Нет, поклянитесь на моем мече.

Призрак *(из-под сцены)*

Клянитесь!

Гамлет

Ага, старик, и ты того же мненья?
Вы слышите, что вам он говорит?
Извольте ж клясться.

Горацио

Назовите клятву.

Гамлет

Клянитесь никогда не говорить
О виденном. Ладонь на меч.

Призрак *(из-под сцены)*

Клянитесь!

Гамлет

Hic et ubique? Перейдем сюда,
И вновь на рукоятку ваши руки
Клянитесь никогда не говорить
О слышанном. Ладонь на меч!

Призрак *(из-под сцены)*

Клянитесь!

Гамлет

Ты, старый крот! Как скор ты под землей!
Уж подкопался? Переменим место.

Горацио

О день и ночь! Вот это чудеса!

Гамлет

Как чужестранцев вы их и примите.
Гораций, в мире много кой-чего,
Что вашей философии не снилось.
Но к делу. Вновь клянитесь, если вам
Спасенье мило, как бы непонятно
Я дальше ни повел себя, кого

Собой ни счел необходимым корчить,
Вы никогда при виде этих штук
Вот эдак рук не скрестите, вот эдак
Не покачнете головой, вот так
Не станете цедить с мудреным видом:
«Кто-кто, а мы...», «Могли б, да не хотим»,
«Приди охота...», «Мы бы рассказали».
Того не делать и не намекать,
Что обо мне разведали вы что-то,
Вот в чем клянитесь, и да будет бог
На помощь вам.

Призрак *(из-под сцены)*

Клянитесь!

Гамлет

Успокойся,
Мятежный дух! А дальше, господа,
Себя с любовью вам препоручаю.
Все, чем возможно дружбу доказать,
Бедняк, как Гамлет, обещает сделать
Поздней, бог даст. Пойдемте вместе все.
И пальцы на губах,— напоминаю.
Разлажен жизни ход, и в этот ад
Закинут я, чтоб все пошло на лад!
Пойдемте вместе.

Уходят.

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Эльсинор. Комната в доме Полония.

Входят Полоний и Рейпальдо.

Полоний

Вот деньги и письмо к нему, Рейнальдо.

Рейнальдо

Вручу, милорд.

Полоний

Да было б хорошо
До вашего свидания, голубчик,
Разнюхать там, как он себя ведет.

Рейнальдо

Я это сам хотел, милорд.

Полоний

Похвально.

Весьма похвально. Видите, дружок,
Сперва спросите про датчан в Париже,
Со средствами ль, кто родом, где стоят
И в дружбе с кем, и если б вдруг открылось,
Что сына знают, от обиняков
Переходите прямо в наступленье,
Не подавая вида. Например,
Скажите тоном дальнего знакомства:
«Я знал его друзей, встречал отца,
Знаком отчасти и с самим». Понятно?

Рейнальдо

Вполне, милорд.

Полоний

«Отчасти и с самим.
Хотя,— спешите вставить,— очень мало.
Но если это тот же шалопай,
То так и так», и врите, как на мертвых,
Про что угодно, кроме сумасбродств,
Вредящих чести. Это бог избави.
Про все же разновидности проказ,
Сопутствующих росту и свободе,
Пожалуйста.

Рейнальдо

К примеру, про игру?

Полоний

Пожалуйста. Про пьянство, драки, ругань,
Хожденье к девкам, даже и про то.

Рейнальдо

Милорд, не повредило б это чести.

Полоний

Зачем, все дело соус, как подать.
Не обвиняйте в чем-нибудь чрезмерном,
Что было б грубой крайностью. Зачем?
Наоборот, вы так представьте дело,
Чтоб промахи его приобрели
Налет огня, оттенок своеволья
И внешность молодого озорства,
Простительные всем.

Рейнальдо

Но я осмелюсь...

Полоний

Спросить, к чему все это?

Рейнальдо

Да, милорд.

К чему все это?

Полоний

Вот мои расчеты.
Такие речи бьют наверняка.
Когда вы вскользь запачкаете сына,
Как за работой мажут рукава,
Ваш собеседник тотчас согласится,
И если тоже замечал за ним
Подобные проделки, непременно
Прервет вас, скажем, на такой манер:
«Сэр», скажет он, иль «друг мой», или «сударь»,
Смотря по званью, и откуда сам,
И как воспитан.

Рейнальдо

Совершенно верно.

Полоний

И вот тогда, тогда-то вот, тогда...
Что это я хотел сказать? Клянусь причастием, я что-то хотел сказать. На чем я остановился?

Рейнальдо

На «он прервет вас, скажем...»

Полоний

Да, прервет.
Ага, прервет, прервет. «Да! — скажет он,—
Я знаю молодого человека.
Он был вчера или позавчера
С таким-то и таким-то там и там-то.
Играли в мяч, он был порядком пьян
И кончил дракой». Или: «Я свидетель,
Как ходит он в один торговый дом,
Точней сказать, публичный», и так дале.
Ну, поняли? Насаживайте ложь
И на живца ловите карпа правды.
Так все мы, люди дальнего ума,
Издалека, обходом, стороною
С кривых путей выходим на прямой.

Рекомендую с сыном тот же способ.
Ну, поняли? Понятно?

Рейнальдо

Да, милорд.

Полоний

Желаю здравствовать.

Рейнальдо

Милорд мой добрый!

Полоний

Пускай не замечает, что следят.

Рейнальдо

О нет, милорд.

Полоний

А впрочем, вольным воля,
Спасенным рай.

Рейнальдо

Понятно.

Полоний

Добрый путь.

Рейнальдо уходит. Входит Офелия.

Офелия! Что скажешь?

Офелия

Боже правый!
В каком я перепуге!

Полоний

Отчего?
Господь с тобой!

Офелия

Я шила, входит Гамлет,
Без шляпы, безрукавка пополам,
Чулки до пяток, в пятнах, без подвязок,
Трясется так, что слышно, как стучит
Коленка о коленку, так растерян,
Как будто выпущен из-под земли
Порассказать об ужасах геенны.

Полоний

От страсти обезумел?

Офелия

Не скажу,
Но опасаюсь.

Полоний

Что же говорит он?

Офелия

Он сжал мне кисть и отступил на шаг,
Руки не разнимая, а другую
Поднес к глазам и стал из-под нее
Рассматривать меня, как рисовальщик.
Он долго изучал меня в упор,
Тряхнул рукою, трижды поклонился
И испустил такой глубокий вздох,
Как будто перенес в него остаток
Последнего дыханья, вслед за чем
Разжал ладонь, освободил мне руку
И удалился, глядя чрез плечо.
Он шел и находил без глаз дорогу
И тем же чудом, пятясь, вышел в дверь,
Глаза все время на меня уставя.

Полоний

Пойдем со мной, отыщем короля.
Здесь явный взрыв любовного безумья,
В неистовствах которого подчас
Доходят до отчаянных решений.
Но таковы все страсти под луной,
Играющие нами. Очень жалко.
Ты не была с ним эти дни резка?

Офелия

Нет, кажется, но, помня наставленье,
Не принимала больше ни его,
Ни писем от него.

Полоний

Вот он и спятил!
Жаль, что судил о нем я сгоряча
И так легко. Я думал, это модник
И твой губитель, и перемудрил.
Но видит бог, излишняя забота
Такое же проклятье стариков,
Как беззаботность — горе молодежи.
Идем и все расскажем королю.
Спасая близких, действуй без опаски:
Таить любовь опаснее огласки.
Идем.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же. Комната в замке.

Входят король, королева, Розенкранц, Гильденстерн и свита.

Король

Привет вам, Розенкранц и Гильденстерн!
Помимо жажды видеть вас пред нами,
Заставила вас вызвать и нужда.
До вас дошла уже, наверно, новость
О превращенье Гамлета. Нельзя
Сказать иначе, так неузнаваем
Он внутренне и внешне. Не пойму,
Какая сила сверх отцовой смерти
Произвела такой переворот
В его душе. Я вас прошу обоих
Как сверстников его, со школьных лет
Узнавших коротко его характер,
Пожертвовать досугом и провесть
Его у нас. Втяните принца силой
В рассеянье, и в обществе с собой,
Где только будет случай, допытайтесь,
Какая тайна мучает его
И нет ли от нее у нас лекарства.

Королева

Он часто вспоминал вас, господа.
Я больше никого не знаю в мире,
Кому б он был так предан. Если вам
Не жалко будет выказать любезность
И ваше время можно посвятить
Надежде нашей и ее поддержке,
Приезд ваш будет нами награжден
По-королевски.

Розенкранц

В королевской воле
Приказы отдавать, а не просить.

Гильденстерн

В согласье с чем мы оба повергаем
Свою готовность к царственным стопам
И ждем распоряжений.

Король

Спасибо, Розенкранц и Гильденстерн.

Королева

Спасибо, Гильденстерн и Розенкранц.
Пожалуйста, пройдите тотчас к сыну.
Он так переменился! Господа,
Пусть кто-нибудь их к Гамлету проводит.

Гильденстерн

Дай бог, чтоб наше общество пошло
Ему на утешенье.

Королева

Бог на помощь.

Розенкранц, Гильденстерн и некоторые из свиты уходят.
Входит Полоний.

Полоний

Послы благополучно, государь,
Вернулись из Норвегии.

Король

Ты был всегда отцом благих вестей.

Полоний

Был, государь, не так ли? И останусь.
Я долг привык блюсти пред королем,
Как соблюдаю душу перед богом.
И знаете, что я вам доложу?
Что либо этот мозг уж не годится
В охотничьи ищейки, либо я
Напал на корень Гамлетовых бредней.

Король

О, не тяни. Не терпится узнать.

Полоний

Сперва аудиенцию посольству,
А мой секрет на сладкое к нему.

Король

Так сделай милость, выйди к ним навстречу.

Полоний уходит.

Он говорит, Гертруда, что нашел,
На чем ваш сын несчастный помешался.

Королева

Причина, к сожалению, одна:
Смерть короля и спешность нашей свадьбы.

Король

Увидим сами.

Возвращается Полоний с Вольтиманд ом и Корнелием.

Здравствуйте, друзья!
Что, Вольтиманд, наш брат король норвежский?

Вольтиманд

Благодарит и сам желает благ.
Набор охотников приостановлен.
Он до сих пор казался королю
Военной подготовкой против Польши,
Но прикрывал, как понял он, удар
По вашему величеству. Увидев,
Как сам он в дряхлом возрасте своем
Обманут был племянником, он вызвал
Его приказом. Фортинбрас пришел,
От дяди получил головомойку
И дал, раскаясь, клятву никогда
На вас, милорд, не подымать оружья.
На радостях растроганный старик
Дает ему три тысячи годичных
И право двинуть набранных солдат
В поход на Польшу. В приложенье — просьба,
(подает бумагу)
Чтоб вы благоволили дать войскам
Свободный пропуск чрез свои владенья
Под верное ручательство, статьи
Которого изложены особо.

Король

Весьма довольны положеньем дел.
Вчитаемся подробней на досуге
И, обсудив, придумаем ответ.
Благодарим за рвенье. Отдохните.
А вечером пожалуйте на пир.
До скорой встречи.

Вольтиманд и Корнелий уходят.

Полоний

Это дело в шляпе.
Вдаваться, государи, в спор о том,
Что значит царь и слуги и что время
Есть время, день есть день и ночь есть ночь,—
Есть трата времени и дня и ночи.
Итак, раз краткость есть душа ума,
А многословье — тело и прикрасы,
То буду сжат. Ваш сын сошел с ума.

С ума, сказал я, ибо сумасшедший
И есть лицо, сошедшее с ума.
Но пóбоку.

Королева

Дельней, да безыскусней.

Полоний

Здесь нет искусства, госпожа моя.
Что он помешан — факт. И факт, что жалко.
И жаль, что факт. Дурацкий оборот.
Но все равно. Я буду безыскусен.
Допустим, он помешан. Надлежит
Найти причину этого эффекта,
Или дефекта, ибо сам эффект
Благодаря причине дефективен.
А то, что надо, в том и есть нужда.
Что ж вытекает?
Я дочь имею, ибо дочь — моя.
Вот что дала мне дочь из послушанья.
Судите и внимайте, я прочту.

(Читает.)

«Небесной, идолу души моей, ненаглядной Офелии». Это плохое выраженье, избитое выраженье: «ненаглядной» — избитое выраженье. Но слушайте дальше. Вот:

(Читает.)

«На ее дивную белую грудь эти...» и тому подобное.

Королева

Ей это Гамлет пишет?

Полоний

Миг терпенья.
Я по порядку, госпожа моя.

(Читает.)

«Не верь дневному свету,
Не верь звезде ночей,
Не верь, что правда где-то,
Но верь любви моей.

О дорогая Офелия, не в ладах я со стихосложеньем. Вздыхать по мерке не моя слабость. Но что я крепко люблю тебя, о, моя хорошая, верь мне. Прощай. Твой навеки, драгоценнейшая, пока эта махина принадлежит ему. Гамлет».

Вот что мне дочь дала из послушанья,
А также показала на словах,
Когда по времени и где по месту
Любезничал он с ней.

Король

Как приняла

Она его любовь?

Полоний

Какого мненья

Вы обо мне?

Король

Вы чести образец

И преданности.

Полоний

Рад бы оказаться.

Какого ж мненья были б вы, когда,
Застигнув эту страсть в ее зачатке,
А я ее, признаться, разглядел
Скорей, чем дочь,— какого мненья были б
Вы, государыня, вы, государь,
Когда б я терпеливее бумаги
Сквозь пальцы стал смотреть на эту страсть
И сделал сердцу знак молчать. Какого
Вы были б мненья? Нет, я напрямик
Немедленно сказал своей девице:
«Лорд Гамлет — принц, он не твоей звезды.
Тому не быть» — и сделал ей внушенье
Замкнуться от его похвал на ключ,
Гнать посланных и возвращать подарки.
Она меня послушалась, и что ж:
Отвергнутый, чтоб выразиться вкратце,
Он впал в тоску, утратил аппетит,
Утратил сон, затем утратил силы,
А там из легкого расстройства впал
В тяжелое, в котором и бушует
На горе всем.

Король

Вы тех же мыслей?

Королева

Да.

Правдоподобно.

Полоний

Назовите случай,

Когда бы утверждал я: «это так»,
А было б по-иному.

Король

Не припомню.

Полоний *(показывая на свою голову и плечи)*
Я это дам от этого отсечь,
Что прав и ныне. С нитью путеводной
Я под землей до правды доберусь.
Король
Как это нам проверить?
Полоний
Очень просто.
Он бродит тут часами напролет
По галерее.
Королева
Совершенно верно.
Полоний
Я дочь ему подкину в этот час,
А мы вдвоем за занавеску станем.
Увидите их встречу. Если он
Не любит дочь и не любовью болен,
Я больше не сановник, а держу
Заезжий двор.
Король
Ну что ж, понаблюдаем.
Королева
А вот бедняжка с книжкою и сам.
Полоний
Уйдите оба, оба уходите.
Я подойду к нему. Прошу простить.

Король, королева и свита уходят.
Входит Гамлет, читая.

Как поживает господин мой Гамлет?

Гамлет. Хорошо, слава богу.

Полоний. Вы меня знаете, милорд?

Гамлет. Отлично. Вы рыбный торговец.

Полоний. Нет, что вы, милорд.

Гамлет. Тогда не мешало б вам быть таким же честным.

Полоний. Честным, милорд?

Гамлет. Да, сэр. Быть честным, по ходу вещей, значит быть единственным из десяти тысяч.

Полоний. Это совершенная истина, милорд.

Гамлет. Уж если и солнце приживает червей с собачиной, была бы падаль для лобзаний... Есть у вас дочь?

Полоний. Есть, милорд.

Гамлет. Не пускайте ее на солнце. Зачать — благодатно, но не для вашей дочери. Не зевайте, приятель.

Полоний *(в сторону)*. Ну что вы скажете? Нет-нет да и свернет на дочку. А вперед не узнал. Рыбный, говорит, торговец. Далеко зашел, далеко. В сущности говоря, в молодости и я ох как натерпелся от любви. Почти что в этом роде. Попробую опять.— Что читаете, милорд?

Гамлет. Слова, слова, слова.

Полоний. А в чем там дело, милорд?

Гамлет. Между кем и кем?

Полоний. Я хочу сказать, что написано в книге, милорд?

Гамлет. Клевета. Каналья сатирик утверждает, что у стариков седые бороды, лица в морщинах, из глаз густо сочится смола и сливовый клей и что их распирает от маломыслия, сопряженного со слабостью ляжек. Всему этому, сэр, я верю легко и охотно, но публиковать это считаю бесстыдством, ибо сами вы, милостивый государь, когда-нибудь состаритесь, как я, ежели, подобно раку, будете пятиться назад.

Полоний *(в сторону)*. Если это и безумье, то по-своему последовательное.— Не уйти ли подальше с открытого воздуха, милорд?

Гамлет. Куда, в могилу?

Полоний. В самом деле, дальше нельзя. *(В сторону.)* Как проницательны подчас его ответы! Находчивость, которая часто сама валится на полоумных и не всегда жалует понятливых. Однако пойду поскорей придумаю, как бы ему встретиться с дочкой.— Досточтимый принц, прошу разрешенья удалиться.

Гамлет. Не мог бы вам дать ничего, сэр, с чем расстался бы охотней. Кроме моей жизни, кроме моей жизни, кроме моей жизни.

Полоний. Желаю здравствовать, принц.

Гамлет. О, эти несносные старые дурни!

Входят Розенкранц и Гильденстерн.

Полоний
Вам принца Гамлета? Вот он как раз.

Розенкранц *(Полонию)*
Спасибо, сэр.

Полоний уходит.

Гильденстерн
Почтенный принц!

Розенкранц
Бесценный принц!

Гамлет

Ба, милые друзья! Ты, Гильденстерн?
Ты, Розенкранц? Ну как дела, ребята?

Розенкранц

Как у любого из сынов земли.

Гильденстерн

По счастью, наше счастье не чрезмерно.
Мы не верхи на колпаке Фортуны.

Гамлет

Но также не низы ее подошв?

Розенкранц

Ни то, ни это, принц.

Гамлет. Значит, вы где-то на полдороге к талии или в самой сердцевине ее милостей.

Гильденстерн. Вот-вот. Там мы люди свои.

Гамлет. В тайниках Фортуны? Охотно верю. Это баба бывалая. Однако что нового?

Розенкранц. Ничего, принц, кроме того, что в мире завелась совесть.

Гамлет. Значит, скоро конец света. Впрочем, у вас ложные сведенья. Однако давайте поподробнее. Чем прогневили вы, дорогие мои, эту свою Фортуну, что она шлет вас сюда в тюрьму?

Гильденстерн. В тюрьму, принц?

Гамлет. Дания — тюрьма.

Розенкранц. Тогда весь мир тюрьма.

Гамлет. И притом образцовая, со множеством арестантских, темниц и подземелий, из которых Дания — наихудшее.

Розенкранц. Мы не согласны, принц.

Гамлет. Значит, для вас она не тюрьма, ибо сами по себе вещи не бывают хорошими и дурными, а только в нашей оценке. Для меня она тюрьма.

Розенкранц. Значит, тюрьмой делает ее ваша жажда славы. Вашим запросам тесно в ней.

Гамлет. О боже! Заключите меня в скорлупу ореха, и я буду мнить себя повелителем бесконечности, только избавьте меня от дурных снов.

Гильденстерн. А вот сны-то и есть мечты о славе. Так что сущность честолюбца — это как бы тень, отбрасываемая сном.

Гамлет. Сон сам по себе только тень.

Розенкранц. Ваша правда. И по-моему, желанье славы такого воздушного строения, что всего лишь тень тени.

Гамлет. Итак, одни ничтожества у нас истинные тела, а владетельные и великие особы — тени ничтожеств. Однако, чем умствовать, не пойти ли лучше ко двору. Ей-богу, я едва соображаю.

Розенкранц и Гильденстерн. Мы ваши верные слуги.

Гамлет. Нет, к чему же! Мои слуги стали слишком хорошо следить за мной в последнее время. Но положа руку на сердце: зачем вы в Эльсиноре?

Розенкранц. В гостях у вас, принц, больше ни за чем.

Гамлет. При моей бедности, мала и моя благодарность. Но я благодарю вас. И однако: даже этой благодарности слишком для вас много. За вами не посылали? Это ваше собственное побужденье? Ваш приезд доброволен? А? Пожалуйста, по совести. А? А? Ну как?

Гильденстерн. Что нам сказать, милорд?

Гамлет. Ах, да что угодно, только не к делу! За вами послали. В ваших глазах есть род признанья, которое ваша сдержанность бессильна затушевать. Я знаю, добрый король и королева послали за вами.

Розенкранц. С какою целью, принц?

Гамлет. Это уж вам лучше знать. Но только заклинаю вас правами товарищества, былым единодушьем, обязательствами, налагаемыми нерушимой любовью, и всем тем из заветнейшего, что мог бы привести кто-нибудь поискусней,— без изворотов со мной: посылали за вами или нет?

Розенкранц *(Гильденстерну)*. Что вы скажете?

Гамлет *(в сторону)*. Ну вот, не в бровь, а в глаз. *(Громко.)* Если любите меня, не отпирайтесь.

Гильденстерн. Милорд, за нами послали.

Гамлет. Хотите, скажу вам — зачем. Таким образом моя догадка предупредит вашу болтливость, и ваша верность тайне короля и королевы не полиняет ни перышком. Недавно, не знаю почему, я потерял всю свою веселость и привычку к занятьям. Мне так не по себе, что этот цветник мирозданья, земля, кажется мне бесплодною скалою, а этот необъятный шатер воздуха с неприступно вознесшейся твердью, этот, видите ли, царственный свод, выложенный золотою искрой, на мой взгляд — просто-напросто скопленье вонючих и вредных паров. Какое чудо природы человек! Как благороден разумом! С какими безграничными способностями! Как точен и поразителен по складу и движеньям! В поступках как близок к ангелу! В воззреньях как близок к богу! Краса вселенной! Венец всего

живущего! А что мне эта квинтэссенция праха? Мужчины не занимают меня, и женщины тоже, как ни оспаривают этого ваши улыбки.

Розенкранц. Принц, ничего подобного не было у меня в мыслях!

Гамлет. Что же вы усмехнулись, когда я сказал, что мужчины не занимают меня?

Розенкранц. Я подумал, какой постный прием окажете вы в таком случае актерам. Мы их обогнали по дороге. Они направляются сюда предложить вам свои услуги.

Гамлет. Играющему королей — низкий поклон. Я буду данником его величества. Странствующий рыцарь найдет дело для своего меча и щита. Вздохи любовника не пропадут даром. Меланхолик обретет желанный покой. Над шутом будут надрывать животики все те, у кого они, как взведенные курки, только ждут щекотки. Пускай героиня выкладывает всю душу, не считаясь со стихосложением. Что это за актеры?

Розенкранц. Те самые, которые вам так нравились,— столичные трагики.

Гамлет. Что их толкнуло в разъезды? Постоянное пристанище было выгоднее в отношении денег и славы.

Розенкранц. Я думаю, их к этому принудили последние нововведенья.

Гамлет. Ценят ли их, как в прежнее время, когда я был в городе? Такие же ли у них сборы?

Розенкранц. Нет, в том-то и дело, что нет.

Гамлет. Отчего же? Разве они стали хуже?

Розенкранц. Нет, они подвизаются на своем поприще с прежним блеском. Но в городе объявился целый выводок детворы, едва из гнезда, которые берут самые верхние ноты и срывают нечеловеческие аплодисменты. Сейчас они в моде и подвергают таким нападкам обыкновенные театры, как они их называют, что люди со шпагами не решаются их посещать из страха гусиных перьев.

Гамлет. Неужели эти дети так страшны? Кто их содержит? Как им платят? Что, это их временное призванье? А позже, когда у них погрубеют голоса и они сами станут актерами обыкновенных театров, не пожалеют ли они, что старшие восстанавливали их против собственной будущности?

Розенкранц. Сказать правду, много было шуму с обеих сторон, и народ не считает грехом стравливать их друг с другом. Одно время за пьесу ничего не давали, если в ней не разделывались с противником.

Гамлет. Неужели?

Гильденстерн. О, крови при этом испорчено немало.

Гамлет. И мальчишки одолевают?

Розенкранц. Да, принц. И Геркулеса с его ношей.

Гамлет. Впрочем, это не удивительно. Например, сейчас дядя мой — датский король, и те самые, которые строили ему рожи при жизни моего отца, дают по двадцать, сорок, пятьдесят и по сто дукатов за его мелкие изображения. Черт возьми, тут есть что-то сверхъестественное, если бы только философия могла до этого докопаться.

Трубы за сценой.

Гильденстерн. Вот и актеры.

Гамлет. С приездом в Эльсинор вас, господа. Ваши руки, товарищи. В понятья радушья входят такт и светские условности. Обменяемся их знаками, чтобы после моей встречи с актерами вы не подумали, что с ними я более любезен. Еще раз, с приездом. Но мой дядя-отец и тетка-матушка ошибаются.

Гильденстерн. В каком отношении, милорд?

Гамлет. Я помешан только в норд-норд-вест. При южном ветре я еще отличу сокола от цапли.

Входит Полоний.

Полоний. Здравствуйте, господа.

Гамлет. Слушайте, Гильденстерн, и вы тоже. На каждое ухо по слушателю. Старый младенец, которого вы видите, еще не вышел из пеленок.

Розенкранц. Может быть, он попал в них вторично. Сказано ведь: старый, что малый.

Гамлет. Предсказываю, что он с сообщеньем об актерах. Вот увидите.— Совершенная правда, сэр. В понедельник утром, как вы сказали.

Полоний. Милорд, у меня есть новости для вас.

Гамлет. Милорд, у меня есть новости для вас. Когда Росций был в Риме актером...

Полоний. Актеры приехали, милорд.

Гамлет. Кудах-тах-тах, кудах-тах-тах...

Полоний. Ей-богу, милорд.

Гамлет. Прикатили на ослах...

Полоний. Лучшие в мире актеры на любой вкус, для исполнения трагедий, комедий, хроник, пасторалей, вещей пасторально-комических, историко-пасторальных, трагико-исторических, трагикомико- и историко-пасторальных, для сцен вне раз-

ряда и непредвиденных сочинений. Важность Сенеки, легкость Плавта для них не штука. В чтенье наизусть и экспромтом это люди единственные.

Гамлет. О Евфай, судья Израиля, какое у тебя было сокровище!

Полоний. Какое же это сокровище было у него, милорд?

Гамлет. А как же,

«Единственную дочь растил
И в ней души не чаял».

Полоний *(в сторону)*. Всё норовит о дочке!

Гамлет. А? Не так, что ли, старый Евфай?

Полоний. Если Евфай — это я, то совершенно справедливо, у меня есть дочь, в которой я души не чаю.

Гамлет. Нет, ничуть это не справедливо.

Полоний. Что же тогда справедливо, милорд?

Гамлет. А вот что:

«А вышло так, как бог судил,
И клад, как воск, растаял».

Продолженье,— виноват,— в первой строфе духовного стиха, потому что, видите, мы будем сейчас развлекаться.

Входят четверо или пятеро актеров.

Здравствуйте, господа. Милости просим. Рад вам всем. Здравствуйте, мои хорошие.— Ба, старый друг! Скажите, какой бородой завесился с тех пор, как не видались! Приехал, прикрывшись ею, подсмеиваться надо мною в Дании? — Вас ли я вижу, барышня моя? Царица небесная, вы на целый венецианский каблук залетели в небо с нашей последней встречи. Будем надеяться, ваш голос не фальшивит, как золото, изъятое из обращенья.— Милости просим, господа. Давайте, как французские сокольничьи, набросимся на первое, что попадется. Пожалуйста, какой-нибудь монолог. Дайте нам образчик вашего искусства. Ну! Какой-нибудь страстный монолог.

Первый актер. Какой монолог, добрейший принц?

Гамлет. Помнится, раз ты читал мне один отрывок, вещи никогда не ставили, или не больше разу,— пьеса не поправилась. Для большой публики это было, что называется, не в коня корм. Однако, как воспринял я и другие, еще лучшие судьи, это была великолепная пьеса, хорошо разбитая на сцены и написанная с простотой и умением. Помнится, возражали, что стихам недостает пряности, а язык не обнаруживает приподнятости, но находили работу добросовестной и приятною без прикрас. Один монолог я в ней особенно любил, это, где Эней

рассказывает о себе Дидоне, и в особенности то место, где он говорит об убийстве Приама. Если он еще у вас в памяти, начните вот с какой строчки. Погодите, погодите.

«Свирепый Пирр, тот, что, как зверь Гирканский...»

Нет, не так. Но начинается с Пирра:

«Свирепый Пирр, чьи черные доспехи
И мрак души напоминали ночь,
Когда лежал он, прячась в конском чреве,
Теперь закрасил черный цвет одежд
Малиновым,— и стал еще ужасней.
Теперь он с ног до головы в крови
Мужей и жен, и сыновей, и дочек,
Запекшейся в жару горящих стен,
Которые убийце освещают
Дорогу к цели. В кровяной коре,
Дыша огнем и злобой, Пирр безбожный,
Карбункулами выкатив глаза,
Приама ищет».

Продолжайте сами.

Полоний. Ей-богу, хорошо, милорд, с хорошей дикцией и чувством меры.

Первый актер

«Пирр его находит.
Насилу приподнявши меч, Приам
От слабости его роняет наземь.
Ему навстречу подбегает Пирр,
Сплеча замахиваясь на Приама;
Но этого уже и свист клинка
Сметает с ног. И тут как бы от боли
Стена дворца горящего, клонясь,
Обваливается и оглушает
На миг убийцу. Пирров меч в руке
Над головою так и остается,
Как бы вонзившись в воздух на лету.
С минуту, как убийца на картине,
Стоит, забывшись, без движенья Пирр,
Руки не опуская.
Но как бывает часто перед бурей,
Беззвучны выси, облака стоят,
Нет ветра, и земля, как смерть, притихла,—
Откуда ни возьмись внезапный гром
Раскалывает местность... Так, очнувшись,
Тем яростней возжаждал крови Пирр,

И вряд ли молот в кузнице циклопов
За ковкой лат для Марса плющил сталь
Бесчувственней, чем Пирров меч кровавый
Пал на Приама.
Стыдись, Фортуна! Дайте ей отставку,
О боги, отымите колесо,
Разбейте обод, выломайте спицы,
И круглый вал скатите с облаков
В тартарары!»

Полоний. Слишком длинно.

Гамлет. Это пошлют в цирюльню вместе с вашей бородой.— Продолжай, прошу тебя. Для него существуют только балеты и сальные анекдоты, а от прочего он засыпает. Продолжай. Перейди к Гекубе.

Первый актер

«Кто б увидал лохматую царицу...»

Гамлет. «Лохматую царицу»?

Полоний. Хорошо! «Лохматую царицу» — хорошо!

Первый актер

«Гася слезами пламя, босиком
Она металась с головной повязкой
Взамен венца, и обмотавши стан,
Сухой от многочадья, одеялом,
Случившимся в руках. Кто б увидал
Все это, ядовитыми словами
Фортуну бы позором заклеймил.
А если б боги сами подсмотрели,
Как потешался над царицей Пирр,
Кромсая перед нею тело мужа,
И если смертный мог бы их пронять,—
Тогда бы вопль несчастной, переполнив
Слезами жаркие глаза небес,
Смягчил бессмертных».

Полоний. Смотрите, он изменился в лице и весь в слезах! Пожалуйста, довольно.

Гамлет. Хорошо. Остальное доскажешь после. Почтеннейший, посмотрите, чтоб об актерах хорошо позаботились. Вы слышите, пообходительнее с ними, потому что они обзор и короткая повесть времени. Лучше иметь вам скверную надпись на гробнице, нежели дурной их отзыв при жизни.

Полоний. Принц, я обойдусь с ними по заслугам.

Гамлет. Нет, лучше, чтоб вас черт побрал, любезнейший! Если обходиться с каждым по заслугам, кто уйдет от порки?

Обойдитесь с ними в меру вашего достоинства. Чем меньше у них заслуг, тем больше их будет у вашей щедрости. Проводите их.

Полоний. Пойдемте, господа.

Гамлет. Идите за ним, друзья. Завтра у нас представленье.

Полоний и все актеры, кроме первого, уходят.

Скажи, старый друг, можете вы сыграть «Убийство Гонзаго»?

Первый актер. Да, милорд.

Гамлет. Поставь это завтра вечером. Скажи, можно будет, в случае надобности, заучить кусок строк в двенадцать — шестнадцать, который я напишу и вставлю?

Первый актер. Да, милорд.

Гамлет. Превосходно. Ступай за тем господином, да смотри не передразнивай его.

Первый актер уходит.

Простимся до вечера, друзья мои. Еще раз: вы — желанные гости в Эльсиноре.

Розенкранц. Добрейший принц!

Гамлет. Храни вас бог!

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Один я. Наконец-то.
Какой же я холоп и негодяй!
Не страшно ль, что актер проезжий этот
В фантазии, для сочиненных чувств,
Так подчинил мечте свое сознанье,
Что сходит кровь со щек его, глаза
Туманят слезы, замирает голос,
И облик каждой складкой говорит,
Чем он живет. А для чего в итоге?
Из-за Гекубы!
Что он Гекубе? Что ему Гекуба?
А он рыдает. Что б он натворил,
Будь у него такой же повод к страсти,
Как у меня? Зал плавал бы в слезах.
Он оглушил бы громом монолога
Виновного, и свел его с ума,
И вразумил бы скромность и невинность,
И зренье бы и слух поверг во прах.

А я,
Тупой и жалкий выродок, слоняюсь
В сонливой лени и ни о себе
Не заикнусь, ни пальцем не ударю
Для короля, чью жизнь и власть смели
Так подло. Что ж, я трус? Кому угодно
Сказать мне дерзость? Дать мне тумака?
Как мальчику прочесть правоученье?
Взять за нос? Обозвать меня лжецом
Заведомо безвинно? Кто охотник?
Смелее! В получепье распишусь.
Не желчь в моей печенке голубипой,
Позор не злит меня, а то б давно
Я выкинул стервятникам на сало
Труп изверга. Блудливый шарлатан!
Кровавый, лживый, злой, сластолюбивый!
О мщенье!
Ну и осел я, нечего сказать!
Я, сын отца убитого, на мщенье
Подвинутый из ада и с небес,
Как проститутка, изливаю душу
И громко сквернословью предаюсь,
Как судомойка!
Тьфу, черт! Проснись, мой мозг! Я где-то слышал,
Что люди с темным прошлым, находясь
На представленье, сходном по завязке,
Ошеломлялись живостью игры
И сами сознавались в злодеяньях.
Убийство выдает себя без слов,
Хоть и молчит. Я поручу актерам
Сыграть пред дядей вещь по образцу
Отцовой смерти. Послежу за дядей,—
Возьмет ли за живое. Если да,
Я знаю, как мне быть. Но может статься,
Тот дух был дьявол. Дьявол мог принять
Любимый образ. Может быть, лукавый
Расчел, как я устал и удручен,
И пользуется этим мне на гибель.
Нужны улики поверней моих,
Здесь, в записях. Для этого со сцены
Я совесть короля на них поддену.
(Уходит.)

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Эльсинор. Комната в замке.

Входят король, королева, Полоний, Офелия, Розенкранц и Гильденстерн.

Король
Так, значит, вы не можете добиться,
Зачем он напускает эту дурь?
Чем взвинчен он, что, не боясь последствий,
В душевном буйстве тратит свой покой?
Розенкранц
Он сам признал, что не в своей тарелке,
Но почему, не хочет говорить.
Гильденстерн
Выпытыванью он не поддается.
Едва заходит о здоровье речь,
Он ускользает с хитростью безумца.
Королева
А как он принял вас?
Розенкранц
Как джентльмен.
Гильденстерн
Но с некоторой долей принужденья.
Розенкранц
Скупился на вопросы, но в ответ
Был разговорчив.
Королева
Вы его не звали
Развлечься?
Розенкранц
Как же. Все само сошлось.
Дорогою мы встретили актеров.
Узнав об этом, он был очень рад.
Во всяком случае, актеры в замке
И получили, кажется, приказ
Играть сегодня.
Полоний
Истинная правда.
Он просит августейшую чету
Пожаловать к спектаклю.

Король

С наслажденьем.
Мне радостно узнать, что у него
Такие интересы. Джентльмены,
И дальше поощряйте эту страсть.
Пусть не хандрит.

Розенкранц

Приложим все усилья.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Король

Моя Гертруда, удались и ты.
За Гамлетом негласно подослали.
Он здесь столкнется как бы невзначай
С Офелией. Шпионы поневоле,
Мы спрячемся вблизи с ее отцом
И разузнаем, в чем несчастье принца:
Любовь ли это точно или нет.

Королева

Сейчас я удалюсь. А вам желаю,
Офелия, чтоб ваша красота
Была единственной болезнью принца,
А ваша добродетель навела
Его на путь, к его и вашей чести.

Офелия

О, дал бы бог.

Королева уходит.

Полоний

Офелия, сюда.
Прогуливайся. Государь, извольте
Всемилостиво скрыться. Дочь, возьми
Для вида книгу. Чтенье оправдает
Укромность места.— Все мы хороши:
Святым лицом и внешним благочестьем
При случае и черта самого
Обсахарим.

Король *(в сторону)*

О, это слишком верно.
Он этим, как ремнем, меня огрел.
Ведь щеки шлюхи, если снять румяна,
Не так ужасны, как мои дела
Под красными словами. О, как тяжко!

Полоний

Он близко. Отойдемте, государь.

Король и Полоний уходят.
Входит Гамлет.

Гамлет

Быть иль не быть, вот в чем вопрос.
Достойно ль
Души терпеть удары и щелчки
Обидчицы судьбы иль лучше встретить
С оружьем море бед и положить
Конец волненьям? Умереть. Забыться.
И все. И знать, что этот сон — предел
Сердечных мук и тысячи лишений,
Присущих телу. Это ли не цель
Желанная? Скончаться. Сном забыться.
Уснуть. И видеть сны? Вот и ответ.
Какие сны в том смертном сне приснятся,
Когда покров земного чувства снят?
Вот объясненье. Вот что удлиняет
Несчастьям нашим жизнь на столько лет.
А то кто снес бы униженья века,
Позор гоненья, выходки глупца,
Оскорбленную страсть, молчанье права,
Надменность власть имущих и судьбу
Больших заслуг перед судом ничтожеств,
Когда так просто сводит все концы
Удар кинжала? Кто бы согласился
Кряхтя под ношей жизненной плестись,
Когда бы неизвестность после смерти,
Боязнь страны, откуда ни один
Не возвращался, не склоняла воли
Мириться лучше со знакомым злом,
Чем бегством к незнакомому стремиться.
Так всех нас в трусов превращает мысль.
Так блекнет цвет решимости природной
При тусклом свете бледного ума,
И замыслы с размахом и почином
Меняют путь и терпят неуспех
У самой цели. Между тем довольно! —
Офелия! О, радость! Помяни
Мои грехи в своих молитвах, нимфа.

Офелия

Принц, были ль вы здоровы это время?

Гамлет

Благодарю: вполне, вполне, вполне.

Офелия

Принц, у меня от вас есть подношенья.
Я вам давно хотела их вернуть.
Возьмите их.

Гамлет

Да полно, вы ошиблись.
Я в жизни ничего вам не дарил.

Офелия

Дарили, принц, вы знаете прекрасно.
С придачею певучих нежных слов,
Их ценность умножавших. Так как запах
Их выдохся, возьмите их назад.
Порядочные девушки не ценят,
Когда их одаряют, и изменят.
Пожалуйста.

Гамлет. Ах, так вы порядочная девушка?

Офелия. Милорд?

Гамлет. И вы хороши собой?

Офелия. Что разумеет ваша милость?

Гамлет. То, что если вы порядочная и хороши собой, вашей порядочности нечего делать с вашей красотою.

Офелия. Разве для красоты не лучшая спутница порядочность?

Гамлет. О, конечно. И скорей красота стащит порядочность в омут, нежели порядочность исправит красоту. Прежде это считалось парадоксом, а теперь доказано. Я вас любил когда-то.

Офелия. Действительно, принц, мне верилось.

Гамлет. А не надо было верить. Сколько ни прививай добродетель к нашему грешному стволу, старины не выкурить. Я не любил вас.

Офелия. Тем больней я обманулась.

Гамлет. Ступай в обитель. К чему плодить грешников? Сам я — сносной нравственности. Но и я стольким мог бы попрекнуть себя, что лучше бы моя мать не рожала меня. Я очень горд, мстителен, самолюбив. И в моем распоряженье больше гадостей, чем мыслей, чтобы эти гадости обдумать, фантазии, чтоб облечь их в плоть, и времени, чтобы их исполнить. Какого дьявола люди вроде меня толкутся меж небом и землею?

Все мы кругом обманщики. Не верь никому из нас. Ступай добром в обитель. Где твой отец?

Офелия. Дома, милорд.

Гамлет. Надо запирать за ним покрепче, чтобы он разыгрывал дурака только с домашними. Иди с миром.

Офелия. Святые силы, помогите ему!

Гамлет. Если пойдешь замуж, вот проклятье тебе в приданое. Будь непорочна, как лед, и чиста, как снег, не уйти тебе от клеветы. Затворись в обители, говорят тебе. Иди с миром. А если тебе непременно надо мужа, выходи за глупого. Слишком уж знают умные, каких чудищ вы из них делаете. В обитель, говорят тебе. И не откладывай. Иди с миром.

Офелия. Силы небесные, исцелите его!

Гамлет. Наслышался и про вашу живопись. Бог дал вам одно лицо, а вы себе — другое. Иная и хвостом, и ножкой, и языком, и всякую божью тварь обзовет по-своему, по какую штуку ни выкинет, все это одна святая невинность. Нет, шалишь. Довольно. На этом я спятил. Никаких свадеб. Кто уже в браке, дай бог здоровья всем, кроме одного. Остальные пусть обходятся по-прежнему. Ступай в обитель.

(Уходит.)

Офелия

Какого обаянья ум погиб!
Соединенье знанья, красноречья
И доблести, наш праздник, цвет надежд,
Законодатель вкусов и приличий,
Их зеркало... все вдребезги. Все, все...
А я? Кто я, беднейшая из женщин,
С недавним медом клятв его в душе,
Теперь, когда могучий этот разум,
Как колокол надбитый, дребезжит,
А юношеский облик бесподобный
Изборожден безумьем. Боже мой!
Что видела! Что вижу пред собой!

Король и Полоний возвращаются.

Король

Любовь? Он поглощен совсем не ею.
К тому ж хоть связи нет в его словах,
В них нет безумья. Он не то лелеет
По темным уголкам своей тоски,
Высиживая что-то поопасней.
Чтоб вовремя беду предотвратить,

Пришел я к следующему решенью:
Он в Англию немедля отплывет
Для сбора недовыплаченной дани.
Быть может, море, новые края
И люди выбьют у него из сердца
То, что сидит там и над чем он сам
Ломает голову до отупенья.
Что думаете вы на этот счет?

Полоний

Что ж, это — мысль. А думать продолжаю,
Что основной предмет его хандры —
Несчастная любовь.— Ну что, дочурка?
Не повторяй, что Гамлет говорил.
Слыхали сами.— Что же, ваша воля.
На вашем месте, досмотрев спектакль,
Я раньше свел бы принца с королевой.
Пусть выспросит его наедине.
Хотите, я подслушаю беседу.
Не раскусить и ей его,— ну что ж,
Сошлите в Англию, или сажайте,
Куда рассудите.

Король

Быть по сему.
Влиятельных безумцев шлют в тюрьму.
(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же. Зал в замке.

Входят Гамлет и несколько актеров.

Гамлет. Говорите, пожалуйста, роль, как я показывал: легко и без запинки. Если же вы собираетесь ее горланить, как большинство из вас, лучше было бы отдать ее публичному выкликале. Кроме того, не пилите воздуха вот этак руками, но всем пользуйтесь в меру. Даже в потоке, буре и, скажем, урагане страсти учитесь сдержанности, которая придает всему стройность. Как не возмущаться, когда здоровенный детина в саженном парике рвет перед вами страсть в куски и клочья, к восторгу стоячих мест, где ни о чем, кроме немых пантомим и простого шума, не желают слышать. Я бы отдал высечь такого молодчика за одну мысль переиродить Ирода. Это уж какое-то сверхсатанинство. Избегайте этого.

Первый актер. Будьте покойны, ваша светлость.

Гамлет. Однако и без лишней скованности, но во всем слушайтесь внутреннего голоса. Двигайтесь в согласии с диалогом, говорите, следуя движеньям, с тою только оговоркой, чтобы это не выходило из границ естественности. Каждое нарушенье меры отступает от назначенья театра, цель которого во все времена была и будет: держать, так сказать, зеркало перед природой, показывать доблести ее истинное лицо и ее истиннное — низости, и каждому возрасту истории его неприкрашенный облик. Если тут перестараться или недоусердствовать, непосвященные будут смеяться, но знаток опечалится, а суд последнего, с вашего позволенья, должен для вас перевешивать целый театр, полный первых. Мне попадались актеры, и среди них прославленные, и даже до небес, которые, не во гнев им будь сказано, голосом и манерами не были похожи ни на крещеных, ни на нехристей, ни на кого бы то ни было на свете. Они так двигались и завывали, что брало удивленье, какой же это поденщик природы смастерил людей, и притом так неважно, до того чудовищным изображали они человечество.

Первый актер. Надеюсь, у себя, принц, мы, как могли, это устранили.

Гамлет. Устраните совершенно. А играющим дураков запретите говорить больше, чем для них написано. Некоторые доходят до того, что хохочут сами, для увеселенья худшей части публики, в какой-нибудь момент, существенный для хода пьесы. Это недопустимо и показывает, какое дешевое самолюбье у таких шутников. Подите приготовьтесь.

Актеры уходят.

Входят Полоний, Розенкранц и Гильденстерн.

Гильденстерн. Ну как, милорд, желает ли король послушать эту пьесу?

Полоний. И королева также, и как можно скорее.

Гамлет. Велите актерам поторопиться.

Полоний уходит.

Вы б не пошли вдвоем поторопить их?

Розенкранц и Гильденстерн. Немедленно, милорд.

Гамлет

Горацио!

Входит Горацио.

Горацио

Здесь, принц, к услугам вашим.

Гамлет

Горацио, ты изо всех людей,
Каких я знаю, самый неподдельный.

Горацио

О, что вы, принц.

Гамлет

Не думай, я не льщу.
Зачем мне льстить, когда твое богатство
И стол и кров — один веселый нрав?
Нужде не льстят. Подлизам предоставим
Умильничать в передних богачей.
Пусть гнут колени там, где раболепье
Приносит прибыль. Слушай-ка. С тех пор
Как для меня законом стало сердце
И в людях разбирается, оно
Отметило тебя. В тебе есть цельность.
Все выстрадав, ты сам не пострадал.
Ты сносишь все, и равно благодарен
Судьбе за гнев и милости. Блажен,
В ком кровь и ум такого же состава.
Он не рожок под пальцами судьбы,
Чтоб петь, смотря какой откроют клапан.
Кто выше страсти? Дай его сюда,
Я в сердце заключу его с тобою,
Нет, даже в сердце сердца. Но постой.
Сегодня королю играют пьесу.
Я говорил тебе про смерть отца.
Там будет точный сколок этой сцены.
Когда начнется этот эпизод,
Будь добр, смотри на дядю не мигая.
Он либо выдаст чем-нибудь себя
При виде сцены, либо этот призрак
Был демон зла, а в мыслях у меня
Такой же чад, как в кузнице Вулкана.
Итак, будь добр, гляди во все глаза.
Вопьюсь и я, а после сопоставим
Итоги наблюдений.

Горацио

По рукам.
И если вор уйдет неуличенным,
Я штраф плачу за скрытье воровства.

Гамлет

Они идут. Я вновь больным прикинусь.
Займи места.

Датский марш. Трубы.
Входят король, королева, Полоний, Офелия, Розенкранц, Гильденстерн и другие.

Король. Как здравствует принц крови нашей, Гамлет?

Гамлет. Верите ли,— превосходно. По-хамелеонски. Питаюсь воздухом, начиненным обещаньями. Так не откармливают и каплунов.

Король. Это ответ не в мою сторону, Гамлет. Это не мои слова.

Гамлет. А теперь и не мои. *(К Полонию.)* Милорд, вы играли в свою бытность в университете, не правда ли?

Полоний. Играл, милорд, и считался хорошим актером.

Гамлет. Кого же вы играли?

Полоний. Я играл Юлия Цезаря. Меня убивали в Капитолии. Брут убил меня.

Гамлет. С его стороны было брутально убивать такого капитального теленка.— Готовы актеры?

Розенкранц. Да, милорд. Они ждут вашего приказанья.

Королева. Поди сюда, милый Гамлет, сядь рядом.

Гамлет. Нет, матушка, тут металл попритягательней.

Полоний *(вполголоса королю)*. Ого, слыхали?

Гамлет. Леди, можно к вам на колени? *(Растягивается у ног Офелии.)*

Офелия. Нет, милорд.

Гамлет. То есть, виноват: можно голову к вам на колени?

Офелия. Да, милорд.

Гамлет. А вы уж решили — какое-нибудь неприличье?

Офелия. Ничего я не решила, милорд.

Гамлет. А ведь это чудная мысль — лежать у девушки меж ног.

Офелия. Что такое, милорд?

Гамлет. Ничего.

Офелия. Принц, вы сегодня в ударе?

Гамлет. Кто, я?

Офелия. Да, милорд.

Гамлет. Господи, ради вас я и колесом пройдусь. Впрочем, что и остается, как не веселиться? Взгляните, какой радостный вид у моей матери, а всего два часа, как умер мой отец.

Офелия. Нет, принц, полных дважды два месяца.

Гамлет. Как? Так много? Ну тогда к дьяволу траур. Буду ходить в соболях. Силы небесные! Умер назад два месяца, и все еще не забыт! Тогда есть надежда, что память великого человека переживет его на полгода. Но только пусть жертвует на построенье храмов, а то никто не вспомнит о нем, как о деревянной лошадке, у которой на могиле надпись:

«Где ноги, где копыта.
Заброшена, забыта».

Играют гобои. Начинается пантомима. Входят король и королева с проявленьями нежности. Королева обнимает короля, а он ее. Она становится на колени перед ним с изъявленьями преданности. Он поднимает ее и кладет голову ей на плечо. Потом ложится в цветнике на клумбу. Видя, что он уснул, она уходит. Тогда входит человек, снимает с него корону, целует ее, вливает в ухо короля яд и уходит. Возвращается королева, видит, что король мертв, и знаками выражает отчаяние. Снова входит отравитель с двумя или тремя носильщиками, давая понять, что разделяет ее горе. Труп уносят. Отравитель подарками добивается благосклонности королевы. Вначале она с негодованием отвергает его любовь, но под конец смягчается.

Уходят.

Офелия. Что это означает, принц?

Гамлет. «Змея подколодная», а означает темное дело.

Офелия. Наверное, пантомима выражает содержание предстоящей пьесы?

Входит Пролог.

Гамлет. Сейчас мы все узнаем от этого малого. Актеры не умеют хранить тайн и должны все выболтать.

Офелия. Он объяснит значенье показанной вещи?

Гамлет. Да, и любой вещи, которую вы ему покажете. Не стыдитесь только показывать, а он без стыда будет объяснять, что это значит.

Офелия. Вы злюка, вы злюка. Я буду смотреть пьесу.

Пролог

Пред нашим представленьем
Мы просим со смиреньем
Нас выслушать с терпеньем.

Гамлет. Что это, пролог или надпись для колечка?

Офелия. Действительно коротковато, милорд.

Гамлет. Как женская любовь.

Входят два актера: король и королева.

Король на сцене

В тридцатый раз на конях четверней
Объехал Феб моря и мир земной,
И тридцать дюжин лун вокруг земли
Двенадцать раз по тридцать раз прошли,
С тех пор как нам сближает все тесней
Любовь — сердца, а руки — Гименей.

Королева на сцене

О если б нам еще раз ход светил
На тот же срок любовь и жизнь продлил!
Но горе мне,— годам наперекор
Болезнен вид ваш с некоторых пор.
Однако опасаться вам, дружок,
Нет надобности ни на волосок.
Страшится или любит женский пол,
В нем все без меры, всюду пересол.
Моей любви изведали вы вкус,
Люблю я слепо, слепо и страшусь.
Где чувство в силе, страшно пустяка,
Где много любят, малость велика.

Король на сцене

Душа моя, прощанья близок час.
К концу приходит сил моих запас,
А ты и дальше в славе и любви
Существованья радостью живи.
Другой супруг, как знать...

Королева на сцене

Не суесловь.
Предательством была бы та любовь.
Убей меня за новым мужем гром!
Кровь первого да будет на втором!

Гамлет *(в сторону)*

Труха, труха!

Королева на сцене

Не по любви вступают в новый брак.
Расчет и жадность — вот его рычаг.
Пускать второго в брачную кровать,
По первом значит память убивать.

Король на сцене

Мне верится, вы искренни во всем.
Но мы привязанности сами рвем.
Обеты нам подсказывает страсть:

Остынет жар, они должны отпасть,
Как с ветки падает созревший плод,
Когда свалиться время настает.
Чтоб жить, должны мы клятвы забывать,
Которые торопимся давать.
И мы живем не чем-нибудь одним,
А сменой увлечений жить хотим.
Печаль и радость в дикости причуд
Сметают сами, что произведут.
Печали жалок радости предмет,
А радости до горя дела нет.
Итак, когда все временно и тлен,
Как и любви уйти от перемен?
Кто вертит кем, еще вопрос большой,
Судьба любовью иль любовь судьбой?
Ты пал, и друг лицо отворотил.
Ты всплыл, и ты врагам вчерашним мил.
Нарочно это или невзначай?
Кто дружбой сыт, друзей хоть отбавляй,
А кто в нужде подумает о ком,
Единственного делает врагом.
Но кончу тем, откуда речь повел.
Превратностей так полон произвол,
Что в нашей власти в случае нужды
Одни желанья, а не их плоды.
Так и боязнь второго сватовства
Жива у вас до первого вдовства.

Королева на сцене

Померкни свет, погибни урожай!
И день и ночь покою я не знай!
Отчаянье заволоки мой взор!
Будь жизнью мне отшельницы затвор!
Недобрый вихрь развей в небытии
Мои надежды и мечты мои!
Малейший шаг ввергай меня в беду,
Когда, вдова, я замуж вновь пойду!

Гамлет. А ну обманет?

Король на сцене

Зарок не шутка. Но оставь меня.
Я утомился сутолокой дня
И отдохну немного.

(Засыпает.)

Королева на сцене

Выспись всласть,
И да минует в жизни нас напасть.
(Уходит.)

Гамлет. Сударыня, как вам нравится пьеса?

Королева. По-моему, леди слишком много обещает.

Гамлет. О, но она сдержит слово.

Король. Вы знаете содержанье? В нем нет ничего предосудительного?

Гамлет. Нет, нет. Все это в шутку, отравленье в шутку. Ровно ничего предосудительного.

Король. Как названье пьесы?

Гамлет. «Мышеловка». Но как это понимать? Фигурально. Пьеса изображает убийство, совершенное в Вене. Имя герцога — Гонзаго. Его жена — Баптиста. Вы сейчас увидите. Это препакостнейшая проделка. Но нам-то что с того? Вашего величества и нас, с нашей чистой совестью, это не касается. Пусть кляча кидает задом, если зашибла. Наши кости в порядке.

Входит Луциан.

Это некто Луциан, племянник короля.

Офелия. Вы хорошо заменяете хор, милорд.

Гамлет. Я б мог быть пояснителем между вами и вашей зазнобой, если б только эти куклы дались мне в руки.

Офелия. Вы остры, принц, вы остры.

Гамлет. Вам пришлось бы постонать, чтобы притупить меня.

Офелия. Час от часу не легче.

Гамлет. Как в замужестве.— Начинай, убийца. Ну, чума ты этакая! Брось свои безбожные рожи и начинай. Ну! «Взывает к мести каркающий ворон».

Луциан

Рука тверда, дух черен, крепок яд,
Удобен миг, ничей не видит взгляд.
Теки, теки, верши свою расправу,
Гекате посвященная отрава!
Спеши весь вред, который в травах есть,
Над этой жизнью в действие привесть!

Вливает яд в ухо спящего.

Гамлет. Он отравляет его в саду, чтобы завладеть престолом. Имя герцога — Гонзаго. История существует отдель-

но, изложенная отборным итальянским языком. Сейчас вы увидите, как убийца заручается любовью жены Гонзаго.

Офелия. Король встает.

Гамлет. Испугался хлопушки?

Королева. Что с его величеством?

Полоний. Прервите пьесу.

Король. Посветите мне. Скорей на воздух.

Все. Огня, огня, огня!

Уходят все, кроме Гамлета и Горацио.

Гамлет

Пусть раненый олень ревет,
А уцелевший скачет.
Где — спят, а где — ночной обход:
Кому что рок назначит.

Ну-с, сэр, если бы другие виды на будущее пролетели у меня к туркам, разве это, да целый лес перьев, да пара провансальских роз на башмаках не доставили бы мне места в актерской труппе?

Горацио. С половинным окладом.

Гамлет. Нет, с полным.

Ты знаешь, дорогой Дамон,
Юпитера орел
Слетел с престола, и на трон
Воссел простой осе...тр.

Горацио. Вы могли бы и в рифму.

Гамлет. О, Горацио! Тысячу фунтов за каждое слово призрака. Ты заметил?

Горацио. Еще бы, принц.

Гамлет. Когда заиграли отравленье.

Горацио. Я с него глаз не спускал.

Гамлет. Ах, ах! А ну, а ну музыку! Ну-ка, флейтисты!

Раз королю неинтересна пьеса,
Нет для него в ней, значит, интереса.

А ну, а ну музыку!

Возвращаются Розенкранц и Гильденстерн.

Гильденстерн. Добрейший принц! Можно попросить вас на два слова?

Гамлет. Хоть на целую историю, сэр.

Гильденстерн. Король, сэр...

Гамлет. Да, сэр, что с ним?

Гильденстерн. Удалился к себе и чувствует себя очень скверно.

Гамлет. От вина, сэр?

Гильденстерн. Нет, сэр, скорее от желчи.

Гамлет. Остроумней было бы сказать это его врачу. Если я примусь чистить его своими средствами, опасаюсь, как бы желчь не разлилась у него еще сильнее.

Гильденстерн. Добрейший принц, введите свою речь в какие-нибудь рамки и не чурайтесь все время того, что мне поручено.

Гамлет. Пожалуйста. Я весь смиренье и слух.

Гильденстерн. Королева, ваша матушка, в крайнем удрученье послала меня к вам.

Гамлет. Милости просим.

Гильденстерн. Нет, добрейший принц, сейчас эти любезности ни к чему. Если вам угодно дать мне надлежащий ответ, я исполню приказанье вашей матери. Если нет, я попрошу принять мои извиненья и удалюсь.

Гамлет. Не могу, сэр!

Гильденстерн. Чего, милорд?

Гамлет. Дать вам надлежащий ответ. У меня мозги не в порядке. Но какой бы ответ я вам ни дал, располагайте им, как найдете нужным. Вернее, это относится к моей матери. Итак, ни слова больше. К делу. Моя мать, говорите вы...

Розенкранц. В таком случае вот что. Ваше поведение, говорит она, повергло ее в изумленье и ошеломило.

Гамлет. О, удивительный сын, так удивляющий свою мать! А не прилипло ли к этому удивленью чего-нибудь повещественней? Любопытно.

Розенкранц. Она желает поговорить с вами у себя в комнате, прежде чем вы ляжете спать.

Гамлет. Рады стараться, будь она нам хоть десять раз матерью. Чем еще можем служить вам?

Розенкранц. Принц, вы когда-то любили меня.

Гамлет *(показывая на свои руки)*. Как и сейчас, клянусь этими ворами и загребалами.

Розенкранц. Добрейший принц! Что причина вашего нездоровья? Вы сами отрезаете путь к своему спасенью, пряча свое горе от друга.

Гамлет. Я нуждаюсь в служебном повышенье.

Розенкранц. Как это возможно, когда сам король назначил вас наследником датского престола?

Гамлет. Да, сэр, но «пока трава вырастет...» — старовата поговорка.

Возвращаются музыканты с флейтами.

А, флейты! Дайте мне одну на пробу. Отойдите в сторону. Что это вы все вьетесь вокруг да около, точно хотите загнать меня в какие-то сети?

Гильденстерн. О, принц, если мое участие так навязчиво, значит, так безоговорочна моя любовь.

Гамлет. Я что-то не понял. Ну да все равно. Вот флейта. Сыграйте что-нибудь.

Гильденстерн. Принц, я не умею.

Гамлет. Пожалуйста.

Гильденстерн. Уверяю вас, я не умею.

Гамлет. Но я прошу вас.

Гильденстерн. Но я не знаю, как за это взяться.

Гамлет. Это так же просто, как лгать. Перебирайте отверстия пальцами, вдувайте ртом воздух, и из нее польется выразительнейшая музыка. Видите, вот клапаны.

Гильденстерн. Но я не знаю, как ими пользоваться. У меня ничего не выйдет. Я не учился.

Гамлет. Смотрите же, с какою грязью вы меня смешали! Вы собираетесь играть на мне. Вы приписываете себе знанье моих клапанов. Вы уверены, что выжмете из меня голос моей тайны. Вы воображаете, будто все мои ноты снизу доверху вам открыты. А эта маленькая вещица нарочно приспособлена для игры, у ней чудный тон, и тем не менее вы не можете заставить ее говорить. Что ж вы думаете, я хуже флейты? Объявите меня каким угодно инструментом, вы можете расстроить меня, но играть на мне нельзя.

Возвращается Полоний.

Благослови вас бог, сэр.

Полоний. Милорд, королева желает поговорить с вами, и немедленно.

Гамлет. Видите вы вон то облако в форме верблюда?

Полоний. Ей-богу, вижу, и действительно, ни дать ни взять верблюд.

Гамлет. По-моему, оно смахивает на хорька.

Полоний. Правильно: спинка хорьковая.

Гамлет. Или как у кита.

Полоний. Совершенно как у кита.

Гамлет. Ну, так я приду сейчас к матушке. *(В сторону.)* Они сговорились меня с ума свести.— Я сейчас приду.

Полоний. Я так и доложу.

Гамлет. Шутка сказать: «сейчас».— Оставьте меня, прия тели.

Уходят все, кроме Гамлета.

Теперь пора ночного колдовства.
Скрипят гроба и дышит ад заразой.
Сейчас я мог бы пить живую кровь,
И на дела способен, от которых
Отпряну днем. Итак, нас мать звала.
Без зверства, сердце! Что бы ни случилось,
Души Нерона в грудь мне не вселяй.
Я буду строг, но не бесчеловечен.
Все выскажу и без ножа убью.
Уста мои, прощаю вам притворство.
Куда б слова ни завели в бреду,
Я в исполненье их не приведу.
(Уходит.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Комната в замке.

Входят король, Розенкранц и Гильденстерн.

Король
Я не люблю его и потакать
Безумью не намерен. Приготовьтесь.
Сейчас я вам бумаги подпишу
И в Англию его отправлю с вами.
Наш сан не терпит, чтоб из-за угла
Везде подстерегала нас случайность
Под видом блажи.

Гильденстерн
Соберемся в путь.
Священно в корне это попеченье
О тысячах, которые живут
Лишь вашего величества заботой.

Розенкранц
Долг каждого беречься от беды
Всей силой, предоставленной рассудку.
Какая ж осмотрительность нужна
Тому, от чьей сохранности зависит
Жизнь множества. Кончина короля

Не просто смерть. Она уносит в бездну
Всех близстоящих. Это — колесо,
Торчащее у края горной кручи,
К которому приделан целый лес
Зубцов и перемычек. Эти зубья
Всех раньше, если рухнет колесо,
На части разлетятся. Вздох владыки
Во всех в ответ рождает стон великий.

Король

Пожалуйста, скорей сберитесь в путь.
Пора забить в колодки этот ужас,
Гуляющий на воле.

Розенкранц и Гильденстерн

Поспешим.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.
Входит Полоний.

Полоний

Он к матери прошел. Хочу подслушать,
Став за висящим на стене ковром.
Она его, наверно, отчитает.
Но ваша правда: мать тут не судья.
Она лицеприятна. Не мешает,
Чтоб был при этом кто-нибудь другой
И наблюдал. Прощайте, государь мой.
С разведки этой я еще пред сном
К вам загляну.

Король

Благодарю вас, друг мой.

Полоний уходит.

Удушлив смрад злодейства моего.
На мне печать древнейшего проклятья:
Убийство брата. Жаждою горю,
Всем сердцем рвусь, но не могу молиться.
Помилованья нет такой вине.
Как человек с колеблющейся целью,
Не знаю, что начать, и ничего
Не делаю. Когда бы кровью брата
Был весь покрыт я, разве и тогда
Омыть не в силах небо эти руки?
Что делала бы благость без злодейств?
Зачем бы нужно было милосердье?

«Гамлет», акт третий
Б. Дехтерев

Мы молимся, чтоб бог нам не дал пасть
Или нас спас из глубины паденья.
Отчаиваться рано. Выше взор!
Я пал, чтоб встать. Какими же словами
Молиться тут? «Прости убийство мне»?
Нет, так нельзя. Я не вернул добычи.
При мне все то, зачем я убивал:
Моя корона, край и королева.
За что прощать того, кто тверд в грехе?
У нас не редкость, правда, что преступник
Грозится пальцем в золотых перстнях,
И самые плоды его злодейства
Есть откуп от законности. Не то
Там наверху. Там в подлинности голой
Лежат деянья наши без прикрас,
И мы должны на очной ставке с прошлым
Держать ответ. Так что же? Как мне быть?
Покаяться? Раскаянье всесильно.
Но что, когда и каяться нельзя!
Мучение! О грудь, чернее смерти!
О лужа, где, барахтаясь, душа
Все глубже вязнет! Ангелы, на помощь!
Скорей, колени, гнитесь! Сердца сталь,
Стань, как хрящи новорожденных, мягкой!
Все поправимо.

Отходит в глубину и становится на колени.
Входит Гамлет.

Гамлет

Он молится. Какой удобный миг!
Удар мечом, и он взовьется к небу,
И вот возмездье. Так ли? Разберем.
Меня отца лишает проходимец,
А я за то его убийцу шлю
В небесный рай.
Да это ведь награда, а не мщенье.
Отец погиб с раздутым животом,
Весь вспучившись, как май, от грешных соков.
Бог весть, какой еще за это спрос,
Но по всему, наверное, не малый.
Так месть ли это, если негодяй
Испустит дух, когда он чист от скверны
И весь готов к далекому пути?

Нет.
Назад, мой меч, до боле страшной встречи.
Когда он будет в гневе или пьян,
В объятьях сна или нечистой неги,
В пылу азарта, с бранью на устах
И чем-нибудь, что только не к спасенью,
Тогда подбрось его ногами вверх,
Чтоб кубарем, весь черный от пороков,
Упал он в ад.— Но мать звала.— Поцарствуй.
Отсрочка это лишь, а не лекарство.
(Уходит.)

Король *(поднимаясь)*
Слова парят, а чувства книзу гнут,
А слов без чувств вверху не признают.
(Уходит.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комната королевы.

Входят королева и Полоний.

Полоний
Он к вам идет. Предупредите сына:
Пусть обуздает выходки свои.
Скажите, вы собою заслонили
Его от кары. Я забьюсь в углу.
Пожалуйста, покруче.

Гамлет *(за сценой)*
Леди, леди!

Королева
Не бойтесь, положитесь на меня.
Он, кажется, идет. Вам надо скрыться.

Полоний становится за стенным ковром.
Входит Гамлет.

Гамлет
Ну, матушка, чем вам могу служить?

Королева
Зачем отца ты оскорбляешь, Гамлет?

Гамлет
Зачем отца вы оскорбили, мать?

Королева
Ты говоришь со мною, как невежа.
Гамлет
Вы спрашиваете, как лицемер.
Королева
Что это значит, Гамлет?
Гамлет
Что вам надо?
Королева
Ты помнишь, кто я?
Гамлет
Помню, вот вам крест.
Вы королева в браке с братом мужа
И, к моему прискорбью, мать моя.
Королева
Так пусть с тобой поговорят другие.
Гамлет
Ни с места. Сядьте. Я вас не пущу
И зеркало поставлю перед вами,
Где вы себя увидите насквозь.
Королева
Что ты задумал? Он меня заколет!
Не подходи! Спасите!
Полоний *(за ковром)*
Боже мой!
Гамлет *(обнажая шпагу)*
Ах, так? Тут крысы? На пари — готово.
(Протыкает ковер.)
Полоний *(за ковром)*
Убит!
(Падает и умирает.)
Королева
Что ты наделал!
Гамлет
Разве там
Стоял король?
Королева
Какое беспримерное злодейство!
Гамлет
Не больше, чем убийство короля
И обрученье с деверем, миледи.
Королева
Убийство короля?

Гамлет

Да, леди, да.

(Откидывает ковер и обнаруживает Полония.)

Прощай, вертлявый, глупый хлопотун!
Тебя я с высшим спутал,— вот в чем горе.
Ты видишь, суетливость не к добру.
А вы садитесь. Рук ломать не надо.
Я сердце вам сломаю, если все ж
Оно из бьющегося матерьяла
И пагубные навыки не сплошь
Его от жизни в бронзу заковали.

Королева

Что я такого сделала, что ты
Так груб со мной?

Гамлет

Вы сделали такое,
Что попирает нравственность и стыд,
Шельмует правду, выступает сыпью
На белом лбу нетронутой любви
И превращает брачные обеты
В торг игроков. Вы совершили то,
Что обездушивает соглашенья
И делает пустым набором слов
Обряды церкви. Небеса краснеют
И своды мира, хмурясь, смотрят вниз,
Как в Судный день, чуть вспомнят ваш поступок.

Королева

Нельзя ль узнать, в чем дела существо,
К которому так громко предисловье?

Гамлет

Вот два изображенья: вот и вот.
На этих двух портретах лица братьев.
Смотрите, сколько прелести в одном.
Лоб, как у Зевса, кудри Аполлона,
Взгляд Марса, гордый, наводящий страх,
Величие Меркурия, с посланьем
Слетающего наземь с облаков.
Собранье качеств, в каждом из которых
Печать какого-либо божества,
Как бы во славу человека. Это
Ваш первый муж. А это ваш второй,
Как колос, зараженный спорыньею,

В соседстве с чистым. Где у вас глаза?
Как вы спустились с этих горных пастбищ
К таким кормам? На что у вас глаза?
Ни слова про любовь. В лета, как ваши,
Живут не бурями, а головой.
А где та голова, что променяла б
Того на этого? Вы не без чувств,
А то б не шевелились. Значит, чувства —
В параличе. Ведь тут и маниак
Не мог бы просчитаться. Не бывает,
Чтоб и в бреду не оставался смысл
Таких различий. Так какой же дьявол
Средь бела дня вас в жмурки обыграл?
Глаза без осязанья, осязанье
Без глаз и слуха, слабый их намек,
Зачаток чувства не дали бы маху
Так очевидно.
Стыдливость, где ты? Искуситель-бес,
Когда ты так могуч во вдовьем теле,
Как девственности быть с ее огнем?
Пускай, как воск, растает. Нет позора
В разнузданности от избытка сил,
Когда и лед пылает, и рассудок
Дурманит волю.

Королева

Гамлет, перестань!
Ты повернул глаза зрачками в душу,
А там повсюду черные следы,
И нечем вывести.

Гамлет

Валяться в сале
Продавленной кровати, утопать
В испарине порока, целоваться
Среди навоза...

Королева

Гамлет, пощади!
Твои слова, как острия кинжалов,
И режут слух.

Гамлет

С убийцей и скотом,
Не стоящим одной двухсотой доли
Того, что тот. С петрушкой в королях.

С карманником на царстве. Он завидел
Венец на полке, взял исподтишка
И вынес под полою.

Королева

Гамлет, сжалься!

Гамлет

Со святочной игрушкою...

Входит Призрак.

Под ваши крылья, ангелы небес! —
Что вашей статной царственности надо?

Королева

О горе, с ним припадок!

Гамлет

Ленивца ль сына вы пришли журить,
Что дни идут, а он под злую руку
Приказов ваших страшных не свершил?
Не правда ли?

Призрак

Цель моего прихода — вдунуть жизнь
В твою почти остывшую готовность.
Но оглянись на мать. У ней столбняк.
Спаси ее от налетевших страхов.
Сильна их власть над слабыми душой.
Скажи ей что-нибудь.

Гамлет

Что с вами, леди?

Королева

Нет, что с тобой? Ты смотришь в пустоту,
Толкуешь громко с воздухом бесплотным
И пялишь одичалые глаза.
Как сонные солдаты по сигналу,
Взлетают вверх концы твоих волос
И строятся навытяжку. О сын мой,
Огонь болезни надо остужать
Невозмутимостью. Чем полон взор твой?

Гамлет

Да им же, им! Смотрите, как он бел!
История его и эта бледность
Могли б растрогать камень. Отвернись.
Твои глаза мне душу раздирают.
Она слабеет и готова лить
Не кровь, а слезы.

Королева

С кем ты рассуждаешь?

Гамлет

Как, вы не видите там ничего?

Королева

Нет. Только то, что видно.

Гамлет

И ни слова

Не слышите?

Королева

Лишь наши голоса.

Гамлет

Да вот же он! Туда, туда взгляните.
Отец мой, совершенно как живой.
Вы видите, скользит и в дверь уходит.

Королева

Все это плод твоей больной души.
По части духов белая горячка
Большой искусник.

Гамлет

Белая горячка!
Мой пульс, как ваш, отсчитывает такт
И так же бодр. Нет нарушений смысла
В моих словах. Переспросите вновь,—
Я повторю их, а больной не мог бы.
Во имя бога, бросьте ваш бальзам.
Не тешьтесь мыслью, будто все несчастье
Не в ваших шашнях, а в моей душе.
Такая мазь затянет рану коркой,
А скрытый гной вам выест все внутри.
Вам надо исповедаться. Покайтесь
В содеянном и берегитесь впредь.
Траву худую вырывают с корнем.
Прошу простить меня за правоту,
Как в наше время просит добродетель
Прощенья у порока за добро,
Которое она ему приносит.

Королева

Ах, Гамлет, сердце рвется пополам.

Гамлет

Вот и расстаньтесь с худшей половиной,
Чтоб пользоваться лучшей тем полней.
Спокойной ночи. Не ходите к дяде.

Нет совести — прикиньтесь, будто есть.
Привычка, этот враг живого чувства,
Кой в чем и друг. В личине доброты
Мы можем сами пристраститься к благу,
Разнашивая нравственный уклад,
Как новый плащ. Сегодня воздержитесь,
И завтра будет легче устоять,
И что ни ночь, то легче все и легче.
Повторность изменяет лик вещей.
Чертей смиряют или изгоняют.
Еще раз доброй ночи. А когда
Вы сами пожелаете блаженства,
Меня благословите. А о нем,
(показывает на Полония)
О человеке этом, сожалею.
Но, видно, так судили небеса,
Чтоб он был мной, а я был им наказан,
И стал бы их карающей рукой.
Я тело уберу и сам отвечу
За эту кровь. Еще раз — добрый сон.
Из жалости я должен быть суровым.
Несчастья начались, готовьтесь к новым.
Еще два слова.

Королева

Что ж теперь мне делать?

Гамлет

О, лишь не то, что я сейчас скажу.
Поддайтесь королю, в постель юркните,
Подставьте щечку, дайте мышкой звать
И в благодарность за его лобзанья,
Которыми он будет вас душить,
В приливе откровенности признайтесь,
Что не сошел с ума я, но блажу
Для видимости. Правда, проболтайтесь!
К лицу ли королеве-красоте
Скрывать от упыря, кота и жабы
Такие вещи? Нет. Наоборот.
Всему назло взберитесь с птичьей клеткой,
Как обезьяна в басне, на чердак,
Пустите птиц и, в подражанье стае,
Из любопытства выпрыгните вниз
И, пробуя летать, сломайте шею.

Королева

Верь, если слово заключает вздох,
А вздохи — жизнь, я задохнусь скорее,
Чем выдам то, что ты сказал.

Гамлет

Меня
Шлют в Англию, слыхали?

Королева

Да, к несчастью.
Я и забыла. Это решено.

Гамлет

Скрепляют грамоты. Два школьных друга,
По верности не лучше двух гадюк,
Везут пакет и стелют мне дорогу
К расставленным сетям. Пускай, пускай.
Забавно будет, если сам подрывник
Взлетит на воздух. Я под их подкоп,
Будь я неладен, вроюсь ярдом глубже
И их взорву. Ну и переполох,
Когда подвох наткнется на подвох! —
Вот мне кого бы сбыть теперь подальше.
Стащу-ка в сени эти потроха.
Итак, спокойной ночи. А советник,
Действительно, и присмирел и строг,
А в жизни был болтливее сорок.—
Ну, милый мой, пора о вас подумать.—
Спокойной ночи, матушка.

Расходятся врозь, Гамлет — волоча Полония.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Эльсинор. Комната в замке.

Входят король, королева, Розенкранц и Гильденстерн.

Король

В глубоких этих вздохах что-то есть.
Нельзя ли выразить их попонятней?
Где сын ваш?

Королева

Оставьте нас на несколько минут.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

О, что сейчас случилось!

Король

Что, Гертруда?

Как Гамлет?

Королева

Рвет и мечет, как прибой,
Когда он с ветром спорит, кто сильнее.
В бреду услышал шорох за ковром
И с криком «крысы!», выхватив рапиру,
Прокалывает насмерть старика,
Стоявшего в засаде.

Король

Быть не может!
Так было б с нами, очутись мы там.
Что он на воле — вечная опасность
Для вас, для нас, для каждого, для всех.
А кто теперь в ответе за убийство?
Увы, я сам, чья бдительность могла
Взять бедного страдальца под опеку
И удалить. Всему виной любовь.
Она лишила нас благоразумья.
Мы скрыли, как постыдную болезнь,
Семейное несчастье и загнали
Заразу внутрь. Куда девался он?

Королева

Пошел куда-то с телом бедной жертвы.
Сквозь порчу проглянула в нем душа,
Как золото сквозь слой чужой породы.
Он плачет о случившемся навзрыд.

Король

Пойдем, Гертруда. Не успеет солнце
Коснуться гор, он сядет на корабль.
А эту гнусность как-нибудь придется
Самим потом загладить.— Гильденстерн!

Возвращаются Розенкранц и Гильденстерн.

Кого-нибудь возьмите на подмогу!
В горячке принц Полония убил.

Труп вынесен из спальни королевы.
Не раздражая, надо отобрать
И отнести в часовню. Поспешите.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Пойдем, Гертруда, соберем друзей,
Расскажем им про новости и планы.
Шипенье ядовитой клеветы,
Несущее сквозь поперечник мира,
Как пушечный снаряд, свое ядро,
С их помощью, быть может, нас минует,
Ударив в воздух. Будь со мной, жена.
Душа в тревоге и устрашена.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же. Другая комната в замке.

Входит Гамлет.

Гамлет
Сдан в целости на место.

Розенкранц и Гильденстерн *(за сценой)*
Гамлет! Гамлет!

Гамлет
Откуда шум? Кто Гамлета зовет?
А, вот они.

Входят Розенкранц и Гильденстерн.

Розенкранц
Милорд, что сделали вы с мертвым телом?

Гамлет
Смешал с землей, которой труп сродни.

Розенкранц
Скажите, где он, мы снесем в часовню.

Гамлет
Об этом бросьте даже помышлять.

Розенкранц
О чем?

Гамлет. Что я буду действовать в ваших интересах, а не в своих. Да и что это еще за расспросы со стороны какой-то губки? Что отвечать на них сыну короля?

Розенкранц. Вы меня сравниваете с губкою, принц?

Гамлет. Да, вас. С губкою, живущей соками царских милостей, наград и попущений. Но на поверку это его лучшие слуги. Король закладывает их за щеку, как обезьяна. Сует в рот первыми, а проглатывает последними. Понадобится то, чего вы насосались, он взял, выдавил вас, и снова вы сухи для новой службы.

Розенкранц. Я вас не понимаю, принц.

Гамлет. Это меня радует. В уме нечутком не место шуткам.

Розенкранц. Милорд, вы должны сказать нам, где тело, и пойти с нами к королю.

Гамлет. Тело во владении короля, но король не во владении телом. Да и какую роль играет тут король?

Гильденстерн. А что же, принц?

Гамлет. Не более, чем ноль. Ведите меня к нему. Гуси, гуси, домой, волк за горой.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Там же. Другая комната в замке.

Входит король со свитой.

Король

За ним пошли. Труп велено найти.
Вот как опасен он, пока на воле.
Сурово с ним расправиться нельзя.
К нему привязано простонародье,
Где судят всё по глаз, а не умом.
Там видят только кару, а не смотрят,
За что она. Для гладкости отъезд
Изобразим служебным назначеньем,
Давно решенным. Сильную болезнь
Врачуют сильно действующим средством.

Входит Розенкранц.

Ну как у вас там? Что произошло?

Розенкранц

Где тело, невозможно доискаться.

Король

А сам он где?

Розенкранц

За дверью, государь.
Впредь до распоряженья под надзором.

Король

Ну что ж, введите принца.

Розенкранц

Гильденстерн!
Введите принца.

Входят Гамлет и Гильденстерн.

Король

Гамлет, где Полоний?

Гамлет

На ужине.

Король

На ужине? Каком?

Гамлет. Не там, где ест он, а где едят его самого. Сейчас за него уселся целый собор земских червей. Червь, что ни говори, единственный столп всякого чиноначалья. Мы откармливаем всякую живность на прокорм себе, и сами кормимся червям на выкорм. Возьмете ли толстяка-короля или худобу-горемыку, это только два блюда к столу, два сменных кушанья, а конец один.

Король. Увы! Увы!

Гамлет. Можно вытащить рыбу на червяка, который попользовался королем, и попользоваться рыбой, которая съела этого червяка.

Король. Что ты хочешь этим сказать?

Гамлет. Ничего, кроме того, как король может совершать внутренние объезды по кишкам нищего.

Король. Где Полоний?

Гамлет. На небе. Пошлите посмотреть. Если посланный не найдет, поищите сами в другом месте. Во всяком случае, если он не сыщется раньше месяца, вы носом почуете его у входа на галерею.

Король *(кое-кому из свиты)*. Наведайтесь, где сказано.

Гамлет. Он вас терпеливо дождется.

Свитские уходят.

Король

Кровавая проделка эта, Гамлет,
Заставит нас для целости твоей
Молниеносно сбыть тебя отсюда.
Изволь спешить. Корабль у берегов,
Подул попутный ветер, и команда
Ждет не дождется в Англию отплыть.

Гамлет

Мы в Англию?

Король

Да, в Англию.

Гамлет

Прекрасно.

Король

Так ты б сказал, знай наши мысли ты.

Гамлет. Я вижу херувима, видящего их.— Ну что ж, едем в Англию! — Прощайте, дорогая матушка.

Король. Дорогой отец, хочешь ты сказать, Гамлет?

Гамлет. Нет,— мать. Отец и мать — муж и жена, а муж и жена — это плоть едина, значит, все равно: прощайте, матушка.— Значит, в Англию, вот как! *(Уходит.)*

Король

Догнать его. Сейчас же на корабль.
Чтоб духу не было его сегодня.
Прощайте. Все изложено в письме.
Формальпости в порядке. Торопитесь.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

И если, Англия, мою любовь
Ты ценишь так, как я заставить в силе,—
А твой рубец от датского меча
Еще горит, и ты благоговейно
Нам платишь дань,— не думай обойти
Прямую букву моего приказа,
Которым тайно Гамлета тебе
Я в руки отдаю на убиенье.
Исполни это, Англия! Как жар
Горячки, он в крови моей клокочет.
Избавь меня от этого огня.
И жизнь не в жизнь и свет не для меня.

(Уходит.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Равнина в Дании.

Входят Фортинбрас, капитан и войско в походе.

Фортинбрас

Шлю вас с поклоном к королю датчан.
Скажите, капитан, что по трактату
Страну пересекает Фортинбрас.
Где сборный пункт, вы знаете. Прибавьте,
Что, если бы явилась в нас нужда,
Мы тут как тут по первому желанью.
Прощайте.

Капитан

Добрый путь.

Фортинбрас

Отряд, вперед!

Фортинбрас с войском уходит.

Входят Гамлет, Розенкранц, Гильденстерн и другие.

Гамлет

Чье это войско?

Капитан

Армия норвежцев.

Гамлет

Куда поход?

Капитан

На Польшу.

Гамлет

Кто их вождь?

Капитан

Принц Фортинбрас, племянник королевский.

Гамлет

Вы движетесь к границе или внутрь?

Капитан

Сказать по правде, мы идем отторгнуть
Невзрачный кус, в котором барыша —
Лишь званье, что земля. Пяти дукатов
Я б не дал за аренду, да и тех
Не выручить Норвегии и Польше,
Пусти они в продажу этот клад.

Гамлет

Какой полякам смысл в его защите?

Капитан

Туда уж стянут сильный гарнизон.

Гамлет

Двух тысяч душ, десятков тысяч денег
Не жалко за какой-то сена клок.
Так иногда среди благополучья
Людей здоровых постигает смерть
От внутреннего скрытого недуга.—
Покорнейше благодарю вас, сэр.

Капитан

Храни вас бог.

(Уходит.)

Розенкранц

Милорд, пойдемте тоже.

Гамлет

Ступайте. Я вас тотчас догоню.

Все уходят, кроме Гамлета.

Все мне уликой служит, все торопит
Ускорить месть. Не велика цена
Того, единственные чьи желанья
Еда да сон. Он зверь — не человек.
Наверно, тот, кто создал нас с понятьем
О будущем и прошлом, дивный дар
Вложил не с тем, чтоб разум гнил без пользы.
Что тут виной? Забывчивость скота,
Или привычка разбирать поступки
До мелочей,— такой разбор всегда
На четверть — мысль, а на три прочих — трусость,—
Что ж медлю я и без конца твержу
О надобности мести, если к делу
Есть воля, сила, право и предлог?
Нелепость эту только оттеняет
Все, что ни встречу. Например, ряды
Такого ополченья, под командой
Изнеженного принца, гордеца
До кончиков ногтей. В мечтах о славе
Он рвется к сече, смерти и судьбе
И жизнью рад пожертвовать, а дело
Не стоит выеденного яйца.
Но тот-то и велик, кто без причины
Не ступит шага, если ж в деле честь,
Подымет драку за пучок соломы.

Отец убит, и мать осквернена,
И сердце пышет злобой: вот и время
Зевать по сторонам и со стыдом
Смотреть на двадцать тысяч обреченных,
Готовых лечь в могилу, как в постель.
Издалека их гонит призрак славы
В борьбу за землю, где не разместить
Дерущихся и не зарыть убитых.
О мысль моя, отныне будь в крови.
Живи грозой иль вовсе не живи.
(Уходит.)

СЦЕНА ПЯТАЯ

Комната в замке

Входят королева и Горацио.

Королева
Я не приму ее.

Горацио
Она шумит,
И в самом деле, видно, повредилась.
Посожалейте.

Королева
Что такое с ней?

Горацио
Отцом все время бредит, обвиняет
Весь свет во лжи, себя колотит в грудь,
Без основанья злится и лепечет
Бессмыслицу. В ее речах сумбур,
Но кто услышит, для того находка.
Из этих фраз, ужимок и кивков
Выуживает каждый по желанью,
Что дело дрянь, нет дыма без огня,
И здесь следы какой-то страшной тайны.

Королева
Я лучше свижусь с ней. В умах врагов
Не трудно ей посеять подозренья.
Пускай войдет.

Горацио уходит.

Больной душе и совести усталой
Во всем мерещится беды начало.

Так именно утайками вина
Разоблачать себя осуждена.

Возвращается Горацио с Офелией.

Офелия
Где Дании краса и королева?
Королева
Что вам, Офелия?
Офелия *(поет)*
А по чем я отличу
Вашего дружка?
Шлык паломника на нем,
Странника клюка.
Королева
Голубушка, что значит эта песня?
Офелия
Да ну вас, вот я дальше вам спою.
(Поет.)
Помер, леди, помер он,
Помер, только слег,
В головах зеленый дрок,
Камушек у ног.
Королева
Послушайте, Офелия...
Офелия
Да ну вас...

Входит король.

Королева. Вот горе-то, взгляните на нее.
Офелия
Белый саван, белых роз
Деревцо в цвету,
И лицо поднять от слез
Мне невмоготу.
Король
Как вам живется, милочка моя?
Офелия. Хорошо, награди вас бог. Говорят, сова была раньше дочкой пекаря. Вот и знай после этого, что нас ожидает. Благослови бог вашу трапезу.
Король *(в сторону)*. Воображаемый разговор с отцом.

Офелия. Об этом не надо распространяться. Но если бы вас спросили, что это значит, скажите:

(Поет.)

С рассвета в Валентинов день
Я проберусь к дверям
И у окна согласье дам
Быть Валентиной вам.
Он встал, оделся, отпер дверь,
И из его хоро́м
Вернулась девушка в свой дом
Не девушкой потом.

Король

Офелия родная!

Офелия

Вот, не побожась, сейчас кончу.

(Поет.)

Какая гадость, сладу нет!
Стоит покуда свет,
Вот так и будут делать вред
По молодости лет?
Пред тем, как с ног меня валить,
Просили вы руки...

А он отвечает:

И обошелся б по-людски,
Не будь вы так легки.

Король

Давно это с ней?

Офелия. Надеюсь, все к лучшему. Надо быть терпеливой. Но не могу не плакать, как подумаю, что его положили в сырую землю. Надо известить брата. Спасибо за доброе участие.— Поворачивай, моя карета! Покойной ночи, леди. Покойной ночи, дорогие леди. Покойной ночи. Покойной ночи. *(Уходит.)*

Король

Скорее вслед. Смотреть за нею в оба.

Горацио уходит.

Вот яд глубокой скорби. Вся беда
В ее отца кончине. Ах, Гертруда,
Повадятся печали, так идут
Не врозь, а валом. Главные несчастья —
Ее отец и ваш изгнанник-сын,
Кругом повинный в ссылке на чужбину.
Затем народ. Вся муть всплыла со дна,

И все рядит и судит о кончине
Полония. Напрасно мы его
Зарыли втихомолку. Третье горе —
Офелия в той спячке чувств, когда
Мы лишь изображенья или звери.
Но верх всего: из Франции тайком
Лаэрт приехал, держится поодаль,
Живет молвой и верит болтунам,
А те ему все уши прожужжали
Про смерть отца. Виновных не найти,
Так всё на нас и свалят. Эти страхи
Меня, Гертруда, стерегут везде
И подсекают, как осколки ядер.

Шум за сценой.

Королева

Что это там за шум?

Король

Швейцарцы где?
Пусть двери охраняют.

Входит придворный.

Что случилось?

Придворный

Спасайтесь, государь. Морской прилив,
Размыв плотины, заливает берег
Не шибче, чем с толпой бунтовщиков
Лаэрт разоружает вашу стражу.
Чернь за него. И будто бы до них
Не знали жизни, не было порядка
И старины, оплота общих чувств,
Они кричат: «Короновать Лаэрта!
Да здравствует Лаэрт!» — и в честь его
Кидают шапки вверх и бьют в ладоши.

Королева

Обрадовались, перепутав след!
Назад! Ошиблись, датские собаки.

Шум за сценой.

Король

Дверь взломана.

Входит вооруженный Лаэрт, за ним датчане.

Лаэрт

Где он, король? — Уйдите, господа.

Датчане

Нет, мы войдем.

Лаэрт

Прошу вас выйти в сени.

Датчане

Да ладно, ладно уж.

(Уходят за дверь.)

Лаэрт

Благодарю.

Займите вход.— Итак, король презренный,
Где мой отец?

Королева

Спокойнее, Лаэрт.

Лаэрт

Найдись во мне спокойствия хоть капля,
И я — внебрачный сын, отец — рогач,
А мать моя безгрешная достойна
Клейма гулящей здесь, между бровей.

Король

Лаэрт, что значит этот бунт гигантов?
Оставь, Гертруда, он ведь без вреда.
Власть короля в такой ограде божьей,
Что сколько враг на нас ни посягай,
Руками не достать.— Итак, признайся,
Откуда это бешенство, Лаэрт?
Ну что же, отвечай.— Оставь, Гертруда.

Лаэрт

Где мой отец?

Король

В гробу.

Королева

Но не король
Тому виной.

Король

Пусть спрашивает вволю.

Лаэрт

Как умер он? Но за нос не водить!
Я рву все связи и топчу присягу,
И долг дворянский шлю ко всем чертям.
Возмездьем не пугайте. Верьте слову:

Что тот, что этот свет, мне все равно.
Но, будь что будет, за отца родного
Я отомщу!

Король

А кто вам запретит?

Лаэрт

Никто, когда моя на это воля,
А средства,— обойдусь и тем, что есть.
Не беспокойтесь.

Король

Вы б узнать желали
Всю подноготную про смерть отца?
А вдруг, узнав, вы в ослепленье мести
Сметете разом, точно кучу карт,
Врага и друга, правых и неправых?

Лаэрт

Нет, лишь врагов.

Король

Вы их хотите знать?

Лаэрт

Да. А друзьям открою я объятья
И кровь свою с готовностью пролью,
Как пеликан.

Король

Теперь вы говорите,
Как добрый сын и верный дворянин.
Что я в утрате вашей неповинен
И сам скорблю, вам станет дня ясней.

Датчане *(за сценой)*

Дорогу ей!

Лаэрт

Что там за суматоха?

Возвращается Офелия.

Гнев, иссуши мой мозг! Соль слез моих,
В семь раз сгустясь, мне оба глаза выжги!
Свидетель бог, я полностью воздам
За твой угасший разум. Роза мая!
Дитя мое, Офелия, сестра!
Где видано, чтоб девушки рассудок
Был ненадежней жизни старика?

Любовь способна по природе к жертвам
И расстается с самым дорогим
Для дорогих.

Офелия *(поет)*

Без крышки гроб его несли,
Скок-скок со всех ног,
Ручьями слезы в гроб текли.
Прощай, мой голубок.

Лаэрт

Будь ты в уме и добивайся мщенья,
Ты б не могла так тронуть.

Офелия. А вы подхватывайте: «Скок в яму, скок со дна, не сломай веретена. Крутись, крутись, прялица, пока не развалится». Это вор-ключник, увезший хозяйскую дочь.

Лаэрт. Набор слов почище иного смысла.

Офелия. Вот розмарин, это для памятливости: возьмите, дружок, и помните. А это анютины глазки: это чтоб думать.

Лаэрт. Изреченья безумья: память и мысль неотделимы.

Офелия. Вот укроп для вас, вот водосбор. Вот рута. Вот несколько стебельков для меня. Ее можно также звать богородичной травой. В отличье от моей носите свою как-нибудь по-другому. Вот ромашка. Я было хотела дать вам фиалок, но все они завяли, когда умер мой отец. Говорят, у него был легкий конец.

(Поет.)

Но Робин родной мой — вся радость моя.

Лаэрт

Тоске и страсти и кромешной тьме
Она очарованье сообщает.

Офелия *(поет)*

Неужто он не придет?
Неужто он не придет?
Нет, помер он
И погребен.
И за тобой черед.
А были снежной белизны
Его седин волнистых льны.
Но помер он,
И вот
За упокой его души
Молиться мы должны.

И за все души христианские, господи, помилуй! — Ну, храни вас бог. *(Уходит.)*

Лаэрт

Видали? Боже!

Король

Слушайте, Лаэрт.
Поверьте в живость моего участья
И дайте оправдаться. Из друзей
Подите выберите самых умных,
Пусть, выслушав, они рассудят нас.
Когда бы против нас нашлись улики,
Прямые или косвенные, мы
Корону, царство, жизнь и все, что наше,
Даем вам в возмещенье. Если ж нет,
Извольте уделить нам миг терпенья,
И мы в союзе с вашею душой
Добьемся удовлетворенья.

Лаэрт

Ладно.
Загадка смерти, тайна похорон,
Отсутствие герба и шпаг над прахом,
Обход обрядов, нарушенье форм —
Все это вопиет с небес на землю
И ждет разбора.

Король

И его найдет.
А виноватого — на эшафот.
Пожалуйте.

(Уходит.)

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Там же. Другая комната в замке.

Входят Горацио и слуга.

Горацио

Кто хочет говорить со мной?

Слуга

Матросы.
У них к вам письма, говорят.

Горацио

Прошу.—
Ума не приложу, кто и откуда
Мне мог бы, кроме Гамлета, писать.

Входят матросы.

Первый матрос

Бог в помощь, сэр.

Горацио

Дай бог тебе здоровья.

Первый матрос. Была б его воля, а мы не откажемся.— Вот письмо для вас, сэр. Оно от посланника с корабля, шедшего в Англию,— если ваше имя Горацио, как мне сказали.

Горацио *(читает)*. «Горацио, по прочтении сего устрой, чтобы эти люди попали как-нибудь к королю. У них есть письма к нему. Не были мы и двух дней в море, как сильно вооруженный корсар погнался за нами. Уступая им в скорости, мы их атаковали с вынужденной отвагой. При абордаже я перескочил к ним на борт. Но в этот миг корабли расцепились, и таким образом я очутился у них единственным пленником. Они обошлись со мной как милосердные разбойники. Однако они ведали, что творили. За это я должен буду сослужить им службу. Доставь королю приложенные письма и поспеши ко мне, как бежал бы от смерти. Я тебе скажу на ухо несколько слов, от которых ты онемеешь, хотя им далеко до всей истины. Эти добряки доставят тебя к месту моего нахождения. Розенкранц и Гильденстерн продолжают путь в Англию. О них тоже много расскажу тебе. Прощай. Твой, в чем ты не сомневаешься, Гамлет».

Пойдем, сдадим оставшиеся письма
И поспешим к тому, кто их послал.

Уходят.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Там же. Другая комната в замке.

Входят король и Лаэрт.

Король

Теперь ваш долг принять меня в друзья
И в сердце подписать мне оправданье.
Вы видите, тот самый человек,
Который вас лишил отца, пытался
Убить меня.

Лаэрт

Я вижу. Отчего ж
Не нарядили следствия по делу

Такой великой важности, в обход
Понятьям безопасности и права?

Король

Причины две, на ваш, наверно, взгляд
Пустых, а для меня особо веских.
Лишь им и дышит королева-мать.
А хорошо ли, плохо ль,— ваше дело,
Но нас с женой водой не разольешь:
Душой и телом, как звезда с орбитой.
Другое основанье, отчего
Не предал я суду его открыто,—
Привязанность к нему простых людей.
Его ошибки возведут в заслуги.
Народ, как соль чудесного ключа,
Который ветку обращает в камень.
Стихию эту лучше не дразнить,
А то поднявшийся ответный ветер
Вернет мне стрелы острием назад.

Лаэрт

Итак, забыть про смерть отца и ужас,
Нависший над сестрою? А меж тем —
Хоть дела не воротишь похвалами —
Она легко затмила б этот век.
Нет, месть моя придет.

Король

Не беспокойтесь.
Вы думаете, я такой чурбан,
Что, собственной опасности не видя,
Я за́ бороду дам себя хватать?
Потом поймете прочее. Отец ваш
Был другом мне, и я не враг себе,
И этого, я думаю, довольно...

Входит вестовой с письмом.

Ну? Что еще там?

Вестовой

Письма, государь.
От Гамлета: Вот вам, вот королеве.

Король

От Гамлета? Кто подал?

Вестовой

Говорят,
Какие-то матросы. Я не видел.

Мне Клавдио их дал, а у него —
Из первых рук.

Король

Лаэрт, хотите слушать?
Я вам прочту.— Ступайте.

Вестовой уходит.

(Читает.)

«Великий и могущественный, узнайте, что я голым высажен на берег вашего королевства. Завтра я буду просить разрешения предстать пред ваши королевские очи, чтобы, заручившись вперед вашим благоволеньем, изложить обстоятельства моего внезапного и еще более странного возвращения. Гамлет».

Что это значит? Все ли возвратились?
Иль это ложь и все идет на лад?

Лаэрт

Верна ли подпись?

Король

Точный почерк принца.
Вот это «голым» и внизу: «Один»
В приписке. Что вы скажете на это?

Лаэрт

Не знаю сам. Но встретиться хочу.
Мне легче на душе от предвкушенья
Того, что я швырну ему в лицо.

Король

Но если так, зачем же дело стало?
Раз так, то все улажено, Лаэрт.
Я буду направлять вас.

Лаэрт

Направляйте.
Но только не старайтесь помирить.

Король

Какой там мир! Напротив. Он вернулся,
И вновь его так просто не ушлешь.
Поэтому я новое придумал.
Я так его заставлю рисковать,
Что он погибнет сам по доброй воле.
Его конец не поразит молвы,
И даже мать, не заподозрив козней,
Во всем увидит случай.

Лаэрт

Государь,
Скажу тем тверже: управляйте мною,
Я буду вам орудьем.

Король

Все к тому.
В отлучку вашу вас не забывали.
При Гамлете хвалили вас за то,
Чем вы сильны, и вот, из всех отличий
Завидовал он только вам в одном,
Хотя оно не кажется мне главным.

Лаэрт

И это?..

Король

Бант на шляпе молодца,
Хоть и уместный. В молодости носят
Небрежно легкий плащ. А пожилой
Заботу о здоровье облекает
В сукно и мех. Два месяца назад
Здесь был нормандский дворянин. Я видел
Французов и сражался против них.
Им равных нет в езде верхом. Но этот
Был чародей. Он прирастал к седлу
И достигал с конем такой сноровки,
Как будто был до половины слит
С четвероногим. И во сне не снится,
Словами не сказать, что он творил!
Непостижимо!

Лаэрт

Это был нормандец?

Король

Нормандец.

Лаэрт

Так порукой жизнь,— Ламонд.

Король

Он самый.

Лаэрт

Как не знать: алмаз известный,
Цвет всей страны.

Король

Он знает вас, сказал,
И с похвалой большою отзывался
О вашем фехтовальном мастерстве,

Особенно о бое на рапирах,
Где вам, как уверял он, равных нет.
Он говорил,— их первые задиры
Теряют глаз, расчет и быстроту
При встрече с вами. Этот отзыв поднял
Такую зависть в Гамлете, что он
Лишь спал и видел, как бы вас дождаться
И упросить, чтоб вы побились с ним.
Вот и предлог.

Лаэрт

Предлог? Не понимаю.
Предлог к чему?

Король

Скажите мне, Лаэрт,
Вы чтите не шутя отцову память,
Иль, как со скорби писанный портрет,
Вы лик без жизни?

Лаэрт

Странные расспросы.

Король

Кто отрицает в вас любовь к отцу?
Но всякую любовь рождает время,
И время же, как подтверждает жизнь,
Решает, искра это или пламя.
В самом огне любви есть вещество,
Которое и гаснет от нагару.
Непостоянна качеств полнота
И погибает от переполненья.
Что хочется, то надо исполнять,
Пока не расхотелось: у хотенья
Не меньше дел и перемен на дню,
Чем рук и планов и голов на свете.
Когда же поздно, нечего вздыхать.
Как слезы с перепою эти вздохи.
Итак, здесь Гамлет. Чем, помимо слов,
Докажете вы связь с отцом на деле?

Лаэрт

Увижу в церкви, глотку перерву.

Король

Конечно, для убийцы нет святыни,
И месть границ не знает. Но тогда,
Мой дорогой, сидите лучше дома.

Про ваш приезд узнает Гамлет сам,
На всех углах вас будут славословить
Вслед за французом. Вас сведут вдвоем.
За вас обоих выставят заклады.
Как человек беспечный и прямой
И чуждый ухищрений, он не станет
Рассматривать рапир, и вы легко,
Чуть изловчась, подмените тупую,
С предохраненьем, голой боевой
И за отца сквитаетесь.

Лаэрт

Отлично.
Кой-чем вдобавок смажу острие.
Я как-то мазь купил такого свойства,
Что если смазать нож и невзначай
Порезать палец, каждый умирает,
И не спасти травою никакой,
С заклятьем припасенной ночью лунной.
Я этим ядом вымажу клинок.
Его довольно будет оцарапать,
И он погиб.

Король

Обдумаем полней,
Какие могут ждать нас вероятья.
Допустим, план наш белой ниткой шит
И рухнет или выйдет весь наружу.
Как быть тогда? Нам надобно взамен
Иметь другое что-нибудь в запасе.
Постойте, я смекну.— Готово, есть.
Ага, мы ставим ценные заклады...
Так, так.
Когда вы разгоритесь от борьбы —
Для этого я б участил атаки,—
На случай, если б попросил он пить,
Поставлю кубок. Только он пригубит,
Ему конец, хотя б он уцелел
От смертоносной раны.— Что за крики?

Входит королева.

А, королева!

Королева

Несчастье за несчастием, Лаэрт.
Сестра, мой милый, ваша утонула.

Лаэрт

Как, утонула? Где? Не может быть!

Королева

Над речкой ива свесила седую
Листву в поток. Сюда она пришла
Гирлянды плесть из лютика, крапивы,
Купав и цвета с красным хохолком,
Который пастухи зовут так грубо,
А девушки — ногтями мертвеца.
Ей травами увить хотелось иву,
Взялась за сук, а он и подломись,
И, как была, с копной цветных трофеев
Она в поток обрушилась. Сперва
Ее держало платье, раздуваясь,
И, как русалку, поверху несло.
Она из старых песен что-то пела,
Как бы не ведая своей беды
Или как существо речной породы.
Но долго это длиться не могло,
И вымокшее платье потащило
Ее с высот мелодии на дно,
В муть смерти.

Лаэрт

Утонула!..

Королева

Утонула.

Лаэрт

Офелия, довольно вкруг тебя
Воды, чтоб доливать ее слезами.
Но как сдержать их? Несмотря на стыд,
Природа льет их. Ими вон исходит
Все бабье в нас. Прощайте, государь.
В душе пожар, а эта дурья слабость
Мне портит все.

(Уходит.)

Король

Гертруда, сколько сил
Потратил я, чтоб гнев его умерить.
Теперь, боюсь, он разгорится вновь.
Пойдем за ним.

Уходят.

АКТ ПЯТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Эльсинор. Кладбище.

Входят два могильщика с лопатами.

Первый могильщик. А правильно ли хоронить по-христиански, которая самовольно добивалась вечного блаженства?

Второй могильщик. Стало быть, правильно. Ты и копай ей живей могилу. Ее показывали следователю и постановили, чтобы по-христиански.

Первый могильщик. Статочное ли дело? Добро бы она утопилась в состоянии самозащиты.

Второй могильщик. Состояние и постановили.

Первый могильщик. Состояние надо доказать. Без него не закон. Скажем, я теперь утоплюсь с намереньем. Тогда это дело троякое. Одно — я его сделал, другое — привел в исполнение, третье — совершил. С намерением она, значит, и утопилась.

Второй могильщик. Ишь ты как, кум гробокопатель...

Первый могильщик. Нет, без смеху. Вот тебе, скажем, вода. Хорошо. Вот, скажем, человек. Хорошо. Вот, скажем, идет человек к воде и топится. Хочешь не хочешь, а он идет, вот в чем суть. Другой разговор — вода. Ежели найдет на него вода и потопит, он своему концу сторона. Стало быть, кто в своей смерти неповинен, тот своей жизни не губил.

Второй могильщик. Это по какой же статье?

Первый могильщик. О сысках и следствиях.

Второй могильщик. Хочешь знать правду? Не будь она дворянкой, не видать бы ей христианского погребенья.

Первый могильщик. Твоя правда. То-то и обидно. Чистая публика топись и вешайся сколько душе угодно, а наш брат прочий верующий и не помышляй. Ну да ладно. Пора за лопату. А насчет дворян — нет старинее, чем садовники, землекопы и могильщики. Их звание от самого Адама.

Второй могильщик. Разве он был дворянин?

Первый могильщик. Он первый носил ручное оружие.

Второй могильщик. Полно молоть, ничего он не носил.

Первый могильщик. Да ты язычник, что ли? Как ты понимаешь Священное писание? В Писании сказано: «Адам копал землю». Что ж, он копал ее голыми руками? Ну вот тебе еще вопрос. Только ты отвечай впопад, а то смотри...

«Гамлет», акт пятый
Б. Дехтерев

Второй могильщик. Валяй спрашивай.

Первый могильщик. Кто строит крепче каменщика, корабельного мастера и плотника?

Второй могильщик. Строитель виселиц. Это помещение переживает всех нахлебников.

Первый могильщик. Ей-богу, умница. Виселица — это хорошо. Но только смотря для кого. Хорошо для того, чье дело плохо. Ты сказал плохо, будто виселица крепче церкви. Вот виселица для тебя и хороша. Давай сначала, только теперь спрашивай ты.

Второй могильщик. Кто строит крепче каменщика, корабельного мастера и плотника?

Первый могильщик. Вот и говори кто, и отвяжись.

Второй могильщик. А вот и скажу.

Первый могильщик. Ну?

Второй могильщик. Не могу знать кто.

Входят Гамлет и Горацио и останавливаются в отдалении.

Первый могильщик. Не надсаживай себе этим мозгов. Сколько осла ни погоняй, он шибче не пойдет. В следующий раз, спросят тебя эту же вещь,— отвечай: могильщик. Его дома простоят до второго пришествия. Ну да ладно. Сбегай, брат, к Иогену и принеси-ка мне шкалик.

Второй могильщик уходит.

(Копает и поет.)

Не чаял в молодые дни
Я в девушках души
И думал, только тем они
Одним и хороши.

Гамлет. Неужели этот шутник не сознает рода своей работы, что поет за рытьем могилы?

Горацио. Привычка ее упростила.

Гамлет. Это естественно. Рука чувствительна, пока не натрудишь.

Первый могильщик *(поет)*

Но тихо старость подошла
И за руку взяла,
И все умчалось без следа
Неведомо куда.

(Выбрасывает череп.)

Гамлет. В этом черепе был когда-то язык, он умел петь. А этот негодяй шмякнул его обземь, точно это челюсть Каина, который совершил первое убийство. Возможно, голова, с которою этот осел обходится так пренебрежительно, принадлежала какому-нибудь политику, который собирался перехитрить самого господа бога. Не правда ли?

Горацио. Возможно, милорд.

Гамлет. Или какому-нибудь придворному. Он говаривал: «С добрым утром, светлейший государь. Как изволите здравствовать?» Его звали князь такой-то и такой-то, и он нахваливал князю такому-то его лошадь, в надежде напроситься на подарок. Не правда ли?

Горацио. Правда, принц.

Гамлет. Да, вот именно. А теперь он угодил к Курносой, сам без челюстей, и церковный сторож бьет его по скулам лопатой. Поразительное превращенье, если б только можно было подсмотреть его тайну. Стоило ли давать этим костям воспитанье, чтобы потом играть ими в бабки? Мои начинают ныть при мысли об этом.

Первый могильщик *(поет)*

Бери лопату и кирку,
И новый саван шей,
И рой могилу старику
На водворенье в ней.

(Выбрасывает другой череп.)

Гамлет. Вот еще один. Почему не быть ему черепом законника? Где теперь его крючки и изворотy, его уловки и умствованья, его казуистика? Отчего принимает он подзатыльники заступом от этого грубияна и не привлекает его за оскорбленье действием? Гм! В свое время это мог быть крупный скупщик земель, погрязший в разных закладных, долговых обязательствах, судебных протоколах и актах о взысканье. В том ли пеня на пеню и взысканье по взысканью со всех его земельных оборотов, что голова его пенится грязью и вся набита землей? Неужели все его поручительства, простые и двусторонние, обеспечили ему только надел величиной в одну купчую крепость на двух листах бумаги? Одни его передаточные записи едва ли улеглись бы на таком пространстве. А разве сам владелец не вправе разлечься попросторней?

Горацио. Нет, ни на одну пядь, милорд.

Гамлет. Кажется, ведь пергамент выделывают из бараньей кожи?

Горацио. Да, принц, а также из телячьей.

Гамлет. Ну так бараны и телята — те, кто ищет в этом обеспеченья. Я поговорю с этим малым.— Чья это могила, как тебя там?

Первый могильщик. Моя, сэр.

(Поет.)

И рой могилу старику
На водворенье в ней.

Гамлет. Верю, что твоя, потому что ты лжешь из могилы.

Первый могильщик. А вы — не из могилы. Стало быть, она не ваша. А я — в ней и, стало быть, не лгу.

Гамлет. Как же не лжешь? Торчишь в могиле и говоришь, что она твоя. А она для мертвых, а не для живых. Вот ты и лжешь, что в могиле.

Первый могильщик. Эта ложь в могиле не останется. Она оживет и уйдет от меня к вам.

Гамлет. Для какого мужа праведна ты ее роешь?

Первый могильщик. Ни для какого.

Гамлет. Тогда для какой женщины?

Первый могильщик. Тоже ни для какой.

Гамлет. Для кого же она предназначена?

Первый могильщик. Для особы, которая, сэр, была женщиной, ныне же, царствие ей небесное, преставилась.

Гамлет. До чего досконален, бездельник! С этим народом надо держать ухо востро, а то пропадешь от двусмыслиц. Клянусь богом, Горацио, за последние три года я заметил: время так подвинулось, что мужики наступают дворянам на пятки.— Давно ли ты могильщиком?

Первый могильщик. Изо всех дней в году с того самого, как покойный король наш Гамлет одолел Фортинбраса.

Гамлет. Сколько же теперь этому?

Первый могильщик. Аль не знаете? Это всякий дурак знает. Это было как раз в тот день, когда родился молодой Гамлет, тот самый, что сошел теперь с ума и послан в Англию.

Гамлет. Вот те на. Зачем же его послали в Англию?

Первый могильщик. Как это зачем? За умом и послали. Пускай поправит. А не поправит, так там и это не беда.

Гамлет. То есть как это?

Первый могильщик. А так, что никто не заметит. Там все такие же сумасшедшие.

Гамлет. Каким образом он помешался?

Первый могильщик. Говорят, весьма странным.

Гамлет. Каким же именно?

Первый могильщик. А таким, что взял и потерял рассудок.

Гамлет. Да, но на какой почве?

Первый могильщик. Да все на той же, на нашей датской. Я здесь тридцать лет при погосте, с малолетства.

Гамлет. Много ли пролежит человек в земле, пока не сгниет?

Первый могильщик. Да как сказать. Если он не протухнет заживо,— сейчас пошел такой покойник, что едва дотягивает до похорон,— то лет восемь-девять продержится. Кожевник, этот все девять с верностью.

Гамлет. Отчего же этот дольше других?

Первый могильщик. А видите, сударь, шкура-то у него так выдублена промыслом, что долго устоит против воды. А вода, будь вам ведомо, самый первый враг для вашего брата покойника, как помрете. Вот, например, еще череп. Этот череп пролежал в земле двадцать три года.

Гамлет. Чей он?

Первый могильщик. Одного шалопая окаянного, лучше не говорить. Чей бы вы думали?

Гамлет. Не знаю.

Первый могильщик. Чтоб ему пусто было, до чего это был чумовой сорванец! Бутылку ренского вылил мне раз на голову, что вы скажете. Этот череп, сэр, это череп Иорика, королевского скомороха.

Гамлет. Этот?

Первый могильщик. Этот самый.

Гамлет. Дай взгляну.

(Берет череп в руки.)

Бедняга Иорик!— Я знал его, Горацио. Это был человек бесконечного остроумия, неистощимый на выдумки. Он тысячу раз таскал меня на спине. А теперь это само отвращение и тошнотой подступает к горлу. Здесь должны были двигаться губы, которые я целовал не знаю сколько раз.— Где теперь твои каламбуры, твои смешные выходки, твои куплеты? Где взрывы твоего заразительного веселья, когда со смеху покатывался весь стол? Ничего в запасе, чтоб позубоскалить над собственной беззубостью? Полное расслабленье? Ну-ка, ступай в будуар великосветской женщины и скажи ей, какою она будет, несмотря на румяна в дюйм толщиною. Попробуй рассмешить ее этим пророчеством.— Скажи мне одну вещь, Горацио.

Горацио. Что именно, принц?

Гамлет. Как ты думаешь: Александр Македонский представлял в земле такое же зрелище?

Горацио. Да, в точности.

Гамлет. И так же вонял? Фу!

(Кладет череп наземь.)

Горацио. Да, в точности, милорд.

Гамлет. До какого убожества можно опуститься, Горацио! Что мешает вообразить судьбу Александрова праха шаг за шагом, вплоть до последнего, когда он идет на затычку бочки?

Горацио. Это значило бы смотреть на вещи слишком предвзято.

Гамлет. Ничуть не бывало. Напротив, это значило бы почтительно следовать за предметом, подчиняясь вероятности. Примерно так: Александр умер, Александра похоронили, Александр стал прахом, прах — земля, из земли добывают глину. Почему глине, в которую он обратился, не оказаться в обмазке пивной бочки?

Истлевшим Цезарем от стужи
Заделывают дом снаружи.
Пред кем весь мир лежал в пыли,
Торчит затычкою в щели.
Но тише! Станем дальше! Вон король.

Входит шествие со священником во главе, за которым следует тело Офелии, Лаэрт, провожатые, король, королева и их свита.

Вон королева. Двор. Кого хоронят?
Как искажен порядок! Это знак,
Что мы на проводах самоубийцы.
Какой-то знатный. Станем в стороне
И поглядим.

(Отходит с Горацио в сторону.)

Лаэрт

Что вы добавите из службы?

Гамлет

Вот благородный юноша Лаэрт.

Лаэрт

Что вы еще намерены добавить?

Священник

В предписанных границах свой устав
Мы уж и так расширили. Кончина

Ее темна и, не вмешайся власть,
Лежать бы ей в неосвященном месте
До гласа трубного. Взамен молитв
Ее сопровождал бы град каменьев.
А ей на гроб возложены венки,
И шли за нею с колокольным звоном
До изгороди.

Лаэрт

Значит, это все,
Что в вашей власти?

Священник

Да, мы отслужили.
Мы осквернили бы святой обряд,
Когда б над нею реквием пропели,
Как над другими.

Лаэрт

Опускайте гроб! —
Пусть из ее неосквернённой плоти
Взрастут фиалки! — Помни, грубый поп,
Сестра на небе ангелом зареет,
Когда ты в корчах взвоешь.

Гамлет

То есть как:
Офелия?!

Королева *(разбрасывая цветы)*

Прекрасное прекрасной.
Спи с миром. Я тебя мечтала в дом
Ввести женою Гамлета. Мечтала
Покрыть цветами брачную постель,
А не могилу.

Лаэрт

Трижды тридцать казней
Свались втройне на голову того,
От чьих злодейств твой острый ум затмился.
Не надо. Погодите засыпать.
Еще раз заключу ее в объятья.
(Прыгает в могилу.)
Заваливайте мертвую с живым.
На ровном месте взгромоздите гору,
Которая превысит Пелион
И голубой Олимп.

Гамлет *(выступая вперед)*

Кто тут горюет
Так выспренно? Чьей жалобы раскат
В движенье останавливает звезды,
Как зрителей? К его услугам я,
Принц Гамлет Датский.

(Прыгает в могилу.)

Лаэрт

Чтоб тебя, нечистый!

(Борется с ним.)

Гамлет

Учись молиться. Горла не дави.
Я не горяч, но я предупреждаю,
Отчаянное что-то есть во мне.
Ты, право, пожалеешь. Руки с горла!

Король

Разнять их!

Королева

Гамлет, Гамлет!

Все

Господа!

Горацио

Принц, успокойтесь.

Их разнимают, и они выходят из могилы.

Гамлет

За причину спора
Я с ним согласен драться до конца,
И не уймусь, пока мигают веки.

Королева

Какого спора, сын мой?

Гамлет

Я любил
Офелию, и сорок тысяч братьев
И вся любовь их — не чета моей.
Скажи, на что ты в честь ее способен?

Король

Он вне себя.

Королева

Не трогайте его.

Гамлет

Я знать хочу, на что бы ты пустился?
Рыдал? Рвал платье? Дрался? Голодал?

Пил уксус? Крокодилов ел? Все это
Могу и я. Ты слезы лить пришел?
В могилу прыгать мне на посмеянье?
Живьем зарытым быть? Могу и я.
Ты врал про горы? Миллионы акров
Нам на курган, чтоб солнце верх сожгло
И в бородавку превратилась Осса!
Ты думал глоткой взять? Могу и я.

Королева

Все это взрыв безумья. С ним припадок.
Немного переждать, и он опять
Притихнет, как голубка над птенцами,
И сложит крылья.

Гамлет

Надо объяснить,
За что вы так со мной небрежны, сударь?
Ведь я любил вас.— Впрочем, все равно;
Хоть выбейся из силы Геркулес,
Как волка ни корми, он смотрит в лес.

(Уходит.)

Король

Побудьте с ним, пожалуйста, Гораций.

Горацио уходит.

(Лаэрту.)

Припомните вчерашний разговор
И потерпите. Все идет к развязке.—
Гертруда, пусть за принцем последят.—
Мы здесь живой ей памятник поставим.
Терпеть еще недолго. А потом
Зато тем безмятежнее вздохнем.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же. Зал в замке.

Входят Гамлет и Горацио.

Гамлет

Как будто все. Два слова о другом.
Но хорошо ли помнишь ты событья?

Горацио

Еще бы, принц.

Гамлет

Мне не давала спать
Какая-то борьба внутри. На койке
Мне было, как на нарах в кандалах.
Я быстро встал. Да здравствует поспешность!
Как часто нас спасала слепота,
Где дальновидность только подводила.
Есть, стало быть, на свете божество,
Устраивающее наши судьбы
По-своему.

Горацио

На наше счастье, есть.

Гамлет

Я вышел из каюты. Плащ накинул,
Пошел искать их, шарю в темноте,
Беру у них пакет и возвращаюсь.
Храбрясь со страху и забывши стыд,
Срываю прикрепленные печати
И, венценосной подлости дивясь,
Читаю сам, Горацио, в приказе,
Какая я опасность и гроза
Для Дании и Англии. Другими
Словами: как, по вскрытии письма,
Необходимо, топора не правя,
Мне голову снести.

Горацио

Не может быть!

Гамлет

Вот предписанье. После прочитаешь.
Сказать ли, как я дальше поступил?

Горацио

Пожалуйста.

Гамлет

Опутанный сетями,
И роли я себе не подыскал,—
Уж мысль играла. Новый текст составив,
Я начисто его переписал.
Когда-то я считал со всею знатью
Хороший почерк пошлою чертой
И сил не пожалел его испортить,
А как он выручил меня в беде!
Сказать, что написал я?

Горацио

О, конечно.

Гамлет

Устами короля указ гласил:
Ввиду того, что Англия наш данник,
И наша дружба пальмою цветет,
И нас сближает мир в венке пшеничном,
А также и ввиду других причин,—
Здесь следовало их перечисленье,—
Немедля по прочтении сего
Подателей означенной бумаги
Предать на месте смерти без суда
И покаянья.

Горацио

Где печать вы взяли?

Гамлет

Ах, мне и в этом небо помогло.
Со мной была отцовская, с которой
Теперешняя датская снята.
Я лист сложил, как тот, скрепил печатью
И положил за подписью назад,
Как тайно подмененного ребенка.
На следующий день был бой морской.
Что было дальше, хорошо известно.

Горацио

Так Гильденстерн и Розенкранц плывут
Себе на гибель?

Гамлет

Сами добивались.
Меня не мучит совесть. Их конец —
Награда за пронырство. Подчиненный
Не суйся между высшими в момент,
Когда они друг с другом сводят счеты.

Горацио

Каков король-то!

Гамлет

Вот и посуди,
Как я взбешен. Ему, как видишь, мало,
Убив отца и опозорив мать,
Быть мне преградой на пути к престолу.
Еще он должен удочку с крючком
На жизнь мою закидывать украдкой.
Так разве это не прямой мой долг

С ним рассчитаться этою рукою
И разве не позор давать вреду
Въедаться глубже?

Горацио

Скоро он узнает,
Что в Англии случилось.

Гамлет

А пока
Остаток дней в моем распоряженье.
Хоть человеческая жизнь и вся
Не долее, чем сосчитать до разу.
Но я стыжусь, Горацио, что так
С Лаэртом нашумел. В его несчастьях
Я вижу отражение своих
И помирюсь с ним. Но зачем наружу
Так громко выставлять свою печаль?
Я этим возмутился.

Горацио

Тише. Кто там?

Входит Озрик.

Озрик. Со счастливым возвращением в Данию, ваше высочество!

Гамлет. Благодарю покорно, сэр. (*Вполголоса Горацио.*) Знаешь ты эту мошку?

Горацио (*вполголоса Гамлету*). Нет, милорд.

Гамлет (*вполголоса Горацио*). Твое счастье. Знать его не заслуга. У него много земли, и вдобавок плодородной. Поставь скотину царем скотов,— его ясли будут рядом с королевскими. Это сущая галка, но, как я сказал, по количеству грязи в ее владении — крупнопоместная.

Озрик. Милейший принц, если бы у вашего высочества нашлось время, я бы вам передал что-то от его величества.

Гамлет. Сэр, я это запечатлею глубоко в душе. Но пользуйтесь шляпой по назначенью. Ее место на голове.

Озрик. Ваше высочество, благодарю вас. Очень жарко.

Гамлет. Нет, поверьте, очень холодно. Ветер с севера.

Озрик. Действительно, несколько холодновато, ваша правда.

Гамлет. И все же, я бы сказал, страшная жара и духота для моей комплекции.

Озрик. Принц,— неописуемая. Такая духота, что просто не подберу слов. Однако, принц, по приказу его величества

довожу до вашего сведения, что он держит за вас пари на большую сумму.

Гамлет. Тем не менее прошу вас... (*Принуждает его надеть шляпу.*)

Озрик. Нет, оставьте, уверяю вас. Мне так лучше, уверяю вас. Сэр, на днях к здешнему двору прибыл Лаэрт, настоящий джентльмен, полный самых законченных достоинств, обаятельный в обращении и прекрасной наружности. Не шутя, если говорить картинно, это справочник и указатель благородства, ибо в нем заключено все, что может нравиться светскому человеку.

Гамлет. Сэр, он ничего не потерял в вашем изображении. Хотя, думаю я, описанье его по частям затруднило бы память, заставив ее едва тащиться за его достоинствами, однако скажу с искренностью прославителя, я считаю его существом высшей породы и таким редким, что, по совести, с ним сравнимо только его собственное отраженье, а его подражатели — его жалкие тени, не больше.

Озрик. Ваше высочество говорите о нем очень верно.

Гамлет. Куда вы гнете, сэр? Зачем оскверняем мы этого джентльмена своим грубым дыханьем.

Озрик. Сэр?

Горацио. Что у вам в мыслях? Нельзя ли сказать это попрямее. Право, постарайтесь, милостивый государь.

Гамлет. К чему приплели вы этого джентльмена?

Озрик. Лаэрта?

Горацио (*вполголоса Гамлету*). Запас его красноречья иссяк. Все золотые слова истрачены.

Гамлет. Да, Лаэрта, сэр.

Озрик. Я знаю, от вас не скрыто...

Гамлет. Я хотел бы, чтобы это не было скрыто от вас. Хотя и в таком случае я б ничего не выиграл. Итак, сэр?

Озрик. Я знаю, от вас не скрыто совершенство, с каким Лаэрт...

Гамлет. Не смею судить, чтобы не быть вынужденным с ним мериться. Знать хорошо другого, значит, знать самого себя.

Озрик. Речь, сударь, о совершенстве, с каким он владеет оружием. По общему убеждению, ему в этом нет равных.

Гамлет. Какое у него оружие?

Озрик. Рапира и кинжал.

Гамлет. Оружие двойное. Что же дальше?

Озрик. Король, сэр, держит с ним пари на шесть арабских

коней, против которых тот, как я слышал, прозакладывал шесть французских рапир и кинжалов, с их принадлежностями, как-то: кушаками, портупеями и так далее. Три пары гужей, действительно, сказочной красоты и очень подходят к рукоятям. Чрезвычайно изящные гужи, с остроумными украшениями.

Гамлет. Что вы называете гужами?

Горацио (*вполголоса Гамлету*). Я предчувствовал, что дело не обойдется без пояснений.

Озрик. Гужи, сэр,— это ремешки к портупеям.

Гамлет. Выраженье было бы более подходящим, если бы вместо шпаг мы носили пушки. До тех пор пусть это будут портупеи. Но не будем отвлекаться. Итак, шесть арабских коней против шести французских шпаг, их принадлежностей и трех пар гужей с остроумными украшеньями. За что же все это прозакладовано, как вы сказали?

Озрик. Король, сэр, утверждает, что из двенадцати схваток его перевес над вами не превысит трех ударов. Он ставит на девять из двенадцати. Это можно было бы немедленно проверить, если бы ваше высочество соблаговолили ответить.

Гамлет. А если я отвечу: нет?

Озрик. Я хотел сказать, милорд: если вы ответите принятьем вызова на состязанье.

Гамлет. Сэр, я буду прогуливаться по залу. Если его величеству угодно, сейчас время моего отдыха. Пусть принесут рапиры. Если молодой человек согласен и король останется при своем намеренье, я постараюсь, если смогу, выиграть его пари. Если же нет, мне достанутся только стыд и неотбитые удары противника.

Озрик. Можно ли именно так передать ваши слова?

Гамлет. Именно так, сэр, с прикрасами, какие вам заблагорассудится прибавить.

Озрик. Поручаю себя в своей преданности вашему высочеству.

Гамлет. Честь имею, честь имею...

Озрик уходит.

Хорошо делает, что поручает. Никто другой за него бы не поручился.

Горацио. Побежал, нововылупленный, со скорлупой на головке.

Гамлет. Он, верно, и материнской груди не брал иначе как с комплиментами. Таковы все они, нынешние кривляки.

Они подхватили общий тон и преобладающую внешность, род бродильного начала, которое выносит их на поверхность среди невообразимого водоворота вкусов. А подуть на поверку, пузырей как не бывало.

Входит лорд.

Лорд. Милорд, его величество государь посылал к вам с приветом молодого Озрика, который сообщил, что вы ждете его в зале. Государь послал узнать, остаетесь ли вы при желании состязаться с Лаэртом или думаете отложить.

Гамлет. Я верен своим решеньям. Они приноровлены к желаньям короля. Была бы его воля, а я в долгу не останусь. Сейчас или когда угодно, лишь бы я чувствовал себя так же хорошо, как теперь.

Лорд. Тогда король, королева и остальные сейчас пожалуют вниз.

Гамлет. В добрый час.

Лорд. Королева желала бы, чтобы перед состязаньем вы по-хорошему поговорили с Лаэртом.

Гамлет. Она учит меня добру.

Лорд уходит.

Горацио. Вы проиграете заклад, милорд.

Гамлет. Не думаю. С тех пор как он уехал во Францию, я постоянно упражнялся. А тут еще льгота в мою пользу. Я выиграю. Но не поверишь, как нехорошо на душе у меня. Впрочем, пустое.

Горацио. Нет, как же, добрейший принц!

Гамлет. Совершенные глупости. И, вместе с тем, род предчувствия, которое остановило бы женщину.

Горацио. Если у вас душа не на месте, слушайтесь ее. Я пойду к ним навстречу и предупрежу, что вам не по себе.

Гамлет. Ни в коем случае. Надо быть выше суеверий, Без божьей воли не пропасть и воробью. Если судьба этому сейчас, значит не потом. Если не потом, значит — сейчас. Если же этому сейчас не бывать, то все равно оно неминуемо. Быть наготове, в этом все дело. Раз никому не известно, с чем когда-нибудь придется расставаться, отчего не расстаться с этим заблаговременно? Будь что будет.

Входят король, королева, Лаэрт, Озрик, свита, слуги с рапирами и пр.

Король

Стой, Гамлет. Дай соединю вам руки.
(Вкладывает руку Лаэрта в Гамлетову.)

Гамлет

Прошу прощенья, сэр. Я был неправ.
Но вы, как дворянин, меня простите.
Собравшиеся знают, да и вам
Могли сказать, в каком подчас затменье
Бывает ум мой. Все, чем мог задеть
Я ваши чувства, честь и положенье,
Прошу поверить, сделала болезнь.
Ответственен ли Гамлет? Неответствен.
Раз Гамлет невменяем и нанес
Лаэрту оскорбленье, оскорбленье
Нанес не Гамлет, а совсем другой.
Кто ж этому виной? Его безумье.
А если так, то Гамлет сам истец,
И Гамлетов недуг — его обидчик.
Прошу во всеуслышанье при всех
Сложить с меня упрек в предумышленье.
Пусть знают все: я не желал вам зла.
Ошибкой я пустил стрелу над домом
И ранил брата.

Лаэрт

В глубине души,
Где ненависти, собственно, и место,
Прощаю вас. Иное дело честь:
Тут свой закон, и я прощать не вправе,
Пока подобных споров знатоки
Меня мириться не уполномочат.
Во всяком случае, до той поры
Ценю предложенную вами дружбу
И дружбой отплачу.

Гамлет

Душевно рад,
И с легким сердцем принимаю вызов.
Приступим.— Где рапиры?

Лаэрт

Мне одну.

Гамлет

Для вас я очень выгодный соперник.
Со мною рядом ваше мастерство
Тем явственней заблещет.

Лаэрт

Вы смеетесь.

Гамлет

На отсеченье руку дам, что нет.

Король

Раздайте им рапиры, Озрик.— Гамлет,
Известны вам условья?

Гамлет

Да, милорд.
Вы ставите на слабость против силы.

Король

Неправда. Я обоих вас видал.
Он вышколен, но в вашу пользу льгота.

Лаэрт

Другую. Эта слишком тяжела.

Гамлет

Мне эта по руке.— Равны ли обе?

Озрик

Да, милый принц.

Они готовятся к бою.

Король

Вина сюда на стол.—
При первом и втором его ударе
И отраженье третьего — палить
В честь Гамлета со всех бойниц из пушек.
Король его здоровье будет пить.
Сейчас в бокал жемчужину он бросит
Ценнее той, которою в венце
Четыре датских короля гордились.
Подайте кубки мне. Пусть гром литавр
Разносит трубам, трубы канонирам,
Орудья — небу, небеса — земле
Тост короля за Гамлета.— Начнемте.
Вниманье, судьи. Просим не зевать.

Гамлет

Готовьтесь.

Лаэрт

Бьюсь.

Бьются.

Гамлет

Удар.

Лаэрт

Отбито.

Гамлет

Судьи!

Озрик

Удар, удар всерьез.

Лаэрт

Возобновим.

Король

Стой, выпьем.— За твое здоровье, Гамлет.
Жемчужина твоя.— Вот твой бокал.

Трубы и пушечные выстрелы за сценой.

Гамлет

Не время пить.— Начнемте. Защищайтесь.

Бьются.

Опять удар. Не правда ли?

Лаэрт

Удар.

Не отрицаю.

Король

Сын наш побеждает.

Королева

Он дышит тяжело от полноты.
На, Гамлет, мой платок. Какой ты потный.
Я, королева, пью за твой успех.

Гамлет

О, матушка...

Король

Не пей вина, Гертруда!

Королева

Я пить хочу. Прошу, позвольте мне.

Король *(в сторону)*

В бокале яд! Ей больше нет спасенья!

Гамлет

Нет, матушка, мне рано с вами пить.

Королева

Дай оботру лицо тебе от пота.

Лаэрт

А ну теперь ударю я.

Король

Едва ль.

Лаэрт *(в сторону)*
Как совести все это ни противно.
Гамлет
На этот раз, Лаэрт, без баловства.
Я попрошу вас нападать, как надо.
Боюсь, вы лишь играли до сих пор.
Лаэрт
Вы думаете? Ладно.

Бьются.

Озрик
Оба мимо.
Лаэрт
Так вот же вам!

Лаэрт ранит Гамлета. Затем, в схватке, они меняются рапирами, и Гамлет ранит Лаэрта.

Король
Разнять их. Так нельзя.
Гамлет
Нет, сызнова.

Королева падает.

Озрик
На помощь к королеве!
Горацио
Они в крови.— Откуда кровь, милорд?
Озрик
Откуда кровь, Лаэрт?
Лаэрт
Кулик попался.
Я ловко сети, Озрик, расставлял
И угодил в них за свое коварство.
Гамлет
Что с королевой?
Король
Обморок простой
При виде крови.
Королева
Нет, неправда, Гамлет,—
Питье, питье! — Отравлена! — Питье!
(Умирает.)

Гамлет

Средь нас измена! — Затворите двери!
Найти концы!

Лаэрт

Они в твоих руках.
Ты умерщвлен. Спасти тебя нет средства.
Всей жизни у тебя на полчаса.
Улики пред тобой. Рапира эта
Отравлена и с голым острием.
Я гибну сам за подлость и не встану.
Нет королевы. Больше не могу...
Всему король, король всему виновник!

Гамлет

Как, и рапира с ядом? Так ступай,
Отравленная сталь, по назначенью!

(Закалывает короля.)

Все

Предательство!

Король

На выручку, друзья!
Еще спасенье есть. Я только ранен!

Гамлет

Так на же, самозванец-душегуб!
Глотай свою жемчужину в растворе!
Марш к матери моей!

Король умирает.

Лаэрт

И — поделом:
Напиток был его изготовленья.
Ну, честный Гамлет, а теперь давай
Прощу тебе я кровь свою с отцовой,
Ты ж мне — свою!

(Умирает.)

Гамлет

Прости тебя господь.
Я тоже вслед. Все кончено, Гораций.
Простимся, королева! Бог с тобой!
А вы, немые зрители финала,
О, если б только время я имел,—
Но смерть — тупой конвойный и не терпит
Отлыниванья,— я б вам рассказал —

Но пусть и так. Все кончено, Гораций.
Ты жив. Расскажешь правду обо мне
Непосвященным.

Горацио

Этого не будет.
Я не датчанин — римлянин скорей.
Здесь яд остался.

Гамлет

Если ты мужчина,
Дай кубок мне. Отдай его.— Каким
Бесславием покроюсь я в потомстве,
Пока не знает истины никто!
Будь другом мне и поступись блаженством.
Дыши тяжелым воздухом земли.
Останься в этом мире и поведай
Про жизнь мою.

Марш вдали и выстрелы за сценой.

Что за пальба вдали?

Озрик

Послам английским, проходя с победой
Из Польши, салютует Фортинбрас.

Гамлет

Гораций, я кончаюсь. Сила яда
Глушит меня. Уже меня в живых
Из Англии известья не застанут.
Предсказываю: выбор их падет
На Фортинбраса. За него мой голос.
Скажи ему, как все произошло
И кончилось. Дальнейшее — молчанье.
(Умирает.)

Горацио

Разбилось сердце редкостное.— Спи,
В полете хором ангелов качаем.—
Кто это с барабанами сюда?

Марш за сценой.
Входят Фортинбрас и английские послы с барабанным боем, знаменами и свитой.

Фортинбрас

Где место происшествия?

Горацио

Какого?

Печали небывалой? Это здесь.

Фортинбрас

Стон истребленья жив еще в останках.
В чертогах смерти, видно, пир горой,
Что столько свежих королевских трупов
Нагромоздила.

Первый посол

Просто страх берет.
Английские известья опоздали.
Закрылся слух того, кто был бы рад
Услышать, что приказ его исполнен
И Розенкранца с Гильденстерном нет.
Кто нам спасибо скажет?

Горацио

Он — едва ли.
Его б он и при жизни не сказал.
Он никогда не требовал их смерти.
Но раз уж вы сошлись здесь на крови
Дорогами из Англии и Польши,
То прикажите положить тела
Пред всеми на виду, и с возвышенья
Я всенародно расскажу про все
Случившееся. Расскажу о страшных,
Кровавых и безжалостных делах,
Превратностях, убийствах по ошибке,
Наказанном двуличье, и к концу —
О кознях пред развязкой, погубивших
Виновников. Вот что я расскажу
Вам полностью.

Фортинбрас

Скорей давайте слушать.
И созовем для этого совет.
Не в добрый час мне выпадает счастье.
На этот край есть право у меня.
Я предъявлю его.

Горацио

Я и об этом
Имею слово от лица того,
Чей голос есть судьба голосованья.
Но поспешим, пока умы в чаду
Не натворили новых беззаконий.

Фортинбрас

Пусть Гамлета к помосту отнесут,
Как воина, четыре капитана.
Будь он в живых, он стал бы королем
Заслуженно. При переносе тела
Пусть музыка звучит по всем статьям
Церемоньяла. Уберите трупы.
Средь поля битвы мыслимы они,
А здесь не к месту, как следы резни.
Команду к канонаде.

Похоронный марш.

Уходят, унося трупы, после чего раздается пушечный залп.

ОТЕЛЛО

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дож Венеции.
Брабанцио, сенатор.
Другие сенаторы.
Грациано, брат Брабанцио.
Лодовико, родственник Брабанцио.
Отелло, родовитый мавр на венецианской службе.
Кассио, его лейтенант, то есть заместитель.
Яго, его поручик.
Родриго, венецианский дворянин.
Монтано, предшественник Отелло по управлению Кипром.
Шут, в услужении у Отелло.
Дездемона, дочь Брабанцио и жена Отелло.
Эмилия, жена Яго.
Бианка, любовница Кассио.
Моряки, гонцы, глашатаи, военные, чиновники, частные лица, музыканты и слуги.

Первое действие происходит в Венеции, остальные — на Кипре.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Улица в Венеции.

Входят Родриго и Яго.

Родриго
Ни слова больше. Это низость, Яго.
Ты деньги брал, а этот случай скрыл.

Яго
Но, черт возьми, вы не хотите слушать!
Такое мне не снилось и во сне!

Родриго
Ты врал мне, что его терпеть не можешь.

Яго
И можете мне верить — не терплю.
Три личности с влияньем предлагали
Меня на лейтенантство. Это пост,
Которого, ей-богу, я достоин.
Но он ведь думает лишь о себе:
Они ему одно, он им другое.
Не выслушал, пустился поучать,
Наплел, наплел и отпустил с отказом.
«Увы,— он говорит им,— господа,
Уже себе я выбрал офицера».
А кто он? Математик-грамотей,
Микеле Кассьо некий. Флорентинец,
Опутанный красоткой. Бабий хвост,

Ни разу не водивший войск в атаку.
Он знает строй не лучше старых дев.
Но выбран он. Я на глазах Отелло
Спасал Родос и Кипр и воевал
В языческих и христианских странах,
Но выбран он. Он — мавров лейтенант,
А я — поручиком их мавританства.

Родриго

Поручиком! Уж лучше б палачом!

Яго

Да, да. Он выдвигает лишь любимцев,
А надо повышать по старшинству.
У этого дождешься производства!
О нет, мне мавра не за что любить.

Родриго

Тогда б я бросил службу.

Яго

Успокойтесь.
На этой службе я служу себе.
Нельзя, чтоб все рождались господами,
Нельзя, чтоб все служили хорошо.
Конечно, есть такие простофили,
Которым полюбилась кабала
И нравится ослиное усердье,
Жизнь впроголодь и старость без угла.
Плетьми таких холопов! Есть другие.
Они как бы хлопочут для господ,
А на поверку — для своей наживы.
Такие далеко не дураки,
И я горжусь, что я из их породы.
Я — Яго, а не мавр, и для себя,
А не для их прекрасных глаз стараюсь.
Но чем открыть лицо свое — скорей
Я галкам дам клевать свою печенку.
Нет, милый мой, не то я, чем кажусь.

Родриго

У, толстогубый черт! Он с ней, увидишь,
Всего добьется!

Яго

Надо разбудить
Ее отца, предать побег огласке,
Поднять содом, воспламенить родню.
Как мухи, досаждайте африканцу.

Пусть в радости найдет он столько мук,
Что будет сам не рад такому счастью.

Родриго

Вот дом ее отца. Я закричу.

Яго

Вовсю кричите. Не жалейте глотки.
Кричите, точно в городе пожар.

Родриго

Брабанцио! Брабанцио, проснитесь!

Яго

Брабанцио, проснитесь! Караул!
Где ваша дочь? Где деньги? Воры! Воры!
Проверьте сундуки! Грабеж! Грабеж!

Наверху в окне появляется Брабанцио.

Брабанцио

Что значат эти крики? Что случилось?

Родриго

Все ваши дома?

Яго

Заперта ли дверь?

Брабанцио

К чему расспросы ваши?

Яго

Ад и дьявол!
У вас разгром. Опомнитесь, дружок.
Наденьте плащ. Как раз сейчас, быть может
Сию минуту, черный злой баран
Бесчестит вашу белую овечку.
Спешите! Мигом! Надо бить в набат,
Храпящих горожан будить. Иначе
Вас дедушкою сделают. Живей!
Спешите, говорю.

Брабанцио

Вы помешались?

Родриго

Узнали вы мой голос, сударь?

Брабанцио

Нет.
Кто ты такой?

Родриго

Родриго я.

Брабанцио

Тем хуже.
Тебя добром просили: не ходи.
Тебе сказали коротко и ясно,
Что дочь не для тебя. А ты хорош:
Черт знает где напился и наелся
И нарушаешь ночью мой покой
В нетрезвом виде!

Родриго

Сударь, сударь, сударь!

Брабанцио

Но я, поверь, сумею навсегда
Отбить охоту у тебя буянить.

Родриго

Постойте.

Брабанцио

Для чего ты поднял шум?
Ведь мы в Венеции, а не в деревне:
Найдутся сторожа.

Родриго

Я разбудил
Вас с лучшими намереньями, сударь.

Яго. Синьор, ради дьявола вспомните бога! Мы вам делаем одолжение, а нам говорят, что мы буяны! Значит, вам хочется, чтоб у вашей дочери был роман с арабским жеребцом, чтобы ваши внуки ржали и у вас были рысаки в роду и связи с иноходцами?

Брабанцио. Кто ты, нечестивец?

Яго *(с бесстыдством)*. Я пришел сообщить вам, сударь, что ваша дочь в настоящую минуту складывает с мавром зверя с двумя спинами.

Брабанцио

Ты подлый негодяй!

Яго

А вы — сенатор.

Брабанцио

Родриго, ты ответишь мне за все.
А с этим я не знаюсь!

Родриго

И отвечу.
Но, может быть, и точно я не прав
И это с вашего соизволенья
Отправилась так поздно ваша дочь

Одна, без подобающей охраны,
В сообществе наемного гребца
В сластолюбивые объятья мавра?
Тогда я извинения прошу:
Мы оскорбили вас без основанья.
Но если то, что мы вам говорим,
Вам неизвестно, вы несправедливы.
Я думаю, излишне уверять,
Что я б не смел подшучивать над вами.
Узнайте: ваша дочь себя ведет
Безнравственно, соединив без спросу
Свое богатство, честь и красоту
С безродным чужеземным проходимцем.
Взгляните, дома ль барышня. Тогда
Преследуйте меня за ложность слухов.

Брабанцио

Огня скорее! Дайте мне свечу.
Эй, слуги, слуги! Как похоже это
На то, что видел я сейчас во сне!
Я начинаю думать — это правда.
Огня! Огня!

(Уходит.)

Яго

Прощайте. Я уйду.
Я не могу показывать на мавра.
Я — подчиненный мавра. Мне влетит.
Ему простят ночное приключенье.
Слегка на вид поставят, вот и все.
Сенат не может дать ему отставки,
Особенно сейчас, когда гроза
Объяла Кипр и никого не видно,
Кто мог бы заменить его в беде.
Хоть я его смертельно ненавижу —
Вы сами понимаете теперь,—
Я вынужден выкидывать для виду
Пред генералом дружественный флаг.
Но это, разумеется, личина.
Когда они пойдут его искать,
Вы с ними направляйтесь к арсеналу.
Он там. Я буду тоже вместе с ним.
Но я иду. Прощайте.

(Уходит.)

Из дома выходят Брабанцио и слуги с факелами.

Брабанцио

Дело ясно.
Она ушла. Мне больше не житье.—
Итак, где эта девочка, Родриго?
Несчастная! У мавра, говоришь? —
Считайтесь после этого отцами!
Ты видел сам ее? — Каков обман! —
Что говорит она? — Непостижимо!
Светите! И поболее людей! —
По-твоему, они уж обвенчались?

Родриго

Да, кажется.

Брабанцио

О господи! Но как
Она наружу выйти умудрилась?
Отцы, не верьте больше дочерям,
Как ни были б невинны их повадки!
Приходится поверить в колдовство,
Которым совращают самых чистых.
Тебе, Родриго, ни о чем таком
Читать не приходилось?

Родриго

Приходилось.

Брабанцио

Сходите к брату.— Жаль, что за тебя
Не отдал я ее.— Куда ж вы кучей?
Часть в эту сторону, другая — в ту.
Ты знаешь, где искать ее и мавра?

Родриго

Я покажу, но надо запастись
Надежной стражей. Следуйте за мною.

Брабанцио

Веди. Идем. Я властью облечен
Снимать, где пожелаю, караулы.
Мы их с собой захватим. Ну, идем.
Я награжу за все тебя, Родриго.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же. Другая улица.

Входят Отелло, Яго и слуги с факелами.

Яго

Хоть на войне я убивал людей,
Убийство в мирной жизни — преступленье.
Так я смотрю. Мне было б легче жить
Без этой щепетильности. Раз десять
Хотелось мне пырнуть его в живот.

Отелло

И лучше, что не тронул.

Яго

Он такими
Словами обзывал вас, что хотя
Я мягок и покладист, чуть сдержался.
Так, значит, вы женились не шутя?
Отец ее, к несчастию, с влияньем,
И в этом деле голос старика
Окажется сильней, чем голос дожа.
Он разведет вас, истинный господь,
Или в отместку истомит судами.

Отелло

Пускай. Его заставят замолчать
Мои заслуги перед синьорией.
А если старику не стыдно вслух
Кичиться родом, заявляю тоже:
Я — царской крови и могу пред ним
Стоять как равный, не снимая шапки.
Семьей горжусь я так же, как судьбой.
Не полюби я Дездемоны, Яго,
За все богатства моря б не стеснил
Женитьбой я своей привольной жизни,—
Кто это там с огнями? Посмотри.

Яго

Они и есть. Отец со всей роднею.
Войдите в дом.

Отелло

Зачем? Я не таюсь,
Меня оправдывают имя, званье
И совесть. Но они ли это там?

Яго

Клянусь двуликим Янусом, что нет!

Входят Кассио и несколько военных с факелами.

Отелло

Военные из свиты дожа, вижу,
И мой помощник. Здравствуйте, друзья.
Что нового?

Кассио

Нас дож послал с приветом.
Он требует к себе вас, генерал.
Скорее. Торопитесь.

Отелло

Что случилось?

Кассио

Всё Кипр, насколько я могу судить.
Какие-то нежданные событья.
Из флота вестовые без конца.
Сенаторы разбужены и в сборе.
У дожа совещанье во дворце.
Вас требовали, дома не застали
И даже в город выслали патруль,
Чтобы достать вас хоть со дна морского.

Отелло

Тем радостней, что вы меня нашли.
Я только в этот дом зайду и выйду.
(Уходит.)

Кассио

Зачем он тут?

Яго

Он нынче захватил
Галеру с грузом и разбогатеет,
Лишь только узаконит свой захват.

Кассио

Я вас не понимаю.

Яго

Он женился.

Кассио

На ком?

Яго

Не угадаете.

Возвращается Отелло.

Итак,
Идемте, генерал.

Отелло

Готов. Идемте.

Кассио

Опять за вами люди из дворца.
Вы видите?

Яго

Брабанцио, наверно.
Смотрите берегитесь. У него
Недоброе в уме.

Входят Брабанцио, Родриго и ночная стража с факелами и оружием.

Отелло

Остановитесь!

Родриго

Вот мавр.

Брабанцио

Вот он, грабитель! Бей его!

С обеих сторон обнажают мечи.

Яго

К услугам вашим. Здравствуйте, Родриго!

Отелло

Долой мечи! Им повредит роса.
Ваш возраст действует на нас сильнее,
Чем меч ваш, благороднейший синьор.

Брабанцио

Презренный вор, скажи, где дочь моя?
Ты чарами ее опутал, дьявол!
Тут магия, я это докажу.
Действительно, судите сами, люди:
Красавица и ангел доброты
Не хочет слышать ничего о браке,
Отказывает лучшим женихам
И вдруг бросает дом, уют, довольство,
Чтоб кинуться, насмешек не боясь,
На грудь страшилища чернее сажи,
Вселяющего страх, а не любовь!
Естественно ли это? Посудите,
Случается ли так без колдовства?
Ты тайно усыпил ее сознанье
И приворотным зельем опоил!
Закон велит мне взять тебя под стражу
Как чернокнижника и колдуна,

Который промышляет запрещенным.—
Арестовать его, а если он
Добром не дастся, завладейте силой!

Отелло

Подальше руки. Отойдите прочь!
И вы, и вы. Дойдет до крови дело,—
Я без подсказа знаю эту роль.
Куда идти мне, чтобы оправдаться?

Брабанцио

Сперва в тюрьму. Немного посидишь.
Настанет время, вызовут — ответишь.

Отелло

А вдруг и правда я вам подчинюсь?
Что скажет дож? Вот несколько посыльных.
Они сию минуту из дворца
И требуют меня туда по делу.

Первый военный

Да, сударь, положенье таково:
У дожа чрезвычайное собранье.
Вас тоже ждут туда наверняка.

Барабанцио

Ночной совет у дожа? Очень кстати.
Туда с ним и пойдем. Моя беда —
Не мелочь повседневная, а случай,
Нас всех касающийся. Если мы
Начнем спускать такие покушенья,
В республике владыками судьбы
Окажутся язычники-рабы.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Там же. Зал совета.

Дож и сенаторы за столом. Кругом военные чиновники и слуги.

Дож

В вестях нет связи. Верить им нельзя.

Первый сенатор

В них заключаются противоречья.
Мне пишут, что сто семь галер.

Дож

А мне,
Что их сто сорок.

Второй сенатор

У меня их двести.
Понятно, что подсчет разноречив.
Он сделан по догадкам, наудачу.
Но что турецкий флот плывет на Кипр,
На этом сходятся все сообщенья.

Дож

Да, это расхождение в числе
Не может нам служить успокоеньем.
В основе — правда, и она горька.

Матрос *(за сценой)*

Эй, эй, впустите!

Первый служитель

Вестовой из флота.

Входит матрос.

Дож

Ну, как у вас дела?

Матрос

Турецкий флот
Плывет к Родосу. Это донесенье
От Анджело сенату.

Дож

Господа,
Как нравится вам эта перемена?

Первый сенатор

Нелепость. Это для отвода глаз.
Какая-то тактическая хитрость.
Для турок Кипр важнее, чем Родос,
И Кипром овладеть гораздо легче.
Родос — твердыня, Кипр — не укреплен,
Не так наивны турки, чтоб не видеть,
Где вред, где польза, и не отличать
Полнейшей безопасности от риска.

Дож

Нет, нет, конечно, цель их не Родос.

Первый служитель

Еще один гонец.

Входит гонец.

Гонец

Дож и собранье!
Свершивши на галерах переход
К Родосу, турки здесь соединились
С другой эскадрой.

Первый сенатор

Вот вам, господа.
Я так и знал. Большое подкрепленье?

Гонец

Судов по тридцати. Все сообща
Опять открыто повернули к Кипру.
Синьор Монтано, верный ваш слуга,
Доносит вам, что не изменит долгу.

Дож

Конечно, к Кипру. Я вам говорил!
Что, Марк Лукезе в городе?

Первый сенатор

В отъезде.
Он во Флоренции.

Дож

Послать за ним.
Потребовать письмом, пускай вернется.

Первый сенатор

А вот Брабанцио и храбрый мавр.

Входят Брабанцио, Отелло, Яго, Родриго и сопровождающие.

Дож

Отелло доблестный, мы вас должны
Немедленно отправить против турок.
Брабанцио, я не заметил вас.
Нам вашей помощи недоставало.

Брабанцио

А я нуждаюсь в вашей, добрый дож.
Не обижайтесь, но, сказать по правде,
Я по другой причине во дворце.
Не должность подняла меня с постели.
Меня сейчас волнует не война.
О нет, совсем особая забота
Все мысли поглотила у меня,
Ни для чего не оставляя места.

Дож

Но что случилось?

Брабанцио

Дочь, о дочь моя!

Дож и сенаторы

Что с ней?

Брабанцио

Она погублена, погибла!
Ее сманили силой, увели
Заклятьем, наговорами, дурманом.
Она умна, здорова, не слепа
И не могла бы не понять ошибки,
Но это чернокнижье, колдовство!

Дож

Кто б ни был вор, вас дочери лишивший,
А вашу дочь — способности судить,
Найдите сами для него страницу
В кровавой книге права и над ним
Вершите приговор. Я не вмешаюсь,
Хотя бы это был родной мой сын.

Брабанцио

Душевно благодарен. Вот виновник.
Тот самый мавр, который вызван к вам
По вашему приказу.

Дож и сенаторы

Очень жалко!

Дож *(Отелло)*

Что вы нам возразите?

Брабанцио

Ничего.
Он уличен.

Отелло

Сановники, вельможи,
Властители мои! Что мне сказать?
Не буду спорить, дочь его со мною.
Он прав. Я браком сочетался с ней.
Вот все мои как будто прегрешенья.
Других не знаю. Я не говорун
И светским языком владею плохо.
Начавши службу мальчиком в семь лет,
Я весь свой век без малого воюю
И, кроме разговоров о боях,
Поддерживать беседы не умею.
Однако вот бесхитростный рассказ
О том, при помощи каких заклятий

И тайных чар завлек я дочь его,
Как жаловался вам мой обвинитель.

Брабанцио

Судите сами, как не обвинять?
Шагнуть боялась, скромница, тихоня,
И вдруг, гляди, откуда что взялось!
Все по́боку — природа, стыд, приличье,
Влюбилась в то, на что смотреть нельзя!
Немыслимо такое утвержденье.
Здесь происки и козни налицо.
Ручаюсь, он ее поил отравой
И волю сонной одурью сковал.

Дож

Ручаться мало. Это голословно.
Упреки ваши надо доказать.
Для обвиненья я не вижу данных.

Первый сенатор

Отелло, говорите ж наконец!
Действительно ль тут были ухищренья,
Иль это безобидная любовь,
Как зарождается она в беседе
Души с душой?

Отелло

Пошлите в арсенал.
Пускай она сама даст показанье,
А надо будет — отберите чин
И жизнию моей распорядитесь.

Дож

Доставьте Дездемону, господа.

Отелло

Поручик, покажите им дорогу.

Яго с несколькими служителями уходят.

Пока они вернутся, не таясь,
Открыто исповедаюсь пред вами,
Как я достиг ее любви и как
Она — моей.

Дож

Отелло, говорите.

Отелло

Ее отец любил меня. Я часто
Бывал у них. Рассказывал не раз

Событья личной жизни, год за годом.
Описывал превратности судьбы,
Бои, осады, все, что я изведал.
Я снова пересматривал всю жизнь —
От детских дней до нынешней минуты.
Припоминал лишенья и труды,
Испытанные на море и суше.
Рассказывал, как я беды избег
На волосок от смерти. Как однажды
Я в плен попал, и в рабство продан был,
И спасся из неволи. Возвращался
К местам своих скитаний. Говорил
О сказочных пещерах и пустынях,
Ущельях с пропастями и горах,
Вершинами касающихся неба.
О каннибалах, то есть дикарях,
Друг друга поедающих. О людях,
Которых плечи выше головы.
Рассказы занимали Дездемону,
И, отлучаясь по делам, она
Всегда старалась кончить их пораньше,
Чтоб вовремя вернуться и поймать
Утерянную нить повествованья.
Я рад был эту жадность утолять
И рад был просьбу от нее услышать,
Чтоб я ей как-нибудь пересказал
С начала до конца, что ей отчасти
Известно уж. Я начал. И когда
Дошел до первых горьких столкновений
Моей незрелой юности с судьбой,
Увидел я, что слушавшая плачет.
Когда я кончил, я был награжден
За эту повесть целым миром вздохов.
«Нет,— ахала она,— какая жизнь!
Я вне себя от слез и удивленья.
Зачем узнала это я! Зачем
Не родилась таким же человеком!
Спасибо. Вот что. Если бы у вас
Случился друг и он в меня влюбился,
Пусть вашу жизнь расскажет с ваших слов —
И покорит меня». В ответ на это
Я тоже ей признался. Вот и все.
Я ей своим бесстрашьем полюбился,

Она же мне — сочувствием своим.
Так колдовал я. Вот и Дездемона.
Теперь вы обратитесь к ней самой.

Входят Дездемона и Яго со служителями.

Дож

Перед таким рассказом, полагаю,
Не устояла бы и наша дочь.
Брабанцио, придется примириться.
Ведь вы стены не прошибете лбом.

Брабанцио

Сперва ее послушаем, что скажет.
Конечно, если оба заодно,
То у меня нет к мавру притязаний.—
Поди поближе, госпожа моя.
Скажи, кому из этого собранья
Должна ты подчиняться больше всех?

Дездемона

Отец, в таком кругу мой долг двоится.
Вы дали жизнь и воспитанье мне.
И жизнь и воспитанье говорят мне,
Что слушаться вас — мой дочерний долг.
Но вот мой муж. Как мать моя однажды
Сменила долг перед своим отцом
На долг пред вами, так и я отныне
Послушна мавру, мужу моему.

Брабанцио

Ну, бог с тобой.— Я кончил, ваша светлость.
Приступим к государственным делам.—
Я б лучше принял девочку чужую,
Чем породил и воспитал свою!
Будь счастлив, мавр. Моя бы воля — дочки
Ты не видал бы, как своих ушей.
Тебе ж, мой ангел, вот что на прощанье:
Я рад, что ты единственная дочь.
Побег твой сделал бы меня тираном.
Я б в цепи заковал твоих сестер.—
Я кончил, ваша светлость.

Дож

Я прибавлю
Один совет для вас, чтоб молодым
Помочь опять подняться в вашем мненье.
Что миновало, то забыть пора,

И с сердца сразу свалится гора.
Все время помнить прошлые напасти,
Пожалуй, хуже свежего несчастья.
В страданиях единственный исход —
По мере сил не замечать невзгод.

Брабанцио

Что ж туркам Кипра мы не отдаем,
Когда что минуло, то нипочем?
Учить бесстрастью ничего не стоит
Тому, кого ничто не беспокоит.
А где тому бесстрастье приобресть,
Кому что пожалеть и вспомнить есть?
Двусмысленны и шатки изреченья.
Словесность не приносит облегченья.
И не ушные раковины — путь
В страданьями истерзанную грудь.
Поэтому я к вам с нижайшей просьбой:
Приступим к государственным делам.

Дож. Хорошо. Итак, турки большими силами двинулись к Кипру. Отелло, устройство крепости хорошо известно вам. Хотя островом управляет человек неоспоримых достоинств, но в военное время на таком посту нужен человек, пользующийся известностью. Все высказываются за вас. Приготовьтесь омрачить ваше молодое счастье этой хлопотливой поездкой.

Отелло

Всевластная привычка, господа,
Суровости походного ночлега
Мне превращает в мягкий пуховик.
Мне по душе лишенья. Я с охотой
Отправлюсь против турок, но прошу
Отвесть жене удобное жилище,
Дать содержанье и назначить штат,
Приличные ее происхожденью.

Дож

Пускай живет покамест у отца.

Брабанцио

Я против этого.

Отелло

И я.

Дездемона

Я тоже.
Я буду вновь напоминать отцу
О происшедшем. Есть удобный выход.
Я вам другое средство предложу.

Дож

Что вы сказать хотите, Дездемона?

Дездемона

Я полюбила мавра, чтоб везде
Быть вместе с ним. Стремительностью шага
Я это протрубила на весь мир.
Я отдаю себя его призванью
И храбрости и славе. Для меня
Краса Отелло — в подвигах Отелло.
Мой жребий посвящен его судьбе,
И мне нельзя в разгар его похода
Остаться мирной мошкою в тылу.
Опасности милей мне, чем разлука.
Позвольте мне сопровождать его.

Отелло

Сенаторы, прошу вас, согласитесь.
Тут не своекорыстье, видит бог!
Я не руковожусь влеченьем сердца,
Которое сумел бы заглушить.
Но речь о ней. Пойдемте ей навстречу.
Не думайте, что в обществе ее
Я отнесусь небрежнее к задаче.
Нет, если легкокрылый Купидон
Глаза настолько мне залепит страстью,
Что проморгаю я военный долг,
Пусть сделают домашние хозяйки
Из шлема моего печной горшок
И тем меня навеки опозорят.

Дож

Решайте, как хотите, меж собой,
Остаться ей иль ехать, но событья
Торопят нас.

Первый сенатор

Вам надо выезжать
Сегодня ночью.

Отелло

Очень рад.

Дож

Сойдемся
Здесь снова к девяти часам утра.
Оставьте нам кого-нибудь, Отелло,
Кто наш приказ вам следом отвезет.

Отелло

Тогда вот мой поручик, ваша светлость.
Он преданный и верный человек.
Я думаю послать с ним Дездемону.
Он сможет все, что надо, захватить.

Дож

Прекрасно! Господа, спокойной ночи.—
Вот что, Брабанцио. Ваш темный зять
В себе сосредоточил столько света,
Что чище белых, должен вам сказать.

Первый сенатор

Отелло, берегите Дездемону.

Брабанцио

Смотри построже, мавр, за ней вперед:
Отца ввела в обман, тебе солжет.

Дож, сенаторы и служители уходят.

Отелло

Я в ней уверен, как в самом себе.
Но к делу. Попеченью твоему
Я поручаю, Яго, Дездемону.
Вели своей жене ходить за ней.
Как только будет первая возможность,
Счастливо отплывайте тоже вслед.
В моем распоряженье меньше часу,
А дел, а мыслей — и не перечесть!
Пойдем, побудем вместе на прощанье.

Отелло и Дездемона уходят.

Родриго. Яго!

Яго. Что скажешь, благородная душа?

Родриго. Как ты думаешь, что я сейчас сделаю?

Яго. Пойдешь и ляжешь спать.

Родриго. Утоплюсь сию минуту.

Яго. Попробуй только это сделать, и я навсегда раздружусь с тобою.

Родриго. Глупо жить, когда жизнь стала пыткой. Как не искать смерти, своей единственной избавительницы?

Яго. Жалкий дурак! Я двадцать восемь лет живу на свете и, с тех пор как научился отличать выгоду от убытка, не видал людей, которые умели бы позаботиться о себе. Прежде чем я скажу, что утоплюсь из-за какой-нибудь юбки, я поменяюсь своей бессмертной сущностью с павианом.

Родриго. Что же мне делать? Мне самому стыдно, что я так влюбился, но поправить этого я не в состоянии.

Яго. Не в состоянии! Скажите пожалуйста! Быть тем или другим зависит от нас. Каждый из нас — сад, а садовник в нем — воля. Расти ли в нас крапиве, салату, исопу, тмину, чему-нибудь одному или многому, заглохнуть ли без ухода или пышно разрастись — всему этому мы сами господа. Если бы не было разума, нас заездила бы чувственность. На то и ум, чтобы обуздывать ее нелепости. Твоя любовь — один из садовых видов, которые, хочешь — можно возделывать, хочешь — нет.

Родриго. Будто бы!

Яго. А то как же? Чистейшее попущение крови с молчаливого согласия души. Будь мужчиной. Топиться! Лучше топи кошек и щенят. Я поклялся помочь тебе. Никогда мы не были так близки к цели. Набей потуже кошелек и отправляйся с нами. Измени внешность фальшивой бородой. Не может быть, чтобы Дездемона долго любила мавра. Набей потуже кошелек. Не может быть, чтобы мавр долго любил ее. Бурное начало будет иметь бурный конец. Набей потуже кошелек. Эти мавры переменчивы. То, что ему теперь кажется сладким, как стручки, скоро станет горше хрена. Она молода и изменится. Когда она будет сыта им по горло, она опомнится. Ей потребуется другой. Набей потуже кошелек. Если обязательно надо губить себя, придумай что-нибудь поумнее, чем воду. Набей потуже кошелек. С одной стороны бывалая, хитрая венецианка, с другой — неотесанный кочевник. И я поверю в прочность их чувств! Она твоя! Набей кошелек монетами. Топиться совершенно лишнее. Пусть лучше тебя повесят после того, как ты получишь удовольствие, чем потонуть, ничего в жизни не видев.

Родриго. Ты не обманешь, если я положусь на тебя?

Яго. Не беспокойся. Набей кошелек монетами. Я часто говорил тебе и повторяю: я ненавижу мавра. У меня с ним свои счеты, не хуже твоих. Сольем нашу ненависть воедино. Наставь ему рога. Для тебя это удовольствие, а для меня еще

большее торжество. Ступай. Набей кошелек монетами. Завтра поговорим подробнее. Прощай.

Родриго

Где встретимся мы утром?

Яго

У меня.

Родриго

Приду пораньше.

Яго

Ладно. Ну, Родриго?

Родриго

Что именно?

Яго

Топиться чтоб ни-ни!

Родриго

Я передумал. Заложу именье.

(Уходит.)

Яго

Мне этот дурень служит кошельком
И даровой забавою. Иначе
Я б времени не тратил на него.
Я ненавижу мавра. Сообщают,
Что будто б лазил он к моей жене.
Едва ли это так, но предположим.
Раз подозренье есть, то, значит, так.
Он ставит высоко меня. Тем лучше:
Удобней действовать. Какая мысль!
Ведь Кассио для этого находка!
Во-первых, с места я его сшибу,
А во-вторых... Ура! Ура! Придумал!
Начну Отелло на ухо шептать,
Что Кассио хорош с его женою,
Достаточно взглянуть: манеры, стан,—
Готовый, прирожденный соблазнитель.
Мавр простодушен и открыт душой,
Он примет все за чистую монету.
Водить такого за нос — сущий вздор.
Так по рукам! Кромешный ад и ночь
Должны мне в этом замысле помочь.

(Уходит.)

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Приморский город на Кипре. Крепостная площадка.

Входят Монтано и два горожанина.

Монтано
Не видно ли чего в морской дали?
Первый горожанин
Нет. Ровно ничего. Сплошные волны.
Ни паруса. Пустынный горизонт.
Монтано
Такого ветра просто не запомню.
У нас на укрепленьях треск стоит.
Воображаю, в море что творится!
Какие брусья могут устоять,
Когда валы величиною с гору!
Небось крушений!..
Второй горожанин
Этот шторм вполне
Мог разнести турецкую эскадру.
Попробуйте-ка стать на берегу.
Он в пене весь, и бешенство прибоя
Заносит брызги на́ небо, гася
Медведицу с Полярною звездою.
Я равной бури в жизни не видал.

Входит третий горожанин.

Третий горожанин
Какие новости! Конец войне.
Расчеты турок лопнули. Галеры
Разбиты в щепки. В гавани корабль,
С которого видали их обломки
И место гибели.
Монтано
Не может быть!
Третий горожанин
Я только что слыхал. Корабль причалил
Сию минуту. На́ берег сошел
Мпкеле Кассьо, лейтенант Отелло,
Который сам пока еще в пути
И губернатором на Кипр назначен.

Монтано

Достойный губернатор. Очень рад.

Третий горожанин

Приезжий этот, Кассио, в тревоге.
То го́спода за шквал благодарит,
Сгубивший турок, то мольбы возносит,
Чтоб мавр остался цел и невредим.
Он по пути пропал из поля зренья.

Монтано

Дай господи. Я у него служил.
Он властвовать умеет, как военный.
Пойдемте в порт, посмотрим на корабль
И подождем на пристани Отелло,
Когда он сам покажется вдали.

Третий горожанин

Он может быть с минуты на минуту,

Входит Кассио.

Кассио

Как любят здесь Отелло! Господа,
Спасибо за него. Да будет небо
Ему защитой. Он пропал вдали
В разгаре бури, в грозную минуту.

Монтано

Каков его корабль?

Кассио

Вновь оснащен
И — крепкой стройки. С ним бывалый штурман.
Как я ни беспокоюсь,— убежден:
Все обойдется.

Голоса за сценой

Парус, парус, парус!

Входит четвертый горожанин.

Кассио

Что там кричат?

Четвертый горожанин

Все на́ берег бегут,
И крик стоит, что парус увидали.

Кассио

Мне думается, это он и есть.

Пушечный выстрел.

Второй горожанин

Вы угадали. Судя по салюту,
Корабль, по крайней мере, свой.

Кассио

Нельзя ль
Пойти узнать, кто это, поточнее?

Второй горожанин

Охотно.

(Уходит.)

Монтано

Он, как прежде, холостяк
Или женат?

Кассио

Женат, да как удачно!
На писаной красавице. Мечта,
Венец творенья, ангел, совершенство,
Не передать ни кистью, ни пером.

Возвращается второй горожанин.

Ну, вы узнали, кто?

Второй горожанин

Какой-то Яго,
Поручик генерала, я слыхал.

Кассио

Подумайте, как скоро! Быть не может!
Неужто он? Вот это быстрота!
Похоже, пред красою Дездемоны
Смирились волны, камни под водой
И ураган и дали ей дорогу.

Монтано

Кому?

Кассио

Тому, о ком шла раньше речь.
Начальнице начальства, генеральше.
При ней поручик Яго. Я их ждал
Через неделю после нас, не раньше.
Теперь черед за мавром. Напряги
Дыханьем паруса его, Юпитер,
Чтоб, высадившись в бухте с корабля,
Он заключил в объятья Дездемону,
Вдохнул огонь и бодрость в гарнизон
И Кипр наполнил радостью. Смотрите!

Входят Дездемона, Эмилия, Яго, Родриго и свита.

Богатство корабля на берегу!
Опустимся пред нею на колени.
Будь доброй гостьей Кипра, госпожа!
Благослови господь тебя! С приездом!

Дездемона

Благодарю вас, Кассио. Что мне
Вы скажете о муже?

Кассио

Он в дороге.
Вот все, что знаю я. Но он здоров
И скоро сам прибудет.

Дездемона

Я тревожусь.
Но где, скажите, вы расстались с ним?

Кассио

В открытом море, средь великой схватки
Небес и волн.— Но слышите — кричат.
Корабль, наверно, виден.

Голоса за сценой

Парус, парус!

Пушечный выстрел.

Второй горожанин

Опять салют. Наверное, друзья.

Кассио

Пошлите разузнать.

Второй горожанин уходит.

Привет, поручик.
Привет, сударыня.
(Целует Эмилию.)
Я захожу
Далеко в знаках вежливости, Яго,
Но это — лишь воспитанности дань.

Яго

Порадуйтесь, что вас губами лижет,—
Меня отделывает языком.

Дездемона

Эмилия совсем не так болтлива.

Яго

Мне лучше знать. Я это изучил,
Когда ночами спать хочу смертельно.

При вас она, естественно, тиха
И к черту посылает только в мыслях.

Эмилия

Не заслужила я таких речей.

Яго

А разве нет? Все вы в гостях — картинки,
Трещотки — дома, кошки — у плиты.
Сварливые невинности с когтями,
Чертовки в мученическом венце.

Дездемона

Типун вам на язык! Неправда это!

Яго

Нет, это правда. Я не клеветник.
С постели вы встаете для безделья,
А делом занимаетесь в постели.

Эмилия

Я оды от него не жду.

Яго

Не жди.

Дездемона

Что мне бы в похвалу вы сочинили?

Яго

Не спрашивайте лучше. Не могу:
Я не хвалить привык, а придираться.

Дездемона

Нет, все-таки.— Пошел ли кто-нибудь
Узнать на пристань?

Яго

Да, пошли как будто.

Дездемона

Какая грусть! Стараюсь обмануть
Себя притворным этим оживленьем.—
Так что б вы мне сказали в похвалу?

Яго

Сейчас. Но мой экспромт пока ни с места.
Прирос к мозгам, как птичий клей к сукну.
Его я вместе с мясом отрываю.
Но вот он, плод моих родильных мук:
Красавица с умом тужить не будет:
Смекалка сыщет, красота добудет!

Дездемона

Ну хорошо. А что сказать о той,
Которая дурна, но и не дура?

Яго

Та, что красой не блещет, но с догадкой,
Приманку сделает из недостатка.

Дездемона

Час от часу не легче!

Эмилия

Что ж ты скажешь
Про ту, что хороша, да не умна?

Яго

Таких красавиц в мире глупых нет,
Чтоб не уметь детей рожать на свет.

Дездемона. Плоские кабацкие шутки для увеселения старых дурней. Могу себе представить, как вы отпотчуете несчастную, которая нехороша собой и глупа!

Яго

Куда краса, туда же и уродство.
Что женский разум, то и сумасбродство.

Дездемона. Как глупо, как глупо! О худшей вы сказали лучше всего. Но шутки в сторону. Как бы вы определили действительно идеальную женщину, достоинства которой признало бы само недружелюбие?

Яго

Та, что без самохвальства хороша,
Учтива, краснобайством не греша,
Со средствами, но денег не мотает,
Все б взять могла, но нужным не считает,
Самолюбива, но смиряет гнев,
Собой в любое время овладев,
Та, что притом совсем не так невинна,
Чтобы с треской спутать лососину,
К которой не проникли в тайники
Напрасные искатели руки,
Достойна, если только есть такая...

Дездемона

Чего, чего?

Яго

Рожать глупцов, в заботах погрязая.

Дездемона. О, как бездарно и глупо! Не слушай его, Эмилия, хоть он и твой муж. Ну, скажите, Кассио, что с него возьмешь, кроме сальностей и нахальства?

Кассио. Он режет начистоту. Это человек военный, а не ученый.

Яго *(в сторону)*. Он берет ее за руку. Так, так. Шепчитесь, пожалуйста. В эту маленькую паутину я поймаю такую большую муху, как Кассио. Ах ты, боже мой, как мы воспитанны! Улыбайся, сделай одолжение. Он целует кончики своих пальцев от удовольствия. Целуй, целуй. Как-то ты еще оближешься, когда это лишит тебя лейтенантства! Скажите пожалуйста, опять зачмокал! Твое несчастие, что это пальцы, а не клистирные наконечники.

Труба за сценой.

(Громко.) Это мавр, я знаю его сигнал.

Кассио. Да, это он.

Дездемона. Пойдемте к нему навстречу.

Кассио. Вот он и сам.

Входит Отелло со свитой.

Отелло

Моя воительница!

Дездемона

Мой Отелло!

Отелло

Я верить не могу своим глазам.
Ты здесь? Как ты меня опередила?
Всегда за бурями такой бы штиль,
Кто б не мечтал тогда о непогоде!
О, если б мог сейчас я умереть!
Счастливее я никогда не буду.

Дездемона

О нет! Избави бог! Наоборот:
Жизнь будет нас дарить все большим счастьем.

Отелло

Аминь! Да будет по твоим словам.
Я счастлив так, что говорить не в силах.

Обнимаются.

И сердце бьется чаще, чем твое,—
Единственное наше разногласье.

Яго *(в сторону)*.

Какой концерт! Но я спущу колки,
И вы пониже нотой запоете.

Отелло

Пройдемте в замок. Новости, друзья:
Поход окончен. Турки потонули.
Ну, как на Кипре? Я ведь тут бывал.
Что старые знакомцы, Дездемона?
Тебя носить тут будут на руках,
Я заслужил расположенье здешних.
Но я трещу без умолку и пьян
От радости. Да, не забыть бы, Яго:
Пойди за сундуками на корабль
И приведи с собою капитана.
Чудесный, между прочим, человек! —
Так мы с тобой на Кипре, Дездемона.

Отелло, Дездемона и свита уходят.

Яго *(одному из слуг)*. Ступай и жди меня в гавани. *(Родриго.)* Поди сюда. Если ты не баба — а любовь делает храбрыми даже трусов,— слушай. Ночью лейтенант командует караулом. Но раньше вот что: Дездемона без ума от Кассио.

Родриго. От Кассио? Что за вздор!

Яго. Без возражений! Слушай. Заметь, с какой силой она полюбила мавра. А, спрашивается, за что? За одно бахвальство и небылицы. Что же ты думаешь, она век сыта будет болтовней? Глаз нуждается в пище. Какая радость смотреть на дьявола? Когда кровь устанет от нежностей, сызнова воспалить ее могут только привлекательная внешность, общность возраста, сходное воспитание. Ничего этого нет у мавра. Ее запросы будут оставаться неудовлетворенными. Рано или поздно она это почувствует. Мавр набьет ей оскомину. Сама природа толкнет ее к другому. Тогда, если это неизбежно, кто подходит к этой роли больше, чем Кассио? Животное, каких свет не создавал, от которого так и разит беспутством. Не пропустит случая, чтобы не попользоваться, а нет случая, мигнет глазом — и будет случай. Красив, молод, и у него есть все, по чем может томиться мечтательная зеленая неиспорченность. Отъявленное и совершенно законченное животное. И женщина уже выбрала его.

Родриго. Только не эта. Не поверю. Она слишком целомудренна.

Яго. Слишком целомудренна, божий человек! Вино, которое она пьет, из гроздьев, как твое. Слишком целомудренна!

Как же она тогда полюбила мавра? Разве ты не видел, целомудренная размазня, как она играла его рукою?

Родриго. Ну так что же? Это одна любезность.

Яго. Распутство, вот это что. С пальца начинается, а бог знает чем кончается. Их губы так сблизились, что смешалось дыхание. Грязные помыслы, вот это что, Родриго. Когда уже пошла такая музыка, значит, недалеко до главного. Слушайте, сударь. Я привез вас из Венеции. Под видом солдата станьте ночью на часах в замке. Я это устрою. Кассио вас не знает. Выведите его чем-нибудь из себя. Громким разговором, развязностью. Я буду поблизости.

Родриго. Хорошо.

Яго. Он вспыльчив и от слов легко переходит к действиям. Вызовите его на них. Если он даст вам тумака, я изображу это всенародным оскорбленьем. Жители потребуют его смещения. Помните, он наш главный соперник.

Родриго. Я все сделаю, была бы надобность.

Яго. А она есть, что́ тебе говорят! Итак, приходи немного погодя в крепость. Прощай. Мне надо на берег за вещами Отелло.

Родриго. До свиданья. *(Уходит.)*

Яго

Я сам уверовал, что Дездемона
И Кассио друг в друга влюблены.
Хоть я порядком ненавижу мавра,
Он благородный, честный человек
И будет Дездемоне верным мужем,
В чем у меня ничуть сомненья нет.
Но, кажется, и я увлекся ею.
Что ж тут такого? Я готов на все,
Чтоб насолить Отелло. Допущенье,
Что дьявол обнимал мою жену,
Мне внутренности ядом разъедает.
Пусть за жену отдаст он долг женой,
А то я все равно заставлю мавра
Так ревновать, что он сойдет с ума.
Родриго я спущу, как пса со своры,
На Кассио, а Кассио — предлог,
Чтоб вызвать недоверчивость Отелло.
Всем будет на орехи: лейтенант
В долгу передо мной, наверно, тоже:
По женской части оба хороши.
Еще мне мавр за то спасибо скажет,

Что я сгублю его семейный мир
И на смех выставлю пред целым светом.
Но поначалу все мы молодцы.
Хвалиться рано. Надо свесть концы.
(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Улица.

Входит глашатай с приказом. За ним следует толпа.

Глашатай. Благородный и доблестный генерал Отелло объявляет. По последним сведениям, турецкий флот потерпел крушение. Пусть по этому случаю население пляшет, жжет потешные огни и забавляется, как хочет. Помимо благоприятной новости, празднуется также бракосочетание генерала. Доступ в залы дворца открыт с пяти часов вечера до одиннадцати. Да снизойдет благословение господне на остров Кипр и на благородного нашего генерала Отелло. *(Уходит.)*

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Зал в замке.

Входят Отелло, Дездемона, Кассио и свита.

Отелло

За стражей, Кассьо, нужен строгий глаз.
Смотрите, чтоб они не загуляли.

Кассио

За часовыми Яго доглядит,
Но я и сам проверю караулы.

Отелло

Да, Яго верен долгу, как никто.
Ну, доброй ночи. Утром потолкуем.
(Дездемоне.)
Пойдем, любовь. Окончены труды.
Торг заключен, пожнем его плоды.
Спокойной ночи.

Отелло, Дездемона и свита уходят.
Входит Яго.

Кассио. Очень кстати, Яго! Пойдемте в караул.

Яго. Рано, лейтенант. Еще нет десяти. Генерал поторопился из любви к Дездемоне. Ничего не скажешь. Это его первая брачная ночь. А на нее загляделся бы и сам Юпитер.

Кассио. Необыкновенная женщина!

Яго. И, верно, полная огня.

Кассио. Да, несомненно. Чистое, обворожительное создание.

Яго. А взгляд! Так и манит объясниться.

Кассио. Располагающий взгляд! И, однако, совершенно скромный.

Яго. А голос! Не любовный ли сигнал?

Кассио. Да, она совершенство.

Яго. Да будет благодатен их союз. Слушайте, лейтенант. Я припас вина. Там кое-кто из здешней знати предлагает выпить за черного Отелло.

Кассио. Только не сегодня, дружочек Яго. Мне вредно пить, у меня слабая голова. Жаль, что люди не придумали другого способа общенья.

Яго. Это друзья. Только бокал. Я выпью за вас.

Кассио. Я уже выпил один. И притом разбавленного. А видите, что оно делает со мной. Говорю вам, в этом отношении я неподходящий человек и не имею права шутить этим.

Яго. А ну вас, ей-богу! Это ночь веселья. Люди требуют.

Кассио. А где они?

Яго. За дверью. Позовите их.

Кассио. Хорошо. Но я это делаю через силу. *(Уходит.)*

Яго

Мне б только влить в него еще бокал —
И он пойдет, как дамская собачка,
На всех кидаться, тявкать и ворчать.
А тут Родриго пропивает память
В честь Дездемоны и уже готов.
Я вместе с ним поставил на дежурство
Трех здешних, три бедовых головы,
Воинственных, как все у них на Кипре.
Не может быть, чтоб Кассио стерпел
И не сцепился с этим стадом пьяниц.
Не знаю, как все будет наяву,—
Подул попутный ветер, я плыву.

Возвращается Кассио с Монтано, гости и слуги с вином.

Кассио. А мне опять навязали чарочку.

Монтано. Пустяки. Не больше пинты, слово солдата.

Яго. Вина, вина!

(Поет.)

Бокалами, полными до ободка,
В бокалы ударим, ребята.
Солдат не младенец, а жизнь коротка.
За ваше здоровье, солдаты!

Вина, люди, вина!

Кассио. Чудная песня!

Яго. Я ее выучил в Англии. Пить там первые мастера. Датчане, немцы, голландцы — все это ерунда против них.

Кассио. Разве они такие пьяницы?

Яго. Англичане? Да они питьем заморят датчанина и шутя перепьют немца. Они еще раскачиваются, а голландца уже рвет.

Кассио. За здоровье нашего генерала!

Монтано. Присоединяюсь, лейтенант. Я от вас не отстану.

Яго. О чудная Англия!

(Поет.)

Король Стефан был бережлив —
Шил из простого матерьяла.
За брюки крону заплатив,
Ругал портного обиралой.
Он был великим королем,
А ты не бог весть что за птица.
Так будь доволен миткалем,
Не в бархат же тебе рядиться.

Вина, вина!

Кассио. Эта песня еще лучше прежней.

Яго. Хотите, я повторю?

Кассио. Нет, пожалуйста. Такое поведение несовместимо с нашим званием. Но, как говорится, все под богом ходим. Есть души, которые спасутся. И есть души, которые не спасутся. Верно я говорю?

Яго. Правильно, лейтенант.

Кассио. Например, я спасусь, не в обиду будь сказано генералу и всем вышестоящим.

Яго. И я тоже.

Кассио. Нет, позвольте. Виноват. Сначала я. Помощник генерала должен спастись раньше поручика. Однако довольно. Вернемся к нашим обязанностям. *(Роняет платок. При попытке поднять его падает на колени.)* Господи, прости нам наши прегрешения. Вы думаете, я пьян? Ошибаетесь. Вот мой поручик.

Значит, это моя правая рука. А вот это моя левая рука. Нет, господа, я не пьян. Я тверд в речах и на ногах.

Все. Разумеется!

Кассио. Ага, вы сами соглашаетесь? Значит, вы не имеете права говорить, что я пьян. *(Уходит.)*

Монтано

Пойдемте на площадку, господа.
Расставим часовых.

Яго

Минуту, сударь.
Видали вы? Вот этим молодцом,
Который вышел, Цезарь бы гордился,
Когда б его дурная сторона
Не перевешивала так хорошей.
Но что скрывать, несчастный малый пьет.
Со стороны Отелло безрассудно
Вверять ему за городом надзор.

Монтано

А что, с ним это часто?

Яго

Каждый вечер.
Бедняга проваляется без сна
Сплошные сутки, если не напьется.

Монтано

Отелло это надо сообщить.
Он, может быть, не знает или видит
В помощнике лишь доброе.

Входит Родриго.

Яго *(вполголоса Родриго)*

Назад!
Ходите по пятам за лейтенантом.

Родриго уходит.

Монтано

Напрасно он доверил этот пост
Несчастному с таким большим пороком.
Предупредите мавра.

Яго

Нет, не я.
Пусть кто-нибудь другой. Он мой приятель.
Я все отдам, чтоб Кассио спасти.
Но что там?

Крики за сценой

Помогите! Помогите!

Вбегает Кассио, гонясь за Родриго.

Кассио

Подлец! Болван!

Монтано

Что с вами, лейтенант?

Кассио

Учить меня! Читать мне наставленья!
Да я его в бутылку загоню!

Родриго

Прочь кулаки!

Кассио

Еще ты рассуждаешь!

(Бьет Родриго.)

Монтано *(останавливая его)*

Опомнитесь! Постойте, лейтенант!

Кассио

Я съезжу вас по голове! Не суйтесь!

Монтано

Вы пьяны!

Кассио

Прочь!

Дерутся.

Яго *(вполголоса Родриго)*

Беги на бастион
И бей тревогу.

Родриго убегает.

Кассио! Монтано!
Опомнитесь! Оставьте, господа!
На помощь! Вы с ума сошли! На помощь!

Звон колокола.

Вот дьявол! Доигрались. Бьют в набат.
Какой позор! Вы город взбунтовали!

Входит Отелло со свитой.

Отелло

Что тут за шум?

Монтано

Я ранен! Я в крови!

(Падает.)

Отелло

Ни с места, если жизнь еще мила вам!

Яго

Вы слышите? Постойте, лейтенант!
Монтано! Господа, остановитесь!
Опомнитесь! Пред вами генерал.
Да вы, никак, ослепли в самом деле?

Отелло

Вот зрелище! Что тут произошло?
Мы разве турки, чтобы обращаться
Друг с другом, как не стали б и они?
Сейчас же перестаньте! Душу выну
Из каждого, кто будет продолжать.
Скажите там, чтоб больше не звонили.
Так целый город можно всполошить.
Что тут случилось, господа? На Яго
От огорченья нет лица. Скажи,
Кто начал эту драку, честный Яго?

Яго

Не понимаю. Были тишь да гладь,
Как вдруг, не говоря худого слова,
Они рубиться начали. Позор!
Я б лучше в честной битве ног лишился,
Чтоб не присутствовать при их стыде.

Отелло

Как, Кассио, могли вы так забыться?

Кассио

Простите. Я не в силах говорить.

Отелло

Вы сдержанностью славились, Монтано.
Какая сила вас могла толкнуть
Свою степенность променять на имя
Ночного драчуна? Ответьте мне.

Монтано

Отелло, я, к несчастью, тяжко ранен.
Мне лучше помолчать. Вам скажет все
Поручик Яго. Он всему свидетель.
Ни в чем не грешен, или грех мой в том,
Что защищался я от нападенья.

Отелло

Ну, видит бог, вся кровь во мне кипит
И ослепляет страстью! Горе, горе
Всем, на кого я руку подыму,
Хотя б зачинщик был родным мне братом!
Как ссора началась? Кто коновод?
Неслыханно! В военной обстановке,
Средь возбужденных жителей, самим
Завесть кровавый спор на карауле!
Чудовищно! Ну, Яго, говори.
Кто виноват?

Монтано

Не по-солдатски будет
Замалчивать или смягчать вину.

Яго

Оставьте. Я себе язык отрежу
Скорей, чем против Кассио скажу,
И если отвечаю, то в надежде,
Что мой ответ ему не повредит.
Как было дело? Мы стоим с Монтано.
Глядим: крича, вбегает человек.
За ним с оружьем Кассио. Монтано
Стал, преграждая лейтенанту путь,
А я бегом пустился за кричавшим,
Чтоб крик его унять, но не догнал.
А позади уж стук мечей. Не верю
Своим ушам, бегу скорей назад —
И нахожу все то, что вы застали.
Вот, собственно, и все, что я видал.
Но я напомню. Люди — только люди.
Их свойство ошибаться. Признаю,
Что Кассио не прав перед Монтано,
Но тот, который скрылся и кричал,
Привел, как видно, лейтенанта в ярость,
И он вскипел.

Отелло

По доброте души
Ты, Яго, выгораживаешь друга.
Нет, Кассио вины простить нельзя.
Я, Кассио, любил тебя, но больше
Ты мне не офицер.

Возвращается Дездемона со свитой.

Но каково,
Они ведь Дездемону разбудили!
(Обращаясь к Кассио.)
Ты мне уроком будешь для других.

Дездемона

Что тут у вас?

Отелло

Все, милая, в порядке.
Монтано, я вас сам перевяжу,
И вас домой проводят.

Монтано уводят.

Слушай, Яго.
Понаблюдай за городом. Смотри,
Чтоб беспокойство не распространилось.
Знакомься, Дездемона, жизнь моя,
С удобствами солдатского житья.
Пойдемте спать.

Все, кроме Яго и Кассио, уходят.

Яго. Вы ранены, лейтенант?

Кассио. Смертельно.

Яго. Сохрани бог!

Кассио. Доброе имя, доброе имя, доброе имя! Я потерял свое доброе имя, бессмертную часть самого себя. Осталась одна животная. Где мое доброе имя, мое доброе имя!

Яго. Ей-богу, я думал, что вы ранены! Вот это была бы история. А то — доброе имя! Подумаешь, какая важность! Доброе имя — выдумка, чаще всего ложная. Не с чего ему быть, не с чего пропадать. Ничего вы не потеряли, если сами себе этого не вдолбите. Есть много способов вернуть расположение генерала. Вас разжаловали для острастки. Это больше для виду. Попросите у него прощенья, и он опять растает.

Кассио. Я скорее попрошу его усилить строгости, чем потерплю у него на службе такую дрянь и пьяницу. Нарезался черт знает как и разошелся. Напыжился. Затрещал, как попугай, распетушился! Глубокомысленные разговоры с собственной тенью. Фу, какая гадость! О дух, скрытый в вине, ты оттого зовешься «спиритус», что ты сам дьявол!

Яго. За кем вы гнались с оружием? Что он вам сделал?

Кассио. Понятия не имею.

Яго. Не может быть!

Кассио. Помню какую-то кашу, а по порядку ничего не помню. Была драка, а почему — черт ее знает. Господи! Самим вливать в свой рот отраву, которая превращает тебя в дурака и скотину! И еще прыгать и радоваться по этому поводу!

Яго. Сейчас у вас довольно ясная голова. Когда вы протрезвились?

Кассио. Дьяволу хмеля угодно было уступить меня дьяволу гнева. Один порок дал место другому, чтобы я полнее налюбовался собою.

Яго. Вы слишком строги. По условиям военного времени, конечно, лучше бы этого не было. Сделанного не воротишь. Но это вещь поправимая.

Кассио. Если я попрошу его вернуть мне должность, он скажет, что я пьяница. Да ведь когда бы у меня было сто ртов, как у гидры, этот ответ зажал бы их все разом. Не странно ли! Вот ты здраво рассуждаешь, и вдруг ты полоумеешь, а в следующий миг звереешь! Каждый лишний глоток — проклятье, а его содержимое — сатана.

Яго. Ну, ну, положим. Вино — хороший товарищ. Надо уметь пить. Довольно проповедовать. А теперь вот что. Надеюсь, вы знаете, как я вам предан.

Кассио. Еще бы! Я вас чудно отблагодарил: я пьян.

Яго. Ну что же! Это может случиться со всяким. Теперь слушайте. Вот что вам надо сделать. Настоящий генерал сейчас у нас генеральша. Мавр весь ушел в созерцание ее прелестей. Доверьтесь ей. Пусть она за вас заступится. Она такая великодушная! Ей кажется преступлением не сделать больше, чем ее просят. Уговорите ее восстановить узы вашей порванной дружбы с ее мужем. Увидите, они еще окрепнут.

Кассио. Спасибо за совет!

Яго. Он от любящего сердца.

Кассио. Верю. Завтра пораньше пойду к Дездемоне. Я пропал, если это не устроится.

Яго. Желаю вам успеха. Доброй ночи, лейтенант. Пойду обойду караулы.

Кассио. Спокойной ночи, честный Яго. *(Уходит.)*

Яго

Кто упрекнет теперь меня в подлоге?
Совет мой меток, искренен, умен.
Найдите лучший путь задобрить мавра,
Чем помощь Дездемоны. А она
Предрешена. Ее великодушье
Без края, как природа. Для нее

Умаслить мавра ничего не стоит.
Она его вкруг пальца обведет.
Все это можно разыграть по нотам.
Я рыцарь, если Кассио даю
Совет, как взять все эти нити в руки.
Но в том и соль: нет в мире ничего
Невиннее на вид, чем козни ада.
Тем временем, как Кассио пойдет
Надоедать мольбами Дездемоне,
Она же станет к мавру приставать,
Я уши отравлю ему намеком,
Что неспроста участлива она.
Чем будет искренней ее защита,
Тем будет он подозревать сильней.
Так я в порок вменю ей добродетель,
И незапятнанность ее души
Погубит всех.

Входит Родриго.

Ну, как дела, Родриго?

Родриго. В этой травле я участвую не как охотничья собака, а как дворовая, для полноты своры. Я кругом издержался. Сегодня меня порядком отдули. Если так пойдет дальше, я вернусь в Венецию с некоторым опытом и без копейки денег.

Яго

Как жалки те, кто ждать не научился!
Ранения не заживают вмиг.
Мы действуем умом, а не колдуем.
Дай только срок. Дела идут на лад.
Что Кассио отдул тебя, прекрасно:
Побои он отставкой искупил.
Не всякий плод на свете скороспелка,
Но созревает все, что зацвело.
Смотри-ка, а ведь утро наступает!
И не заметили, как ночь прошла.
Ступай-ка, брат, домой. Где ты ночуешь?
Ступай, я говорю. Потом, потом.
Да что ты все торчишь?

Родриго уходит.

Еще два дела.
Эмилия попросит госпожу

За Кассио. Когда он там предстанет
С молящим видом, я к ним невзначай
С Отелло выйду как бы из засады.
Прекрасный план, и лишь зевать не надо!
(Уходит.)

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Кипр. Перед замком.

Входит Кассио с музыкантами.

Кассио

Какой-нибудь короткий бодрый туш.
Я, господа, не поскуплюсь на плату.

Музыка. Входит шут.

Шут. Господа, эти дудки не из Неаполя? Что-то уж больно они поют в нос.

Первый музыкант. В каком отношении, сударь?

Шут. Это, извините за выражение, не духовые инструменты?

Первый музыкант. Духовые, духовые.

Шут. Отчего же они без хвостов?

Первый музыкант. В каком, сударь, отношении?

Шут. Обыкновенно трубы для испускания духа бывают прикрыты хвостами. Но не в этом дело. Вот от генерала деньги за музыку. Он так расчувствовался, что просит перестать.

Первый музыкант. Хорошо, мы больше не будем.

Шут. Или, может быть, у вас есть что-нибудь глухое, беззвучное. Потому что главная беда — что вас слышно.

Первый музыкант. Нет, глухой музыки не водится.

Шут. Ну, тогда дудки по мешкам — и марш. Чтобы духу вашего здесь не было.

Музыканты уходят.

Кассио. Сделай милость, послушай.

Шут. Милости не сделаю, а послушать можно.

Кассио. Чем острить, вот тебе лучше золотой. Если компаньонка генеральши встала, дай ей понять, чтобы она пришла сюда.

Шут. Она встала, сударь. Я ей дам понять.
Кассио. Пожалуйста.

Шут уходит. Входит Яго.

В час добрый, милый Яго.

Яго

Вы, видно, вовсе не ложились спать?

Кассио

Ведь мы расстались с вами на рассвете.
Послал за вашею женой и жду,
Чтоб на прием проситься к Дездемоне.

Яго

Я вам ее немедленно пришлю
И уведу за чем-нибудь Отелло.
Вам будет легче говорить вдвоем.

Кассио

Премного благодарен вам за помощь.

Яго уходит.

Любезней человека не встречал.
А как он бескорыстен!

Входит Эмилия.

Эмилия

С добрым утром.
Как мне вас жалко, милый лейтенант!
Но все, бог даст, уладится. Супруги
Все время говорят о вас. Она
Стоит за вас горой, а он нахмурен.
Он недоволен тем, что человек,
Которого вы ранили, на Кипре
Со связями и очень здесь любим.
По-моему, вас генерал отставил
Для вашей пользы. Он вас не забыл
И, только будет случай, восстановит.
Не вмешивайтесь, чтоб не повредить.

Кассио

Но я о том с самою Дездемоной
Хочу поговорить наедине.

Эмилия

Тогда со мной пойдемте. Я устрою.
Хоть душу всю выкладывайте ей.

Кассио

Весьма меня обяжете!

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Комната в замке.

Входят Отелло, Яго и представители Кипра.

Отелло

Пакеты капитану передай.
Пусть кланяется от меня сенату.
А сам на укрепленья приходи,
Там и найдешь нас в сборе.

Яго

Не замедлю.

Отелло

Угодно ли вам будет, господа,
Пожаловать со мной на батарею?

Представители

Мы вас сопровождаем, генерал.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Сад в замке.

Входят Дездемона, Кассио и Эмилия.

Дездемона

Поверьте, милый Кассио, для вас
Я сделаю, что в силах.

Эмилия

Постарайтесь.
Мой муж от огорченья сам не свой,
Как будто с ним беда, а не с другими.

Дездемона

Вот это доброта так доброта!
Но, Кассио, не сомневайтесь, милый:
Я знаю, я вас с мужем помирю.

Кассио

За это, что б со мною ни случилось,
Я буду вашим преданным слугой.

Дездемона

Благодарю. Отлично это знаю.
Вы любите Отелло. Вы давно
Его узнали. Верьте, ваша ссора
Продолжится не дольше, чем того
Потребует политика.

Кассио

А если
Политика продлится без конца?
Для этого всегда найдется пища.
Судите сами: должность заместят,
Отсутствие мое войдет в привычку,
И о моем усердье генерал
Не вспомнит больше.

Дездемона

Этого не будет.
В присутствии Эмилии клянусь,
На вашу должность никого не примут.
Она за вами, слово вам даю.
Я раньше не отстану от Отелло.
Увидите, я в школу превращу
Его постель, а стол — в исповедальню.
Вы будете припевом ко всему,
О чем ни заведем мы разговора.
Приободритесь, Кассио. Скорей
Ходатай ваш умрет, а не отступит.

Эмилия

Сударыня, вернулся генерал.

Кассио

Я удалюсь, сударыня.

Дездемона

Не надо.
Останьтесь. Мы поговорим при вас.

Кассио

Нет, я в неподходящем настроенье.
В другое время. Лучше не сейчас.

Дездемона

Ну ладно, поступайте, как хотите.

Кассио уходит. Входит Отелло с бумагами и Яго.

Яго

Не нравится мне это.

Отелло

Ты о чем?
Что ты бормочешь?

Яго

Ничего. Пустое.

Отелло

Не Кассио ли это только что
Ушел от Дездемоны?

Яго

Быть не может!
Как пойманный воришка? Нет, не он.
Он вида вашего б не испугался.

Отелло

Я все же думаю, что это он.

Дездемона

Ну, как дела, мой друг? Я говорила
Сейчас с одним просителем. Бедняк
Томится тем, что ты его уволил.

Отелло

Какой проситель?

Дездемона

Как? Твой лейтенант.
Послушай, если что-нибудь я значу,
Сейчас же помирись с ним. Либо он
Вернейший из твоих друзей на свете,
Случайно оплошавший, либо я
Совсем не разбираюсь в честных лицах.
Пожалуйста, прими его назад.

Отелло

Так это он ушел сейчас отсюда?

Дездемона

Такой убитый, что со стороны
Подавлена и я его печалью.
Верни его на службу.

Отелло

Не сейчас.

Дездемона

Ну так когда же?

Отелло

Скоро, очень скоро.

Дездемона

За ужином сегодня?

Отелло

Нет еще.

Дездемона

Так завтра утром? Или за обедом?

Отелло

Я завтра ухожу. Я приглашен
Обедать к офицерам гарнизона.

Дездемона

Так завтра вечером? Во вторник днем?
Ну, вечером во вторник? В среду утром?
Ты только назови точнее день,
И чтобы срок не превышал трех суток.
Я знаю, надо показать пример,
Чтоб восторжествовала дисциплина.
Но он ведь сознает свою вину,
Которая, по совести, ничтожна.
Ну так скажи, когда ему прийти?
Я попросту удивлена, Отелло.
Не представляю, чтобы ты просил
О чем-нибудь, а я бы отказала
Или так долго мешкала в ответ.
А речь о ком? О Кассио! Том самом
Приятеле и дружке жениха,
Который так нас поженить старался,
И вспыхивал, и за тебя стоял,
Когда я осуждать тебя решалась.
И надо тратить столько слов и сил
На очевидность?

Отелло

Хорошо. Довольно.
Пускай приходит. Все равно когда.
Как отказать тебе?

Дездемона

Не вздумай только,
Что это жертва. Дело не во мне.
Я попросить могла бы с тем же правом,
Чтоб ты надел перчатки, закусил
И, выходя, оделся потеплее.
Нет, если я когда-нибудь решу
Твою любовь подвергнуть испытанью,
Я что-нибудь назначу потрудней.
А это что!

Отелло

Я отказать не в силах.
Ну, а теперь я занят. Извини.
Оставь меня, пожалуйста, на время.

Дездемона

Изволь. Не буду спорить. Будь здоров.

Отелло

Спасибо. Я приду сию минуту.
Будь счастлива.

Дездемона

Эмилия, пойдем.
Располагай собою как угодно.
Я подчиняюсь.
(Уходит с Эмилией.)

Отелло

Радость ты моя!
Пусть суждена мне гибель, скрыть не в силах:
Люблю тебя, и если разлюблю,
Наступит хаос.

Яго

Генерал, скажите...

Отелло

Да, Яго. Что?

Яго

Скажите, генерал,
Знал Кассио о вашем увлеченье
До вашей свадьбы?

Отелло

Знал. Конечно, знал.
А что такое?

Яго

Так. Соображенья.
Хочу сличить их, вот и все.

Отелло

Сличить?

Яго

Он с нею был знаком до вас?

Отелло

Конечно.
И между нами выступал не раз
Посредником.

Яго

Посредником?

Отелло

Конечно.
А что дурного в этом? Разве он
Не стоил этого доверья?

Яго

Стоил.

Отелло

И оправдал, как видишь.

Яго

Оправдал.

Отелло

Так чем ты озабочен?

Яго

Озабочен?

Отелло

Да что с тобою? Что ты задолбил
И повторяешь все за мной, как эхо?
В чем дело? Так ли мысль твоя страшна,
Что ты ее боишься обнаружить?
Столкнулись с Кассио — нехорошо.
Меня он сватал к ней — опять неладно!
Что у тебя в уме? Ты морщишь лоб,
Как будто в черепе твоем запрятан
Какой-то ужас. Если ты мне друг,
Открой мне все.

Яго

Надеюсь, вам известно,
Как я вам предан?

Отелло

Именно затем,
Что мне известно, как ты прям и честен
И слов не стал бы на ветер бросать,
Пугают так меня твои намеки.
Полуслова — язык клеветника,
Но у порядочного человека
Такие недомолвки — крик души,
Которая не вынесла молчанья.

Яго

Мне Кассьо честным кажется.

Отелло

И мне.

Яго

Все быть должны, чем кажутся.

Отелло

Бесспорно.

Яго

Вот Кассио и честный человек.

Отелло

Нет, так нельзя. На что ты намекаешь?
Ты что-то знаешь. Без обиняков!
Все худшее, что ты таишь,— наружу!

Яго

Повиноваться старшим, генерал,—
Долг воина, но оглашать догадки
Не входит и в обязанность раба.
Сказать, что думаешь? А если мысли
Кощунственны и ложны, точно грязь
В святилище или в суде неправда?

Отелло

Ты губишь друга, если сознаешь,
Что он в беде, и не предупреждаешь.

Яго

Оставьте. У меня несчастный нрав:
Повсюду в жизни чудятся мне козни.
Для вас спокойней будет и верней
Мои слова оставить без вниманья.
Несовместимо с совестью, умом,
Неосторожно, неблагоразумно
Вас посвящать во все, чем полон я
Из мнительности.

Отелло

Говори яснее.

Яго

Нетронутое имя, генерал,
Для женщин и мужчин всего дороже.
Кто тащит деньги — похищает тлен.
Что деньги? Были деньги, сплыли деньги.
Они прошли чрез много тысяч рук.
Иное — незапятнанное имя.
Кто нас его лишает, предает
Нас нищете, не сделавшись богаче.

Отелло

Во имя неба, говори ясней!

Яго

Хотя б вы сердце мне руками сжали,
Не буду, не могу и не хочу.

Отелло

Так вот как!

Яго

Ревности остерегайтесь,
Зеленоглазой ведьмы, генерал,
Которая смеется над добычей.
Блаженны потерпевшие мужья,
Которые всё знают и остыли
К виновницам позора. Но беда,
Когда догадываешься и любишь,
Подозреваешь и боготворишь.

Отелло

Да, это ад.

Яго

Бедняк, довольный жизнью,
Владеет состояньем. Но богач
Который ждет все время разоренья,
Раздет до нитки. Господи, спаси
От ревности моих друзей и близких!

Отелло

Постой. Зачем ты это говоришь?
Ты думаешь, я жизнь бы мог заполнить
Ревнивыми гаданьями? О нет.
Я все решил бы с первого сомненья.
Что я, козел, чтоб вечно вожделеть
И, растравляясь призраком измены,
Безумствовать, как ты изобразил?
О нет, меня не сделает ревнивцем
Признанье света, что моя жена
Красива, остроумна, хлебосольна,
Умеет общество занять, поет
И пляшет. Если хороша основа,
То и придатки эти хороши.
Я также не страдал бы от сравненья
Моей невзрачности с ее красой:
Видала, думаю, что выбирала.
Нет, Яго, я сначала посмотрю,
Увижу что-нибудь, еще проверю,
А выясню, до ревности ли тут?
Тогда прощай любовь, прощай и ревность.

Яго

Я очень рад и докажу теперь
Вам преданность свою гораздо шире.
Улик покамест нет, но мой совет —
Следите за женой и лейтенантом,
Без вспышек страсти, трезво, вот и все.
Я б не хотел, чтоб вашей добротою
Играли за спиною вам во вред.
Я вдоволь изучил венецианок!
Лишь небу праведному видно то,
Чего мужья их не подозревают.
Стыда в них нет, лишь след бы замести.

Отелло

Ты вот о чем?

Яго

А что ж, супруга ваша
Другая, полагаете? Она
Отца ввела пред свадьбой в заблужденье:
Сгорала к вам любовью, а сама
Прикидывалась, что терпеть не может.

Отелло

Да, это так.

Яго

Вот я и говорю:
Когда до брака так она хитрила,
Что дело представлялось колдовством,
Что ж после брака? Впрочем, извините.
Куда меня признанья завлекли!

Отелло

Нет, нет, спасибо!

Яго

К сожаленью, вижу,
Я этим вас немного огорчил.

Отелло

Ничуть, нисколько.

Яго

Огорчил, конечно.
Но сделал это, слепо вас любя.
Во всяком случае, не забывайте:
В моих словах нет ровно ничего,
Что позволяло б делать заключенья
И придавать им слишком точный смысл.

Отелло

Не бойся.

Яго

Это было бы ошибкой.
Прошу заметить, Кассио — мой друг.
Нет, генерал, вас это огорчило.

Отелло

Что, собственно? Я в чистоте жены
Еще не усомнился.

Яго

Слава богу.
Пошли господь здоровья ей и вам!

Отелло

И все же, уклоненья от природы...

Яго

Вот именно. Примеры под рукой.
Естественно ли это отчужденье
От юношей ее родной страны?
Не поражают ли в таких примерах
Черты порока, извращенья чувств?
Я это отношу не к Дездемоне,
О ней определенных данных нет.
Но есть опасность, как бы, отрезвевши
И сравнивая вас и земляков,
Она не пожалела.

Отелло

До свиданья.
Ступай. Узнаешь больше, сообщи.
Вели жене следить за Дездемоной.
Прощай, прощай.

Яго *(уходя)*

Прощайте, генерал.

Отелло

Зачем женился я? Мой сторож чести
Гораздо больше знает, чем сказал.

Яго *(возвращаясь)*

А главное, не надо углубляться
В вопросы эти дальше, генерал.
Все предоставьте времени. Взысканья
Я с Кассио пока бы не снимал.
Он превосходный офицер, конечно,
Но я его держал бы в стороне,
Чтоб наблюдать за ним на расстоянье.
Следите, как проявит госпожа
Свое участье в судьбах лейтенанта.

А в заключенье должен повторить:
Я по натуре склонен к ложным страхам.
Наверно, я хватаю через край.
Не думайте о Дездемоне плохо.

Отелло

Не беспокойся, я себя сдержу.

Яго

Еще раз до свиданья.

(Уходит.)

Отелло

Этот малый
Кристальной честности и знает толк
В вещах и людях. Если это правда
И будут доказательства, что ты
Дичаешь, мой неприрученный сокол,
Прощай, лети, я путы разорву,
Хотя они из нитей сердца сшиты.
Я черен, вот причина. Языком
Узоров не плету, как эти франты.
Я постарел. Но что я говорю!
Я потерял ее, и я обманут.
Мне может только ненависть помочь.
О ужас брачной жизни! Как мы можем
Считать своими эти существа,
Когда желанья их не в нашей воле?
Я б предпочел быть жабою на дне
Сырого подземелья, чем делиться
Хоть долею того, что я люблю.
Чувствительность — высоких душ несчастье.
Кто чувствует грубей, тот защищен
От этих ран, как смерть неотвратимых
И будущий позор которых всем
Сужден от самых первых дней рожденья.

Возвращаются Дездемона и Эмилия.

Но вот и Дездемона. Если так
Глядит притворство, небеса притворны.
Я этому поверить не могу.

Дездемона

Отелло, что с тобой? Пора обедать.
Все собрались, и гости ждут тебя.

Отелло

Прости меня.

Дездемона

Ты говоришь так тихо!
Ты нездоров?

Отелло

Да, голова болит.

Дездемона

Все оттого, что ты недосыпаешь.
Дай обмотаю голову платком,
И все пройдет.

Отелло

Он слишком мал. Не надо.

Отстраняет платок, она роняет его.

Пойдем.

Дездемона

Жаль, что тебе нехорошо.

Отелло и Дездемона уходят.

Эмилия

Я рада, что нашла ее платок,
Который подарил ей мавр на свадьбу.
Мой муж все просит — укради его,
Но госпожа, по настоянью мавра,
Платок все время держит при себе
И говорит с ним и его целует.
Вот я теперь сниму с него узор,
По просьбе Яго. Небесам известно,
Какая до платка ему нужда.
Пусть радуется. В этом нет труда.

Возвращается Яго.

Яго

Ты тут одна? Зачем ты тут торчишь?

Эмилия

Оставь ворчать. Есть для тебя вещица.

Яго

Уж я воображаю!

Эмилия

Угадай.

Яго

Вещица эта — глупая супруга.

Эмилия

Вот как? И это всё? А что ты дашь
За этот вот платок в вознагражденье?

Яго

Какой платок?

Эмилия

Какой платок? Платок,
Подаренный Отелло Дездемоне,
Который ты просил меня украсть.

Яго

И ты украла?

Эмилия

Нет, он, видно, выпал
У ней из рук. Я с полу подняла.

Яго

Давай сюда скорее. Молодчина!

Эмилия

Скажи, зачем ты требовал его
Без отступа?

Яго *(вырывая платок)*

Тебе какое дело?

Эмилия

Не трогай лучше, знаешь. Госпожа
Сойдет с ума, узнавши о пропаже.

Яго

Помалкивай, что ты его нашла.
Он мне для дела очень нужен. Выйди.

Эмилия уходит.

Подброшу Кассио. Пусть свой платок
Увидит мавр в квартире лейтенанта.
Ревнивца убеждает всякий вздор,
Как доводы Священного писанья.
Сразит и этот. Мавра не узнать,
Так действует уже моя отрава.
Сомненья разгораются не вдруг,
А медленно, как сера под землею.

Возвращается Отелло.

Вот он идет. Уже ему ни мак,
Ни сонная трава, ни мандрагора,
Ничто, ничто не восстановит сна,
Которым спал он нынешнею ночью.

Отелло

Как! Изменять!

Яго

Довольно, генерал.
Оставьте эти мысли.

Отелло

Сгинь! Исчезни!
Ты жизнь мою в застенок обратил.
Пускай меня и больше б обманули,
Да я б не знал.

Яго

Нет, что вы, генерал!

Отелло

Часы, когда она принадлежала
Другому, не заботили меня.
Я их не видел и о них не ведал
И в следующую за ними ночь
Спал сладко с ней, спокоен был и весел.
Я на губах у ней не находил
Осадка Кассиевых поцелуев.
Тот не ограблен, кто не сознает,
Что он ограблен.

Яго

Это грустно слышать.

Отелло

Я был бы счастлив, если б целый полк
Был близок с ней, а я не знал об этом.
Прощай покой! Прощай душевный мир!
Прощайте армии в пернатых шлемах,
И войны — честолюбье храбрецов,
И ржущий конь, и трубные раскаты,
И флейты свист, и гулкий барабан,
И царственное знамя на парадах,
И пламя битв, и торжество побед!
Прощайте оглушительные пушки!
Конец всему — Отелло отслужил.

Яго

Неужто, генерал!

Отелло

Мерзавец, помни:
Ее позор ты должен доказать!
Вещественно, мерзавец, помни это!
А то, клянусь бессмертием души,

Собакой лучше бы тебе родиться,
Чем гневу моему давать ответ.

Яго

Вот до чего дошло!

Отелло

Дай мне увидеть
Ее вину иль так в ней убеди,
Чтоб места не осталось для сомненья.
Удостоверь, не то беда тебе.

Яго

Мой генерал...

Отелло

А если ты порочишь
Ее безвинно, мучая меня,
То больше не молись. Греши без страха
И не раскаивайся. Громозди
Злодейство на злодейство. Перед этим
Должно все побледнеть, и уж ничто
Твоих грехов не увеличит больше.

Яго

Вы слышите, святые небеса!
Вы человек иль нет? Где ваше сердце!
Бог с вами и со службой. Ухожу.
Дурак я, что полез с своею правдой,
Чтоб град упреков выслушать в ответ.
О лживый мир! Полезная наука.
Опасно людям правду говорить.
Я больше мыслей никогда не выдам,
Когда они ведут к таким обидам.

Отелло

Постой. На вид ты должен быть правдивым.

Яго

На вид мне следовало б быть умней.
Правдивостью спасиба не заслужишь.

Отелло

Должно быть, Дездемона мне верна,
А может, нет. Ты мне не лгал, должно быть,
А может, лгал. Я требую улик.
Ее безукоризненное имя
Луны белее было, а теперь
Черно, как я, от твоего доноса.
Я жажду ясности. На свете есть

Ножи, костры, колодцы, петли, яды.
Я не прощу. Но мне недостает
Уверенности.

Яго

Вижу, вы в волненье.
Душой скорблю, что я тому виной.
Так вы хотите ясности, сказали?

Отелло

Хочу? Нет, больше: я ее добьюсь.

Яго

Но как, скажите? Что такое ясность?
Хотите ли вы подглядеть тайком,
Когда он с нею будет обниматься?

Отелло

Смерть и проклятье!

Яго

Нелегко людей
Застать за этим делом. Пожелаем,
Чтоб, кроме них, ничей досужий взгляд
Не падал никогда на их объятья.
Тогда как быть? Как их поймать? Они
Не пара обезьян, не волк с волчицей.
Таких улик в моем запасе нет,
Но косвенные данные в наличье,
И вы всегда их можете иметь.

Отелло

Они должны быть неопровержимы!

Яго

Невыгодная роль, но я креплюсь.
Я сам зашел из дружбы так далеко.
Так вот. Я как-то с Кассио лежал
На койке. У меня болели зубы.
Я спать не мог. Беспечный ветрогон
Во сне всегда выбалтывает тайны.
Таков и Кассио. И слышу я:
«Поосторожней, ангел Дездемона.
Нам надобно таить свою любовь».
Он крепко сжал мне руку и со страстью
Стал целовать, как будто с губ моих
Срывал он с корнем эти поцелуи,
И положил мне ногу на бедро.
Потом, вздохнув, пролепетал: «О горе!
Зачем ты в руки мавра отдана!»

Отелло

Чудовищно! Чудовищно!

Яго

Ведь это
Во сне происходило.

Отелло

Но в каком!
Как уличает это сновиденье!

Яго

Особенно в ряду других улик.

Отелло

Я разорву злодейку!

Яго

Хладнокровней.
Еще мы не наткнулись ни на что.
Быть может, наши подозренья ложны.
Вы не видали у нее платка,
Расшитого цветами земляники?

Отелло

Я ей его на свадьбу подарил.

Яго

Ах, вот как? Я не знал. Но дело вот в чем:
Я видел, Кассио ее платком
Сегодня утирал свой подбородок.

Отелло

О, если это тот...

Яго

Тот иль не тот,
Платок — ее, и это лишний довод
В придачу к тем, которые слабей.

Отелло

О, если б раб жил тысячею жизней!
Для полной мести мало мне одной.
Теперь я вижу, это правда, Яго.
Гляди, я дую на свою ладонь
И след любви с себя, как пух, сдуваю.
Развеяна. Готово. Нет ее.
О ненависть и месть, со мною будьте
И грудь раздуйте мне шипеньем змей!

Яго

Спокойней. Тише.

Отелло

Крови, крови, крови!

Яго

Еще вы передумаете.

Отелло

Нет.
Нет, Яго, никогда! Как в Черном море
Холодное теченье день и ночь
Несется неуклонно к Геллеспонту,
Так и кровавым помыслам моим
До той поры не будет утоленья,
Пока я в мщенье их не изолью.
(Становится на колени.)
Клянусь тобой, мерцающее небо:
В святом сознанье этих страшных слов,
Даю обет расплаты.

Яго

Не вставайте.
(Тоже становится на колени.)
Вы все свидетели, огни планет,
Кружащиеся в небесах, что Яго
Себя, свой ум и руки отдает
На службу оскорбленному Отелло.
Я все беспрекословно совершу,
Что скажете, вплоть до пролитья крови.

Оба встают.

Отелло

Союзник мой, я не благодарю,
Но сразу же ловлю тебя на слове:
Чтобы в три дня, не позже, я узнал
О смерти Кассио.

Яго

Мой друг погублен.
Приказ свершен. Но ей оставьте жизнь.

Отелло

О нет, проклятье ей, гулящей твари!
Проклятье ей! Не покидай меня.
Пойдем обсудим, как бы поскорее
Прикончить дьяволицу. Ты теперь
Мне будешь лейтенантом.

Яго

Ваш навеки.

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Перед замком.

Входят Дездемона, Эмилия, шут.

Дездемона. Не скажешь ли, голубчик, где живет лейтенант Кассио?

Шут. Не скажу.

Дездемона. Что так?

Шут. Он человек военный, а это народ бедовый. Поди узнай, как на него потрафить. Это военный секрет.

Дездемона. Что же тогда делать?

Шут. Не скажу. Это тоже военная тайна.

Дездемона. Не возьмешься ли ты разыскать его и передать ему кое-что на словах?

Шут. Отчего же! Это в пределах человеческих возможностей.

Дездемона. Скажи, чтобы он пришел сюда. Я склонила генерала в его пользу, и есть надежда, что все уладится.

Шут уходит.

Куда, Эмилия, могла девать
Я свой платок?

Эмилия

Сударыня, не знаю.

Дездемона

Охотней потеряла б кошелек,
Набитый золотыми. Но, по счастью,
Отелло — умница и не похож
На пошляков-ревнивцев. Что б иначе
Подумал он?

Эмилия

Отелло не ревнив?

Дездемона

Конечно, нет. Тропическое солнце
Все эти недостатки выжгло в нем.

Эмилия

Вот он идет.

Дездемона

Не дам ему покоя,
Покамест Кассио он не простит.

Входит Отелло.

Ну, как тебе?

Отелло

Мне лучше.
(В сторону.)
Я не в силах
Притворствовать.— Как поживаешь ты?

Дездемона

Спасибо, превосходно.

Отелло

Дай мне руку.
Какая влажная!

Дездемона

Ее пока
Ни годы, ни заботы не сушили.

Отелло

Такая влажность — несомненный знак
Уступчивости и любвеобилья.
Горячая, горячая рука
И — влажная. Такую руку надо
Смирять молитвой, строгостью, постом
И умерщвленьем плоти. В ней есть дьявол.
Он бесится и выделяет пот.
Рука, которая готова сыпать
Подарками.

Дездемона

Ты вправе так сказать:
Я сердце в ней свое тебе вручила.

Отелло

Хорошая и щедрая рука!
Встарь руку отдавали вместе с сердцем,
А в наши дни лишь руки отдают.

Дездемона

Мне трудно продолжать в подобном духе.
Как обещание твое, скажи?

Отелло

Какое обещание, голубка?

Дездемона

Я Кассио велела разыскать
И привести к тебе для примиренья.

Отелло

Меня сегодня насморк одолел.
Дай мне платок.

Дездемона

Пожалуйста.

Отелло

Не этот.

Ты знаешь, тот.

Дездемона

Его со мною нет.

Отелло

Действительно?

Дездемона

Действительно.

Отелло

Печально.

Платок достался матушке моей
В подарок от ворожеи-цыганки.
Та уверяла, что, пока платок
У матери, он к ней отца привяжет
И сохранит ей красоту. Когда ж
Она его отдаст иль потеряет,
Отец к ней должен будет охладеть
И полюбить другую. Перед смертью
Мать отдала платок мне, завещав
Дать в будущем его своей невесте.
Я так и сделал. Береги платок
Заботливее, чем зеницу ока.
Достанься он другим иль пропади,
Ничто с такой бедою не сравнится.

Дездемона

Неужто?

Отелло

Правда. Он из волокна
С магическими свойствами. Сивилла,
Прожившая на свете двести лет,
Крутила нить в пророческом безумье.
Волшебная таинственная ткань
Окрашена могильной краской мумий.

Дездемона

Неужто это правда?

Отелло

Говорят.

Дездемона

Так лучше бы его я не видала!

Отелло

Ага! А что так?

Дездемона

Что ты говоришь
Со мною так стремительно и дико?

Отелло

Платок потерян? Где он? Говори.

Дездемона

О боже!

Отелло

Говори.

Дездемона

Нет, не потерян.
А если потеряла, что тогда?

Отелло

Как, что тогда?

Дездемона

Платка я не теряла.

Отелло

Так принеси его и покажи.

Дездемона

Могу, но после. Это отговорки,
Чтобы о Кассио не говорить.
Прими обратно Кассио на службу.

Отелло

Так принеси платок. Мне в этом всем
Мерещится недоброе.

Дездемона

Послушай,
Ты никого достойней не найдешь.

Отелло

Платок!

Дездемона

Давай о Кассио сначала.

Отелло

Платок!

Дездемона

Он трудности делил с тобой
И на слепой любви к тебе построил
Всю жизнь свою.

Отелло

Платок!

Дездемона

Нет, так нельзя!

Отелло

Прочь с глаз моих!

(Уходит.)

Эмилия

И это не ревнивец?

Дездемона

Таким его я вижу в первый раз.
В платке, наверно, правда что-то скрыто.
Я просто вне себя, что он пропал.

Эмилия

Живешь два года с мужем, не узнаешь.
Мужчина — брюхо, женщина — еда.
Он жрет тебя и жрет, и вдруг отрыжка.
Вот Кассио и Яго.

Входят Кассио и Яго.

Яго

Без нее
Не обойтись. Вот, легки на помине,
Немного понастойчивее с ней.

Дездемона

Что скажете мне, Кассио?

Кассио

Все то же.
Пожалуйста, вступитесь, госпожа.
Мне не житье, пока я не оправдан
Единственным, кто мне дороже всех.
Ужасна неизвестность. Если грех мой
Так тяжек, что его не искупить
Ни прошлою, ни будущею службой,
Пускай мне скажут. Твердо это знать
Мне будет некоторым облегченьем.
Я волею-неволей примирюсь
И счастья поищу в другом призванье.

Дездемона

Мой благородный Кассио, увы!
На мавра потеряла я влиянье.
Мой муж с недавних пор не прежний муж.
Он изменился. Это превращенье
Так велико, что только внешний вид
Еще мне говорит, что он — Отелло.
Пусть ангел мой хранитель за меня
Так молится, как мужа я молила

За вас, но он лишь гневался в ответ.
Немного потерпите. Все, что можно,
Я сделаю, и больше, чем могу.
Я думаю, что этого довольно.

Яго

Он сердится?

Эмилия

Он только что ушел
В каком-то непонятном раздраженье.

Яго

Он сердится? Я видел, как пред ним
Взлетело несколько солдат на воздух
И в десяти шагах от нас ядро
Ударило в его родного брата.
Но духа он и тут не потерял.
И если он не стал владеть собою,
То, видимо, на то причины есть.
Пойду поговорю с ним.

Дездемона

Сделай это.

Яго уходит.

Быть может, из Венеции письмо
Или на Кипре заговор открылся,
Но неприятности или дела
В нем облаком затмили ясность мысли.
Мы раздражаемся по пустякам,
Когда задеты чем-нибудь серьезным.
Бывает, палец заболит, и боль
Передается остальному телу.
Мужья не боги, требовать от них
Вниманья, как от женихов, нет смысла.
Брани меня, Эмилия, за то,
Что я его напрасно осуждала.
Я ошибалась. Он не виноват.

Эмилия

Дай бог, чтоб это были в самом деле
Заботы службы, а не ревность к вам.

Дездемона

Я повода ему не подавала.

Эмилия

Ревнивым в этом надобности нет.
Ревнуют не затем, что есть причина,

А только для того, чтоб ревновать.
Сама собой сыта и дышит ревность.

Дездемона

Да обойдет Отелло этот бич!

Эмилия

Помилуй бог!

Дездемона

Пойду его проведать.
Вы, Кассио, тут будьте под рукой.
Как раз, быть может, подвернется случай,
Я наконец его уговорю.

Кассио

Покорнейше вам благодарен.

Дездемона и Эмилия уходят.
Входит Бианка.

Бианка

Здравствуй,
Дружище Кассио!

Кассио

Какими ты
Судьбами здесь, красавица Бианка?
Я собирался только что к тебе.

Бианка

А я к тебе. Но слыханное ль дело?
Исчезнуть на семь дней и семь ночей!
Ушел и как сквозь землю провалился.
А шутка ли — сто шестьдесят часов!

Кассио

Прости меня, Бианка. Я был занят.
Живу не сладко. Чуть освобожусь,
Мы это наверстаем. Вот, Бианка,
(давая ей платок Дездемоны)
Пожалуйста, такой же вышей мне.

Бианка

Откуда это? Новая подруга?
Так вот ты с кем неделю пропадал?
Теперь мне все понятно, все понятно.

Кассио

Брось тотчас к черту свой ревнивый бред.
Платок от женщины, уж ты решила?
Нет, Бьянка, нет.

Бианка

Откуда ж он тогда?

Кассио

Не знаю сам. Он у меня валялся.
Мне нравится узор. Сними его,
Пока платка обратно не спросили.
Ну, а теперь оставь меня.

Бианка

Зачем?

Кассио

Да я тут дожидаюсь генерала
И в женском обществе бы не хотел
Ему попасться.

Бианка

Это что за новость?

Кассио

Не думай, что тебя я не люблю.

Бианка

Вот именно, как этого не думать?
Пройдись со мною несколько шагов.
Ты вечером придешь ко мне сегодня?

Кассио

Далёко проводить я не могу.
Мне встреча здесь назначена по делу.
А вечером приду.

Бианка

Не обмани.
Я скромная, довольствуюсь, чем можно.

Уходят.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Кипр. Перед замком.

Входят Отелло и Яго.

Яго

Вы так считаете!

Отелло

А как же, Яго?

Яго

Что поцелуй тайком...

Отелло

Обман и грязь.

Яго

И голой с другом полежать в постели
В границах добродетели нельзя?

Отелло

В границах добродетели раздевшись!
Зачем так сложно и так тяжело
Хитрить пред чертом и морочить небо!

Яго

Когда не происходит ничего,
То это все простительная вольность.
Но перейдемте к случаю с платком.

Отелло

Да, да.

Яго

Он мой. Я дал его жене в подарок.

Отелло

Ну, ну.

Яго

Теперь он стал ее. Она вольна
Отдать его кому-нибудь другому.

Отелло

Честь — это тоже собственность ее.
Она вольна располагать и этим?

Яго

Честь — это призрак. Честь — другой вопрос.
Честь — то, чего у многих не бывает
Из хвастающих ею. Но платок...

Отелло

Хочу забыть, а ты напоминаешь!
Как ворон над жилищем, где чума,
Так это слово в памяти витает.
Ты говоришь, платок мой у него?

Яго

В том нет беды.

Отелло

Но в этом нет и счастья.

Яго

Зачем значенье придавать тому,
Что без стыда наглец и соблазнитель,
У женщины добившись своего,
Трубит повсюду о своей победе?

Отелло

Он вслух о ней болтал?

Яго

Болтал.

Отелло

Что? Что?

Яго

То, от чего всегда он отречется.

Отелло

Но все-таки.

Яго

Он говорил...

Отелло

Итак?

Яго

Что он лежал...

Отелло

С кем? С ней?

Яго

Да. Нет. Увольте.

Отелло. Лежал. Прижимался. Он ее бесславит. И в каких выражениях! Прижимался. Это мерзость. Платок. Заставить сознаться. Платок. Заставить сознаться и повесить. Нет, сначала повесить, а потом заставить сознаться. Я весь дрожу. Не поддаваться этой помрачающей боли без проверенных сведений! Боже, как я подумаю!.. Носы, уши, губы. Тьфу! Я падаю. Заставить сознаться. О, дьявол! *(Падает без чувств.)*

Яго

Хвалю, мое лекарство. Действуй, действуй!
Так ловят легковерных дураков.
Так женщин незапятнанных порочат.—
Очнитесь, успокойтесь, генерал!

Входит Кассио.

Любуйтесь, лейтенант.

Кассио

Что с ним случилось?

Яго

Да видите, падучая опять.
Второй припадок в продолженье суток.

Кассио

Виски потрите.

Яго

Нет, избави бог.
Болезнь должна идти своим порядком,
А то несчастный с пеной на губах
Начнет беситься. Он пошевелился.
Ступайте. Он сейчас придет в себя.
Чуть я освобожусь, мне надо с вами
Потолковать.

Кассио уходит.

Что с вами, генерал?
Вы шишки не набили?

Отелло

Ты смеешься?

Яго

Нет. Я — над вами? Боже упаси!
Переносите по-мужски обиду.

Отелло

Рога — отличье чудищ и зверей.

Яго

Немало же тогда зверей и чудищ
Средь наших населенных городов.

Отелло

Так это правда? Он не отрицает?

Яго

Мужайтесь, генерал. Вы не одни.
Любой женатый — в вашем положенье.
Мильоны спят на проходных дворах,
Которые зовутся брачным ложем.
Вам легче: вы без розовых очков.
Какое издевательство природы —
С развратницами нас соединять
И заставлять нас верить в их невинность!
Нет, если так, то я желаю знать
Про свой позор и что с женой мне делать.

Отелло

Ты умница. Ты совершенно прав.

Яго

Я вот что вам придумал. Я вас спрячу,
Но хватит ли у вас на это сил?
Во время вашего припадка — к слову,
Нехорошо так распускать себя —
Явился Кассио. Я догадался
Услать его и объяснил, как мог,

Ваш обморок. Но он сейчас вернется.
Хотите, заведу с ним разговор?
Хотите, незаметно посмотрите
На выражение его лица,
Улыбочки, злорадство и презренье
К той, о которой будет речь? Я вновь
Его заставлю повторить сначала,
Давно ль и сколько раз, где и когда
Бывал он близок с вашею женою.
Увидите ужимки.— Черт возьми,
Нельзя ли поспокойнее, однако!
Ведь если это дальше так пойдет,
Я просто уважать вас перестану.

Отелло

Я обещаю все перенести,
Зато потом не буду знать пощады.

Яго

Всему свой срок. Вам прятаться пора.

Отелло прячется.

Под видом россказней о Дездемоне
Я Кассио про Бьянку расспрошу.
Особа эта шлюха по призванью
И этим зарабатывает хлеб.
Она пылает к Кассио любовью
По роковой судьбе таких девиц.
Всю жизнь она обманывала многих,
Чтоб быть теперь обманутой одним.
О ней без смеха он не может слышать.
Вот он идет.

Входит Кассио.

Когда дурак заржет,
Отелло просто на стену полезет,
В ревнивом ослепленье отнеся
Смех и развязность Кассьо к Дездемоне.—
Что слышно, лейтенант?

Кассио

Одна печаль.
И я не лейтенант, как вы сказали.

Яго

Но будете. Просите госпожу.

Вот если б званья возвращала Бьянка,
Ждать не пришлось бы.

Кассио

Ждать бы не пришлось.

Отелло *(в сторону)*

Скажи пожалуйста, уже смеется!

Яго

Она в вас до безумья влюблена.

Кассио

Да, влюблена, мне кажется, безумно.

Отелло *(в сторону)*

Не отрицает и не может скрыть.

Яго

Скажите правду, Кассио...

Отелло *(в сторону)*

Он просит
Порассказать подробней. Хорошо.

Яго

Вы собираетесь на ней жениться?
Она так уверяет.

Кассио

Ха-ха-ха!

Отелло *(в сторону)*

Смеешься? Торжествуй. Ты пожалеешь.

Кассио

Жениться? Вот умора! На такой!
Еще я, слава богу, не рехнулся.
Ха-ха-ха-ха!

Отелло *(в сторону)*. Так, так, так. Дорого тебе обойдется этот смех.

Яго. Ей-богу, ходит слух, что вы на ней женитесь.

Кассио. Какое вранье!

Яго. Зачем мне врать?

Отелло *(в сторону)*. Словно меня нет на свете!

Кассио. Дура сама это распространяет. Она в это верит на основании своих собственных чувств. Я ей ничего не обещал.

Отелло *(в сторону)*. Яго делает мне знаки. Сейчас он перейдет к делу.

Кассио. Да вот она была тут недавно. Она меня просто преследует. Как-то разговариваю я на берегу с несколькими венецианцами. Откуда ни возьмись, эта краля, и прыг ко мне на шею. Вот так! Ха-ха-ха! И вот так!

Отелло *(в сторону)*. Наверно, он передразнивает, как она визжит: «О мой Кассио!»

Кассио. И плачет, и обнимает, и тащит с собой. Ха-ха-ха!

Отелло *(в сторону)*. Теперь он показывает, как она увлекает его в мою спальню. О, я хорошо вижу твой нос, но пока еще не вижу собаки, которой я брошу его на съеденье!

Кассио. Надо будет поскорее расстаться с нею.

Яго. Глядите, ей-богу, вот она!

Кассио. Хорек ненасытный! И как надушилась!

Входит Бианка.

Долго ты будешь бегать за мною?

Бианка. Нет уж, извини. Побегают за тобой черт и его бабушка. Получай назад свой платок, окаянный! Дура я, что взяла его. Вышей ему такой же! Вы слыхали что-нибудь подобное? Нашел у себя в комнате и не знает чей. Так я и поверила! Какой-нибудь шлюхи память, а я буду снимать с него узор! Нет уж, пожалуйста!

Кассио. Что ты, ненаглядная Бианка! Что ты, что ты!

Отелло *(в сторону)*. Праведное небо, это мой платок!

Бианка. Если хочешь, приходи сегодня ужинать со мной. А если не сегодня, приходи, когда вздумаешь. *(Уходит.)*

Яго. Бегом, бегом за ней!

Кассио. Пожалуй, правда. Еще поднимет шум на улице.

Яго. Вы действительно пойдете ужинать к ней?

Кассио. Да, я думаю.

Яго. В таком случае, я приду тоже. Надо поговорить.

Кассио. Прекрасно! Только наверняка.

Яго. Посмотрим. Догоните ее.

Кассио уходит.

Отелло *(выступает вперед)*. Яго, как мне убить его?

Яго. Как он гордится своей низостью! Вы заметили?

Отелло. О Яго!

Яго. А вы узнали платок?

Отелло. Это действительно мой?

Яго. Разумеется, ваш. Видите, как мало он ценит эту сумасбродку, жену вашу. Она дарит ему платок, а он отдает его своей сударушке.

Отелло. Я хотел бы убивать его девять лет подряд. Действительно, сумасбродка. Обольстительная! Божественная!

Яго. Вам пора было бы забыть об этом.

Отелло. Да, Яго. Я хочу, чтобы она сгнила, пропала и была осуждена сегодня же ночью. Я не дам прожить ей дня. Сердце мое обратилось в камень. Ударить — ушибешь об него руку. Все это так. Но не было на свете созданья более неотразимого. Ее место рядом с каким-нибудь повелителем мира, чтобы делить с ним жизнь и вдохновлять его.

Яго. Нет, думать так вам больше не годится.

Отелло. Чтоб ее черт побрал! Это верно. Я только вспоминаю. Какая это рукодельница! А как понимает музыку! Ее пеньем можно приручить лесного медведя. Женщина неистощимого ума и воображения.

Яго. Тем, стало быть, хуже.

Отелло. О, в тысячу раз! И притом с такой способностью нравиться!

Яго. Даже слишком большою.

Отелло. Справедливо. Но ведь жалко, Яго! О, какая жалость, какая жалость!

Яго. Ну, если вам так жалко, выдайте ей доверенность на совершение дальнейших низостей. Дело только в вас. Никого это не касается.

Отелло. Я изрублю ее на мелкие кусочки. Обманывать меня!

Яго. Безобразница.

Отелло. И с кем! С моим подчиненным!

Яго. Тем более.

Отелло. Какой-нибудь отравы, Яго, сегодня же. Я не буду вступать с ней в объяснения, чтоб не поддаться ее обаянью. Так помни, сегодня же. Достанешь, Яго?

Яго. Зачем яд? Лучше задушите ее в постели, которую она осквернила.

Отелло. Хорошо. Хорошо. Знаешь, это справедливая мысль. Это мне нравится.

Яго. А расправиться с Кассио предоставьте мне. Ночью кое-что услышите.

Отелло. Великолепно!

Труба за сценой.

Что там за труба?

Яго

Известье из Венеции, наверно.
Вон Лодовико с вашею женой.

Входят Лодовико, Дездемона и свита.

Лодовико

Душой рад встрече, генерал.

Отелло

И я.

Лодовико

Привет вам от сенаторов и дожа.

(Подает ему письмо.)

Отелло

Почтительно целую их печать.

(Прикладывает к губам письмо, распечатывает и читает.)

Дездемона

С какими новостями, Лодовико?

Яго

Большое удовольствие и честь
На Кипре вас приветствовать.

Лодовико

Спасибо.
Как лейтенанта Кассио дела?

Яго

Он жив.

Дездемона

У лейтенанта с генералом
Большой разрыв. Надежда вся на вас.
Вы сблизите их.

Отелло

Ты такого мненья?

Дездемона

Не слышу.

Отелло *(читает)*

«В исполненье привести
Немедленно».

Лодовико

Он к вам не обращался,
А погружен в приказ. Так между ним
И Кассио размолвка?

Дездемона

Да, к несчастью.
Я все б дала, чтоб вновь их помирить,
Такую к Кассио любовь питаю.

Отелло

Огонь и сера!

Дездемона

Что ты говоришь?

Отелло
Ты что, в своем уме?
Дездемона
Какой сердитый!
Лодовико
Его расстроило письмо. Сенат
Велит ему в Венецию вернуться
И назначает Кассио на Кипр.
Дездемона
О, как я рада!
Отелло
Рада?
Дездемона
Что, мой милый?
Отелло
Я рад, что ты забыла всякий стыд.
Дездемона
Забыла стыд. Отелло милый?
Отелло
Дьявол!
(Ударяет ее.)
Дездемона
Ничем не заслужила!
(Плачет.)
Лодовико
Генерал,
В Венеции откажутся поверить!
Уж это слишком! Надо попросить
У ней прощенья. Дездемона плачет.
Отелло
О дьявол, дьявол! Если бы земля
Давала плод от женских слез, то эти
Плодили б крокодилов. Сгинь, уйди!
Дездемона *(уходя)*. Уйду, чтоб не сердить тебя.
Лодовико
Какая
Послушная! Верните, генерал,
Ее назад.
Отелло
Сударыня!
Дездемона
Мой милый?

Отелло

Ну вот она, распоряжайтесь ею.

Лодовико

Распоряжаться?

Отелло

Да. Ведь вы просили
Вернуть ее назад. Ну вот. Она
Умеет уходить и возвращаться,
И уходить, и снова приходить,
И может плакать, сударь, может плакать.
Послушная, послушная жена.—
Малеванное, грубое притворство!
Лей слезы, лей.—Я прочитал приказ
О возвращенье.— Скройся. Будет надо,
Я позову.— Я к выезду готов
В любое время.— Говорят, исчезни!

Дездемона уходит.

Дела сдам Кассио. Ну, а теперь
Прошу откушать вас сегодня с нами.
Добро пожаловать, желанный гость,
На остров Кипр.— Козлы и обезьяны!
(Уходит.)

Лодовико

И это мавр, который восхищал
Сенат уравновешенностью духа,
Которого ни бури, ни труды,
Ни страсти, ни опасности не брали?

Яго

Он очень изменился.

Лодовико

Он здоров?
Он не в бреду?

Яго

Судить о нем не смею.
Он то, что есть. А если он не то,
Чем должен быть, пусть бог ему поможет
Стать тем, чем надо.

Лодовико

Бить свою жену!

Яго

Как это ни противно, я желал бы,
Чтоб это было худшим из всего.

Лодовико

Что, эта грубость у него в привычке
Или его так взволновал приказ?

Яго

Не спрашивайте. Мне не подобает
О том распространяться, что видал.
Успеете понаблюдать и сами.
Мне не придется много прибавлять.

Лодовико

Мне жаль, что в мавре так я ошибался.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Комната в замке.

Входят Отелло и Эмилия.

Отелло

Вам не бросалось ничего в глаза?

Эмилия

Дурного ничего не замечала.

Отелло

Вы Кассио видали вместе с ней?

Эмилия

Что ж тут такого? Все их разговоры
Я слышала до слова.

Отелло

И они
Друг с другом не шептались?

Эмилия

Не шептались.

Отелло

И вас за дверь не посылали?

Эмилия

Нет.

Отелло

За веером, перчатками и маской?

Эмилия

Ни разу.

Отелло

Удивительная вещь!

Эмилия

За честность Дездемоны, генерал,
Я душу прозакладывать готова.
А вам иначе думать — стыд и грех.
А если эти пакостные мысли
Вам нашептал какой-нибудь подлец,
Пусть ползает, проклятый, в наказанье
Навек в пыли, как искуситель-змей.
Уж если Дездемона не образчик
Правдивой, верной, любящей жены,
На свете браков нет, одна подделка.

Отелло

Скажите ей, что я ее зову.

Эмилия уходит.

Святая простота! На то и сводня.
Расспрашивать ее — могила, гроб.
А не поверят — бухается наземь
И руки к небу. Знаем, знаем вас!

Входит Дездемона с Эмилией.

Дездемона

Ты звал меня?

Отелло

Да. Подойди поближе.

Дездемона

Что ты желаешь?

Отелло

Прямо посмотреть
В глаза тебе.

Дездемона

Что за причуда, право?

Отелло *(Эмилии)*

Теперь оставьте парочку, кума,
Заприте дверь и караульте выход.
Пройдет кто, кашлем подавайте знак.
Займитесь промыслом своим, хозяйка.

Эмилия уходит.

Дездемона

Взываю на коленях, объясни,
Что это значит? До меня доходит
Какой-то ураган в твоих словах,
Но не слова.

Отелло

Кто ты?

Дездемона

Твоя супруга,
Тебе и долгу верная жена.

Отелло

Попробуй подкрепить все это клятвой
И душу в тот же миг свою сгуби.
Решись поклясться, что не изменила.

Дездемона

Клянусь, и это знают небеса!

Отелло

Они тебя изменницею знают.

Дездемона

Кому я изменяла? С кем? Когда?

Отелло

Нет, Дездемона. Прочь! Прощай! Развейся!

Дездемона

Ужасный день! Ты плачешь? Отчего?
Скажи мне, я ли этих слез причина?
Ты, верно, думаешь, что мой отец
Виновен в том, что ты отозван с Кипра?
Все может быть, но ведь терплю и я.
Он также ведь и от меня отрекся.

Отелло

Пускай я чем-то бога прогневил.
Над непокрытой головой моею
Он мог излить несчастье и позор,
По горло утопить меня в лишеньях,
Сгноить в бездействии. Средь этих мук,
Мне верится, в углу душевном где-то
Я б силы почерпнул все это снесть.
Иное дело быть живой мишенью
Насмешек, чтоб кругом смотрели все
И каждый тыкал пальцем. Но и это
Я вынес бы. И это. Без труда.
Но потерять сокровищницу сердца,
Куда сносил я все, чем был богат...

Но увидать, что отведен источник
Всего, чем был я жив, пока был жив...
Но знать, что стал он лужею, трясиной
Со скопищем кишмя кишащих жаб...
Терпенье, херувим светлейший рая,
Стань ада грозной фурией теперь!

Дездемона

Надеюсь, ты в меня, как прежде, веришь?

Отелло

О да, как в мух на бойне в летний день,
Которые кладут яички в мясо!
Чарующая сорная трава,
Благоухающая так, что больно,
Зачем ты есть, зачем ты родилась?!

Дездемона

Скажи, в чем грех мой? Что я совершила?

Отелло

Ты для того ль бела, как белый лист,
Чтоб вывести чернилами «блудница»?
Сказать, в чем грех твой, уличная тварь,
Сказать, отребье, что ты совершила?
Стыдом я щеки раскалю, как горн,
Когда отвечу. Выговорить тошно.
Нет сил. На небе зажимают нос,
И месяц закрывается, и ветер,
Целующий все вещи на земле,
Так он распутен, прячется от срама,
А ты не знаешь, шлюха без стыда,
Что совершила ты, что совершила?

Дездемона

Ты не имеешь права, видит бог,
Так обижать меня!

Отелло

Так ты не шлюха?

Дездемона

Христом клянусь, что нет! Когда беречь
Себя от посторонних посягательств
Для мужа в непорочной чистоте
Не значит шлюхой быть, то я не шлюха.

Отелло

Не шлюха?

Дездемона

Нет, пускай погибну я!

Отелло

Не может быть.

Дездемона

Вступись, святое небо!

Отелло

Ну, виноват. А я предполагал,
Что ты — дитя венецианских улиц
В супружестве с Отелло.
(Громким голосом.)
Ну, кума,
Привратница греха, входите, можно.

Входит Эмилия.

Вы угадали, речь о вас, о вас.
Довольно. Выпустите нас наружу.
Вот за молчанье вам и за труды.
(Уходит.)

Эмилия

Что он сказал? Сударыня, что с вами?
Что с вами, госпожа?

Дездемона

Я как во сне.

Эмилия

Что с господином?

Дездемона

С кем?

Эмилия

Что с господином?

Дездемона

Кто господин твой?

Эмилия

Тот же, что и ваш.

Дездемона

Нет у меня на свете господина.
Не спрашивай, Эмилия. Нет слов.
Не в силах говорить, не в силах плакать.
Нет слез, и нет ответа, кроме слез.
Застелишь свадебными простынями
Постель сегодня. Яго позови.

Эмилия

Какая перемена!
(Уходит.)

Дездемона

Заслужила!
Так мне и надо. Но за что, за что?
Что я себе позволила такого,
Чтоб так меня жестоко оскорблять?

Возвращаются Эмилия и Яго.

Яго

Вы звали, госпожа? Что тут случилось?

Дездемона

Сама не знаю. Взрослые с детьми
Должны быть ласковыми и простыми.
Он мог меня помягче пожурить:
В сравненье с ним ведь я еще ребенок.

Яго

Но суть-то в чем?

Эмилия

Ты б сам послушал. Мавр
Ругал ее последними словами.
И все сносить? Ты шлюха, говорит.

Дездемона

Скажи, я заслужила это имя?

Яго

Какое?

Дездемона

То, что ты сейчас слыхал
Из уст Эмилии. Я заслужила?

Эмилия

Ты шлюха, говорит. Карманный вор
Сожительницу так честить не станет.

Яго

За что ж он так?

Дездемона

Ума не приложу!
Но что не заслужила, это знаю.

Яго

Не плачьте. Что за новая напасть!

Эмилия

Затем ли бросила она знакомых,
Отца, родимый край и женихов,
Чтоб шлюхой угостили? Как не плакать!

Дездемона
Судьба, как видно.
Яго
Постыдился б он!
Откуда это?
Дездемона
Небесам известно.
Эмилия
Увидите, что эту клевету
Взвел на нее своей корысти ради
Какой-нибудь отъявленный подлец.
Увидите, что это подтвердится.
Хоть вешайте, на этом я стою.
Яго
Таких людей не водится на свете.
Куда хватила!
Дездемона
Если есть такой,
Прости ему господь.
Эмилия
Прости веревка,
И кости у чертей в зубах прости!
Еще жалеть! За что ее звать шлюхой?
Кто ходит к ней? Когда? Каким путем?
Клянусь, какой-то плут морочит мавра,
Какой-то баснословный негодяй!
Я выследила бы его, поймала,
Да всем дала бы в руки по хлысту,
Да погнала б по всей земле каналью
С восхода до заката.
Яго
Не ори!
Эмилия
Хлестать таких! Такой же ведь молодчик
Насчет меня свихнул тебе мозги,
Что будто бы гуляю я с Отелло.
Яго
Ступай-ка, дура!
Дездемона
Яго, научи,
Как мне вернуть расположенье мужа.
Поговори с ним. Светом дня клянусь,
Не знаю, как его я потеряла.

Я на коленях... Если хоть на шаг
Я отступила от любви к Отелло
Или заглядывалась на других
И если было, есть и будет время,
Что я смогу Отелло разлюбить,
Хотя б он брак со мной расторг и бросил,
Пусть я лишусь спасенья. Неприязнь —
Большое зло, но он своей враждою
Мне может жизнь разбить, а не любовь.
Мне тошно выговорить слово «шлюха»,
А быть взаправду женщиной такой
Я б не могла за все богатства мира.

Яго

Оставьте, успокойтесь. Все пройдет.
Политика, заботы. Он не в духе,
Вот вам и попадает.

Дездемона

Дай-то бог!

Яго

Уж вы поверьте.

Труба за сценой.

Трубные сигналы.
Вам ужинать пора и приглашать
К столу венецианское посольство.
Ступайте к ним. Не плачьте. Все пройдет.

Дездемона и Эмилия уходят. Входит Родриго.

Ну что, Родриго?

Родриго. Не видно, чтобы ты поступал со мной благородно.

Яго. Например?

Родриго. Каждый день ты хитришь со мной и приносишь мне больше вреда, чем пользы. Довольно! Больше этого не будет. Кроме того, я еще не решил, прощу ли тебе все, что вытерпел из-за тебя до сих пор.

Яго. Выслушайте меня.

Родриго. Я слишком долго слушал тебя! Твои слова несоединимы с делом.

Яго. Неправда, неправда.

Родриго. Правда, и, к сожаленью, слишком горькая. Я разорился. За половину драгоценностей, которые я передал тебе для Дездемоны, можно было совратить монахиню. Ты говорил,

что, принимая их, она подавала мне надежды. Но пока ничего не видно.

Яго. Прекрасно. Дальше.

Родриго. Вот именно, что не дальше и не прекрасно. Дальше некуда, и это отвратительно. Я прихожу к заключению, что ты вымогатель.

Яго. Прекрасно.

Родриго. Тебе сказано, что совсем это не прекрасно! Я пожалуюсь Дездемоне. Если она вернет мне драгоценности, я откажусь от своих притязаний и искуплю их раскаянием. Если нет, я сдеру с тебя полностью их стоимость.

Яго. Вы кончили?

Родриго. Да. Все это будет исполнено.

Яго. Ага! Задело за живое! Вот это я понимаю! Теперь я буду о тебе лучшего мнения. Руку, Родриго! Ты сказал правду. Все правда, до последнего слова. И при всем том никто бы не мог постараться для тебя лучше, чем я.

Родриго. Что-то не видно.

Яго. И опять твоя правда. Не видно. И ты прав, что не веришь мне. Но давай говорить прямо, Родриго. Если ты действительно то, чем показался мне сейчас, и у тебя есть сила, отчаянность и удаль, выкажи их сегодня ночью. Если в следующую Дездемона не будет твоя, можешь зарезать меня на улице или прикончить как тебе угодно.

Родриго. Да, но что ты предлагаешь? Это осуществимо? Приведет ли оно к чему-нибудь?

Яго. Чрезвычайным приказом из Венеции Кассио предложено сменить Отелло.

Родриго. Это правда? Тогда, значит, Отелло и Дездемона уедут назад в Венецию?

Яго. Нет. Он едет в Мавританию и увезет с собою Дездемону, если только не помешает какая-нибудь непредвиденность. Например, можно было бы вывести из употребления Кассио.

Родриго. Что это значит?

Яго. Это значит, что его надо сделать неспособным занять место Отелло, размозжив ему голову.

Родриго. И ты это предлагаешь мне?

Яго. Да, если ты себе желаешь добра. Сегодня он ужинает с одной девчонкой, я тоже к ним пойду. Он еще не слыхал о своем повышении. Хочешь подстеречь его? Тогда я устрою, что он пойдет домой между двенадцатью и часом, а ты нападай. Я буду поблизости и подоспею. С двумя ему не справиться. Что ты разинул рот? На улице я представлю тебе такие доводы в

пользу его смерти, что ты сочтешь своим долгом убрать его. Я опаздываю на ужин. Идем.

Родриго. Идем. Послушаю, что ты скажешь.

Яго. И ты согласишься, что я прав.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Другая комната в замке.

Входят Отелло, Лодовико, Дездемона, Эмилия и свита.

Лодовико

Пожалуйста, не надо провожать.

Отелло

Позвольте, нет. Мне хорошо размяться.

Лодовико

Сударыня, спасибо за прием.
Спокойной ночи.

Дездемона

Вы наш гость желанный.

Отелло

Итак, идем? О Дездемона!

Дездемона

Да?

Отелло. Тотчас ложись в постель. Я сейчас приду. Отпусти Эмилию. Слышишь, сделай это.

Дездемона. Хорошо, господин мой.

Отелло, Лодовико и свита уходят.

Эмилия

Ну, как дела? Он с виду стал добрей.

Дездемона

Он говорит, пройдет ко мне с прогулки,
Велел мне лечь и отпустить тебя.

Эмилия

И отпустить меня?

Дездемона

Так он желает.
Поэтому достань ночной наряд,
Простись со мной, Эмилия, и выйди.
Перечить нам теперь ему нельзя.

Эмилия

Он лучше б в жизни вам не попадался.

Дездемона

О, что ты! Нет, я так его люблю,
Что даже эти резкости, упрямство,—
Вот тут, пожалуйста, мне отстегни,
Спасибо! — для меня имеют прелесть.

Эмилия

Постель я застелила тем бельем,
Как вы просили.

Дездемона

Если бы случилось,
Что я из нас бы первой умерла,
Ты в эту простыню меня закутай,
Как в саван.

Эмилия

Перестаньте! Это вздор!

Дездемона

У матери моей была служанка
Варвара. Друг ее, гулявший с ней,
Был ветрогоном и Варвару бросил.
Была у ней излюбленная песнь,
Старинная, под стать ее страданью,
Про иву, с ней она и умерла.
Вот эта ива у меня сегодня
Весь вечер не идет из головы.
Вот словно сяду, подопрусь рукою,
И, как Варвара, затяну.— Скорей.

Эмилия

Достать ночное платье?

Дездемона

Нет, не надо.
Еще вот тут булавку отколи.
Неплох собою этот Лодовико.

Эмилия

Красавец!

Дездемона

Интересно говорит.

Эмилия. Я знаю одну даму в Венеции, которая босиком спаломничала бы в Палестину за одно прикосновенье его нижней губы.

Дездемона *(поет)*

Несчастная крошка в слезах под кустом
Сидела одна у обрыва.

Затянемте ивушку, иву споем.
Ох, ива, зеленая ива.
У ног сиротинки плескался ручей.
Ох, ива, зеленая ива.
И камни смягчались от жалости к ней.
Ох, ива, зеленая ива.
Все это убери. И поскорей.
Сейчас придет он.
(Поет.)
Обидчика я...
Я что-то пропустила. Чу, стучат!

Эмилия

Нет, это ветер.

Дездемона *(поет)*

Обиды его помяну я добром.
Ох, ива, зеленая ива.
Сама виновата, терплю поделом.
Ох, ива, зеленая ива.

Не плачь, говорит он, не порть красоты.
Ох, ива, зеленая ива.
Я к женщинам шляюсь, шатайся и ты.
Ох, ива, зеленая ива.

Ну хорошо, ступай. Спокойной ночи.
Не знаю, что-то чешутся глаза.
К слезам, наверно?

Эмилия

Что вы!

Дездемона

Есть поверье.
Мужчины, ах, мужчины чудаки!
Скажи, Эмилия, ты допускаешь,
Что средь замужних женщин могут быть
Обманщицы такие?

Эмилия

Допускаю.

Дездемона

Могла бы ты в обмен на целый мир
Так поступить?

Эмилия

А вы б не поступили?

Дездемона

Как перед богом, я бы не могла!

Эмилия

Я тоже не могла бы перед богом.
Но где-нибудь в потемках — отчего ж!

Дездемона

Ты б изменила?

Эмилия

За такую плату?
За целый мир? Нешуточная вещь!
Огромный мир — не малость
За крошечную шалость.

Дездемона

Нет, неправда,
Ты б не могла.

Эмилия. Ей-богу бы, могла! Сама пала бы, сама поднялась. Конечно, я бы этого не сделала за какое-нибудь жалкое колечко, два-три куска батиста, платье там какое-нибудь, юбку, шляпу и тому подобный вздор. Но за целый мир! Какая из нас не захотела бы украсить мужа рогами и положить потом целый мир к его ногам! Ради этого я пошла бы в чистилище.

Дездемона

Проклятье мне, когда б могла я пасть
Хотя б за все сокровища вселенной!

Эмилия. Да вы сообразите, этот грех был бы частью вселенной, а вся она была бы вашей. В вашей воле было бы выдать это дело за что угодно другое.

Дездемона

Я думаю, таких изменниц нет.

Эмилия. Дюжины, и сколько хотите в придачу. Можете не беспокоиться, этого добра хватит.

Мне кажется, в грехопаденьях жен
Мужья повинны. Значит, не усердны,
Или расходуются на других,
Или неосновательно ревнуют,
Или стесняют волю, или бьют,
Или распоряжаются приданым.
Мы не овечки, можем отплатить.
Да будет ведомо мужьям, что жены
Такого же устройства, как они,
И точно так же чувствуют и видят.
Что кисло или сладко для мужчин,
То и для женщин кисло или сладко.

Когда он нас меняет на других,
Что движет им? Погоня за запретным?
По-видимому. Жажда перемен?
Да, это тоже. Или слабоволье?
Конечно, да. А разве нет у нас
Потребности в запретном или новом?
И разве волей мы сильнее их?
Вот пусть и не корят нас нашим злом.
В своих грехах мы с них пример берем.

Дездемона

Спокойной ночи. Я другого взгляда.
Пускай корят, я исправляться рада.

Уходят.

АКТ ПЯТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Кипр. Улица.

Входят Яго и Родриго.

Яго

Стань за колонну. Он сейчас пройдет.
Вынь меч и действуй разом, без раздумья.
Не унывай. Я буду за углом.
Смелее. Все поставлено на карту.
Мы выиграем или пропадем.

Родриго

Не уходи на случай неудачи.

Яго

Я буду рядом. Стань, где я сказал.
(Отходит в сторону.)

Родриго

Влеченья нет убить его. А надо —
Так Яго убедил меня. Ну что ж,
На свете будет меньше человеком.
(Становится за колонну.)

Яго

Родриго я, как прыщик, расчесал.
Он распалился. Кто кого заколет?
Он Кассио, иль Кассио его,
Или друг друга оба? Все на пользу.

Останется Родриго жив — изволь
Обратно отдавать ему подарки
Для Дездемоны. Этому не быть.
А уцелеет Кассио — любуйся
Век на его счастливую звезду
И на свое уродство. Так не будет.
К тому же мавр расскажет как-нибудь,
Как я оклеветал его. Опасно.
Он должен умереть. Вот он идет.

Входит Кассио.

Родриго

Его походка. Смерть тебе, бездельник!
(Бросается на Кассио.)

Кассио

Действительно пришел бы мне конец,
Когда б на мне не этот прочный панцирь.
Каков, посмотрим, твой.
(Ранит Родриго.)

Родриго

О, я убит!

Из засады выбегает Яго, наносит Кассио сзади удар в ногу и скрывается.

Кассио

Я искалечен навсегда. Убийство!
Убийство!
(Падает.)

В глубине показывается Отелло.

Отелло

Это Кассио кричит,
И Яго исполняет обещанье.

Родриго

О, я подлец!

Отелло

Да, ясно, это он.

Кассио

Огня! Врача! На помощь!

Отелло

Он, конечно!
Поборник чести, неподкупный друг,
Ты мне пример, суровый мститель Яго,

Как тверд в решеньях должен быть и я.
Лебедушка, любовник твой заколот.
Пора тебе за ним. Я не смягчусь
От вида твоего и все, тобою
Совершенное, твоею кровью смою.
(Уходит.)

Входят Лодовико и Грациано.

Кассио
Неужто ни живой души кругом?
Ни караульщиков, ни пешеходов?
Сюда! Скорей!

Грациано
Какая-то беда.
Ужасный крик.

Кассио
На помощь!

Лодовико
Вы слыхали?

Родриго
О негодяй!

Лодовико
По звуку голосов,
Здесь двое или трое. Без подмоги
Не подходите. Может быть, кричат,
Чтоб заманить нас в темноте в ловушку.

Родриго
Как, никого? Я кровью истеку!

Лодовико
Слыхали?

Возвращается Яго с факелом.

Грациано
Вот вооруженный кто-то,
С огнем, полураздетый.

Яго
Кто кричал?
Кто призывал на помощь? Где убийство?

Лодовико
Не знаем.

Яго
Вы не слышали?

Кассио
Сюда!
Сюда! Во имя неба! Помогите!

Яго

В чем дело?

Грациано

Кажется, я узнаю
Поручика Отелло.

Лодовико

Угадали.
Он молодец. Не струсит.

Яго

Кто кричал?
Откликнись!

Кассио

Яго, это ты? Я гибну.
Ночной разбой какой-то! Помоги!

Яго

О боже! Лейтенант? А где злодеи?
Удрали?

Кассио

Кажется, один из них
Лежит, не встанет.

Яго

Что за безобразье!
Где негодяи? Я им покажу!
(Лодовико и Грациано.)
А вы кто? Помогите.

Родриго

Помогите!

Кассио

Вот нападавший.

Яго

Подлый душегуб!
(Наносит Родриго удар кинжалом.)

Родриго

Предатель Яго! Лютый пес смердящий!

Яго

Подкалывать прохожих в темноте!
А где другие? Город словно вымер.
Убили человека! Вы-то кто?
С благими умыслами или злыми?

Лодовико

Всмотритесь лучше.

Яго

Лодовико, вы?

Лодовико

Я.

Яго

Виноват. На Кассио напали
Грабители.

Грациано

На Кассио?

Яго

Ну как?

Кассио

Мне ногу раздробили.

Яго

Боже правый!
Огня! Рубашкою перевяжу.

Входит Бианка.

Бианка

Кто звал на помощь? Что тут происходит?

Яго

Вот потерпевший.

Бианка

Кассио родной!
Мой Кассио! Мой Кассио родимый!

Яго

Заведомая уличная тварь.
У вас ни на кого нет подозрений?

Кассио

Ни на кого.

Грациано

Мне жалко, лейтенант,
Что застаю вас в этом положенье.
Я вас как раз разыскивал.

Яго

Никто
Не даст мне лоскутка для перевязки?
Достать носилки б и отнесть домой.

Бианка

Он в обмороке! Кассио!

Яго

Уверен,
Это эта дрянь — сообщница убийц.
Хочу исследовать другое тело.

Огня сюда. Кто это предо мной?
Никак, согражданин мой и приятель
Родриго? Мыслимо ли? Это он!

Грациано

Родриго из Венеции?

Яго

Он самый.

Вы знаете его?

Грациано

Да.

Яго

Виноват.

Грацьяно? Как же! Что за близорукость!
В переполохе я вас не узнал.

Грациано

Рад видеть вас.

Яго

Ну, Кассио, очнулись?

Носилки очень надо бы сюда.

Грациано

Родриго? Неужели?

Яго

К сожаленью.

А вот носилки.

Вносят носилки.

Милые друзья,
Снесите кто-нибудь поосторожней
Домой его, а я приду с врачом.
(Бианке.)
Сударыня, вам вредно волноваться.
Лежащий тут убитый, господа,
Был другом мне.— Что, Кассио, скажите,
Произошло меж вами?

Кассио

Ничего.

Я человека этого не знаю.

Яго *(Бианке)*

Вы побледнели? — Унесите труп.
Вниманье, господа.— Бледнеть не надо.—
Заметьте, как растеряна она.
Наверно, не с добра глаза таращит,

И скоро мы узнаем кое-что.
Виновность отражается во взгляде.
Дурная совесть говорит без слов.

Входит Эмилия.

Эмилия

Что тут случилось? Что случилось, Яго?

Яго

На Кассио напали в темноте
Родриго с кем-то. Все они бежали.
Он ранил Кассио, а сам убит.

Эмилия

Ах, бедный Кассио! Бедняк Родриго!

Яго

Смотри, вот плод распутства. Расспроси
У Кассио, где ужинал он нынче.
(Бианке.)
Трепещете?

Бианка

Он ужинал со мной,
Однако я не трепещу нисколько.

Яго

Он с вами был? Вас надо задержать.

Эмилия

Бессовестная шлюха!

Бианка

Я не шлюха,
А женщина такая же, как вы.
А вы крикунья.

Эмилия

Этакая наглость!

Яго

Друзья, пойдемте лучше последим
За перевязкой Кассио.
(Бианке.)
Пойдемте,
Потребуется показанья дать.
Эмилия, голубка, сбегай в замок,
Скажи им про ночной переполох.
(В сторону.)
Вперед! Сегодняшняя ночь, быть может,
Меня возвысит или уничтожит.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Спальня в замке.

Дездемона в постели. Горит свеча. Входит Отелло.

Отелло

Таков мой долг. Таков мой долг. Стыжусь
Назвать пред вами, девственные звезды,
Ее вину. Стереть ее с земли.
Я крови проливать ее не стану
И кожи не коснусь, белей чем снег
И глаже алебастра. И, однако,
Она умрет, чтоб больше не грешить.
Задую свет. Сперва свечу задую,
Потом ее. Когда я погашу
Светильник и об этом пожалею,
Не горе — можно вновь его зажечь,
Когда ж я угашу тебя, сиянье
Живого чуда, редкость без цены,
На свете не найдется Прометея,
Чтоб вновь тебя зажечь, как ты была.
Должна увянуть сорванная роза.
Как ты свежа, пока ты на кусте!
(Целует Дездемону.)
О чистота дыханья! Пред тобою
Готово правосудье онеметь.
Еще, еще раз. Будь такой по смерти.
Я задушу тебя — и от любви
Сойду с ума. Последний раз, последний.
Так мы не целовались никогда.
Я плачу и казню, совсем как небо,
Которое карает, возлюбив.
Она проснулась.

Дездемона

Это ты, Отелло?

Отелло

Да, Дездемона.

Дездемона

Ты не ляжешь спать?

Отелло

Ты перед сном молилась, Дездемона?

Дездемона

Да, дорогой мой.

Отелло

Если у тебя
Есть неотмоленное преступленье,
Молись скорей.

Дездемона

Что хочешь ты сказать?

Отелло

Молись скорее. Я не помешаю.
Я рядом подожду. Избави бог
Убить тебя, души не подготовив.

Дездемона

Ты о моем убийстве говоришь?

Отелло

Да, об убийстве.

Дездемона

Господи помилуй!

Отелло

Аминь всем сердцем!

Дездемона

После этих слов,
Я верю, ты губить меня не станешь.

Отелло

Гм!

Дездемона

Но ты меня пугаешь. Ты зловещ,
Когда вращаешь в бешенстве глазами,
И как я ни чиста перед тобой,
Мне страшно.

Отелло

О грехах своих подумай.

Дездемона

Единственный мой грех — любовь к тебе.

Отелло

За это ты умрешь.

Дездемона

Бесчеловечно
Отплачивать убийством за любовь!
Что ты кусаешь губы в исступленье?
Недобрый знак, но я его отнесть
К себе никак, никак не в состоянье.

Отелло

Молчи!

Дездемона

Молчу. Но что произошло?

Отелло

Ты подарила Кассио на память
Подарок мой, платок.

Дездемона

Неправда, нет.
Спроси у Кассио. Души спасеньем
Клянусь, что нет!

Отелло

Опомнись! Берегись!
Не будь клятвопреступницею. Это
Твой смертный одр.

Дездемона

Увы, как всякий одр
Когда-нибудь.

Отелло

Нет, ты умрешь сегодня.
Сейчас же исповедай все грехи.
Не отрицай их. Это не поможет.
Я знаю все. Хоть это свыше сил,
Но ты умрешь.

Дездемона

Тогда о сжалься, небо!

Отелло

Аминь, скажу я.

Дездемона

Пожалей и ты.
Я в жизни пред тобой не провинилась
И к Кассио питала только то,
Что чувствовать нас заповеди учат.

Отелло

Я видел сам платок в его руках.
Меня обман твой превращает в камень,
А эту искупительную смерть —
В закоренелой грешницы убийство.

Дездемона

Тогда он где-нибудь его нашел.
Платка ему я в жизни не давала.
Спроси, он подтвердит.

Отелло

Он подтвердил.

Дездемона
Что он сказал?
Отелло
Что был с тобой в сношенье.
Дездемона
Как! В незаконном?
Отелло
Да.
Дездемона
Не может быть!
Он повторить не сможет.
Отелло
Да. Не сможет.
Он смолк навек. Труд этот на себя
Взял честный Яго.
Дездемона
Оправдались страхи!
Я чувствовала! Кассио убит?
Отелло
Ему б не помогло, когда бы жизней
В нем было больше, чем волос.
Дездемона
Беда!
Он ложно оклеветан, я погибла.
Отелло
Распутница, как смеешь ты при мне
Рыдать о нем?
Дездемона
Сошли меня в изгнанье,
Но жить оставь!
Отелло
Обманщица, умри!
Дездемона
Дай эту ночь прожить! Отсрочь на сутки!
Отелло
Сопротивляться?!
Дездемона
Только полчаса!
Отелло
Нет. Поздно. Решено.
Дездемона
Еще минуту!
Дай помолиться!

Отелло

Поздно чересчур. *(Душит ее.)*

Эмилия *(за сценой)*

Впустите, генерал, меня! Впустите!

Отелло

За дверью шум. Жива! Еще жива?
Я — изувер, но все же милосерден
И долго мучиться тебе не дам.
Так. Так. *(Закалывает ее.)*

Эмилия *(за сценой)*

Впустите, генерал, меня! Впустите!

Отелло

Кто там?

Эмилия *(за сценой)*

Словечко только, генерал!

Отелло

Эмилия! Наверно, с сообщеньем
О смерти Кассио! Сейчас. Сейчас.
Теперь она не вздрагивает больше.
Прошелестело что-то. Тишина.
Теперь она недвижна, как могила.
Впустить ли мне Эмилию иль нет?
Мне кажется, опять пошевелилась.
Нет, показалось. Лучше не впускать.
Едва она войдет, как обратится
К моей жене. Жене? Какой жене?
Нет больше у меня жены на свете.
Какой доселе небывалый час!
Как будто в мире страшное затменье,
Луны и солнца нет, земля во тьме
И все колеблется от потрясенья.

Эмилия *(за сценой)*

Пожалуйста, впустите, генерал!
Мне срочно сообщить вам что-то надо.

Отелло

Эмилия. О ней я и забыл.
Сию минуту. Я задерну полог.
(Открывает дверь.)
Пожалуйста, войдите.

Входит Эмилия.

Эмилия

Генерал,
На улице убийство.

Отелло

Быть не может!

Когда? Сейчас?

Эмилия

Недавно, генерал.

Отелло

Влияние луны. Она, как видно,
Не в меру близко подошла к земле
И сводит всех с ума.

Эмилия

Венецианец,
По имени Родриго, умерщвлен
Рукою Кассио.

Отелло

Убит Родриго

И Кассио?

Эмилия

Нет, Кассьо не убит.

Отелло

Он жив? Напрасное кровопролитье!

Дездемона

Убили неповинно, без вины!

Эмилия

Чей это крик?

Отелло

Какой? Кричали разве?

Эмилия

О ужас! Это голос госпожи!
На помощь! Помогите! Помогите!
Скажите, Дездемона, что-нибудь!

Дездемона

Безвинно умираю.

Эмилия

Кто убийца?

Дездемона

Никто. Сама. Пускай мой муж меня
Не поминает лихом. Будь здорова.
(Умирает.)

Отелло

Кто это сделал?

Эмилия

Это скрыто тьмой.

«Отелло», акт пятый
А. Гончаров

Отелло

Вы слышали, никто, она сказала.

Эмилия

Да, госпожа сказала, что никто.

Отелло

За эту ложь ее сожгут в геенне.
Ее убийца я.

Эмилия

Тогда она
Тем больший ангел, чем ты больший дьявол.

Отелло

Она развратничала и лгала.

Эмилия

Нет, сам ты лжешь и на нее клевещешь!

Отелло

Она была коварна, как вода.

Эмилия

А ты безумен и горяч, как пламя.
Она была до святости верна.

Отелло

Ее любовник Кассио. Ты можешь
Спросить у мужа. Разве я б посмел
Расправиться без важных оснований?
За это ада было б мало мне
И глубочайшей бездны бездн. Все это
Установил твой муж.

Эмилия

Мой муж?

Отелло

Твой муж.

Эмилия

Сказал, что Дездемона изменяла?

Отелло

Да, с Кассио. Не эта бы беда,
Так я б на целый мир из хризолита
Не променял ее.

Эмилия

Мой муж?

Отелло

Ну да.
Он первый мне открыл глаза. Твой Яго
Высокой нравственности человек,
Враг мерзости.

Эмилия

Мой муж?

Отелло

Какая польза
В несчетном повторенье? Да, твой муж.

Эмилия

Ах, подлость насмеялась над любовью!
Мой муж приписывал неверность ей?

Отелло

Ты этих слов не понимаешь, что ли?
Ее проделки мне разоблачил
Твой муж и друг мой верный, верный Яго.

Эмилия

Ну, если сам ты на него не врешь,
Пускай его поганая душонка
Гниет века по полкрупинки в день.
Он страшный лжец! Она ценила слишком
Тебя, свое сокровище.

Отелло

Ха-ха!

Эмилия

Что ж, смейся и язви, любитель правды.
Ты так же мало понимаешь в ней,
Как оценить жены не в состоянье.

Отелло

Помалкивайте.

Эмилия

Ты мне не грози!
Ты мне не в состоянье сделать больше,
Чем я уже и так переношу.
Глупец, болван! Бесчувственный, как камень!
Что мне твой меч? Хоть двадцать раз убей,
Я обличу тебя. Сюда! На помощь!
На помощь! Мавр убил свою жену!
Убийство! Люди добрые, убийство!

Входят Монтано, Грациано, Яго и другие

Монтано

В чем дело, генерал?

Эмилия

Ты подоспел
Удачно, Яго. Что ж ты позволяешь
Другим валить убийство на тебя?

Грациано
В чем дело?
Эмилия
Яго, если ты мужчина,
То опровергни выдумки лжеца.
Он говорит, что ты его уверил
В измене Дездемоны. Это ложь.
Ты на такую подлость не способен.
Изобличи при всех клеветника.
Яго
Я то сказал, что думал, и не больше,
Чем он потом проверил.
Эмилия
Ты сказал,
Что Дездемона изменяет браку?
Яго
Сказал.
Эмилия
Так ты сказал сплошную ложь,
Заведомую ложь, как перед богом!
Она — и Кассио! Ты не шутя
Любовником к ней Кассио припутал?
Яго
Да, Кассио. Язык свой прикуси!
Эмилия
Не прикушу. Мой долг — сказать вам правду.
Не шутка это. Госпожа моя.
Лежит убитая в своей постели.
Монтано и Грациано
Помилуй бог!
Эмилия
И твой навет виной.
Отелло
Не стойте в изумленье. Это правда.
Грациано
Чудовищная правда!
Монтано
Страшный сон!
Эмилия
Какая подлость, низость! Неотступно
Все время мысль одна меня сверлит.
Я что-то вспоминаю, вспоминаю,

Так точно я и думала тогда.
Мне жить не хочется, такая подлость!

Яго

Ты очумела? Уходи домой!

Эмилия

Вступитесь, господа! Бывало, мужа
Я слушалась, но больше не должна.
Я все скажу. Домой, быть может, Яго,
Я больше никогда не попаду.

Отелло

О! О! О! О! *(Падает на постель.)*

Эмилия

Кричи, катайся, падай.
Ты умертвил чистейшую из всех,
Кого знал мир.

Отелло *(поднимаясь)*

Она была распутна.—
Вы это, дядя? Я вас не узнал.
Вот мертвая племянница пред вами.
Я задушил ее. Я знаю сам,
Как это страшно и невероятно.

Грациано

Бедняжка Дездемона! Хорошо,
Что умер твой отец. Твой выход замуж
Свел в гроб его. И если б он был жив,
Он перед этим зрелищем от горя
Наговорил таких бы богохульств,
Что умер бы, забытый провиденьем.

Отелло

Смертельная тоска! Нельзя глядеть!
Но Яго выяснил. Она без счету
Распутничала с Кассьо. Лейтенант
Признался сам. Я знак ее вниманья
Видал в его руках. Тот самый знак,
Который я ей подарил на свадьбу,—
Платок отца, дар матери моей.

Эмилия

О силы неба!

Яго

Замолчи, ты слышишь?

Эмилия

Не замолчу! Скажу все до конца.
Пусть речь моя шумит, как вольный ветер.

Теперь уже ни человек, ни зверь,
Ничто, ничто меня не остановит!

Яго

Опомнись! Уходи!

Эмилия

Я не уйду!

Яго пытается заколоть Эмилию.

Грациано

Позор! С мечом на женщину бросаться!

Эмилия

Пустоголовый мавр, я на полу
Нашла платок и показала Яго.
Он все просил меня его украсть,
Вот я и отдала ему находку.

Яго

Бесстыжая, молчи!

Эмилия

А ты решил,
Что у него платок от Дездемоны?
Ошибся. Я нашла, а Яго взял.

Яго

Ты лжешь, мерзавка!

Эмилия

Нет, не лгу, неправда.
Все это так и было, господа.
Ах, черт слепой! Но что и было делать
С такой женой такому дураку?

Отелло

Как терпит небо? Нет громов в запасе?
Какой неописуемый злодей!

Отелло пытается заколоть Яго, но Монтано обезоруживает его. Яго убивает Эмилию и убегает.

Грациано

Упала. Он убил свою жену!

Эмилия

Кончаюсь... С госпожою положите...

Грациано

Убил и в суматохе убежал.

Монтано

Невиданный подлец! Вооружитесь
Мечом, который я у мавра взял,

И охраняйте выход. Не пускайте
Его за дверь, хотя б пришлось убить,
Я брошусь за разбойником в погоню.

Уходят все, кроме Отелло и Эмилии.

Отелло

Я присмирел. Любой молокосос
Теперь меня обезоружить может.
Но можно ль честь блюсти без правоты?
Не стало правды, пусть и всё уходит.

Эмилия

Вот почему ты пела, госпожа!
Я тоже кончусь с лебединой песнью
И тоже иву-ивушку спою.
Она была чиста, кровавый мавр.
Она тебя любила, мавр жестокий.
Душой клянусь, я правду говорю
И с этим умираю, умираю.
(Умирает.)

Отелло

Был в комнате другой в запасе меч.
Он закален в ручье, как лед холодном.
Вот он. Пустите, дядя. Я пройду.

Грациано *(за сценой)*

И не пытайся. Дорого заплатишь.
Ты без оружия и покорись.

Отелло

Тогда войдите, я скажу вам что-то.
А то и безоружный я прорвусь.

Входит Грациано.

Грациано

Ну, что ты скажешь?

Отелло

Я не безоружен.
Вы видите, вот меч, из всех мечей,
Бывавших у солдата, наилучший.
Бывало, я прокладывал им путь
Сквозь лес препятствий пострашнее ваших.
Но что же я хвалюсь? Теперь не то.
Кто управляет собственной судьбою?
Я не опасен, хоть вооружен.

Все пройдено, я у конечной цели.
Зачем вы в страхе пятитесь назад?
Тростинкой преградите путь Отелло,
И он свернет. Куда ему идти?
О девочка с несчастною звездою!
Ты сделалась бледнее полотна.
Когда-нибудь, когда нас в день расплаты
Введут на суд, один лишь этот взгляд
Меня низринет с неба в дым и пламя.
Похолодела. Холодна, как лед.
Как чистота сама. Убийца низкий!
Плетьми гоните, бесы, прочь меня
От этого небесного виденья!
Купайте в безднах жидкого огня!
О горе! Дездемона! Дездемона!
Мертва! О! О! О! О!

Входят Лодовико и другие.
Кассио вносят на носилках, вводят арестованного Яго.

Лодовико
Где этот пылкий бедный человек?

Отелло
Который был Отелло? Я пред вами.

Лодовико
А где ехидна эта? Подвести
Сюда злодея.

Отелло
Я копыт не вижу.
Наверно, сказки. Если это черт,
Убить его мечом мне не удастся.
(Ранит Яго.)

Лодовико
Взять у него оружье.

Яго
Я в крови,
Но жив еще.

Отелло
Об этом не жалею.
Живи в мученьях. Счастье умереть.

Лодовико
Такой когда-то доблестный Отелло,
Который стал игрушкой подлеца,
Как мне назвать тебя?

Отелло

Как вам угодно.
Убийцей честным... Я не в гневе мстил,
А жертву чести приносил, как думал.

Лодовико

Я знаю. Этот изверг все сказал.
Вы также Кассио убить хотели?

Отелло

Да.

Кассио

К чему я повода не подавал.

Отелло

Простите. Вижу, как я ошибался.
А этому исчадью сатаны
Нельзя ль задать вопрос, с какой он целью
Моей душой и телом овладел?

Яго

Все сказано. Я отвечать не стану
И не открою рта.

Лодовико

И для молитв
В последний час?

Грациано

Мы пыткой рот откроем.

Отелло

Вот именно.

Лодовико

Узнайте, генерал,
Подробности. В кармане у Родриго
Нашли письмо от Яго. Совершить
Убийство Кассьо должен был Родриго
По наущенью Яго.

Отелло

Негодяй!

Кассио

Немыслимый!

Лодовико

А вот письмо другое.
Его писал Родриго. В нем отказ
От покушенья и других проделок,
Внушенных Яго. Данное письмо
Осталось неотосланным. Мошенник
Уговорил Родриго.

Отелло

Демон зла!
Скажите, Кассио, как очутился
У вас в руках платок моей жены?

Кассио

Платок нашел я у себя в квартире,
А, как признался Яго, он ко мне
Платок подбросил с тем, чтоб он попался
Потом вам на глаза.

Отелло

О я глупец!
О я глупец!

Кассио

В своем письме Родриго
Пеняет Яго, для чего в ту ночь
Он к ссоре подстрекал его со мною,—
За что я и уволен. А сейчас
Лежавший долго замертво Родриго
Очнулся и пред смертью показал,
Что Яго же его и уничтожил.
Навел на грех, а после заколол.

Лодовико

Оставьте этот дом, Отелло, с нами
Пойдемте. Знайте, вы отрешены
От должности. Правителем на Кипре
Назначен Кассио. Что до раба
До этого, он будет предан казни,
Какую только можно изобресть,
Чтоб долго мучить и убить не скоро.
Вас нам придется взять под караул
На весь тот срок, пока мы не доложим
О вашем преступлении в сенат.
Пойдемте. Выведите заключенных.

Отелло

Сперва позвольте слово или два,
Потом пойдем. Я оказал услуги
Венеции. Но это знают все.
Речь не о том, я вот с какою просьбой:
Когда вы будете писать в сенат
Об этих бедах, не изображайте
Меня не тем, что есть. Не надо класть
Густых теней, смягчать не надо красок.
Вы скажете, что этот человек

Любил без меры и благоразумья,
Был не легко ревнив, но в буре чувств
Впал в бешенство. Что был он, как дикарь,
Который поднял собственной рукою
И выбросил жемчужину, ценней,
Чем край его. Что, в жизни слез не ведав,
Он льет их, как целебную смолу
Роняют аравийские деревья.
Прибавьте к сказанному: как-то раз
В Алеппо турок бил венецианца
И поносил сенат. Я подошел,
За горло взял обрезанца-собаку
И заколол. Вот так.

(Закалывается.)

Лодовико

Всему конец.

Грациано

Я потрясен!

Отелло

С прощальным поцелуем
Я отнял жизнь твою и сам умру,
Пав с поцелуем к твоему одру.
(Падает на постель и умирает.)

Кассио

Я опасался этого, но думал,
Что он разоружен. Он был во всем
Большой души.

Лодовико *(Яго)*

Спартанская собака,
Что буря, мор и голод пред тобой?
Взгляни на страшный груз постели этой.
Твоя работа. Силы нет смотреть!
Укройте их. Займите дом, Грацьяно.
Вступите во владенье всем добром,
Оставшимся от мавра. Вы наследник.

(Кассио)

Вам, господин правитель, отдаю
Судить злодея. Выберите кару,
Назначьте день и совершите казнь.
А я про эту горькую утрату
С тяжелым сердцем доложу сенату.

Уходят.

КОРОЛЬ ЛИР

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лир, король Британии.
Король Французский.
Герцог Бургундский.
Герцог Корнуэльский (Корнуол).
Герцог Альбанский (Олбени).
Граф Кент.
Граф Глостер.
Эдгар, сын Глостера.
Эдмунд, побочный сын Глостера.
Куран, придворный.
Старик, арендатор у Глостера.
Врач.
Шут.
Освальд, дворецкий Гонерильи.
Офицер на службе у Эдмунда.
Придворный из свиты Корделии.
Герольд.
Слуги Корнуола.
Гонерилья, Регана, Корделия } дочери Лира.
Рыцари из свиты Лира, офицеры, гонцы, солдаты и придворные.

Место действия — Британия. Время действия — легендарно относимое к IX веку до нашей эры (3105 год от сотворения мира, по Голиншеду).

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Тронный зал во дворце короля Лира.

Входят Кент, Глостер и Эдмунд.

Кент. Я думал, что герцог Альбанский нравится королю больше герцога Корнуэльского.

Глостер. Так нам всегда казалось. Но теперь, перед разделом королевства, стало неясно, кого он любит больше. Части так выравнены, что при самом внимательном разборе нельзя сказать, какая лучше.

Кент. Это ваш сын, милорд?

Глостер. Я причастен, сэр, к его рожденью. Я так часто краснел, признаваясь в этом, что постепенно перестал смущаться.

Кент. Я не понимаю вас.

Глостер. Зато мать этого молодца поняла меня с первого взгляда и получила сына в люльку раньше, чем мужа в дом. Вы меня осуждаете?

Кент. Нет, если в итоге получился такой бравый малый.

Глостер. У меня есть законный сын, сэр, на год с чем-то старше этого, который тем не менее ничуть мне не дороже. Хотя этот сорванец явился на свет без приглашения, мать его была красавица. Его рождению предшествовало много радостей, и я вынужден признать себя его отцом.— Знаешь ты, кто этот благородный господин, Эдмунд?

Эдмунд. Нет, милорд.

Глостер. Это Кент. Помни и уважай графа. Это достойнейший друг мой.

Эдмунд. Рад буду служить вашей светлости.

Кент. Обещаю вам свою любовь, когда узнаю покороче.

Эдмунд. Постараюсь заслужить ее, сэр.

Глостер. Он девять лет был в отъезде и скоро опять уедет... Сюда идет король.

Трубы за сценой.

Входят Лир, герцог Корнуэльский, герцог Альбанский, Гонерилья, Регана, Корделия и свита.

Лир

Сходи за королем Французским, Глостер,
И герцогом Бургундским.

Глостер

Хорошо,
Мой государь.

Глостер и Эдмунд уходят.

Лир

А мы вас посвятим
В заветные решенья наши глубже.
Подайте карту мне. Узнайте все:
Мы разделили край наш на три части.
Ярмо забот мы с наших дряхлых плеч
Хотим переложить на молодые
И доплестись до гроба налегке.
Сын Ко́рнуол наш, и ты, любимый столь же
Сын Олбени, сейчас мы огласим,
Что мы даем за дочерьми, чтоб ныне
Предупредить об этом всякий спор.
Король Французский и Бургундский герцог,
Два знатных соискателя руки
Меньшой из дочек, тоже ждут ответа.
И так как мы с себя слагаем власть,
Права на землю и правленье краем,
Скажите, дочери, мне, кто из вас
Нас любит больше, чтобы при разделе
Могли мы нашу щедрость проявить
В прямом согласье с вашею заслугой.
Ты, Гонерилья, первой говори.

Гонерилья

Моей любви не выразить словами.

Вы мне милей, чем воздух, свет очей,
Ценней богатств и всех сокровищ мира,
Здоровья, жизни, чести, красоты.
Я вас люблю, как не любили дети
Доныне никогда своих отцов.
Язык немеет от такого чувства,
И от него захватывает дух.

Корделия *(в сторону)*

А что Корделии сказать? Ни слова.
Любить безгласно.

Лир

Отдаем тебе
Весь этот край от той черты до этой,
С лесною тенью, полноводьем рек,
Полями и лугами. Им отныне
Владей навек с супругом и детьми.
Что скажет нам вторая дочь — Регана,
Жена Корнуóла? Говори, дитя.

Регана

Отец, сестра и я одной породы,
И нам одна цена. Ее ответ
Содержит все, что б я сама сказала,
С той небольшою разницей, что я
Не знаю радостей других, помимо
Моей большой любви к вам, государь.

Корделия *(в сторону)*

О, как бедна я! Нет, я не бедна —
Любовью я богаче, чем словами.

Лир

Даем тебе с потомством эту треть
В прекрасном нашем королевстве. Ширью,
Красой и плодородьем эта часть
Ничуть не хуже, чем у Гонерильи.
Что скажет нам меньшая дочь, ничуть
Любимая не меньше, радость наша,
По милости которой молоко
Бургундии с лозой французской в споре?
Что скажешь ты, чтоб заручиться долей
Обширнее, чем сестрины? Скажи.

Корделия

Ничего, милорд.

Лир

Ничего?

Корделия

Ничего.

Лир

Из ничего не выйдет ничего.
Так объяснись.

Корделия

К несчастью, не умею
Высказываться вслух. Я вас люблю,
Как долг велит, не больше и не меньше.

Лир

Корделия, опомнись и исправь
Ответ, чтоб после не жалеть об этом.

Корделия

Вы дали жизнь мне, добрый государь,
Растили и любили. В благодарность
Я тем же вам плачу: люблю вас, чту
И слушаюсь. На что супруги сестрам,
Когда они вас любят одного?
Наверное, когда я выйду замуж,
Часть нежности, заботы и любви
Я мужу передам. Я в брак не стану
Вступать, как сестры, чтоб любить отца.

Лир

Ты говоришь от сердца?

Корделия

Да, милорд.

Лир

Так молода — и так черства душой?

Корделия

Так молода, милорд, и прямодушна.

Лир

Вот и бери ты эту прямоту
В приданое. Священным светом солнца,
И тайнами Гекаты, тьмой ночной,
И звездами, благодаря которым
Родимся мы и жить перестаем,
Клянусь, что всенародно отрекаюсь
От близости, отеческих забот
И кровного родства с тобой. Отныне
Ты мне навек чужая. Грубый скиф
Или дикарь, который пожирает
Свое потомство, будут мне милей,
Чем ты, былая дочь.

Кент

Мой государь!

Лир

Ни слова, Кент! Не суйся меж драконом
И яростью его.— Я больше всех
Любил ее и думал дней остаток
Провесть у ней.— Ступай! Прочь с глаз моих!
Клянусь покоем будущим в могиле,
Я разрываю связь с ней навсегда.
Я посылал за королем Французским.
Вы слышите? Бургундский герцог где?
Что вы стоите? Не слыхали, что ли? —
Корнуóл и Олбени, к своим частям
Прибавьте эту треть. Пускай гордыня,
В которой чудится ей прямота,
Сама ей ищет мужа. Облекаю
Обоих вас всей полнотою прав,
Присущих высшей власти. Жить я буду
По месяцу у каждого из вас
Поочередно и зачислю в свиту
Сто рыцарей себе. Мне с этих пор
Останется лишь королевский титул,
А пользованье выгодами, власть,
Доход с земель и воинскую силу
Предоставляю вам, в залог чего
Даю вам разделить мою корону.

(Отдает им корону.)

Кент

Великий Лир, в ком чтил я короля,
Любил отца и слушал господина,
Кому я поклонялся...

Лир

Берегись!
Ты видишь, лук натянут. Прочь с дороги!

Кент

Стреляй, не бойся прострелить мне грудь.
Кент будет груб, покамест Лир безумен.
А ты как думал, взбалмошный старик?
Что рядом с лестью смолкнет откровенность?
Нет, честность более еще нужна,
Когда монарх впадает в безрассудство.
Не отдавай престола. Подави
Свою горячность. Я ручаюсь жизнью —

Любовь Корделии не меньше их.
Совсем не знак бездушья — молчаливость.
Гремит лишь то, что пусто изнутри.

Лир

Ты шутишь жизнью, Кент.

Кент

Своею жизнью
Играл не раз я на войне с врагом
И снова для тебя играю ею.

Лир

Прочь с глаз моих!

Кент

Открой их шире, Лир,
И приглядись внимательнее к другу.

Лир

Свидетель Аполлон...

Кент

Да, Аполлон —
Свидетель, что напрасно ты клянешься.

Лир

Подлец! Изменник!
(Хватается за меч.)

Олбени и Корнуол

Полно, государь!

Кент

Убей врача, а плату за леченье
Отдай болезни. Отмени приказ,
А то, пока дышу, твердить я буду:
Недоброе задумал.

Лир

Низкий раб!
Твоей присягой заклинаю, слушай!
Ты убеждал нас слову изменить,
Чего за нами раньше не водилось.
Ты волю нашу с мыслью разлучал,
Что не мирится с нашею природой.
Так вот тебе за это. Мы даем
Пять дней тебе на то, чтоб ты запасся
Всем, что потребует далекий путь,
И на шестой покинул королевство.
Знай: если на десятый день найдут
Тебя у нас, ты будешь предан смерти.

Ступай. Решенья я не отменю,
Клянусь Юпитером.

Кент

Прощай, король.
Раз дома нет узды твоей гордыне,
То ссылка — здесь, а воля — на чужбине.
(Корделии.)
Дитя, я за тебя богов молю.
Ты честно отвечала королю.
(Регане и Гонерилье.)
Пускай слова вас к действиям обяжут
И вашу преданность дела докажут.
(Всем остальным.)
Уходит Кент куда глаза глядят,
На новом месте жить на старый лад.
(Уходит.)

Трубы.

Возвращаются Глостер с королем Французским, герцогом Бургундским и свитой.

Глостер

Король и герцог здесь, мой государь.

Лир

Мой герцог, с вас начнем переговоры.
Вы сватаетесь с этим королем
За нашу дочь. Каким предельно малым
Приданым мог бы я вам угодить,
Чтоб вы от сватовства не отказались?

Герцог Бургундский

Предложенным, и только, государь,
А меньше вы и сами не дадите.

Лир

Мы, герцог, раньше дорожили ей.
Не то теперь. Ее цена упала.
Она пред вами. Если что-нибудь
Вам в маленькой притворщице по вкусу,
Тогда берите всю ее, как есть,
С немилостию нашею в придачу.

Герцог Бургундский

Что мне сказать?

Лир

Готовы ли вы взять
Ее без средств, предмет опалы нашей,

С проклятьем за душою, без друзей,
Иль вынуждены будете оставить?

Герцог Бургундский

Простите, благородный государь,
Мне путь отрезан при таком условье.

Лир

Оставьте же ее. Поверьте мне,
Я перечислил все ее богатства.
(Французскому королю.)
За вас я сам, возлюбленный король,
Не выдам той, кого я ненавижу.
Найдите спутницу себе взамен
Ничтожной этой твари, от которой
Природа отшатнулась со стыдом.

Король Французский

Как странно! Дочь, которая недавно
Была кумиром, верхом совершенств,
Любимицей отца, свершила что-то
Такое небывалое, что вмиг
Лишилась вашей ласки. Вероятно,
Ее вина чудовищно тяжка
Иль вы ее любили слишком мало.
Все против этой мысли восстает,
И нужно чудо, чтобы я поверил.

Корделия

Но, государь мой, если мой позор
Лишь в том, что я не льщу из лицемерья,
Что на ветер я не бросаю слов
И делаю добро без обещаний,
Прошу вас, сами объясните всем,
Что не убийство, не пятно порока,
Не нравственная грязь, не подлый шаг
Меня так уронили в вашем мненье,
Но то как раз, что я в себе ценю:
Отсутствие умильности во взоре
И льстивости в устах; что мне в вину
Вменяется не промах, а заслуга.

Лир

Ты лучше не являлась бы на свет,
Чем раздражать меня!

Король Французский

Так вот в чем горе!
В пугливой целомудренности чувств,

Стыдящихся огласки? Как вы, герцог?
Что скажете? Лишь та любовь — любовь,
Которая чуждается расчета.
Вы женитесь на ней? Она сама
Дороже всех приданых.

Герцог Бургундский

Лир, отдайте
Корделии обещанную часть,
И я ее сейчас же объявляю
Бургундской герцогиней.

Лир

Я сказал,
Что не отдам. Я клятв не изменяю.

Герцог Бургундский

Жаль, но тогда с отцом вы жениха
Утратили.

Корделия

Ну что ж, бог с вами, герцог:
Не я вас привлекала, а корысть.

Король Французский

Корделия, лишенная наследства,
Твое богатство — в бедности твоей.
Отверженная, я завладеваю
Тобой, мечта и драгоценный клад,
Как подбирают брошенные вещи.
О боги, боги, в этом униженье
Я лишь люблю ее неизреченней.
Приданого лишенная пристрастно,
Будь королевой Франции прекрасной.
Я этот перл бургундским господам
За многоводный край их не отдам.
Корделия, простись с двором суровым.
Ты лучший мир найдешь под новым кровом.

Лир

Она твоя, король. Иди с ней прочь,
Нам с ней не жить. Она не наша дочь.
Ступай от нас без ласкового слова
И без благословения отцова.
Пойдемте, герцог.

Лир, герцоги Бургундский, Корнуэльский, Альбанский, Глостер и свита уходят.

Король Французский

С сестрами простись.

Корделия

Отцовские сокровища, в слезах
Иду от вас. Я ваши свойства знаю,
Но, вас щадя, не буду называть.
Смотрите за отцом. Его с тревогой
Вверяю вашей показной любви.
Не эта бы нежданная опала,
Отцу приют я б лучший подыскала.
Прощайте, сестры.

Регана

Просим не учить.

Гонерилья

Учись сама, как угождать супругу,
Который взял из милости тебя.
За спор с отцом судьба тебя с годами
В замужестве накажет неладами.

Корделия

Как люди ни хитри, пора приходит —
И все на воду свежую выводит.
Прощайте.

Король Французский

Милая Корделия, идем.

Король Французский и Корделия уходят.

Гонерилья. Сестра, надо поговорить. У нас много общих дел, касающихся нас обеих. Кажется, отец решил выехать сегодня же.

Регана. Да. И, кажется, к тебе. А на следующий месяц — ко мне.

Гонерилья. Видишь, как он взбалмошен. Как тебе нравится то, что произошло? Невольно призадумаешься. И это с сестрой, которую он всегда любил больше нас!

Регана. Это у него от возраста. Хотя он и раньше плохо владел собой.

Гонерилья. Он был сумасбродом в лучшие свои годы. Теперь к его привычному своеволию прибавятся вспышки старческой раздражительности.

Регана. Когда-нибудь и нам попадет, как этому Кенту. Вдруг взять и изгнать его!

Гонерилья. Или вроде его прощания с Французским

королем. Давай держаться сообща. Если власть отца останется в силе, его сегодняшнее отречение при таком характере ничего не даст, кроме неприятностей.

Регана. Надо хорошенько подумать.

Гонерилья. И что-нибудь предпринять. Не откладывая.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Зал в замке графа Глостера.

Входит Эдмунд с письмом в руке.

Эдмунд

Природа, ты моя богиня! В жизни
Я лишь тебе послушен. Я отверг
Проклятье предрассудков и правами
Не поступлюсь, пусть младше я, чем брат.
Побочный сын! Что значит сын побочный?
Не крепче ль я и краше сыновей
Иных почтенных матерей семейства?
За что же нам колоть глаза стыдом?
И в чем тут стыд? В том, что свежей и ярче
Передают наследственность тайком,
Чем на прискучившем законном ложе,
Основывая целый род глупцов
Меж сном и бденьем? Да, Эдгар законный,
Твоей землей хочу я завладеть.
Любовь отца к внебрачному Эдмунду
Не меньше, чем к тебе, законный брат.
Какое слово странное: «законный»!
Ну ладно, мой законный. Вот письмо,
И если мой подлог сойдет успешно,
Эдмунд незнатный знатного столкнет.
Я в цвете сил. Я подымаюсь в гору.
Храните, боги, незаконных впредь!

Входит Глостер.

Глостер

Отправил в ссылку Кента! С королем
Французским не простился и повздорил!
Покинул двор! Отрекся от венца
Внезапно, под влиянием минуты! —
Ну что, какие новости, Эдмунд?

Эдмунд. Никаких, милорд. *(Прячет письмо.)*

Глостер. Отчего ты так торопливо спрятал это письмо?

Эдмунд. Я не слыхал никаких новостей, милорд.

Глостер. Что это за бумагу читал ты сейчас?

Эдмунд. Я ничего не читал, милорд.

Глостер. Ничего не читал? Что же в таком случае ты спрятал так торопливо в карман? Дай мне листок. Если в нем нет ничего, я это и без очков увижу.

Эдмунд. Сэр, простите меня. Это письмо от моего брата. Я еще не дочитал его до конца. Но, судя по тому, что я успел разобрать, вам лучше не читать его.

Глостер. Дай мне письмо.

Эдмунд. Покажу ли я вам его или нет, я поступлю одинаково дурно. Судя по его содержанию, это письмо нехорошее.

Глостер. Посмотрим, посмотрим...

Эдмунд. К чести брата, хочу верить, что он написал мне в таком духе, только чтобы испытать меня.

Глостер *(читает)* «Это почитание старости отравляет нам лучшие годы нашей жизни и отдает деньги в наши руки слишком поздно, когда по дряхлости мы уже не можем воспользоваться ими в свое удовольствие. Я склоняюсь к убеждению, что тиранство стариков — бесполезный предрассудок, властвующий над нами только потому, что мы его терпим. Встретимся и поговорим поподробнее. Если бы отец мог уснуть и не просыпаться, пока я не разбужу его, тебе досталась бы половина его доходов и постоянная любовь твоего брата Эдгара». Что это? Заговор? «...уснуть и не просыпаться... тебе досталась бы половина его доходов». И это мой сын Эдгар! И у него рука поднялась вывести эти буквы! Сердце его ютило такие мысли!.. Когда ты получил это? Кто принес тебе это письмо?

Эдмунд. В том-то и дело, милорд, что никто. Его бросили мне в окно.

Глостер. Это почерк твоего брата?

Эдмунд. Если бы письмо было хорошее, у меня на этот счет не было бы никаких сомнений. Но в таком письме его почерк кажется мне сомнительным.

Глостер. Это его почерк.

Эдмунд. Это писано его рукою, но его сердце в этом не участвовало.

Глостер. Раньше он никогда не высказывал тебе подобных соображений?

Эдмунд. Никогда. Но он часто выражал мнение, что совершеннолетние сыновья должны были бы опекать стареющих отцов и управлять их имуществом.

Глостер. Вот негодяй, вот негодяй! Те же самые мысли, что в письме! Отвратительный негодяй! Подлое, бесчувственное животное! Хуже, чем животное!.. Ступай, голубчик, разыщи его. Я засажу его под замок. Чудовищный негодяй! Где он?

Эдмунд. Не знаю, милорд. Но вот что я вам скажу: сдержите ваше негодование, пока у вас не будет более веских доказательств. Это будет правильно. Если же вы начнете действовать силою, не будучи правы, это запятнает вашу честь и окончательно подорвет его привязанность к вам. Я готов ручаться жизнью, что все это он написал, только чтобы проверить, насколько я люблю вас, и ни для чего другого, уверяю вас.

Глостер. Ты так думаешь?

Эдмунд. Я помогу вам в этом удостовериться. Если хотите, я вас поставлю в таком месте, где вы сможете подслушать наши разговоры. Это можно сделать не дальше как сегодня вечером.

Глостер. Он не может быть таким извергом.

Эдмунд. Конечно, нет.

Глостер. По отношению к отцу, который любит его с такою нежностью и силой! Земля и небо! — Эдмунд, вкрадись в его доверие, выведи его на чистую воду. Сделай это ради меня. Я все готов отдать, чтобы узнать правду.

Эдмунд. Я пойду сейчас искать его, наведу на разговор о письме и обо всем дам вам знать.

Глостер. Вот они, эти недавние затмения, солнечное и лунное! Они не предвещают ничего хорошего. Что бы ни говорили об этом ученые, природа чувствует на себе их последствия. Любовь остывает, слабеет дружба, везде братоубийственная рознь. В городах мятежи, в деревнях раздоры, во дворцах измены, и рушится семейная связь между родителями и детьми. Либо это случай, как со мною, когда сын восстает на отца. Либо как с королем. Это другой пример. Тут отец идет против родного детища. Наше лучшее время миновало. Ожесточение, предательство, гибельные беспорядки будут сопровождать нас до могилы. Изобличи этого мерзавца, Эдмунд. Ты об этом не пожалеешь. Постарайся, пожалуйста.— Или вот еще пример. Благородный Кент изгнан. За что? Только за то, что он честен. Удивительно! *(Уходит.)*

Эдмунд. Вот так всегда. Как это глупо! Когда мы сами портим и коверкаем себе жизнь, обожравшись благополучием, мы приписываем наши несчастья солнцу, луне и звездам. Можно, правда, подумать, будто мы дураки по произволению небес, мошенники, воры и предатели вследствие атмосферичe-

ского воздействия, пьяницы, лгуны и развратники под непреодолимым давлением планет. В оправдание всего плохого у нас имеются сверхъестественные объяснения. Великолепная увертка человеческой распущенности — всякую вину свою сваливать на звезды! Отец проказничал с матерью под созвездием Дракона. Я родился на свет под знаком Большой Медведицы. Отсюда следует, что я должен быть груб и развратен. Какой вздор! Я то, что я есть, и был бы тем же самым, если бы самая целомудренная звезда мерцала над моей колыбелью... Вот идет Эдгар. Он является как нельзя более вовремя, подобно развязке в старинной комедии. Напущу на себя грусть вроде полоумного Тома из Бедлама.

Входит Эдгар.

О, эти затмения — предвестия будущих раздоров! Фа, соль, ля, ми...

Эдгар. Ну как, брат Эдмунд? Ты занят серьезными размышлениями?

Эдмунд. Я задумался, брат, над событиями, которые, как я читал, должны произойти вслед за недавними затмениями.

Эдгар. Вот ты чем занимаешься!

Эдмунд. Уверяю тебя, предсказания, о которых я прочел, к несчастию, сбываются. Извращаются отношения между детьми и родителями, наступает мор, дороговизна, всеобщая вражда. Государство раздирают междоусобицы, народ угрожает королю и знати, возникает подозрительность, друзья отправляются в изгнание, армия разваливается, супруги изменяют друг другу и прочая и прочая.

Эдгар. С каких пор записался ты в астрономы?

Эдмунд. Оставим это. Лучше скажи мне, когда ты виделся с отцом в последний раз?

Эдгар. Вчера вечером.

Эдмунд. Ты говорил с ним?

Эдгар. Да, два часа подряд.

Эдмунд. Вы расстались по-хорошему? Ты не заметил в нем какого-нибудь неудовольствия, когда он говорил и смотрел на тебя?

Эдгар. Ни малейшего.

Эдмунд. Припомни хорошенько, чем ты мог задеть его, и, ради всего святого, не попадайся ему на глаза некоторое время, пока он не успокоится. Сейчас он клянет тебя на чем свет стоит и готов разорвать тебя на части от гнева.

Эдгар. Какой-нибудь мерзавец оклеветал меня.

Эдмунд. Я тоже боюсь этого. Прошу тебя, соблюдай осторожность, пока его ярость не уляжется. И знаешь что: я дам тебе убежище в своей комнате, откуда ты сможешь удобно подслушать, что скажет отец. Ступай туда. Вот тебе ключ. Если вздумаешь отлучиться на улицу, бери оружие.

Эдгар. Оружие?

Эдмунд. Слушай, брат, это для твоей пользы. Честное слово, у него что-то недоброе на уме против тебя. То, что я рассказал тебе,— ничто по сравнению с действительностью. Прошу тебя, уходи, пожалуйста.

Эдгар. Но ты скоро дашь мне знать о себе?

Эдмунд. Я посвящу всего себя этому делу.

Эдгар уходит.

Отец поверил, и поверил брат.
Так честен он, что выше подозрений.
Их простодушием легко играть.
Я вижу ясно, как их обморочить.
Не взял рожденьем, так свое возьму
Благодаря врожденному уму.
(Уходит.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Комната во дворце герцога Альбанского.

Входят Гонерилья и Освальд.

Гонерилья. Правда ли, что отец прибил моего придворного за то, что тот выругал его шута?

Освальд. Да, миледи.

Гонерилья

Все время огорченья! Что ни час —
Другая новость. В доме нет покоя.
Я больше не могу. Его двору
Позволено буянить как угодно.
А нам за мелочь всякую упрек.
Когда они воротятся с охоты,
Я не хочу с ним говорить. Скажи:
Я нездорова. Да не расстилайся
Так перед ним. Последствия беру
Все на себя.

Звуки рога за сценой.

Освальд

Вы слышите, он едет.

Гонерилья

Поменьше церемоний. Передай
Всем в доме это. Я хочу, чтоб дело
Дошло до взрыва. Плохо у меня —
Пускай к сестре переезжает. Знаю,
Что у нее на это сходный взгляд.
Она не даст командовать упрямцу.
Сам отдал власть, а хочет управлять
По-прежнему! Нет, старики — как дети,
И требуется строгости урок,
Когда добро и ласка им не впрок.
Запомни это.

Освальд

Слушаюсь, миледи.

Гонерилья

И попрохладнее с его людьми.
Без всякого стесненья. Подчиненным
Скажи, что я хочу найти предлог
Для объяснений. Это надоело.
Сейчас я напишу письмо сестре,
Чтоб нам быть заодно.— Готовь обедать.

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Зал там же.

Входит Кент, переодетый.

Кент

Я должен перенять чужую речь
И буду до конца неузнаваем.
Так надо для намерений моих,
Из-за которых изменил я внешность.
Ну, Кент, слугой к хозяину наймись,
Прогнавшему тебя под страхом смерти,
И этим господину докажи,
Как велика твоя неутомимость.

Звуки рога за сценой. Входят Лир, рыцари, слуги.

Лир. Не заставляйте меня ждать ни минуты. Подавайте обедать.

Один из служителей уходит.

Что тебе? Ты кто такой?

Кент. Человек.

Лир. Чем ты занимаешься? Что тебе от нас надо?

Кент. Вот мой род занятий: быть самим собой. Верно служить тому, кто мне доверится. Любить того, кто честен. Знаться с тем, кто рассудителен и мало говорит. Считаться с общим мнением. Драться, когда нет другого выхода, и не есть рыбы.

Лир. А сам ты кто?

Кент. Подлинно честный малый, бедный, как король.

Лир. Если ты так же беден в ряду подданных, как он среди королей, то ты действительно беден. Чего же ты хочешь?

Кент. Служить.

Лир. Кому ты хочешь служить?

Кент. Вам.

Лир. Разве ты меня знаешь, приятель?

Кент. Нет, сэр. Но в лице у вас есть что-то такое, что покоряет.

Лир. Что же это такое?

Кент. Властность.

Лир. А к какому делу ты годен?

Кент. Я умею хранить тайны, ездить верхом, бегать, рассказывать с грехом пополам затейливые истории и точно исполняю поручения, когда они несложны. Все это может сделать всякий. Но усердие мое беспримерно.

Лир. Сколько тебе лет?

Кент. Я не так молод, чтобы полюбить женщину за ее пение, и не так стар, чтобы сходить по ней с ума без всякой причины. Сорок восемь лет жизни за спиной у меня.

Лир. Хорошо. Прислуживай мне. Если ты не разонравишься мне после обеда, я не расстанусь с тобой.— Обедать, обедать! Где мой шут? — Эй, ты, послушай, сходи за моим дураком.

Один из служителей уходит.
Входит Освальд.

Эй ты, малый, где моя дочь?

Освальд. С вашего разрешения... *(Уходит.)*

Лир. Что он сказал? Кликни этого негодяя обратно.

Один из рыцарей уходит.

Ну так где же мой шут? А? Похоже, будто все заснули.

Рыцарь возвращается.

Ну как? Где это животное?

Рыцарь. Он говорит, милорд, что вашей дочери нездоровится.

Лир. А почему этот невежа не вернулся, когда я его звал?

Рыцарь. Сэр, он мне заявил напрямик, что не желает возвращаться.

Лир. Он не желает?

Рыцарь. Милорд, я не знаю, отчего это, но, насколько я понимаю, с вашим величеством стали здесь обращаться без должной почтительности. Эта небрежность заметна у герцога, у вашей дочери и даже у прислуги.

Лир. Ага! Вот как ты думаешь?

Рыцарь. Простите, государь, если я ошибаюсь, но я не смею молчать при мысли, что с вами не церемонятся.

Лир. Нет, нет, ты назвал то, что мне самому бросалось в глаза. С некоторого времени я тоже наблюдаю признаки легкой невнимательности, но приписал это скорее своей мнительности, чем их желанию оскорбить меня. Присмотрюсь к этому получше. Однако где же мой дурак? Я второй день не вижу его.

Рыцарь. С отъезда молодой госпожи во Францию королевский шут все время хандрит.

Лир. Ни слова больше! Я сам это заметил... Эй, ты, ступайка скажи моей дочери, что я желаю с ней поговорить.

Один из служителей уходит.

Позовите сюда моего шута.

Другой служитель уходит.
Возвращается Освальд.

А, это вы, сударь? Подите-ка, сударь, сюда. Кто я, сударь, по-вашему?

Освальд. Вы — отец герцогини.

Лир. «Отец герцогини»? Вот как, подлец герцога? Ах, сукин сын! Ах, мерзавец!

Освальд. Неправда! Я ни то, ни другое, милорд. Прошу прощения.

Лир. Не сметь смотреть на меня так дерзко! Нахал! *(Бьет его.)*

Освальд. Я не позволю бить себя, милорд!

Кент. А подбить тебя ногой, как мяч, можно? *(Сбивает его с ног.)*

Лир. Спасибо, дружище! Мне нравится твоя служба. Я буду жаловать тебя.

Кент. Эй, ты, вставай и пошел вон! Вперед будешь поучтивее. Пошел, пошел! Если ты хочешь еще раз вымерять пол собою — пожалуйста. А не то убирайся. Ну, ступай, ступай! Понял? *(Выталкивает Освальда.)*

Лир. Ну, мой работничек, благодарю тебя. Вот тебе за труды. *(Дает Кенту денег.)*

Входит шут.

Шут. Я тоже найму его. Вот тебе моя шапка, носи ее. *(Протягивает Кенту свой дурацкий колпак.)*

Лир. А, здравствуй, мой хороший! Как поживаешь?

Шут. Взял бы ты лучше мой колпак, приятель.

Кент. Зачем он мне?

Шут. Затем, что ты валяешь дурака, если заступаешься за опального. Нет, правда, держи, брат, нос по ветру, а то простудишься. Бери мой колпак. Видишь, этот чудак прогнал двух своих дочерей, а третью благословил против своей воли. Служить ему можно только в дурацком колпаке.— Ну как, дяденька? Жаль, нет у меня двух колпаков и двух дочерей!

Лир. Для чего, дружок?

Шут. Состояние я отдал бы дочерям, а колпаки оставил бы себе. Вот один у меня, а другой выпроси себе у дочек.

Лир. Берегись, каналья! Видишь плетку?

Шут. Правду всегда гонят из дому, как сторожевую собаку, а лесть лежит в комнате и воняет, как левретка.

Лир. Камень в мой огород.

Шут. Хочешь, куманек, выучить изречение?

Лир. Ладно.

Шут. Слушай, дяденька:

Наживайся тайком,
Не мели языком,
Меньше бегай пешком,
Больше езди верхом,
Не нуждайся ни в ком,
Не водись с игроком,
Не гуляй, не кути,
А сиди взаперти:
Двадцать на двадцати
Сможешь приобрести.

Л и р. Это вздор, дурак!

Ш у т. Бесполезный, как слова адвоката, не получившего за свою речь платы. А скажи, дяденька, можно из ничего извлечь какую-нибудь пользу?

Л и р. Нет, голубчик, из ничего ничего и не получается.

Ш у т *(Кенту)*. Пожалуйста, скажи ему, что столько же получит он со своих владений. Если я ему это скажу, он мне ответит: «Дурак».

Л и р. Злой дурак!

Ш у т. А ты знаешь, куманек, какая разница между злым дураком и добрым дураком?

Л и р. Нет, братец. Научи меня.

Ш у т.

Кто дал тебе совет
Отдать свой край другим,
Тот от меня, сосед,
Умом неотличим.
Я злой дурак — и в знак
Того ношу колпак,
А глупость добряка
Видна без колпака.

Л и р. Ты зовешь меня дураком, голубчик?

Ш у т. Остальные титулы ты роздал. А это — природный.

К е н т. Это совсем не так глупо, милорд.

Ш у т. Нет, быть совсем глупым мне не позволили бы из зависти. Если бы я взял монополию на глупость, лорды и вельможи пожелали бы вступить в пай со мной, да и знатные дамы тоже захотели бы урвать кусочек.— Дай мне яйцо, дяденька, а я дам тебе за то два венчика.

Л и р. Какие это такие два венчика?

Ш у т. А вот какие. Яйцо я разрежу пополам, содержимое съем, а из половинок скорлупы выйдут два венчика. Когда ты расколол свой венец надвое и отдал две половинки, ты взвалил осла себе на спину, чтобы перенести его через грязь. Видно, мало мозгу было под твоим золотым венцом, что ты его отдал. Если я рассуждаю, как дурак, надо высечь того, кто это скажет.

(Поет.)

Приходит дуракам капут,
Не спрос на них сегодня.
Разумные себя ведут
Безумных сумасбродней.

Л и р. Давно ли это ты, брат, так распелся?

«Король Лир», акт первый
В. Фаворский

Шут. С тех пор как ты из своих дочерей сделал матерей для себя, дал им в руки розги и стал спускать с себя штаны.

(Поет.)

Они от радости завыли,
А я — от срамоты,
Что государь мой — простофиля
И поступил в шуты.

Найми мне, дяденька, учителя. Я хочу научиться врать.

Лир. Если ты будешь врать, я тебя выпорю.

Шут. Как странно, что между тобой и дочерьми нет ничего общего. Они грозятся отхлестать меня за правду, ты — за ложь, а иногда меня бьют за то, что я отмалчиваюсь. Лучше быть чем угодно, только не шутом. И, однако, я бы не хотел быть тобою, дяденька. Ты обкорнал свой ум с обеих сторон и ничего не оставил в середке. Вот один из обрезков.

Входит Гонерилья.

Лир. А, доченька! К чему эта хмурость? Последние дни ты все время дуешься.

Шут. Ты был довольно славным малым во время оно, когда тебя не занимало, хмурится она или нет. А теперь ты нуль без цифры. Я и то сейчас больше тебя. Я хоть шут, на худой конец, а ты совершенное ничто. *(Гонерилье.)* Молчу, молчу! Вижу, взглядом повелеваете вы мне молчать, хотя и не сказали ни слова. *(Указывая на Лира.)*

Прожил жизнь, а глуп, как пень:
Корки нет про черный день.

Вот вылущенный гороховый стручок!

Гонерилья

Не только этот ваш развязный шут,
Вся ваша невоспитанная дворня
Бранит и осуждает все кругом
И ежечасно предается буйству.
Я думала, услышав мой упрек,
Вы прекратите это, но узнала,
Что сами вы на деле и словах
Потворствуете этим безобразьям.
Не гневайтесь, но если это так,
Мне, видимо, теперь самой придется
Принять крутые меры. Я прошу
Не обижаться. Если б не забота
О благе государства, верьте мне,
Я б постыдилась вмешиваться в это.

Ш у т. А ты как думал, дяденька?
Кукушка воробью пробила темя
За то, что он кормил ее все время.
Потухла свечка, вот мы и в потемках.
Л и р. Моя ль ты дочь?
Г о н е р и л ь я
Прислушайтесь, отец,
К моим предупрежденьям, призовите
Весь ум, когда-то отличавший вас,
И бросьте ваши новые замашки,
Которые совсем вам не к лицу.
Ш у т. Надо быть ослом, чтобы не понять, что тут все шиворот-навыворот: яйца курицу учат. Просто загляденье!
Л и р.
Скажите, кто я? Видно, я не Лир?
Не тот у Лира взгляд, не та походка.
Он, видно, погружен в глубокий сон?
Он грезит? Наяву так не бывает.
Скажите, кто я? Кто мне объяснит?
Ш у т. Тень Лира.
Л и р. Я действительно хочу знать, кто я. Потому что мое королевское достоинство и некоторые другие признаки наводят меня на ложную мысль, будто у меня есть дочери.
Ш у т. Которые хотят сделать из тебя послушного отца.
Л и р. Как ваше имя, госпожа моя?
Г о н е р и л ь я
В вопросе вашем столько же притворства,
Как в прочих ваших выходках. Прошу
Понять меня как следует. Вы стары,
Почтенны. Вы должны быть образцом.
Тут с вами сотня рыцарей и сквайров,
Бедовый и отчаянный народ,
Благодаря которым этот замок
Похож на балаган или кабак.
Распорядитесь прекратить бесчинства,
Как должен стыд самим вам подсказать.
Вас просит та, кому не подобает
Просить и было б легче приказать.
Извольте распустить часть вашей свиты.
Оставьте малое число людей,
Которые не будут забываться
И буйствовать.

Лир

Провал возьми вас всех!
Седлать коней! Собрать в дорогу свиту!
Бездушный выродок! Я впредь тебе
Не буду докучать своей особой!
Еще есть дочь у нас!

Гонерилья

Вы бьете слуг моих. Ваш пьяный сброд
Кричит на старших, как на подчиненных.

Входит герцог Альбанский.

Лир

Плох тот, кто поздно кается.
(Герцогу Альбанскому.)
Вы, сэр,
С ней тоже заодно? — Коней седлайте! —
Неблагодарность с сердцем из кремня,
Когда вселишься ты в дитя родное,
Морских чудовищ ты тогда страшней!

Герцог Альбанский

Сэр, не волнуйтесь.

Лир *(Гонерилье)*

Ненасытный коршун,
Ты лжешь! Телохранители мои —
Испытанный народ высоких качеств.
Они прекрасно знают, в чем их долг,
И сами дорожат своею честью.
Корделии оплошность! Отчего
Я так преувеличил этот промах,
Что вырвал из души своей любовь
И грудь взамен наполнил ядом желчи?
Как был я слеп! О Лир, теперь стучись
В ту дверь, откуда выпустил ты разум
И глупость залучил.
(Бьет себя по голове.)
В путь, господа!

Герцог Альбанский

Милорд, в чем суть? Я ничего не знаю
И не повинен.

Лир

Верю вам, милорд.—
Услышь меня, услышь меня, природа,
И если создавала эту тварь
Для чадородья, отмени решенье!

Срази ее бесплодьем! Иссуши
В ней навсегда способность к материнству!
Пускай ее испорченная плоть
Не принесет на радость ей ребенка.
А если ей судьба иметь дитя,
Пусть будет этот плод ей вечной мукой,
Избороздит морщинами ей лоб
И щеки в юности разъест слезами.
В ничто и в безнадежность обрати
Все, что на детище она потратит,—
Ее тревоги, страхи и труды,
Чтобы она могла понять, насколько
Больней, чем быть укушенным змеей,
Иметь неблагодарного ребенка!
Прочь, прочь отсюда!

(Уходит.)

Герцог Альбанский

Ради всех богов,
На что он в гневе?

Гонерилья

Толковать не стоит.
Впадает в детство. Пусть себе шумит.

Лир возвращается.

Лир

Куда девалась половина свиты?
Их было сто, а стало пятьдесят.

Герцог Альбанский

На что вы сердитесь?

Лир

Сейчас отвечу.

(Гонерилье.)

О жизнь и смерть! Стыжусь, что я забыл
Из-за тебя о том, что я мужчина,
Что эти слезы вызваны тобой,
Нисколько их не стоящей.— Исчахни
И сгинь от порчи! Пропади от язв
Отцовского проклятья!.. О, не плачьте
Вы, старческие глупые глаза,
А то я вырву вас и брошу наземь
Вослед слезам, текущим в три ручья.
Вот до чего дошло! Ну, будь что будет.
Еще другая дочь есть у меня.
Она добра. Я на нее надеюсь.

Я расскажу ей про тебя. Она
Ногтями исцарапает, волчица,
Лицо тебе! Не думай, я верну
Себе всю мощь, которой я лишился,
Как ты вообразила. Я верну!

Уходят Лир, Кент и свита.

Гонерилья

Ты это слышал?

Герцог Альбанский

Слышал, Гонерилья.
Но быть пристрастным из любви к тебе...

Гонерилья

Довольно! Позовите мне Освальда.—
А ты, скорее плут, чем шут,— живей
Ступай за господином.

Шут. Дядюшка Лир, дядюшка Лир, погоди, захвати шута с собою!

С лисой из капкана
И дочкой поганой
Кончай, не смущаясь.
Да, жаль, не достану
Петли и аркана
И сам убираюсь.
(Уходит.)

Гонерилья

Придумал ловко, нечего сказать:
Сто рыцарей! Сто рыцарей, готовых
Фантазии любые старика
В любое время поддержать оружьем!
А нам все эти буйства, шум и гам
Всегда терпеть с опасностью для жизни?
Но где Освальд?

Герцог Альбанский

Мне кажется, твой страх
Преувеличен.

Гонерилья

Лучше опасаться
Без меры, чем без меры доверять.
От бед спасает только осторожность.
Я знаю слишком хорошо отца
И о его словах пишу Регане.
А если после моего письма

Она ему оставит эту сотню
Вразрез со мной...

Возвращается Освальд.

Ах, это ты, Освальд!
Готово ли письмо к сестре?

Освальд

Готово.

Гонерилья

Возьми с собой немедленно людей —
И на коней. К письму прибавишь устно
Про наши страхи. Присовокупи
И личные свои соображенья.
Спеши и возвращайся поскорей.

Освальд уходит.

А ваша бесхарактерная кротость —
Будь сказано вам, герцог, не во гнев —
Скорее непростительная глупость,
Чем признак настоящей доброты.

Герцог Альбанский

Зато вы бьете в цель неутомимо.
Смотрите лишь, не попадите мимо.

Гонерилья

Однако...

Герцог Альбанский

Будущее нам покажет.

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Двор в замке герцога Альбанского.

Входят Лир, Кент и шут.

Лир. Отправляйся в Глостер с этим письмом. Не прибавляй дочери ничего от себя, а только отвечай на вопросы, которые она задаст тебе, прочтя письмо. Если ты не поторопишься, я приеду туда раньше тебя.

Кент. Я глаз не сомкну, милорд, пока не передам вашего письма. *(Уходит.)*

Шут. Если бы мозги у человека были в пятках, не грозили бы его уму мозоли?

Лир. Грозили бы.

Шут. В таком случае поздравляю тебя. Твоим мозгам никогда не придется ходить в туфлях.

Лир. Ха-ха-ха!

Шут. Увидишь, как милостиво примет тебя другая дочь. Хотя одна похожа на другую, как лесное яблоко на садовое, позволь мне знать то, что я знаю.

Лир. Что же ты знаешь, дружок?

Шут. Что на вкус они обе окажутся такими же кислыми, как два лесных яблока. Можешь ли ты сказать, почему нос на лице у человека посредине?

Лир. Нет.

Шут. Чтобы иметь по обе стороны от себя по глазу. Чего не разнюхает нос, то глаза досмотрят.

Лир. Я был так несправедлив к ней...

Шут. А можешь ли ты сказать, как устрица делает свою раковину?

Лир. Нет.

Шут. Я тоже не могу. А зачем улитке домик, я знаю.

Лир. Зачем?

Шут. Чтобы было куда всовывать голову, а не подставлять ее под удары дочерям вместе с незащищенными рожками.

Лир. Надо переделать свою природу.— Такого доброго отца! — Готовы лошади?

Шут. Твои ослы пошли за ними. Любопытна причина, по которой в семизвездье семь звезд, а не больше.

Лир. Потому что их не восемь?

Шут. Совершенно верно. Из тебя вышел бы хороший шут.

Лир. Вернуть все силою! — Неблагодарное чудовище!

Шут. Если бы ты был моим шутом, дяденька, я бы всегда колотил тебя за то, что ты состарился раньше времени.

Лир. Как это?

Шут. Тебе нельзя было стариться, пока не поумнеешь.

Лир

Не дайте мне сойти с ума, о боги!
Пошлите сил, чтоб не сойти с ума!

Входит придворный.

Готовы лошади?

Придворный

Милорд, готовы.

Лир

Идемте.

Шут

В том мало смеху, что уходит шут.
Вас тоже в жизни перемены ждут.

Уходят.

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Двор в замке графа Глостера.

Входят с разных сторон Эдмунд и Куран.

Эдмунд. Здравствуй, Куран.

Куран. Здравствуйте, сэр. Только что я был у вашего отца с извещением, что герцог Корнуэльский и герцогиня Регана предполагают пожаловать к нему сегодня вечером.

Эдмунд. С какою целью?

Куран. Не знаю, право. Слышали новости? То, о чем шепчутся кругом. Потому что вслух этого еще не произносят.

Эдмунд. Нет, не слыхал. Расскажи, пожалуйста.

Куран. Говорят, что, по-видимому, будет война между герцогом Корнуэльским и Альбанским. Неужели не слыхали?

Эдмунд. Ни слова.

Куран. Со временем услышите. Прощайте, сэр. *(Уходит.)*

Эдмунд

Здесь будет герцог? Хорошо. Тем лучше.
Мне это очень на руку. Отец
Велел найти и взять под стражу брата.
Еще одно мне дело предстоит:
Потребуются скорость и решимость...
Брат, на два слова! Слышишь, брат! Спустись.

Входит Эдгар.

Брат, за тобой отец следит. Спасайся.
Он выведал, где прячу я тебя.
Беги, воспользовавшись мраком ночи.
Скажи, ты ничего не говорил
Плохого о Корнуóле? Он к нам едет
С Реганой, на ночь глядя, второпях.
Ты не проговорился ли о ссоре
Его с Альбанским герцогом? Припомни.

Эдгар

Нет, никогда. Я помню хорошо.

Эдмунд

Сюда отец идет. Прости. Притворно
Я меч свой обнажу против тебя.
Вынь свой для вида.— «Отбивай! Сдавайся!» —
Теперь, покамест нет отца, беги.—
«Огня сюда!» — Спасайся, брат, спасайся! —
«Эй, люди с факелами!» — Так. Прощай.

Эдгар уходит.

Немного крови, чтоб отец подумал,
Что бой был жаркий.
(Ранит себя в руку.)
Люди во хмелю
Сильней себя кромсают смеха ради.—
Отец! Отец! На помощь!.. Ни души.

Входят Глостер и слуги с факелами.

Глостер

Где этот изверг?

Эдмунд

Здесь, сейчас, в потемках,
Шепча заклятья, он стоял с мечом
И призывал луну помочь злодейству.

Глостер

Но где он?

Эдмунд

Посмотрите, я в крови.

Глостер

Но где он, этот негодяй?

Эдмунд

Он скрылся,
Едва лишь убедился, что не мог...

Глостер

Постой.— Поймать его! Скорей в погоню!

Несколько слуг уходят.

Не мог чего?

Эдмунд

Не мог меня склонить
К тому, чтоб я убил вас. Безуспешно
Я говорил, как небеса казнят
Отцеубийц, напоминал о связи

Между родителями и детьми.
Увидев мой испуг и отвращенье,
Он вынул меч, нанес сплеча удар
И ранил в руку. Тут же спохватился,
Что я готов за правду постоять
И буду драться, испугался криков,
Которые я поднял, и бежал.

Глостер

Пускай бежит, поимки не избегнет.
А схватят — и конец. Мой господин
И покровитель, благородный герцог
Нас посетит сегодня. Он издаст
Приказ о быстром розыске злодея
С наградой тем, кто выдаст нам его,
И наказаньем смертью за укрытье.

Эдмунд

Увидев, что его не отвратить
От преступленья, я его задумал
Пугнуть разоблаченьем, но в ответ
Он возразил: «Бесправный сын побочный,
Ты спорить собираешься со мной?
Да кто тебе поверит? Чем докажешь
Ты правду слов своих и правоту,
Когда я буду отрицать улики
И почерк свой подделкой объявлю?
Кто будет слушать эти обвиненья,
Раз смерть моя так выгодна тебе,
Что надо быть тупицей, чтоб не видеть,
Как сильно должен ты желать ее!»

Глостер

О подлый лжец! Он собственную подпись
Решится отрицать? Не мой он сын!

Трубы за сценой.

Приехал герцог с неизвестной целью.
Я упрошу его закрыть пути
И гавани. Не улизнет преступник.
Мы для его поимки разошлем
По всей стране его изображенье.
Тебе же, мальчик мой, я передам
Права наследовать мои владенья.

Входят герцог Корнуэльский, Регана и свита.

Герцог Корнуэльский
Ну как, мой друг? Едва сюда я прибыл,
Я новости ужасные узнал.
Регана
Все казни мягки, если это правда.
Как чувствуете вы себя, милорд?
Глостер
Разбито сердце старое, разбито!
Регана
Неужто крестник моего отца,
Эдгар, на вашу жизнь мог покушаться?
Глостер
О леди, леди, совестно признать!
Регана
А не водил он дружбы с бунтарями
В отцовской свите?
Глостер
Право, я не знаю.
Все это слишком, слишком тяжело!
Эдмунд
Да, герцогиня, он из этой шайки.
Регана
Чему ж дивиться? Видно, этот сброд
И подстрекал его, чтобы с убийцей
Потом наследство ваше пропивать.
От общества их предостерегает
Сестра в письме, и я покину дом,
Когда они к нам на постой приедут.
Герцог Корнуэльский
И я, Регана.— Я слыхал, Эдмунд,
Что вы себя при этом показали
Достойным сыном?
Эдмунд
Это был мой долг.
Глостер
Он умысел раскрыл и при попытке
Схватить злодея ранен был в борьбе.
Герцог Корнуэльский
За ним в погоню послано?
Глостер
Конечно.

Герцог Корнуэльский

Когда поймают, больше никому
Не будет он опасен. Как хотите
Управьтесь с ним от моего лица.
А вас, Эдмунд, чья преданность и доблесть
Так явно говорят здесь за себя,
Хотел бы я зачислить к нам на службу.
Я доверяю людям вроде вас.
Беру вас первым.

Эдмунд

Оправдаю выбор.

Глостер

Благодарю вас, герцог, за него.

Герцог Корнуэльский

Вы знаете, зачем мы к вам явились?

Регана

Причем — не вовремя, ночной порой!
Тому причиной важные событья,
Насчет которых нужен ваш совет.
Отец с сестрою пишут нам о ссоре.
Их спор я предпочла бы разобрать
На чьей-нибудь чужой, не нашей почве
И дать оттуда на письмо ответ.
Гонцы здесь дожидаются. Заставьте
Себя отвлечься от своих невзгод
Для наших, не терпящих отлагательств.

Глостер

Рад вам служит, миледи, и за честь
Почту гостями видеть вас обоих.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Перед замком Глостера.

Входят с разных сторон Кент и Освальд.

Освальд. С наступающим утром, приятель. Ты здешний?
Кент. Да.
Освальд. Где бы нам лошадей поставить?
Кент. В любую лужу.
Освальд. Не шутя, скажи, будь другом.
Кент. Я совсем не друг тебе.

Освальд. А мне дела нет до твоей дружбы.

Кент. Если б ты попался мне в Линсберийском загоне, было б у тебя до меня дело.

Освальд. Что ты привязался ко мне? Я тебя не знаю.

Кент. Зато я, брат, знаю тебя.

Освальд. Кто ж я, по-твоему?

Кент. Подлец, мерзавец, блюдолиз. Низкий, надутый дурак и прощелыга, вот ты кто. Холоп и хозяйкин угодник в шерстяных чулках, с душонкой доносчика, с помадой и зеркальцем в сундучке, твоим единственным богатством. Гнусный льстец, который готов на любую пакость, чтобы отличиться, но всю жизнь остается обыкновенной гадиной чистой воды. Подхалим, которого я изобью до бесчувствия, если он осмелится отречься хотя бы от одного из этих определений.

Освальд. Вот несуразный! И все это — человеку, которого он видит в первый раз и который сам знать его не знает.

Кент. Ах ты, бесстыжая рожа! Что ты притворяешься, будто не знаешь меня? Двух дней не будет, как я сшиб тебя с ног и отдул на глазах у короля. Берись за меч, каналья! Хотя еще ночь, но светит месяц. Я приготовлю из тебя рубленое мясо под лунною подливкой. Берись за меч, папильотка из парикмахерской, берись! *(Обнажает свой меч.)*

Освальд. Отстань! Я не желаю связываться с тобой.

Кент. Вынимай меч, мошенник! При тебе письма против короля. Ты пособник этой спесивой куклы, строящей козни против своего царственного отца. Защищайся, каналья, а то я искрошу и поджарю тебя. Держись, бездельник, отражай мои удары!

Освальд. Караул! Режут! Караул!

Кент. Рубись, ничтожество! Отбивайся! Действуй! *(Бьет его.)*

Освальд. Караул! Режут! Режут!

Входит Эдмунд.

Эдмунд. Что тут такое? Это что за свалка?

Кент. Сюда, сюда, милейший! Вам тоже захотелось? Пожалуйте, пожалуйте, молодой человек, попробуйте крови.

Входит Глостер.

Глостер. Мечи? Оружье? Что здесь происходит?

Входят герцог Корнуэльский, Регана и слуги.

Герцог Корнуэльский

Под страхом смерти — тише, не шуметь!
Поднявший меч — умрет.— Кто эти люди?

Регана

Гонцы от короля и от сестры.

Герцог Корнуэльский

Из-за чего затеяли вы драку?

Освальд

Едва дышу, милорд.

Кент. Не мудрено. Какого ты набрался страху! Эх ты, трус несчастный, природа отрекается от тебя. Не она, а какой-нибудь портной смастерил тебя.

Герцог Корнуэльский. Что за чудак! Почему портной? Разве портной может скроить человека?

Кент. Конечно, портной. А то кто же? Каменотес или живописец в час или два работы изготовили бы что-нибудь позанятнее.

Герцог Корнуэльский. Все-таки отчего вы подрались?

Освальд. Этот старый грубиян, которого я пощадил только ради его седой бороды...

Кент. Ах ты, ижица, лишняя буква в азбуке! — Милорд, позвольте я сотру его в порошок и выкрашу им стены нужника. «Пощадил только ради его бороды...» Ах ты, трясогузка!

Герцог Корнуэльский

Молчать, бездельник! Видно, ты забыл,
В чьем ты присутствии?

Кент

Нет, сударь, помню.
Но и у гнева есть свои права.

Герцог Корнуэльский

Чем ты разгневан?

Кент

Что дано оружье
Свинье, которой чести не дано.
О, эти лживые льстецы! Как крысы,
Они перегрызают пополам
Святые узы крови, угождают
Страстям господ, льют масло в их огонь
И леденят их каменные души.
Что «да» сказать, что «нет», им все равно,
Лишь угодить бы тем, за кем без смысла
Они послушно бегают, как псы.
У, чтоб тебя! Над чем ты скалишь зубы?
Какой тут смех? Шут, что ли, я тебе?

Попался б ты мне, гусь, в Саремском поле,
Летел бы до Камлота гогоча.

Герцог Корнуэльский

Ты не рехнулся?

Глостер

Что за спор меж вами?

Кент

На свете неприязни нет сильней,
Чем между мной и этим негодяем.

Герцог Корнуэльский

Чем негодяй он? В чем его вина?

Кент

Не нравится его лицо мне.

Герцог Корнуэльский

Вот как?
Быть может, и мое, его, ее?

Кент

Сэр, ремесло мое — быть откровенным.
Мне попадались лица лучше тех,
Которые я вижу пред собою.

Герцог Корнуэльский

Ах, вот он что за птица! Кто-нибудь
Однажды похвалил его за резкость,
Он с выгодой и стал играть на ней.
Он угождать не любит. Клюнет — ладно,
Не выгорит — ну что ж, на то он прост.
Мне этот сорт обманщиков известен.
За ложной прямотой их больше зла,
Чем в раболепье двадцати придворных.

Кент

По совести и чести, пред лицом
Особы светозарной вашей, герцог,
Сияющей, как Феб, снопом лучей...

Герцог Корнуэльский

Постой. Что хочешь выразить ты этим?

Кент. Раз вам не нравится моя манера речи, я изменю ее. Действительно, я не льстец. Однако тот, кто обманул вас ноткою простодушия, был простым мерзавцем,— разряд простоты, к которому я не могу себя причислить.

Герцог Корнуэльский

Чем ты его обидел?

Освальд

Я — ничем.
А вот король недавно по ошибке

Прибил меня, а этот подоспел,
Ко мне подкрался сзади, дал подножку
И над лежачим без стыда трунил.
Король хвалил его за этот подвиг.
Припомнив эти славные дела,
Здесь на меня набросился он снова.

Кент

Послушать краснобая, так Аякс —
Щенок пред ним.

Герцог Корнуэльский

Подать сюда колодки!
Ты посидишь в них, неуч и хвастун!
Я проучу тебя!

Кент

Я стар учиться.
А от колодок лучше отказаться.
Я с порученьем к вам от короля,
Его гонец — двойник его особы.
В колодки посадить его посла —
Почти что личный вызов государю.

Герцог Корнуэльский

Подать колодки! Он в них просидит
До самого обеда.

Регана

До обеда?
До вечера! И ночь всю напролет!

Кент

Сударыня, за что? Да будь я даже
Псом вашего отца, а не послом,
Не нужно бы со мной так обращаться.

Регана

Но вы не пес отца, а негодяй!

Герцог Корнуэльский

Вот про таких людей сестра и пишет.—
Колодки где?

Приносят колодки.

Глостер

Послушайте, милорд,
Оставьте это. Пусть его накажет
В ответ на вашу жалобу король.
К такому наказанью присуждают
Подонков общества, бродяг, воров

И прочий сброд. Король на эту меру
Обидится.

Герцог Корнуэльский

Ответственность на мне.

Регана

Сестре гораздо, может быть, обидней,
Что безнаказанно ее людей
Позорят здесь при исполненье долга.—
Надеть колодки на него!

Кента сажают в колодки.

Идем.

Все, кроме Глостера и Кента, уходят.

Глостер

Мне жаль тебя, но тут хозяин — герцог.
Ему перечить, знаешь сам, нельзя.
Однако я попробую вступиться.

Кент

Не надо, сэр. В дороге я не спал,
И мне все будет нипочем, как высплюсь.
Велико дело — ноги защемить!
Бывает хуже, как защемит сердце.
Прощайте, сэр.

Глостер

Нет, герцог поступил нехорошо!

(Уходит.)

Кент

Да, мой король, час от часу не легче.
Попал ты из дождя да под капель.—
Зажгись скорей, луна, маяк вселенной,—
Я при твоих лучах прочту письмо.
Хоть больше нет чудес, они бывают
Еще с людьми, попавшими в беду.
Не чудо ли: Корделия мне пишет!
Она узнала, где скрываюсь я,
И только ждет удобного мгновенья,
Чтобы помочь. Итак, глаза мои
Усталые, закройтесь, чтоб не видеть
Позорного приюта. Ну, судьба,
Еще раз улыбнись мне. Доброй ночи.
К удаче поверни мне колесо.

(Засыпает.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Лес.

Входит Эдгар.

Эдгар

Я слышал приговор себе заочный
И скрылся от погони здесь в дупле.
Все гавани закрыты. Нет местечка,
Где не расставлено мне западни.
Я буду прятаться, пока удастся.
Приму нарочно самый жалкий вид
Из всех, к каким людей приводит бедность,
Почти что превращая их в зверей.
Лицо измажу грязью, обмотаюсь
Куском холста, взъерошу волоса
И полуголым выйду в непогоду
Навстречу вихрю. Я возьму пример
С бродяг и полоумных из Бедлама.
Они блуждают с воплями кругом,
Себе втыкают в руки иглы, гвозди,
Колючки розмарина и шипы
И, наводя своим обличьем ужас,
Сбирают подаянье в деревнях,
На мельницах, в усадьбах и овчарнях,
Где плача, где грозясь. Какой-нибудь
«Несчастный Том» еще ведь значит что-то,
А я, Эдгар, не значу ничего.

(Уходит.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Перед замком Глостера.

Кент в колодках. Входят Лир, шут и придворный.

Лир

Уехали из замка, а гонца
Ко мне не отослали. Непонятно.

Придворный

Вчера, как слышал я со стороны,
О выезде они не помышляли.

Кент

Будь славен, благородный государь!

Лир

Ты этим срамом коротаешь время?

Кент

Нет, милорд.

Шут. Ха-ха-ха! Жесткие на нем подвязки! Лошадей привязывают за голову, собак и медведей — за шею, обезьян — поперек туловища, а людей — за ноги. Кто больно прыток, тому надевают на ноги деревянные чулки.

Лир

Кто должности твоей не оценил
И посадить посмел тебя в колодки?

Кент

Он и она, ваш зять и ваша дочь.

Лир

Нет!

Кент

Да.

Лир

Нет, говорю я!

Кент

А я говорю, да!

Лир

Нет, нет, они бы не посмели!

Кент

Да вот посмели, как видно.

Лир

Клянусь Юпитером, что нет!

Кент

Клянусь Юноною, что да.

Лир

Не верю.
Они бы не решились, не могли,
Не покусились бы. Ведь это хуже
Убийства! Предумышленно нанесть
Такое оскорбленье! Что ты сделал,
Ты, мой посол, чтоб на себя навлечь
Такой позор?

Кент

Когда, привезши в замок
От вашего величества письмо,

Его сдавал я, стоя на коленях,
Вбежал в пыли, в поту другой гонец.
Он им привез письмо от Гонерильи,
С которым и протиснулся вперед,
Не давши мне докончить порученье.
Когда они прочли ее письмо,
То заспешили и, собравши свиту,
Вскочили на коней, велевши мне
Поехать вслед и ожидать ответа.
Тут я наткнулся снова на гонца,
Который повредил мне на приеме,—
Того же самого, что говорил
Вам дерзости на днях у Гонерильи.
Вспылив сильней, чем разум позволял,
Я вынул меч, и он трусливым криком
Созвал весь дом. Ваш зять и дочь нашли,
Что поведение мое достойно
Такого наказанья.

Шут. Зима еще не прошла, коли гуси летят в ту сторону.
Отец в лохмотьях на детей
Наводит слепоту.
Богач-отец всегда милей
И на ином счету.
Судьба продажна и низка
И презирает бедняка.
Но это еще что! В будущем тебе предстоит столько огорчений от дочерей, что в год не сочтешь.

Лир
Меня задушит этот приступ боли!
Тоска моя, не мучь меня, отхлынь!
Не подступай с такою силой к сердцу! —
Где дочь, ты говоришь?

Кент
Она в гостях
У графа в замке.

Лир *(придворному)*
Не ходи за мною.
Останься здесь.

Уходит.

Придворный
Вы больше ничего
Не сделали? Вы рассказали правду?

Кент

Да, больше ничего. Но с королем
Так мало вас. Где остальная свита?

Шут. Вот если бы ты сидел в колодках за такой вопрос, это было бы по заслугам.

Кент. Почему, шут?

Шут. Надо отдать тебя в ученье к муравью. Он тебя научит, что зимою нет заработка. Все люди с нюхом, и притом не слепые, глядят в оба. Из двадцати нет никого, кто бы не чувствовал, когда начинает плохо пахнуть. Отходи в сторону, когда с горы катится большое колесо, чтобы оно не сломало тебе шею, но хватайся за него, когда оно поднимается в гору. Если мудрец даст тебе лучший совет, верни мне мой обратно. Пусть только мерзавцы следуют ему, раз дурак дает его.

Того, кто служит за барыш
И только деньги ценит,
В опасности не сохранишь,
И он в беде изменит.
Но шут твой — преданный простак,
Тебя он не оставит.
Лукавый попадет впросак,
Но глупый не слукавит.

Кент

Где ты, дурак, это выучил?

Шут. Где бы ни выучил, да не в колодках, как ты, дурак.

Возвращаются Лир с Глостером.

Лир

Не могут говорить со мной? Больны?
Утомлены дорогой? Отговорки!
Неуслушанья знаки! Пусть они
Как следует ответят.

Глостер

Государь мой!
Вы знаете, как герцог сгоряча
Неукротим. Его не переспоришь.

Лир

Смерть! Мщенье! Что за черт! Неукротим?
Мне надо, надо, понимаешь, Глостер,
Мне надо видеть герцога с женой!

Глостер

Мой государь, я говорил им это.

Лир

Ты говорил! А понял ты меня?

Глостер

Да, государь.

Лир

Вот надо как сказать:
Король желает говорить с Корнублом,
С родною дочкой — любящий отец,
И ждет ее услуг. Сказал ты это?
Нет! Жизнь и кровь моя! Скажи, скажи
Неукротимому... постой, не надо.
Действительно, он болен, может быть,
И многое простительно болезни.
Мы сами не свои, когда душа
Томится всеми немощами тела.
Я погожу. Я слишком был горяч
И не подумал. Было безрассудно
Слова больного принимать всерьез.
Однако погоди.
(Глядя на Кента.)
Какого черта
Сидит в колодках этот человек?
Нет, их отъезд сюда — одна увертка.
Освободить его! Ступай, скажи
Ему и ей, что я хочу их видеть
Немедлено, что я им приказал
Прийти для объяснений, а иначе
Я барабанить в спальне прикажу
Так, чтоб скончались спящие от страха.

Глостер

Ах, если бы все кончилось добром!
(Уходит.)

Лир

Как больно бьется сердце! Тише, тише!

Шут. Прикрикни на него, дяденька, как стряпуха на угрей, которых она живьем запекала в тесто. Она щелкала их палкой по головам и кричала: «Не высовывайтесь, проказники!» А ее брат так любил свою лошадь, что кормил ее сеном с маслом.

Входят герцог Корнуэльский, Регана, Глостер и слуги.

Лир

Привет вам, дети.

Герцог Корнуэльский

Здравствуйте, милорд.

Кента освобождают.

Регана

Я рада вашей светлости.

Лир

Еще бы!
А то б я должен был расторгнуть брак
С могилой матери твоей, хранящей
Обманщицы останки.
(Кенту.)
А, тебя
Освободили? Но об этом после.—
Моя Регана дорогая, знай:
Твоя сестра — большая негодяйка.
Она, как коршун, мне вонзила в грудь
Жестокости своей дочерней когти.
(Хватаясь за сердце.)
Не в силах говорить. Ты угадать
Не можешь, сколько злости в ней, Регана!

Регана

Спокойней, сэр. А я убеждена,
Что вы совсем без всяких оснований
Несправедливы к ней.

Лир

Как мне понять?

Регана

Мне трудно допустить, чтоб Гонерилья
Могла забыть свой долг. А если ей
Пришлось унять бесчинства вашей свиты,
Я одобряю этот трезвый шаг.

Лир.

Будь проклята она!

Регана

Отец, вы стары.
Жизнь ваша у предела. Вам нужна
Поддержка и советы тех, кто знает
Природу вашу лучше вас самих.
Поэтому, пожалуйста, вернитесь
К сестре. Чистосердечно перед ней
Сознайтесь в том, что были вы неправы.

Лир.

Просить у ней прощенья? А на что
Похоже это будет? Полюбуйся.
(Становится на колени.)

«Родная дочь, никчемен я и стар.
Не откажи, молю я на коленях,
Дать мне одежду, пищу и постель!»

Регана

Оставьте скоморошничать. Довольно.
Вернитесь к ней.

Лир *(поднимаясь)*

Регана, никогда!
Она мне вдвое сократила свиту,
Смотрела исподлобья на меня,
Словами ядовитыми язвила.
Пусть небеса обрушат месть свою
Ей на голову. Пламя лихорадки,
Спали ее!

Герцог Корнуэльский

Нехорошо, милорд!

Лир.

Стремительные молнии, сверканьем
Ей выжгите бесстыжие глаза!
Болезнь, испепели ее гордыню!
Пары болот, разъешьте ей лицо!

Регана

О боги! И меня, наверно, так же
В припадке гнева будете вы клясть?

Лир

Тебя? О нет! За что ж тебя, Регана?
Твой кроткий нрав мне повода не даст.
Ее надменный взгляд приводит в ярость,
А твой — миротворит. Не станешь ты
Отказывать мне в радостях и средствах
На содержанье моего двора
И запираться при моем приходе.
Ты не глуха ведь к голосу родства,
Законам вежливости, чувству долга.
Забыть не сможешь ты, что я тебе
Полкоролевства отдал.

Регана

Ближе к делу.

Лир

В колодки кем посажен мой слуга?

Трубы за сценой.

Герцог Корнуэльский

Чьи это трубы?

Регана

Верно, Гонерильи.
В письме есть о приезде речь.

Входит Освальд.

Ну как,
Приехала миледи?

Лир

Вот мерзавец,
Чванливо-наглый потому, что он
Уверен в покровительстве хозяйки.
Прочь с глаз моих!

Герцог Корнуэльский

Чем я могу служить
Вам, ваша милость?

Лир

По чьему приказу
Мой человек в колодках? Убежден,
Что ты не знала этого, Регана!

Входит Гонерилья.

Но нет, кто это? Боги, если вам
Любезна старость, мило послушанье
И сами вы не молоды, молю
Принять мое несчастье близко к сердцу!
(Гонерилье.)
Тебе не стыдно бороды моей?
Ужель, Регана, ты подашь ей руку?

Гонерилья

Подаст, конечно. Почему же нет?
Не все порок, что кажется пороком
Безумцу и брюзге.

Лир

О грудь моя!
Снесла все это и цела осталась? —
Как угодил в колодки мой слуга?

Герцог Корнуэльский

По моему приказу. Я напрасно
Его еще так мягко наказал.

Лир

Так это вы осмелились? Вы сами?

Регана

Не забывайте лет своих, отец.
Живите в соответствии с годами.
Сначала погостите у сестры,
Полсвиты распустив, а через месяц
Пожалуйте с таким же штатом к нам.
Я здесь сама в гостях и не успела
Для встречи с вами приготовить дом.

Лир

Вернуться к ней и распустить полсвиты?
Нет, лучше я от крова откажусь
И в обществе совы и волка сдамся
На милость непогоды и нужды!
Вернуться к ней? Тогда ведь есть в запасе
Король Французский, пылкий муж меньшой,
Которую он взял, презрев приданым.
Я брошусь в ноги к ним и попрошусь
К ним приживальщиком до самой смерти!
Вернуться к ней! Я лучше соглашусь
Подручным быть у этого лакея.
(Показывает на Освальда.)

Гонерилья

Как вам угодно.

Лир

Дочка, не своди
Меня с ума. Я более не буду
Мешать тебе. Прощай, мое дитя.
Я больше никогда с тобой не встречусь.
Но все ж ты плоть, ты кровь, ты дочь моя,
Или, верней, болячка этой плоти
И, стало быть, моя болезнь, нарыв,
Да, опухоль с моею гнойной кровью.
Я не браню тебя. Пускай в тебе
Когда-нибудь самой проснется совесть.
Я стрел не кличу на твое чело,
Юпитеру не воссылаю жалоб.
Исправься в меру сил. Я подожду.
Я буду в это время жить с Реганой
В кругу ста рыцарей.

Регана

Прошу простить!
Принять вас я, к несчастью, не готова.

Я не ждала вас. Знаете, отец,
Послушайтесь сестры. Вы пошумели,
Вы стары, все забыто, а сестре
Видней, что делать.

Лир

К месту ль эти речи?

Регана

Она права. Полсотни человек
Вполне довольно. Неужели мало?
Да нет, и этих много чересчур:
И дорого и страшно. Согласитесь,—
При двоевластье с этакой толпой
Хранить порядок в доме невозможно.

Гонерилья

И, наконец, скажите, чем вам плох
Уход ее или моей прислуги?

Регана

И правда, сэр. Когда не угодят,
Мы проберем их. Кстати, при наездах
Ко мне, боюсь, я вам позволю взять
Лишь двадцать пять, не больше, провожатых.

Лир

Я все вам дал!

Регана

И вовремя, отец.

Лир

Все передал на ваше усмотренье
И только выговорил для себя
Такую свиту. Правильно ль я слышал?
Из слуг я взять могу лишь двадцать пять,
Сказала ты, Регана?

Регана

Да, сказала.
Лишь двадцать пять, еще раз повторю.

Лир

Плохие, стало быть, не так уж плохи,
Когда есть хуже. Кто не хуже всех,
Еще хорош.
(Гонерилье.)
Тогда к тебе я еду.
Полсотни больше двадцати пяти
В два раза, значит — ты в два раза лучше.

Гонерилья

Сказать по правде, эти двадцать пять
И десять или пять излишни в доме,
Где вам приставят вдвое больше слуг.

Регана

Ни одного не нужно.

Лир

Не ссылайся
На то, что нужно. Нищие и те
В нужде имеют что-нибудь в избытке.
Сведи к необходимостям всю жизнь,
И человек сравняется с животным.
Ты женщина. Зачем же ты в шелках?
Ведь цель одежды — только чтоб не зябнуть,
А эта ткань не греет, так тонка.
Что неотложно нужно мне? Терпенье.
Вот в чем нужда. Терпенье нужно мне.
О боги, вот я здесь! Я стар и беден,
Согбен годами, горем и нуждой.
Пусть даже, боги, вашим попущеньем
Восстали дочери против отца,—
Не смейтесь больше надо мной. Вдохните
В меня высокий гнев. Я не хочу,
Чтоб средства женской обороны — слезы
Пятнали мне мужские щеки! Нет!
Я так вам отомщу, злодейки, ведьмы,
Что вздрогнет мир. Еще не знаю сам,
Чем отомщу, но это будет нечто
Ужаснее всего, что видел свет.
Вам кажется, я плачу? Я не плачу.
Я вправе плакать, но на сто частей
Порвется сердце прежде, чем посмею
Я плакать.— Шут мой, я схожу с ума!

Уходят Лир, Глостер, Кент и шут.
Вдали шум приближающейся бури.

Герцог Корнуэльский

Уйдемте. Надвигается гроза.

Регана

Здесь в доме тесно. Старика со свитой
Немыслимо здесь было б разместить.

Гонерилья

Сам виноват. Зачем мой дом оставил?
Пускай теперь пеняет на себя.

Регана

Его бы я охотно приютила,
Но больше никого.

Гонерилья

Да, ты права.
Где Глостер?

Герцог Корнуэльский

Провожает старика.
Вот он вернулся.

Возвращается Глостер.

Глостер

В короле бушует
Вся кровь от гнева.

Герцог Корнуэльский

Что предпримет он?

Глостер

Велел всем на коня. Куда, не знаю.

Герцог Корнуэльский

Ну что ж, пускай. Не надобно мешать.

Гонерилья

Не уговаривайте, чтоб остался.

Глостер

Стемнеет скоро. Наступает ночь.
Бушует вихрь. На много миль в округе
Нет ни куста.

Регана

Что ж, поделом. Плоды
Его упрямства, и ему наука
На будущее время. Мой совет —
Замкнуть ворота. С ним головорезы,
И без труда его подговорят
На что угодно. Будем осторожны.

Герцог Корнуэльский

Заприте входы, граф. Жена права.
Неистовая ночь! Уйдем от бури.

Уходят.

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Степь.

Буря с громом и молнией. Входят с разных сторон Кент и придворный.

Кент

Эй, кто здесь, кроме бури?

Придворный

Человек,
Как буря, неспокойный.

Кент

Я вас знаю.
А где король?

Придворный

Сражается один
С неистовой стихией, заклиная,
Чтоб ветер сдунул землю в океан
Или обрушил океан на землю,
Чтоб мир переменился иль погиб.
Рвет волосы свои, и буйный ветер
Уносит их, хватая и крутя.
Всем малым миром, скрытым в человеке,
Противится он вихрю и дождю,
Которые сцепились в рукопашной.
В такую ночь, когда не выйдут вон
Медведица, и лев, и волк голодный,
Он мечется с открытой головой
И гибели самой бросает вызов.

Кент

Но кто с ним?

Придворный

Никого. Один лишь шут,
Старающийся шутками развеять
Его тоску.

Кент

Сэр, по всему тому,
Что знаю я о вас, я вам доверю
Существенную тайну. Мира нет
Меж герцогом Корнуэльским и Альбанским,
Как это ни скрывают до сих пор.
У них, как и у всех владык, есть слуги,

Привязанные к ним на первый взгляд,
Но в сущности — французские шпионы.
Они доносят своему двору
Все сведенья о нашем королевстве.
Там знают всё: о герцогах, об их
Раздорах, о суровом обращенье
Со старым нашим добрым королем.
Да и о том еще, пред чем все это —
Одни цветочки. Верно лишь одно:
В истерзанный наш край явилось войско
Из Франции. Наш недосмотр помог
Им высадиться. Не сегодня-завтра
Они, подняв знамена, вступят в бой.
Доверьтесь мне и поспешите в Дувр.
Там вы найдете ту, кто наградит
Вас щедро за подробное известье
О короле, о страшной, роковой
Беде его. И вот что в заключенье:
Я родом дворянин, и я даю
Вам с полной верой это порученье.

Придворный

Еще раз потолкуем.

Кент

Ни к чему.
А в знак того, что я гораздо больше,
Чем я кажусь, вот вам мой кошелек
И все, что в нем. Вы встретите, наверно,
Корделию. Вот вам мое кольцо.
Вы ей его покажете при явке
И от нее узнаете поздней,
Кто я, ваш незнакомый собеседник.
Ну и гроза! Пойду за королем.

Придворный

Я руку вам пожму. Вы б не хотели
Прибавить что-нибудь еще?

Кент

Хочу.
Два слова, и притом о самом важном:
Кто первый набредет на короля
(А я пойду в ту сторону, вы — в эту),
Тот мигом дай другому знак о том.

Расходятся.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Другой конец степи.

Буря продолжается. Входят Лир и шут.

Лир

Дуй, ветер! Дуй, пока не лопнут щеки!
Лей, дождь, как из ведра и затопи
Верхушки флюгеров и колоколен!
Вы, стрелы молний, быстрые, как мысль,
Деревья расщепляющие, жгите
Мою седую голову! Ты, гром,
В лепешку сплюсни выпуклость вселенной
И в прах развей прообразы вещей
И семена людей неблагодарных!

Шут. Да, дяденька, святая вода светского общенья в сухом доме куда приятнее этой дождевой вне ограды! Вернемся, дяденька, назад и попросим у твоих дочерей отпущения грехов. Такая ночь не разбирает ни дураков, ни умных.

Лир

Вой, вихрь, вовсю! Жги, молния! Лей, ливень!
Вихрь, гром и ливень. вы не дочки мне,
Я вас не упрекаю в бессердечье.
Я царств вам не дарил, не звал детьми,
Ничем не обязал. Так да свершится
Вся ваша злая воля надо мной!
Я ваша жертва — бедный, старый, слабый.
Но я ошибся. Вы не в стороне —
Нет, духи разрушенья, вы в союзе
С моими дочерьми и войском всем
Набросились на голову седую,
Подобную моей. Не стыдно вам?

Шут. У кого есть дом, куда сунуть голову, тот, бесспорно, с головой на плечах.

Кто в брак вступает второпях,
Не позаботившись о доме,
Тот скоро будет весь во вшах,
Как оборванец на соломе.
Вниманье надо посвящать
Душе, а не большому пальцу,
А то мозоль не даст вам спать,
Пустяк вас превратит в страдальца.

Не нравится? А была ли на свете красавица, которая бы не дулась на свое зеркало?

Лир

О нет, я буду образцом терпенья,
Ни слова больше не скажу.

Входит Кент.

Кент

Кто здесь?

Шут. Все, что надо. Голова и хвост, рассудительный и дурак.

Кент

Вы вот где, сэр? Ночную тварь и ту бы
Такая ночь спугнула. Гнев небес
Удерживает хищников в берлогах.
С тех пор как я живу, я не слыхал
Такого грома и такого ливня
С такими молниями не видал.
Не в наших силах вынесть без последствий
Так много горя.

Лир

Боги, в высоте
Гремящие, перстом отметьте ныне
Своих врагов! Преступник, на душе
Твоей лежит сокрытое злодейство.
Опомнись и покайся! Руку спрячь
Кровавую, непойманный убийца!
Кровосмеситель с праведным лицом,
Клятвопреступник с обликом святого,
Откройте тайники своих сердец,
Гнездилища порока, и просите
Помилованья свыше! Я не так
Перед другими грешен, как другие —
Передо мной.

Кент

С открытой головой!
Здесь рядом есть шалаш. Он вас укроет
От бури. Я тем временем вернусь
В твердыню, жители которой тверже,
Чем камень стен ее. Я к ним ходил,
Разыскивая вас, но не был впущен,
Еще раз попытаюсь. Не добром,
Так силою добьюсь гостеприимства.

Лир

Я, кажется, сойду сейчас с ума.—
Что, милый друг, с тобой? Озяб, бедняжка?

Озяб и я.— Где, братец, твой шалаш?
Алхимия нужды преображает
Навес из веток в золотой шатер.
Мой бедный шут, средь собственного горя
Мне так же краем сердца жаль тебя.

Шут *(поет)*

У кого ума крупица,
Тот снесет и дождь и град.
Он ненастья не боится,
Счастью и несчастью рад.

Лир. Верно, дружок.— Ну веди нас в свой шалаш.

Лир и Кент уходят.

Шут. Это подходящая ночь, чтобы охладить любые страсти. Перед тем как уйти, попророчествую:

Когда попов пахать заставят,
Трактирщик пива не разбавит,
Портной концов не утаит,
Сожгут не ведьм, а волокит,
В судах наступит правосудье,
Долгов не будут делать люди,
Забудет клеветник обман
И не полезет вор в карман,
Закладчик бросит деньги в яму,
Развратник станет строить храмы,—
Тогда придет конец времен,
И пошатнется Альбион,
И сделается общей модой
Ходить ногами в эти годы.

Это пророчество сделает Мерлин, который будет жить после меня. *(Уходит.)*

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Комната в замке Глостера.

Входят Глостер и Эдмунд.

Глостер. Эдмунд, Эдмунд, не нравится мне это бессердечие! Когда я попросил у них позволения помочь ему, они стали хозяйничать у меня в доме и запретили мне под страхом вечной опалы заикаться о нем, просить за него и как бы то ни было его поддерживать.

Эдмунд. В высшей степени дико и бесчеловечно!

Глостер. Ладно, помалкивай. Герцоги повздорили! Есть кое-что посерьезней. Я получил вечером письмо. О нем опасно говорить. Я его запер у себя в комнате. Несправедливости, которые терпит король, не останутся без отмщения. В стране высадилось чужое войско. Нам надо стать на сторону короля. Я разыщу его и тайно помогу ему. Ступай, займи герцога разговором, чтобы он не заметил моего отсутствия. Если он спросит, где я, скажи, что я болен и лег в постель. Хотя бы мне пригрозили за это смертью, я не могу оставить без помощи короля, моего старого повелителя. Странные дела творятся на свете, Эдмунд! Будь, пожалуйста, поосторожнее. *(Уходит.)*

Эдмунд

Про тайную поддержку короля
И про письмо я герцогу открою.
Вот случай выслужиться перед ним.
Старик пропал. Я выдвинусь вперед.
Он пожил — и довольно. Мой черед.
(Уходит.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Край степи с шалашом.

Буря продолжается. Входят Лир, Кент и шут.

Кент

Вот он, шалаш. Войдите, государь.
Не стойте в бурю под открытым небом —
Простудитесь.

Лир

Ступай, оставь меня.

Кент

Войдите.

Лир

Ты разбить мне сердце хочешь?

Кент

Охотнее я разобью свое.
Войдите, государь.

Лир

Какой ты странный!
Ты думаешь, промокнуть до костей —
Такое горе? Но несчастье меркнет

Пред большею напастью. Например:
Ты прибежал, спасаясь от медведя,
К бушующему морю — ты свернешь
Медведю в пасть. При бодром духе тело
Чувствительно. Но у меня в груди
Все вытеснено вон душевной бурей.
Одно томит, одно я сознаю,
Одно: дочернюю неблагодарность!
Ведь это все равно, как если б рот
Кусал его питающую руку.
Но я им покажу! Довольно слез.
Прогнать меня в такую ночь наружу!
Лей, ливень! Вытерпеть достанет сил.
В такую ночь! Регана, Гонерилья!
Отца, который стар, и отдал все,
И вас любил!.. Слабеет мой рассудок.
От этого легко сойти с ума!

Кент

Мой государь, укроемся под крышей.

Лир

Заботься о себе. Мне ураган
Приносит облегченье. Он мешает
Мне думать о другом. Но я войду.
(Шуту.)
Иди вперед, дружок. Ты нищ, без крова.
Я помолюсь и тоже лягу спать.

Шут входит в шалаш.

Бездомные, нагие горемыки,
Где вы сейчас? Чем отразите вы
Удары этой лютой непогоды,
В лохмотьях, с непокрытой головой
И тощим брюхом? Как я мало думал
Об этом прежде! Вот тебе урок,
Богач надменный! Стань на место бедных,
Почувствуй то, что чувствуют они,
И дай им часть от своего избытка
В знак высшей справедливости небес.

Эдгар *(из шалаша)*. Сажень с половиной, сажень с половиной! Бедный Том!

Шут выбегает из шалаша.

Шут. Не ходи туда, дяденька! Там нечистая сила! Ой, страсти, ой, страсти!

Кент. Дай руку мне. Кто там?

Шут. Злой дух, злой дух! Он говорит, что его зовут бедный Том.

Кент. Кто ты, рычащий там, в соломе? Выйди!

Из шалаша выходит Эдгар, притворяющийся сумасшедшим.

Эдгар. Бегите! Бесы гонятся за мной!
В терновнике северный ветер свистит. Ложись в холодную постель и согрейся.

Лир

Ты отдал все своим двум дочерям
И стал таким?

Эдгар. Подайте милостыньку бедному Тому! Черт носил его через костры огненные, броды и омуты, по трясинам и топям. Черт подкладывал Тому ножи под подушку, вешал петли над его сиденьем, подсыпал яду ему в похлебку. Соблазнял его скакать верхом на гнедом через мосты-жердочки за своею тенью, чтобы поймать ее,— зачем подсматривает. Храни бог ваш ум в целости. Брр, Тому холодно! Чур вас от вихря, от порчи, от звездного сглаза. Подайте Тому на пропитание. Бес мучит его. Вот он, поганый! Ну, погоди! Вот я его! Вот я его!

Буря продолжается.

Лир

Что стало с человеком из-за дочек!
Ты отдал все? Ты ничего не спас?

Шут. Только передник остался. А то нам было бы неловко смотреть на него.

Лир

Так пусть все зло, которым полон воздух,
На мерзких дочерей твоих падет!

Кент. У него нет дочерей, государь.

Лир

Сгинь, отрицатель! Кто мог надругаться
Над бедным, кроме жадных дочерей?
Как вижу я, телесное страданье —
Законный бич всех изгнанных отцов.
И поделом! Их тело виновато
В рожденье кровожадных дочерей.

Эдгар

Сидел на кочке Пилликок,
Сидел на бугорке...

Шут. Эта холодная ночь превратит нас всех в шутов и сумасшедших.

Эдгар. Берегись злого духа, почитай родителей, будь верен слову, не божись, не заглядывайся на чужую жену, не приучай своей милой к роскоши. Тому холодно.

Лир. Кем был ты раньше?

Эдгар. Гордецом и ветрeником. Завивался. Носил перчатки на шляпе. Угождал своей даме сердца. Повесничал с ней. Что ни слово, давал клятвы. Нарушал их средь бела дня. Засыпал с мыслями об удовольствиях и просыпался, чтобы их себе доставить. Пил и играл в кости. По части женского пола был хуже турецкого султана. Сердцем был лжив, легок на слово, жесток на руку, ленив, как свинья, хитер, как лисица, ненасытен, как волк, бешен, как пес, жаден, как лев. Не давай скрипу туфелек и шелесту шелка соблазнять тебя, не бегай за юбками, сторонись ростовщиков, не слушай наущений дьявола.

В терновнике северный ветер свистит.
Да ну его, пусть себе свищет, зуда!
Дофин, мой наследник, не бегай туда.

Буря продолжается.

Лир. Лучше было бы тебе лежать в могиле, чем подставлять свое голое тело под удары непогоды. Неужели вот это, собственно, и есть человек? Присмотритесь к нему. На нем все свое, ничего чужого. Ни шелка от шелковичного червя, ни воловьей кожи, ни овечьей шерсти, ни душистой струи от мускусной кошки. Все мы с вами поддельные, а он настоящий. Неприкрашенный человек и есть именно это бедное, голое двуногое животное, и больше ничего. Долой, долой с себя все лишнее! Ну-ка отстегни мне вот тут. *(Срывает с себя одежды.)*

Шут. Перестань, дяденька. Не такая ночь, чтобы купаться. Теперь мало-мальский огонек какой-нибудь в степи — все равно что искорка жизни в старческом сердце. Только одна она и теплится, а все остальное застыло. Кстати, не блуждающий ли огонек вдали? Видите? И, кажется, к нам.

Эдгар. Это бес Флибертиджиббет. Он шатается по ночам, наводит бельма, косой глаз, заячью губу, гноит пшеницу на корню и губит все живое.

Три раза Витольд им грозился святой,
И топал на ведьм и кикимор пятой,
И сбросил их с метел,
И их отохотил
Проказить, прикрывшись ночной темнотой.
Сгинь, ведьма! Сгинь, рассыпься!

Кент. Как вы себя чувствуете, ваше величество?

Входит Глостер с факелом.

Лир. Кто это?

Кент. Кто идет? Кого вы ищете?

Глостер. Кто вы такие? Как ваши имена?

Эдгар. Мое имя — бедный Том! Он питается лягушками, жабами, головастиками и ящерицами. В припадке, когда одержим злым духом, не гнушается коровьим пометом, глотает крыс, гложет падаль и запивает болотной плесенью. Он переходит из села в село, от розог к розгам, из колодок в колодки, из тюрьмы в тюрьму. У него три камзола на заду, шесть рубашек на теле, лошадь в конюшне и меч на боку.

Но лишь мышей и крыс семь лет
Давали Тому на обед.

Берегитесь моего демона, вот он рыщет. Брысь, Смолкин! Брысь, нечистый!

Глостер

В каком вы низком обществе, милорд!

Эдгар

О нет, Модо́ и Ме́го — злые духи
Не из простых. Князь тьмы — недаром князь.

Глостер

Так выродились люди, ваша светлость,
Что восстают на тех, кто их родил!

Эдгар

Бедный Том озяб.

Глостер

Со мной пойдемте. Ваших дочерей
Нельзя мне слушаться из чувства долга.
Они велели бросить вас в степи,
Без крова, одного, в такую бурю.
Но я вас отыскал и отведу
В пристанище, где есть огонь и пища.

Лир

Я этого философа сперва
Хочу спросить: что есть причина грома?

Кент

Пойдемте с ним, куда он пригласил.

Лир

Лишь слово-два с фиванцем этим мудрым.
Что ты постиг?

Эдгар

Как бесов изгонять
И гадов бить.

Лир

Я с ним посовещаюсь.

Кент *(Глостеру)*

Настойчивее. Он в полубреду.
Добейтесь, чтоб пошел он вместе с нами.

Глостер

Забредишь, если дочери его
Задумывают гибель государя!
Как это все предвидел честный Кент!
Так Лир, ты полагаешь, помешался?
Есть от чего. Я тоже за себя
Совсем не поручусь. Имел я сына.
Я от него отрекся и изгнал.
Он умышлял на жизнь мою недавно,
Совсем на днях. А я его любил,
Как никого. И вот тоска об этом
Мне не дает покоя... Что за ночь!
Пойдемте с нами, государь.

Лир

Простите,
Философ мудрый, окажите честь.

Эдгар

Том озяб.

Глостер

Вот твой шалаш. Укройся.

Лир

Все войдемте.

Кент

А нам в другую сторону, милорд.

Лир

С философом своим я не расстанусь.

Кент *(Глостеру)*

Придется уступить. Возьмем с собой
Помешанного.

Глостер

Видимо, придется.

Кент

Пойдем-ка с нами, братец. Шевелись!

Лир

Пожалуйте, афинянин почтенный.

Глостер

Но не шумите. Тише, я прошу.

Эдгар

Наехал на черную башню Роланд,
А великан как ахнет:
«Британской кровью пахнет».

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Комната в замке Глостера.

Входят герцог Корнуэльский и Эдмунд.

Герцог Корнуэльский. Я отплачу ему, прежде чем покину его дом!

Эдмунд. О нет, милорд! А то меня будут укорять в том, что верность присяге заглушила мои сыновние чувства. Мне страшно подумать об этом.

Герцог Корнуэльский. Теперь я вижу, что твой брат покушался на него совсем не по злому умыслу, а потому, что Глостер сам этого заслуживал.

Эдмунд. Какая несчастная судьба у меня! Мне приходится жалеть, что я поступил правильно. Вот письмо, о котором он говорил мне. Из него явствует, что он шпионил в пользу Франции. О небо! Как бы мне хотелось, чтобы не было этой измены и мне не выпало на долю раскрыть ее!

Герцог Корнуэльский. Пойдем со мной к герцогине.

Эдмунд. Если содержание письма подтвердится, у вас бездна хлопот впереди.

Герцог Корнуэльский. Подтвердится или не подтвердится, а письмо сделало тебя графом Глостером. Разыщи своего отца, чтобы мы немедленно могли задержать его.

Эдмунд *(в сторону)*. Если я застану его утешающим короля, это возбудит еще больше подозрений. *(Громко.)* Я и

дальше буду верен гражданскому долгу, хотя для этого мне придется подавлять голос крови.

Герцог Корнуэльский. Доверяю тебе и с успехом заменю тебе отца своею любовью.

Уходят.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Комната на ферме, прилегающей к замку.

Входят Глостер, Лир, Кент, шут и Эдгар.

Глостер. Здесь все-таки лучше, чем на открытом воздухе. Поэтому не взыщите. Пойду придумаю еще что-нибудь, чтобы было поудобнее. Я отлучусь ненадолго.

Кент. Его умственные силы не вынесли такого потрясения.— Награди вас боги за вашу доброту!

Глостер уходит.

Эдгар. Фратеретто зовет меня. Он говорит, что Нерон промышляет рыбачеством у озера тьмы на том свете. Молись, дурачок, и остерегайся нечистого.

Шут. Скажи, дяденька, какое званье у полоумного? Дворянин он или простолюдин?

Лир. Король, король!

Шут. Нет. Полоумный — это такой простолюдин, у которого сын дворянин. Потому что надо быть сумасшедшим, чтобы, будучи простолюдином, иметь над собой сына дворянина.

Лир

Пусть дьяволы калеными щипцами
Ухватят и потащат их в огонь!

Эдгар. Злой дух кусает меня в спину!

Шут. Полоумный — это вот кто: кто верит в кротость волка, в честность конского барышника, в любовь мальчика и полагается на клятвы изменницы.

Лир

Да будет так. Я буду их судить.
(Эдгару.)
Садись сюда, ты сведущий судья.
(Шуту.)
А ты сюда, мудрец.— Я вас, лисицы!

Эдгар. Ишь как он на них уставился! Опустите глаза на суде, сударыня.

Плыви ко мне, Бесси, через ручей.

Шут

Но есть в лодчонке течь.
Завесть об этом речь
Нет смелости у ней.

Эдгар. Злой дух свищет соловьем бедному Тому в уши. Гонденс пляшет в животе у него и бурчит: «Дай селедку, дай селедку!» Кыш, нечисть, не квакай! Не дам ничего!

Кент

Вам плохо, государь. Ведь так нельзя.
Прилягте, отдохните. Вот подушки.

Лир

Начнем допрос.— Свидетели, вперед!
(Эдгару.)
Садись на место в мантии судейской.
(Шуту.)
Садись и ты с ним рядом на скамью.
(Кенту.)
А вы сюда, присяжный заседатель.

Эдгар. Рассудим справедливо.

Не спи, пастух, гони мечту,
Твои стада во ржи.
Рожок свой приложи ко рту
И путь им покажи.

Мрр, мрр! Эта кошка — серая.

Лир. Допросим ее первую. Это Гонерилья. Клятвенно утверждаю перед этим почтенным собранием, что она пинками вытолкала бедного короля, отца своего.

Шут. Подойдите, сударыня. Ваше имя Гонерилья?

Лир. Она не будет отрицать этого.

Шут. Простите, пожалуйста: я вас принял за скамейку.

Лир

А вот другая. Этот взгляд косой
Свидетельствует о ее двуличье.—
Куда? Держи! К оружию! Огня!
Подкуплен суд! Зачем, судья лукавый,
Ты дал ей улизнуть?

Эдгар. Сохрани боги твой ум в целости.

Кент

Как страшно это все! Где, государь,
Хваленая былая ваша ясность?

Эдгар *(в сторону)*

Я слезы лью так искренне о нем,
Что ложный вид свой ставлю под опасность.

Лир

Все маленькие шавки, Трей, и Бланш,
И Милка, лают на меня. Смотрите.

Эдгар. А вот Том швырнет в них своей головой. Пошли вон, дворняжки!

Ты белянка иль черныш,
Все равно ты завизжишь.
Чистокровная иль помесь,
Взвоешь, с Томом познакомясь.
Пес-красавчик, пес-урод
Всех мастей и всех пород —
Волкодав, спаньель, овчарка,—
Всем задам, всем будет жарко,
Как в вас запущу башкой.

Тири-лири, поехали по ярмаркам, по базарам да по святым местам. Обеднел ты, Том, стал сухим твой рог для сбора подаяния.

Лир. Судья, я требую медицинского вскрытия Реганы. Исследуйте, что у нее в области сердца, почему оно каменное. *(Эдгару.)* Вы, сэр, кажется, один из моих рыцарей. Но мне не нравится, как вы одеты. Вы скажете, что это персидский наряд. Все равно, надо переменить его.

Кент. Прилягте, государь, и отдохните.

Лир. Не шумите. Не шумите. Задерните полог... Так. Хорошо. Завтра встанем, утром поужинаем. Так. Хорошо.

Шут. А я лягу спать в полдень.

Возвращается Глостер.

Глостер

Поди сюда, мой милый. Где король?

Кент

Вот он. Но тише. Он ума лишился.

Глостер

Скорее на руки его возьми.
Я заговор против него подслушал.
Носилки здесь. Уло́жите его —
И мигом в Дувр. Там все уже готово.
Поторопись унесть его скорей.
Минута дорога. Помедлишь — гибель
Ему и нам. Приподыми его.
Иди за мной. Я вам собрал охрану.

Кент

Он спит, намучившись, глубоким сном.
О, если б, отдохнув, по пробужденье

Он вновь рассудком здравым овладел!
(Шуту.)
Помог бы ты нести нам господина.
Не отставай.

Глостер

Идем. Скорей, скорей!

Кент, Глостер и шут уходят и уносят Лира.

Эдгар

Когда мы старших видим жертвой бедствий,
Бледнеет наше горе в их соседстве.
Ужасно одиночество в беде,
Когда кругом довольные везде,
Но горе как рукой бывает снято
В присутствии страдающего брата.
Свои несчастья легче я терплю,
Увидевши, как горько королю.
Детьми обижен он, а я — отцом.
Но близко, близко время, бедный Том!
Оправданный от клеветы, невинный,
Откроешься ты скоро, сняв личину.
Теперь бы только королю спастись,
А до тех пор скрывайся, Том, таись.
(Уходит.)

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Комната в замке Глостера.

Входят герцог Корнуэльский, Регана, Гонерилья, Эдмунд и слуги.

Герцог Корнуэльский. Поезжайте скорее к вашему мужу. Покажите ему это письмо. Французские войска высадились.— Отыскать изменника Глостера!

Часть слуг уходит.

Регана. Повесить его немедленно!

Гонерилья. Вырвать у него глаза!

Герцог Корнуэльский. Предоставьте его моему гневу.— Сопровождайте нашу сестру к ее мужу, Эдмунд. Лучше вам не видеть взыскания, которому мы подвергнем вашего предателя-отца. Посоветуйте герцогу, к которому вы едете, все-

мерную поспешность в вооружении. Мы тоже приготовимся. Поддерживайте с нами быструю и постоянную связь.— Прощайте, дорогая сестра. Прощайте, граф Глостер.

Входит Освальд.

А, это ты? Узнал ты, где король?

Освальд

Ему помог бежать отсюда Глостер.
При короле до тридцати пяти
Приверженцев. Они его искали
Всю ночь и с ним столкнулись у ворот.
Ватага эта с графскою подмогой
Пустилась к Дувру. Там, по их словам,
Их ждут друзья с большой военной силой.

Герцог Корнуэльский

Подайте герцогине лошадей.

Гонерилья

Прощай, сестра. Прощайте, милый герцог.

Герцог Корнуэльский

Прощай, Эдмунд.

Гонерилья, Эдмунд и Освальд уходят.

Немедленно найти
Злодея Глостера! Связать, как вора,
И привести.

Оставшиеся слуги уходят.

Хотя его нельзя
Казнить без видимости правосудья,
Найдем мы способ ярость утолить,
Не возбуждая толков. А, предатель!

Часть слуг возвращается с Глостером.

Регана

Коварная лисица! Это он!

Герцог Корнуэльский

Вяжите крепче высохшие руки.

Глостер

Милорд, миледи! Не платите злом
За доброе мое гостеприимство.

Герцог Корнуэльский

Вяжите, я сказал!

Слуги вяжут Глостера.

Регана

Не так, не так.
Покрепче! У, бессовестный!

Глостер

Неправда!
Я с совестью, а вы вот — без души.

Герцог Корнуэльский

Привязывайте к креслу.— Будешь помнить,
Предатель!

Регана дергает Глостера за бороду.

Глостер

Боги, боги, старику
Рвать бороду!

Регана

Так сед и так коварен!

Глостер

Бессовестная! Эти волоса,
Которые ты вырвала, предстанут
На будущем суде! Я дал вам кров,
А вы мне, как разбойники, за это
Увечите лицо! Что надо вам?

Герцог Корнуэльский

Какие вам на днях прислали письма
Из Франции?

Регана

Ответьте напрямик.
Мы знаем все.

Герцог Корнуэльский

В каком вы соглашенье
С врагом, недавно вторгшимся в наш край?

Регана

Куда вы короля препроводили?

Глостер

Письмо не от врага, а от лица
Стороннего.

Герцог Корнуэльский

Не сметь вилять!

Регана

Неправда!

Герцог Корнуэльский

Куда ты короля отправил?

Глостер

В Дувр.

Регана

Как это — в Дувр! Наперекор запрету?

Герцог Корнуэльский

Пусть объяснит, с какою целью в Дувр.

Глостер

Я связанный сижу. Глумитесь вволю.

Регана

Зачем же в Дувр?

Глостер

Затем, чтоб не видать,
Как вырвешь ты у старика глаза
Когтями хищницы, как клык кабаний
Вонзит твоя свирепая сестра
В помазанника тело. Этой бури
И море б не снесло и, став степой
До самых звезд, их залило бы пеной,
А старец с непокрытой головой
В такую ночь бродил во тьме кромешной
И слезы лил и ими помогал
Небесным тучам изливаться ливнем.
Когда б в такую бурю у ворот
Завыли волки, приказать бы надо:
«Впусти их, сторож». Бешенство и злость
Сдались бы, но не ты. Но я увижу,
Как гром испепелит таких детей.

Герцог Корнуэльский

Увидишь? Никогда ты не увидишь!
Держите кресло, молодцы! Сейчас
Я растопчу твои глаза ногами!
(Вырывает глаз у Глостера.)

Глостер

Кто думает до старости дожить,
Ко мне на помощь! Ужас! Боги! Боги!

Регана

Рви и второй. Он первому укор.

Герцог Корнуэльский

Ну что, увидишь?

Первый слуга

Опустите руку.
Я с детства вам служил, но в этот миг
Служу всего усердней, увещая,
Чтоб вы одумались.

Регана

Ты смеешь, пес?

Первый слуга

Одумайтесь и вы! Будь вы мужчиной,
Я б вас за это за́ бороду взял!
Что вы творите?

Герцог Корнуэльский

Раб!
(Обнажает меч.)

Первый слуга

Придется драться
За правый гнев!
(Вынимает меч, защищается и ранит герцога Корнуэльского.)

Регана *(другому слуге)*

Дай меч твой! Бунтовать?
Умри!
(Выхватывает меч из рук другого слуги и поражает первого слугу в спину.)

Первый слуга

Убили! Граф, у вас, по счастью,
Остался глаз один. Взгляните им,
Как он наказан, граф! *(Умирает.)*

Герцог Корнуэльский

Он не увидит.
Вон, гадостная слизь! Наружу хлынь!
Ну, где твой блеск?
(Вырывает другой глаз у Глостера.)

Глостер

О тьма! О безутешность!
О мой Эдмунд! Сыновнюю любовь
Раздуй в пожар и отомсти за это!

Регана

Не стоишь ты того, чтоб называть
Его по имени. Тебя он выдал.
Он верен нам, и честь ему не даст
Жалеть тебя.

Глостер

О, как я ошибался!
Эдгар был оклеветан!.. Небеса,
Помилуйте, спасите мне Эдгара!

Регана

Гоните в шею! Носом пусть найдет
Дорогу в Дувр.— Милорд, мой друг, что с вами?

Герцог Корнуэльский
Я ранен. Дайте обопрусь. Идем.—
Слепца — за дверь, а мертвого холопа —
На свалку.— Только б кровью не истечь!
Не вовремя я ранен. Дайте руку.

Герцог Корнуэльский уходит, поддерживаемый Реганой. Часть слуг отвязывает Глостера и уводит его.

Второй слуга
Да, ежели такого человека
Минует кара,— нет ни в чем греха.
Третий слуга
А ежели она умрет старухой,—
Чудовища заменят женский пол.
Второй слуга
Давайте-ка пойдем за ослепленным
И Тома сумасшедшего возьмем
Ему в поводыри. Он очень годен
Для этой цели.
Третий слуга
Я хочу достать
Белков и льна для перевязок графу.
Пойдем. Помилуй небо старика!

Уходят.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Степь.

Входит Эдгар.

Эдгар
Отверженным быть лучше, чем блистать
И быть предметом скрытого презренья.
Для тех, кто пал на низшую ступень,
Открыт подъем и некуда уж падать.
Опасности таятся на верхах,
А у подножий место есть надежде.
О ветер, дуй! Ты стер меня во прах,
Мне больше нечего тебя бояться.
Однако кто там?

Входит старик, ведя за руку Глостера.

Это мой отец!
С поводырем! О мир, о мир превратный!
Несчастья так нам ухудшают жизнь,
Что облегчают смерть.

Старик

Восьмой десяток,
Как я у вас и вашего отца,
Мой добрый граф, возделываю землю.

Глостер

Уйди, мой друг. Меня уж не спасти,
А ты себя погубишь.

Старик

Как без зренья
Найти вам путь?

Глостер

Нет у меня пути,
И глаз не надо мне. Я оступался,
Когда был зряч. В избытке наших сил
Мы заблуждаемся, пока лишенья
Не вразумят нас. Бедный мой Эдгар,
Несчастная мишень слепого гнева
Отца обманутого! Если б мне
Дожить, чтобы рукой тебя ощупать,
Мне кажется, опять бы я прозрел!

Старик

Кто тут?

Эдгар *(в сторону)*

О боги! Разве был я вправе
Сказать, что я достиг предела мук?
Ближайший миг прибавил мне страданья.

Старик

Вот бедный Том.

Эдгар *(в сторону)*

И хуже может стать.
Пока мы стонем: «Вытерпеть нет силы»,—
Еще на деле в силах мы терпеть.

Старик

Куда идешь, приятель?

Глостер

Это нищий?

Старик

И полоумный.

Глостер

Он не так уж глуп,
Раз кормится. Вчера я видел в бурю
Такого же. «Подобный человек —
Как червь»,— подумал я и вспомнил сына
С предубежденьем. Много я с тех пор
Успел узнать. Как мухам дети в шутку,
Нам боги любят крылья обрывать.

Эдгар *(в сторону)*

Ну, как теперь? Нелегкое занятье
Разыгрывать шута перед лицом
Его и своего страданья.— Мир вам!

Глостер

Что это, голый нищий?

Старик

Да, милорд.

Глостер

Тогда ступай. Достань мне, сделай милость,
Из платья что-нибудь, чтоб приодеть
Нагую эту душу. Ты догонишь
Нас по дороге в Дувр. Я взять хочу
Его в поводыри.

Старик

Он полоумный.

Глостер

В наш век слепцам безумцы вожаки.
Исполни просьбу и ступай отсюда.

Старик

Я дам ему свой праздничный наряд,
И будь что будет.

(Уходит.)

Глостер

Эй, голяк!

Эдгар

Том зябнет.

(В сторону.)

Я больше притворяться не могу!

Глостер

Поди сюда!

Эдгар *(в сторону)*

А притворяться надо.

(Громко.)

Да будет мир глазам твоим в крови!

Глостер

Скажи, ты знаешь Дуврскую дорогу?

Эдгар. Со всеми мостками и переходами, проезжую и непроходную. Бедный Том пуганый, он помешался. Чур тебя, добрый человек, от бесов. Целых пятеро сидело в бедном Томе: Обидикут, бес распутства; Хобидиданс, князь немоты; Маху, дух воровства; Модо, дух убийства, и Флибертиджиббет, который строит рожи. Он вышел из Тома, и теперь им одержимы модницы и служанки. Мир тебе, добрый человек!

Глостер

Вот кошелек. Возьми его, бедняк.
Ты стерт во прах небесною десницей.
Своей бедой ослаблю я твою.
Всегда б так было, боги! О, когда бы
Пресытившийся и забывший стыд
Проснулся и почуял вашу руку
И поделился лишним! Всем тогда
Хватило б поровну! — Бывал ты в Дувре?

Эдгар

Да, господин.

Глостер

Там есть один утес,
Большой, нависший круто над пучиной.
Поможешь мне взобраться на обрыв?
Я награжу тебя. Оттуда больше
Не надо будет мне поводыря.

Эдгар

Дай руку. Бедный Том тебя проводит.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Перед дворцом герцога Альбанского.

Входят Гонерилья и Эдмунд.

Гонерилья

Граф, будьте гостем. Я удивлена,
Что миротворец-муж мой нас не встретил.

Входит Освальд.

Где герцог?

Освальд

Здесь, его нельзя узнать.
Я говорю, что высадилось войско,—
Смеется. Говорю, что вы в пути
И едете сюда, а он: «Тем хуже».
Про Глостера измену говорю
И доблестное поведенье сына,—
Он отвечает мне, что я дурак
И будто все толкую наизнанку.
Что неприятно, то его смешит,
Что радовать должно бы, то печалит.

Гонерилья *(Эдмунду)*

Так не входите. Это глупый трус,
Лишенный самолюбья и без гнева
Сносящий оскорбленья. Все, о чем
Был разговор дорóгой,— входит в силу.
Вернитесь к Корнуолу. Пусть спешит
И даст вам предводительство войсками.
Я меч возьму, а мужа засажу
За прялку. Верный мой дворецкий будет
Нам связью. Будьте смелым. Впереди —
Признанье вашей дамы. Вот вам лента.

(Дает ему ленту.)

Нагнитесь! Тише! Этот поцелуй,
Когда бы обладал он даром речи,
Вознес бы дух твой ввысь! Пойми! Прощай!

Эдмунд

До смерти твой!

Гонерилья

Мой драгоценный Глостер!

Эдмунд уходит.

Мужчина как с мужчиною не схож!
Такой рожден, чтобы увлечь любую,
А я ничтожеству принадлежу.

Освальд

Сударыня — милорд.

Освальд уходит. Входит герцог Альбанский.

Гонерилья

Что я — собака?
Внимания не стою?

Герцог Альбанский

Гонерилья,
Не стоишь пыли ты, которой зря
Тебя осыпал ветер. Страшно думать!
Всё корень знает свой, а если нет,
То гибнет, как сухая ветвь без соков.

Гонерилья

Довольно! Жалкий вздор!

Герцог Альбанский

Не ново это:
Негодным не годится доброта,
А собственная грязь милей и ближе.
Что сделали, что натворили вы,
Не дочери, а сущие тигрицы?
Отца в годах, которого стопы
Медведь бы стал лизать благоговейно,
До сумасшествия вы довели!
И это допустил мой брат и герцог,
Которого старик так одарил?
Нет, если не отмстится по заслугам
Злодейство, доживем мы до того,
Что люди станут пожирать друг друга,
Как чудища морские.

Гонерилья

Жалкий трус
С щеками для пощечин, с головой
Для промахов! Ты разницы не видишь
Меж честью и бесчестьем. Должен знать:
Лишь дураки преступников жалеют,
Делам которых помешала казнь.
Бей в барабан! Французские знамена
Шумят в полях твоих. Стране грозят
Солдаты в шлемах с перьями, в то время
Как ты, апостол кротости, сидишь
И лишь вздыхаешь: «Для чего все это?»

Герцог Альбанский

Глянь на себя. Уродство сатаны
Ничто пред злобной женщины уродством!

Гонерилья

Пустой дурак!

Герцог Альбанский

Зачем так открывать
Свой лик звериный под обличьем женским?

Укрой лицо! Дай волю я рукам,
Я б разорвал тебя с костьми и мясом.
Пусть ты чертовка, все ж тебя хранит
Вид женщины.

Гонерилья

Как мужественно это!

Входит гонец.

Герцог Альбанский

Что скажешь?

Гонец

О мой добрый господин,
Скончался Ко́рнуол. Он убит слугою,
Когда пытался выколоть второй
Глаз Глостеру.

Герцог Альбанский

Глаз Глостеру?

Гонец

При виде
Злодейства сострадательный слуга
Хотел мечом остановить расправу,
Но герцог заколол его, причем
Был ранен сам и тут же вскоре умер.

Герцог Альбанский

Есть, значит, правосудье в небесах,
Раз мигом воздает за наши зверства! —
Скажи, но как же Глостер, бедный граф?
Он слеп теперь?

Гонец

Милорд, на оба глаза.—
Вот от сестры письмо вам, госпожа.
Она просила поскорей ответить.

Гонерилья *(в сторону)*

Все это кстати, кроме одного:
Сестра вдова, и с ней Эдмунд остался.
Воздушный замок, выстроенный мной,
В опасности. А остальное кстати.
(Громко.)
Сейчас прочту и напишу ответ.
(Уходит.)

Герцог Альбанский

Где был Эдмунд во время ослепленья?

Гонец

Сюда уехал с вашею женой.

Герцог Альбанский

Его здесь нет.

Гонец

Я на пути возвратном
С ним встретился.

Герцог Альбанский

Он знает об отце?

Гонец

О да, милорд. Он сам его им выдал
И выехал сюда, чтоб облегчить
Расправу с ним.

Герцог Альбанский

Я целью жизни, Глостер,
Поставлю отблагодарить тебя
За верность Лиру и воздать сторицей
За слепоту твою.— Пойдем, мой друг.
Подробней мне расскажешь все, что знаешь.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Французский лагерь близ Дувра.

Входят Кент и придворный.

Кент. Почему французский король так неожиданно вернулся во Францию? Вы не слышали, какова причина?

Придворный. Его отозвали туда важные государственные дела, угрожавшие Франции большой опасностью и которые он оставил незаконченными, отправляясь на войну.

Кент. Кому передал он командование?

Придворный. Господину Лафару, маршалу Франции.

Кент. Вызвало ли чтение писем, которые вы передали королеве, печаль у нее?

Придворный

Она прочла при мне их, временами
На них роняя за слезой слезу,
Но сохраняя царственно господство
Над горестью, которая сама
Хотела взять, казалось, верх над нею.

Кент

Расстроилась?

Придворный

Не до потери чувств.
Наоборот. Казалось, грусть и стойкость
Поспорили, что больше ей к лицу.
Случалось ли вам видеть дождь сквозь солнце?
Так, улыбаясь, плакала она.
Улыбка на ее губах не знала
Про слезы, застилавшие глаза,
Как жемчуг бы затмили два алмаза.

Кент

Она вопросов вам не задавала?

Придворный

Раз или два с ее дрожащих губ
Слетели восклицанья: «Сестры! Сестры!
Как совести хватило! Кент! Отец!
В такую ночь! Куда девалась жалость!»
Тут слезы градом хлынули у ней,
И, бросившись стремительно наружу,
Она укрылась, чтоб наедине
Отдаться горю.

Кент

Видно, склад душевный
Заложен свыше. Разве бы дала
Одна чета столь разное потомство?
Вы после с ней не говорили?

Придворный

Нет.

Кент

Король Французский был еще в то время?

Придворный

Нет, выехал.

Кент

Так знайте: в Дувре — Лир.
Минутами приходит он в сознанье,
Но отклоняет мысль увидеть дочь.

Придворный

Милорд, чем объясняете вы это?

Кент

Все время он сгорает со стыда,
Что так ее обидел: отказался
Благословить, отринул, обделил,

Толкнул к чужим и отдал все наследство
Бесчеловечным старшим дочерям.
Стыд этот не дает ему покоя.

Придворный

Как жаль его! Несчастный человек!

Кент

Об Олбени и Ко́рнуоле слыхали?

Придворный

Слыхал. Их силы движутся сюда.

Кент

Ну хорошо. Я провожу вас к Лиру
И с ним оставлю. Некоторый срок
Я буду вынужден еще скрываться,
Когда ж откроюсь, вам не будет жаль,
Что мы знакомы. А теперь пойдемте.

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Там же. Внутренность палатки.

Входят Корделия, врач и солдаты.

Корделия

Да, это он. Сейчас мне очевидцы
Рассказывали. Распевает вслух,
Идет и буйствует, как море в бурю.
На нем венок из кашки, васильков,
Репья, чертополоха и крапивы —
Обычных сорных трав в хлебах у нас.
Пошлите роту в поле. Пусть солдаты
Обыщут каждый акр высокой ржи.
Найдите мне его.

Один из офицеров уходит.

Способно ль знанье
Вернуть ему рассудок? Я б дала
За это все свои богатства.

Врач

Средство
Имеется такое, госпожа.
Больничная сиделка наша — отдых.
Вернуть ему покой и усыпить
Бессонный бред помогут наши травы.

Корделия

О силы чудотворные земли,
Подобно глаз моих слезам, забейте
Ключами и уймите боль души
Несчастного! — Ищите же, ищите
Немедленно его, чтоб невзначай,
Отчаясь, не покончил он с собою!

Входит гонец.

Гонец

Войска британцев близко, госпожа.

Корделия

Я это знала раньше. Мы готовы.
Тебе в защиту, дорогой отец,
Вооружилась я. Король Французский
К моим мольбам не мог остаться глух.
Я выступила не из жажды славы,
Но из любви, лишь из одной любви,
Чтоб за отца вступиться. Поскорей бы
Увидеть и услышать мне его!

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Комната в замке Глостера.

Входят Регана и Освальд.

Регана

Брат выставил войска?

Освальд

Да, госпожа.

Регана

Он сам при них?

Освальд

С большою неохотой.
Его жена воинственней, чем он.

Регана

Эдмунд и герцог говорили в замке?

Освальд

Нет, госпожа.

Регана

Что может содержать
Письмо сестры к нему?

Освальд

Не знаю, леди.

Регана

Он выехал отсюда по делам.
Безумьем было Глостеру слепому
Оставить жизнь. Куда он ни придет,
Он против нас поднимет всех на свете.
Мне кажется, из жалости Эдмунд
Поехал сократить его мученья,
А также на разведку вражьих сил.

Освальд

Мне надобно нагнать его с посланьем.

Регана

Мы завтра выступаем. До утра
Останься здесь. Пути небезопасны.

Освальд

Мне строго наказала госпожа
Не медлить ни минуты в этом деле.

Регана

О чем писать Эдмунду ей? Нельзя
Послать распоряженья разве устно?
Послушай... Нет... Послушай, ты меня
Обяжешь... Дай письмо мне распечатать.

Освальд

Сударыня, скорее...

Регана

Знаю я,
Сестра не любит своего супруга
И на Эдмунда у меня в тот раз
Бросала выразительные взгляды.
Ведь ты ее пособник.

Освальд

Что вы! Я?

Регана

Не отрицай. Прекрасно это знаю.
Так вот что я скажу тебе: мой муж
Скончался. Я помолвлена с Эдмундом.
Он больше мне подходит, чем сестре.
Обдумай это. Если встретишь графа,
Вот для него подарок. А сестра

Пусть будет наперед благоразумней.
Так я, скажи, советую. Найдешь
Изменника слепого — помни, много
Дам я тому, кто устранит его.

Освальд

О, если б, госпожа, он мне попался,
Я б доказал, на чьей я стороне!

Регана

Счастливого пути!

(Уходит.)

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Местность близ Дувра.

Входят Глостер и Эдгар, одетый крестьянином.

Глостер

Когда же мы взберемся на утес?

Эдгар

Мы всходим. Замечаете, как круто?

Глостер

Я думал, тут равнина.

Эдгар

Нет, обрыв.
Вы слышите шум моря?

Глостер

Нет, не слышу.

Эдгар

Как видно, под влияньем слепоты
Все чувства притупились в вас.

Глостер

Возможно.
Мне кажется, твой голос стал другим.
Ты говоришь яснее и толковей.

Эдгар

Вы в заблужденье. Я переменил
Один наряд.

Глостер

Нет, разговор стал глаже.

Эдгар

Вот это место. Стойте, господин.
Какая жуть — заглядывать с обрыва

В такую глубь! Величиной с жука,
Под нами вьются галки и вороны.
Посередине кручи человек
Повис и рвет морской укроп, безумец.
Он весь-то с голову, а рыбаки
На берегу — как маленькие мыши.
На якоре стоит большой корабль.
Он сверху шлюпкой кажется, а шлюпка
Не больше поплавка — едва видна.
О камни ударяют с шумом волны,
Но их не слышно с этой высоты.
Довольно. Голова б не закружилась!
Еще слетишь. Нет, лучше не глядеть.

Глостер

Поставь меня, где сам ты.

Эдгар

Дайте руку.
Вы на краю. Отсюда б не ступил
Ни шагу я за все богатства мира.

Глостер

Пусти меня. Вот новый кошелек
В придачу к прежнему. В нем драгоценность.
Будь счастлив, друг мой, с помощью богов.
Подальше отойди, простясь со мною.
Дай убедиться мне, что ты ушел.

Эдгар

Прощайте, добрый сэр.

Глостер

Прощай, мой милый.

Эдгар *(в сторону)*

Пародиею этой на прыжок
Я вылечить его хочу.

Глостер *(опустившись на колени)*

О боги!
Я самовольно покидаю жизнь,
Бросаю бремя горестей без спросу.
Когда б я дольше мог снести тоску
Без тяжбы с вашей непреложной волей,
Я б дал светильне жизни догореть
В свой час самой. Благословите, боги,
Эдгара, если жив он.
(Встает с колен.)
Ну, прощай.

Эдгар

Иду. Ушел.

Глостер бросается вперед и падает на том же месте.

(В сторону.)

Небезопасный опыт.
При мысленном решенье умереть
Смертельна даже мнимая попытка.
Ведь он теперь в воображенье там,
Где думал прекратить существованье.

(Изменив голос.)

Очнитесь, сударь.

(В сторону.)

Не шутя его
Могло убить волненье. Нет, он ожил.—
Кто вы такой?

Глостер

Прочь, дай мне умереть!

Эдгар

Ты что же: воздух, пух иль паутина,
Что рухнул с этой страшной высоты
И не разбился вдребезги? Ты дышишь,
Не ранен, разговариваешь, цел!
Подумай, десять мачт, по крайней мере,
Перелетел ты по отвесу вниз.
Вот чудо! Что-нибудь еще промолви.

Глостер

Действительно упал я или нет?

Эдгар

С той меловой скалы. Взгляни-ка, видишь?
Туда и жаворонку не взлететь.
Да ты протри глаза.

Глостер

Я их лишился.
Ужель страданью права не дано
Искать развязки в смерти? Эту вольность
Прощали все тираны. Каждый мог
Уйти из жизни, чтоб не подчиняться.

Эдгар

Возьми-ка за руку меня. Привстань.
Колени целы? Твердо ли стоишь ты?

Глостер
Да, слишком твердо.
Эдгар
Просто чудеса!
Скажи, кто был с тобой там, на утесе?
Глостер
Несчастный нищий.
Эдгар
Сверху на меня
Глядел он парой глаз, больших, как месяц.
Он был рогат и с тысячей носов.
То был какой-то бес. Тебя, родимый,
Поздравить можно: небеса спасли
От гибели тебя. Они всё могут.
Глостер
Я понял все. Отныне покорюсь
Своей судьбе безропотно, покамест
Она сама не скажет: «Уходи».
Я черта принимал за человека.
Бродяга сам о бесах толковал,
И он привел меня к тому обрыву.
Эдгар
Ну вот и успокойся.— Это кто?

Входит Лир, причудливо убранный полевыми цветами.

Умалишенный — видно по наряду.

Лир. Нет, они не могут запретить мне чеканить деньги. Это мое право. Я ведь сам король.

Эдгар *(в сторону)*
О, душу раздирающая встреча!

Лир. Природа в этом отношении выше искусства.— Вот тебе солдатское жалованье. Этот малый держит лук, как воронье пугало. Оттяни мне тетиву на всю длину стрелы. Смотрите, смотрите — мышь! Тише, тише. Мы ее сейчас поймаем на этот кусочек поджаренного сыра.— Вот моя железная рукавица. Я ее бросаю в лицо великану. Принесите алебарды.— Хорошо слетала, птичка! В цель, прямо в цель! — Говори пароль.

Эдгар. Душистый майоран.

Лир. Проходи.

Глостер. Знакомый голос!

Лир. А! Гонерилья! С седой бородой? Они ласкали меня, как собачку, и врали, что я умен не по годам. Они на все мне отвечали «да» и «нет». Все время «да» и «нет» — это тоже

мало радости. А вот когда меня промочило до костей, когда у меня от холода не попадал зуб на зуб, когда гром не смолкал, сколько я его ни упрашивал, тогда я увидал их истинную сущность, тогда я их раскусил. Это отъявленные обманщицы. Послушать их, так я — все что угодно. Но это ложь. Я не заговорен от лихорадки.

Глостер

Что это — не король? Знакомый голос.

Лир

Король, и до конца ногтей — король.
Взгляну в упор, и подданный трепещет.
Дарую жизнь тебе.— Что ты свершил?
Прелюбодейство? Это не проступок,
За это не казнят. Ты не умрешь.
Повинны в том же мошки и пичужки.—
Творите беззакония. С отцом
Сын Глостера побочный был добрее,
Чем дочери законные — со мной.
Рожайте сыновей. Нужны солдаты.—
Вот дама. Взглянешь — добродетель, лед,
Сказать двусмысленности не позволит,
А в чувственных страстях своих буйна,
Как самка соболя пли кобыла.
И так все женщины наперечет:
Наполовину — как бы божьи твари,
Наполовину же — потемки, ад,
Кентавры, серный пламень преисподней,
Ожоги, немощь, пагуба, конец!

Тьфу, тьфу, тьфу! Аптекарь,— унцию мускусу, чтобы отбить в душе этот смрад! Вот деньги.

Глостер

Дай руку поцелую я тебе.

Лир. Вытру сначала. У нее трупный запах.

Глостер

Непрочное создание природы!
Так и вселенная когда-нибудь
Придет, изнашиваясь, в разрушенье.
Ты знаешь ли меня?

Лир. Твои глаза мне памятны. Что ты косишься на меня? Стреляй, Купидон с завязанными глазами! Я не боюсь твоих стрел. Больше я не полюблю. Прочти вызов, который я им написал. И каким слогом, обрати внимание!

Глостер

Будь ярче солнц слова — не вижу я.

Эдгар *(в сторону)*

Когда б о короле мне рассказали,
Поверить я б не мог. Душа болит.

Лир

Читай!

Глостер

Пустыми впадинами глаз?

Лир. Ого, вот оно что! Ни глаз во лбу, ни денег в кармане? В таком случае глаза у тебя в тяжелом положении, а карманы — в легком. Теперь ты видишь, как идут дела на свете?

Глостер. Я умом заключаю об этом.

Лир. Чудак! Чтобы видеть ход вещей на свете, не надо глаз. Смотри ушами. Видишь, как судья издевается над жалким воришкой? Сейчас я покажу тебе фокус. Я все перемешаю. Раз, два, три! Угадай теперь, где вор, где судья. Видел ты, как цепной пес лает на нищего?

Глостер. Да, государь.

Лир. А бродяга от него удирает. Заметь, это символ власти. Она требует повиновения. Пес этот изображает должностное лицо на служебном посту.

Ты уличную женщину плетьми
Зачем сечешь, подлец, заплечный мастер?
Ты б лучше сам хлестал себя кнутом
За то, что согрешить с ней хочешь втайне.
Мошенника повесил ростовщик.
Сквозь рубища грешок ничтожный виден,
Но бархат мантий прикрывает все.
Позолоти порок — о позолоту
Судья копье сломает, но одень
Его в лохмотья — камышом проколешь.
Виновных нет, поверь, виновных нет:
Никто не совершает преступлений.
Берусь тебе любого оправдать,
Затем что вправе рот зажать любому.
Купи себе стеклянные глаза
И делай вид, как негодяй-политик,
Что видишь то, чего не видишь ты.
Снимите сапоги с меня. Тащите.

Эдгар *(в сторону)*

Какая смесь! Бессмыслица и смысл —
Все вместе.

Лир

При условье, что оплачешь
Мою судьбу, возьми мои глаза.
Я знаю хорошо тебя: ты — Глостер.
Терпи. В слезах явились мы на свет,
И в первый миг, едва вдохнули воздух,
Мы стали жаловаться и кричать.
Я проповедь скажу тебе. Послушай.

Глостер

О скорбь!

Лир

Мы плакали, пришедши в мир,
На это представление с шутами.—
Какая шляпа славная! — Вот мысль!
Ста ко́ням в войлок замотать копыта,
И — на зятьев! Врасплох! И резать, бить
Без сожаленья! Бить без сожаленья!

Входит придворный со слугами.

Придворный

Вот он. Не упускайте.— Государь,
Дочь любящая ваша...

Лир

Нет спасенья?
Я пленник? Да, судьба играет мной.
Не делайте вреда мне. Будет выкуп.
Я попрошу врача. Я ранен в мозг.

Придворный

У вас ни в чем не будет недостатка.

Лир

Опять все мне сносить? Я превращусь
В соленый столб — весь век слезами землю,
Как из садовой лейки, поливать.

Придворный

Мой государь...

Лир

О, я умру без жалоб,
Как юноша! Не надо унывать.
Да, да. Ведь я король, не забывайте!
Вы помните ли это, господа?

Придворный

Вы — повелитель наш. Мы вам послушны.

Лир. Тогда другое дело. Чтобы поймать счастье, надо уметь бегать. Прыг, прыг, прыг... *(Убегает.)*

Слуги бегут за ним вдогонку.

Придворный

В такой беде растрогал бы до слез
Любой бедняк, несчастья ж государя
Превыше слов. Но дочь есть у тебя.
Она искупит все, чем запятнали
Природу злодеянья двух других.

Эдгар

Привет вам, сэр.

Придворный

Привет. Что вам угодно?

Эдгар

Скажите, есть ли сведенья у вас
О скорой битве?

Придворный

Это всем известно,
Кто не глухой.

Эдгар

Позвольте вас спросить,
Где неприятель?

Придворный

Близко. И — в движенье.
Он может показаться каждый час.

Эдгар

Спасибо за известье.

Придворный

Королева
Отвлечена делами, но войска
Продвинулись вперед.

Эдгар

Спасибо, сударь.

Придворный уходит.

Глостер

О всеблагие боги! Вас молю:
Возьмите жизнь мою, чтоб нрав мой слабый
Мне вновь самоубийства не внушил.

Эдгар

Похвальная, хорошая молитва.

Глостер

Кто вы, мой друг?

Эдгар

Я — бедный человек,
Ударами судьбы и личным горем
Наученный сочувствовать другим.
Подайте руку мне, и мы поищем
Пристанища.

Глостер

Благодарю тебя.
Пусть боги наградят тебя сторицей.

Входит Освальд.

Освальд

Законная добыча! В добрый час.
Слепая эта голова судьбою
Сотворена, чтоб мне богатство дать.—
Остановись, изменник нечестивый,
Покайся и молись! Я вынул меч,
Чтобы казнить тебя!

Глостер

Тогда пусть небо
Побольше силы даст твоей руке.

Эдгар становится между ними.

Освальд

Как смеешь заступаться ты, невежа,
За подлого злодея! Отойди.
А то ты с ним разделишь ту же участь.

Эдгар. Не бывать тому, ваша милость. Лучше не просите.

Освальд

Прочь, деревенщина, иль смерть тебе!

Эдгар. Проходи, господин хороший, путем-дороженькой и не связывайся с простым народом. И не поминай мне, сделай милость, про смерть, а то как бы вправду я не помер со страху. А от старичка подальше, подальше от старичка, а то двину я тебя по башке дубиной, посмотрю, что крепче. Уходи, голубчик, подобру-поздорову.

Освальд. Прочь, навозная куча!

Эдгар. Не взыщи, дружок. Не миновать, видно, мне пересчитать тебе зубы.

Дерутся. Эдгар сбивает его наземь.

Освальд

Ты одолел. Возьми мой кошелек.
Похорони меня. Живи в достатке.
Письмо, которое найдешь при мне,
Отдай Эдмунду Глостеру. Он в стане
У англичан.— Безвременная смерть!
Нежданная!

(Умирает.)

Эдгар

Я знаю, кто убитый:
Льстец раболепный злобной госпожи,
Ее пороков ревностный поборник.

Глостер

Что, он убит?

Эдгар

Присядьте, дорогой,
Пока обшарю я его карманы.
Письмо, которое он называл,
Нам может службу сослужить.— Он умер.
Но жаль, что не на плахе.— Вот письмо.
Печать, не обижайся, что взломаю.
Законники, не осуждайте нас.
Чтоб мысль врага узнать, вскрывают сердце,
А письма и подавно.

(Читает.)

«Вспомни наши обоюдные клятвы! У тебя много возможностей устранить моего мужа, было бы желание. Если он вернется победителем, я пропала. Тогда я его пленница навек, а этот брак — моя вечная пытка. Освободи меня от этой постылой будущности и займи его место. Твоя жена (как хотела бы я сказать) и преданная Гонерилья».

О женское коварство! Посягать
На жизнь такого доброго супруга
И брата моего желать взамен!
Похороню тебя, посредник мертвый
Убийства и распутства, здесь, в песке,
А это богомерзкое посланье
Обманутому герцогу отдам.
Пусть радуется он, что ты убит
И заговор на жизнь его открыт.

Глостер

Король сошел с ума. Зачем так крепок
Мой ум, что устоял и сознает

Мою печаль! Я б лучше помешался.
Тогда б я был от горя огражден
Обманчивой игрой воображенья
И память о несчастьях потерял.

Эдгар

Подайте руку мне.

Барабанный бой вдали.

Но чу, вдали
Бьют в барабан... Ну, батюшка, пойдемте.
Я отведу вас к преданным друзьям.

Уходят.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Внутренность палатки во французском лагере.

Лир спит на постели. Играет тихая музыка. Около него врач, придворный и другие. Входят Корделия и Кент.

Корделия

Великодушный Кент, как мне воздать
Тебе за доброту? Мне недостанет
Ни средств, ни жизни.

Кент

Полно! Этих слов
Достаточно с меня. Хочу прибавить,
Что я в рассказе точен был и скуп
И красок не сгущал.

Корделия

Переоденься.
Одежда эта — память о былом.
Оно так тяжко! Нарядись получше.

Кент

Нет, королева, это б шло вразрез
С расчетами моими. И покамест
Меня не узнавайте.

Корделия

Хорошо.
(Врачу.)
Скажите, как здоровье государя?

Врач

Он спит еще.

Корделия

О боги в небесах,
Настройте вновь разлаженную душу
И впавшему в младенчество отцу
Верните ум!

Врач

Угодно ль королеве,—
Разбудим мы его. Он долго спал.

Корделия

Как знаете, решайте. Вам виднее.
Вам удалось его переодеть?

Придворный

Да, государыня. Мы незаметно
Сменили все на нем во время сна.

Врач

Не уходите. Мы его разбудим.
Я за него ручаюсь.

Корделия

Хорошо.

Врач

Поближе подойдите. Музыканты,
Играйте громче.

Корделия

Дорогой отец!
О, если бы врачующую силу
Моим губам, чтоб поцелуй мой стер
Следы всего, что сестры натворили
С тобой, родной!

Кент

О, кротость без границ!

Корделия

Он должен был вас сединой растрогать,
Хотя бы даже не был вам отцом.
Такому ль было выйти ночью в поле
На поединок с вихрем, громом, тьмой?
Такому ли стоять на карауле
Под шлемом развевающихся кос
Средь частых молний? Я б пустила греться
К огню собаку своего врага
В такую ночь! А ты был рад, несчастный,
Ночлегу в шалаше, среди свиней,
С ворами вне закона, на соломе!
Постигнуть не могу, как ты в ту ночь

С рассудком вместе жизни не лишился.
Проснулся он. Заговорите с ним.

Врач

Нет, лучше вы.

Корделия

Ну, как здоровье ваше?
Как вашему величеству спалось?

Лир

Не надо вынимать меня из гроба.
Ты — райский дух, а я приговорен
К колесованью на огне, и слезы
Жгут щеки мне расплавленным свинцом.

Корделия

Вы знаете меня?

Лир

Ты — дух, я знаю.
Когда ты умерла?

Корделия

Еще он плох.

Врач

Он не вполне проснулся. Подождите.

Лир

Где был я раньше? Где я нахожусь? —
Что это, солнце? — Я обманут всеми.
Я умер бы от жалости, случись
С другим такое горе.— Что ответить?
Моя ль это рука? Не поручусь.
Проверю. Уколю булавкой. Колет.
Как я б хотел увериться в себе!

Корделия

Взгляните на меня. Благословите.
О, что вы! На колени? Встаньте, сэр!

Лир

Не смейся надо мной. Я — старый дурень
Восьмидесяти с лишним лет. Боюсь,
Я не совсем в своем уме. Признаться,
Я начинаю что-то понимать,
И, кажется, я знаю, кто вы оба,
И ты и он, но я не убежден,
По той причине, что не знаю, где я.
Своей одежды я не узнаю,
Где я сегодня ночевал, не помню.
Пожалуйста, не смейтесь надо мной!

Поспорить с вами я готов, что это —
Дитя мое Корделия.

Корделия

Да, я!

Лир

Что это, слезы на твоих щеках?
Дай я потрогаю. Да, это слезы.
Не плачь! Дай яду мне. Я отравлюсь.
Я знаю, ты меня не любишь. Сестры
Твои меня терзали без вины,
А у тебя для нелюбви есть повод.

Корделия

Нет, нет его!

Лир

Скажи, я нахожусь
Во Франции?

Кент

Нет, в вашем королевстве.

Лир

Прошу вас не обманывать меня.

Врач

Утешьтесь, госпожа. Припадки буйства,
Как видите, прошли. Но наводить
Его на мысль о виденном опасно.
Уйдите с ним и более ничем
Сегодня не тревожьте.

Корделия

Государь мой,
Пожалуйте.

Лир

Не будь со мной строга.
Прости. Забудь. Я стар и безрассуден.

Все, кроме Кента и придворного, уходят.

Придворный. Достоверно ли, сэр, что герцог Корнуэльский убит таким образом?

Кент. Вполне достоверно.

Придворный. Кто командует его армией?

Кент. Говорят, побочный сын Глостера.

Придворный. Правда ли, будто Эдгар, его изгнанный сын, вместе с графом Кентом скрываются в Германии?

Кент. Слухи разноречивы. Однако не время медлить: армии сходятся.

Придворный. Схватка, по-видимому, будет кровопролитная. Прощайте, сэр. *(Уходит.)*

Кент

Уж цель близка, а что нас завтра ждет,
Покажет боя этого исход.

(Уходит.)

АКТ ПЯТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Британский лагерь близ Дувра.

Входят с барабанами и знаменами Эдмунд, Регана, офицеры, солдаты и другие.

Эдмунд *(офицеру)*

Узнай у герцога наверняка,
Держаться ли последнего решенья
Или он изменил его. Он весь
В противоречьях. Пусть ответит точно.

Офицер уходит.

Регана

Слуга сестры, наверное, погиб.

Эдмунд

Я сам боюсь.

Регана

Давайте объяснимся.
Вы знаете, как я к вам отношусь.
Так искренне скажите, милый Глостер,
Вы любите мою сестру?

Эдмунд

Как брат.

Регана

А вы к ней никогда не подбирались
Тайком от зятя?

Эдмунд

Бросьте эту мысль.

Регана

Мне кажется, у вас давно с ней близость.

Эдмунд

Нет, герцогиня, честью вам клянусь!

Регана

Сестра невыносима. Милый Глостер,
Не будьте с нею близки!

Эдмунд

Никогда.
Но вот она сама, и муж с ней, герцог.

Входят с барабанами и знаменами герцог Альбанский, Гонерилья и солдаты.

Гонерилья *(в сторону)*

Охотней проиграю я сраженье,
Чем дам сестре меня с ним разлучить.

Герцог Альбанский

Привет сестре любимой! Как я слышал,
Король у дочери, и с ними все,
Кто недоволен нашим притесненьем.
Чтоб воевать, я должен быть в ладу
С своею совестью. И мой противник —
Французы, наводнившие наш край,
А не король и прочие вельможи,
Которым есть чем всех нас попрекнуть.

Эдмунд

Все это верно.

Регана

Но к чему все это?

Гонерилья

Мы вышли против общего врага —
Вот сущность дела, а не наши распри.

Герцог Альбанский

Тогда я созову сейчас совет
Для выработки плана наступленья.

Эдмунд

Я к вам приду сейчас в шатер.

Регана

Сестра,
Ты с нами?

Гонерилья

Нет.

Регана

А лучше шла бы с нами.

Гонерилья *(в сторону)*

Несложная загадка! Я иду.

Хотят уйти, им навстречу входит переодетый Эдгар.

Эдгар

Светлейший, уделите полминуты
Простому человеку.

Герцог Альбанский

Говори.—
Сейчас я нагоню вас.

Все, кроме герцога Альбанского и Эдгара, уходят.

Эдгар

Перед битвой
Прочтите, герцог, это вот письмо,
И в случае победы пусть глашатай
К вам вызовет меня трубой. Я ниц,
Но выставлю бойца, который кровью
Докажет все, что сказано в письме.
А если вас постигнет пораженье,
То будет не о чем и хлопотать,
Тогда конец и вам и вражьим козням.
Пошли судьба успеха вам!

Герцог Альбанский

Постой,
Прочту письмо.

Эдгар

Мне не велели медлить.
Придет пора, пусть вызовет герольд —
Я сам явлюсь.

Герцог Альбанский

Прощай. Займусь я чтеньем.

Эдгар уходит. Эдмунд возвращается.

Эдмунд

Враг показался. Стянемте войска.
Вот сведенья о силах их, примерно.
Вам надо торопиться.

Герцог Альбанский

В добрый час.

(Уходит.)

Эдмунд

Обеим сестрам клялся я в любви.
Как яд змеи, их ненависть друг к другу.
Кого мне взять? Обеих ли? Одну
Иль ни одной? Покамест живы обе,
К ним путь закрыт. Женюсь я на вдове —
Мне жить не даст спокойно Гонерилья.
А с ней при муже тоже пользы нет.
Пока война, он важная опора,
А после пусть придумает сама,
Как от него избавиться. Он Лира
С Корделией намерен пощадить,
Когда их в плен возьмет. Того не будет.
В моих делах опасно размякать.
Я драться должен, а не рассуждать.

(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Поле между двумя лагерями.

За сценой шум битвы. По сцене проходят с барабанами и знаменами Лир, Корделия и их войско. Входят Эдгар и Глостер.

Эдгар

Сядь, дедушка, под деревом в тени.
Молись, чтоб восторжествовала правда,
И если я вернусь — скажу тебе,
Чего ты и не ждешь.

Глостер

Храни вас боги!

Эдгар уходит.

Шум битвы, затем сигнал к отступлению. Эдгар возвращается.

Эдгар

Бежим, старик! Дай руку мне. Бежим!
Король разбит. Его и дочь схватили.
Они в плену. Скорей дай руку мне!

Глостер

Зачем бежать? Сгнию на этом месте.

Эдгар

Опять дурные мысли? Человек
Не властен в часе своего ухода
И сроке своего прихода в мир,
Но надо лишь всегда быть наготове.
Идем.

Глостер

Идем. Ты совершенно прав.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Британский лагерь близ Дувра.

Входит победителем, с барабанами и знаменами, Эдмунд и пленные Лир и Корделия, офицеры и солдаты.

Эдмунд

Взять их под стражу! Хорошо стеречь,
Пока не вынесут им приговора.

Корделия

Нет, мы не первые в людском роду,
Кто жаждал блага и попал в беду.
Из-за тебя, отец, я духом пала,
Сама бы я снесла удар, пожалуй.
А славные те дочери и сестры,—
Нас разве не покажут им?

Лир

Нет, нет!
Пускай нас отведут скорей в темницу.
Там мы, как птицы в клетке, будем петь.
Ты станешь под мое благословенье,
Я на колени стану пред тобой,
Моля прощенья. Так вдвоем и будем
Жить, радоваться, песни распевать,
И сказки сказывать, и любоваться
Порханьем пестрокрылых мотыльков.
Там будем узнавать от заключенных
Про новости двора и толковать,
Кто взял, кто нет, кто в силе, кто в опале,
И с важностью вникать в дела земли,
Как будто мы поверенные божьи.

Мы в каменной тюрьме переживем
Все лжеученья, всех великих мира,
Все смены их, прилив их и отлив.

Эдмунд

Отвесть их прочь.

Лир

При виде жертв подобных
Нам боги сами курят фимиам.
Ты тут, Корделия? Мы неразлучны.
Они должны достать огонь с небес,
Чтоб выкурить нас порознь из темницы,
Как выживают из норы лисиц.
Утри глаза. Чума их сгложет прежде,
Чем мы решимся плакать из-за них.
Подохнут — не дождутся. Ну, ведите!

Лира и Корделию уводят под стражей.

Эдмунд

Послушай, капитан! Возьми пакет.
В нем письменный приказ.
(Дает ему бумагу.)
Сведи их в крепость.
Тебя я поднял на одну ступень.
Пойдешь и выше, если все исполнишь.
Приспособляться должен человек
К веленьям века. Жалость неприлична
Военному. Не спрашивай, о чем
Гласит приказ, но объяви заране,
Берешься ль выполнить его?

Офицер

Берусь.

Эдмунд

Ступай же. Ничего не пожалею
Тебе в награду. Сделай все точь-в-точь,
Как написал я. Мигом, незаметно.

Офицер

Я не вожу телег, не ем овса.
Что в силах человека — обещаю.
(Уходит.)

Трубы. Входят герцог Альбанский, Гонерилья, Регана, офицеры и солдаты.

Герцог Альбанский

Сэр, вы сегодня выказали храбрость.
Вам улыбнулось счастие. Враги
У вас в плену. Мы требуем их выдать,
Чтобы распорядиться их судьбой
В согласье с честью и благоразумьем.

Эдмунд

Я нужным счел больного короля
Под стражею отправить в заключенье.
Он трогает чувствительность солдат
И возрастом и королевским саном,
И эта жалость может подорвать
Повиновенье, обратив оружье
На нас самих. С ним вместе увели
Корделию по тем же основаньям.
Я завтра или через два-три дня
Представлю их на суд ваш. Но сегодня,
Когда еще в крови все и в поту
И потерял товарища товарищ,
Не время, думается, раздражать
Всех тех, кто испытал жестокость схватки.
Дела Корделии и короля
Дождутся подходящей обстановки.

Герцог Альбанский

Спокойнее! Простите, сэр, я вас
Считаю подчиненным, а не братом.

Регана

Смотря по титулу, какой я дам
Ему сейчас. Вперед вам не мешало б
Спросить меня. Он полководец мой
И в битве представлял мою особу.
Как мой правопреемник — он ваш брат.

Гонерилья

Не хлопочи. Его и так заслуги
Возвысили, без помощи твоей.

Регана

Но я его поставлю рядом с вами.

Герцог Альбанский

Особенно, когда с ним вступишь в брак.

Регана

Насмешники — хорошие пророки.

Гонерилья

Но это предсказал плохой пророк.

Регана

Сестра, мне нездоровится, иначе
Сказала б резче я.— Воитель мой,
Бери мой край, моих солдат и пленных,
Сдается крепость. Все мое — твое.
Будь мне и господином и супругом.

Гонерилья

Так он тебе и будет!

Герцог Альбанский

Помешать
Такому шагу ведь не в вашей власти.

Эдмунд

Но и не в вашей.

Герцог Альбанский

Разве, мнимый брат?

Регана *(Эдмунду)*

Вели бить в барабан и докажи
Мечом, что вправе ты принять мой титул.

Герцог Альбанский

Стой! Я их арестую. Ты, Эдмунд,
Виновен в государственной измене
Совместно с этой золотой змеей.
(Указывая на Гонерилью, Регане.)
Сестра, я должен ваши притязанья
Отвесть, как опекун моей жены:
Она уже помолвлена с милордом.
Хотите замуж — выбор вам один:
Не занят я, а леди не свободна.

Гонерилья

Фиглярство!

Герцог Альбанский

Глостер, ты вооружен.
Вели трубить, и ежели на вызов
Никто не выйдет доказать мечом,
Какой ты лжец, преступник и предатель,
Вот мой залог.
(Бросает перчатку.)
Я хлеба не вкушу,
Пока не докажу исходом боя.
Что ты все то, чем я назвал тебя.

Регана

Мне дурно, дурно!

Гонерилья *(в сторону)*
Это и понятно.
Я разбираюсь в ядах хорошо.
Эдмунд
Вот мой залог.
(Бросает перчатку.)
И если кто-нибудь
Осмелится сказать, что я изменник,
Солжет он, как последний негодяй.—
Труби, герольд! Готов со всеми биться,
Кто б ни пришел, с тобою, с этим, с тем,
За честь свою и правду.
Герцог Альбанский
Эй, глашатай!
Эдмунд
Герольд, сюда!
Герцог Альбанский
Сам за себя постой.
Твоих солдат, которых ты мне нанял,
Своею властью я и распустил.
Регана
Все хуже мне!
Герцог Альбанский
Ей плохо. Уведите
Ее в мою палатку.

Регану уводят.
Входит герольд.

Вот герольд.
Труби, герольд, и огласи вот это!
Офицер
Труби, трубач!

Трубят.

Герольд *(читает)*. «Если бы среди дворян и офицеров этой армии нашелся желающий силой оружия доказать, что Эдмунд, выдающий себя за графа Глостера, лжец и предатель, пусть он соблаговолит выступить вперед по третьему зову трубы. Противник готов к встрече».
Эдмунд
Труби!

Трубят в первый раз.

Герольд

Еще раз!

Трубят во второй раз.

Герольд

Еще раз!

Трубят в третий раз. Издали за сценой отвечает труба. Входит вооруженный Эдгар с трубачом впереди.

Герцог Альбанский

Спроси, что он задумал и зачем
На зов трубы явился.

Герольд

Рыцарь, кто ты
По имени и званью? Почему
Ответил ты на вызов?

Эдгар

Знайте, имя
Утрачено мое и клеветой
Загрязнено. Но я такой же знатный,
Как мой противник.

Герцог Альбанский

Кто противник твой?

Эдгар

Кто здесь за графа Глостера Эдмунда?

Эдмунд

Он сам. Что скажешь ты?

Эдгар

Так вынь свой меч,
И если речь моя несправедлива,
Оружьем мне воздай за клевету.
А я по праву своего рожденья
Во имя чести рыцарской и клятв
Пришел сказать, что, несмотря на силу
И званье, доблесть, молодость, успех
И новую победу, ты — предатель
Перед богами, братом и отцом
И перед этим герцогом изменник
И весь запятнан с головы до ног
Следами гнусной низости и грязи.
Скажи, что я не прав,— моя рука,
Мой меч и совесть здесь, чтоб в поединке
Все, в чем ты отопрешься, доказать.

Эдмунд

Я мог бы настоять, чтоб ты назвался,
Но вид твой так воинственен и горд
И речь так обличает воспитанье,
Что, правилам обычным вопреки,
Я пользоваться не хочу отсрочкой.
Бросаю ложь твою тебе назад —
Она меня ни краем не задела —
И чтоб ее в тебе похоронить,
Мечом прокладываю ей дорогу.—
Трубите бой!

Трубы. Схватка. Эдмунд падает.

Герцог Альбанский

Не добивай его!

Гонерилья

Ты — жертва козней, Глостер! По закону,
Не бьются с неизвестными. Ты мог
Не отвечать. Тебя не победили,
А взяли хитростью.

Герцог Альбанский

Прошу молчать,
А то заткну вам рот бумагой этой! —
Прочти, злодей. В письме твой приговор.
(Гонерилье.)
Не рвать записки! Вам она знакома?
(Дает Эдмунду письмо.)

Гонерилья

Что ж! Здесь — моя держава, не твоя.
Кому судить меня?

Герцог Альбанский

Предел бесстыдства!
Так ты записку знаешь, стало быть?

Гонерилья

Не спрашивай, что знаю я.
(Уходит.)

Герцог Альбанский *(офицеру)*

Смотрите
За ней. Она от горя вне себя.

Офицер уходит.

Эдмунд

Я сделал все, в чем ты меня винил,
И много больше. Время все откроет.

Моя пора пришла. Но кто же ты,
Кому так посчастливилось со мною?
Откройся, рыцарь. Я тебя прошу.

Эдгар

Признанием отвечу на признанье.
Не ниже по рожденью я, чем ты,
А если выше — тем твой грех тяжеле.
Меня зовут Эдгар, и я твой брат.
Но боги правы, нас за прегрешенья
Казня плодами нашего греха.
За незаконность твоего рожденья
Глазами поплатился твой отец.

Эдмунд

Да, правда. Колесо судьбы свершило
Свой оборот. Я здесь и побежден.

Герцог Альбанский

Я догадался по твоей осанке
О знатности твоей. Дай обниму.
Не знать мне счастья, если хоть притворно
На миг я отвернулся от тебя
И твоего отца!

Эдгар

Я это знаю.

Герцог Альбанский

Где ты скрывался? Как проведал ты
О бедствиях отца?

Эдгар

Я разделял их.
Послушайте коротенький рассказ.
Я б умереть хотел, когда я кончу.
Как нас к себе привязывает жизнь!
Мы медленную смерть от долгих пыток
Предпочитаем быстрому концу.
Узнав, что я объявлен вне закона,
Я стал скрываться, принял жалкий вид
Помешанного и бродил в лохмотьях,
Которых псы чурались. Так набрел
Я на отца с кровавыми кругами
Глазниц, пустых, как кольца без камней.
Я стал его вожатым, побирался,
Кормил его, поддерживал в нем дух.
Ах, отчего я в первый раз открылся
Ему лишь полчаса тому назад,

Когда, вооружившись перед битвой,
Просил, чтоб он меня благословил,
И описал ему свои скитанья!
Удар был слишком резок. Чересчур
Сошлись в нем вместе радость и страданье.
Их столкновенья сердце не снесло
И разорвалось.

Эдмунд

Ты меня растрогал,
Моей душе на благо, может быть.
Но продолжай. Ты, кажется, не кончил.

Герцог Альбанский

Не надо, если повесть так горька
И дальше. Я чуть жив от слез остался.

Эдгар

Пределом это кажется для тех,
Кто к горю не привык. Но кто привычен,
Теряет счет страданьям и идет
Сквозь испытанья до конца и края.
Пока я горько плакал, человек
Приблизился. Он мне встречался раньше.
Мой нищий вид отталкивал его.
Теперь, узнав, кто я на самом деле,
Он бросился на шею мне и, пав
На труп отца, омыл его слезами.
Он рассказал о Лире и себе
Такую быль, которой свет не слышал.
Описывая ужасы тех дней,
Он снова пережил их потрясенья
И потерял сознанье. В этот миг
Раздался зов трубы, и я оставил
Его без чувств.

Герцог Альбанский

Кто ж был тот человек?

Эдгар

Кент, сэр, изгнанник Кент. Переодетый,
Он следовал за королем, своим
Гонителем, и верою и правдой
Служил ему, не брезгая ничем.

Вбегает придворный с окровавленным кинжалом.

Придворный

На помощь! Помогите!

Эдгар

Что случилось?

Герцог Альбанский

Что это?

Эдгар

Почему кинжал в крови?

Придворный

Он теплый. Он дымится. Он из сердца.
Она мертва.

Герцог Альбанский

Кто мертв? Скажи скорей!

Придворный

Мертва супруга ваша. Закололась,
Пред этим отравив свою сестру.
Она созналась в этом.

Эдмунд

Я помолвлен
С обеими. Теперь нас всех троих
Смерть обручит.

Эдгар

Вот Кент.

Герцог Альбанский

Живых иль мертвых,
Несите их сюда. Вселяет страх
Небесный суд, свершившийся над ними,
Но нам не жалко их.

Придворный уходит.
Входит Кент.

Да, это он.
Событья не дают его принять,
Как подобало бы в другое время.

Кент

Владыке своему и королю
Пришел я пожелать спокойной ночи.
Как, он не здесь?

Герцог Альбанский

Про главное забыли.
Эдмунд, скажи нам, где король и где
Корделия?

Вносят тела Гонерильи и Реганы.

Ты видишь, Кент?

Кент

Что это?

Эдмунд

Да, был любим Эдмунд! Из-за него
Одна сестра другую отравила
И закололась.

Герцог Альбанский

Да, все это так.
Закройте лица им.

Эдмунд

Жизнь ускользает.
Пред смертью сделать я хочу добро,
Хоть это непривычно мне. Пошлите
В тюрьму. Не медлите! Я дал приказ
Лишить Корделию и Лира жизни.
Не медлите!

Герцог Альбанский

Скорей! Беги бегом!

Эдгар

К кому бежать? Кому приказ был отдан?
Дай знак отмены!

Эдмунд

Правильно. Возьми
Мой меч и моему дай офицеру.

Герцог Альбанский

Скорее, я прошу!

Эдгар уходит.

Эдмунд

Твоя жена
И я распорядились, чтоб в темнице
Корделию повесили, сказав,
Что это ею сделано самою
В отчаянье.

Герцог Альбанский

Будь небо ей щитом!
Возьмите кто-нибудь его отсюда.

Эдмунда уносят.

Входит Лир с мертвой Корделией на руках, за ним Эдгар, офицеры и другие.

Лир

Вопите, войте, войте! Вы из камня!
Мне ваши бы глаза и языки —
Твердь рухнула б!.. Она ушла навеки...
Да что я, право, мертвой от живой
Не отличу? Она мертвее праха.
Не даст ли кто мне зеркала? Когда
Поверхность замутится от дыханья,
Тогда она жива.

Кент

Не это ль час
Кончины мира?

Эдгар

Исполненье сроков.

Герцог Альбанский

Конец времен и прекращенье дней.

Лир

Перо пошевелилось. Оживает!
Ах, если это правда,— этот миг
Искупит все, что выстрадал я в жизни.

Кент

О господин мой!
(Становится на колени.)

Лир

Лучше уходи.

Эдгар

Ведь это Кент. Он друг ваш.

Лир

Пропадите!
Убийцы, подлецы! Я б спас ее,
А вот теперь она ушла навеки.—
Корделия, Корделия, чуть-чуть
Повремени еще! Что ты сказала? —
Ах, у нее был нежный голосок,
Что так прекрасно в женщине.— Злодея,
Тебя повесившего, я убил.

Офицер

Да, господа, он это, правда, сделал.

Лир

Не правда ли, приятель? Было время,
Своим прекрасным острым палашом

Заставил бы я всех их тут попрыгать.
Не то теперь. Теперь я стар и слаб
От этих бед.

(Кенту.)

Кто вы? Я плохо вижу.
Я должен это прямо вам сказать.

Кент

Судьба нас двух любила и терзала.
Один из них пред вами.

Лир

Тут темно.
Скажите, вы не Кент?

Кент

Ну да, он самый.
Слуга ваш Кент. А где слуга ваш Кай?

Лир

Он славный малый был, скажу вам прямо.
Храбрец, рубака. Умер и истлел.

Кент

Нет, государь. Я — это Кай.

Лир

Посмотрим.

Кент

Я с первых ваших злоключений шел
За вами по пятам.

Лир

Я рад вас видеть.

Кент

Все ж остальное — ужас, мрак, печаль.
Две ваших старших дочери в порыве
Отчаянья покончили с собой.

Лир

Да, кажется.

Герцог Альбанский

Он, видимо, не знает,
Что говорит. Бесцельно выражать
Ему почтенье наше.

Эдгар

Бесполезно.

Входит офицер.

Офицер

Эдмунд скончался.

Герцог Альбанский

Нам не до него.—
Вот что задумал я, друзья и лорды:
Чем только можно будет облегчить
Великого страдальца злую участь,
Всё обещаю сделать. Нашу власть
Передадим ему до самой смерти.
(Эдгару и Кенту.)
Вступите в ваши старые права.
Мы их еще расширим по заслугам.
Кто верен был, вкусит плоды добра,
Кто изменил, осушит чашу горя.—
Смотрите, что с ним? Видите?

Лир

Мою
Бедняжку удавили! Нет, не дышит!
Коню, собаке, крысе можно жить,
Но не тебе. Тебя навек не стало,
Навек, навек, навек, навек, навек! —
Мне больно. Пуговицу расстегните...
Благодарю вас. Посмотрите, сэр!
Вы видите? На губы посмотрите!
Вы видите? Взгляните на нее!
(Умирает.)

Эдгар

Он в обморок упал. Мой государь!

Кент

Разбейся, сердце! Как ты не разбилось?

Эдгар

Очнитесь, государь!

Кент

Не мучь. Оставь
В покое дух его. Пусть он отходит.
Кем надо быть, чтоб вздергивать опять
Его на дыбу жизни для мучений?

Эдгар

Он умер.

Кент

Удивительно не то,
А где он силы брал, чтоб жить так долго.

Герцог Альбанский

Несите мертвых. Наш ближайший долг
Оплакать их. *(Кенту и Эдгару.)*
Друзья мои, вы оба мне опора,
Чтоб вывесть край из горя и позора.

Кент

Не смею, герцог, сборами тянуть.
Меня король зовет. Мне надо в путь.

Герцог Альбанский

Какой тоской душа ни сражена,
Быть твердым заставляют времена.
Последуем примеру этой тени
И в долголетьи и в долготерпеньи.

Уходят под звуки похоронного марша.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дункан, король шотландский.
Малькольм, Дональбайн } его сыновья.
Макбет, родственник короля, Банко } шотландские полководцы.
Макдуф, Ленокс, Росс, Ментейс, Ангус, Кэтнес } владетели шотландских областей.
Флинс, сын Банко.
Сивард, граф Нортумберлендский, английский полководец.
Молодой Сивард, его сын.
Сейтон, оруженосец Макбета.
Малолетний сын Макдуфа.
Английский врач.
Шотландский врач.
Сержант.
Привратник.
Старик.
Леди Макбет.
Леди Макдуф.
Придворная дама при леди Макбет.
Геката.
Три ведьмы.
Дух Банко и другие призраки.
Лорды, знать, офицеры, солдаты, убийцы, слуги и гонцы.

Действие происходит в Шотландии и Англии в середине XI века.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Пустынное место. Гром и молния.

Входят три ведьмы.

Первая ведьма
Когда средь молний, в дождь и гром
Мы вновь увидимся втроем?
Вторая ведьма
Когда один из воевод
Другого в битве разобьет.
Третья ведьма
Заря решит ее исход.
Первая ведьма
Где нам сойтись?
Вторая ведьма
На пустыре.
Третья ведьма
Макбет там будет к той поре.
Первая ведьма
Мурлычет кот, зовет. Иду!
Третья ведьма
Зов жабы слышу я в пруду.
Все вместе
Зло есть добро, добро есть зло.
Летим, вскочив на помело!

Исчезают.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Лагерь близ Форреса.

Боевые клики за сценой.
Входят Дункан, Мальколь м, Дональбайн и Ленокс со свитой.
Навстречу им попадается раненый сержант.

Дункан

Кто этот окровавленный солдат?
Мне кажется, мы от него узнаем
О ходе мятежа.

Мальколь м

Он — тот сержант,
Который мне помог избегнуть плена.
Здорово, друг! Король желает знать,
В каких условьях ты оставил схватку.

Сержант

Еще не выяснилось, чья возьмет.
Противники — как два пловца, которым
Борьба мешает двигаться в воде.
Безжалостный Макдóнальд, сочетавший
В себе все низости бунтовщика,
Набрал отряд ирландских копьеносцев
И поднял западные острова.
Судьба старалась поддержать повстанца,
Но ничего поделать не могла.
Храбрец Макбет (он назван так по праву)
Пробил себе отважно путь мечом,
Дымившимся кровавым воздаяньем,
И, став с изменником лицом к лицу,
Руки не жал, прощальных слов не тратил,
Но голову ему с размаху снес
И водрузил ее на частоколе.

Дункан

Наш храбрый родич! Чести образец!

Сержант

Но как безоблачность сменяют тучи
И буря топит в море корабли,
Так и источник нашего спасенья
Вдруг превратился в гибели родник.
Внимательней, король шотландский, слушай:
Едва лишь восторжествовал закон,
Оружьем обратив ирландцев в бегство,

Король норвежский, улучивши миг,
На нас повел нетронутые силы.

Дункан

И что ж, скажи, он этим устрашил
Командующих — Банко и Макбета?

Сержант

Да, устрашил, как воробей — орла
И заяц — льва! Сказать тебе по правде,
Они, как пушки мощности двойной,
Удвоили решительность ударов.
Омыться ль жаждали они в крови,
Увековечить новую ль Голгофу,
Не знаю...
Слабею. Раны жгут.

Дункан

Твои слова
И эти раны говорят о чести.
Доставьте поскорей ему врача.

Сержанта уводят.

Кто там идет?

Входит Росс.

Малькольм

Почтенный росский тан.

Ленокс

Как у него горят глаза! Наверно,
Он новость необычную принес.

Росс

Да здравствует король!

Дункан

Откуда ты,
Достойный тан?

Росс

Я, государь, из Файфа,
Где небо овевал норвежский стяг
И наводил на наше войско холод.
Там полчища норвежские слились
С отпавшим от тебя кавдорским таном
И завязали с нами страшный бой.
Но подоспел Макбет, жених Беллоны,
В своей непроницаемой броне,
Сошелся с ними в жаркой рукопашной,

И враг обуздан. Проще говоря —
Мы победили.

Дункан

Какова удача!

Росс

Норвежцы мира просят. Мы же им
Не разрешили хоронить убитых,
Пока король их Свен не заплатил
В Сент-Кольме десять тысяч золотыми.

Дункан

Поправший верность нам кавдорский тан
Наказан будет смертью за обман.
А с областями вражьего клеврета
И с титулом его поздравь Макбета.

Росс

Исполню все.

Дункан

Чего лишился тот,
Достойнейший Макбет приобретет.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Степь. В отдалении гром.

Входят три ведьмы.

Первая ведьма

Где ты была, сестрица?

Вторая ведьма

Мор насылала на свиней.

Третья ведьма

А ты, сестра?

Первая ведьма

Со шкипершей сидела.
У той каштанов полон был подол.
Сама знай щелк себе да щелк!
«Дай погрызу»,— я попросила.
А эта тварь как гаркнет: «Вон отсюда,
Проклятая карга!»
Плывет на «Тигре» муж ее в Алеппо,
А я на днище решета

Пущусь, как крыса без хвоста,
За ним, за ним, за ним в погоню.

Вторая ведьма

А я подую в решето.

Первая ведьма

Благодарю тебя за то.

Третья ведьма

Я тоже ветров напущу.

Первая ведьма

А я своими угощу.
Дуновеньем их задеты
Все края и страны света,
Как по компасу штурвал
Направленье б ни держал.
Я в дорогу моряку
Дам в подруги грусть-тоску,
Чтоб, скучая, ни на час
Не смыкал он ночью глаз,
Чтоб забыл покой и сон
Девяносто девять дён,
Чтобы таял он и сох,
Торопя последний вздох.
Но ни бурям, ни волнам
Потопить его не дам.
Гляди, что у меня.

Вторая ведьма

Дай я взгляну.

Первая ведьма

Это палец морехода:
Близ земли свалился в воду.

Бой барабана за сценой.

Третья ведьма

Слышишь, слышишь — барабанят!
Скоро нам Макбет предстанет.

Все

Взявшись за руки, бегом
Вкруговую в пляс пойдем.
Замелькает хоровод,
Из-под ног земля уйдет.
Девять раз кругом, кругом
Обежим и круг замкнем.
Круг заклят, и слово наше крепко!

Входят Макбет и Банко.

Макбет

Прекрасней и страшней не помню дня.

Банко

Далёко ли до Форреса? Кто это?
Как жалок вид их и как дик наряд!
Они так отличаются от прочих
Жильцов земли, и все ж они на ней!
Кто вы такие? Вы живые твари?
Вас можно спрашивать? Как будто да.
Вы поняли меня и приложили
Сухие пальцы к высохшим губам.
Вы — женщины, но бороды на лицах
Как будто говорят нам о другом.

Макбет

Кто вы, ответьте, если речь дана вам!

Первая ведьма

Хвала тебе, Макбет, гламисский тан!

Вторая ведьма

Хвала тебе, Макбет, кавдорский тан!

Третья ведьма

Хвала Макбету, королю в грядущем!

Банко

Зачем ты содрогнулся? Их слова
Ласкают слух. А вас прошу, признайтесь:
Вы вправду существуете иль нам
Мерещитесь? Вы предрекли Макбету
Сверх скорого наследства новый сан
И королевский титул. Он в смятенье.
А мне вы не сказали ничего.
Но если, наперед судьбу предвидя,
Вы знаете, что станется, что нет,
Поворожите также человеку,
Который милости от вас не ждет
И ненависти вашей не боится.

Первая ведьма

Хвала!

Вторая ведьма

Хвала!

Третья ведьма

Хвала!

Первая ведьма

Ты менее Макбета, но и больше.

Вторая ведьма

Без счастья, но счастливее его.

Третья ведьма

Ты предок королей, но не король.
Хвала, хвала вам, Банко и Макбет!

Первая ведьма

Хвала вам, Банко и Макбет, хвала вам!

Макбет

Гадальщицы скупые, не таитесь!
Понятно, если умер мой отец,
Гламисский тан, я, значит, тан гламисский.
Но жив и здравствует кавдорский тан,
И сделаться им так же невозможно,
Как трудно стать шотландским королем.
Откуда ваши сведенья? Откуда
Вы сами, встретившие нас в степи
Пророческим приветствием? Скажите.

Ведьмы исчезают.

Банко

Земля пускает так же пузыри,
Как и вода. Явились на поверхность
И растеклись.

Макбет

Рассеялись, как пар,
И в воздухе растаяли бесследно.
А жаль, что скрылись. Я б их расспросил.

Банко

Действительно ли тут они стояли,
Иль мы с тобой объелись белены?

Макбет

Твои потомки станут королями.

Банко

Ты будешь сам при жизни королем.

Макбет

А также и кавдорским таном. Правда?

Банко

Да, в точности. Кто там идет?

Входят Росс и Ангус.

Росс

Макбет!

Король был рад узнать про твой успех.
Уже и утренней твоей победе
Он расточал в восторге похвалы,
Когда ж к исходу дня ты оказался
В бою с норвежцами, не устрашась
Тобой нагроможденных зрелищ смерти,
Для прославлений не хватило слов.
Летели градом вести с поля битвы
И прибавляли новые черты
К твоим заслугам перед королевством.

Ангус

Король награды с нами не послал,
А благодарность лишь и приглашенье
Пожаловать к нему.

Росс

Но он велел
Именовать тебя кавдорским таном
В залог дальнейших благ. Хвала тебе!
По праву заслужил ты новый титул.

Банко *(в сторону)*

Как! Черт умеет правду говорить?

Макбет

Но тан кавдорский жив. Не понимаю,
Зачем рядить меня в чужой наряд?

Ангус

Кто таном был, еще живет, но жизнью
Заплатит, так он тяжко обвинен.
Норвежский ли союзник или бунта
Негласный соучастник, только он
Виновен в государственной измене,
В ней уличен, сознался и умрет.

Макбет *(в сторону)*

Гламисский и кавдорский тан! А дальше
Венец!
(Россу и Ангусу.)
Благодарю вас за труды.
(В сторону, Банко.)
Ну, как твои надежды, основатель
Династии! Действительно ведь я —
Кавдорский тан?

Банко *(в сторону, Макбету)*

На этом основанье
Ты мог бы о короне возмечтать.

Но духи лжи, готовя нашу гибель,
Сперва подобьем правды манят нас,
Чтоб уничтожить тяжестью последствий.
(Обращается к Россу и Ангусу.)
Послушайте...
(Отходит.)

Макбет *(в сторону)*

Две истины сбылись,
Вводящие к предвестью высшей власти.
Начало есть.
(Россу и Ангусу.)
Спасибо, господа!
(В сторону.)
Те сверхъестественные поощренья
Не могут быть ни к худу, ни к добру.
Они не к худу: в этих предсказаньях
Скрывалась правда. Я кавдорский тан.
Они не могут быть к добру: иначе
Я б разве мог внушеньям уступать,
Которых ужас волосы мне дыбит
И заставляет сердце в ребра бить?
Воображаемые страхи хуже
Действительных. Я весь оледенел
При допущенье этого убийства,
И жизнь передо мной заслонена
Плодом воображенья, небылицей.

Банко *(Россу и Ангусу)*

Вы видите, как он ушел в себя.

Макбет *(в сторону)*

Когда судьба мне хочет дать корону,
Пусть и дает без помощи моей.

Банко

Он должен к новой почести привыкнуть.
Ее, как платье, надо обносить.

Макбет *(в сторону)*

Ах, будь что будет! Всякий день пройдет,
Какой бы он ни принял оборот.

Банко

Мы дожидаемся, Макбет достойный.

Макбет

Простите, господа. Я вспоминал
Упущенное. Ваши одолженья
Я на страницах сердца запишу,

Которые читаю ежедневно.
Пойдемте к королю.
(В сторону, Банко.)
В досужий час
О случае подумай. Будет время,
Поговорим об этом по душам.

Банко *(в сторону, Макбету)*
С готовностью!

Макбет *(в сторону, Банко)*
А до тех пор ни слова!
Идем, друзья.

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Форрес. Комната во дворце. Трубы.

Входят Дункан, Малькольм, Дональбайн, Ленокс и свита.

Дункан
Казнен Кавдор? Вернулись верховые,
Отвезшие приказ?

Малькольм
Нет, государь.
Но мне сказал свидетель смерти тана,
Что он во всем покаялся, просил
У вашего величества прощенья
И умер с миром. Жизнь он завершил
Достойнее, чем прожил. Он скончался
В сознанье неизбежности конца
И с жизнью, как с игрушкой, распростился.

Дункан
Вот как обманчив внешний вид людей!
Ведь человеку этому я верил
Неограниченно.

Входят Макбет, Банко, Росс и Ангус.

Любезный брат!
Я б не хотел прослыть неблагодарным,
Но за полетом подвигов твоих
Моей признательности не угнаться.

Несоответственно велик размер
Твоих заслуг, и равной нет награды.
Сам на себя пеняй и не досадуй.

Макбет

Я вашему величеству служу
Из верности престолу, вот и плата.
Быть господином — дело короля,
Долг подданного — быть слугой и сыном
И вместе с остальными делать все,
Что требуется честью и любовью.

Дункан

Желанный гость! Тебя я возвышал
И буду возвеличивать и дальше.—
Здорово, благородный Банко! Будь
Не меньшим гостем по своим заслугам.
Дай к сердцу крепко я тебя прижму.

Банко

Пущу я корень в нем, плоды все — ваши.

Дункан

Мне высказаться слезы не дают.
От преизбытка радости я плачу.
Друзья, соратники и сыновья,
Ближайшие из приближенных, знайте:
Мы право на престол передаем
В наследство сыну старшему, Малькольму,
Который этим самым возведен
В сан принца Комберленда. Я прибавлю:
С ним наряду, подобно блеску звезд,
Осыплем почестями всех достойных.
Макбет, мы едем в Инвернес к тебе
В залог скрепленья нашей тесной дружбы.

Макбет

Часы, потраченные не на вас,—
Не отдых, а тяжелая работа.
Чтоб эту радость возвестить жене,
Поеду сам вперед.

Дункан

Мой тан кавдорский!

Макбет *(в сторону)*

Принц Комберленд мне преграждает путь.
Я должен пасть или перешагнуть.
О звезды, не глядите в душу мне,
Такие вожделенья там на дне!

Как ни страшило б это, все равно,
Закрыв глаза, свершу, что суждено.
(Уходит.)

Дункан

Ты, Банко, прав. Я им не нахвалюсь.
Храбрец Макбет мой — пир души и праздник.
Поедем вслед. Он ускакал вперед,
Чтоб приготовить встречу порадушней.
Да, это несравненный человек.

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Инвернес. Комната в замке Макбета.

Входит леди Макбет, читая письмо.

Леди Макбет. «Я встретил их в счастливый день и удостоверился, что знание их безмерно. Мне не терпелось расспросить их поподробнее, но они улетучились в воздухе. Пока я стоял, пораженный виденным, явились люди от короля, назвавшие меня кавдорским тапом, точь-в-точь как незадолго перед тем величали меня эти вещие сестры, перенеся в более отдаленное будущее восклицанием: «Хвала тебе, будущий король!» Я счел долгом сообщить тебе это, дорогая участница моего торжества, чтобы по неведению ты не лишилась доли ожидающей тебя радости. Сложи это в сердце своем и прощай».

Да, ты гламисский и кавдорский тан
И будешь тем, что рок сулил, но слишком
Пропитан молоком сердечных чувств,
Чтоб действовать. Ты полон честолюбья.
Но ты б хотел, не замаравши рук,
Возвыситься и согрешить безгрешно.
Мошенничать не станешь ты в игре,
Но выигрыш бесчестный ты присвоишь.
И ты колеблешься не потому,
Что ты противник зла, а потому, что
Боишься сделать зло своей рукой.
Спеши домой! Я неотступно в уши
Начну тебе о мужестве трубить
И языком разрушу все преграды

Между тобой и золотым венцом,
Который на тебя возложен свыше
Как бы заранее.

Входит слуга.

Что скажешь ты?

Слуга

Король к нам едет.

Леди Макбет

Что за вздор! А разве
Твой господин не с ним? Тогда бы он
Распорядился о приготовленьях.

Слуга

Макбет сейчас приедет сам. Гонец
Сказал, что обогнал его в дороге.
Вот все, что вымолвить гонец и мог,
Так задыхался.

Леди Макбет

Будь с ним полюбезней.
Он с важной новостью.

Слуга уходит.

С зубцов стены
О роковом прибытии Дункана
Охрипший ворон громко возвестил.
Сюда, ко мне, злодейские наитья,
В меня вселитесь, бесы, духи тьмы!
Пусть женщина умрет во мне. Пусть буду
Я лютою жестокостью полна.
Сгустите кровь мою и преградите
Путь жалости, чтоб жизни голоса
Не колебали страшного решенья
И твердости его. Сюда, ко мне,
Невидимые гении убийства,
И вместо молока мне желчью грудь
Наполните. Оденься дымом ада,
Глухая ночь, чтоб нож не видел ран,
Которые он нанесет, и небо
Напомнить не могло: «Остановись!»

Входит Макбет.

Великий тан гламисский и кавдорский,
Стократ великий тем, что́ впереди!
Твое письмо меня перенесло
Из нынешнего в будущее время,
И вся я в нем.

Макбет

Любовь моя, Дункан
Приедет вечером.

Леди Макбет

Когда уехать
Он полагает?

Макбет

Завтра поутру.

Леди Макбет

Такого «завтра» никогда не будет.
Мой друг, как в книге, на твоем лице
Легко прочесть диковинные вещи.
Их надо утаить. Чтоб обмануть
Людей, будь сам, как все. Смотри радушней.
Кажись цветком и будь змеей под ним.
Придется позаботиться о госте.
Ты мне самой подумать предоставь,
Как сделать лучше нам ночное дело,
Чтоб остальные ночи все и дни
Царили безраздельно мы одни.

Макбет

Поговорим потом.

Леди Макбет

Но не робей,
Старайся быть как можно веселей
И предоставь все мне.

Уходят.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Там же. Перед замком Макбета. Трубы и факелы.

Входят Дункан, Малькольм, Дональбайн, Банко, Ленокс, Макдуф, Росс, Ангус и свита.

Дункан

В хорошем месте замок. Воздух чист,
И дышится легко.

Банко

Тому порукой
Гнездо стрижа. Нам этот летний гость
Ручается, что небо благосклонно
К убежищу. Нет выступа, столба,
Угла под кровлей, где бы не лепились
Подвешенные люльки этих птиц.
А где они гнездятся, я заметил,—
Здоровый край.

Входит леди Макбет.

Дункан

Вот леди и сама!
Хотя любовь приносит нам заботы,
Однако все мы ею дорожим.
Вот вы и нас тем более цените,
Чем больше мы вам принесли хлопот.

Леди Макбет

Двойных услуг, учетверенных мало
В сравненье с милостями, государь,
Которыми вы прежде нас дарили
И снова осыпаете. За вас
Мы бога молим.

Дункан

Где же тан кавдорский?
Мы мчались вслед за ним, чтоб обогнать
И встретить здесь, но он ездок хороший,
К тому же шпорами ему в пути
Любовь к жене служила. Так сегодня
Мы — ваши гости.

Леди Макбет

Мы себя самих
И дом считаем собственностью вашей,
И мы скорей в нем гости, а не вы.

Дункан

Тогда позвольте предложить вам руку.
Ведите к мужу. Он нас покорил.
Мы будем отличать его все больше.
Идемте, леди.

Уходят.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Замок Макбета. Трубы и факелы.

Входят и пересекают сцену кравчий и несколько слуг с кушаньями и посудой. Затем входит Макбет.

Макбет

Добро б удар, и делу бы конец,
И с плеч долой! Минуты бы не медлил.
Когда б вся трудность заключалась в том,
Чтоб скрыть следы и чтоб достичь удачи,
Я б здесь, на этой отмели времен,
Пожертвовал загробным воздаяньем.
Но нас возмездье ждет и на земле.
Чуть жизни ты подашь пример кровавый,
Она тебе такой же даст урок.
Ты в кубок яду льешь, а справедливость
Подносит этот яд к твоим губам.—
Король ночует под двойной охраной.
Я — родственник и подданный его,
И это затрудняет покушенье.
Затем он — гость. Я должен был бы дверь
В его покой стеречь от нападений,
А не подкрадываться к ней с ножом.
И, наконец, Дункан был как правитель
Так чист и добр, что доблести его,
Как ангелы, затрубят об отмщенье.
И в буре жалости родится вихрь,
И явит облако с нагим младенцем,
И, с этой вестью облетев весь мир,
Затопит морем слез его. Не вижу,
Чем мне разжечь себя. Как шалый конь,
Взовьется на дыбы желанье власти
И валится, споткнувшись, в тот же миг.

Входит леди Макбет.

Ну, как дела?

Леди Макбет

Он ужинать кончает.
Зачем ты вышел, встав из-за стола?

Макбет

Он спрашивал меня?

Леди Макбет

Спросил, конечно.

Макбет

Откажемся от замысла. Я всем
Ему обязан. Я в народном мнепье
Стою так высоко, что я б хотел
Пожить немного этой доброй славой.

Леди Макбет

А что ж твоя мечта? Была пьяна,
Не выспалась и видит в черном цвете,
Что́ до похмелья радовало взор?
Так вот цена твоей любви? В желаньях
Ты смел, а как дошло до дела — слаб.
Но совместимо ль жаждать высшей власти
И собственную трусость сознавать?
«И хочется и колется», как кошка
В пословице.

Макбет

Прошу тебя, молчи!
Решусь на все, что в силах человека.
Кто смеет больше, тот не человек.

Леди Макбет

Так что за зверь в тот раз тебя заставил
Мне открывать намеренья свои?
Тогда ты мог, и ты был человеком.
Чем раньше вступишь ты на этот путь,
Тем больше будешь им. Хотя ни время,
Ни место не годились, ты в тот раз
Готов был их найти. Искомый случай
Представился, и вот ты отступил!
Кормила я и знаю, что за счастье
Держать в руках сосущее дитя.
Но если б я дала такое слово,
Как ты,— клянусь, я вырвала б сосок
Из мягких десен и нашла бы силы
Я, мать, ребенку череп размозжить!

Макбет

А вдруг мы промахнемся?

Леди Макбет

Промахнемся!
Настройся поотважнее, и мы
Не промахнемся. Целый день проездив,
Дункан устал, и только лишь уснет,
Я напою его оруженосцев
Обоих так, что разведу пары

У них в мозгах, как в перегонных кубах.
Когда они, уснувши мертвым сном,
Растянутся, как две свиные туши,
Чего не сможем сделать мы вдвоем
Над беззащитным? Что нам помешает
Свалить вину на пьяных сонных слуг
И с ними рассчитаться за убийство?

Макбет

Рожай мне только сыновей. Твой дух
Так создан, чтобы жизнь давать мужчинам!
Чтоб выставить убийство делом слуг,
Употребим на это их кинжалы
И выпачкаем кровью их самих.
Поверят ли?

Леди Макбет

Еще бы не поверить,
Когда подымем мы свой громкий вопль
Об этой смерти!

Макбет

Хорошо, решаюсь.
Готовностью все мышцы налились.
Вернемся в зал и замысел свой черный
Прикроем беззаботностью притворной.

Уходят.

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Инвернес. Двор в замке Макбета.

Входит Банко и перед ним Флинс с факелом.

Банко

Который час?

Флинс

Луна зашла. Я боя
Часов совсем не слышал.

Банко

А луна
Заходит в полночь.

Флинс

Но сейчас позднее.

Банко

Возьми мой меч. На небе свеч не жгут
И стали их беречь. Ни зги не видно.
Сон, как свинец, мне веки тяжелит,
А лечь я не решусь. Святые силы!
Меня избавьте от проклятых дум,
Нас искушающих в ночное время.

Входят Макбет и слуга с факелом.

Дай мне мой меч. Кто это?

Макбет

Это друг.

Банко

Как, ты еще не спишь? Король был весел,
Когда ложился спать, и одарил
Всех ваших слуг. А этим вот алмазом
Велел пожаловать твою жену,
Как лучшую хозяйку. Он безмерно
Доволен всем.

Макбет

Он нас застал врасплох,
Неподготовленными. Угощали
Чем бог послал.

Банко

Все было хорошо.
А я о сестрах вспомнил. Доля правды
Была в их предсказанье о тебе.

Макбет

А я о них забыл. Однако можем
Продолжить разговор о них всегда,
Как вздумаешь.

Банко

Когда ты сам захочешь.

Макбет

Советуйся со мной — и в должный срок
Достигнешь чести.

Банко

Если не придется
Добыть потерей чести эту честь,
Рад буду слушаться твоих советов.

Макбет

Спокойной ночи!

Банко

И тебе того же.

Банко и Флинс уходят.

Макбет

Скажи, чтоб позвонила госпожа,
Когда питье мне приготовит на ночь,
И спать ступай.

Слуга уходит.

Откуда ты, кинжал,
Возникший в воздухе передо мною?
Ты рукояткой обращен ко мне,
Чтоб легче было ухватить. Хватаю —
И нет тебя. Рука пуста. И все ж
Глазами не перестаю я видеть
Тебя, хотя не ощутил рукой.
Так, стало быть, ты — бред, кинжал сознанья
И воспаленным мозгом порожден?
Но нет, вот ты, ничем не отличимый
От вынутого мною из ножон.
Ты мой дорожный знак, напоминанье,
Куда идти и что мне захватить.
Так близоруко ль я обманут или,
Наоборот, так вижу далеко,
Но ты маячишь снова пред глазами,
В крови, которой не было пред тем,
Обман, которого не существует,
Как бы собой наглядно воплотив
Кровавый шаг, который я задумал.—
Полмира спит, природа замерла,
И сновиденья искушают спящих.
Зашевелились силы колдовства
И прославляют бледную Гекату.
Издалека заслышав волчий вой,
Как вызов собственного часового,
Убийство к цели направляет шаг,
Подкрадываясь к жертве, как Тарквиний.
Надежно утвержденная земля!
Моих шагов не слушай, чтобы камни,
Заговорив, не выдали меня
И гнета тишины не облегчили.

Но я грожу, а обреченный жив,
И речи охлаждают мой порыв.

Звон колокола.

Пора! Сигнал мне колоколом подан.
Дункан, не слушай: по тебе звонят
И в рай препровождают или в ад.
(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же.

Входит леди Макбет.

Леди Макбет
Глоток вина и то, что их свалило,
Меня зажгло. В них все угашено,
А я горю огнем одушевленья.
Что это? Крик совы. Совиный крик —
К покойнику. Макбет взялся за дело.
Дверь отперта, и сторожа храпят,
Смеясь над званьем собственным. В напиток
Я подмешала сонного. Их хмель —
И полусмерть и жизнь наполовину.
Макбет *(за сценой)*
Кто там? Кто там?
Леди Макбет
Ах, он их разбудил
При самом входе! Мы пропали! Тише!
Он должен был найти кинжалы слуг —
Я рядом на виду их положила.
Когда б так не был схож Дункан во сне
С моим отцом, я сладила сама бы.

Входит Макбет.

Макбет!
Макбет
Готово. Дело свершено.
Ты не слыхала шума?
Леди Макбет
Крик совиный
Да треск сверчка. А с кем ты говорил?
Макбет
Когда?

Леди Макбет

Сейчас.

Макбет

Когда я вниз спускался?

Леди Макбет

Да.

Макбет

Тсс!.. Кто спит в соседней спальне?

Леди Макбет

Дональбайн.

Макбет *(глядя на свои руки)*

Смотри, какой печальный вид.

Леди Макбет

Не вижу,

О чем жалеть.

Макбет

Один из них во сне
Захохотал, другой вскричал: «Убийство!»
И вдруг проснулись оба. Притаясь,
Я слушал. Помолившись, оба снова
Уснули.

Леди Макбет

Там, за стенкой, двое спят.

Макбет

Один воскликнул: «Господи помилуй!»,
Другой: «Аминь!» — как будто увидав,
Как прячусь я во тьме, и оградившись
Молитвой от соседства палача.
А я, услышав: «Господи помилуй»,—
За ними вслед не мог сказать: «Аминь».

Леди Макбет

Зачем вдаваться в пустяки такие?

Макбет

Что помешало мне сказать «аминь»?
Я жаждал благодати, и, однако,
«Аминь» застряло в горле у меня.

Леди Макбет

Напрасно в сделанное углубляться.
Сойдешь с ума.

Макбет

Почудился мне крик:
«Не надо больше спать! Рукой Макбета

Зарезан сон!» — Невинный сон, тот сон,
Который тихо сматывает нити
С клубка забот, хоронит с миром дни,
Дает усталым труженикам отдых,
Врачующий бальзам больной души,
Сон, это чудо матери-природы,
Вкуснейшее из блюд в земном пиру.

Леди Макбет

О чем ты это?

Макбет

Всюду разносилось:
«Не надо больше спать. Гламисский тан
Зарезал сон, и больше тан кавдорский
Не будет спать, Макбет не будет спать!»

Леди Макбет

Но кто ж так мог кричать? Не падай духом,
Мой благородный тан. Достань воды
И на руках отмой улики эти.
Зачем кинжалы ты сюда принес?
Их место в спальне. Отнеси обратно
И слуг запачкай кровью.

Макбет

Не могу.
На сделанное вновь взглянуть не в силах.

Леди Макбет

Какой безвольный! Дай я отнесу.
Я не боюсь покойников и спящих,
Как нарисованных на полотне.
Лишь детям страшны черти на картинах.
Я кровью, если он кровоточит,
Так слуг раскрашу, чтоб на них сказали.

(Уходит.)

Слышен стук за сценой.

Макбет

Стучат! Кто к нам стучится? Что со мной?
Теперь меня пугает каждый шорох.
А руки, руки! Мне их вид глаза
Из впадин вырывает. Океана
Не хватит их отмыть. Скорей вода
Морских пучин от крови покраснеет.

Возвращается леди Макбет.

Леди Макбет

Ведь и мои в крови. А я не рук,
Я белокровья сердца бы стыдилась!

Стук за сценой.

Я в южные ворота слышу стук.
Уйдем за дверь к себе. Воды немного
Смыть пятна, вот и все. И с плеч долой!
Как мы легко вздохнем! Но что с тобою?
Воспрянь!

Стук за сценой.

Опять стучат. Смени наряд,
А то поймут, что мы и не ложились,
Когда на нас наткнутся. И оставь
Свои раздумья.

Макбет

Самому б забыться,
Чтоб происшедшего не вспоминать!

Стук за сценой.

Стучи, стучи! Когда б ты этим стуком
Мог ото сна Дункана разбудить!

Уходят. Стук продолжается.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Там же.

Стук за сценой. Входит привратник.

Привратник. Ну и стукотня! Если служить в сторожах при вратах ада, это, верно, работа! Только знай отпирай.

Стук за сценой.

Колоти себе, колоти. Кто там, во имя Вельзевула? Уж воображаю! Какой-нибудь земледелец, повесившийся в ожидании большого урожая. Милости просим! Платков с тобой достаточно? Напотеешься в пекле!

Стук за сценой.

Колоти себе, колоти! Кто там, во имя другого дьявола? А, понимаю! Это подкупной свидетель, который надувал в судах

обе стороны и нагромоздил подлогов с гору, но не мог по ней взобраться на небо. Милости просим! Входи, подкупной свидетель!

Стук за сценой.

Колоти себе, колоти. Кто там? А, понимаю. Это английский портной, который урезал французские брюки и припрятал остаток. Проходи, портной, в пекле будет тебе где нагреть утюг!

Стук за сценой.

Новый какой-то. Ни минуты покоя! Куда вы? Для пекла тут слишком холодно. Нечего, нечего! Наслужился я в адских привратниках, напустил людей всякого звания, идущих стезей веселья в вечный огонь ада, и — будет.

Стук за сценой.

Сейчас, сейчас! Не обойдите милостью привратника. *(Отворяет ворота.)*

Входят Макдуф и Ленокс.

Макдуф

Ты, видно, поздно лег в постель, приятель,
Что поздно так встаешь?

Привратник. Гуляли, сударь, чтобы не соврать, до вторых петухов, а пьянство, известное дело, всегда до трех вещей доводит.

Макдуф. До каких же это трех вещей?

Привратник. Покраснеет нос, завалятся люди спать и без конца на двор бегают. Ведет вино также к бабничанью, волокитству. Наводит на грех и от греха уводит. Хочется согрешить, ан дело и не выходит. В отношении распутства — вино вещь предательская, лукавая. Само ставит на дыбы, само заставляет падать силами. Само обольщает, само уличает в обмане.

Макдуф. Кажется, и с тобой оно сегодня ночью сыграло такую штуку?

Привратник. Было дело, было дело, сударь, но в отношении водки еще неизвестно, чья взяла. Не поддался я ей и, думается, положил-таки проклятую на лопатки.

Макдуф

Что, господин твой встал?

Входит Макбет.

Мы разбудили
Его с тобой, стучась. Вот он идет.

Ленокс

Сэр, с добрым утром.

Макбет

Вас обоих с тем же.

Макдуф

Король проснулся?

Макбет

Нет.

Макдуф

Он мне велел
Зайти к нему чуть свет. Я с опозданьем.

Макбет

Я провожу вас.

Макдуф

Знаю, этот труд
Приятен вам, но это труд, однако.

Макбет

Приятный труд — не труд для нас. Вот дверь.

Макдуф

Войти осмелюсь. Так мне приказали.

(Уходит.)

Ленокс

Король сегодня едет?

Макбет

Да, хотел.

Ленокс

Ночь бурная была. С того строенья,
Где ночевали мы, снесло трубу.
Передают, что многие слыхали
Предсмертный чей-то вопль и голоса,
Пророчившие смуты и пожары.
Кричали совы, и тряслась земля.

Макбет

Да, ночь была тревожна.

Ленокс

Не припомню
Такой на молодом моем веку.

Макдуф возвращается.

Макдуф

О ужас, ужас! Ни язык, ни сердце
Найти не в силах имени тому!

Макбет и Ленокс

Да что случилось?

Макдуф

Светопреставленье!
Кощунство! Святотатство! Взломан храм
Помазанника божья! Жизнь из тела
Похищена!

Макбет

Вы говорите — жизнь?

Ленокс

И — жизнь его величества?

Макдуф

Войдите
В ту дверь, и вас Горгона ослепит.
Не спрашивайте. Сами поглядите
И будете не в силах говорить.

Макбет и Ленокс уходят.

Звоните в колокол! Измена! Встаньте!
Убийство! Банко! Дональбайн! Малькольм!
Стряхните сон с себя, подобье смерти,
Чтоб смерти подлинной взглянуть в лицо!
Малькольм и Банко! Встаньте, встаньте, встаньте,
Как души из могил на Страшный суд!
Вот ужас! Видите? В набат ударьте!

Звон колокола.
Входит леди Макбет.

Леди Макбет

Скажите, что за горе тут стряслось,
Что на ноги всех спящих подымают?

Макдуф

Сударыня, ваш нежный женский слух
Не вынесет ответа. Объясненье
Убьет вас.

Входит Банко.

Банко, Банко, умерщвлен
Наш государь!

Леди Макбет

О боже! В нашем доме!

Банко

При чем тут дом? Ты говоришь, убит!
Не может быть! Скажи, что я ошибся!

Возвращается Макбет и Ленокс.

Макбет

Когда б за час я умер перед тем,
Я б мог сказать, что прожил век счастливый.
Что ценного осталось? Ничего.
Он все унес. Он был красою жизни.
Ее вино все выпито. На дне
Один осадок горький.

Входят Малькольм и Дональбайн.

Дональбайн

Что случилось?

Макбет

Вы существуете, а ключ иссяк,
Источник вашей жизни, рода, крови.

Макдуф

Отец ваш умерщвлен.

Малькольм

О! Кем? Когда?

Ленокс

Двумя своими спальниками, видно.
Кровь на лице у них и на руках,
В крови и неотертые кинжалы.
Они без смысла пялили глаза,
И жизнь доверить было им опасно.

Макбет

Теперь себе простить я не могу,
Что их убил.

Макдуф

Зачем вы их убили?

Макбет

Кто может быть разумен и взбешен,
Горяч и трезв в одно и то же время?
Никто. Слепая преданность моя
Сломила нерешительность рассудка.
Передо мной лежал Дункан в крови,
Позолотившей серебристость кожи.
На ней зияли раны, говоря,
В какие трещины вломилась гибель.

У пог его убийцы спали, сплошь
В следах и знаках своего деянья.
На их кинжалах просыхала кровь.
При зрелище таком кто б удержался
И делом чувств своих не доказал?

Леди Макбет

Ах, помогите!

Макдуф

Помогите леди.

Малькольм *(в сторону, Дональбайну)*

Что ж мы молчим, имея больше всех
Причины горевать?

Дональбайн *(в сторону, Малькольму)*

А что ты скажешь
Средь этого осиного гнезда,
Где всюду нас подстерегает гибель?
Бежим отсюда. Будет наш черед.
Еще не накипели наши слезы.

Малькольм *(в сторону, Дональбайну)*

И вслух не время к действиям взывать.

Банко

На помощь к леди!

Леди Макбет уносят.

Надо бы одеться,
А то мы все от холода дрожим,
А после соберемся и подробно
Расследуем убийство до конца,
Чтоб доискаться нитей. Мы в смятенье
И ужасе, но мне защитой бог,
И с тем бросаю я открытый вызов
Таящемуся злу.

Макдуф

И я.

Все

Мы все.

Макбет

Сойдемся в воинском вооруженье
На совещанье в зале.

Все

Хорошо.

Все, кроме Малькольма и Дональбайна, уходят.

Малькольм

Что предпринять? Нам с ними не ужиться.
Притворна показная скорбь лжецов.
Я в Англию уеду.

Дональбайн

Я отправлюсь
В Ирландию. Нам безопасней врозь.
Здесь скрыт кинжал за каждою улыбкой,
И чем родней по крови человек,
Тем кровожаднее.

Малькольм

Стрела убийцы
Еще летит и не попала в цель.
Благоразумнее посторониться.
И потому — немедля на коней,
Без всяких церемоний, не прощаясь.
Ведь тот не вор, кто, козням вопреки,
Уносит ноги тайно, воровски.

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Там же. За оградой замка Макбета.

Входят Росс и старик.

Старик

Мне семьдесят годов. За этот срок
Я навидался всякого. Бывали
И страсти всякие, и чудеса,
Но перед этой ночью все бледнеет.

Росс

Да, дед, прогневали мы небеса,
Уж по часам давно дневное время,
А солнца нет как нет. Одно из двух:
Иль одолела ночь, иль день стыдится
Лицо негодным людям показать.

Старик

Да, против естества потемки эти,
И случай этот против естества.
В минувший вторник, веришь ли, я видел,
Как заклевала сокола сова.

Росс

А лошади Дункана, цвет породы,
Красавицы и все как на подбор,
Взбесились, выломали дверь конюшни
И ускакали, все кругом круша.

Старик

Они, слыхал, друг друга перегрызли?

Росс

Да, дед, представь себе. Я был при том.
А вот Макдуф.

Входит Макдуф.

Что делается, сэр,
На белом свете?

Макдуф

Разве ты не видишь?

Росс

Дознались, кто убийство совершил?

Макдуф

Да эти же, кого Макбет прикончил.

Росс

Дела, дела! Какой им был расчет?

Макдуф

Их подкупили. Сыновья Дункана,
Малькольм и Дональбайн, ушли тайком.
Побег наводит мысль на их виновность.

Росс

Опять вразрез с природой. До чего
Дурманит человека властолюбье!
Под самый корень жизнь свою рубить!
На трон, наверно, возведут Макбета?

Макдуф

Уже он избран и поехал в Скон
Короноваться.

Росс

Где же прах Дункана?

Макдуф

Перевезли на остров Колмескиль,
Где королей покоятся останки.

Росс

Ты в Скон поедешь?

Макдуф

Нет, дружок, я в Файф.

Росс

Я в Скон направлюсь.

Макдуф

Отправляйся с богом,
Да на дорогу надо пожелать,
Чтобы не жали новые уборы:
Ведь старые нам были больше впору.

Росс

Прощай, старик.

Старик

Благослови вас бог
И всех, кто злого случая игру
Направить хочет к миру и добру.

Уходят.

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Форрес. Комната во дворце.

Входит Банко.

Банко

Теперь ты всё, что предсказали сестры:
Гламисский и кавдорский тан, король,
И я боюсь, ты сплутовал немного.
Однако ими же возвещено,
Что твой престол не перейдет к потомкам,
А я — начало ветви королей.
Но если все сбылось с тобой, не вижу
Причины не надеяться и мне.
Я верю в то, что мне они сулили.
Но полно, тише!

Трубы. Входят Макбет и леди Макбет в королевских одеждах, Ленокс, Росс, лорды, леди и свита.

Макбет

Вот наш главный гость.

Леди Макбет

Наш званый пир не мог бы состояться,
Когда б его забыли пригласить.

Макбет

Мы вечером даем сегодня ужин.
Прошу вас быть.

Банко

Располагайте мной.
Повиновеньем долгу неразрывно
Навек я связан с вами, государь.

Макбет

Вы едете сейчас?

Банко

Да, до обеда.

Макбет

Жаль. Я мечтал услышать голос ваш
В сегодняшнем совете. Но отложим
До завтрашнего дня. Ваш путь далек?

Банко

Поездка в два конца займет все время
До ужина. И если подведет
Мой конь, я час-другой займу у ночи.

Макбет

Не опоздайте только.

Банко

Буду в срок.

Макбет

Один из братьев-кровопийц, по слухам,
В Ирландии, и в Англии — другой.
Они отцеубийство отрицают
И сеют басни для отвода глаз.
Об этом мы на завтрашнем совете
Подумаем. Счастливого пути.
До скорого свиданья. Торопитесь.
Вы с Флинсом едете?

Банко

Да, государь.
Мы едем, не теряя ни минуты.

Макбет

Желаю прыти вашим лошадям.
Скорее доскачите и вернитесь.

Банко уходит.

Освобождаю всех вас до семи.
Чтоб в вашем обществе полней развлечься,

До ужина побуду я один.
Так с богом — и до скорого свиданья.

Уходят все, кроме Макбета и одного слуги.

Эй, ты! Те люди здесь?

Слуга

Да, государь,
За крепостной оградой.

Макбет

Приведи их.

Слуга уходит.

Не стоит царствовать, когда престол
Непрочен под тобой. Мой страх пред Банко
Понятен. Банко создан вызывать
Боязнь в душе. При царственном размахе
И смелости он действует с умом,
Обдумывая до конца поступки.
Из всех людей мне страшен он один.
В его присутствии мой дух мельчает,
Как Марк Антоний Цезаря робел.
Когда кудесницы мне обещали
Власть короля, он тоже попросил
Поворожить ему, и я услышал,
Что Банко будет предком королей,
А мне никто наследовать не будет.
Бесплоден скипетр мой. Из рук моих
Не сыну он достанется — чужому.
Для внуков Банко зло я совершил,
Для них убил я доброго Дункана,
Для них я ненавистен стал себе.
Я дьяволу, врагу людского рода,
Свое спасенье продал для того,
Чтоб после царствовали внуки Банко!
Нет, выходи, поборемся, судьба,
Не на живот, а на смерть! Кто там?

Возвращается слуга с двумя убийцами.

Выйди.

Понадобишься — позову.

Слуга уходит.

Вчера
Я с вами говорил?

Первый убийца

Да, повелитель.

Макбет

Обдумали вы то, что я сказал?
Я доказал вам, что не я виновник
Несчастий ваших, как решили вы.
Не я, а он ввергал вас в разоренье,
Обманывал надеждами, топил,
Топтал ногами и мешал подняться,
Расстраивал вам планы. Я вчера
Так ясно описал вам, кто виновник,
Что и безмозглый должен был понять,
Что это Банко.

Первый убийца

Да, вы намекали.

Макбет

Тот разговор был только первый шаг.
Сегодня я вас вызвал для второго.
Что ж, вы и дальше будете терпеть?
Или вас заповеди научили
Молиться о спасении того,
Кто медленно вгоняет вас в могилу
И вас с семьей довел до нищеты?

Первый убийца

Что делать, государь,— мы только люди.

Макбет

Да, люди вы по росписи пород,
Как гончие, борзые, волкодавы
И прочие считаются у нас
Собаками. Однако есть различья.
Та зла, та ласкова, у той хороший нюх
И выдержка у той, смотря какое
Ей назначенье. Так же и с людьми.
Что вы за люди? На каком вы месте
Средь вам подобных? Если я найду,
Что по отваге вы не из последних,
Я в ваши руки способ передам,
Как вам с врагом заклятым рассчитаться
И этим нашу милость заслужить.
Пока он жив, мне, как и вам, житья нет,
Лишь смерть его в нас может жизнь вдохнуть.

Второй убийца

Я, государь, на целый свет в обиде.
Меня ожесточила так судьба,
Что я пойду на все, чтоб за несчастья
Отмстить другим.

Первый убийца

Я тоже, государь.
Меня вконец сломили неудачи.
Одно из двух: или поправлю жизнь,
Или мгновенно от нее избавлюсь.

Макбет

Итак, вы знаете, что Банко — враг
Обоим вам?

Оба убийцы

Мы знаем, ваша милость.

Макбет

Но он и мой непримиримый враг,
Который всем своим существованьем
Мне отравляет жизнь. Мне власть дана
Стереть его с лица земли открыто,
Но так нельзя. Есть общие друзья,
Которых дружбу я тогда утрачу.
Пред ними мне придется сожалеть
О том, кого сгублю я. Вот причина,
Зачем я к вашей помощи прибег,
И вот причина также, по которой
Хочу я это скрыть от глаз толпы.

Второй убийца

Мы, государь, исполним порученье.

Первый убийца

Хоть стоило бы жизни.

Макбет

Мне видна
Решимость ваша. Через час, не больше,
Разведчик вам покажет, где вам стать,
И вам назначит миг для нападенья.
Кончайте всё поодаль от дворца
Сегодня ночью. Что бы ни случилось,
Я должен оказаться в стороне.
Во избежанье пагубных последствий
Флинс, сын его, который едет с ним,
Разделит ту же участь. Я не меньше
Желаю смерти сыну, чем отцу.

Посовещайтесь и, когда решитесь,
Скажите.

Оба убийцы

Мы решились, государь.

Макбет

Я скоро позову вас. Подождите
За этой дверью.

Убийцы уходят.

Дело решено.
И если, Банко, в рай тебе дорога,
Ты нынче будешь там спустя немного.
(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же. Другая комната.

Входят леди Макбет и слуга.

Леди Макбет

Уехал Банко?

Слуга

Как же, госпожа,
И будет к ночи.

Леди Макбет

Скажешь государю,
Что я прошу его к себе.

Слуга

Сейчас.
(Уходит.)

Леди Макбет

Конца нет жертвам, и они не впрок!
Чем больше их, тем более тревог.
Завидней жертвою убийства пасть,
Чем покупать убийством жизнь и власть.

Входит Макбет.

Ну что, мой друг? Ты все один, в кругу
Печальных размышлений? Эти мысли
Должны бы умереть со смертью тех,
К кому они относятся. Что пользы

Тужить о том, чего не воротить?
Что сделано, то сделано.

Макбет

Мы только
Поранили змею. Она жива
И будет нам по-прежнему угрозой.
Но лучше пусть порвется связь вещей,
Пусть оба мира, тот и этот, рухнут,
Чем будем мы со страхом есть свой хлеб
И спать под гнетом страшных сновидений.
Нет, лучше быть в могиле с тем, кому
Мы дали мир для нашего покоя,
Чем эти истязания души
И этих мыслей медленная пытка.
Теперь Дункан спокойно спит в гробу.
Прошел горячечный припадок жизни.
Пережита измена. Ни кинжал,
Ни яд, ни внутренняя рознь, ни вражье
Нашествие — ничто его теперь
Уж больше не коснется.

Леди Макбет

Успокойся.
Смягчи свой взор. Будь весел средь гостей
На нынешнем пиру.

Макбет

Я буду весел,
Будь весела и ты и за столом
Побольше уделяй вниманья Банко.
Пока мы не уверены в себе,
Придется долго нам потоки лести
Притворно изливать на всех кругом
И наши лица превращать в личины.

Леди Макбет

Брось эти мысли.

Макбет

Не могу, жена!
Опять мне душу жалят скорпионы.
Ведь Флинс и Банко живы, милый друг.

Леди Макбет

Но ведь они не вечны.

Макбет

В этом счастье.
К ним можно подступиться. Подбодрись:

Чуть замелькает тень летучей мыши
И сонный жук к Гекате полетит,
Свершится то, что всех повергнет в ужас.

Леди Макбет

Что ты задумал?

Макбет

Лучше не скажу,
Будь временно в неведенье, голубка,
Когда ж свершится дело, похвали.
Ночь, завяжи глаза платком потуже
Участливому, любящему дню
И разорви кровавою рукою
Мои оковы. Меркнет свет. Летит
К лесной опушке ворон. На покое
Все доброе, зашевелилось злое.
Но ты удивлена? Что мне сказать?
Кто начал злом, для прочности итога
Все снова призывает зло в подмогу.
Пойдем, мой друг.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Парк около дворца.

Входят трое убийц.

Первый убийца

Тебя кто к нам послал сюда?

Третий убийца

Макбет.

Второй убийца

Ему поверить можно. Он подробно
Нам все, что надо сделать, объяснил.

Первый убийца

Тогда стой здесь. На западе бледнеют
Следы зари. На постоялый двор
Коня торопит запоздалый путник,
И близко тот, кого мы стережем.

Третий убийца

Чу! Конский топот.

Банко *(за сценой)*

Эй, огня подайте!

Второй убийца

Наверно, это он. Другие все
Уж во дворце.

Первый убийца

Их кони повернули.

Третий убийца

Их увели. Дорога для езды
Идет обходом с милю. Верно, Банко
Пройдет чрез парк пешком, как ходят все.

Входят Банко и Флинс с факелом.

Второй убийца

Огонь!

Третий убийца

Вот он!

Первый убийца

За дело! Не зевайте!

Банко

А ночью будет дождь.

Первый убийца

Уж он идет!

Втроем бросаются на Банко.

Банко

Предательство! Беги, мой Флинс! Спасайся!
Беги и отомсти! Презренный раб!
(Умирает.)

Флинс убегает.

Третий убийца

Кто факел потушил?

Первый убийца

К чему огонь?

Третий убийца

Отец готов. А сын ушел.

Второй убийца

Полдела
Не сделано.

Первый убийца

Пойдемте к самому,
Доложим, что мы в силах были сделать.

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Зал для приемов во дворце. Накрытый стол.

Входят Макбет, леди Макбет, Росс, Ленокс, лорды и свита.

Макбет

Прошу занять места по старшинству.
Мы рады всем, и первым и последним.

Лорды

Благодарим.

Макбет

Я сяду посреди,
Чтоб запросто ухаживать за вами.
Хозяйка — во главе стола. Мы просим
Приветом добрым пиршество открыть.

Леди Макбет

Вы за меня гостям скажите слово.
Добро пожаловать. Я рада всем.

Макбет

Они благодарят тебя глазами.
Места разобраны. Я сяду здесь.

Первый убийца показывается в дверях.

Дадим веселью волю. Для начала
Мы выпьем круговую.
(Подходит к дверям.)
У тебя
Кровь на лице.

Убийца

Ну да. Кровь Банко это.

Макбет

Она милей мне на тебе, чем в нем.
Готово?

Убийца

Насмерть. Перерезал горло.
Я сам. Своей рукой.

Макбет

Ты образец
Головореза. Но и тот не хуже,
Кто стукнул Флинса. Если это ты,
Ты несравненен.

Убийца

Флинс бежал и спасся.

Макбет *(в сторону)*

Тогда я болен вновь. Я полагал,
Что ожил, стал несокрушим, как мрамор,
Тверд, как скала, неудержим, как вихрь,
А я сбит с ног, прижат к земле и отдан
В добычу снам и страхам. Банко мертв?

Убийца

Да, добрый государь! Он в ров свалился.
На голове и теле двадцать ран,
И каждая — смертельная.

Макбет

Спасибо!
(В сторону.)
Змея убита, а змееныш жив
И будет мне со временем опасен,
Когда нальется ядом.— Ну, ступай.
Мы снова, будет время, потолкуем.

Убийца уходит.

Леди Макбет

Мой друг, вы невнимательны к гостям.
За деньги ведь обедать можно дома.
Тем и приятно пировать в гостях,
Что пир приправлен ласкою хозяев.

Макбет

Забылся, дорогая. Ты права.
Простите, гости. Ешьте на здоровье.

Ленокс

Угодно ль будет сесть вам, государь?

Появляется дух Банко и садится на место, предназначенное Макбету.

Макбет

Вся знать была б тут в сборе, если б Банко
Был налицо. Отсутствие его
Я б объяснить хотел изменой слову,
А не бедой в пути.

Росс

Он поступил
Нехорошо, нарушив обещанье.
За стол садитесь с нами, государь.

Макбет

Места все заняты.

Ленокс

Одно свободно.

Макбет

Где?

Ленокс

Вот оно. Что с вами, государь?

Макбет

Кто это сделал?

Лорды

Что, наш повелитель?

Макбет

Меня не можешь в смерти ты винить.
Зачем киваешь головой кровавой?

Росс

Его величеству не по себе.
Вставайте, господа.

Леди Макбет

Нет, не тревожьтесь.
С ним это смолоду. Прошу сидеть.
Все это вмиг пройдет. Не обращайте
Вниманья, чтоб припадка не продлить.
Садитесь, кушайте.
(Макбету.)
И ты — мужчина?

Макбет

Да, и бесстрашный, если я могу
Смотреть на то, что дьявола б смутило.

Леди Макбет

Опять, наверное, какой-то вздор,
Тебе внушенный глупым малодушьем,
Как тот кинжал, который ты видал
Пред спальнею Дункана. Пот холодный,
И дрожь, и бледность — словом, все черты
Нелепых дамских страхов у камина,
Зимой, за сказками! Какой позор!
Лица нет на тебе. Ты испугался
Пустого кресла, правду говоря.

Макбет

Взгляни туда! Ты видишь? Что ты скажешь?
Чем мне кивать, скажи мне лучше, дух,
Чего ты хочешь? Если своды склепов
Покойников нам шлют назад, пускай
Нам гробом будут коршунов утробы.

Дух исчезает.

Леди Макбет

Нет, видно, ты совсем сошел с ума!

Макбет

Клянусь, его я видел!

Леди Макбет

Постыдился б!

Макбет

Кровь лили встарь, когда еще закон
В защиту людям не возвысил нравов,
И после продолжали совершать
Ужасные убийства. Но бывало,
Когда у жертвы череп размозжен,
Кончался человек, и все кончалось.
Теперь, имея даже двадцать ран
На голове, они встают из гроба,
Чтобы согнать нас с места за столом,
Что пострашней, чем ужасы убийства.

Леди Макбет

Без вас скучают гости, государь.

Макбет

Задумался. Друзья, не беспокойтесь.
Нисколько не серьезен мой недуг,
И близкие привыкли. За здоровье
Вас всех, друзья! Налейте мне вина.
Полней налейте, и тогда я сяду.
За процветание всего стола
И за недостающего нам друга,
За дорогого Банко! О, как жаль,
Что с нами нет его!

Лорды

Здоровье ваше!

Дух возвращается.

Макбет

Сгинь! Скройся с глаз моих! Пускай земля
Тебя укроет. Кровь твоя застыла,

Без мозга кости и, как у слепых,
Твои глаза.

Леди Макбет

Не удивляйтесь, гости.
Припадок повторился. Жаль, что он
Расстраивает праздник.

Макбет

Я отважусь
На все, что может человек. Явись
Медведем русским, страшным носорогом,
Гирканским тигром, чем-нибудь другим,
И я не дрогну. Можешь появиться
Опять живым и вызови на бой
И выругай девчонкой, если струшу,
Но в этом облике не приходи!
Ступай отсюда! Скройся, мертвый призрак!

Дух исчезает.

(В сторону.)
Вот он ушел, и вновь я человек.
(Ко всем.)
Зачем вы встали, господа? Садитесь.

Леди Макбет

Вы оборвали общий разговор,
И всех пугает ваше поведенье.

Макбет

Но это ведь не летом облака,
Чтоб увидать их и не поразиться!
Наоборот, я удивляюсь вам,
Когда перед лицом таких явлений
Румянец свежий на щеках у вас
Не пропадает! Я же весь белею.

Росс

Каких таких явлений, государь?

Леди Макбет

Не говорите с ним. Ему все хуже.
Расспросы злят его. Прервемте пир.
Спокойной ночи. Расходитесь разом,
Без церемоний.

Ленокс

Надо пожелать
Скорей его величеству здоровья.

Леди Макбет

Благодарю. Прощайте, господа.

Уходят все, кроме Макбета и леди Макбет.

Макбет

Он хочет крови. Кровь смывают кровью.
Преданье есть: сходили камни с мест,
Деревья говорили, и по крику
Сорок, грачей и галок колдуны
Разыскивали скрытого убийцу.—
Который час?

Леди Макбет

Уже к рассвету дело.

Макбет

Как это нравится тебе? Макдуф
Осмелился к нам не явиться!

Леди Макбет

Разве
Ты посылал за ним?

Макбет

Не посылал,
Но знаю о его холодных чувствах.
У всех в домах я содержу средь слуг
Доносчиков. С утра я собираюсь
К трем вещим сестрам, чтобы заглянуть
Поглубже в будущее. Я пред худшим,
Что скажут мне они, не отступлю.
Все средства хороши для человека,
Который погрузился в кровь, как в реку.
Чрез эту кровь назад вернуться вброд
Труднее, чем по ней пройти вперед.
Еще немало неотложных дел,
К которым я бы приступить хотел.

Леди Макбет

Ты мало спишь, а сон — спасенье жизни.

Макбет

Да, ляжем спать. Ведь вся моя тоска —
Неопытность и робость новичка.
Привычки нет к решительным поступкам.

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Степь. Раскаты грома.

Входят три ведьмы и навстречу им Геката.

Первая ведьма

Геката, здравствуй. Чем ты недовольна?

Геката

На вас сердита — и права.
Без соблюденья старшинства
Вы тайно от меня, вдали,
Дела с Макбетом завели.
А я, царица вам и мать,
Должна все сбоку наблюдать.
Я, давшая вам знанья в дар,
Изобретательница чар!
Но горе в чем? Макбет — злодей
Без ваших колдовских затей.
Не из-за вас он впал в порок,
А сам бездушен и жесток.
Чтоб обеспечить наш успех,
Загладить надо этот грех.
В пещере я вас соберу,
Куда придет он поутру,
Чтоб дальше про свою судьбу
Узнать чрез вашу ворожбу.
Там вы во всеоружье зла
Колдуйте около котла,
А я за эту ночь введу
Макбета в верную беду.
К луне несет меня тропа.
На кончике ее серпа
Слезой повис смертельный сок.
Схвачу, покамест он не стек.
Тот яд Макбета ослепит,
И он, забывши страх и стыд,
Вообразит, что вправду он
От ран и смерти огражден.
Людей погибель — в похвальбе,
В уверенности их в себе.

Музыка и пение за сценой.

Но я спешу. Нам надо разойтись.
Меня малютки-духи кличут ввысь.
(Исчезает.)

Первая ведьма

Ну, не зевай. Она вернется скоро.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Форрес. Комната во дворце.

Входят Ленокс и другой лорд.

Ленокс

Мои намеки — только ведь ответ
На ваши мысли. Правда, сопоставим:
Как о Дункане горевал Макбет!
И как не плакать — человек ведь умер.
Наш храбрый Банко ехал в поздний час,
Вот и погиб. И вы подумать вправе,
Что Флинс его убил: ведь Флинс бежал.
Итак, не надо ездить слишком поздно.
Найдется ль кто, кого б не потрясло
Злодейство Дональбайна и Малькольма?
Убить такого редкого отца!
Чудовищно! Как этим огорчился
Макбет! Как к месту был священный гнев,
В котором он убил двух негодяев,
Добычу опьянения и сна!
Как благородно! Как умно! Иначе
Мерзавцы стали всё бы отрицать,
Бессовестностью всех нас возмущая.
И если бы Малькольм и Дональбайн
Попались, от чего храни их боже,
Он им, а также Флинсу б показал,
Что значит убивать отца! Но тише.
За вольные слова и за отказ
Прийти на пир к тирану, как я слышал,
В немилость впал Макдуф. Где он сейчас?

Лорд

Дункана сын, которого права
Присвоил этот похититель власти,—
Желанный гость английского двора.
Ему там Эдуард благочестивый
Помог забыть превратности судьбы.

Туда отправился Макдуф с мольбою
О помощи, чтобы святой король
Послал в защиту нам Нортумберленда
И Сиварда и с помощью творца
Мы возвратили то, что потеряли:
Хлеб за обедом и спокойный сон,
Чтоб не грозили нам в гостях кинжалы,
Чтоб искренне любили мы престол
И пользовались полными правами.
Макбет узнал про все. Он вне себя
И, кажется, готовится к походу.

Ленокс

А звал ли сам Макбет к себе Макдуфа?

Лорд

О да. Но тан ответил: «Не явлюсь».
Гонец нахмурился и удалился,
Ворча: «Поплатишься ты за ответ».

Ленокс

Вот это-то его и побудило
К предосторожности, и он бежал,
Чтоб переждать тот гнев на расстоянье.
Пусть добрый ангел будет на пути
К английскому двору его защитой,
Чтобы благословенье низошло
На бедную отчизну под проклятой
Рукою притеснителя.

Лорд

Аминь!
(Уходит.)

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Пещера. Посреди нее — кипящий котел. Раскаты грома.

Входят три ведьмы.

Первая ведьма

В третий раз мяукнул кот.

Вторая ведьма

Ежик писк свой издает.

Третья ведьма

Гарпии кричат.

Первая ведьма

Пора
В хоровод вокруг костра.
Хоровод пошел, пошел.
Все, что с вами,— шварк в котел!
Жаба, в трещине камней
Пухнувшая тридцать дней,
Из отрав и нечистот
Первою в котел пойдет.

Все

Взвейся ввысь, язык огня!
Закипай, варись, стряпня!

Вторая ведьма

А потом — спина змеи
Без хвоста и чешуи,
Песья мокрая ноздря
С мордою нетопыря,
Лягушиное бедро
И совиное перо,
Ящериц помет и слизь
В колдовской котел валясь!

Все

Взвейся ввысь, язык огня!
Закипай, варись, стряпня!

Третья ведьма

Волчий зуб кидай в горшок
И драконий гребешок.
Брось в него акулы хрящ,
Хворост заповедных чащ,
Запасенный в холода,
Печень нехристя-жида,
Турка нос, татарский лоб,
Матерью в грязи трущоб
При рожденье, миг спустя,
Удушённое дитя,
Погребенное во рву,
Чтобы обмануть молву.
Эй, кипи, кипи, бурда!
А последнею сюда,
Чтоб бурлила наверху,
Бросим тигра требуху!

Все

Взвейся ввысь, язык огня!
Закипай, варись, стряпня!

Вторая ведьма

Чтоб отвар остыл скорей,
Обезьяньей крови влей.

Входит Геката.

Геката

Вы все сварили к кутежу.
Я вас за это награжу.
Но надо цель иметь в виду:
Попеть, сплясать и на ходу
Заклясть, заговорить бурду.

Музыка и пение. Геката уходит.

Вторая ведьма

Пальцы чешутся. К чему бы?
К посещенью душегуба.
Чей бы ни был стук,
Падай с двери крюк.

Входит Макбет.

Макбет

Чем заняты, ночные вы чертовки?

Все

Нельзя назвать.

Макбет

Откуда бы ни шли
Познанья ваши, я вас заклинаю
Тем, что творите вы, ответьте мне.
Пусть ваш ответ повалит колокольни,
Утопит в океане корабли,
Прибьет хлеба поднявшеюся бурей,
Деревья с корнем вывернет в лесах,
Обрушит крыши замков на владельцев,
Пускай перемешает семена
Всего, что существует во вселенной,
Ответьте все равно на мой вопрос!

Первая ведьма

Так спрашивай.

Вторая ведьма

Задай вопрос.

Третья ведьма

Ответим.

Первая ведьма

Ты хочешь знать ответ из наших уст
Или от высших духов?

Макбет

Пусть предстанут.

Первая ведьма

Кровь свиньи, три дня назад
Съевшей девять поросят,
И повешенного пот
На огонь костра стечет.

Все

Мал ли ты пли велик,
Призрак, покажи свой лик.

Гром. Подымается первый призрак: голова в шлеме.

Макбет

Скажи, неведомый...

Первая ведьма

Он знает мысль твою.
Лишь слушай и не говори ни слова.

Первый призрак

Макбет, Макбет, Макдуфа берегись,
Макдуфа, тана файфского. Довольно.
(Уходит в землю.)

Макбет

Кто б ни был ты, спасибо, что меня
Предостерег так метко. Но послушай...

Первая ведьма

Он просьб не слушается. Вот другой,
Сильнее первого.

Гром. Подымается второй призрак: окровавленный младенец.

Второй призрак

Макбет! Макбет! Макбет!

Макбет

Я б слушать мог тебя тремя ушами.

Второй призрак

Лей кровь, играй людьми. Ты защищен
Судьбой от всех, кто женщиной рожден.
(Уходит в землю.)

Макбет.

Живи, Макдуф! Что мне тебя бояться!
Но нет, упрочу свой покой вдвойне.

Судьба судьбою, а тебя не станет.
Тогда меня уж не обманет страх
И гром не помешает спать ночами.

Гром. Подымается третий призрак: дитя в короне, с ветвью в руке.

А это вышел кто из-под земли?
По-видимому, царственного рода,
С короной на младенческом челе.

Все

Не разговаривай. Молчи и слушай.

Третий призрак

Будь смел, как лев. Никем и никаким
Врагом и бунтом ты не победим.
Пока не двинется наперерез
На Дунсинанский холм Бирнамский лес.

Макбет

Но этого не может быть! Я рад.
Нельзя нанять деревья, как солдат.
Нельзя стволам скомандовать: вперед.
Пророчество мне духу придает.
Цари, Макбет, покамест не полез
На Дунсинанский холм Бирнамский лес.
Всю жизнь носи уверенно венец
В надежде на естественный конец.
Еще одно, прошу, ответьте мне:
Род Банко будет ли царить в стране?

Все

Довольно спрашивать.

Макбет

Я знать хочу,
Иль будьте прокляты вы все навеки!

Котел проваливается сквозь землю.

Куда пропал котел? И что за шум?

Музыка.

Первая ведьма

Явитесь!

Вторая ведьма

Явитесь!

Третья ведьма

Явитесь!

Все

Чуть мелькнете, скройтесь с глаз!
С болью он запомнит вас.

Появляются призраки: восемь королей, из которых последний с зеркалом в руке. За ними следует дух Банко.

Макбет

Ты чересчур похож на Банко! Сгинь!
Глаза мне колешь ты своей короной.
Второй похож на первого. За ним
Еще один! Все три — одной породы.
Проклятые колдуньи, для чего
Меня вы злите видом их? — Четвертый!
Чтоб я ослеп! До Судного ли дня
Продлится эта ветвь? — Какой-то новый!
Седьмой! Я больше не хочу смотреть!
Но в зеркале я вижу у восьмого
Сплошную вереницу королей
Со скипетром тройным, с двойной державой.
И зрелище — не сказка. С торжеством
Дух Банко мне показывает пальцем
На правнуков своих.

Призраки исчезают.

Так быть должно?

Первая ведьма

Так быть должно, так рок судил.
Но ты, Макбет, что приуныл?
Давайте обществом своим
Его втроем развеселим.
Я песню затяну без вас,
А вы пуститесь обе в пляс,
Чтобы король Макбет потом
Не жаловался на прием.

Музыка. Ведьмы танцуют и затем исчезают.

Макбет

Где ведьмы? Скрылись? Пусть же этот час
Останется отмеченным проклятьем
В календаре! — Эй, вы! Кто там? Сюда!

Входит Ленокс.

Ленокс
Что вам угодно?
Макбет
Ты старух не видел?
Ленокс
Нет, государь.
Макбет
Они сейчас с тобой
Не разминулись?
Ленокс
Нет, я не заметил.
Макбет
Чума возьми их по пути и всех,
Кто верит в них! Я слышал конский топот.
Кто это?
Ленокс
Это трое верховых
Со срочным донесеньем о Макдуфе.
Он в Англию бежал.
Макбет
Макдуф бежал?
Ленокс
Да, государь.
Макбет *(в сторону)*
Ты предварило, время,
Мои деянья страшные. Нельзя
Откладывать решения. Да будут
Созданья чувств, родясь, созданьем рук.
Так я и стану поступать отныне.
Я Файф возьму себе и захвачу
Макдуфа замок. Все, что будет в замке —
Его жену, детей, родню и слуг,—
Я вырежу. Не буду знать покоя,
Пока не кончу этого всего.
И это не пустое хвастовство.
Довольно духов вызывать!
(Леноксу.)
А где же
Гонцы? Пойдем, и покажи мне их.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Файф. Комната в замке Макдуфа.

Входят леди Макдуф, ее сын и Росс.

Леди Макдуф
Что сделал он такого, чтоб бежать?

Росс
Терпение.

Леди Макдуф
А он имел терпенье?
Его побег — безумье. По делам
Он не предатель, по своим же страхам
Им кажется.

Росс
Нам рано говорить,
Что это,— страх или благоразумье.

Леди Макдуф
Благоразумье! Бросить дом, жену,
Детей и всех в таком опасном месте,
Откуда сам он вынужден бежать!
Он нас не любит, чувств лишен природных.
Малейшая из птичек, королек,
Своих птенцов отстаивает грудью
От страшных сов. А он? От нелюбви
И страхи лишние. Благоразумье!

Росс
Спокойнее, сестрица! Ваш супруг
Умен и добр. Он лучше многих знает,
Что делать в наше время. Ничего
Я не прибавлю. Времена ужасны,
Когда винят в измене и никто
Не знает почему; когда боятся
Ползущих слухов, не имея средств
Опасность уяснить; когда безвестность
Колышется кругом, как океан,
И всех подбрасывает, как скорлупку.
Прощайте. Я вас скоро навещу.
Мы у предела. Хуже быть не может,
И либо должен наступить конец,
Иль наконец настанет облегченье.
Прощай, малыш! Храни тебя господь!

Леди Макдуф

Отец в живых, а сын осиротел!

Росс

Нельзя у вас мне медлить. Я напорчу
Себе и вам. Прощайте. Ухожу.

(Уходит.)

Леди Макдуф

Отец твой умер. Что ты будешь делать?
Чем жить?

Сын

Чем птички, мамочка, живут.

Леди Макдуф

Червями? Мошкарою?

Сын

Чем придется.
Как птички.

Леди Макдуф

Ах ты, бедный воробей!
А ты силков и клеток не боишься?

Сын

Не ставят их на бедных воробьев.—
Отец мой жив, что б ты ни говорила.

Леди Макдуф

Нет, умер. Где ты нового возьмешь?

Сын

А где ты мужа нового добудешь?

Леди Макдуф

Куплю на каждом рынке двадцать штук.

Сын

Чтобы на следующий день продать их.

Леди Макдуф

Ты судишь в меру сил своих и все ж
Не по летам умен.

Сын

Отец — изменник?

Леди Макдуф. Да.

Сын. А что такое изменник?

Леди Макдуф. Тот, кто клянется и не держит своего слова.

Сын. И все, кто так делает, изменники?

Леди Макдуф. Да, всякий, кто так поступает, изменник и должен быть повешен.

Сын. Все, кто клянется и не держит своего слова?

Леди Макдуф. Да, все.

Сын. А кто их должен вешать?

Леди Макдуф. Честные люди.

Сын. Так ведь эти изменники попросту дураки! Этих изменников так много, что они сами могли бы напасть на честных и всех их перевешать.

Леди Макдуф. Спаси тебя господь, бедная мартышка! Где же ты все-таки раздобудешь отца?

Сын. Если б он умер, ты бы плакала. А если бы не плакала, то тогда это был бы хороший знак, что я скоро заполучу нового отца.

Леди Макдуф. Только послушать, что ты мелешь, болтунишка!

Входит гонец.

Гонец

Храни вас бог, сударыня. Я вам
Неведом, хоть и полон к вам почтенья.
К вам близится опасность. Мой совет,
Хотя я человек простой: спешите
Бежать с детьми. Вам в замке быть нельзя.
Бесчеловечно вас пугать. Но много
Бесчеловечней не предупреждать.
Беда уже близка. Храни вас небо!
Я должен скрыться.

(Уходит.)

Леди Макдуф

Но куда бежать?
Я ничего не сделала дурного!
Но я забыла: я ведь на земле,
Где делать нехорошее похвально
И безрассудно совершать добро.
Что ж я хочу по-женски защититься
Тем, что не причинила людям зла?

Входят убийцы.

О, что за лица!

Первый убийца

Где ваш муж?

Леди Макдуф

Надеюсь,
Не в месте воровском каком-нибудь,
Где б мог с тобой столкнуться.

Первый убийца

Он изменник.

Сын

Лжешь, негодяй лохматый!

Первый убийца

Ишь какой!
Изменника последыш!
(Закалывает его.)

Сын

Мама, мама!
Убили, мамочка! Беги, беги!
(Умирает.)

Леди Макдуф убегает с криком: «Убийцы!»
Убийцы преследуют ее.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Англия. Перед дворцом короля.

Входят Малькольм и Макдуф.

Малькольм

Уединимся где-нибудь в тиши
И выплачем все горе.

Макдуф

Лучше вынем
Мечи и встанем за несчастный край,
Откуда каждый день несется новый
И новый слезный стон сирот и вдов
И заставляет небо содрогаться
И как бы над Шотландией рыдать.

Малькольм

Я плачу лишь о том, чему я верю,
И верю лишь тому, что знаю сам.
Я выступлю, когда найду опору
И время подойдет. Из ваших слов
Мне ясно вот что: этот притеснитель,
Чье имя режет слух, когда-то слыл
Порядочным, и вы его любили.
Он вам еще ничем не досадил.
Я молод, слаб. Вам ничего не стоит
Разгневанному богу принести
Меня, невинного ягненка, в жертву
И тем умилостивить божество.

Макдуф

Я не предатель.

Малькольм

Но Макбет — предатель.
Повиноваться воле короля
Ваш долг, долг подчиненного. Простите,
Но вашей скрытой сущности никак
Не переделают мои догадки.
Пресветлы ангелы, хотя из них
Пал самый светлый. Оттого что подлость
Глядит невинностью, нельзя хотеть,
Чтобы невинность изменила внешность.

Макдуф

Конец моим надеждам!

Малькольм

А ведь с них
И начались мои сомненья. Странно,
Как вы могли уехать, не простясь
С женою и детьми, ценнейшим в жизни?
Не гневайтесь, наверно, я не прав
И только вынужденно осторожен.

Макдуф

Мой край несчастный, кровью истекай!
Насилье, зло, царите безраздельно!
На вас не смеет посягнуть добро,
Ваш произвол надежно узаконен.
Прощайте, принц! Ценою всех земель
Шотландии и всех богатств Востока
Не согласился б быть тем подлецом,
Каким кажусь я вам.

Малькольм

Не обижайтесь.
Тут не одно лишь недоверье к вам.
Страна исходит кровью и слезами
Под тяжким игом. Каждый божий день
Ей прибавляет раны. Знаю это.
Немало, знаю, рук бы поднялось
В мою защиту. Англия готова
Дать много тысяч войска. А меж тем,
Когда бы даже я и сверг тирана
И поднял голову его на меч,
Не потерпела б родина ущерба

И не попала б в худшую беду,
Когда на трон взойдет преемник.

Макдуф

Кто он?

Малькольм

Я сам. Моим порокам нет числа.
Когда их выяснят, со мною рядом
Макбет, как он ни черен, станет бел,
Как снег, и вам покажется овечкой.

Макдуф

О нет! Никто из дьяволов в аду
С чудовищным Макбетом не сравнится.

Малькольм

Согласен: он жесток, распутен, лжив,
Коварен, необуздан и повинен
Во всех семи грехах. Но нет границ
Разгулу моему. Мои желанья
Не знают удержу. Еще сильней
Мое корыстолюбье. Из корысти
Переказнил бы я всю знать страны,
Чтоб отобрать ее дома и земли.
Чем больше б я сокровищ загребал,
Тем только б становился ненасытней
И заводил бы с лучшими людьми
Суды и тяжбы ради их богатства.

Макдуф

Такая жадность хуже и страшней,
Чем сластолюбье. Эта ненасытность
Сгубила многих королей. И все ж
Шотландия достаточно богата,
Чтоб вас законно удовлетворить.
Нет, это все терпимо, если только
Есть чем пороки эти уравнять.

Малькольм

Но их во мне уравновесить нечем —
Достоинств нет во мне, вот в чем беда.
Что требуется королю? Правдивость,
Разумность, справедливость, доброта,
Бесстрашье, постоянство, благочестье,
А я — собранье всех обратных свойств.
Нет, обладай я королевской властью,
Я б в царстве все перевернул вверх дном,

Разрушил нравственность, покой, порядок
И молоко согласья вылил в ад.

Макдуф

О бедный край!

Малькольм

Ну как, достоин править,
По-вашему, подобный человек?

Макдуф

Достоин ли он править? Жить на свете
Он недостоин! Бедный мой народ!
Как вырваться теперь тебе на волю
И как дождаться лучших дней, когда
Твоя надежда, твой прямой наследник
Сам низложил себя и запятнал
Свое рожденье сделанным признаньем!
Отец твой был святейшим королем,
А мать стояла чаще на коленях,
Чем подымалась с них, молясь всю жизнь.
Твои разоблаченья преграждают
Мне путь назад в Шотландию. Прощай.
Всему конец! О, горькое изгнанье!

Малькольм

Макдуф, твой гнев, рожденный прямотой,
В моей душе рассеял подозренья.
Ты чист и прав. Я сердцем всем с тобой.
Макбет не раз мне расставлял ловушки
И научил не верить ничему.
Но ты — другое дело, и отныне
Лишь бог судья меж мною и тобой.
Я отдаюсь в твое распоряженье
И тут же объявляю клеветой
Все, что возвел я на себя нарочно,
Чтоб испытать тебя. Я не такой.
Я девственник еще, ни разу клятве
Не изменял, не трясся над своим,
Не то чтоб позавидовать чужому.
Я черта не предам другим чертям.
Мне правда дорога, как жизнь. Впервые
Я лгал сегодня, оболгав себя.
Все, что я есть, Макдуф, на самом деле
Принадлежит отчизне и тебе.
Уже готово войско в десять тысяч
Под Сиварда командой, и теперь

Мы выступим. Да будет в правом деле
Удача нам! Что ж ты молчишь?

Макдуф

Нельзя
Перелетать от горя сразу к счастью.

Входит врач.

Малькольм

Ну хорошо. Поговорим потом.—
Что, выйдет ли король сегодня, доктор?

Врач

Да, принц. Там собралась уже толпа
Несчастных в ожиданье исцеленья.
Перед болезнью их бессилен врач,
А он — едва притронется к больному,
И тот здоров. Такая благодать
Дана его руке.

Малькольм

Спасибо, доктор.

Врач уходит.

Макдуф

Что это за болезнь?

Малькольм

Народ зовет
Ее тут немощью. Угодник божий —
Король с ней производит чудеса.
Я сам бывал свидетелем нередко,
С тех пор как в Англии. Не знаю, чем
Он вымолил у неба эту силу,
Но золотушных в язвах и прыщах,
Опухших, гнойных и неизлечимых
Он лечит тем, что молится за них
И вешает монетку им на шею.
Я слышал, будто этот чудный дар
Останется в роду его.

Входит Росс.

Макдуф

Не знаешь,
Кто это там?

Малькольм

По платью — наш земляк,
А кто, не знаю.

Макдуф

Друг ты мой, откуда?
Мой свойственник!

Малькольм

Теперь и я узнал.
Все мы — скитальцы, чуждые друг другу.
Верни домой нас, господи!

Росс

Аминь!

Макдуф

В Шотландии по-прежнему?

Росс

К несчастью.
Страна неузнаваема. Она
Уже не мать нам, но могила наша.
Улыбку встретишь только у блажных.
К слезам привыкли, их не замечают.
К мелькапью частых ужасов и бурь
Относятся, как к рядовым явленьям.
Весь день звонят по ком-то, но никто
Не любопытствует, кого хоронят.
Здоровяки хиреют на глазах
Скорей, чем вянут их цветы на шляпах,
И умирают, даже не болев.

Макдуф

Как верно это все и как ужасно!

Малькольм

Кто новый пострадавший?

Росс

Каждый час
Их прибавляет, новости стареют,
И я освистан буду за рассказ.

Макдуф

Ну, как моя жена?

Росс

Без перемены.

Макдуф

А дети как?

Росс

Все так же.

Макдуф

Изувер
Их мира не нарушил?

«Макбет», акт второй
А. Гончаров

Росс

Не нарушил.
Я в мире их оставил.

Макдуф

Не цеди
Слова так скупо. Расскажи подробней,
Как там дела.

Росс

Когда я выезжал
С такими тягостными новостями,
По слухам, много наших поднялось,
И это подтвердилось по дороге.
Я заставал передвиженья войск,
Которые Макбет готовит к бою.
Теперь пора. Спешите. Ваш приход
Родит солдат в Шотландии, заставит
Вооружиться женщин, чтобы всем
Стряхнуть с себя порабощенья бремя.

Малькольм

Утешь их: мы решили выступать.
Нам Англия дает большое войско
И полководца Сиварда, бойца
На зависть прочим в христианском мире.

Росс

О, если б мог за радость я воздать
Такой же вам! Но то, что мне известно,
В пустыне мог бы только я провыть,
Чтобы никто не слышал.

Макдуф

Это горе
Для всех или кого-то одного?

Росс

Для всех, кто только наделен душою,
Но главное касается тебя.

Макдуф

Но если так, рассказывай скорее!

Росс

Но не возненавидь, не прокляни!
Ты будешь оглушен сейчас. Такого
Еще не слышал в жизни ты.

Макдуф

О, я
Догадываюсь.

Росс

Замок твой захвачен,
Зарезаны жена и дети все.
Подробным описаньем этой бойни
Я б умертвил тебя в придачу к ним.

Малькольм

Всемилостивый боже!.. Друг мой, шляпу
Не надвигай на брови. Волю дай
Отчаянью. Та скорбь, что не рыдает,
Закравшись в душу, сердце разрывает.

Макдуф

Ты говоришь, и дети?

Росс

Да, жена
И дети, слуги — все, кто им попался,
Зарезаны.

Макдуф

А я был далеко!
Жена убита тоже?

Росс

Ты ведь слышал.

Малькольм

Макдуф, мужайся и найди исход
В достойном мщенье.

Макдуф

Но Макбет бездетен! —
Всех бедненьких моих? До одного?
О изверг, изверг! Всех моих хороших?
Всех, ты сказал? И женушку мою?
Всех разом?

Малькольм

В горе будь теперь мужчиной.

Макдуф

Я буду им. Но я и человек,
И не могу забыть того, что жизни
Давало смысл. И сверху небеса
Видали это и не заступились?
Из-за тебя убили их, Макдуф.
Не их вина, но ты тому причиной.
Ты, недостойный, ты на них навлек
Такую гибель, упокой их небо!

Малькольм

Точи свой меч об этот оселок,
Не знай покоя, распаляйся гневом.

Макдуф

Не надо бесноваться на словах
И слезы лить, как женщина. О боже,
Скорей сведи меня лицом к лицу
С моим врагом и демоном шотландцев,
И если от меня уйдет он цел,
Прости и ты ему!

Малькольм

Мужские речи!
Теперь пойдем скорее к королю.
Поход обдуман, надо лишь проститься.
Макбет созрел для гибели, и меч
Небесной кары поднят над злодеем:
Длиннейшей ночи долгая пора
Продлиться может только до утра.

Уходят.

АКТ ПЯТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Дунсинан. Комната в замке.

Входят врач и придворная дама.

Врач. Я уже две ночи дежурю с вами и не мог проверить ваших показаний. Когда в последний раз бродила спящая?

Придворная дама. После отъезда его величества к войску я это видела довольно часто. Она встает с постели, накидывает ночное платье, отпирает письменный стол, берет бумагу, раскладывает, что-то пишет, перечитывает написанное, запечатывает и снова ложится в постель. И все это не просыпаясь.

Врач. Какое раздвоение всей нашей природы! Пользоваться покоем ночного сна и быть охваченной дневной заботой! Скажите, в этом сонном возбуждении, кроме таких прогулок и названных вами движений, вы не слыхали, чтобы она что-нибудь говорила?

Придворная дама. Этого, сэр, я никому не повторю.

Врач. Напрасно. Мне бы вы могли это сказать не колеблясь.

Придворная дама. Не скажу ни вам, ни кому другому, потому что нет свидетеля, который подтвердил бы мои слова.

Входит леди Макбет со свечою.

Смотрите, вот она идет! Это ее обычный вид. И, клянусь вам, она крепко спит. Наблюдайте за ней. Станьте ближе.

Врач. Где взяла она свечу?

Придворная дама. Свеча стояла около ее постели. Спальня всегда освещена. Это ее приказание.

Врач. Видите, глаза ее смотрят на нас!

Придворная дама. Да, но они ничего не видят.

Врач. Что это она делает? Как беспокойно она трет свои руки!

Придворная дама. Это ее привычка. Ей кажется, будто она их моет. Иногда это продолжается целые четверть часа.

Леди Макбет. Вот еще пятно.

Врач. Тсс, она говорит! Я запишу все, что она скажет, для памяти.

Леди Макбет. Ах ты, проклятое пятно! Ну когда же ты сойдешь? Раз, два... Ну что же ты? Пора за работу. Ада испугался? Фу, фу, солдат, а такой трус! Кого бояться? После того как это будет сделано, кто осмелится нас спрашивать? Но кто бы мог думать, что в старике окажется столько крови!

Врач. Вы слышали?

Леди Макбет. У тана файфского была жена. Где она теперь? Что это, неужели больше никогда я не отмою этих рук дочиста? Довольно, довольно, милый мой! Ты все погубишь этим вздрагиваньем.

Врач. Дальше, дальше. В жизни ты познала что-то недозволенное.

Придворная дама. Она выдала, чего не должна была говорить. Одно небо знает, какие у нее тайны.

Леди Макбет. И рука все еще пахнет кровью. Никакие ароматы Аравии не отобьют этого запаха у этой маленькой ручки! О, о, о!

Врач. Вы слышали этот вздох? Как отягощено ее сердце!

Придворная дама. Я бы не согласилась носить его в груди ни за какие выгоды ее положения.

Врач. Еще бы, еще бы!

Придворная дама. Помоги ей, господи!

Врач. Ее недуг не по моей части. Но я знал лунатиков, ни в чем не повинных, которые спокойно умирали в своих постелях.

Леди Макбет. Вымой руки. Надень ночное платье. Почему ты такой бледный? Повторяю тебе, Банко похоронили. Он не может выйти из могилы.

Врач. Скажите пожалуйста!

Леди Макбет. В постель, в постель. Слышишь, стучат в ворота. Идем, идем, идем. Дай мне руку. Сделанного не воротишь. В постель, в постель, в постель. *(Уходит.)*

Врач. Теперь она ляжет?

Придворная дама. Немедленно.

Врач

Недобрая молва кругом. Насилья
Всегда ведут к насильственным концам.
Больная совесть лишь глухой подушке
Свои секреты смеет поверять.
Священник больше нужен ей, чем доктор.
Прости нас, грешных, господи! За ней
Смотреть необходимо. Удалите
Все острые предметы. Потрясен
Услышанным сейчас! Спокойной ночи.
От страшных дум захватывает дух,
Но не осмелюсь высказать их вслух.

Придворная дама. Спокойной ночи, доктор.

(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Местность близ Дунсинана. Барабаны и знамена.

Входят Ментейс, Кэтнес, Ангус, Ленокс и солдаты.

Ментейс

Отряды англичан недалеко.
Малькольм, Макдуф, Малькольмов дядя Сивард
Начальствуют над войском. Все полны
Непримиримости. Их огорченья
Могли бы мертвого расшевелить.

Ангус

Наверно, мы их встретим по дороге
В Бирнамский лес. Туда лежит их путь.

Кэтнес

Что Дональбайн сопровождает брата?

Ленокс

Я выяснил, что нет. Я видел лист
Со списком близких нам дворян. Меж ними
Сын Сиварда и множество юнцов,
Мечтающих о боевом крещенье!

Ментейс

Что делает наш деспот?

Кэтнес

Укрепил
Свой Дунсинан. Одни предполагают,
Что он взбесился. Люди подобрей
Находят в этом бешеную храбрость.
Одно лишь ясно: что в своих делах
Не может он свести концов с концами.

Ангус

Так вот когда убийце отлилась
Кровь жертв его! В бесчисленных восстаньях
Прочел он приговор своим делам.
Ведь не любовь — одни приказы движут
Оставшимися у него людьми.
Вот наконец когда он убедился,
Что титул короля на нем висит,
Как мантия гиганта на воришке.

Ментейс

Понятно, как клянет он сам себя
И все на свете, если поразмыслить,
Чем полон он, что делается в нем!

Кэтнес

Так в путь, друзья! Пойдем, изъявим верность
Тому, кто заслужил ее,— врачу
Больной страны, и чтоб ее очистить,
Прольем за родину всю нашу кровь.

Ленокс

По крайней мере, столько, сколько нужно,
Чтоб цвет венчанный не остался сух
И захлебнулся и погиб лопух.
Итак, вперед, к Бирнаму!

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Дунсинан. Комната в замке.

Входят Макбет, врач и свита.

Макбет

Не доносите больше ничего.
Пусть все бегут. Покамест лес Бирнамский
Не двинулся на Дунсинанский холм,
Мне страх неведом. Что в Малькольме этом?
Не женщиною разве он рожден?
Всезнающие духи мне сказали:
«Никто из тех, кто женщиной рожден,
Макбет, тебе не страшен, будь спокоен».
Бегите ж, таны лживые, толпой
На сторону английских сластолюбцев.
Не дрогнет сердце у меня в груди,
Ничто мне не опасно впереди.

Входит слуга.

Чтоб черт тебя обуглил, беломордый!
Ты отчего так бледен? Вот глупец!

Слуга

Там десять тысяч...

Макбет

Видимо, таких же
Глупцов, как ты?

Слуга

Нет, государь,— солдат.

Макбет

Ты бел, как холст. Ступай и нарумянься.
Солдат, ты говоришь? Каких солдат?
Каких солдат, ничтожество?

Слуга

Английских.

Макбет

Пошел ты к черту!

Слуга уходит.

Сейтон! — А в душе
Я сам встревожен.— Сейтон! — Эта битва
Меня погубит или утвердит.
Я пожил на своем веку. Я дожил
До осени, до желтого листа.
На то, что скрашивает нашу старость —
На преданность, любовь и круг друзей,—
Не вправе я рассчитывать. Проклятья,
Прикрытые трусливой лестью,— вот
Что мне осталось да дыханье жизни,
Которую б не прочь я прекратить,
Когда бы с нею мог расстаться.— Сейтон!

Входит Сейтон.

Сейтон
Здесь, государь.
Макбет
Что нового?
Сейтон
Увы,
Известья подтвердились.
Макбет
Буду биться,
Пока не снимут мяса мне с костей.
Дай мне мой панцирь.
Сейтон
В нем еще покамест
Нет надобности.
Макбет
Я вооружусь.
Пошли побольше конных. Пусть объедут
Окрестности. На месте вешай всех,
Кто скажет про опасность.
Дай мой панцирь.

Сейтон уходит.

Ну, как больная, доктор?
Врач
Государь,
Она не так больна, как вихрь видений
Расстраивает мир ее души.

Макбет

Избавь ее от этого. Придумай,
Как удалить из памяти следы
Гнездящейся печали, чтоб в сознанье
Стереть воспоминаний письмена
И средствами, дающими забвенье,
Освободить истерзанную грудь
От засоряющих ее придатков.

Врач

Тут должен сам больной себе помочь.

Макбет

Так выброс псам свои лекарства!

Возвращается Сейтон с офицером.

Сейтон!
Стяни броню на мне. Подай копье.
Ты выслал верховых? — А таны, доктор,
Бегут к врагам. Когда б ты распознал
Болезнь страны и на ноги поставил
Ее, как встарь, я похвалой тебе
Надолго бы греметь заставил эхо.
(Пытаясь снять доспехи, Сейтону.)
Сними броню! — Каким же ревенём
Или листом александрийским, доктор,
Очистить край от этих англичан?
О них ты слышал?

Врач

Как же, повелитель.
Приготовленья ваши нам дают
Понятье о вторженье.

Макбет *(Сейтону и офицеру)*

Понесите
Ненужную броню за мною вслед.
Я смерти не боюсь, пока не сдан
Бирнамской роще замок Дунсинан.

Все, кроме врача, уходят.

Врач

Когда б из замка я убрался цел,
В него я вновь вернуться б не хотел.
(Уходит.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Бирнамский лес. Барабаны и знамена.

Входят Малькольм, Сивард-отец и Сивард-сын, Макдуф, Ментейс, Кэтнес, Ангус, Ленокс, Росс и солдаты.

Малькольм
Друзья, я верю, близок день, когда
Жилища наши станут безопасны.

Ментейс
В том нет сомненья.

Малькольм
Это что за лес?

Ментейс
Бирнамский, принц.

Малькольм
Пусть каждый воин срубит
По ветви и несет перед собой.
Скрыв нашу численность, мы тем обманем
Противника.

Солдаты
Сейчас исполним все.

Сивард
Как видно, деспот так в себе уверен,
Что укрепляет Дунсинан, решив
Выдерживать осаду.

Малькольм
Это ставка
Последняя. Вне укрепленных стен
Кто может, все, от мала до велика,
Бегут, и только этот гарнизон
Остался с ним, служа по принужденью.

Макдуф
Увидим по исходу. А пока
Доверимся солдатской нашей хватке.

Сивард
По счастию, пора недалека,
Когда мы выясним наверняка,
Кто истинный союзник, кто наш враг.
Гаданьями тут не помочь никак.
Исход войны решит последний бой,
Которого и жду я всей душой

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Дунсинан. Внутри крепости.

Входят с барабанным боем и знаменами Макбет, Сейтон и солдаты.

Макбет

Повесь вдоль стен знамена наши. Всюду
По-прежнему я слышу крик: «Идут!»
Смеется над осадой эта крепость.
Пусть окружат нас. Голод и болезнь
Их уничтожат. Если б наши таны
Их не усилили, я, не смутясь,
Одной бы вылазкой отбил их натиск.

Женские крики за сценой.

Что там за шум?

Сейтон

Крик женщин, государь.

(Уходит.)

Макбет

А я совсем утратил чувство страха.
Бывало, не шутя я леденел
От вскрика ночью, а от страшных сказок
Вздымались волосы на голове.
С тех пор я ужасами сыт по горло,
Чудовищность сродни моей душе.
Что может напугать ее?

Возвращается Сейтон.

Откуда
Кричали?

Сейтон

Королева умерла.

Макбет

Не догадалась умереть попозже,
Когда б я был свободней, чем сейчас!
Мы дни за днями шепчем: «Завтра, завтра».
Так тихими шагами жизнь ползет
К последней недописанной странице.
Оказывается, что все «вчера»
Нам сзади освещали путь к могиле.
Конец, конец, огарок догорел!
Жизнь — только тень, она — актер на сцене.

Сыграл свой час, побегал, пошумел —
И был таков. Жизнь — сказка в пересказе
Глупца. Она полна трескучих слов
И ничего не значит.

Входит гонец.

Ты явился
Работать языком. Руби скорей!

Гонец

Не знаю, государь, как и сказать.

Макбет

Скажи скорей.

Гонец

Я был сейчас в дозоре
И вдруг увидел, как Бирнамский лес
Как бы задвигался.

Макбет

Обманщик подлый!

Гонец

Казните гневом, если я соврал.
Пойдемте покажу. В трех милях виден
Навстречу замку шествующий лес.
Шагающая роща.

Макбет

Если это
Обман, повешу тут же на суку,
Чтобы живьем от голода ты высох,
А если правда, сам меня повесь.
Теперь я начинаю сомневаться.
Я веровал в двусмысленность. Меня
Поймал на правде дьявол, обнадежив:
«Спокоен будь, пока Бирнамский лес
Не двинулся на Дунсинан». И что же?
Какой-то лес идет на Дунсинан.
К оружию, к оружию — и в поле!
Коль скоро то, что он сказал, не ложь,
Ни здесь, ни там спасенья не найдешь.
Я жить устал, я жизнью этой сыт
И зол на то, что свет еще стоит.
Бить сбор! Тревогу! Если гибель мне,
Хочу погибнуть в воинской броне.

Уходят.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Там же. Равнина перед крепостью. Барабаны и знамена.

Входят Малькольм, Сивард-отец, Макдуф и их войско с ветвями.

Малькольм

Мы перед замком. Бросим ветви прочь
И явимся без лиственных прикрытий.
(Сиварду.)
Вам, дядя, с вашим сыном начинать
В передовом отряде. Мы с Макдуфом
Все прочее закончим, как о том
Условлено.

Сивард

Желаю вам удачи.
И если мы его не разобьем,
Туда нам и дорога, поделом.

Макдуф

Пускай трубят горнисты во весь дух,
Чтоб оглушить предвестьем смерти слух.

Уходят.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Другая часть равнины. Шум битвы.

Входит Макбет.

Макбет

Я как цепной медведь. Бежать нельзя,
Но буду защищаться от облавы.
Кто женщиною не рожден? Лишь он
Мне страшен.

Входит молодой Сивард.

Молодой Сивард

Назови свое мне имя.

Макбет

Ты задрожишь, узнав его.

Молодой Сивард

О нет,
Будь это имя хуже самых страшных
Имен в аду!

Макбет

Меня зовут Макбет.

Молодой Сивард

Сам дьявол не сумел бы ненавистней
Моим ушам назваться.

Макбет

И страшней.

Молодой Сивард

Неправда, лжешь, презренный притеснитель!
Мечом я докажу, что ты не прав.

Они бьются, молодой Сивард падает мертвый.

Макбет

Ты женщиной рожден. Каким мечом
Ни угрожал бы женщиной рожденный,
Я буду цел без всякой обороны.
(Уходит.)

Шум битвы.
Входит Макдуф.

Макдуф

Вот где шумят. Мучитель, покажись!
Когда б ты пал не от моих ударов,
Меня бы продолжали посещать
Не отомщенные навеки духи
Моей жены и маленьких детей.
Я не могу рубить крестьян наемных.
Явись, Макбет, иль я вложу назад
В ножны свой меч, не побывавший в деле.
Ты где-то там — по выкрикам сужу,
Что там боец испытанный дерется.
Судьба моя, Макбета мне найди,
Другого счастья в жизни мне не надо!
(Уходит.)

Шум битвы.
Входят Малькольм и старый Сивард.

Сивард

Сюда, принц. Замок сдался без борьбы.
Их люди рубятся в обоих станах.

Я танов храбростью не нахвалюсь —
Мы выиграли без труда сраженье.
Еще немного — и конец.

Мальколь м

Наш враг
В душе за нас.

Сивард

Мой принц, войдемте в замок.

Уходят.
Шум битвы.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Там же. Другой конец равнины.

Входит Макбет.

Макбет

Зачем, подобно римскому безумцу,
Кончать с собою, бросившись на меч?
Пока живых я вижу, лучше буду
Их убивать.

Входит Макдуф.

Макдуф

Сюда, проклятый пес!

Макбет

Из всех людей я лишь с одним тобой
Встречаться не хотел. И так уж кровью
Твоих домашних дух мой отягчен.

Макдуф

Я слов не нахожу. Тебе их скажет
Мой меч. Ты негодяй, какому нет
Достойного названья.

Они бьются.

Макбет

Труд пропащий.
Ты легче можешь воздух поразить,
Чем нанести своим мечом мне рану.
Бей им по уязвимым черепам —
Я защищен заклятьем от любого,
Кто женщиной рожден.

Макдуф

Так потеряй
Надежду на заклятье! Пусть твой демон,
Которому служил ты, подтвердит:
До срока из утробы материнской
Был вырезан Макдуф, а не рожден.

Макбет

Язык отсохни, это возвестивший!
Он сразу мужество во мне сломил!
Не надо верить прорицаньям ада,
Проклятье им за их двоякий смысл!
Слова их не обманывают слуха,
Чтоб тем полней надежды обмануть.
Я не дерусь с тобой.

Макдуф

Так сдайся, трус!
Останься жить диковинкою века.
Твое изображенье на шесте
Поставим мы, как выставляют чудищ,
И выведем под вывескою: «Здесь
Тирана можно видеть».

Макбет

Я не сдамся.
Перед Малькольмом землю целовать
И яростной толпы проклятья слушать?
Хотя Бирнам напал на Дунсинан
И не рожден ты женщиной, мой недруг,
Мне хочется, свой щит отбросив прочь,
Пробиться напролом в бою с тобой,
И проклят будь, кто первый крикнет: «Стой!»

Удаляются, сражаясь.
Шум битвы. Отбой. Трубы.
Входят с барабанным боем и знаменами Малькольм, Сивард-отец, Росс, Ленокс, Ангус, Кэтнес, Ментейс и солдаты.

Малькольм

Хотел бы я, чтоб были невредимы
Отсутствующие.

Сивард

Нельзя без жертв.
Но по тому, что вижу я, победу
Купили мы недорогой ценой.

Малькольм

Нет сына вашего и нет Макдуфа.

Росс

Ваш сын уж заплатил солдатский долг.
Он юношею жил и умер мужем,
Что он неоспоримо доказал
Бесстрашием в последнюю минуту.

Сивард

Так он убит?

Росс

И с поля унесен.
Не меряйте его заслуги горем,
А то безмерна будет ваша скорбь.

Сивард

Он ранен спереди?

Росс

Да, в лоб.

Сивард

Он будет
Воителем господним. Сыновьям,
Когда б я больше, чем волос, имел их,
Я б лучшей смерти не желал. Вот мой
Надгробный звон по нем.

Малькольм

О нет, я память
Его сильнейшей скорбию почту.

Сивард

Скорбеть сильней обозначает слабость.
Он пал в бою, он с честью смерть нашел,
Он честно жил и с жизнью счеты свел.
Да будет с ним господь.

Входит Макдуф, неся голову Макбета.

Вот утешенье.

Макдуф

Живи, Малькольм! Теперь ты наш король.
Вот голова злодея. Край свободен.
Вокруг тебя, как жемчуг на венце,
Цвет королевства. Братья, грянем хором
От всей души: «Да здравствует король
Шотландии!»

Все

Да здравствует шотландский Король!

Трубный туш.

Малькольм

Не будем тратить время. Всем
Спасибо за любовь и помощь. Таны
И родственники, я решил ввести
В Шотландии впервые графский титул
И вам его даю. Нам надлежит
Вернуть друзей, бежавших от гонений,
К себе на родину. Переловить
Пособников и близких кровопийцы
И дьявола в венце, его жены,
Которая сама, как полагают,
Покончила с собой. Хоть дел не счесть,
Надежда есть, что лишь найдется время,
Мы с божьей помощью займемся всеми.
Друзья, еще раз низкий вам поклон,
Всех просим на коронованье в Скон.

Трубы.
Уходят.

АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Антоний, Октавий Цезарь, Лепид — триумвиры.

Секст Помпей

Домиций Энобарб, Вентидий, Эрос, Скар, Дерцет, Деметрий, Филон — приверженцы Антония.

Меценат, Агриппа, Долабелла, Прокулей, Тирей, Галл — приверженцы Цезаря.

Менас, Менекрат, Варрий — приверженцы Секста Помпея.

Тавр, командующий армией Цезаря.

Канидий, командующий армией Антония.

Силий, военачальник в армии Вентидия.

Евфроний, посол от Антония к Цезарю.

Алексас, Евнух Мардиан, Селевк, Диомед — придворные Клеопатры.

Предсказатель.

Поселянин.

Клеопатра, царица Египта.

Октавия, сестра Цезаря и жена Антония.

Хармиана, Ира — прислужницы Клеопатры.

Военачальники, легионеры, гонцы, слуги и придворные.

Место действия — в разных частях Римской империи.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Александрия. Комната во дворце Клеопатры.

Входят Деметрий и Филон.

Филон

Нет, наш начальник выжил из ума.
Горящий взгляд, который с видом Марса
Он устремлял, бывало, на войска,
Молитвенно прикован к черной челке.
Грудь силача, дышавшая в боях
Так яростно, что лопались застежки
На панцире, превращена в мехи
Для обдуванья жарких нег цыганки.

Трубы. Входят Антоний и Клеопатра со свитой. Евнухи обмахивают ее опахалами.

Они идут. Любуйся. Вот тебе
Один из главных трех столпов вселенной
На положенье бабьего шута.
Смотри и поучайся.

Клеопатра

Если это
Любовь, то как, большая или нет?

Антоний

Ничтожна страсть, к которой есть мерила.

Клеопатра

Я знать желаю чар моих предел.

Антоний

Тогда создай другую твердь и землю.

Входит служитель.

Служитель

Из Рима вести, добрый государь.

Антоний

Какая скука! Только поскорее.

Клеопатра

Нет, расспроси, Антоний. Может быть,
Не в духе Фульвия и юный Цезарь
Приказывает: «Сделай то и то,
Займи то царство и очисти это,
Иначе будет плохо».

Антоний

Милый друг!

Клеопатра

Я не шучу. По-видимому, больше
Задерживаться здесь тебе нельзя,
Иначе Цезарь даст тебе отставку.
Как знаешь сам. Где Фульвии письмо?
Нет, Цезаря посланье, виновата.
Да нет, обоих, я хочу сказать.
Прими гонцов. Клянусь венцом Египта,
Ты покраснел, вернейший знак того,
Что ты боишься Цезаря, Антоний.
А может быть, стыдливость эта — страх
Пред Фульвией и будущей отчиткой?
Но где ж гонцы?

Антоний

Пусть в Тибре сгинет Рим
И рухнут своды вековой державы!
Мое раздолье здесь. Все царства — прах.
Земной навоз — заслуженная пища
Зверям и людям. Жизни высота
Вот в этом.

(Обнимая ее.)

То есть в смелости и страсти.

А в них — я это кровью докажу —
Нам равных нет.

Клеопатра

Какая ложь! Зачем же
Ты без любви на Фульвии женат?
Не так глупа я, как кажусь. Антоний
Всегда собою будет.

Антоний

И всегда
Ошеломляться будет Клеопатрой.
Но из любви к часам самой любви
Не станем их терять на пререканья.
Пусть время в удовольствиях пройдет.
Чем будем развлекаться мы сегодня?

Клеопатра

Беседою с послами.

Антоний

Какова!
Но все к лицу упрямице-царице:
И гнев, и смех, и слезы. Каждый след
Ее запальчивости — совершенство.
Послов приму я разве лишь твоих,
А больше никаких. Сегодня будем
Бродить по улицам и наблюдать
Ночные нравы. Хорошо, царица?
Ты так сама хотела.
(Служителю.)
Надоел.

Антоний и Клеопатра со свитой уходят.

Деметрий

Как с Цезарем небрежен стал Антоний!

Филон

Он вовсе не Антоний иногда,
Так делается вдруг неузнаваем.

Деметрий

Как в самом деле жалко! Этим всем
Он подтверждает злые толки римлян.
Нам остается ждать, чтоб завтра он
Исправил впечатленье. До свиданья.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же. Другая комната.

Входят Хармиана, Ира, Алексас и предсказатель.

Хармиана. Свет Алексас, прелесть Алексас, самый-рассамый Алексас, более чем какой-нибудь Алексас, где предсказатель, которого ты так хвалил царице? О, взглянуть бы мне на будущего мужа, который по моей милости будет прятать рога под цветами!

Алексас

Гадальщик!

Предсказатель

Что прикажешь?

Хармиана

Это он?

Ты тот, кто знает все?

Предсказатель

В живую книгу
Природных тайн я заглянул слегка.

Алексас

Пусть он тебе посмотрит руку.

Входит Энобарб.

Энобарб

Живо!
Тащи подносы. Будем выпивать
В честь Клеопатры.

Хармиана

Наколдуй мне счастье.

Предсказатель

Я лишь предвижу, а не ворожу.

Хармиана

Предусмотри мне что-нибудь получше.

Предсказатель

Ты будешь все добреть и хорошеть.

Хармиана. Он думает,— в толщину.

Ира. Нет, он говорит, в старости ты будешь краситься.

Хармиана. Все, что угодно, только не морщины!

Алексас. Не серди его предвиденья. Вниманье.

Хармиана. Молчок!

Предсказатель

Любить тебе случится в жизни больше,
Чем быть любимой.

Хармиана. Это мы посмотрим. Лучше буду горячить печенку пьянством.

Алексас. Да слушайте же вы его!

Хармиана. Ладно. Только что-нибудь позамысловатей. Скажем, выйти в одно прекрасное утро за трех царей и разом овдоветь. Родить в пятьдесят лет младенца, которого будет бояться Ирод Иудейский. Оказаться замужем за Октавием Цезарем и таким образом сравняться в чинах с государыней.

Предсказатель

Ты государыню переживешь.

Хармиана. Чудесно! Долголетье я люблю больше винных ягод.

Предсказатель

Ты знала раньше лучшую судьбу,
Чем предстоит тебе.

Хармиана. Быть женщиной без судьбы — значит плодить нищих без имени. Кстати, сколько их у меня будет, мальчиков и девочек?

Предсказатель

Когда б твоим желаньям по утробе,
То ты б имела миллион детей.

Хармиана. Вон, дурак! Прощаю тебе только потому, что ты колдун.

Алексас. Ты думаешь, никто, кроме простынь, не знает о твоих вожделеньях?

Хармиана. Теперь погадай Ире.

Алексас. Да, да, судьбу каждого из нас.

Энобарб. Мне и многим судьба напиться сегодня до бесчувствия.

Ира. Вот ладонь, на которой, во всяком случае, начертано целомудрие.

Хармиана. Так же, как в разливе Нила начертан недород.

Ира. Перестань, сумасшедшая, ты не предсказательница.

Хармиана. Если потная ладонь не показатель плодовитости, можешь сказать, что я сморкаюсь пяткой. Пожалуйста, нагадай ей что-нибудь заурядное.

Предсказатель. Ваши судьбы одинаковы.

Ира. Да, но как, в каком отношении?

Предсказатель. Я все сказал.

Ира. Неужели я ни на вершок не счастливее ее?

Хармиана. Ну допустим, что на вершок. Так к чему бы ты хотела, чтобы его притачали?

Ира. Ну конечно, не к кончику носа моего мужа.

Хармиана. Да обуздает небо наши грешные мысли! Теперь Алексасу,— да, да, его судьбу, его судьбу! Сделай, Изида, чтобы он женился на безногой! Сделай, чтобы она умерла, и пошли ему еще худшую! Пусть будут у него жены одна хуже другой, пока последняя не проводит его, приплясывая, в могилу, пятьдесят раз рогатого. Добрая Изида, услышь меня! Лучше откажи мне в чем-нибудь необходимом, только не в этом! Добрая Изида, прошу тебя!

Ира. Аминь. Дорогая богиня, услышь молитву верующих. Если больно видеть порядочного человека в браке с шалопайкою, во сколько же раз обиднее зрелище негодяя, которому не наставили рогов. Дорогая Изида, пошли ему судьбу по заслугам.

Хармиана. Аминь.

Алексас. Нет, вы послушайте! Кажется, если бы от них зависело сделать меня рогатым, они вышли бы торговать собою на улицу, лишь бы этого добиться!

Энобарб

Потише вы,— Антоний.

Хармиана

Нет, царица.

Входит Клеопатра.

Клеопатра. Ты видел государя?

Энобарб. Нет, государыня.

Клеопатра. Он не был тут?

Хармиана. Нет, царица.

Клеопатра

Все время он настроен был прекрасно,
Как вдруг о Риме вспомнил. Энобарб!

Энобарб

Что, государыня?

Клеопатра

Доставь его сюда мне. Где Алексас?

Алексас

Вот я, и вот Антоний вслед за мной.

Клеопатра

Не будем на него смотреть. Пойдемте.

Уходят.

Входит Антоний с гонцом и свитой.

Гонец

Зачинщицею Фульвия была.

Антоний

И ей войной ответил брат мой Люций?

Гонец

Да, но война была их коротка.
Их помирило время. Скоро Цезарь
Стал общим их врагом, но был сильней,
И с первого же столкновенья с ними
Погнал их из Италии.

Антоний

Еще
Какие неприятности?

Гонец

Природа
Дурных вестей — несчастье для гонца.

Антоний

Когда их получает трус и олух.
Руби сплеча. Что было, то прошло.
Любую правду, даже весть о смерти,
Предпочитаю лести.

Гонец

Лабиен —
Действительно большая неприятность —
С парфянским войском перешел Евфрат
И — в Азию. Его знамена веют
От Лидии до Сирии, пока...

Антоний

Антоний,— хочешь ты сказать?

Гонец

Властитель!

Антоний

Прямее! Выражений не смягчай.
Зови, как могут в Риме, Клеопатру.
Ругайся в духе Фульвии. Со мной
Будь так же резок, как вражда и честность.
Без осужденья зарастешь травой.
Упрек полезен, как пропашка поля.
Пока довольно. Выйди.

Гонец

Как тебе
Угодно.

(Уходит.)

Антоний

Где гонец из Сикиона?

Первый служитель

Гонец из Сикиона! Есть такой?

Второй служитель

Он ждет в соседней комнате.

Антоний

Введите.
На волю из египетских цепей,
А то я кончу размягченьем мозга.

Входит другой гонец.

Что скажешь?

Второй гонец

Скончалась Фульвия, твоя жена.

Антоний

Где?

Второй гонец

В Сикионе. Это описанье
Ее болезни. Прочие дела
В письме.

(Подает ему письмо.)

Антоний

Ступай.

Второй гонец уходит.

Ушла душа большая.
Я этого хотел. Так мы всегда.
То, что отбрасывали с невниманьем,
Хотим потом вернуть, когда нельзя.
Все радости проходят. Эта стала
Желанной, потому что умерла.
Ее б удерживать, а я гнушался.
Нет, от колдуньи этой надо прочь.
Сто тысяч бед, еще страшнее этой,
Я наживу в безделье. Энобарб!

Входит Энобарб.

Энобарб

Что мне прикажешь, повелитель?

Антоний

Надо
Безотлагательно отсюда прочь.

Энобарб. Это убьет наших женщин. Для них смертельна всякая неласковость. Наш отъезд доконает их.

Антоний. Я должен уехать.

Энобарб. Тогда другое дело. Было бы жалко жертвовать ими попусту. А перед чем-нибудь важным на них нечего смотреть. Клеопатра умрет при одном намеке на это. Я видел двадцать раз, как она умирала с меньшим основаньем. Наверное, в смерти есть что-то обольстительное, что она с такой любовью летит в ее объятья.

Антоний. Она невообразимо хитра.

Энобарб. Нет, повелитель. Вся она воплощенье одной любви без примеси. Разве про нее можно сказать, что она плачет и вздыхает? Это более сильные ливни и ураганы, чем отмеченные в календарях. Ее припадки не хитрость. А то бы она насылала дожди с легкостью Юпитера.

Антоний. Лучше б я никогда не видал ее!

Энобарб. О повелитель, тогда бы ты прозевал большое чудо, и твое путешествие лишилось бы смысла.

Антоний. Умерла Фульвия.

Энобарб. Как?

Антоний. Умерла Фульвия.

Энобарб. Фульвия?

Антоний. Да. Умерла.

Энобарб. Ну что же, повелитель, принеси богам благодарственную жертву. Когда их божественности бывает угодно взять жену у мужа, они выступают в роли перелицовщиков земли. Утешься мыслью, что вместо изношенного платья тебе сделают новое. Если бы, кроме Фульвии, на свете не было женщин, ее смерть была бы серьезным бедствием. Но твое горе поправимо. Из этой старой рубашки выйдет новая юбка. И дешевле лука те слезы, которые я стал бы проливать по этому поводу.

Антоний. Дело, которое она заварила в Риме, не терпит моего отсутствия.

Энобарб. А дело, которое ты заварил в Египте, требует твоего присутствия. Особенно твое дело с Клеопатрой положительно немыслимо без тебя.

Антоний

Довольно балагурить. Извести
О сборах командиров. Я царице
Скажу, что побуждает наш отъезд,
И попрощаюсь. Нас зовет не только
Смерть Фульвии и громкий голос чувств,
Но также письма от друзей из Рима.
Они в них сообщают: Секст Помпей
Бунтует против Цезаря и страшен
Преобладаньем на́ море. Народ

Не ценит никогда людей при жизни
И перенес любовь, которой он
Не доплатил покойному Помпею,
На сына. Секст и без того велик
По имени и крови, а успехом
Вскружил солдатам головы вконец.
Для государства рост его влиянья
Становится угрозой. Вообще
Все бродит там, змеясь, как конский волос,
Который может сделаться змеей.
Всем командирам, состоящим в свите,
Без промедленья собираться в путь.

Энобарб

Отдам распоряженье.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Там же. Другая комната.

Входят Клеопатра, Хармиана, Ира и Алексас.

Клеопатра

Где он?

Хармиана

С тех пор его я не видала.

Клеопатра

Узнай, где он, кто с ним, чем занят он,
И помни,— я тебя не посылала.
Застанешь грустным, скажешь — я пляшу,
А если весел, скажешь — заболела.
Ступай и возвращайся поскорей.

Хармиана

Мне кажется, ты не права, царица.
Когда любовь нешуточна, нельзя
Ответной домогаться принужденьем.

Клеопатра

А твой совет каков?

Хармиана

Не притесняй
Его ни в чем и дай во всем свободу.

Клеопатра

Чтоб тем его скорее потерять?
Вот глупая!

Хармиана

Его терпенье лопнет.
Мы начинаем ненавидеть то,
Чего боялись. Вот и сам Антоний.

Входит Антоний.

Клеопатра

Мне грустно. Я больна.

Антоний

Я принужден,
Как это ни печально...

Клеопатра

Хармиана!
Я падаю. Дай руку. Эта боль
Не может продолжаться бесконечно.
Всему есть мера.

Антоний

Должен сообщить...

Клеопатра

Прошу, не приближайся.

Антоний

Что с тобою?

Клеопатра

Я вижу ясно по твоим глазам,
Что ты с хорошей вестью. Что нам пишет
Законная жена? Отправься к ней.
Она тебя напрасно отпускала.
Пусть знает, что тебя я не держу.
Ты весь ее! Я над тобой не властна.

Антоний

Богам известно...

Клеопатра

Не было цариц,
Обманутых бессовестней. Я сразу
Предвидела измену.

Антоний

Клеопатра...

Клеопатра

Как я могла считать тебя своим,
Хоть клятвой ты поколебал бы небо,
Когда ты предал Фульвию? Смешно
Вверяться клятвам, не соединимым
Одна с другою.

Антоний

Госпожа моя...

Клеопатра

Пожалуйста, прошу без оправданий.
Простись, и в путь-дорогу. Вот когда
Ты к нам напрашивался, было время
Для разговоров и высоких слов.
Тогда отъездом и не пахло. Вечность
Была в моих глазах и на губах,
Ты видел меж бровей моих блаженство,
Я вся была небесною. Я вся
И ныне та же, но великий воин,
Как оказалось, и великий лжец.

Антоний

Постой.

Клеопатра

Будь я мужчиной, ты бы убедился,
Что и в Египте защищают честь.

Антоний

Веленья жизни, милая царица,
Настойчиво зовут меня к делам.
Я должен буду временно уехать,
Но сердце оставляю я тебе.
В Италии большие беспорядки.
Подходы с моря занял Секст Помпей.
В стране два господина. Все в броженье.
Кто был в изгнанье, стал героем дня.
Теперешний любимец недовольных —
Помпей, как некогда его отец.
Противникам нет счета. Мир наскучил.
Повсюду жалуются на застой
И жаждут перемены. Пред тобою
Особо оправдает мой отъезд
Смерть Фульвии.

Клеопатра

Хотя я легковерна,
Но по годам я все же не дитя.
Как верить мне, что Фульвия скончалась?

Антоний

И все ж она скончалась. Убедись
Из этого письма, какого шуму
Наделала она и, наконец,
Где умерла.

«Антоний и Клеопатра», акт четвертый
М. Пиков

Клеопатра

И это называют
Любовью! Где твои потоки слез?
Я вижу, вижу на ее примере,
Как мой конец ты примешь.

Антоний

Бросим спор,
И выслушай мои предположенья.
Принять их к исполненью или нет,
Зависит от тебя. Чудесной силой,
Животворящей нильский ил, клянусь,
Что отправляюсь в путь твоим солдатом,
Или слугой, на мир или войну,
Как пожелаешь.

Клеопатра

Распусти шнуровку.
Не надо, Хармиана, все прошло.
То обмираю я, то оживаю,
Как преданность Антония.

Антоний

Оставь.
Сама потом свидетельницей будешь,
Как твердо эта верность устоит.

Клеопатра

Еще бы, в этом Фульвия порука.
Послушай, отвернись и прослезись
В честь памяти ее, потом, прощаясь,
Уверь, что слезы назначались мне.
Тебе удастся чудно эта сцена
Чистосердечной фальши.

Антоний

Перестань.
Не зли меня.

Клеопатра

Недурно для начала,
Но можно лучше. Надо приналечь.

Антоний

Пусть этот меч...

Клеопатра

И этот щит... Прекрасно.
Не правда ль, хорошо? Он входит в роль.
Смотри, как натурально, Хармиана,
Бушует этот римский Геркулес.

Антоний

Я ухожу.

Клеопатра

Два слова, мой любезный!
Мы расстаемся... Нет, совсем не то.
Мы так любили... Нет, совсем не это.
Но что ж хотела я сказать? Я так
Забывчива, затем что я забыта.

Антоний

Не будь ты мне царицею всего,
Я б мог сказать, что ты царица блажи.

Клеопатра

Нелегкий труд, однако, эту блажь
Носить у сердца так, как Клеопатра.
Но ты прости мне выходки мои.
Я первая всегда от них страдаю.
Тебя отсюда отзывает честь.
Пожалуйста, будь глух к моим причудам.
Да будут боги все с тобой. Твой меч
Пускай покроет лаврами победа,
А путь тебе — удачами.

Антоний

Идем.
Разлука наша — не разъединенье.
Хоть и вдали, ты будешь жить во мне,
А я в тебе, хоть и на стороне.
Идем.

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Рим. Дом Цезаря.

Читая письмо, входит Октавий Цезарь и Лепид со свитой.

Цезарь

Лепид, ты видишь и не забывай:
Не в Цезаревых нравах ненавидеть
Великого собрата. Между тем
Вот что нам пишут из Александрии.
Он удит рыбу, пьет и жжет огни
В ночных пирах. Мужского в нем не больше,

Чем в Клеопатре, даже несмотря
На женственность ее. Насилу принял
Моих послов и спрашивать не стал
О нас с тобой. В нем все пороки мира.

Лепид

И все ж их слишком мало, чтоб затмить
Его достоинства. Они сияют
Тем ярче, чем черней его грехи,
Как ночью — звезды. Это недостатки,
Но он в них вырос, а не приобрел.
Он сам их жертва, а не их владыка.

Цезарь

Ты слишком добр. Допустим, с полбеды
Валяться на постели Птоломея,
За шутку государства раздавать,
Пить до рассвета взапуски с рабами
И затевать кулачные бои
С подонками, воняющими пóтом.
Допустим, это хорошо. Хотя
Кем надо быть, чтоб это не претило?
Когда ж от этих штук в убытке мы,
То нет проказам этим оправданья.
Добро б на это шел его досуг,
Тогда бы нас могло не беспокоить,
Не хватит ли развратника удар.
Когда же он без пользы губит время,
Зовущее его, как барабан,
В тревожный час к защите государства,
Наш долг его пробрать, как шалуна,
Которого минуют уговоры
И только безобразья на уме.

Входит гонец.

Лепид

Вот новые известья.

Гонец

Все приказы
Исполнены. Ты будешь каждый час
Иметь с границ подробные отчеты.
Помпей, как прежде, силен на морях.
С ним те, кто присягал тебе из страха.
Восставшие в приморских городах
Вредят тебе распространеньем басен.

Цезарь

Мне надо было б это раньше знать.
Завещано седою стариною:
Кто наверху, тот плох, я был хорош,
Пока взбирался. Кто скатился сверху,
Опять приятен. Вот любовь толпы.
Она как водоросль. Ее швыряет
По прихоти теченья так и сяк,
Пока не измочалит.

Гонец

Дальше, Цезарь.
Известные пираты Менекрат
И Менас бороздят моря судами
И добираются, куда хотят.
В Италию совершены вторженья.
Народ по всей прибрежной полосе
Запуган до смерти. Средь молодежи —
Призыв к оружью. Ни один корабль
Не может выйти, чтоб не захватили.
Но, думается, именем своим
Помпей страшней, чем истинною силой.

Цезарь

Антоний, брось разврат и кутежи.
Когда, убивши Гирция и Пансу,
Бежал ты из Модены, по пятам
Шел за тобою голод. С колыбели
Изнеженный, лишенья ты сносил
С упорством дикаря. Тебе случалось
Пить конскую мочу и муть болот,
Которой бы побрезговали звери.
Ты с удовольствием уничтожал
Лесные ягоды любой породы
И, как олени зимнею порой,
Глодал древесную кору. А в Альпах
Ты ел такую падаль, говорят,
Что видевшие замертво валились.
Не хочется сейчас тебя стыдить,
Но ты переносил все эти беды
Так по-солдатски, что в конце концов
И щеки у тебя не провалились.

Лепид

Мне жаль его.

Цезарь

О если бы хоть стыд
Его заставил в Рим вернуться. Время
Начать войну. Я созову совет.
Задержка наша на руку Помпею.

Лепид

Я завтра, Цезарь, точно буду знать,
Какой морской и сухопутной силой
Могу располагать я.

Цезарь

К той поре
Я тем же озабочусь. До свиданья.

Лепид

Прощай. Уведомь, если сообщат
Какую-либо новость в промежутке.

Цезарь

Не сомневайся. Это ведь мой долг.

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Александрия. Дворец Клеопатры.

Входят Клеопатра, Хармиана, Ира и Мардиан.

Клеопатра

Хармиана!

Хармиана

Царица!

Клеопатра

Дай мандрагоры выпить мне.

Хармиана

Зачем?

Клеопатра

Чтоб всю ту бездну дней проспать, покуда
Антоний не со мной.

Хармиана

Ты чересчур
Упорно думаешь о нем.

Клеопатра

Не думать —
Почти измена.

Хармиана

Я не нахожу.
Едва ли так, великая царица.

Клеопатра

А ну, послушай, евнух Мардиан.

Мардиан

Что будет милости твоей угодно?

Клеопатра

Не петь на этот раз. Из всех вещей,
Что может евнух, мне ничто не мило.
Какой счастливый ты, что оскоплен.
Ты мыслями не рвешься из Египта.
Доступна ль страсть тебе?

Мардиан

Да, госпожа.

Клеопатра

Как, в самом деле?

Мардиан

Нет, не в самом деле.
На деле ничего я не могу,
Что было б не к лицу, но в отвлеченье
Я знаю страсть и представляю все,
Что делал Марс с Венерой.

Клеопатра

Хармиана!
Послушай, где он может быть теперь?
Сидит или стоит? Пешком ли бродит
Иль скачет на коне? Счастливый конь!
Гордись, что под Антонием ты ходишь.
Ты знаешь ли, скакун, кто на тебе?
Атлант с полмиром на плечах, защита
Людского рода. Все ли шепчет он:
«Где змейка нильская моя?» Он раньше
Так звал меня. Теперь я не шутя
Пропитана сладчайшим ядом. Все ли
Он помнит, опаленную, меня
В следах загара, с кожею в морщинах?
О, я считалась лакомым куском,
Когда был жив широколобый Цезарь.
Однажды предо мной старик Помпей
Забылся так, что смерти не заметил,
Глаза в мой взор, как якорь, погрузив.

Входит Алексас.

Алексас

Да здравствует владычица Египта!

Клеопатра

Ты мало на Антония похож.
Но ты был с ним, и словно позолотой
Покрыт следами встречи. Как живет
Мой Марк Антоний?

Алексас

Перед тем, как эту
Жемчужину отдать мне, он прижал
Ее к губам. Его слова хранятся
В моей душе.

Клеопатра

Я слышать их хочу.

Алексас

«Скажи,— он молвил,— римлянин суровый
Египетской царице шлет зерно
Жемчужины. Ничтожность подношенья
Загладит он, сложив к ее ногам
Земные царства. Передай, что скоро
Царице покорится весь Восток».
Мы вышли, он вскочил в седло, кивая,
И жеребец, заржавши, заглушил
Мои слова.

Клеопатра

Он грустен был иль весел?

Алексас

Он был как время года меж жарой
И стужею, ни грустен и ни весел.

Клеопатра

Вот человек! Ты только оцени,
Ты вдумайся лишь только, Хармиана!
Он не был грустен, чтоб не омрачать
Тех, кто живет им, словно отраженья.
Он не был весел, чтобы дать понять,
Что радости оставил он в Египте.
Он ни грустил, ни радовался. Он
Меж крайностями выбрал середину.
Ты можешь веселиться и грустить,
Все у тебя выходит без сравненья.
Встречал ли ты в пути моих гонцов?

Алексас

Не меньше двадцати. К чему так много?

Клеопатра

Пусть в бедности умрет рожденный в день,
Когда Антоний не получит писем.
Бумаги, Хармиана, и чернил.
Добро пожаловать, Алексас милый.
Внушал ли Юлий Цезарь мне любовь
Подобную?

Хармиана

Неотразимый Цезарь!

Клеопатра

Скажи еще раз так и подавись.
Антоний — вот бесспорный покоритель.

Хармиана

Великий Цезарь!

Клеопатра

Зубы, говорю,
Тебе я выбью, если ты мне снова
Поставишь рядом с Цезарем того,
Кто лучше всех на свете.

Хармиана

Виновата.
Я лишь на прежний голос твой пою.

Клеопатра

Что ж, зелена была, не понимала,
Вот и несла спокойно этот вздор.
Бумаги и чернил мне. Ежедневно
Он будет от меня иметь гонцов,
Пока не обезлюдеет Египет.

Уходят.

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Мессина. Дом Помпея.

В боевом вооружении входят Помпей, Менекрат и Менас.

Помпей

Хотя б из справедливости одной
Помогут боги тем, чье дело право.

Менекрат

Отсрочка их, достойнейший Помпей,
Ведь не отказ.

Помпей

Пока богов мы молим
О помощи, проходит польза в ней.

Менекрат

По глупости нередко мы хлопочем
О пагубе. По счастью, небеса
Отказывают в ней, и нас спасает
Их глухота.

Помпей

Мне, верно, повезет.
Меня в народе любят. Море — наше.
Людской состав велик и все растет.
В Египте Марк Антоний занят чревом
И для войны обеда не прервет.
Чем больше денег собирает Цезарь,
Тем более лишается друзей.
Лепид обоим угождает лестью,
Но дружбы нет у них ни у кого.

Менас

Лепид и Цезарь выставили в поле
Большое войско.

Помпей

Ты откуда взял?
Неправда это.

Менас

Сильвий уверяет.

Помпей

Ему приснилось. Цезарь и Лепид
Решили ждать Антония, и оба
Покамест в Риме. Но да возродишь
Ты все свои соблазны, Клеопатра!
Соедини коварство с красотой
И красоту с могуществом бесстыдства!
Без жалости повесу погрузи
В пучину пьянства. Кухней Эпикура
Дразни пресытившийся аппетит,
Чтоб совесть в нем от спячки и обжорства
Не знала пробужденья!

Входит Варрий.

Варрий, ты?

Варрий

Проверенные новости: Антоний

С минуты на минуту въедет в Рим.
Прошло уж много дней, как он в дороге.

Помпей

Я б этому известью предпочел
Любое огорченье. Я не думал,
Что волокита наш наденет шлем
Для мелких экспедиций. Как военный,
Он вдвое больше двух своих друзей.
Гордиться можем, что своим восстаньем
Мы вырвали из ненасытных лап
Египтянки такого сластолюбца.

Менас

Едва ль Антоний с Цезарем найдут
Слова приязни. С Цезарем боролись
Жена и брат Антония, хотя,
Как я предполагаю, против воли
Антония.

Помпей

Их мелкая вражда,
Наверное, отступит перед крупной.
Когда бы всем им не грозили мы,
Они бы непременно перегрызлись.
Причин на это много. Но узнать,
Как именно помирит их опасность,
Пока нельзя, и принимать в расчет
Их разногласья рано. Будь что будет;
Но с этих пор у нас одна стезя:
Мой жребий брошен, и назад нельзя.
За мною, Менас.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Рим. Дом Лепида.

Входят Энобарб и Лепид.

Лепид

Премного нас обяжешь, Энобарб,
Когда упросишь своего патрона
Не горячиться!

Энобарб

Я ему скажу,
Чтоб говорил, как хочет. Если Цезарь

Даст повод, пусть с приподнятой главой
Антоний отвечает громогласно,
Как Марс. Клянусь Юпитером самим,
Сегодня на Антониевом месте
Я даже не побрил бы бороды.

Лепид

Теперь не время для взаимных счетов.

Энобарб

Любое время — время для всего.

Лепид

Но малое смолкает пред великим.

Энобарб

Когда оно само не впереди.

Лепид

Ты раздражен. Не вороши былого.
Вот доблестный Антоний.

Входят Антоний и Вентидий.

Энобарб

Вижу сам.
Вот Цезарь.

Входят Цезарь, Меценат и Агриппа.

Антоний

А как в Риме все уладим,
Отправимся, Вентидий, на парфян.

Цезарь

Не знаю, Меценат, спроси Агриппу.

Лепид

Друзья мои, нас связывает цель
Первостепенной важности. Не надо,
Чтоб дрязги разделяли нас. Добром
Уладим разногласья. Спорить с пеной
У рта о вздоре — значит совершать
Убийство для уврачеванья раны.
Поэтому, достойные друзья,
Воздержимся давайте от придирок!
Давайте будем наболевших мест
Касаться мягко.

Антоний

Совершенно верно.
Я в армии сторонник тех же мер.

Трубы.

Цезарь

Добро пожаловать к нам в Рим.

Антоний

Спасибо.

Цезарь

Садись.

Антоний

Садись ты первый.

Цезарь

Хорошо.

Антоний

Ты ставишь мне на вид какой-то промах,
Который не касается тебя?

Цезарь

Хорош я был бы, если бы сердился
На мелочи, к тому же на тебя.
Еще смешнее, если б занимался
Тобой, когда причины для того
Не представлялось.

Антоний

Как ты относился
К тому, что я в Египте?

Цезарь

Точно так,
Как ты к тому, что я был в Риме. Впрочем,
Когда ты начинал злоумышлять
Оттуда, то твои дела в Египте
Затрагивали нас.

Антоний

Злоумышлять?
Не понимаю.

Цезарь

А понять не трудно.
Твоя покойная жена и брат
Вели со мной войну. Ее предлогом
Был ты. Ты был их кличем боевым.

Антоний

Ты в заблужденье. Брат в свои затеи
Меня не посвящал. Я узнавал

О них со слов твоих людей. Напротив,
Ты мой союзник. Братнина война
Вредила мне не меньше. Это в письмах
Я доказал подробно. Если ж нам
Перекоряться ради перекоров,
Давай, но изберем другой предмет,
А это на живую нитку шито.

Цезарь

В защиту сам не знает, что сказать,
А говорит — я придираюсь.

Антоний

Полно!
Не верю я, чтоб ты не понимал
Простых вещей. Как твой прямой товарищ,
Едва ли мог я одобрять раздор,
Грозивший мне и нашему порядку.
Что Фульвии касается, тебе
Желал бы я такой жены. Ты держишь
В узде треть мира. Попытался б ты
Смирить мою покойную супругу!

Энобарб. Всем бы по такой! На войну можно было бы ходить с бабами!

Антоний

Воображаю, Цезарь, сколько бед
Наделала тебе ее сварливость
При неуживчивом ее уме
И страсти к козням! Я тебя жалею.
Но что же делать?

Цезарь

Я тебе писал
В разгар твоих пиров в Александрию.
Ты письма отложил, не прочитав,
А посланного вытолкал с насмешкой.

Антоний

Он влез ко мне без спросу. Перед тем
Я трем царям давал обед и плохо
Соображал. На следующий день
Я объяснился с ним, что равносильно
Прямому извиненью. Рвать так рвать,
Но твой посыльный не предлог к разрыву.

Цезарь

Ты также обещанья не сдержал,
В чем обвинить меня не можешь.

Лепид

Цезарь!

Антоний

Оставь его, пусть говорит, Лепид.
Священны для меня уроки чести,
Которые он мне дает. Итак,
Что обещал я?

Цезарь

По ближайшей просьбе
Поддерживать оружьем и людьми,
И не дал их.

Антоний

Неправда, дал, но поздно.
И то в те дни, когда я был в чаду
И сам не свой. Насколько это можно,
Я каюсь, но прошу не забывать,
Что я не уступаю принужденью,
А действую от широты души.
Возможно, я невольная причина
Войн Фульвии, которыми она
Меня хотела вызвать из Египта.
Ну что же, я прошу меня простить
В границах, допустимых самолюбьем.

Лепид

Вот это благородно.

Меценат

А теперь
Не усложняйте больше ваших счетов.
Как было б кстати именно сейчас
Предать их окончательно забвенью!

Лепид

Замечено прекрасно, Меценат.

Энобарб. Или временно одолжите друг другу любовь с возвратом, когда о Помпее не будет речи. Тогда сможете ссориться, сколько душе угодно.

Антоний

Ты мастер драться, а не говорить.

Энобарб

Я позабыл, что правда молчалива.

Антоний

Ты чересчур развязен. Замолчи.

Энобарб

Да ладно уж. Я превратился в камень.

Цезарь

Хоть он невежлив, но не так не прав.
Конечно, при таких больших различьях
Нам трудно будет дружбу сохранить.
А между тем, когда б я знал на свете
Род обруча, чтоб нас сплотить тесней,
Я б землю исходил за ним до края!

Агриппа

Позволь сказать мне, Цезарь.

Цезарь

Говори,
Агриппа.

Агриппа

С материнской стороны
Октавия сестра тебе. Антоний
Теперь вдовец.

Цезарь

Агриппа, замолчи.
Когда б нас услыхала Клеопатра,
Тебе б досталось за твои слова.

Антоний

Я, Цезарь, не женат. Пускай Агриппа
Докончит мысль.

Агриппа

Чтоб прочно привязать
Друг к другу вас нерасторжимым братством
И обоюдно накрепко сковать,
Пусть вступит в брак с Октавией Антоний.
Ей обеспечивает красота
Права на наилучшего супруга,
А нрав ее превыше похвалы.
Родство вам даст уверенность друг в друге.
Вас не встревожит никакая быль,
А до сих пор смущали небылицы.
В таком родстве вы будете втроем
Тогда любить друг друга втрое больше.
Пожалуйста, простите. Это все
Не болтовня, а зрелый плод раздумий.

Антоний

Что скажет Цезарь?

Цезарь

Ровно ничего,
Пока не выскажется Марк Антоний.

Антоний

Допустим, я сказал бы: по рукам.
Какой ответчик в этом мне Агриппа?

Цезарь

С Агриппой вместе Цезарь. Я берусь
Склонить сестру.

Антоний

Тогда другое дело.
Я с этим предложеньем и во сне
Не стал бы долго мешкать. Руку, Цезарь!
Доставь мне эту радость, и пускай
Отныне между нами воцарятся
Любовь и братство.

Цезарь

Вот моя рука.
Я отдаю сестру, которой крепче
Никто из братьев в мире не любил.
Храни ее, живой залог согласья
Владений наших и сердец. Пускай
Любовь меж нами вновь не распадется.

Лепид

Да будет так. В час добрый!

Антоний

Лично я
Не собирался воевать с Помпеем.
Недавно он мне службу сослужил,
И для того чтоб не прослыть невежей,
Я поблагодарю его сперва
И лишь потом порву с ним отношенья.

Лепид

Давно пора. Одно из двух: не мы,
Так сам он нападет на нас нежданно.

Антоний

Где у него стоянка?

Цезарь

У Мизен.

Антоний

На суше много войска?

Цезарь

Очень много,
И прибывает. На́ море же он
Единственный хозяин.

Антоний

Да, я слышал.
Скорей бы, не откладывая, в бой.
Но до открытия военных действий
Покончим с тем, о чем был разговор.

Цезарь

Охотно. Приглашаю для знакомства
Тебя к сестре. К ней прямо и пройдем.

Антоний

Лепид, не покидай нас.

Лепид

Нет, Антоний.
Меня б не удержала и болезнь.

Трубы.
Цезарь, Антоний и Лепид уходят.

Меценат. С приездом из Египта, друг сердечный!

Энобарб. Половина Цезарева сердца, милый Меценат! Драгоценный друг Агриппа!

Агриппа. Добрейший Энобарб!

Меценат. Можно радоваться, что все так устроилось. Хорошо вам было в Египте?

Энобарб. И не говори. Дни мы губили беспросыпным сном, а ночи беспробудным пьянством.

Меценат. Говорят, по восьми жареных кабанов к завтраку на двенадцать персон? Это правда?

Энобарб. Это капля в море. Перепадали познатнее кусочки.

Меценат. Говорят, это настоящая львица, не правда ли?

Энобарб. Едва она увидала Марка Антония, как сразу же сгребла его сердце. Это было на реке Кидне.

Агриппа. Там действительно было что-то или мне только сочинили?

Энобарб. Сейчас я расскажу.

Ее баркас горел в воде, как жар.
Корма была из золота, а парус
Из пурпура. Там ароматы жгли,
И ветер замирал от восхищенья.
Под звуки флейт приподнимались в лад
Серебряные весла, и теченье
Вдогонку музыке шумело вслед.
Ее самой словами не опишешь.
Она лежала в золотом шатре

Стройней Венеры, а ведь и богиня
Не подлинность, а сказка и мечта.
По сторонам у ней, как купидоны,
Стояли, с ямочками на щеках,
Смеющиеся дети с веерами,
От веянья которых пламенел
Ее румянец.

Агриппа

Я воображаю
Антония!

Энобарб

Как нимфы на реке,
Служанки не спускали глаз с царицы.
Одна вела баркас, в руках другой
Так и сновали шелковые снасти.
Как я сказал, с баркаса долетал
Пьянящий запах. Он привлек вниманье
На набережных. В городе в тот миг
На главном рынке, пред толпой, на троне
Сидел Антоний. Город опустел.
Все высыпали на берег. Антоний,
Насвистывая, продолжал сидеть
Один на площади, но даже воздух
Сбежал, казалось, на реку глазеть
На Клеопатру, обокрав природу.

Агриппа

Ай да египтянка, могу сказать!

Энобарб

Когда она причалила, Антоний
Позвал ее на ужин, но узнал,
Что сам к ней приглашен, и, не привыкши
Отказывать просительницам, сел,
Побрился десять раз, по крайней мере,
И сердцем поплатился на пиру
За все, что ел глазами.

Агриппа

Чародейка!
Великий Цезарь, даже он сменил
Меч на орало у ее постели.

Энобарб

При мне ей как-то захватило дух
От сорока шагов. Она бежала,
Остановилась и с большим трудом

Заговорила. Надо было слышать,
Как хороша прерывистая речь!
Едва дыша, она дышала силой.

Меценат

Теперь ее он бросит навсегда.

Энобарб

Антоний? Что ты! Ни за что на свете.
Ее разнообразью нет конца.
Пред ней бессильны возраст и привычка.
Другие пресыщают, а она
Все время будит новые желанья.
Она сумела возвести разгул
На высоту служенья и снискала
Хвалы жрецов.

Меценат

Но если красота,
Порядочность и ум имеют силу
В глазах Антония, то для него
Октавия — находка.

Агриппа

Ну пойдемте.
Пока ты здесь, милейший Энобарб,
Располагайся у меня.

Энобарб

Спасибо.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Там же. Дом Цезаря.

Входят Цезарь, Октавия, Антоний и свита.

Антоний

По временам нас будут разлучать
Мои обязанности.

Октавия

Это время
Я буду за тебя молить богов.

Антоний

Спокойной ночи, Цезарь. Нареканий,
Октавия, не слушай на меня.
Я вольничал, конечно, но увидишь —

Я изменюсь. Спокойной ночи, друг.
Спокойной ночи, брат.

Цезарь

Спокойной ночи.

Все, кроме Антония, уходят.
Входит предсказатель.

Антоний

В Египет захотелось?

Предсказатель

О, когда б
Не ездил ты туда, а я оттуда!

Антоний

Нельзя ль узнать причину?

Предсказатель

На словах
Не объясню, но чувствую: нам надо
Назад в Египет.

Антоний

Кто из нас, скажи,
Счастливей будет: я иль Цезарь?

Предсказатель

Цезарь.
Поэтому спеши отсюда прочь.
Приставленный к тебе хранитель-демон
Сам по себе удачлив и велик,
Но лишь вдали от Цезарева духа,
А перед ним теряется. Держись
На расстоянье.

Антоний

Никому ни звука.

Предсказатель

Ни полуслова. Одному тебе.
Во что с ним ни играй, ты проиграешь.
Все выгоды твои он осмеет.
Взойдет его звезда, твоя заходит.
Я говорю тебе, что рядом с ним
Твой дух теряет самообладанье
И окрыляется, когда один.

Антоний

Ну ладно. Выйди. Пусть войдет Вентидий.

Предсказатель уходит.

Давно пора Вентидию в поход.
Искусство это или же случайность,—
Гадальщик прав. Число очков в костях —
И то ему послушно. В состязаньях
Сдает мой опыт, так ему везет.
Бросаем жребий — вновь ему удача.
Его петух всегда бьет моего.
В бою перепелином та же участь.
В Египет! Я женюсь для тишины,
Но счастье для меня лишь на Востоке.

Входит Вентидий.

Вентидий, отправляйся на парфян.
Приказ готов. Пойдем за назначеньем.

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Там же. Улица.

Входят Лепид, Меценат и Агриппа.

Лепид
Не думайте об этом. Торопитесь,
Чтоб от командующих не отстать.

Агриппа
Антонию осталось попрощаться
С Октавией, и трогаемся в путь.

Лепид
До скорого счастливого свиданья
В солдатских ваших латах и плащах,
Которые вам так идут обоим.

Меценат
Насколько понимаю я поход,
Мы будем до тебя, Лепид, у мыса.

Лепид
Ваш путь короче. Я иду в обход.
Вы на два дня меня опередите.

Меценат и Агриппа
Прощай, Лепид!

Лепид
Счастливого пути.

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Александрия. Дворец Клеопатры.

Входят Клеопатра, Хармиана, Ира и Алексас.

Клеопатра

Я б музыку послушала. Она
Насущный хлеб влюбленных.

Все

Музыканты!

Входит евнух Мардиан.

Клеопатра

Нет, знаешь что, давай катать шары.

Хармиана

Я повредила кисть. Играй с Мардьяном.

Клеопатра

По мне, что с женщиной играть, что с ним,
Один конец. Ну что ж, давай сыграем.

Мардиан

Уж как могу.

Клеопатра

Нерадостный ответ,
Да хорошо и доброе желанье.
Но бросим это. Удочку мою!
Пойдемте лучше на реку дурачить
Игрой на воздухе резвушек-рыб.
Как подцеплю какую, да за жабры,
Да вытащу, взгляну,— ни дать ни взять
Антоний, и подумаю: «Попался?»

Хармиана

Вот было смеху, помнишь? Вышел спор,
Кто лучше удит. Водолаз навесил
Антонию селедку под водой,
А тот — тянуть, тянуть!

Клеопатра

Да, было время!
Я хохотала так, что довела
Его до исступленья, помирилась,
Прохохотала ночь, а на заре
Пила с ним, напоила, нарядила
В свою рубашку, а сама взяла
Его филиппский меч.

Входит гонец.

Гонец из Рима!
Скорей вестями уши завали,
Так долго пустовавшие!

Гонец

Царица!

Клеопатра

Антоний умер? Если это так,
Ты будешь для меня цареубийцей,
А если он свободен и здоров,
Вот золото и голубые жилки
Моей руки, которую цари
Дрожа лобзали.

Гонец

Он здоров, царица.

Клеопатра

Вот золото еще, но берегись,
Мы пьем и за здоровие умерших,
И если в этом смысле он здоров,
Я это золото велю расплавить
И глотку подлую твою залью.

Гонец

Царица, слушай.

Клеопатра

Слушаю. Однако
Твой вид не предвещает мне добра.
Возможно ли трубить с таким унынъем,
Что он здоров? А если нездоров,
Ты должен был, как фурия, явиться
В венце из змей, а не как человек.

Гонец

Угодно выслушать тебе?

Клеопатра

Угодно
Прибить тебя, но если, говоришь,
Антоний жив, здоров, и не под стражей,
И Цезарь в дружбе с ним, то я велю
Тебя осыпать жемчугом.

Гонец

Царица,
Он в добром здравье.

Клеопатра

Очень хорошо.

Гонец

С ним в дружбе Цезарь.

Клеопатра

Ты прекрасный малый.

Гонец

Он близок с Цезарем, как никогда.

Клеопатра

Я дам тебе богатство.

Гонец

Но, царица...

Клеопатра

Вот не люблю я этих «но». Вся речь
Свелась на нет. Чтоб я их не слыхала!
«Но» — это что-то вроде палача
В предшествии злодея. Лучше разом
Вываливай хорошее с дурным.
Антоний в дружбе с Цезарем, свободен
И, говоришь, здоров?

Гонец

Свободен? Нет.
Я этого не говорил. Он связан
С Октавией.

Клеопатра

С Октавиею? Чем?

Гонец

Постелями.

Клеопатра

Мне дурно, Хармиана.

Гонец

Он с нею в браке.

Клеопатра

Чтоб ты околел!

(Сбивает его с ног.)

Гонец

Приди в себя, царица.

Клеопатра

Вон отсюда!

(Снова бьет его.)

Подлец! Я выколю тебе глаза
И вырву волосы.

(Таскает его взад и вперед.)

Тебя отхлещут

Железной розгой. Я тебя сварю
В рассоле.

Гонец

Милосердная царица,
Я весть принес, но я их не венчал.

Клеопатра

Скажи, что это ложь, и ты получишь
Наместничество, славу, ты мне в счет
Поставишь нанесенные побои
И взыщешь все, что совесть разрешит.

Гонец

Царица, он женился.

Клеопатра

Нечестивец,
Твой час настал.
(Вытаскивает кинжал.)

Гонец

Нет, лучше убежать.
Чем виноват я пред тобой?
(Уходит.)

Хармиана

Царица,
Приди в себя. Он, правда, ни при чем.

Клеопатра

Гром может и невинного постигнуть.
Пусть на Египет хлынет Нил! Пускай
Голубки обратятся в злобных гадов!
Где этот раб? Вернуть его назад.
Хоть я бешусь, кусаться я не стану.

Хармиана

Он оробел.

Клеопатра

Я не коснусь его.

Хармиана уходит.

И так уж руки об него марала,
А виновата только я сама.

Хармиана и гонец возвращаются.

Поди сюда. Носить дурные вести
Хоть честный, но неблагодарный труд.
Пусть радости нам разглашают хором,
А горе настигает нас без слов.

Гонец

Я исполнял свой долг.

Клеопатра

Так он женился?
Ты ненавистней, если скажешь «да»,
Не станешь мне.

Гонец

Царица, он женился.

Клеопатра

Чтоб ты пропал! Опять ты за свое?

Гонец

Так что ж, мне лгать, царица?

Клеопатра

Лги, несчастный,
Хоть пол-Египта провались и стань
Садком для крокодилов! Убирайся!
Будь ты Нарцисс лицом, ты б вызывал
Во мне гадливость. Он женат?

Гонец

Царица,
Помилосердствуй!

Клеопатра

Он женат?

Гонец

Прости,
Что я тебя не унижаю ложью,
А только исполняю твой приказ:
Антоний на Октавии женился.

Клеопатра

Пусть к половинной низости твоей
Прибавится Антониева низость!
Пошел отсюда! Римский твой товар
Мне не по средствам. Забирай поклажу
И пропади.

Гонец уходит.

Хармиана

Владычица, смирись.

Клеопатра

Я Цезаря Антонию в угоду
Бесславила.

Хармиана

О да, и сколько раз!

Клеопатра

Вот и наука. Ира! Хармиана!
Идем отсюда. Я лишаюсь чувств.
Не надо. Догони его, Алексас.
Узнай, какое у нее лицо,
Года какие, склонности, оттенок
Волос, и вмиг назад.

Алексас уходит.

А с ним навек
Покончено. Навек ли, Хармиана?
Он — чудище одною стороной
И божество — другой.
(Мардиану.)
Пускай Алексас
Узнает рост Октавии. Ну вот.
Без слов мне посочувствуй, Хармиана.
Дай обопрусь. Теперь пойдем ко мне.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Близ Мизенского мыса.

Входят при звуках труб и барабанов, с войсками, с одной стороны Помпей и Менас, а с другой — Цезарь, Антоний, Лепид, Энобарб и Меценат.

Помпей

Заложники у вас и у меня.
Давайте побеседуем до битвы.

Цезарь

И я начать хотел бы с мирных слов.
Мы в письмах выставили предложенья.
Достаточно ли их, чтоб ты вложил
Свой меч в ножны и распустил обратно
В Сицилию всю эту молодежь?
В противном случае они погибнут.

Помпей

Я спрашиваю вас, оплот богов,
Единственные господа вселенной,
Должна ли память моего отца
Остаться без возмездья? Он оставил
Друзей и сына. Вам ли объяснять,

Что значит мститель? Вами Юлий Цезарь
В Филиппах отомщен, где тень его
Являлась Бруту. Что могло заставить
Быть в заговоре Кассия? Зачем
Честнейший Брут, живая совесть римлян,
С десятком прочих пламенных голов
Решились окровавить Капитолий?
Я думаю,— единственно затем,
Чтоб человек был равен человеку.
Для этого я оснастил свой флот,
Который пенит бешеное море
И с помощью которого воздам
Неблагодарным римлянам, забывшим
Покойного отца.

Цезарь

Не промахнись.

Антоний

Помпей, ты нас не запугаешь флотом.
Поговорим и на море с тобой.
На суше сам ты знаешь нашу силу.

Помпей

Еще б не знать: на суше ты забрал
Дом моего отца. Но ведь кукушка
Не вьет гнезда. Поэтому живи,
Пока не гонят.

Лепид

Это все не к делу.
Не отвлекаясь в сторону, скажи,
Как смотришь ты на наши предложенья?

Цезарь

Вот именно.

Антоний

Причем имей в виду
Не голос чувств, а чистые расчеты.

Цезарь

И вред иных, обманчивых путей.

Помпей

Вы уступаете в мое владенье
Сицилию с Сардинией, а я
Берусь очистить море от пиратов
И посылаю груз пшеницы в Рим?
Враждующие в случае согласья
Расходятся без боя по домам?

Цезарь, Антоний и Лепид

Да, таковы условья.

Помпей

Ну, так знайте:
Я шел сюда с решеньем их принять,
Но ты поколебал меня, Антоний.
Не стоит оглашать, но, так и быть,
Придется. В дни, когда твой брат и Цезарь
Врагами были, матушка твоя
Нашла в Сицилии гостеприимство.

Антоний

Я это знал, Помпей, и все мечтал,
Как отблагодарить тебя полнее.

Помпей

Тогда дай руку, все в порядке, брат,
Я тут тебя никак не думал встретить.

Антоний

Спать на Востоке хорошо. Я встал
Из-за тебя с египетской постели.
Ты прав, Помпей, что разбудил меня.

Цезарь

Ты очень изменился с нашей встречи.

Помпей

Какие бы морщины на лице
Ни клало время, сердце неизменно.

Лепид

Счастливое свиданье.

Помпей

Да, Лепид.
Надеюсь. Примиренье состоялось.
Я только попрошу, чтоб договор
Был переписан и скреплен печатью.

Цезарь

Да, это первым делом.

Помпей

Перед тем
Как разойтись, почтим друг друга пиром.
Потянем жребии, кому начать.

Антоний

Мне первому, Помпей.

Помпей

Нет, нет, Антоний,
По жребию. Ведь ты нас все равно

Забьешь своей египетскою кухней.
Я слышал, Юлий Цезарь от пиров
Там растолстел.

Антоний

Ты слишком много слышал.

Помпей

Я ничего дурного не сказал.

Антоний

И ничего хорошего.

Помпей

Я слышал,
Аполлодор носил...

Энобарб

Ну и носил.
Тебе-то что?

Помпей

Кого носил?

Энобарб

Царицу
Носил в потемках Цезарю в мешке.

Помпей

Я лишь теперь тебя узнал, приятель.
Ну, как живешь?

Энобарб

Отлично. А могу
И лучше: впереди четыре пира.

Помпей

Ну, здравствуй. Никогда я не питал
К тебе вражды. Дерешься ты на славу.
Я это видел.

Энобарб

Здравствуй. Никогда
Я не питал к тебе любви, однако
Хвалил во всех тех случаях, когда
Заслуживал ты вдесятеро больше.

Помпей

Мне нравится твой грубый разговор.
Ты искренен. Прошу вас на галеру.
Ну, господа?

Цезарь, Антоний и Лепид

Дорогу покажи.

Помпей

Идемте.

Все, кроме Менаса и Энобарба, уходят.

Менас *(в сторону)*. Твой отец, Помпей, никогда не заключил бы такого договора. *(Громко.)* Мы где-то виделись.

Энобарб. На море, кажется.

Менас. И точно: на море.

Энобарб. Ты хорошо держишься на воде.

Менас. А ты на суше.

Энобарб. Я хвалю каждого, кто хвалит меня. Хотя, конечно, нельзя отрицать подвигов, которые я совершил на суше.

Менас. А я на море.

Энобарб. Кое-что, конечно, было бы тебе лучше отрицать. Ты на море большой разбойник.

Менас. А ты на суше.

Энобарб. Это сторона моей сухопутной службы несущественна. Однако руку, Менас. Если бы наши глаза были приставами, они бы сейчас накрыли двух целующихся преступников.

Менас. У всех людей честные лица, что бы ни делали их руки.

Энобарб. Кроме хорошеньких женщин.

Менас. Ничего удивительного. Лицами они воруют сердца.

Энобарб. Мы пришли сюда драться с вами.

Менас. Я жалею, что это превратили в попойку. Сегодня Помпей просмеет свое счастье.

Энобарб. А после не наплачется.

Менас. Совершенно верно. Мы не ждали с вами Марка Антония. Это правда, что он женат на Клеопатре?

Энобарб. Сестру Цезаря зовут Октавией.

Менас. Как же. Она была женой Кая Марцелла.

Энобарб. А теперь она жена Марка Антония.

Менас. Нет, что ты!

Энобарб. Вот то самое.

Менас. Тогда он и Цезарь связаны навеки.

Энобарб. Если хочешь знать мое мненье, эта связь недолговечна.

Менас. Я думаю, расчета в их браке больше, чем любви.

Энобарб. Я тоже. Узы, которые должны скрепить их дружбу, затянут ее петлею. У Октавии — святой, тихий и спокойный характер.

Менас. Каждый был бы рад такой жене.

Энобарб. Только не Марк Антоний. Он слишком не похож на нее. Ему снова захочется египетского блюда. Тогда

вздохи Октавии зажгут гнев Цезаря. И та самая, которая их сближает, будет виновницей их ссоры. За нежностями Антоний будет ездить за море. Здесь его брак — случайность.

Менас. Вполне возможно. Пойдем на борт. Я вышью за тебя.

Энобарб. Ладно. На этот счет мы в Египте навострились.

Менас. Идем.

Уходят.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

На борту Помпеевой галеры близ Мизенского мыса.

Музыка. Входят два или три служителя с подносами.

Первый служитель. Они идут сюда. Половина подгнила на корню. Их свалит первый ветерок.

Второй служитель. Лепид уже готов.

Первый служитель. В него льют, что кому вздумается.

Второй служитель. Как только они повздорят, он кричит: «Мировую!» — и запивает размолвку.

Первый служитель. Зато руки и ноги не слушаются его.

Второй служитель. Вот что значит затесаться в компанию к великим людям. По мне, бесполезная тростинка лучше, чем копье, которого мне не поднять.

Первый служитель. Быть призванным в высокий круг и не сметь в нем дохнуть, это все равно, что дырки заместо глаз,— одна порча лица.

Трубы. Входят Цезарь, Антоний, Лепид, Помпей, Агриппа, Меценат, Энобарб, Менас и другие военачальники.

Антоний *(Цезарю)*

Там ежегодно отмечают след
Разлива на ступенях пирамиды,
Чтобы судить по высоте черты,
Что̀ предстоит им, голод или сытость.
Чем выше Нил, тем больше урожай.
Едва он схлынет, пахарь засевает
Осевший ил и тину, и, глядишь,
Пришла уборка.

Лепид. У вас в Египте прелюбопытные змеи.

Антоний. Да, Лепид.

Лепид. У вас в Египте змеи, хочу я сказать, которые выводятся из грязи под действием местного солнца. Например, крокодил.

Антоний. Так точно.

Помпей. Садись, и еще чарку. Здоровье Лепида!

Лепид. Я сейчас не так здоров, как хотелось бы, но поддержу любую здравицу.

Энобарб. Кто-то тебя поддержит?

Лепид. Нет, честное слово, я слышал, пирамеи Птоломида поразительные сооруженья. Честное слово.

Менас *(Помпею)*

Помпей, два слова.

Помпей *(Менасу)*

На ухо скажи.

Менас *(Помпею)*

Оставь гостей и выйди на минуту.
Пожалуйста, начальник.

Помпей *(Менасу)*

Погоди.
Еще вина. Лепид, твое здоровье!

Лепид

А это что за штука крокодил?

Антоний. По форме он очень похож на себя. В толщину не толще, а в высоту не выше. Двигается с собственной помощью. Жизнь поддерживает питаньем. Когда околеет, разлагается.

Лепид. Какого он цвета?

Антоний. Своего собственного.

Лепид. Любопытная гадина.

Антоний. Любопытнейшая. А крокодиловы слезы мокрые.

Цезарь. Что, это описанье удовлетворит его?

Антоний. После всех Помпеевых здравиц, разумеется. А то это было бы уже слишком.

Помпей *(Менасу)*

Ступай к чертям и делай, что велят.
Нашел, когда шептаться. Где мой кубок?

Менас *(Помпею)*

Встань хоть во имя верности моей.

Помпей *(Менасу)*

Да ты. никак, рехнулся. Что такое?
(Встает и отходит в сторону.)

Менас
Я чтил тебя всегда.
Помпей
Да, ты служил
Мне верою и правдой. Что же дальше?
Бодрей, друзья!
Антоний
Не сядь на мель, Лепид.
Не встанешь.
Менас
Хочешь быть владыкой мира?
Помпей
А? Что?
Менас
Я спрашиваю, хочешь быть
Владыкой мира?
Помпей
Как же это сделать?
Менас
Лишь пожелай, и я, бедняк, тебе
Отдам вселенную.
Помпей
Ты много выпил.
Менас
Ни капельки. Лишь захоти, Помпей,
И будешь, как Юпитер. В окруженье
Небес и моря все тогда твое.
Помпей
Не вижу способа.
Менас
Три мародержца
У нас на корабле. Я разрублю
Канаты, и когда мы выйдем в море,
Три глотки полосну, и все — твое.
Помпей
Ты лучше б это сам без спросу сделал.
Я б этим шагом сподличал, а ты
Лишь выказал бы верность и усердье.
Мне выше пользы надо ставить честь.
Раскаивайся, что язык твой выдал
Твой замысел. Случись все без меня,
Я б, может быть, одобрил твой поступок,

Но мысль об этом должен осудить.
Оставь и пей.

Менас *(в сторону)*

Я прекращаю службу
Твоим померкшим звездам. Кто из рук
Свалившееся счастье упускает,
Пусть с ним простится.

Помпей

Будь здоров, Лепид!

Антоний

Я заменю его. Ему довольно.
Его бы надо на берег отнесть.

Энобарб

Черед за мной. Твое здоровье, Менас!

Менас

Твое здоровье, Энобарб!

Помпей

Полней,
До ободка.

Энобарб *(показывая на служителя, который уносит Лепида)*

Вот силища, а, Менас?

Менас

А почему?

Энобарб

Треть мира уволок.

Менас

Что ж, треть пьяна. Уж заодно б и целый.
Все б завертелось.

Энобарб

Выпей, и пойдет.

Помпей

А все же пир наш не александрийский.

Антоний

Но очень близко. Чокнемся, друзья.
За Цезаря!

Цезарь

Я б лучше уклонился.
Ужасный труд: всю ночь полощешь мозг,
И все грязней он.

Антоний

Надо покориться.

Цезарь

Приятней покорять. Ну ладно, пью.
Я б предпочел четыре дня поститься,
Чем столько разом выпить.

Энобарб *(Антонию)*

Государь!
Давай пирушку эту, как в Египте.
Закончим вакханалией.

Помпей

Давай.

Антоний

Тогда все за руки, и вкруговую,
Пока победоносное вино
Не погрузит нас в сладостную лету.

Энобарб

Все за руки, и музыка вовсю!
Я вас расставлю. Мальчик запевает.
Припев подхватывайте, как один.

Музыка. Энобарб ставит их в круг, соединив им руки.

Песня

Весь опухший ото сна
Красноглазый бог вина!
Огорченья отврати,
В кудри виноград вплети.
Ты в кругу, и дни бегом,
Ты в кругу, и свет кругом.

Цезарь

Достаточно. Помпей, спокойной ночи.
Антоний, нам пора, хороший мой.
Не полагается нам куролесить.
Смотри, как всех нас разрумянил хмель.
Сам Энобарб не устоял. Я тоже
Ни слова не вяжу. Нас не узнать.
Вино нас, как шутов, размалевало.
Да что уж там. Пора ведь знать и честь.
Пойдем, Антоний.

Помпей

Выпьем по последней
На берегу.

Антоний

Готов. Не откажусь.

Помпей

Ты захватил отцовский дом, Антоний.
Но мы друзья. Иди за мной. Сюда.
Спускайся в лодку.

Энобарб

Не свалитесь в воду.

Все, кроме Энобарба и Менаса, уходят.

Мне на берег не хочется.

Менас

Пойдем
В мою каюту. Трубы! Барабаны!
Никак, уснули? Надо показать
Богам, как мы начальство провожаем.
Зажаривайте! Жарьте, говорят!

Трубный туш с литаврами.

Энобарб

Ура! Эй, шапки вверх!

Менас

Идем, товарищ!

Уходят.

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Равнина в Сирии.

Триумфальным маршем проходит Вентидий с Силием и другими римскими военачальниками и легионерами. Впереди несут тело убитого Пакора.

Вентидий

Стрелою в самое тебя попали,
О Парфия, метательница стрел!
Я избран мстить за гибель Марка Красса.
Убитого царевича нести
Перед войсками. Видишь, жизнью сына
Ты заплатил за Красса, царь парфян.

Силий

Пока твой меч дымится вражьей кровью,
Гони парфян. Преследуй беглецов,
Куда бы ни укрылись. Твой начальник,
Антоний, наградит тебя венком
И въездом на победной колеснице.

Вентидий

Я сделал много, Силий. Через край
Усердствовать не должен подчиненный.
Теряться перед старшими в тени
Умней, чем выделяться выше меры.
Антоний, как и Цезарь брали верх
Руками близких больше, чем своими.
Предшественник мой, Соссий, потерял
Его приязнь своей чрезмерной славой.
В войне затмить начальство — значит стать
Начальником начальника. Солдатом
Владеет честолюбье. Иногда
Урон милей невыгодной победы.
Я мог легко бы удесятерить
Завоеванья, но боюсь обидеть
Антония и этим погубить
Плоды стараний.

Силий

Умница, Вентидий.
Ты нечто больше, чем рука да меч,
Как большинство солдат. Ты не напишешь
Антонию?

Вентидий

Смиреннно донесу,
Как имени его волшебной силой
Мы в битве совершали чудеса.
Как от его знамен и легионов
Бежала в страхе конница парфян.

Силий

Где он сейчас?

Вентидий

Он думал быть в Афинах,
И мы должны его опередить,
Когда позволит наш обоз с добычей.
Снимайтесь в путь, товарищи. Вперед!

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Рим. Передняя в доме Цезаря.

Входят навстречу друг другу Агриппа и Энобарб.

Агриппа

Ну что, расстались братья?

Энобарб

Сбыли с рук
Помпея. Он уехал. Наши трое
Подписывают мирный договор.
Октавия расстроена отъездом,
И Цезарь опечален. А Лепид
Со времени попойки у Помпея
В расстройстве чувств.

Агриппа

Достойнейший Лепид!

Энобарб

Великолепный! Как самозабвенно
Он любит Цезаря!

Агриппа

Как горячо
К Антонию привязан!

Энобарб

«Цезарь? Цезарь —
Юпитер над людьми».

Агриппа

«Антоний? О!
Антоний над Юпитером Юпитер!»

Энобарб

«Вы говорите, «Цезарь»? — Равных нет».

Агриппа

«Антоний», говорите? Это феникс».

Энобарб

«Скажите — «Цезарь», вот и похвала».

Агриппа

Он пылкий почитатель их обоих.

Энобарб

В особенности Цезаря. Хоть он
Боготворит Антония,— и числа,
Слова, сердца, умы и языки
Бессильны дать об этом представленье,—
Но если речь о Цезаре, тогда
Ни слова: на колени, на колени!

Агриппа

Он чтит обоих.

Энобарб

Он навозный жук,
А оба прочие — его надкрылья.

Труба за сценой.

Играют сбор, Агриппа. Будь здоров.

Агриппа

Прощай, желаю счастья, храбрый воин.

Входят Цезарь, Антоний, Лепид и Октавия.

Антоний

Не провожай нас.

Цезарь

Ты увозишь часть
Моей души и, как зеницу ока,
Храни ее. Ты ж оправдай, сестра,
В супружестве мой наилучший отзыв.
Смотри, Антоний, и не преврати
Сокровище, которое нам служит
Звеном объединения, в таран
Для нашего разрыва! Будем оба
Заступниками ей, а то зачем
Нам было прибегать к такому средству?

Антоний

Твой страх обиден мне.

Цезарь

Я все сказал.

Антоний

Ты не отыщешь, как ни недоверчив,
Малейшего предлога, чтоб о ней
Тревожиться. Прощай. Да будут боги
Всегда с тобою и да привлекут
К твоим делам расположенье римлян.
Мы трогаемся.

Цезарь

Добрый путь, сестра.
Пусть вам благоприятствуют стихии.
Прощай! Прощай!

Октавия

Мой благородный брат!

Антоний

У ней весна любви, и эти слезы,
Как дождь в апреле.

Октавия

Братец, присмотри
За домом мужа, и...

Цезарь

Что ж не кончаешь,
Октавия?

Октавия

Я на ухо скажу.

Антоний

Язык у ней не слушается сердца.
А сердце не владеет языком,
И вся она как белый лебедь в бурю.

Энобарб *(Агриппе)*

Что, Цезарь плачет?

Агриппа *(Энобарбу)*

Нет, он хмурит лоб.

Энобарб *(Агриппе)*

Как хорошо, что он не конь. Такая
Отметина испортила бы масть.

Агриппа *(Энобарбу)*

А как рыдал над Цезарем Антоний?
Как он о Бруте слезы проливал,
Когда он труп его нашел в Филиппах?

Энобарб *(Агриппе)*

В тот год он сильно насморком страдал
И слезы лил над всякою удачей.
Не верь ему, хотя б я сам ревел.

Цезарь

Нет, милая Октавия, не бойся.
Мы будем в переписке. Нас ничто
Не сможет разлучить.

Антоний

Пора прощаться.
Давай душить друг друга. Будь здоров.
Вот я сжимаю руки, разжимаю
И отдаю тебя богам.

Цезарь

Прощай.
Будь счастлив!

Лепид

Пусть несметным сонмом звезды
Вам озаряют путь.

Цезарь

Прощай!
(Целует Октавию.)

Антоний

Прощай!

Трубы. Все уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Александрия. Дворец Клеопатры.

Входят Клеопатра, Хармиана, Ира и Алексас.

Клеопатра

Где вестник?

Алексас

Не решается войти.

Клеопатра

Вот глупости!

Входит гонец.

Поди сюда.

Алексас

Царица,
Когда ты в гневе, на тебя взглянуть
Боится даже Ирод Иудейский.

Клеопатра

Да, попадись мне этот Ирод твой!
Но кто мне голову его достанет?
Антония-то нет. Поди сюда.

Гонец

Владычица моя...

Клеопатра

Ну что, ты видел
Октавию?

Гонец

Владычица, видал.

Клеопатра

Где?

Гонец

В Риме. Я к ней близко присмотрелся.
Она прошла передо мной промеж
Антония и брата.

Клеопатра

Ростом будет
С меня она?

Гонец

Нет, ниже, госпожа.

Клеопатра

А речь какая? Голоса не слышал?
Пронзительный?

Гонец

Нет, госпожа, глухой.

Клеопатра

Ну, долго он любить ее не сможет.

Хармиана

Любить ее? Любить ее нельзя.

Клеопатра

И правда. Карлица. Косноязычна.
А шаг у ней какой? Он величав?
Имеешь ты понятье о величье?

Гонец

Она едва плетется. Не поймешь,
Стоит она иль ходит. Это — тело
Без жизни, изваянье без души.

Клеопатра

И ты не врешь?

Гонец

Мой острый глаз порукой.

Хармиана

Во всем Египте зорче нет людей.

Клеопатра

Он человек бывалый. Это видно.
В ней ничего особенного нет.
Он здраво рассуждает.

Хармиана

Чрезвычайно.

Клеопатра

Скажи, а сколько может быть ей лет?

Гонец

Она была пред тем вдовой.

Клеопатра
Вдовою!
А, Хармиана!
Гонец
Думается, ей
Лет тридцать.
Клеопатра
Вспомни, кругло или длинно
У ней лицо?
Гонец
Октавия кругла
До безобразья.
Клеопатра
Эти круглолички
Обыкновенно дуры. Цвет волос
Какой у ней, не помнишь?
Гонец
Темно-русый.
И до уродливости низкий лоб.
Клеопатра
Вот деньги для тебя. Не обижайся
На старое. Я вновь тебя пошлю.
Ты подошел для этих поручений.
Готовься в путь. Я письма дам тебе.
Гонец уходит.
Хармиана
Хороший малый.
Клеопатра
Да. Я понапрасну
Так распекла беднягу в прошлый раз.
Что ж, по его словам, особа эта —
Ничтожество.
Хармиана
Полнейшее ничто.
Клеопатра
Он, видно, смыслит кое-что в величье.
Хармиана
Еще бы! Он на службе у тебя.
Клеопатра
Я вещь одну спросить его хотела.
Успеется. Ты с ним ко мне придешь
За письмами. Дела еще, быть может,
Поправятся.
Хармиана
Ручаюсь госпожа.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Афины. Комната в доме Антония.

Входят Антоний и Октавия.

Антоний

Нет, нет, Октавия, не только это.
Такую бы оплошность я простил,
Такую, как и тысячи подобных.
Но он затеял новую войну
С Помпеем. Он составил завещанье,
Читал его народу и почти
Обходит, говорят, меня молчаньем.
Упоминает из моих заслуг
Лишь те, которые он скрыть не в силах
И вовсе не касается других
Или едва о них сквозь зубы цедит.

Октавия

Не верь всему, мой друг, или хотя
Не принимай всего так близко к сердцу.
Ведь если вы уступите вражде,
Я попаду меж двух огней. Подумай,
Как буду я тогда молить богов?
Ведь небо насмеется надо мною,
Когда за ниспосланием побед
Для мужа, я их попрошу для брата,
А первое не вяжется с вторым,
И эти крайности непримиримы.

Антоний

Октавия, держись той стороны,
Где больше дорожат твоей любовью.
Лишаясь чести, я теряю все,
И лучше б ты меня не знала вовсе,
Чем опозоренным. Однако будь
Посредницей, как предлагаешь. Съезди,
Попробуй помирить нас. Я начну
Готовиться к войне, позор которой
Падет лишь на него. Сбирайся в путь.
Я уступаю твоему желанью.

Октавия

Благодарю, супруг мой. Да придаст
Юпитер силы мне и да поможет
Быть вашей примирительницей. Рознь

Меж вами расколола б мир на части
И трупами забила бы провал.

Антоний

Расследуй беспристрастно, кто зачинщик,
И на того всецело и пеняй.
Едва ли так равны у нас ошибки,
Чтоб не было различий в правоте.
Готовься в путь. Займись подбором свиты
И денег на издержки не жалей.

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Там же. Другая комната.

Встречаются Энобарб и Эрос.

Энобарб

Ну как, друг Эрос?

Эрос

Странные новости.

Энобарб

А именно?

Эрос

Цезарь и Лепид вели опять войну с Помпеем.

Энобарб

Старо. Что дальше?

Эрос. Цезарь воспользовался Лепидом против Помпея, а теперь отрицает его помощь. Не допустил его к участию в триумфе. Мало того: объявил преступленьем его старую переписку с Помпеем и на этом основании арестовал. Итак, бедная треть вселенной под замком, пока смерть не освободит ее.

Энобарб

Теперь весь мир как две собачьих пасти.
Чем только ни корми их, все равно
Одна сожрет другую. Где Антоний?

Эрос

В саду. Шагает, в бешенстве рыча:
«Дурак Лепид»,— ногой швыряет сучья
С дорожек и клянется умертвить
Начальника, убившего Помпея.

Энобарб
Наш флот готов.
Эрос
Итак, у нас война
С Италией и Цезарем. Однако
Я заболтался. Командир просил
Тебя к себе, а я за новостями
Чуть не забыл.
Энобарб
Наверно, пустяки.
Но все равно. Идем.
Эрос
Идем за мною.

Уходят.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Рим. Дом Цезаря.

Входят Цезарь, Агриппа и Меценат.

Цезарь
Он откровенно презирает Рим
И вот что учинил в Александрии:
Соорудил серебряный помост
На площади. На золотых престолах
Сел с Клеопатрой сам и рассадил
Кружком перед собой Цезариона,
Которого они там выдают
За сына моего отца, и рядом
Весь выводок своих преступных нег.
Ей передал правление Египтом
И дал неограниченную власть
Над Сириею, Лидией и Кипром.
Меценат
Во всеуслышанье?
Цезарь
Ну да, при всех,
На площади для конских состязаний.
Из сыновей он одного нарек
Царем царей армян и властелином
Мидийцев и парфян. Другому дал

Киликию и царство финикийцев.
Она была облечена в покров
Изиды, в каковом перед народом
Не в первый раз являлась, говорят.

Мецепат

Пусть это знает населенье Рима.

Агриппа

Оно в обиде на него за спесь
И от него тем больше отвернется.

Цезарь

Народу огласили длинный иск
Антония.

Агриппа

Кому же он предъявлен?

Цезарь

Он обвиняет Цезаря. Зачем,
Сицилию отнявши у Помпея,
Не отдали часть острова ему.
Зачем ему галер не возвратили,
Одолженных на время. Почему
Лепида низложили и забрали
Его доходы.

Агриппа

Надо отвечать.

Цезарь

Уже отвечено. Гонец в дороге.
Я отвечаю, что Лепид ронял
Своей жестокостью значенье власти,
За что и был смещен. Я говорю,
Что я готов делить завоеванья,
Но пусть и он мне выделит куски
В Армении и остальных владеньях.

Мецепат

Он не пойдет на это никогда.

Цезарь

Так и на нас тогда пусть не пеняет.

Входит Октавия со свитой.

Октавия

Хвала и слава, Цезарь! Здравствуй, брат!

Цезарь

Ты брошена! Вот до чего я дожил!

Октавия

Так звать меня пока причины нет.

Цезарь

Зачем же ты являешься украдкой?
Ты входишь не как Цезаря сестра.
Перед женой Антония должны бы
Шагать войска, и ржанье лошадей
Служить предвестием ее прибытья.
Деревья по дороге бы должны
Зеваками покрыться, нетерпенье
Достигнуть высшей степени, и пыль
От поезда ее подняться к небу.
Ты ж въехала как поселянка в Рим
И помешала внешним проявленьям
Любви к тебе, а загнанная внутрь,
Она без дела часто иссякает.
От встречи к встрече мы б тебя везли
Сквозь гул приветствий по морю и суше.

Октавия

Великодушный брат, такой приезд
Не вынужден никем, а доброволен.
Супруг мой Марк Антоний сообщил
Мне слухи о твоих вооруженьях.
Я стала у него проситься в Рим.

Цезарь

Куда тебя пустил он тем охотней,
Что без тебя распутничать ловчей?

Октавия

Брат, ты не прав.

Цезарь

Мне все о нем известно.
Над ним есть глаз. Мне про его дела
Доносит ветер. Где теперь он, кстати?

Октавия

В Афинах.

Цезарь

Нет, несчастная сестра,
Его к себе сманила Клеопатра.
Он отдал власть развратнице. Они
Царей вербуют на войну со мною.
Примкнул каппадокийский Архелай
И Бокх, ливийский царь. В союзе с ними
Царь пафлагонский Филадельф и царь

Фракийский Адаллас и Малх арабский.
За них царь Понта, Ирод, Митридат,
Аминта, Полемон, цари мидийский
И ликаонский, уж не говоря
О целом множестве второстепенных.

Октавия

О, горе мне! Душа раздвоена
Меж двух враждующих друзей.

Цезарь

Однако
С приездом! Я откладывал разрыв,
Как ты просила в письмах, но увидел,
Как грубо ты обманута и как
Опасно промедленье. Успокойся,
Не предавайся горести о том,
Что жизнь тебе на плечи возложила
Такие неизбежности. Без слез
Всецело вверься предопределенью.
Добро пожаловать. Приезд сестры —
Для нас большая радость. Униженье
Твое безмерно. Сами небеса
Избрали нас твоим орудьем мщенья
И каждого, кому ты дорога.
Итак, добро пожаловать.

Агриппа

С приездом,
Октавия.

Меценат

С приездом, госпожа.
К тебе все римляне питают жалость.
Один Антоний оттолкнул тебя
И все свое могущество доверил
Наложнице, которая шумит
И вздорит с нами.

Октавия

Значит, это правда?

Цезарь

Увы, вполне! Еще раз в добрый час.
Живи у нас и запасись терпеньем.

Уходят.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Близ Акциума. Лагерь Антония.

Входят Клеопатра и Энобарб.

Клеопатра
Я не спущу тебе, не сомневайся.
Энобарб
Чего не спустишь? Ну? Чего, чего?
Клеопатра
Ты говоришь, что мне не место в войске,
И это стыд.
Энобарб
А что, не стыд, не стыд?
Клеопатра
Египет ваш союзник. Отчего же
Не быть и мне при армии?
Энобарб *(в сторону)*
Я б мог
Тебе ответить. Если б в конном войске
Смешали мы кобыл и жеребцов,
Прошла бы в жеребцах нужда. Кобылы
С людьми бы на себе их унесли.
Клеопатра
Что ты бормочешь?
Энобарб
При тебе Антоний
Становится рассеян. На тебя
Уходят силы, время и вниманье,
В которых он нуждается. Его
Уже и так считают вертопрахом
И безрассудным. В Риме говорят,
Что евнух Фо́тин и твои служанки
Диктуют план кампании.
Клеопатра
Пускай
Отсохнут языки зловредных римлян.
Раз мой народ участвует в войне,
Я выступаю на правах мужчины
Как государыня. Не возражай.
Не переубедишь.

Энобарб

Не собираюсь.
А вот и повелитель.

Входят Антоний и Канидий.

Антоний

Чудеса!
Не странно ли, как он успел, Канидий,
Покинувши Брундизий и Тарент,
Пройти так быстро Ионийским морем
И взять Торину? Слышала, мой друг?

Клеопатра

Поспешности дивится лишь ленивый.

Антоний

Отбрито не по-женски, и упрек
Заслуженный. Канидий, мы сразимся
С ним на море.

Клеопатра

Конечно. Где ж еще?

Канидий

Как, на море?

Антоний

Он шлет нам вызов с моря.

Энобарб

Что ж из того? Ты разве никогда
Не вызывал его?

Канидий

Ну да. В Фарсалах,
На поединок. В памятной войне
Помпея с Цезарем. Но он без выгод
Не бьется. Так же поступи и ты.

Энобарб

Твои суда с негодною командой:
Погонщики, жнецы и всякий сброд
Зачислены в матросы. А во флоте
У Цезаря испытанный народ,
Сражавшийся с Помпеем. Их галеры
Быстрей твоих. Позора в этом нет,
Что ты ему взамен морского боя
Дашь сухопутный.

Антоний

Нет, морской, морской.

Энобарб

На суше у тебя большая слава.
Цени ее. А посадив часть войск
На корабли, ты лишь разрознишь силы,
Уменья своего не пустишь в ход
И с верного пути к успеху вступишь
На шаткую, превратную стезю.

Антоний

Я на море сражусь.

Клеопатра

Мои галеры,
Все шестьдесят, как на подбор, сильней,
Чем Цезаревы.

Антоний

Мы сожжем излишек,
Остатком же, усилив экипаж,
Отбросим их от мыса. Если в море
Не будет счастья, суша про запас.

Входит гонец.

Что ты принес?

Гонец

Слух подтвердился: Цезарь
Вошел в Торину.

Антоний

Сам? Не может быть!
Вступленью войск и то дивлюсь.— Канидий,
Ты отвечаешь мне на берегу
За девятнадцать легионов пеших
И за двенадцать тысяч конных. Ну,
Пора нам на корабль, моя Фетида.

Входит легионер.

Что, молодчага?

Легионер

Славный государь,
Не бейся на море. Не доверяйся
Подгнившим доскам. Разве ты забыл
Мой меч и эти раны? Финикийцам
С египтянами лучше предоставь
Барахтаться в воде, а наше дело

Бить врукопашную, нога к ноге
На твердом месте.

Антоний

Хорошо. Идемте.

Антоний, Клеопатра и Энобарб уходят.

Легионер

Клянусь Гераклом, кажется, я прав.

Канидий

Ты прав, солдат, да не своей охотой
Мудрит Антоний. Нашего вождя
На помочах чужие руки водят.
Мы все тут слуги женские.

Легионер

Скажи,
Ты предводитель сухопутной силы?

Канидий

Да. В море Марк Октавий, Марк Юстей,
Публикола и Целий, я ж на суше.
Но Цезаревых маршей быстрота
Непредставима!

Легионер

Он до выступленья
Отрядами передвигал войска
И обманул разведку.

Канидий

Кто в их войске
Главнокомандующий?

Легионер

Некто Тавр.

Канидий

Ах, вот кто? Знаю, знаю.

Входит гонец.

Гонец

Повелитель
Зовет к себе Канидия.

Канидий

Опять,
Наверно, что-то. Каждая минута
Чревата новостями.

Уходят.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Равнина близ Акциума.

Входят Цезарь и Тавр во главе войска.

Цезарь

Тавр!

Тавр

Государь?

Цезарь

Спокойно стой на суше.
Сраженья не завязывай, пока
Мы на море не кончим. Повинуйся
Изложенному в свитке. Все, что ждет
Нас впереди, решится в этой битве.

Уходят.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Другая часть равнины.

Входят Антоний и Энобарб.

Антоний

Ставь конных за холмом, лицом к лицу
С войсками Цезаря. Оттуда видно
Эскадру. По движенью кораблей
Сообразуй усилья.

Уходят.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Другая часть равнины.

Проходят в одну сторону Канидий во главе своей армии, в другую — Тавр во главе своей. По их уходе слышен шум морского сраженья. Сигналы тревоги. Входит Энобарб.

Энобарб

Конец, конец, конец! Нельзя смотреть!
«Антониада», флагманское судно
Египта — наутек, и вслед за ним
Все шестьдесят! Я со стыда ослепну.

Входит Скар.

Скар

О боги и богини и весь сонм
Небесных сил!

Энобарб. Чего ты рвешь и мечешь?

Скар

Мы сдуру просадили полземли.
Мы царства и края процеловали.

Энобарб

Как бой идет?

Скар

Как сущая чума.
Для нас сраженье — это просто бойня.
О чтоб тебя, египетская мразь,
Заводская кобыла! В гуще боя,
Когда возможности, как близнецы,
Сравнялись с отклоненьем в нашу пользу,
Ее какой-то овод укусил!
Раздула парус и — во все лопатки,
Задравши хвост, кобыла!

Энобарб

Я видал.
Сил не было смотреть, такая мука.

Скар

А стоило поднять ей паруса,
Про все забывши, кроме Клеопатры,
Антоний бросил нерешенный бой
И кинулся, как селезень за уткой.
Я равного позора не видал.
Искусство, опыт, имя — всё насмарку.

Энобарб

Беда, беда!

Входит Канидий.

Канидий

Надеждам нашим на море конец.
Когда б наш полководец был, как прежде,
Самим собой, все шло бы хорошо.
Но он своим предательским примером
Толкнул нас к бегству.

Энобарб

Вот ты как запел?
Тогда шабаш. Счастливо оставаться.

Канидий

Они спаслись в Пелопоннес.

Скар

Туда
И я отправлюсь ждать конца событий.

Канидий

Я Цезарю отдам свои полки,
Как шесть царей уже мне показали.

Энобарб

А я пойду за раненой судьбой
Антония, хотя житейский разум
Советует обратное.

Уходят.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Александрия. Дворец Клеопатры.

Входит Антоний с приближенными.

Антоний

Вы слышите? Земля пристыжена
И более носить меня не хочет.
Я загостился тут и потерял
Дорогу в жизни. У меня есть судно,
Наполненное золотом. Друзья,
Примите в дар его и поделитесь.
Бегите к Цезарю.

Все

Бежать? О нет!

Антоний

Я сам бежал и научил трусливых
Давать стречка. Расстанемся, друзья.
Я поприще наметил, на котором
В вас нет нужды. Вы можете идти.
Груз в гавани. Он ваш. Я предавался
Тому, на что стыжусь теперь взглянуть.
В раздоре волосы мои. Седые
Винят каштановые в слепоте,
А те их упрекают в сумасбродстве!
Расстанемся, друзья. Я вас снабжу
Записками к знакомым. Эти письма
Введут вас всюду. Нечего тужить.
Без возражений! Пользуйтесь советом,
Подсказанным отчаяньем. Пора
Забыть того, кто сам себя оставил.
Ступайте в гавань. Я сейчас приду
Для передачи корабля и груза.
Теперь же удалитесь. Я прошу.
Повелевать я более не вправе

И прибегаю к просьбам. Я прошу
Уйти. Я сам приду сию минуту.
(Садится.)

Входит Клеопатра, поддерживаемая Хармианой и Ирой, и за ними Эрос.

Эрос
Нет, подойди к нему, утешь его.

Ира
Да, милая царица.

Хармиана
Да, конечно.

Клеопатра
Я сяду. О Юнона!

Антоний
Нет, нет, нет.

Эрос
Взгляни-ка, государь.

Антоний
Мне гадко, гадко.

Хармиана
Владычица!

Ира
Владычица моя!
Великая царица!

Эрос
Повелитель!

Антоний
Да, повелитель, да! Он, как плясун,
Держал без пользы меч в ножнах в Филиппах,
А я худого Кассия разил
И расправлялся с сумасшедшим Брутом.
Он лишь любил приказывать, а сам
К войне не прикасался. Что же ныне?
Но все равно.

Клеопатра
На помощь! Кто-нибудь!

Эрос
О государь, ты видишь, что с царицей?

Ира
Царица, подойди к нему, утешь
Хоть словом. Он позором уничтожен.

Клеопатра
Я встану. Поддержите.

Эрос

Государь,
Приподнимись. К тебе ведут царицу.
У ней поникла голова. Верни
Ее хоть словом ободренья к жизни.

Антоний

Себя я обесславил. Я бежал,
Как трус последний.

Эрос

Государь,— царица.

Антоний

Владычица Египта, до чего
Ты довела меня! Я должен прятать
Лицо от глаз твоих, а что в былом,
Пошло все прахом.

Клеопатра

О мой повелитель!
Прости моим пугливым парусам.
Я не предвидела, что это бегство
Смутит тебя.

Антоний

Ты знала хорошо,
Что сердцем у тебя я на буксире
И тронусь вслед. Ты знала, что тебе
Достаточно кивнуть, и ты заставишь
Меня забыть веления богов.

Клеопатра

Прости меня!

Антоний

И вот теперь мальчишке
Я должен просьбы скромные писать
И жалко в них хитрить и унижаться,
Я, человек, который перед тем
Играл полмиром, создавая судьбы
И их губя. Ты знала, как сильна
Ты надо мной и что мое оружье,
Ослабленное страстью, все — твое.

Клеопатра

Прости меня! Прости!

Антоний

Не надо плакать.
При виде слез твоих перестает
Тревожить остальное. Поцелуя
Достаточно в награду. Я послал

К нему учителя. Он не вернулся?
Ах, милая, от этих всех тревог
Свинец какой-то в теле. Я б охотно
Поел и выпил. Чем трудней судьба,
Тем с ней ожесточеннее борьба.

Уходят.

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Египет. Лагерь Цезаря.

Входят Цезарь, Долабелла, Тирей и другие.

Цезарь

Пускай войдет Антониев гонец.
Кто он такой?

Долабелла

Домашний их учитель.
Смотри, как он общипан. У него
В крыле нет лучших перьев. А давно ли
Гонял он с порученьями царей?

Входит Евфроний.

Цезарь

Стань ближе.

Евфроний

Невзирая на ничтожность,
Я послан от Антония к тебе.
Еще совсем недавно в примененье
К его потребностям я был так мал,
Как капелька росы в сравненье с морем.

Цезарь

Что он велел сказать?

Евфроний

Он признает
Тебя царем своей судьбы и просит
Позволить жить в Египте. Если ж нет,
Он молит, уменьшая притязанья,
О дозволенье скоротать свой век
В Афинах незаметным человеком.
Теперь о Клеопатре. И она
Склоняется перед твоим величьем
И просит из твоих державных рук
Короны Птоломея для потомства.

Цезарь

К ходатайству Антония я глух.

Царице ж обещаю я вниманье.
Пусть только из египетских границ
Изгонит опозоренного друга
Или казнит. Тогда я отнесусь
К ней с милостью. Вот мой ответ обоим.

Евфроний

Во всем будь счастлив.

Цезарь

Проводить посла
Чрез караулы.

Евфроний уходит.

Редкая возможность
Для красноречья твоего, Тирей.
Ступай, перемани к нам Клеопатру.
Что хочешь, обещай ей от меня
И сам сули ей золотые горы.
Нет стойких женщин даже в дни удач,
А в горе и весталка ненадежна.
Употреби всю хитрость, и за труд
Всего, что хочешь, требуй,— все получишь.

Тирей

Согласен, Цезарь.

Цезарь

Выясни у них,
Как держится Антоний и какие
Намеренья, по-твоему, таят
Его движенья.

Тирей

Постараюсь, Цезарь.

Уходит.

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

Александрия. Дворец Клеопатры.

Входят Клеопатра, Энобарб, Хармиана и Ира.

Клеопатра

Ну, что теперь нам делать, Энобарб?

Энобарб

Размыслив, умереть.

Клеопатра

В несчастьях наших
Кто виноват, Антоний или я?

Энобарб

Один Антоний. Прихоть он поставил
Над разумом. Простителен твой страх:
Ужасен бой, где все грозит друг другу,
Но он, как ты, не вправе был бежать.
Любовный зуд не должен был изгладить
В нем воинского долга в миг, когда
Часть мира ополчилась на другую
И яблоком раздора был он сам.
Ведь пораженье было б меньшим срамом,
Чем это бегство на виду у всех
Судов эскадры.

Клеопатра

Умоляю, тише.

Входит Антоний с Евфронием.

Антоний

Он так ответил?

Евфроний

Да, мой государь.

Антоний

Царице обещаются уступки
С условьем выдать нас?

Евфроний

Так он сказал.

Антоний

Ну что же, так и надо передать ей.
Седеющую голову мою
Пошли мальчишке Цезарю. В награду
Он царствами наполнит твой подол.

Клеопатра

Вот эту голову твою, властитель?

Антоний *(Евфронию)*

Вернись к нему. Скажи ему, что он
В расцвете сил, а мы от молодежи
Хотим незаурядного. Казна,
И флот его, и армии могли бы
Быть собственностью труса. Этим всем
Могли бы управлять его вельможи,
Служа ребенку так же, как ему.
Пусть отвлечется он от преимуществ
И, молодой, со мною, пожилым,

Сойдется на мечах в единоборстве.
Я это напишу ему. Пойдем.

Антоний и Евфроний уходят.

Энобарб *(в сторону)*
Да, так и станет победитель Цезарь
Удачу испытаньям подвергать
В борьбе на гладиаторской арене!
Увы, способность наша рассуждать
Подвержена ударам обстоятельств.
Чтоб Цезарь в полноте своих судеб
С противником разбитым стал считаться!
О Цезарь, ты не только разгромил
Войска Антония, но и рассудок.

Входит служитель.

Служитель
От Цезаря гонец.
Клеопатра
Без дальних слов?
Смотрите, девушки, как нос воротят
От розы распустившейся все те,
Кто нюхали бутон, став на колени.
Впусти гонца.

Служитель уходит.

Энобарб *(в сторону)*
Меж совестью и мной
Все хуже отношенья. Невозможно
Хранить безумцу верность и не стать
Безумцем самому. Но кто способен
Служить всем сердцем павшим господам,
Тот преданностью этой побеждает
Завоевателя своих господ
И переходит в летопись потомства.

Входит Тирей.

Клеопатра
Решенье Цезаря?
Тирей
О нем позволь
Наедине.
Клеопатра
Здесь все друзья. Смелее.
Тирей
Но это ведь Антония друзья?

Энобарб

Антоний в них нуждается не меньше,
Чем Цезарь. Ладить или враждовать —
Решают полководцы. Наше дело
Повиноваться старшим.

Тирей

Хорошо.
Прославленная, слушай. Цезарь просит,
Чтоб ты не забывала средь невзгод,
Что Цезарь он.

Клеопатра

Вполне по-царски. Дальше.

Тирей

Он убежден, что ты не из любви
С Антонием, а под давленьем страха.

Клеопатра

О!

Тирей

И потому жалеет о пятне
На имени твоем. Оно невольно
И не заслужено тобой.

Клеопатра

Он бог.
Он знает: честь моя сопротивлялась
И сломлена.

Энобарб *(в сторону)*

Антония спрошу.
Какую течь ты дал, военачальник!
Пора спасаться нам с твоих бортов,
Когда столь близкие тебя бросают.

(Уходит.)

Тирей

Что мне прикажешь Цезарю сказать?
Он был бы просьбам рад, чтоб их исполнить.
Ему б хотелось, чтобы ты в нужде
На власть его оперлась, как на посох.
Однако главная его мечта
Услышать от меня, что ты рассталась
С Антонием, отдав себя под сень
Его, единого владыки мира.

Клеопатра

Как звать тебя?

Тирей

Меня зовут Тирей.

Клеопатра

Ну вот что, милый. Чрез твое посредство,
Скажи, прикладываюсь я к руке
Завоевателя и повергаю
Покорно свой венец к его стопам.
Я выслушаю приговор Египту
Из уст его.

Тирей

Вот наилучший путь.
Когда нас осаждают неудачи,
Воистину тот будет мудрецом,
Кто будет рад тому, что достижимо.
Его ничто не сломит. Разреши
Поцеловать тебе смиренно руку.

Клеопатра

Теперешнего Цезаря отец,
Обдумывая новые походы,
Без счету прижимал ее к губам.

Антоний и Энобарб возвращаются.

Антоний

Любезности? Юпитер-громовержец!
Откуда взялся ты?

Тирей

Я от того,
Кто больше всех достоин послушанья.

Энобарб *(в сторону)*

Ну, выпорют тебя.

Антоний

Сюда! Ко мне!
Не слышат, черти! Что за негодяи?
Бывало, крикнешь, и кругом цари,
Как школьники, навстречу с угожденьем.
Лишь гул стоит. А ныне докричись!
Что вы, оглохли? Я еще Антоний.

Входит служитель.

Взять этого и высечь!

Энобарб *(в сторону)*

Задирать
Пред смертью льва опаснее, чем львенка.

Антоний

Луна и звезды! Высечь, говорю.
Что смотрите? Будь это даже двадцать
Из Цезаревых данников, не сметь
Притрагиваться к ручке этой, этой...
Ну как ее теперь, когда она
Не Клеопатра? — Сечь без разговоров,
Пока он рта плаксиво не скривит
И вслух не повинится.

Тирей

Марк Антоний...

Антоний

Тащите сечь. Сеченого назад.
Еще нам эта Цезарева кукла
Снесет ему посланье.

Служители с Тиреем уходят.

Ты была
Не первой свежести уже задолго
До нашего знакомства. Для того ль
Оставлено нетронутое ложе
Мной в Риме, для того ль я не завел
Детей от брака с лучшею из женщин,
Чтоб подлости безропотно сносить
Той, кто заигрывает с первым встречным?

Клеопатра

Мой повелитель...

Антоний

Ты была всегда
Бездельницей, когда же мы доходим
В пороках до предела, горе нам!
Нас боги ослепляют. Помрачают
Нам разум нашей мерзостью. Глядят,
Как мы обожествляем тупоумье
И превозносим нашу хромоту.

Клеопатра

Я не могу.

Антоний

Я взял тебя объедком
С тарелки Цезаря, и ты была
К тому еще надкушена Помпеем,
Не говоря о множестве часов,
Неведомых молве, когда ты вряд ли

Скучала. Я уверен, что на слух
Тебе знакомо слово воздержанье,
Но в жизни неизвестна эта вещь.

Клеопатра

За что, за что?

Антоний

Позволить проходимцу,
Привыкшему к подачкам, подходить
С развязностью к моей подруге в играх,
К твоей руке, священной, как печать
Монаршая и царская присяга!
Я б мог стада Басанского холма
Перевереть. Я, точно зверь, затравлен.
Об этом невозможно толковать,
Отвешивая вежливо поклоны,
Как палачу спасибо говорить
За ловкие движенья.

Возвращаются служители с Тиреем.

Отхлестали?

Первый служитель

Пребольно, повелитель.

Антоний

Он кричал?
Просил прощенья?

Первый служитель

Он просил пощады.

Антоний

Пусть сетует отец твой, если жив,
Что ты не дочь. Ты розгами наказан
За службу Цезарю. Жалей о том.
Пускай тебя на будущее время
Бросает в дрожь от вида женских рук.
Ступай назад к своим. Пусть Цезарь знает,
Как приняли тебя. Скажи, что я
Не выношу его высокомерья.
Он только видит, кем я стал теперь,
А кем я был, нарочно забывает.
Он злит меня, а это легкий труд,
В особенности в данную минуту,
Когда мои созвездия зашли
И озаряют бездны преисподней.

А если он найдет мои слова
И то, как обошлись с тобой, обидным,
То мой вольноотпущенник Гиппарх
На службе у него, и ваша воля
Хлестать его, и вешать, и пытать,
Чтоб сосчитаться. Так ему и скажешь.
Теперь же марш отсюда.

Тирей уходит.

Клеопатра

Кончил ты?

Антоний

Моя луна земная закатилась.
Антонию конец.

Клеопатра

Я подожду.

Антоний

Чтоб Цезарю польстить, ты строишь глазки
Его рабу!

Клеопатра

Так плохо знать меня!

Антоний

Не сердце — камень!

Клеопатра

Если это правда,
Пусть станет в наказание оно
Отравленною градовою тучей.
Пусть первой градинкой убьет меня,
Второй — Цезариона. Постепенно
Пусть буря смоет память обо мне,
Моем потомстве и моем Египте.
Пускай непогребенные тела
Лежат в отравленной воде и мухи
В себе их похоронят.

Антоний

Не божись.
Я верю. Слушай. Цезарь осаждает
Александрию. Надо преградить
Ему пути. На суше мы держались
Все время крепко. Разобщенный флот
Сплочен и стал, как прежде, грозной силой.
Где ты скрывалось, мужество мое?
Я, может быть, вернусь еще, царица,

Обнять тебя и буду весь в крови.
Я и мой меч свое бессмертье купим
Живой ценой. Еще надежда есть.

Клеопатра

Вновь узнаю я своего героя!

Антоний

Теперь я буду драться за троих,
Кося без сожаленья. В дни удачи
Я пленников за шутку отпускал.
Теперь же всеми способами буду
Слать к праотцам. Но вот что. Проведем
Еще раз ночь в бывалом оживленье.
Военных приунывших соберем,
Наполним кубки вновь и дружным смехом
Звон полночи еще раз заглушим.

Клеопатра

Мой день рожденья нынче. Я решила
Не праздновать его, но так как ты
Антоний вновь, я снова Клеопатра.

Антоний

Мы победим, увидишь.

Клеопатра

Пригласить
Всех высших командиров к государю.

Антоний

Я вечером хочу держать им речь
И шрамы их вином играть заставлю.
Не унывай. Еще мы поживем.
В ближайшей схватке я своей работой
Влюблю в себя губительницу-смерть.

Все, кроме Энобарба, уходят.

Энобарб

Он с молнией померяется взглядом,
Так он кипит. Когда нас раздразнить,
Мы как бы страх теряем с перепугу.
Так голубь может заклевать орла.
Он поглупел, и это возвращает
Ему отвагу. Но беда уму
Стать жертвой и игрушкой безрассудства.
Тупая мысль, как притупленный меч.
Подумаю, как мне его оставить.

(Уходит.)

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Лагерь Цезаря под Александрией.

Читая письмо, входит Цезарь, за ним Агриппа и Меценат
В отдалении войско.

Цезарь

Зовет меня мальчишкой. Тон такой,
Как будто может выгнать из Египта.
Прибил гонца. Мне вызов шлет на бой.
Мне, Цезарю, вы слышите,— Антоний!
Пусть знает старый хлыщ, что я найду
Еще пути играть своею жизнью,
А глупый вызов мне его смешон.

Меценат

Когда такой опасный зверь бушует,
То, значит, ты загнал его вконец.
Воспользуйся скорей его смятеньем,
Чтоб он не мог передохнуть. В сердцах
Слабеет чувство самосохраненья.

Цезарь

Оповести командный наш состав:
Последнее сраженье наше — завтра.
В рядах у нас немало прежних слуг
Антония. С их помощью заманим
Его в засаду. Посмотри за всем
И угости солдат. Запасов хватит,
А войско заслужило. Жаль тебя,
Антоний бедный.

(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Александрия. Дворец Клеопатры.

Входят Антоний, Клеопатра, Энобарб, Хармиана, Ира,
Алексас и другие.

Антоний

Со мной не бьется он?

Энобарб

Нет.

Антоний

Почему?

Энобарб

Он в двадцать раз счастливей и считает,
Что в двадцать раз сильней. Итак, ваш бой —
Неравный.

Антоний

Завтра, братец, мы сразимся
На море и на суше. Либо я
Живым останусь, либо честь омою
В крови для вечной жизни. Ну, а ты?

Энобарб

Я буду драться и орать: «Знай наших!»

Антоний

Отлично. Позови домашних слуг.
Пускай ни в чем не будет недостатка
На пире ночью.

Входят три или четыре служителя.

Руку дай свою.
Ты прослужил мне верою и правдой.
И ты. И ты. Спасибо за труды.
Цари прислуживали рядом с вами.

Клеопатра *(Энобарбу)*

Что это означает все?

Энобарб *(Клеопатре)*

Одна
Из непонятных выходок печали.

Антоний

И ты за мною преданно ходил.
О, если б поменяться нам местами,
И я бы вами стал, а вы бы мной,
Чтоб всем вам отплатить такой же службой!

Служители

Да не попустят боги!

Антоний

Ну так вот.
Еще мне послужите этот вечер.
Пусть не пустует кубок мой, как встарь,
Когда владыки покоренных княжеств
Толпой прислуживали мне, как вы.

Клеопатра *(Энобарбу)*

К чему он так?

Энобарб *(Клеопатре)*

Он хочет вызвать слезы
У приближенных.

Антоний

Послужите мне.
Быть может, это ночь последней службы,
И больше вы не встретите меня
Или увидите кровавой тенью
И завтра будете служить другим.
Ах, я гляжу на вас, как бы прощаясь!
Друзья мои, ведь я вас не гоню,—
Напротив, как признательный хозяин,
Я верен вам до гробовой доски.
Но два часа еще мне подарите
Сегодня ночью, больше не прошу,
И да хранят вас боги.

Энобарб

Что за польза
Расстраивать их? Видишь, все ревут,
И я, осел, не отстаю от прочих.
Зачем ты в женщин превращаешь нас?

Антоний

Ну, не ворчи. Я вовсе так не думал.
Да вырастет добро из ваших слез.
Вы плохо поняли меня, родные.
Ведь я хотел вам бодрости придать.
Хотел уговорить вас без раздумья
Залить огнями пира эту ночь.
Я возлагаю лучшие надежды
На завтрашнее утро, и пойду
Не к смерти с вами, а к победной жизни.
Пойдемте ужин открывать, друзья,
И думы горькие в вине утопим.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Там же. Перед дворцом.

Входят двое часовых.

Первый часовой

Счастливо, брат. Что утро принесет!

Второй часовой

Один бы уж конец. Минуя город,
Ты ничего не слышал?

Первый часовой

Нет, а что?

Второй часовой

Да мало ли что в городе болтают.
Прощай. Счастливо.

Первый часовой

Хорошо. Прощай.

Входят еще двое часовых.

Второй часовой

Смотрите в оба.

Третий часовой

Ладно. До свиданья.
Сам не плошай, брат.

Становятся на свои посты.

Четвертый часовой

Наше место здесь.
Что скажет завтра флот, а я в пехоте
Уверен.

Третий часовой

Как же. Боевой народ,
Как на подбор.

Звуки гобоев под сценой.

Четвертый часовой

Послушай. Что за звуки?

Первый часовой

Послушайте. Послушайте.

Второй часовой

Слыхал?

Первый часовой

Да. Музыка вдали.

Третий часовой

Нет, под землею.

Четвертый часовой

Что это — добрый признак?

Третий часовой

Нет, дурной.

Первый часовой

Потише, говорю. Что это значит?

Второй часовой
Бог Геркулес, Антониев патрон,
Уходит от него.
Первый часовой
Пойдем узнаем,
Слыхали ли другие.
Второй часовой
Господа,
Что скажете?
Все вместе
Что скажете? Слыхали?
Первый часовой
Необъяснимо!
Третий часовой
Слышишь? Каково!
Первый часовой
Пойдем по звуку, сколько будет можно,
До лагерного вала.
Все
Чудеса!

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Там же. Комната во дворце.

Входят Антоний и Клеопатра, Хармиана и другие приближенные.

Антоний
Мой панцирь, Эрос.
Клеопатра
Ляг, поспи немного.
Антоний
Нет, дорогая. Эрос, панцирь мой!

Входит Эрос с доспехами.

Одень меня в железо. Если счастье
Изменит нам, я рассердил его
Веселостью.
Клеопатра
Где хлястик к этой пряжке?
Я помогу.

Антоний

Брось, брось. Ты у меня
Оруженосец сердца. Брось, не путай.

Клеопатра

Я помогу. Так правильно?

Антоний

Да, да.
Смотри, дела идут на лад, приятель.
Иди и сам вооружись.

Энобарб

Сейчас.

Клеопатра

Что, разве плохо застегнула?

Антоний

Чудно.
Божественно. Посмей кто расстегнуть,
Ему не поздоровится. Проворней.
Ты мямля, Эрос. Можешь взять пример
С царицы нашей. Вот оруженосец!
Ах, если бы могла ты посмотреть,
Как я дерусь, и смыслила бы в этом!
Вот царское, сказала б, ремесло!

Входит вооруженный легионер.

А, здравствуй, брат. Ты на военной службе
Давно, как видно. Для любимых дел
Встаем мы рано и за них беремся
С восторгом.

Легионер

Тысячи уж, государь,
Стоят и ждут тебя в железных латах
На взморье, несмотря на ранний час.

Крики и трубные звуки.
Входят военачальники и легионеры.

Военачальник

Прекрасный день. Да здравствует начальник!

Все

Да здравствует начальник!

Антоний

Молодцы!
Сегодня утро ярко спозаранку,
Как детство тех, кто в жизни прогремит.

Так, так. Давай. Теперь сюда. Спасибо.
Отлично. А теперь, мой друг, прощай.
Что ни случись со мной, живи, царица.
Вот поцелуй солдата. Нежных слов,
Как мирный житель, я не вправе тратить.
На этот раз прощаюсь второпях
Как человек из стали. Все, кто должен
Участвовать в сраженье, все за мной.
За мною все! Счастливо оставаться.

Антоний, Эрос, военачальники и легионеры уходят.

Харм иана
Не перейти ль нам в комнату твою?
Клеопатра
Да, перейдем. Он в воодушевленье.
Ах, если б этот спор он мог решить
Единоборством с Цезарем. Тогда бы
Другое дело. А теперь... Идем.

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Александрия. Лагерь Антония. Трубы.

Входят Антоний и Эрос и встречаются с легионером.

Легионер
Во всем сегодня счастлив будь, Антоний.
Антоний
Ах, если б вид твоих рубцов в тот раз
Меня заставил выступить на суше!
Легионер
Тогда поныне были бы с тобой
Отпавшие цари и тот воитель,
Который нам сегодня изменил.
Антоний
Кто изменил сегодня?
Легионер
Самый близкий.
Пошли за Энобарбом,— не придет,
Или из Цезарева стана скажет:
«Не твой я больше».

Антоний

Что ты говоришь?

Легионер

Он с Цезарем.

Эрос

Тюки с его вещами
Остались здесь.

Антоний

Так он нас бросил?

Легионер

Да.

Антоний

Пошли ему его поклажу, Эрос.
Все без изъятья. Кладь сопроводи
Запискою, что я ему желаю
Причины в жизни больше не иметь
Менять господ. Я подпишу записку.
Увы, превратности моей судьбы
Испортили такого человека!
Распорядись. Подумай,— Энобарб!

Уходят.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Александрия. Лагерь Цезаря. Трубы.

Входят Цезарь, Агриппа, Энобарб и другие.

Цезарь

Вперед, Агриппа. Начинай сраженье.
Приказ мой — взять Антония живым.
Оповести войска.

Агриппа

Немедля, Цезарь.

Цезарь

Всеобщий мир недалеко. Когда
Нам нынче повезет, три части света
Покроет тень оливковых ветвей.

Входит гонец.

Гонец

Антоний в поле.

Цезарь

Надо, чтоб Агриппа
Поставил перебежчиков вперед.
Антоний первый свой удар обрушит
Сам на себя.

Все, кроме Энобарба, уходят.

Энобарб

Алексас изменил.
Его послал Антоний в Иудею.
Он Ирода подговорил отпасть.
В награду за его услуги Цезарь
Алексаса повесил. Нет числа
Изменникам. Среди других — Канидий,
Но им и тут не будут доверять.
Какую подлость сделал я! Как стыдно!
Мне счастья в жизни больше не видать,
Как тяжело мне!

Входит Цезарев легионер.

Легионер

Энобарб, Антоний
Прислал твои пожитки и письмо.
Посыльный с ящиками натолкнулся
На мой дозор. У твоего шатра
Он разгружает мулов.

Энобарб

Эти вещи
Дарю тебе.

Легионер

Не смейся, Энобарб.
Я не шучу. Ты лучше позаботься
Пройти с гонцом за вал. Я на часах,
А то бы сам отвел. Ваш повелитель
Бог щедрости, как прежде.

Энобарб

Я подлей
Всех подлецов на свете. О Антоний,
Родник великодушья, сколько б дал
Ты мне за верность долгу, если низость
Ты золотом осыпал. Это нож
Мне в сердце. Я умру от этой боли
Иль от чего-нибудь еще скорей.

И мне еще участвовать в сраженье
Против тебя, Антоний? Нет, пойду
Сыщу себе канаву погрязнее
И лягу издыхать. Одна лишь грязь
Под стать моим последним дням позорным.
(Уходит.)

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Поле битвы между обоими станами. Крики атакующих.

Барабаны и трубы.
Входит Агриппа и другие.

Агриппа
Назад. Мы слишком выдались вперед.
Пришлось налечь и Цезарю. Нам хуже,
Чем думали.

Уходят.
Крики атакующих. Входят Антоний и раненый Скар.

Скар
Мой храбрый государь!
Вот это значит биться! Если б сразу
Мы так взялись, то разогнали б их
С замотанными в тряпки головами.

Антоний
Ты весь в крови.

Скар
Тут был двойной рубец,
Как буква «те», а стало три пореза,
Как буква «эн».

Вдали сигнал к отступленью.

Антоний
Они трубят отбой.

Скар
Мы их загоним под столы и лавки.
На мне еще есть место для рубцов.

Входит Эрос.

Эрос
Они разбиты. Наше положенье
Равно победе.

Скар

Гнать их по пятам
И бить как зайцев. Это род охоты
На трусов.

Антоний

Я вознагражу тебя
За бодрость однократно, а за храбрость
В десятерном размере. Ну, пойдем.

Скар

Иду, хотя я ранен и хромаю.

Уходят.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Под стенами Александрии. Шум сраженья.

Входят военным шагом Антоний и Скар с войсками.

Антоний

Мы их прогнали в лагерь. Кто-нибудь
Пусть сбегает с известием к царице.
А завтра пустим кровь до одного
Всем уцелевшим из врагов сегодня.
Благодарю вас. Каждый бился так,
Как будто дело шло о нем отдельно
И в каждом Гектор истинный сидел.
Войдите в город к женам и домашним:
Скажите им, что каждый совершил.
Вам будут кровь смывать слезами счастья
И раны поцелуями лечить.
(Скару.)
Дай руку мне.

Входит Клеопатра со свитой.

Позволь, твои деянья
Волшебнице я этой поручу.
Пусть наградит тебя ее спасибо.
Свет глаз моих, руками обними
Мою железом сдавленную шею.
Сквозь толщу лат пробейся к сердцу вся.
Ворвись и оседлай его биенья.

Клеопатра

О царь царей, о доблесть без границ!
Ты вырвался из вражеской ловушки!
Ты улыбаешься!

Антоний

Мой соловей!
Их уложили спать. Ты видишь, прелесть,
Хоть меж моих каштановых волос
Седые есть, смекалка есть под ними.
А силой молодых мы посрамим.
Позволь тебе богатыря представить.
Пусть подойдет к руке. Он дрался так,
Как будто некий бог в него вселился,
Который в озлобленье на людей
Их предавал слепому истребленью.

Клеопатра

Я золотые латы дам тебе
Из царского запаса.

Антоний

Если б даже
Они в рубинах были, как узор
На колеснице Феба, дар заслужен.
Дай руку мне. Торжественно войдем
В Александрию, и щиты поднимем,
Изрубленные, как тела у нас.
Когда б дворцовый зал вмещал все войско,
Мы сели бы за ужин всей семьей
И выпили за завтрашнюю битву
С ее опасностями. Трубачи,
Раскатом трубным оглушите город!
Бей в барабаны! Пусть земля и твердь
Сольют свой гул и громко рукоплещут
Вступленью войск.

Уходят.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Лагерь Цезаря.

Часовые на посту.

Первый часовой

В теченье часа, если нас не сменят,
Вернемся в караульню. Ночь светла,
А в два часа утра мы выступаем.

Второй часовой
Вчера нам не везло.

Входит Энобарб.

Энобарб
О ночь, будь мне
Свидетельницей!
Третий часовой
Это что за малый?
Второй часовой
Послушаем.
Энобарб
Свидетельницей будь,
Священная луна, когда потомство
Позор измены лихом помянет,
Как бедный Энобарб перед тобою
Раскаивался.
Первый часовой
Энобарб!
Третий часовой
Молчи.
Послушаем.
Энобарб
Владычица печали!
Дыханьем ночи отрави меня.
Избавь от бремени постылой жизни.
Кинь сердце на гранит моей вины.
Оно и так иссушено кручиной
И разлетится в прах. Антоний, ты,
Который в высоте своей безмерней
Паденья моего, прости меня!
А там пусть свет меня заносит в списки
Клятвопреступников и беглецов.
Антоний! О Антоний!
(Умирает.)
Второй часовой
Потолкуем
С ним малость.
Первый часовой
Нет. Пусть сам он говорит.
Послушаем, не извлечем ли пользы
Для Цезаря.

Третий часовой

Пускай. Но он уснул.

Первый часовой

Нет, это обморок. Спать не ложатся
С такой молитвой.

Второй часовой

Подойдем к нему.

Третий часовой

Проснись! Проснись! Откликнись!

Второй часовой

Ты нас слышишь?

Первый часовой

Смерть тронула его своей рукой.

Барабаны вдали.

Ты слышишь, спящих будят барабаном.
На караульню отнесем его.
Он знатный человек. Пора сменяться.

Третий часовой

Пойдемте. Он, быть может, отойдет.

Уносят тело.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Между обоими станами.

Входят Антоний и Скар во главе войска.

Антоний

Их главная забота нынче — флот.
Мы, видно, им не нравимся на суше.

Скар

И на́ море.

Антоний

На воздухе, в огне,
Где б ни было, нигде не дам им спуску.
Но к делу. Ставь пехоту на холмах
Вкруг города. Приказ по флоту отдан.
Он поднял якорь. Станем на горе,
Откуда видно море с кораблями
И их движенье.

Уходят.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Другое место на равнине.

Входит Цезарь с войском.

Цезарь

Без вызова с их стороны стоять
Не шевелясь. Он нас не атакует.
Цвет войска он послал на корабли.
Поищем на поле получше места.

Уходят.

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Холмы под Александрией.

Входят Антоний и Скар.

Антоний

Еще нет боя. Из-за той сосны
Я посмотрю, в чем дело, и немедля
Приду с ответом.

(Уходит.)

Скар

Ласточки в снастях
На яхте Клеопатры свили гнезда.
Гадальщики не знают, что сказать,
Глядят угрюмо и скрывают правду.
Антоний то храбрится, то хандрит,
Исполненный то страха, то надежды
При мысли об исчезнувшем былом.

Вдали шум как бы морского сражения.
Входит Антоний.

Антоний

Пропало все. Египтянка-злодейка
Сгубила нас. Мой флот сдался врагу.
На кораблях бросают кверху шапки,
Братаясь, как старинные друзья.
Блудница с трижды лживою изнанкой!
Так вот кто,— это ты нас продала
Счастливцу-новичку? Отныне сердце
В войне с одной тобой. Распорядись,
Чтоб войско распустили. Мне осталось

Разделаться с колдуньей — вот и все.
Распорядись, чтоб войско распустили.

Скар уходит.

О солнце, твоего восхода мне
Уж больше не видать. На этом месте
Расстанутся Антоний и судьба,
Тут и пожмут навек друг другу руки.
Вот он, итог. Все прихвостни мои,
Лизавшие мне пятки по-собачьи,
Пред Цезарем виляют. Он в цвету,
Сосна ж, которая была всех выше,
Без веток и гола. Какой обман!
Колдунья, взглядом ты передвигала
Мои войска на битву и домой.
Мне грудь твоя была венцом и целью,
А ты своей цыганскою игрой
Меня с сумой пустила. Эрос! Эрос!

Входит Клеопатра.

Прочь, наважденье! Сгинь!

Клеопатра

За что сердит
Мой повелитель на свою подругу?

Антоний

Исчезни, или я тебе воздам
За все сполна и Цезарю испорчу
Его победный въезд с тобою в Рим.
А я хочу, чтоб ты покрасовалась
Пред шумной чернью, чтобы как пятно
На всем отродье женщин ты тащилась
Пешком за колесницей, чтоб тебя
Показывали публике за деньги
На выставке диковин и чтоб там
Октавия впилась в тебя ногтями.

Клеопатра уходит.

Отлично поступила, что ушла.
Я за себя не отвечаю. Впрочем,
Смерть от моей разгневанной руки
Спасла б тебя от множества страшнейших.
Эй, Эрос! Что со мной? Я весь в огне.
На мне рубашка Несса. О мой предок

Алкид, дай силу гневу моему,
Чтоб я, как ты, забросил человека
На лунный серп и палицей своей
Расправился с собою. Смерть колдунье!
Она меня мальчишке продала.
Я — жертва заговорщиков. За это
Она умрет. Эй, Эрос!

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

Александрия. Дворец Клеопатры.

Входят Клеопатра, Хармиана, Ира и Мардиан.

Клеопатра

Девицы, помогите. Он безумней,
Чем Теламон, и более взбешен,
Чем Фессалийский вепрь.

Хармиана

Запрись в гробнице.
Вели дать знать ему, что умерла.
Прощанье с жизнью легче расставанья
Со славою.

Клеопатра

В гробницу! Мардиан,
Поди скажи ему, что я с собою
Покончила и мой последний звук
«Антоний» был. Разжалобь, как сумеешь.
Запомни, как он примет эту смерть,
И мне расскажешь. А теперь в гробницу.

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Там же. Другая комната.

Входят Антоний и Эрос.

Антоний

По-прежнему ль я, Эрос, пред тобой?

Эрос

Да, государь.

Антоний

Бывают испаренья
С фигурою дракона, или льва,

Или медведя, или замка с башней,
Или обрыва, или ледника
С зубцами, или голубого мыса
С деревьями, дрожащими вдали.
Они — цветы вечерней мглы. Их формы
Обманывают глаз. Ты их видал?

Эрос

Да, государь.

Антоний

То, что конем казалось,
Внезапно растворяется во мгле,
Сливаясь с нею, как вода с водою.

Эрос

Да, государь.

Антоний

Твой командир теперь
Такой же самый призрак, милый Эрос.
Я все еще Антоний, но с трудом
Удерживаю эту оболочку.
Я воевал ведь только для нее
И думал, что она, по крайней мере,
Хоть тут со мной, как я всегда был с ней
И шедшие за мною миллионы,
Которые утрачены сейчас.
Так думал я. Она же, милый Эрос,
Держала руку Цезаря. Она
Сбыла к его триумфу за бесценок
Меня с моею славой. Но не плачь.
Мы сами устраним себя из жизни.

Входит Мардиан.

Назад к своей проклятой госпоже!
По милости ее я без оружья.

Мардиан

Антоний, нет, владычица тебя
Любила и судьбу соединила
С тобой.

Антоний

Вон, евнух-негодяй! Она —
Предательница и умрет за это.

Мардиан

Долг смерти платят только раз, и он
Уже уплачен ей. Твое желанье

Исполнено. Последние слова
Царицы были: «Доблестный Антоний!
Антоний!» Восклицанье прервалось
На полпути меж сердцем и губами,
И с ним в груди царица умерла.

Антоний

Как, Клеопатра умерла?

Мардиан

Скончалась.

Антоний *(Эросу)*

Сними с меня доспехи. Кончен труд
Большого дня. Пора на отдых, Эрос.
(Мардиану.)
Благодари, что ты уходишь цел.
Тебе и это — щедрая награда.

Мардиан уходит.

Долой все это. Семеричный щит
Аякса — не защита от крушенья.
Раздвиньтесь, ребра! Сердце, изнутри
Разрушь свой плен и вырвись из темницы!
Проворней, Эрос. Я отвоевал
И больше не солдат. Прощайте, латы!
Вы погнуты. Я с честью вас носил.
На время выйди, Эрос.

Эрос уходит.

Клеопатра!
Я догоню тебя и попрошу
В слезах прощенья. Так мне будет легче.
Отсрочка — пытка. Факел догорел.
Я лягу. Полно по углам шататься.
Отныне все усилья — лишний труд
И всякий шаг — топтание на месте.
Ну что ж, осталось приложить печать,
А то — конец, все ясно. Эрос! Эрос!
Иду, царица! — Эрос! — Там, в садах,
В толпе теней мы будем выделяться
Из всех других и отобьем друзей
У бедного Энея и Дидоны.
Эй, Эрос, Эрос! Воротись назад.

Эрос возвращается.

Эрос

Что, государь, прикажешь мне?

Антоний

С тех пор,
Как Клеопатры нет, я прозябаю
Так недостойно, что стыжу богов.
Я мир кроил мечом и на зеленых
Плечах Нептуна строил города
Из кораблей, и вот мне не хватает
Отваги женщины. Я хуже той,
Которая своею смертью скажет:
«Я, Цезарь, справилась сама с собой».
Ты обещал мне, Эрос, если в жизни
Меня настигнет ужас или стыд,
Убить меня по первому желанью.
Ну вот, такая надобность пришла.
Пойми одно: ты не меня уложишь,
А Цезаря расстроишь торжество.
Ты побледнел? Бодрей, дружок.

Эрос

О боги!
Мне сделать то, что тучи вражьих стрел
Парфянских не могли?

Антоний

Ты б господина
Хотел увидеть в Риме из окна
С закрученными за спину руками,
С ярмом на шее, с краской на лице,
Средь пленников, в обозе, за квадригой
Смеющегося Цезаря?

Эрос

О нет!

Антоний

Вот видишь. Уберечься можно только
Смертельной раной. Размахнись мечом,
Которым ты принес так много пользы.

Эрос

Прости меня.

Антоний

Я волю дал тебе.
Ты клялся сослужить мне эту службу
По первой просьбе. Действуй же. А то

Все предыдущие твои услуги
Одна случайность. К делу. Где твой меч?

Эрос

Так отверни лицо свое в сиянье
Непреходящей славы.

Антоний *(отворачиваясь от него)*

Хорошо.

Эрос

Меч вынут.

Антоний

Вынуть мало. Бей наотмашь.
Ну что ж ты?

Эрос

Мой любимый государь,
Военачальник мой и император,
Пред тем как нанести удар, позволь
Сказать тебе прости.

Антоний

Я позволяю.
Уж ты сказал.

Эрос

Прощай, великий вождь.
Размахиваться?

Антоний

Да.

Эрос

Мне не придется
Оплакивать Антониеву смерть.
(Убивает себя.)

Антоний

Недосягаемое благородство!
Вот как мне надо было самому,
Не трогая тебя, распорядиться.
Ты и царица, Эрос, далеко
Меня опередили чувством долга.
Но я просватан смерти и спешу
К ней вслед за вами. Твой начальник, Эрос,
Кончает жизнь твоим учеником.
В приеме этом я твой подражатель.
(Падает на свой меч.)
Что это? Я еще живу? Живу?
Эй, стража! Приколите!

Входит Дерцет со стражею.

Первый часовой

Что за крики?

Антоний

Я оплошал. Пожалуйста, друзья,
Прикончите меня.

Второй часовой

Звезда скатилась.

Первый часовой

Великая пора пришла к концу.

Все

О, горе, горе нам!

Антоний

Добейте насмерть
Хоть из любви ко мне.

Первый часовой

Я не могу.

Второй часовой

Я тоже не могу.

Третий часовой

Никто не может.

Стража уходит.

Дерцет

Ты умер, и приверженцы твои
Должны бежать. Чтоб к Цезарю проникнуть,
Я меч Антония ему снесу.
(Завладевает мечом Антония.)

Входит Диомед.

Диомед

Где Марк Антоний?

Дерцет

Вот он.

Диомед

Он отходит?
Что ж ты не отвечаешь?

Дерцет уходит.

Антоний

Диомед,
Вынь меч и прекрати мои мученья.

Диомед

Я послан Клеопатрой, государь.

Антоний

Когда она тебя послала?

Диомед

Только

Сейчас.

Антоний

А где она?

Диомед

Укрылась в склеп.
Ей чуялось, что здесь случилось что-то.
Когда она узнала, что ее
Без доказательства подозревают
В сношеньях с Цезарем и что тебя
Не вразумить, она сказать велела,
Что умерла, но чтобы избежать
Дурных последствий, вскорости послала
Открыть тебе всю правду. Но, боюсь,
Я опоздал.

Антоний

Да, милый. Слишком поздно.
Мою охрану кликни, Диомед.

Диомед

Особая охрана государя!
Охрана, говорю я! Эй сюда!

Входят четыре или пять телохранителей Антония.

Антоний

Снесите, милые, меня к царице
И тем отдайте мне последний долг.

Первый телохранитель

О горе! Почему, военачальник,
Мы пережить тебя осуждены!

Все

Несчастный день!

Антоний

Друзья, судьба злорадна.
Не радуйте ее своей тоской,
А лучше накажите равнодушьем.
Приподнимите на руки меня.
Я вами предводил. Настало время
Теперь вам на себе меня таскать.
Спасибо, дорогие.

Антония уносят.

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Там же. Гробница.

Наверху появляются Клеопатра, Хармиана и Ира.

Клеопатра
Я никуда отсюда, Хармиана,
Не выйду.
Хармиана
Успокойся.
Клеопатра
Никуда.
Теперь мне только ужасы желанны,
А не успокоенья. Я хочу
Нагореваться вволю, соразмерно
Огромности удара.

Внизу появляется Диомед.

Ты узнал?
Он умер?
Диомед
Он на волоске от смерти,
Но дышит. Стань у крайнего окна.
Его несут с той стороны к гробнице.

Внизу стража вносит Антония.

Клеопатра
Обугли, солнце, все, что под тобой!
Пусть станет мир неразличимо черен!
О мой Антоний! О Антоний мой!
Антоний мой! На помощь, Хармиана!
Друзья, на помощь! Ира, помоги!
Мы втащим вверх его.
Антоний
Не убивайся!
Не Цезарем Антоний побежден,
Но сам он над собою торжествует.
Клеопатра
Быть не могло иначе. Одному
Антонию Антоний был по силам.
Но боль моя не легче оттого.
Антоний
Моя египтянка, я умираю.

Я умираю, но еще пока
Я заговариваю смерти зубы,
Чтобы успеть тебе напечатлеть
Последний из несчетных поцелуев.

Клеопатра

К тебе сойти не смею, дорогой,
Прости, мой друг, спуститься не решаюсь.
Я в руки Цезаря боюсь попасть.
Пока на свете есть кинжалы, яды
И змеи, я собой не довершу
Великолепья Цезарева въезда.
Стыдливая Октавия глаза
Не будет мне колоть своим примером.
Я не спущусь, но сам ты будешь здесь.
Тащите, девушки. Беритесь снизу.
Теперь тащите.

Антоний

Только поскорей.

Я отхожу.

Клеопатра

Поднять тебя не шутка.
Какой ты грузный! Вероятно, скорбь
Былую силу превратила в тяжесть.
О, если б власть Юноны, я б тебя
Перенесла с Меркурием на крыльях
К столу Юпитера. А ну еще.
А ну еще. Всегда безумьем было
Желать недостижимого. А ну,
Еще чуть-чуть. Ну здравствуй, здравствуй,
здравствуй!

Антония втаскивают наверх к Клеопатре.

Умри, где жил. Прижмись ко мне. Очнись.
О, если б целованье воскрешало,
Я б губы извела.

Все

Ужасный вид!

Антоний

Моя египтянка, я умираю.
Я умираю. Дай глоток вина.
Мне надобно сказать тебе два слова.

Клеопатра

Нет, говорить дай мне, и я судьбу
Сведу с ума беспечностью беседы.

Антоний

Защиты в будущем себе ищи
У Цезаря, царица.

Клеопатра

Это вряд ли
Соединимо.

Антоний

Клеопатра, верь
Из Цезаревых только Прокулею.

Клеопатра

Не Цезаревым слугам, а одним
Рукам своим и смелости доверюсь.

Антоний

Не думай про печальный оборот
И смерть мою, но возвращайся мыслью
К минувшим, более счастливым дням,
Когда, владея величайшей властью,
Я благородно пользовался ей,
Да и теперь кончаюсь не бесславно
И не прошу пощады, снявши шлем
Пред земляком, но римлянином гибну
От римских рук. Захватывает дух.
Я больше не могу.

Клеопатра

Мой драгоценный,
Как, ты умрешь? Тебе не жаль меня?
А мне остаться в этом скучном мире,
Который без тебя, как хлев свиной?
Смотрите, девушки, венец вселенной
Растаял и течет.

Антоний умирает.

Мой государь!
Увял военный лавр. Копье солдата
Сломалось. Недоросли и щенки
В годах догнали старших. Исключенье
Ушло от нас, и больше под луной
Нет ничего достойного вниманья.
(Падает в обморок.)

Хармиана

Очнись, очнись, венчанная!

Ира

Ну вот.
Скончалась благодетельница наша.

Хармиана

Державная владычица!

Ира

Очнись!

Хармиана

Очнись! Очнись!

Ира

Державная царица
Египта!

Хармиана

Тише, Ира, не шуми.

Клеопатра

Простое горе, как у тысяч женщин,
Как слезы скотницы какой-нибудь.
Швырнуть богам бы скипетр со словами:
Завистники, покамест вы у нас
Не выкрали алмаза, нам на свете
Жилось не хуже вас. Всё ни к чему.
Терпенье — глупость, нетерпенье — мука.
Собакой взвоешь. Так велик ли грех,
Ворвавшись в тайное жилище смерти,
Самой предупредить ее приход?
Ах, девушки! Ну полно, полно, бросьте!
Ах, девушки, ах, девушки мои!
Угас наш свет, лампада догорела.
Солдаты, не годится унывать!
Сначала погребем его, а после,
Как должно, со свободною душой,
Без трепета, по-римски, горделиво
На зависть всем сумеем умереть.
Застыл покров огромнейшего духа.
Ах, девушки, вот мы и без друзей!
Спасенье наше, девушки, отныне
В готовности к немедленной кончине.

Уходят. Сверху уносят тело Антония.

АКТ ПЯТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Александрия. Лагерь Цезаря.

Входит Цезарь и его военный совет: Агриппа, Долабелла, Меценат, Галл, Прокулей и другие.

Цезарь

Пусть сдастся, Долабелла. Он в мешке.
Тянуть ему смешно и бесполезно.

Долабелла

Пойду скажу.

(Уходит.)

Входит Дерцет с мечом Антония.

Цезарь

Что у тебя в руках?
Кто ты, что входишь так бесцеремонно?

Дерцет

Меня зовут Дерцетом. Я из войск
Антония. Он больше всех достоин
Был лучшей службы и, пока был жив,
Был господином мне. С его врагами
Я дрался, жизни не щадя. Возьми
Меня на службу, если можно. Буду
Тебе слугой таким же. Если ж нет,
Вот жизнь моя.

Цезарь

Что значат эти речи?

Дерцет

Антоний умер, Цезарь, вот их смысл.

Цезарь

Обвал такого тела был бы громче.
Землетрясенье зашвырнуло б львов
На улицы, а горожан в пустыни.
Антониева смерть не что-нибудь,—
Полмира заключало это имя.

Дерцет

И все ж он умер, Цезарь, но конец
Нашел не от секиры правосудья,
Не нож наемного убийцы, нет,—
Рука, мечом вписавшая в скрижали

Деянья славы, в сердце обрела
Решимость уничтожить это сердце.
Вот меч его, торчавший в ране. Он
Весь обагрен его бесценной кровью.

Цезарь

Вы опечалены, мои друзья?
Клянусь, здесь есть над чем царям поплакать.

Агриппа

Как часто нам приходится жалеть
О том, чего мы сами добивались.

Меценат

Он уравнял хорошее с дурным.

Агриппа

Едва ль бывало ярче дарованье.
Но боги, чтобы сделать нас людьми,
Пороками нас наделяют. Цезарь
Волнуется.

Меценат

Я думаю! Пред ним
Вместительное зеркало, и в раме
Вся жизнь его.

Цезарь

Антоний, я довел
Тебя до этого? Но мы ведь режем
Болячки на себе. Один из нас
Был должен рухнуть на глазах другого.
Вдвоем на свете мы б не ужились.
И все ж кровавыми слезами сердца
Теперь я плачу, брат, советник, друг,
Помощник мой в великих начинаньях,
Товарищ в битвах, правая рука
И сердце, чьим огнем мое горело,—
О том, что наши судьбы разделил
Неумолимый рок. Я покажу вам,—

Входит египтянин.

А впрочем, после. Расспрошу сперва
Гонца, хотя с каким он порученьем,
Сейчас же видно по его лицу.
Откуда будешь ты?

Египтянин

Я родом бедный
Египтянин. Владычица моя,

Укрывшись в склепе (все, что ей осталось),
Заблаговременно желает знать,
Что ты назначил ей, чтоб быть готовой.

Цезарь

Пусть успокоится. Ей сообщат
На днях, каким почетом и довольством
Хотим обставить мы ее. Нельзя
Быть Цезарем и совершать жестокость.

Египтянин

Спасибо, Цезарь.

(Уходит.)

Цезарь

Слушай, Прокулей.
Скажи, что унижать ее не будут.
Добейся, чтоб она любой ценой
Пришла в себя, привыкла к положенью
И на себя не наложила рук.
Ведь пребыванье Клеопатры в Риме
Увековечит наше торжество.
Немедленно ступай и возвращайся.
Я знать хочу, что говорит она
И думает.

Прокулей

Я все исполню, Цезарь.

(Уходит.)

Цезарь

Иди с ним, Галл.

Галл уходит.

А Долабелла где?
Пусть тоже им поможет.

Все

Долабелла!

Цезарь

Оставьте. Вспомнил. Я его услал.
Он занят делом и сейчас вернется.
Пойдем ко мне в палатку. Я хочу
Вам показать, как, вопреки желанью,
Войну мне навязали и с каким
Терпеньем уступал я в переписке.
Пойдем. Взгляните.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Александрия. Гробница.

Входят Клеопатра, Хармиана и Ира.

Клеопатра

Моя тоска немного улеглась.
Быть Цезарем не столь большая важность.
Ведь он не бог судьбы, а раб судьбы,
Ее слуга. Величье только в шаге,
Которым прекращают все дела,
Приостанавливают перемены
И после спят и спят, забыв навек
Вкус соски, одинаково вскормившей
Царей и нищих.

К дверям гробницы подходят Прокулей и Галл со стражею.

Прокулей

Цезарь шлет привет
Египетской владычице и просит
Узнать, чего ты хочешь от него.

Клеопатра

Как ты зовешься?

Прокулей

Прокулей.

Клеопатра

Антоний
Мне называл тебя и говорил,
Чтоб я тебе доверилась. Однако,
С тех пор как безразличен мне обман,
Я не нуждаюсь в правде. Если ж Цезарь
Просительницей хочет увидать
Перед собой царицу, то напомню,
Что венценосцам совестно просить
Чего-нибудь, что было б меньше царства.
Пусть Цезарь сыну моему вернет
Египет. За возврат моих имуществ
Я перед ним колени преклоню.

Прокулей

Твой жребий отдан в царственные руки.
Без страха им доверься. Господин
Так полон милости, что изливает
Ее на всех, кому нужда. Позволь

Изобразить ему твою покорность,
И ты в нем победителя найдешь,
Который будет сам просить о праве
Служить тебе, не дожидаясь просьб.

Клеопатра

Скажи ему, что я беспрекословно
Передаю ему свои права.
Я каждый час учусь повиновенью
И жажду увидать его в лицо.

Прокулей

Я это передам, не беспокойся.
Я знаю, как несносно для него
Быть поводом для стольких огорчений.

Галл

Ты видишь, как легко ее схватить.

Прокулей с двумя легионерами влезает в окно гробницы по прислоненной лестнице и становится позади Клеопатры. Остальные легионеры отодвигают засовы и отворяют двери.

Стеречь, покамест не прибудет Цезарь.
(Уходит.)

Ира

Венчанная царица!

Хармиана

Ты в плену,
О Клеопатра!

Клеопатра

Ну проворней, руки!
(Вынимает кинжал.)

Прокулей *(хватает и обезоруживает ее)*

Стой, стой, царица, не увечь себя!
Тебя не предают, а выручают.

Клеопатра

Ты в смерти мне отказываешь, в том,
Чем мы собак спасаем от мучений?

Прокулей

Не убивай себя. Не клевещи
На Цезарево обращенье. Люди
Должны увидеть блеск его души,
А твой конец посеет кривотолки.

Клеопатра

О, где ты, смерть? Сюда, скорей сюда!
Ты губишь бедняков и малолетних,
А вот тебе царица!

Прокулей

Перестань.

Клеопатра

Я перестану есть и пить, и если
Нужда в словах, я перестану спать.
Но я разрушу этот бренный остов,
Что б Цезарь ни предпринимал. Рабой
Я при его дворе не буду. Глупой
Октавии учить себя не дам
Немым укором глаз. А вы решили,
Что я покорно стану у столба
На поруганье грубой римской черни?
Нет, лучше дома пруд какой-нибудь,
Иль голой в тину, мухам на съеденье.
Нет, лучше на одну из пирамид
Родной земли быть вздернутой в оковах.

Прокулей

Тебе причины Цезарь не давал
В грядущем рисовать такие страхи.

Входит Долабелла.

Долабелла

Как вы тут действовали, Прокулей,
Известно Цезарю. Он вызывает
Тебя к себе, а мне велел стеречь
Царицу.

Прокулей

Превосходно, Долабелла.
Будь с нею добр.
(Клеопатре.)
Я Цезарю скажу
Охотно все, что ты ни пожелаешь.

Клеопатра

Скажи, что я желаю умереть.

Прокулей с легионерами уходят.

Долабелла

Ты не слыхала обо мне царица?

Клеопатра

Не помню.

Долабелла

А должна была б слыхать.

Клеопатра

Что я слыхала или нет, неважно.
Ты сновидений женщин и детей
Не станешь слушать.

Долабелла

Я не понимаю.

Клеопатра

Мне снилось, был Антоний государь.
Еще один бы сон такой, чтоб снова
Такого человека увидать!

Долабелла

Позволь сказать...

Клеопатра

Его лицо сияло,
Как лик небес, и солнце и луна
Свершали оборот и освещали
Кружок земли, как маленькое «о».

Долабелла

Венчанная красавица...

Клеопатра

Ногами
Переступал он океан. Рукой
Он накрывал вселенную, как шлемом.
Казался голос музыкою сфер,
Когда он разговаривал с друзьями,
Когда ж земной окружности грозил,
Гремел, как гром. Он скупости не ведал,
Но, словно осень, рассыпал дары
И никогда не превращался в зиму.
Забавы не влекли его на дно,
Но выносили наверх, как дельфина.
Двором ему служил почти весь свет.
Как мелочью, сорил он островами
И царствами.

Долабелла

Владычица...

Клеопатра

Скажи.
Был или мыслим кто-нибудь на свете,
Как человек, который снился мне?

Долабелла

Нет, Клеопатра.

Клеопатра

Лжешь, и лжешь безбожно:
Он жил, он жил! Но жизнь его средь нас
Мелькнула без следа, как сновиденье.
Природе не хватает вещества,
Чтобы с мечтой соперничать. Однако,
Придумавши Антония, она
Воображенье перещеголяла.

Долабелла

Как весь твой путь, царица, велика
Твоя утрата. Сообразно горю
И держишь ты себя. Я не хочу
Преуспевать, так больно отдается
Печаль твоей души в моей душе.

Клеопатра

Благодарю. Как Цезарь полагает
Распорядиться мной?

Долабелла

Стыжусь сказать,
Но я б хотел, чтоб ты узнала это.

Клеопатра

Нет, все-таки.

Долабелла

Как он ни милосерд...

Клеопатра

Он хочет показать меня при въезде?

Долабелла

Да, государыня. Так решено.

Трубы в отдаленье.

Голоса за сценой

Дорогу Цезарю!

Входят Цезарь, Галл, Прокулей, Меценат, Селевк и свита.

Цезарь

Кто здесь царица?

Долабелла *(Клеопатре)*

Вот император.

Клеопатра становится на колени.

Цезарь

Встань, не падай ниц.
Встань, я прошу, владычица Египта.

Клеопатра

Так боги рассудили, государь,
Мой долг склониться пред тобой, властитель.

Цезарь

Отбрось предубежденья. Я готов
Случайностью считать твои проступки,
Хоть мысль о них обидна и сейчас.

Клеопатра

Единственный властитель мира, поздно
Оправдываться. Каюсь, я всегда
Страдала всеми слабостями пола.

Цезарь

Мы будем закрывать на них глаза,
А не копаться в прошлом, Клеопатра.
И если ты не будешь восставать,
Сама благословишь ты дружелюбье
Решений наших и свою судьбу.
Когда ж пойдешь на крайность, как Антоний,
И бросишь тень злодейства на меня,
То ты лишишь себя благодеяний
И на детей накличешь ту беду,
Которую бы я отвел. На этом
Позволь расстаться нам. Я удалюсь.

Клеопатра

Хотя на край земли. Твои владенья
Теперь — весь мир. Другое дело мы.
Нас, доказательства своей победы,
Расставь, где хочешь, как щиты вдоль стен.
Вот, Цезарь, здесь...

Цезарь

О нуждах Клеопатры
Сама сносись со мной.

Клеопатра

Вот, Цезарь, здесь
Обзор сокровищ, денег и посуды
В моем владенье. В опись внесено
Все до иголки. Где Селевк?

Селевк

Царица?

Клеопатра

Вот мой казнохранитель, государь.
Он подтвердит тебе под страхом смерти,
Что я не утаила ничего.
Не правда ли, Селевк?

Селевк

Под страхом смерти
Я лучше бы лишился языка,
Чем говорить неправду.

Клеопатра

Что ж я скрыла?

Селевк

Достаточно, чтоб список откупить.

Цезарь

Не приходи в смущенье, Клеопатра,
Твое благоразумье я хвалю.

Клеопатра

Как притягательно величье, Цезарь!
Мои теперь твои, а изменись
Судьба опять, твои моими б стали.
О, как меня выводит из себя
Неблагодарность этого Селевка!
Отродье рабье, верности в тебе,
Как в покупной любви! Ты на попятный?
Что ж, пяться, пяться. Я твои глаза,
Подлец, настигну, будь у них хоть крылья.
Собака, раб, бездушный негодяй!
Какая низость!

Цезарь

Погоди, царица.

Клеопатра

Нет, Цезарь, стыд какой! В тот миг, когда
Ты делаешь мне честь своим приходом,
Слуга мой множит горести мои
В твоем присутствии таким позором.
Пускай я скрыла несколько вещиц
На память людям. Пусть из безделушек,
Что поценнее, отложила в дар
Октавии за будущую помощь.
Меня ль, однако, обличать змее,
Которую сама я отогрела?

Все ниже, ниже, боги, я качусь,
И нет конца паденью.
(Селевку.)
Убирайся.
Еще есть искры в пепле мук моих.
Когда б ты был мужчина, а не евнух,
Ты б пожалел меня.

Цезарь

Ступай, Селевк.

Селевк уходит.

Клеопатра

Мы, венценосцы, терпим нареканья
За промахи других. Вот почему
Нас предают при нашем отреченье
Так безнаказанно.

Цезарь

Ни тех вещей,
Которые ты скрыла, Клеопатра,
Ни тех, что в списке, мы не поместим
В число добычи. Пользуйся, как знаешь,
Своим богатством. Цезарь, согласись,
Ведь не разносчик, чтобы торговаться
О купленном и проданном. Взгляни
На все светлей. Освободись от власти
Угрюмых мыслей. Помни, что с тобой
Поступят так, как ты сама укажешь.
Спокойно ешь и спи. Ты у друзей
И предоставь себя их попеченью.
Теперь прощай.

Клеопатра

Мой господин! Мой царь!

Цезарь

Не надо. Встань. Прощай.

Трубы. Цезарь со свитой уходит.

Клеопатра

Как он виляет,
Как он юлит, чтоб оплести меня!
Не тут-то было. Слушай, Хармиана.
(Шепчется с Хармианой.)

Ира

Кончай, царица. День наш миновал.
Смеркается.

Клеопатра

Скорее возвращайся.
Все сделано уже. Он подряжен.
Поторопи его.

Хармиана

Сейчас, царица.

Возвращается Долабелла.

Долабелла

Где Клеопатра?

Хармиана

Видишь, вот она.

Клеопатра

Что, Долабелла?

Долабелла

Для меня святыня
Твои веленья. Я пришел сказать:
День выезда назначен. Цезарь едет
Чрез Сирию. Тебя пошлют с детьми
Через три дня вперед. Построй на этом
Свои расчеты. Я исполнил все,
Что обещал тебе и ты просила.

Клеопатра

Я буду, Долабелла, пред тобой
Навек в долгу.

Долабелла

А я твоим слугою.
Прощай, моя царица. Мне в конвой
При Цезаре.

Клеопатра

Прощай и ты. Спасибо.

Долабелла уходит.

Как это, Ира, нравится тебе?
Теперь ты что! Игрушка из Египта,
Чтоб тешить Рим. Ремесленники, сброд
В засаленных передниках, с линейкой
И молотком, соорудят помост,
Чтоб нас виднее было. Нам придется
Дышать отрыжкою дурных харчей
И грязным потом.

Ира

Да избавят боги!

Клеопатра

Нет, это будет так наверняка.
Нас будут лапать, как публичных женщин,
Невежи-ликторы и бичевать
Паршивцы-рифмоплеты, а актеры
Изобразят александрийский пир.
Антоний будет выведен под мухой,
А желторотый рядовой пискун
Представит жизнь царицы Клеопатры
В игривых сценах.

Ира

Да предохранят
Нас всеблагие!

Клеопатра

Можешь мне поверить.

Ира

Я не увижу этого. На то
Глаза мои ногтям уступят в силе.

Клеопатра

Вот именно. Вот средство без труда
Расстроить их дурацкие расчеты.

Возвращается Хармиана.

Ну, Хармиана? Милые мои,
Теперь меня по-царски уберите.
Все лучшее наденьте. Это Кидн,
Я вновь плыву Антонию навстречу.
Вот, Ира, значит как. Мы не шутя
Кончаем счеты с жизнью, Хармиана.
Последний раз еще похлопочи,
А там гуляй хоть до скончанья века.
Пожалуйста, корону мне и жезл.

Ира уходит. Шум за сценой.

Что там за шум?

Входит часовой.

Часовой

Какой-то поселянин
С корзиной винных ягод. Пристает,—
Впусти его во что бы то ни стало.

Клеопатра

Впусти его.

Часовой уходит.

Как незатейлив вид
У помощи. Он мне принес свободу.
Все выяснено. Женского во мне
Нет больше ничего. Я вся как мрамор.
Теперь непостоянная луна
Не из моих планет.

Входят часовой и поселянин с корзиной.

Часовой

Вот поселянин.

Клеопатра

Ступай, оставь нас.

Часовой уходит.

Хорошенькая змейка при тебе,
Которая без боли убивает?

Поселянин. При мне, при мне. Только, мой совет, лучше ее не трогать. Кусается она,— не шутит. Которые умирали, редко или никогда не поправлялись.

Клеопатра. Помнишь ли ты кого-нибудь, кто умер бы от нее?

Поселянин. А как же, и мужчин и женщин. Да вот не дальше как вчера. Безусловно честная, завирающая женщина и тоже укушенная, рассказывает без утайки, как она померла и что чувствовала. Одним словом, полная и добросовестная точка зрения о змее. А там кто ее знает. Всему верить,— вполовину всегда будешь в дураках. Одно, можно сказать, не подлежит совершенно: змея она называется, змея и есть.

Клеопатра. Можешь идти. Прощай.

Поселянин. Пожелаю тебе от змеи всякой радости. *(Ставит корзину на пол.)*

Клеопатра. Прощай.

Поселянин. Берегись смотри. Змея тиха до поры, а негпет да и покажет себя.

Клеопатра. Да, да. Прощай.

Поселянин. Одно дело, понимаешь ты, змея в толковых руках, а то что хорошего в ней, в змее?

Клеопатра. Не беспокойся. Мы присмотрим.

Поселянин. Ничего ей не давай. Не стоит она корма.

Клеопатра. А меня она не съест?

Поселянин. Что ж ты думаешь, я такой дурак? Небось бабой сам черт подавился, а ты говоришь, она тебя съест.

По-настоящему женщина есть пища богов, если только не подгадит дьявол. Наказанье богам с этими сукиными детьми, с чертями. Обязательно из каждого женского десятка пять перепортят.

Клеопатра. Хорошо. Теперь ступай. Прощай.

Поселянин. И правда, пора. Пожелаю тебе от змеи всякой радости. *(Уходит.)*

Возвращается Ира с мантией, короной и прочим.

Клеопатра

Подай мне мантию, надень венец.
Я вся объята жаждою бессмертья.
Ах, больше этих губ не освежит
Букет египетского винограда.
Скорей, скорее, Ира! Мне пора.
Я чувствую, меня зовет Антоний.
Он просыпается, чтоб похвалить
Меня за доблесть. Он смеется. Боги.—
Он говорит,— шлют Цезарю успех,
Чтобы отнять его потом в возмездье.
Иду к тебе, супруг мой. Зваться так
Дает мне право беззаветность шага.
Я воздух и огонь. Другое все
Я оставляю праху. Вы готовы?
Вот губ моих последнее тепло.
Пора прощаться, Ира, Хармиана.
(Целует их. Ира падает и умирает.)
Тебя свалил мой поцелуй? Ужель
В нем яд змеи? Твое прощанье с жизнью,
Как страстное свидание с концом,
Где мука перемешана с блаженством.
Но ты молчишь. Не стоит этот свет
Прощальных слез и проводов.

Хармиана

Излейся,
Седая туча, проливным дождем,
Чтоб можно было думать,— боги плачут.

Клеопатра

Я оказалась во втором ряду.
Ее увидит первою Антоний,
Успеет расспросить про все и даст
Тот поцелуй, которого я жажду,
Как неба.

(Обращаясь к змее, которую она прикладывает к груди.)

Ну, разбойница моя,
Разрежь своими острыми зубами
Тугой житейский узел. Разозлись
И действуй. Что же ты не свирепеешь?
Ах, дурочка, будь речь тебе дана,
Ты Цезаря ослом бы обозвала.

Хармиана

Звезда Востока!

Клеопатра

Тише. Не буди
Младенца на моей груди, который
Сосаньем мамку насмерть усыпит.

Хармиана

Разбейся, сердце, о, разбейся, сердце!

Клеопатра

Бальзам! Блаженство! Совершенный воздух!
Антоний!.. Я другую приложу.
(Прикладывает к руке другую змею.)
Что медлить мне...
(Умирает.)

Хармиана

...В постылом этом мире?
Да, да, прощай. Гордиться можешь, смерть,
Ты овладела лучшею из женщин.
Спуститесь, веки, занавески глаз,
В наш сумрак солнце больше не заглянет.
Корона сбилась набок. Укреплю
И соберусь в дорогу.

Вламывается охрана.

Первый часовой

Где царица?

Хармиана

Молчи,— разбудишь.

Первый часовой

Цезарь приказал...

Хармиана

Но опоздал приказом.
(Прикладывает к себе змею.)
Ну, проворней.
Я, змейка, еле чувствую тебя.

Первый часовой

Сюда! Измена! Здесь нечисто что-то.

Второй часовой

Пошли за Долабеллой. Он внизу.

Первый часовой

Скажи чистосердечно, Хармиана,
Годится ли с людьми так поступать?

Хармиана

Годится. И особенно царице
С такими венценосцами в роду.
Ах, ах, солдат!

(Умирает.)

Возвращается Долабелла.

Долабелла

Что здесь у вас?

Второй часовой

Три смерти.

Долабелла

Как в опасеньях, Цезарь, ты был прав!
Сейчас, войдя, ты встретишься с тем самым,
Что всею силой думал отвратить.

Голоса за сценой

С дороги! Цезарь! Цезарю дорогу!

Возвращается Цезарь со свитой.

Долабелла

Какой ты предсказатель, государь!
Чего ты опасался, совершилось.

Цезарь

Порыв решимости. Она прочла
Все наши мысли и пошла по-царски
Своим путем. Как умерли они?
На них нет крови.

Долабелла

Кто входил последний?

Первый часовой

К ним приходил крестьянин. Он принес
Им винных ягод. Вот его корзина.

Цезарь

А, значит, отравились.

Первый часовой

Только что

Была живою эта Хармиана.
Стояла, говорила. Я вошел,—
Она венец на мертвой поправляла.
Как вдруг упала.

Цезарь

Так могуча скорбь.
Когда бы яд был ими внутрь проглочен,
У них тела бы вспухли, а у ней
Вид безмятежно спящей,— искушенье
Для нового Антония, с такой
Небрежной красотой она забылась.

Долабелла

Вот на груди у ней кровоподтек
И опухоль. И на руке вторая.

Первый часовой

Следы змеи. А вот на листьях слизь,
Какую оставляют эти змеи
В пещерах Нила.

Цезарь

От змеи она
И умерла. Мне врач ее придворный
Рассказывал. Царица без конца
Справлялась о легчайшем роде смерти.
Поставьте на виду ее постель
И вынесите девушек из склепа.
Мы похороним рядом их, ее
С Антонием, и на земле не будет
Могилы со славнейшею четой.
Событья вроде этих поражают
И тех, кто в них виновен. Судьбы жертв
В потомстве будят то же уваженье,
Как победители. Войскам моим
Идти за гробом и отсюда — в Рим.
Надзор за скорбным шествием к могиле
Мы Долабелле поручить решили.

Уходят.

СОНЕТЫ

ПЕРЕВОД С. МАРШАКА

1

Мы урожая ждем от лучших лоз,
Чтоб красота жила, не увядая.
Пусть вянут лепестки созревших роз,
Хранит их память роза молодая.

А ты, в свою влюбленный красоту,
Все лучшие ей отдавая соки,
Обилье превращаешь в нищету,—
Свой злейший враг, бездушный и жестокий.

Ты — украшенье нынешнего дня,
Недолговременной весны глашатай,—
Грядущее в зачатке хороня,
Соединяешь скаредность с растратой.

Жалея мир, земле не предавай
Грядущих лет прекрасный урожай!

2

Когда твое чело избороздят
Глубокими следами сорок зим,
Кто будет помнить царственный наряд,
Гнушаясь жалким рубищем твоим?

И на вопрос: «Где прячутся сейчас
Остатки красоты веселых лет?» —
Что скажешь ты? На дне угасших глаз?
Но злой насмешкой будет твой ответ.

Достойней прозвучали бы слова:
«Вы посмотрите на моих детей.
Моя былая свежесть в них жива.
В них оправданье старости моей».

Пускай с годами стынущая кровь
В наследнике твоем пылает вновь!

3

Прекрасный облик в зеркале ты видишь,
И, если повторить не поспешишь
Свои черты, природу ты обидишь,
Благословенья женщину лишишь.

Какая смертная не будет рада
Отдать тебе нетронутую новь?
Или бессмертия тебе не надо,—
Так велика к себе твоя любовь?

Для материнских глаз ты — отраженье
Давно промчавшихся апрельских дней.
И ты найдешь под старость утешенье
В таких же окнах юности твоей.

Но, ограничив жизнь своей судьбою,
Ты сам умрешь, и образ твой — с тобою!

4

Растратчик милый, расточаешь ты
Свое наследство в буйстве сумасбродном.
Природа нам не дарит красоты,
А в долг дает — свободная свободным.

Прелестный скряга, ты присвоить рад
То, что дано тебе для передачи.
Несчитанный ты укрываешь клад,
Не становясь от этого богаче.

Ты заключаешь сделки сам с собой,
Себя лишая прибылей богатых.
И в грозный час, назначенный судьбой,
Какой отчет отдашь в своих растратах?

С тобою образ будущих времен,
Невоплощенный, будет погребен.

5

Украдкой время с тонким мастерством
Волшебный праздник создает для глаз.
И то же время в беге круговом
Уносит всё, что радовало нас.

Часов и дней безудержный поток
Уводит лето в сумрак зимних дней,
Где нет листвы, застыл в деревьях сок,
Земля мертва и белый плащ на ней.

И только аромат цветущих роз —
Летучий пленник, запертый в стекле,—
Напоминает в стужу и мороз
О том, что лето было на земле.

Свой прежний блеск утратили цветы,
Но сохранили душу красоты.

6

Смотри же, чтобы жесткая рука
Седой зимы в саду не побывала,
Пока не соберешь цветов, пока
Весну не сохранишь на дне фиала.

Как человек, что драгоценный вклад
С лихвой обильной получил обратно,
Себя себе вернуть ты будешь рад
С законной прибылью десятикратной.

Ты будешь жить на свете десять раз,
Десятикратно в детях повторённый,
И вправе будешь в свой последний час
Торжествовать над смертью покоренной.

Ты слишком щедро одарен судьбой,
Чтоб совершенство умерло с тобой.

7

Пылающую голову рассвет
Приподымает с ложа своего,
И все земное шлет ему привет,
Лучистое встречая божество.

Когда в расцвете сил, в полдневный час,
Светило смотрит с вышины крутой,—
С каким восторгом миллионы глаз
Следят за колесницей золотой.

Когда же солнце завершает круг
И катится устало на закат,
Глаза его поклонников и слуг
Уже в другую сторону глядят.

Оставь же сына, юность хороня.
Он встретит солнце завтрашнего дня!

8

Ты — музыка, по звукам музыкальным
Ты внемлешь с непонятною тоской.
Зачем же любишь то, что так печально,
Встречаешь муку радостью такой?

Где тайная причина этой муки?
Не потому ли грустью ты объят,
Что стройно согласованные звуки
Упреком одиночеству звучат?

Прислушайся, как дружественно струны
Вступают в строй и голос подают,—
Как будто мать, отец и отрок юный
В счастливом единении поют.

Нам говорит согласье струн в концерте,
Что одинокий путь подобен смерти.

9

Должно быть, опасаясь вдовьих слез,
Ты не связал себя ни с кем любовью.
Но если б грозный рок тебя унес,
Весь мир надел бы покрывало вдовье.

В своем ребенке скорбная вдова
Любимых черт находит отраженье.
А ты не оставляешь существа,
В котором свет нашел бы утешенье.

Богатство, что растрачивает мот,
Меняя место, в мире остается.
А красота бесследно промелькнет,
И молодость, исчезнув, не вернется.

Кто предает себя же самого —
Не любит в этом мире никого!

10

По совести скажи: кого ты любишь?
Ты знаешь, любят многие тебя.
Но так беспечно молодость ты губишь,
Что ясно всем — живешь ты, не любя.

Свой лютый враг, не зная сожаленья,
Ты разрушаешь тайно день за днем
Великолепный, ждущий обновленья,
К тебе в наследство перешедший дом.

Переменись — и я прощу обиду,
В душе любовь, а не вражду пригрей.
Будь так же нежен, как прекрасен с виду,
И стань к себе щедрее и добрей.

Пусть красота живет не только ныне,
Но повторит себя в любимом сыне.

11

Мы вянем быстро — так же, как растем,
Растем в потомках, в новом урожае.
Избыток сил в наследнике твоем
Считай своим, с годами остывая.

Вот мудрости и красоты закон.
А без него царили бы на свете
Безумье, старость до конца времен,
И мир исчез бы в шесть десятилетий.

Пусть тот, кто жизни и земле не мил,—
Безликий, грубый,— гибнет невозвратно.
А ты дары такие получил,
Что возвратить их можешь многократно.

Ты вырезан искусно, как печать,
Чтобы векам свой оттиск передать.

12

Когда часы мне говорят, что свет
Потонет скоро в грозной тьме ночной,
Когда фиалки вянет нежный цвет
И темный локон блещет сединой,

Когда листва несется вдоль дорог,
В полдневный зной хранившая стада,
И нам кивает с погребальных дрог
Седых снопов густая борода,—

Я думаю о красоте твоей,
О том, что ей придется отцвести,
Как всем цветам лесов, лугов, полей,
Где новое готовится расти.

Но если смерти серп неумолим,
Оставь потомков, чтобы спорить с ним!

13

Не изменяйся, будь самим собой.
Ты можешь быть собой, пока живешь.
Когда же смерть разрушит облик твой,
Пусть будет кто-то на тебя похож.

Тебе природой красота дана
На очень краткий срок, и потому
Пускай к потомку перейдет она,—
Как бы опять к тебе же самому.

В заботливых руках прекрасный дом
Не дрогнет перед яростью зимы.
Пусть никогда не воцарится в нем
Безмолвье смерти, холода и тьмы,

Чтоб мог твой сын, оплакав твой конец,
Сказать, как ты: — Был у меня отец!

14

Я не по звездам о судьбе гадаю,
И астрономия не скажет мне,
Какие звезды в небе к урожаю,
К чуме, пожару, голоду, войне.

Не знаю я, ненастье иль погоду
Сулит зимой и летом календарь,
И не могу судить по небосводу,
Какой счастливей будет государь.

Но вижу я в твоих глазах предвестье,
По неизменным звездам узнаю,
Что правда с красотой пребудут вместе,
Когда продлишь в потомках жизнь свою.

А если нет,— под гробовой плитою
Исчезнет правда вместе с красотою.

15

Когда подумаю, что миг единый
От увяданья отделяет рост,
Что этот мир — подмостки, где картины
Сменяются под волхвованье звезд,

Что нас, как всходы нежные растений,
Растят и губят те же небеса,
Что смолоду в нас бродит сок весенний,
Но вянет наша сила и краса,—

О, как я дорожу твоей весною,
Твоей прекрасной юностью в цвету.
А время на тебя идет войною
И день твой ясный гонит в темноту.

Но пусть мой стих, как острый нож садовый,
Твой век возобновит прививкой новой.

16

Но если время нам грозит осадой,
То почему в расцвете сил своих
Не защитишь ты молодость оградой
Надежнее, чем мой бесплодный стих?

Вершины ты достиг пути земного,
И столько юных, девственных сердец
Твой нежный облик повторить готовы,
Как не повторит кисть или резец.

Так жизнь исправит всё, что изувечит.
И если ты любви себя отдашь,
Она тебя верней увековечит,
Чем этот беглый, хрупкий карандаш.

Отдав себя, ты сохранишь навеки
Себя в созданье новом — в человеке.

17

Как мне уверить в доблестях твоих
Тех, до кого дойдет моя страница?
Но знает бог, что этот скромный стих
Сказать не может больше, чем гробница.

Попробуй я оставить твой портрет,
Изобразить стихами взор чудесный,—
Потомок только скажет: «Лжет поэт,
Придав лицу земному свет небесный!»

И этот старый, пожелтевший лист
Отвергнет он, как болтуна седого,
Сказав небрежно: «Старый плут речист,
Да правды нет в его речах ни слова!»

Но доживи твой сын до этих дней,
Ты жил бы в нем, как и в строфе моей.

18

Сравню ли с летним днем твои черты?
Но ты милей, умеренней и краше.
Ломает буря майские цветы,
И так недолговечно лето наше!

То нам слепит глаза небесный глаз,
То светлый лик скрывает непогода.
Ласкает, нежит и терзает нас
Своей случайной прихотью природа.

А у тебя не убывает день,
Не увядает солнечное лето.
И смертная тебя не скроет тень,—
Ты будешь вечно жить в строках поэта.

Среди живых ты будешь до тех пор,
Доколе дышит грудь и видит взор.

19

Ты притупи, о время, когти льва,
Клыки из пасти леопарда рви,
В прах обрати земные существа
И феникса сожги в его крови.

Зимою, летом, осенью, весной
Сменяй улыбкой слезы, плачем — смех.
Что хочешь делай с миром и со мной,—
Один тебе я запрещаю грех.

Чело, ланиты друга моего
Не борозди тупым своим резцом.
Пускай черты прекрасные его
Для всех времен послужат образцом.

А коль тебе не жаль его ланит,
Мой стих его прекрасным сохранит!

20

Лик женщины, но строже, совершенней
Природы изваяло мастерство.
По-женски нежен ты, но чужд измене,
Царь и царица сердца моего.

Твой ясный взор лишен игры лукавой,
Но золотит сияньем всё вокруг.
Он мужествен и властью величавой
Друзей пленяет и разит подруг.

Тебя природа женщиною милой
Задумала, но, страстью пленена,
Ненужной мне приметой наделила,
А женщин осчастливила она.

Пусть будет так. Но вот мое условье:
Люби меня, а их дари любовью.

21

Не соревнуюсь я с творцами од,
Которые раскрашенным богиням
В подарок преподносят небосвод
Со всей землей и океаном синим.

Пускай они для украшенья строф
Твердят в стихах, между собою споря,
О звездах неба, о венках цветов,
О драгоценностях земли и моря.

В любви и в слове — правда мой закон,
И я пишу, что милая прекрасна,
Как все, кто смертной матерью рожден,
А не как солнце или месяц ясный.

Я не хочу хвалить любовь мою,—
Я никому ее не продаю!

22

Лгут зеркала,— какой же я старик!
Я молодость твою делю с тобою.
Но если дни избороздят твой лик,
Я буду знать, что побежден судьбою.

Как в зеркало, глядясь в твои черты,
Я самому себе кажусь моложе.
Мне молодое сердце даришь ты,
И я тебе свое вручаю тоже.

Старайся же себя оберегать —
Не для себя: хранишь ты сердце друга.
А я готов, как любящая мать,
Беречь твое от горя и недуга.

Одна судьба у наших двух сердец:
Замрет мое — и твоему конец!

23

Как тот актер, который, оробев,
Теряет нить давно знакомой роли,
Как тот безумец, что, впадая в гнев,
В избытке сил теряет силу воли,—

Так я молчу, не зная, что сказать,
Не оттого, что сердце охладело.
Нет, на мои уста кладет печать
Моя любовь, которой нет предела.

Так пусть же книга говорит с тобой.
Пускай она, безмолвный мой ходатай,
Идет к тебе с признаньем и мольбой
И справедливой требует расплаты.

Прочтешь ли ты слова любви немой?
Услышишь ли глазами голос мой?

24

Мой глаз гравёром стал и образ твой
Запечатлел в моей груди правдиво.
С тех пор служу я рамою живой,
А лучшее в искусстве — перспектива.

Сквозь мастера смотри на мастерство,
Чтоб свой портрет увидеть в этой раме.
Та мастерская, что хранит его,
Застеклена любимыми глазами.

Мои глаза с твоими так дружны:
Моими я тебя в душе рисую.
Через твои с небесной вышины
Заглядывает солнце в мастерскую.

Увы, моим глазам через окно
Твое увидеть сердце не дано.

25

Кто под звездой счастливою рожден —
Гордится славой, титулом и властью.
А я судьбой скромнее награжден,
И для меня любовь — источник счастья.

Под солнцем пышно листья распростер
Наперсник принца, ставленник вельможи.
Но гаснет солнца благосклонный взор,
И золотой подсолнух гаснет тоже.

Военачальник, баловень побед,
В бою последнем терпит пораженье,
И всех его заслуг потерян след.
Его удел — опала и забвенье.

Но нет угрозы титулам моим
Пожизненным: любил, люблю, любим.

26

Покорный данник, верный королю,
Я, движимый почтительной любовью,
К тебе посольство письменное шлю,
Лишенное красот и острословья.

Я не нашел тебя достойных слов.
Но, если чувства верные оценишь,
Ты этих бедных и нагих послов
Своим воображением оденешь.

А может быть, созвездья, что ведут
Меня вперед неведомой дорогой,
Нежданный блеск и славу придадут
Моей судьбе, безвестной и убогой.

Тогда любовь я покажу свою,
А до поры во тьме ее таю.

27

Трудами изнурен, хочу уснуть,
Блаженный отдых обрести в постели.
Но только лягу, вновь пускаюсь в путь —
В своих мечтах — к одной и той же цели.

Мои мечты и чувства в сотый раз
Идут к тебе дорогой пилигрима,
И, не смыкая утомленных глаз,
Я вижу тьму, что и слепому зрима.

Усердным взором сердца и ума
Во тьме тебя ищу, лишенный зренья.
И кажется великолепной тьма,
Когда в нее ты входишь светлой тенью.

Мне от любви покоя не найти.
И днем и ночью — я всегда в пути.

28

Как я могу усталость превозмочь,
Когда лишен я благости покоя?
Тревоги дня не облегчает ночь,
А ночь, как день, томит меня тоскою.

И день и ночь — враги между собой —
Как будто подают друг другу руки.
Тружусь я днем, отвергнутый судьбой,
А по ночам не сплю, грустя в разлуке.

Чтобы к себе расположить рассвет,
Я сравнивал с тобою день погожий
И смуглой ночи посылал привет,
Сказав, что звезды на тебя похожи.

Но все трудней мой следующий день,
И все темней грядущей ночи тень.

29

Когда, в раздоре с миром и судьбой,
Припомнив годы, полные невзгод,
Тревожу я бесплодною мольбой
Глухой и равнодушный небосвод

И, жалуясь на горестный удел,
Готов меняться жребием своим
С тем, кто в искусстве больше преуспел,
Богат надеждой и людьми любим,—

Тогда, внезапно вспомнив о тебе,
Я малодушье жалкое кляну,
И жаворонком, вопреки судьбе,
Моя душа несется в вышину.

С твоей любовью, с памятью о ней
Всех королей на свете я сильней.

30

Когда на суд безмолвных, тайных дум
Я вызываю голоса былого,—
Утраты все приходят мне на ум,
И старой болью я болею снова.

Из глаз, не знавших слез, я слезы лью
О тех, кого во тьме таит могила,
Ищу любовь погибшую мою
И все, что в жизни мне казалось мило.

Веду я счет потерянному мной
И ужасаюсь вновь потере каждой,
И вновь плачу я дорогой ценой
За то, за что платил уже однажды!

Но прошлое я нахожу в тебе
И все готов простить своей судьбе.

31

В твоей груди я слышу все сердца,
Что я считал сокрытыми в могилах.
В чертах прекрасных твоего лица
Есть отблеск лиц, когда-то сердцу милых.

Немало я над ними пролил слез,
Склоняясь ниц у камня гробового,
Но, видно, рок на время их унес,—
И вот теперь встречаемся мы снова.

В тебе нашли последний свой приют
Мне близкие и памятные лица,
И все тебе с поклоном отдают
Моей любви растраченной частицы.

Всех дорогих в тебе я нахожу
И весь тебе — им всем — принадлежу.

32

О, если ты тот день переживешь,
Когда меня накроет смерть доскою,
И эти строчки бегло перечтешь,
Написанные дружеской рукою,—

Сравнишь ли ты меня и молодежь?
Ее искусство выше будет вдвое.
Но пусть я буду по́-милу хорош
Тем, что при жизни полон был тобою.

Ведь если бы я не отстал в пути,
С растущим веком мог бы я расти
И лучшие принес бы посвященья
Среди певцов иного поколенья.

Но так как с мертвым спор ведут они,—
Во мне любовь, в них мастерство цени!

33

Я наблюдал, как солнечный восход
Ласкает горы взором благосклонным,
Потом улыбку шлет лугам зеленым
И золотит поверхность бледных вод.

Но часто позволяет небосвод
Слоняться тучам перед светлым троном.
Они ползут над миром омраченным,
Лишая землю царственных щедрот.

Так солнышко мое взошло на час,
Меня дарами щедро осыпая.
Подкралась туча хмурая, слепая,
И нежный свет любви моей угас.

Но не ропщу я на печальный жребий,—
Бывают тучи на земле, как в небе.

34

Блистательный мне был обещан день,
И без плаща я свой покинул дом.
Но облаков меня догнала тень,
Настигла буря с градом и дождем.

Пускай потом, пробившись из-за туч,
Коснулся нежно моего чела,
Избитого дождем, твой кроткий луч,—
Ты исцелить мне раны не могла.

Меня не радует твоя печаль,
Раскаянье твое не веселит.
Сочувствие обидчика едва ль
Залечит язвы жгучие обид.

Но слез твоих, жемчужных слез ручьи,
Как ливень, смыли все грехи твои!

35

Ты не грусти, сознав свою вину.
Нет розы без шипов; чистейший ключ
Мутят песчинки; солнце и луну
Скрывает тень затменья или туч.

Мы все грешны, и я не меньше всех
Грешу в любой из этих горьких строк,
Сравненьями оправдывая грех,
Прощая беззаконно твой порок.

Защитником я прихожу на суд,
Чтобы служить враждебной стороне.
Моя любовь и ненависть ведут
Войну междоусобную во мне.

Хоть ты меня ограбил, милый вор,
Но я делю твой грех и приговор.

36

Признáюсь я, что двое мы с тобой,
Хотя в любви мы существо одно.
Я не хочу, чтоб мой порок любой
На честь твою ложился как пятно.

Пусть нас в любви одна связует нить,
Но в жизни горечь разная у нас.
Она любовь не может изменить,
Но у любви крадет за часом час.

Как осужденный, права я лишен
Тебя при всех открыто узнавать,
И ты принять не можешь мой поклон,
Чтоб не легла на честь твою печать.

Ну что ж, пускай!.. Я так тебя люблю,
Что весь я твой и честь твою делю!

37

Как радует отца на склоне дней
Наследников отвага молодая,
Так правдою и славою твоей
Любуюсь я, бесславно увядая.

Великодушье, знатность, красота,
И острый ум, и сила, и здоровье —
Едва ль не каждая твоя черта
Передается мне с твоей любовью.

Не беден я, не слаб, не одинок,
И тень любви, что на меня ложится,
Таких щедрот несет с собой поток,
Что я живу одной ее частицей.

Все, что тебе могу я пожелать,
Нисходит от тебя, как благодать.

38

Неужто музе не хватает темы,
Когда ты можешь столько подарить
Чудесных дум, которые не все мы
Достойны на бумаге повторить.

И если я порой чего-то сто́ю,
Благодари себя же самого.
Тот поражен душевной немотою,
Кто в честь твою не скажет ничего.

Для нас ты будешь музою десятой
И в десять раз прекрасней остальных,
Чтобы стихи, рожденные когда-то,
Мог пережить тобой внушенный стих.

Пусть будущие славят поколенья
Нас за труды, тебя — за вдохновенье.

39

О, как тебе хвалу я воспою,
Когда с тобой одно мы существо?
Нельзя же славить красоту свою,
Нельзя хвалить себя же самого.

Затем-то мы и существуем врозь,
Чтоб оценил я прелесть красоты
И чтоб тебе услышать довелось
Хвалу, которой сто́ишь только ты.

Разлука тяжела нам, как недуг,
Но временами одинокий путь
Счастливейшим мечтам дает досуг
И позволяет время обмануть.

Разлука сердце делит пополам,
Чтоб славить друга легче было нам.

40

Все страсти, все любви мои возьми —
От этого приобретешь ты мало.
Всё, что любовью названо людьми,
И без того тебе принадлежало.

Тебе, мой друг, не ставлю я в вину,
Что ты владеешь тем, чем я владею.
Нет, я в одном тебя лишь упрекну,
Что пренебрег любовью ты моею.

Ты нищего лишил его сумы,
Но я простил пленительного вора.
Любви обиды переносим мы
Трудней, чем яд открытого раздора.

О ты, чье зло мне кажется добром,
Убей меня, но мне не будь врагом!

41

Беспечные обиды юных лет,
Что ты наносишь мне, не зная сам,
Когда меня в твоем сознанье нет,—
К лицу твоим летам, твоим чертам.

Приветливый,— ты лестью окружен,
Хорош собой,— соблазну ты открыт.
А перед лаской искушенных жен
Сын женщины едва ли устоит.

Но жалко, что в избытке юных сил
Меня не обошел ты стороной
И тех сердечных уз не пощадил,
Где должен был нарушить долг двойной.

Неверную своей красой пленя,
Ты дважды правду отнял у меня.

42

Полгоря в том, что ты владеешь ею,
Но сознавать и видеть, что она
Тобой владеет,— вдвое мне больнее.
Твоей любви утрата мне страшна.

Я сам для вас придумал оправданье:
Любя меня, ее ты полюбил,
А милая тебе дарит свиданья
За то, что ты мне бескопечно мил.

И если мне терять необходимо,—
Свои потери вам я отдаю:
Ее любовь нашел мой друг любимый,
Любимая нашла любовь твою.

Но если друг и я — одно и то же,
То я, как прежде, ей всего дороже...

43

Смежая веки, вижу я острей.
Открыв глаза, гляжу, не замечая,
Но светел темный взгляд моих очей,
Когда во сне к тебе их обращаю.

И если так светла ночная тень —
Твоей неясной тени отраженье,—
То как велик твой свет в лучистый день.
Насколько явь светлее сновиденья!

Каким бы счастьем было для меня —
Проснувшись утром, увидать воочью
Тот ясный лик в лучах живого дня,
Что мне светил туманно мертвой ночью.

День без тебя казался ночью мне,
А день я видел по ночам во сне.

44

Когда бы мыслью стала эта плоть,—
О, как легко, наперекор судьбе,
Я мог бы расстоянье побороть
И в тот же миг перенестись к тебе.

Будь я в любой из отдаленных стран,
Я миновал бы тридевять земель.
Пересекают мысли океан
С той быстротой, с какой наметят цель.

Пускай моя душа — огонь и дух,
Но за мечтой, родившейся в мозгу,
Я, созданный из элементов двух —
Земли с водой,— угнаться не могу.

Земля,— к земле навеки я прирос,
Вода,— я лью потоки горьких слез.

45

Другие две основы мирозданья —
Огонь и воздух — более легки.
Дыханье мысли и огонь желанья
Я шлю к тебе, пространству вопреки.

Когда они — две вольные стихии —
К тебе любви посольством улетят,
Со мною остаются остальные
И тяжестью мне душу тяготят.

Тоскую я, лишенный равновесья,
Пока стихии духа и огня
Ко мне обратно не примчатся с вестью,
Что друг здоров и помнит про меня.

Как счастлив я!.. Но вновь через мгновенье
Летят к тебе и мысли и стремленья.

46

Мой глаз и сердце — издавна в борьбе:
Они тебя не могут поделить.
Мой глаз твой образ требует себе,
А сердце в сердце хочет утаить.

Клянется сердце верное, что ты
Невидимо для глаз хранишься в нем.
А глаз уверен, что твои черты
Хранит он в чистом зеркале своем.

Чтоб рассудить междоусобный спор,
Собрались мысли за столом суда
И помирить решили ясный взор
И дорогое сердце навсегда.

Они на части разделили клад,
Доверив сердце сердцу, взгляду — взгляд.

47

У сердца с глазом — тайный договор:
Они друг другу облегчают муки,
Когда тебя напрасно ищет взор
И сердце задыхается в разлуке.

Твоим изображеньем зоркий глаз
Дает и сердцу любоваться вволю.
А сердце глазу в свой урочный час
Мечты любовной уступает долю.

Так в помыслах моих иль во плоти
Ты предо мной в мгновение любое.
Не дальше мысли можешь ты уйти.
Я неразлучен с ней, она — с тобою.

Мой взор тебя рисует и во сне
И будит сердце спящее во мне.

48

Заботливо готовясь в дальний путь,
Я безделушки запер на замок,
Чтоб на мое богатство посягнуть
Незваный гость какой-нибудь не мог.

А ты, кого мне больше жизни жаль,
Пред кем и золото — блестящий сор,
Моя утеха и моя печаль,—
Тебя любой похитить может вор.

В каком ларце таить мне божество,
Чтоб сохранить навеки взаперти?
Где, как не в тайне сердца моего,
Откуда ты всегда вольна уйти.

Боюсь, и там нельзя укрыть алмаз,
Приманчивый для самых честных глаз!

49

В тот черный день (пусть он минует нас!),
Когда увидишь все мои пороки,
Когда терпенья истощишь запас
И мне объявишь приговор жестокий,

Когда, со мной сойдясь в толпе людской,
Меня едва подаришь взглядом ясным
И я увижу холод и покой
В твоем лице, по-прежнему прекрасном,—

В тот день поможет горю моему
Сознание, что я тебя не сто́ю,
И руку я в присяге подниму,
Всё оправдав своей неправотою.

Меня оставить вправе ты, мой друг.
А у меня для счастья нет заслуг.

50

Как тяжко мне, в пути взметая пыль,
Не ожидая дальше ничего,
Отсчитывать уныло, сколько миль
Отъехал я от счастья своего.

Усталый конь, забыв былую прыть,
Едва трусит лениво подо мной,—
Как будто знает: незачем спешить
Тому, кто разлучен с душой родной.

Хозяйских шпор не слушается он
И только ржаньем шлет мне свой укор.
Меня больнее ранит этот стон,
Чем бедного коня — удары шпор.

Я думаю, с тоскою глядя вдаль:
За мною — радость, впереди — печаль.

51

Так я оправдывал несносный нрав
Упрямого, ленивого коня,
Который был в своем упрямстве прав,
Когда в изгнанье шагом вез меня.

Но будет непростительным грехом,
Коль он обратно так же повезет.
Да поскачи на вихре я верхом,
Я думал бы: как тихо он ползет!

Желанья не догонит лучший конь,
Когда оно со ржаньем мчится вскачь.
Оно легко несется, как огонь,
И говорит ленивейшей из кляч:

— Ты, бедная, шажком себе иди,
А я помчусь на крыльях впереди!

52

Как богачу, доступно мне в любое
Мгновенье сокровище мое.
Но знаю я, что хрупко острие
Минут счастливых, данных мне судьбою.

Нам праздники, столь редкие в году,
Несут с собой тем большее веселье.
И редко расположены в ряду
Других камней алмазы ожерелья.

Пускай сгрывает время, как ларец,
Тебя, мой друг, венец мой драгоценный,
Но счастлив я, когда алмаз свой пленный
Оно освобождает наконец.

Ты мне даришь и торжество свиданья,
И трепетную радость ожиданья.

53

Какою ты стихией порожден?
Все по одной отбрасывают тени,
А за тобою вьется миллион
Твоих теней, подобий, отражений.

Вообразим Адóниса портрет,—
С тобой он схож, как слепок твой дешевый.
Елене в древности дивился свет.
Ты — древнего искусства образ новый.

Невинную весну и зрелый год
Хранит твой облик, внутренний и внешний:
Как время жатвы, полон ты щедрот,
А видом день напоминаешь вешний.

Всё, что прекрасно, мы зовем твоим.
Но с чем же сердце верное сравним?

54

Прекрасное прекрасней во сто крат,
Увенчанное правдой драгоценной.
Мы в нежных розах ценим аромат,
В их пурпуре живущий сокровенно.

Пусть у цветов, где свил гнездо порок,
И стебель, и шипы, и листья те же,
И так же пурпур лепестков глубок,
И тот же венчик, что у розы свежей,—

Они цветут, не радуя сердец,
И вянут, отравляя нам дыханье.
А у душистых роз иной конец:
Их душу перельют в благоуханье.

Когда погаснет блеск очей твоих,
Вся прелесть правды перельется в стих.

55

Замшелый мрамор царственных могил
Исчезнет раньше этих веских слов,
В которых я твой образ сохранил.
К ним не пристанет пыль и грязь веков.

Пусть опрокинет статуи война,
Мятеж развеет каменщиков труд,
Но врезанные в память письмена
Бегущие столетья не сотрут.

Ни смерть не увлечет тебя на дно,
Ни темного забвения вражда.
Тебе с потомством дальним суждено,
Мир износив, увидеть день суда.

Итак, до пробуждения живи
В стихах, в сердцах, исполненных любви!

56

Проснись, любовь! Твое ли острие
Тупей, чем жало голода и жажды?
Как ни обильны яства и питье,
Нельзя навек насытиться однажды.

Так и любовь. Ее голодный взгляд
Сегодня утолен до утомленья,
А завтра снова ты огнем объят,
Рожденным для горенья, а не тленья.

Чтобы любовь была нам дорога,
Пусть океаном будет час разлуки,
Пусть двое, выходя на берега,
Один к другому простирают руки.

Пусть зимней стужей будет этот час,
Чтобы весна теплей пригрела нас!

57

Для верных слуг нет ничего другого,
Как ожидать у двери госпожу.
Так, прихотям твоим служить готовый,
Я в ожиданье время провожу.

Я про себя бранить не смею скуку,
За стрелками часов твоих следя.
Не проклинаю горькую разлуку,
За дверь твою по знаку выходя.

Не позволяю помыслам ревнивым
Переступать заветный твой порог,
И, бедный раб, считаю я счастливым
Того, кто час пробыть с тобою мог.

Что хочешь делай. Я лишился зренья,
И нет во мне ни тени подозренья.

58

Избави бог, меня лишивший воли,
Чтоб я посмел твой проверять досуг,
Считать часы и спрашивать: доколе?
В дела господ не посвящают слуг.

Зови меня, когда тебе угодно,
А до того я буду терпелив.
Удел мой — ждать, пока ты не свободна,
И сдерживать упрек или порыв.

Ты предаешься ль делу иль забаве,—
Сама ты госпожа своей судьбе.
И, провинившись пред собой, ты вправе
Свою вину прощать самой себе.

В часы твоих забот иль наслажденья
Я жду тебя в тоске, без осужденья...

59

Уж если нет на свете новизны,
А есть лишь повторение былого
И понапрасну мы страдать должны,
Давно рожденное рождая снова,—

Пусть наша память, пробежавши вспять
Пятьсот кругов, что солнце очертило,
Сумеет в древней книге отыскать
Запечатленный в слове лик твой милый.

Тогда б я знал, что думали в те дни
Об этом чуде, сложно совершенном,
Ушли ли мы вперед, или они,
Иль этот мир остался неизменным.

Но верю я, что лучшие слова
В честь меньшего слагались божества!

60

Как движется к земле морской прибой,
Так и ряды бессчетные минут,
Сменяя предыдущие собой,
Поочередно к вечности бегут.

Младенчества новорождённый серп
Стремится к зрелости и наконец,
Кривых затмений испытав ущерб,
Сдает в борьбе свой золотой венец.

Резец годов у жизни на челе
За полосой проводит полосу.
Всё лучшее, что дышит на земле,
Ложится под разящую косу.

Но время не сметет моей строки,
Где ты пребудешь смерти вопреки!

61

Твоя ль вина, что милый образ твой
Не позволяет мне сомкнуть ресницы
И, стоя у меня над головой,
Тяжелым векам не дает закрыться?

Твоя ль душа приходит в тишине
Мои дела и помыслы проверить,
Всю ложь и праздность обличить во мне,
Всю жизнь мою, как свой удел, измерить?

О нет, любовь твоя не так сильна,
Чтоб к моему являться изголовью.
Моя, моя любовь не знает сна.
На страже мы стоим с моей любовью.

Я не могу забыться сном, пока
Ты — от меня вдали — к другим близка.

62

Любовь к себе моим владеет взором.
Она проникла в кровь мою и плоть.
И есть ли средство на земле, которым
Я эту слабость мог бы побороть?

Мне кажется, нет равных красотою,
Правдивей нет на свете никого,
Мне кажется, так дорого я сто́ю,
Как ни одно земное существо.

Когда же невзначай в зеркальной глади
Я вижу настоящий образ свой
В морщинах лет,— на этот образ глядя,
Я сознаюсь в ошибке роковой.

Себя, мой друг, я подменял тобою,
Век уходящий — юною судьбою.

63

Про черный день, когда моя любовь,
Как я теперь, узнает жизни бремя,
Когда с годами оскудеет кровь
И гладкое чело изрежет время,

Когда к обрыву ночи подойдет,
Пройдя полкруга, новое светило
И потеряет краски небосвод,
В котором солнце только что царило,—

Про черный день оружье я припас,
Чтоб воевать со смертью и забвеньем,
Чтобы любимый образ не угас,
А был примером дальним поколеньям.

Оружье это — черная строка.
В ней все цвета переживут века.

64

Мы видели, как времени рука
Срывает всё, во что рядится время,
Как сносят башню гордую века
И рушит медь тысячелетий бремя,

Как пядь за пядью у прибрежных стран
Захватывает землю зыбь морская,
Меж тем как суша грабит океан,
Расход приходом мощным покрывая,

Как пробегает дней круговорот
И королевства близятся к распаду...
Всё говорит о том, что час пробьет —
И время унесет мою отраду.

А это — смерть!.. Печален мой удел.
Каким я хрупким счастьем овладел!

65

Уж если медь, гранит, земля и море
Не устоят, когда придет им срок,
Как может уцелеть, со смертью споря,
Краса твоя — беспомощный цветок?

Как сохранить дыханье розы алой,
Когда осада тяжкая времен
Незыблемые сокрушает скалы
И рушит бронзу статуй и колонн?

О, горькое раздумье!.. Где, какое
Для красоты убежище найти?
Как, маятник остановив рукою,
Цвет времени от времени спасти?..

Надежды нет. Но светлый облик милый
Спасут, быть может, черные чернила!

66

Зову я смерть. Мне видеть невтерпёж
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,
И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой,
И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновенья зажатый рот,
И праведность на службе у порока.

Всё мерзостно, что вижу я вокруг...
Но как тебя покинуть, милый друг!

67

Спроси, зачем в пороках он живет?
Чтобы служить бесчестью оправданьем?
Чтобы грехам приобрести почет
И ложь прикрыть своим очарованьем?

Зачем искусства мертвые цвета
Крадут его лица огонь весенний?
Зачем лукаво ищет красота
Поддельных роз, фальшивых украшений?

Зачем его хранит природа-мать,
Когда она давно уже не в силах
В его щеках огнем стыда пылать,
Играть живою кровью в этих жилах?

Хранит затем, чтоб знал и помнил свет
О том, что было и чего уж нет!

68

Его лицо — одно из отражений
Тех дней, когда на свете красота
Цвела свободно, как цветок весенний,
И не рядилась в ложные цвета,

Когда никто в кладбищенской ограде
Не смел нарушить мертвенный покой
И дать забытой золотистой пряди
Вторую жизнь на голове другой.

Его лицо приветливо и скромно,
Уста поддельных красок лишены,
В его весне нет зелени заемной
И новизна не грабит старины.

Его хранит природа для сравненья
Прекрасной правды с ложью украшенья.

69

В том внешнем, что в тебе находит взор,
Нет ничего, что хочется исправить.
Вражды и дружбы общий приговор
Не может к правде черточки прибавить.

За внешний облик — внешний и почет.
Но голос тех же судей неподкупных
Звучит иначе, если речь зайдет
О свойствах сердца, глазу недоступных.

Толкует о душе твоей молва.
А зеркало души — ее деянья.
И заглушает сорная трава
Твоих сладчайших роз благоуханье.

Твой нежный сад запущен потому,
Что он доступен всем и никому.

70

То, что тебя бранят,— не твой порок.
Прекрасное обречено молве.
Его не может очернить упрек —
Ворона в лучезарной синеве.

Ты хороша, но хором клеветы
Еще дороже ты оценена.
Находит червь нежнейшие цветы,
А ты невинна, как сама весна.

Избегла ты засады юных дней,
Иль нападавший побежден был сам,
Но чистотой и правдою своей
Ты не замкнешь уста клеветникам.

Без этой легкой тени на челе
Одна бы ты царила на земле!

71

Ты погрусти, когда умрет поэт,
Покуда звон ближайшей из церквей
Не возвестит, что этот низкий свет
Я променял на низший мир червей.

И если перечтешь ты мой сонет,
Ты о руке остывшей не жалей.
Я не хочу туманить нежный цвет
Очей любимых памятью своей.

Я не хочу, чтоб эхо этих строк
Меня напоминало вновь и вновь.
Пускай замрут в один и тот же срок
Мое дыханье и твоя любовь!..

Я не хочу, чтобы своей тоской
Ты предала себя молве людской.

72

Дабы не мог тебя заставить свет
Рассказывать, что ты во мне любила,—
Забудь меня, когда на склоне лет
Иль до того возьмет меня могила.

Так мало ты хорошего найдешь,
Перебирая все мои заслуги,
Что поневоле, говоря о друге,
Придумаешь спасительную ложь.

Чтоб истинной любви не запятнать
Каким-нибудь воспоминаньем ложным,
Меня скорей из памяти изгладь,—

Иль дважды мне ответ придется дать:
За то, что был при жизни столь ничтожным
И что потом тебя заставил лгать!

73

То время года видишь ты во мне,
Когда один-другой багряный лист
От холода трепещет в вышине —
На хорах, где умолк веселый свист.

Во мне ты видишь тот вечерний час,
Когда поблек на западе закат
И купол неба, отнятый у нас,
Подобьем смерти — сумраком объят.

Во мне ты видишь блеск того огня,
Который гаснет в пепле прошлых дней,
И то, что жизнью было для меня,
Могилою становится моей.

Ты видишь всё. Но близостью конца
Теснее наши связаны сердца!

74

Когда меня отправят под арест
Без выкупа, залога и отсрочки,
Не глыба камня, не могильный крест —
Мне памятником будут эти строчки.

Ты вновь и вновь найдешь в моих стихах
Всё, что во мне тебе принадлежало.
Пускай земле достанется мой прах,—
Ты, потеряв меня, утратишь мало.

С тобою будет лучшее во мне.
А смерть возьмет от жизни быстротечной
Осадок, остающийся на дне,
То, что похитить мог бродяга встречный.

Ей — черепки разбитого ковша,
Тебе — мое вино, моя душа.

75

Ты утоляешь мой голодный взор,
Как землю освежительная влага.
С тобой веду я бесконечный спор,
Как со своей сокровищницей скряга.

То счастлив он, то мечется во сне,
Боясь шагов, звучащих за стеною,
То хочет быть с ларцом наедине,
То рад блеснуть сверкающей казною.

Так я, вкусив блаженство на пиру,
Терзаюсь жаждой в ожиданье взгляда.
Живу я тем, что у тебя беру,
Моя надежда, мука и награда.

В томительном чередованье дней
То я богаче всех, то всех бедней.

76

Увы, мой стих не блещет новизной,
Разнообразьем перемен нежданных.
Не поискать ли мне тропы иной,
Приемов новых, сочетаний странных?

Я повторяю прежнее опять,
В одежде старой появляюсь снова,
И кажется, по имени назвать
Меня в стихах любое может слово.

Всё это оттого, что вновь и вновь
Решаю я одну свою задачу:
Я о тебе пишу, моя любовь,
И то же сердце, те же силы трачу.

Всё то же солнце ходит надо мной,
Но и оно не блещет новизной.

77

Седины ваши зеркало покажет,
Часы — потерю золотых минут.
На белую страницу строчка ляжет —
И вашу мысль увидят и прочтут.

По черточкам морщин в стекле правдивом
Мы все ведем своим утратам счет.
А в шорохе часов неторопливом
Украдкой время к вечности течет.

Запечатлейте беглыми словами
Всё, что не в силах память удержать.
Своих детей, давно забытых вами,
Когда-нибудь вы встретите опять.

Как часто эти найденные строки
Для нас таят бесценные уроки.

78

Тебя я музой называл своею
Так часто, что теперь наперебой
Поэты, переняв мою затею,
Свои стихи украсили тобой.

Глаза, что петь немого научили,
Заставили невежество летать,—
Искусству тонкому придали крылья,
Изяществу — величия печать,

И всё же горд своим я приношеньем,
Хоть мне такие крылья не даны.
Стихам других ты служишь украшеньем,
Мои стихи тобою рождены.

Поэзия — в тебе. Простые чувства
Ты возвышать умеешь до искусства.

79

Когда один я находил истоки
Поэзии в тебе, блистал мой стих.
Но как теперь мои померкли строки
И голос музы немощной затих!

Я сознаю своих стихов бессилье.
Но всё, что можно о тебе сказать,
Поэт в твоем находит изобилье,
Чтобы тебе преподнести опять.

Он славит добродетель, это слово
Украв у поведенья твоего,
Он воспевает красоту, но снова
Приносит дар, ограбив божество.

Благодарить не должен тот, кто платит
Сполна за всё, что стихотворец тратит,

80

Мне изменяет голос мой и стих,
Когда подумаю, какой певец
Тебя прославил громом струн своих,
Меня молчать заставив наконец.

Но так как вольный океан широк
И с кораблем могучим наравне
Качает скромный маленький челнок,—
Дерзнул я появиться на волне.

Лишь с помощью твоей средь бурных вод
Могу держаться, не иду ко дну.
А он в сиянье парусов плывет,
Бездонную тревожа глубину.

Пускай его победный ждет венец,
Я не страшусь в любви найти конец.

81

Тебе ль меня придется хоронить
Иль мне тебя,— не знаю, друг мой милый.
Но пусть судьбы твоей прервется нить,
Твой образ не исчезнет за могилой.

Ты сохранишь и жизнь и красоту,
А от меня ничто не сохранится.
На кладбище покой я обрету,
А твой приют — открытая гробница.

Твой памятник — восторженный мой стих.
Кто не рожден еще, его услышит.
И мир повторит повесть дней твоих,
Когда умрут все те, кто ныне дышит.

Ты будешь жить, земной покинув прах,
Там, где живет дыханье,— на устах!

82

Не обручен ты с музою моей,
И часто снисходителен твой суд,
Когда тебе поэты наших дней
Красноречиво посвящают труд.

Твой ум изящен, как твои черты,
Гораздо тоньше всех моих похвал.
И поневоле строчек ищешь ты
Новее тех, что я тебе писал.

Я уступить соперникам готов.
Но после риторических потуг
Яснее станет правда этих слов,
Что пишет просто говорящий друг.

Бескровным краска яркая нужна,
Твоя же кровь и без того красна.

83

Я полагал: у красоты твоей
В поддельных красках надобности нет.
Я думал: ты прекрасней и милей
Всего, что может высказать поэт.

Вот почему молчания печать
На скромные уста мои легла,—
Дабы свое величье доказать
Без украшений красота могла.

Но ты считаешь дерзостным грехом
Моей влюбленной музы немоту.
Меж тем другие немощным стихом
Бессмертную хоронят красоту.

То, что во взоре светится твоем,
Твои певцы не выразят вдвоем.

84

Кто знает те слова, что больше значат
Правдивых слов, что ты есть только ты?
Кто у себя в сокровищнице прячет
Пример тебе подобной красоты?

Как беден стих, который не прибавил
Достоинства виновнику похвал.
Но только тот в стихах себя прославил,
Кто попросту тебя тобой назвал.

Пересказав, что сказано природой,
Он создает правдивый твой портрет,
Которому бесчисленные годы
Восторженно дивиться будет свет.

А голоса тебе любезной лести
Звучат хулой твоей красе и чести!

85

Моя немая муза так скромна.
Меж тем поэты лучшие кругом
Тебе во славу чертят письмена
Краснопречивым золотым пером.

Моя богиня тише всех богинь.
И я, как малограмотный дьячок,
Умею только возглашать «аминь!»
В конце торжественно звучащих строк.

Я говорю: «Конечно!», «Так и есть!»,
Когда поэты произносят стих,
Твоим заслугам воздавая честь,—
Но сколько чувства в помыслах моих!

За громкие слова цени певцов,
Меня — за мысли тихие, без слов.

86

Его ли стих — могучий шум ветрил,
Несущихся в погоню за тобою,—
Все замыслы во мне похоронил,
Утробу сделав урной гробовою?

Его ль рука, которую писать
Учил какой-то дух, лишенный тела,
На робкие уста кладет печать,
Достигнув в мастерстве своем предела?

О нет, ни он, ни дружественный дух —
Его ночной советчик бестелесный —
Так не могли ошеломить мой слух
И страхом поразить мой дар словесный.

Но если ты с его не сходишь уст,—
Мой стих, как дом, стоит открыт и пуст.

87

Прощай! Тебя удерживать не смею.
Я дорого ценю любовь твою.
Мне не по средствам то, чем я владею,
И я залог покорно отдаю.

Я, как подарком, пользуюсь любовью.
Заслугами не куплена она.
И, значит, добровольное условье
По прихоти нарушить ты вольна.

Дарила ты, цены не зная кладу
Или не зная, может быть, меня.
И не по праву взятую награду
Я сохранял до нынешнего дня.

Был королем я только в сновиденье.
Меня лишило трона пробужденье.

88

Когда захочешь, охладев ко мне,
Предать меня насмешке и презренью,
Я на твоей останусь стороне
И честь твою не опорочу тенью.

Отлично зная каждый свой порок,
Я рассказать могу такую повесть,
Что навсегда сниму с тебя упрек,
Запятнанную оправдаю совесть.

И буду благодарен я судьбе:
Пускай в борьбе терплю я неудачу,
Но честь победы приношу тебе
И дважды обретаю все, что трачу.

Готов я жертвой быть неправоты,
Чтоб только правой оказалась ты.

89

Скажи, что ты нашла во мне черту,
Которой вызвана твоя измена.
Ну, осуди меня за хромоту —
И буду я ходить, согнув колено.

Ты не найдешь таких обидных слов,
Чтоб оправдать внезапность охлажденья,
Как я найду. Я стать другим готов,
Чтоб дать тебе права на отчужденье.

Дерзну ли о тебе упомянуть?
Считать я буду память вероломством
И при других не выдам как-нибудь,
Что мы старинным связаны знакомством.

С самим собою буду я в борьбе:
Мне тот враждебен, кто не мил тебе!

90

Уж если ты разлюбишь,— так теперь,
Теперь, когда весь мир со мной в раздоре.
Будь самой горькой из моих потерь,
Но только не последней каплей горя!

И если скорбь дано мне превозмочь,
Не наноси удара из засады.
Пусть бурная не разрешится ночь
Дождливым утром — утром без отрады.

Оставь меня, но не в последний миг,
Когда от мелких бед я ослабею.
Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг,
Что это горе всех невзгод больнее,

Что нет невзгод, а есть одна беда —
Твоей любви лишиться навсегда.

91

Кто хвалится родством своим со знатью,
Кто силой, кто блестящим галуном,
Кто кошельком, кто пряжками на платье,
Кто соколом, собакой, скакуном.

Есть у людей различные пристрастья,
Но каждому милей всего одно.
А у меня особенное счастье,—
В нем остальное все заключено.

Твоя любовь, мой друг, дороже клада,
Почетнее короны королей,
Наряднее богатого наряда,
Охоты соколиной веселей.

Ты можешь всё отнять, чем я владею,
И в этот миг я сразу обеднею.

92

Ты от меня не можешь ускользнуть.
Со мной ты будешь до последних дней.
С любовью связан жизненный мой путь,
И кончиться он должен вместе с ней.

Зачем же мне бояться худших бед,
Когда мне смертью меньшая грозит?
И у меня зависимости нет
От прихотей твоих или обид.

Не опасаюсь я твоих измен.
Твоя измена — беспощадный нож.
О, как печальный жребий мой блажен,—
Я был твоим, и ты меня убьешь.

Но и на счастье страх кладет печать:
Ведь об измене я могу не знать.

93

Что ж, буду жить, приемля, как условье,
Что ты верна. Хоть стала ты иной,
Но тень любви нам кажется любовью.
Не сердцем — так глазами будь со мной.

Твой взор не говорит о перемене.
Он не таит ни скуки, ни вражды.
Есть лица, на которых преступленья
Чертят неизгладимые следы.

Но, видно, так угодно высшим силам:
Пусть лгут твои прекрасные уста,
Но в этом взоре, ласковом и милом,
По-прежнему сияет чистота.

Прекрасно было яблоко, что с древа
Адаму на беду сорвала Ева.

94

Кто, злом владея, зла не причинит,
Не пользуясь всей мощью этой власти,
Кто двигает других, но, как гранит,
Неколебим и не подвержен страсти,—

Тому дарует небо благодать,
Земля дары приносит дорогие.
Ему дано величьем обладать,
А чтить величье призваны другие.

Лелеет лето лучший свой цветок,
Хоть сам он по себе цветет и вянет.
Но если в нем приют нашел порок,
Любой сорняк его достойней станет.

Чертополох нам слаще и милей
Растленных роз, отравленных лилей.

95

Ты украшать умеешь свой позор.
Но, как в саду незримый червячок
На розах чертит гибельный узор,—
Так и тебя пятнает твой порок.

Молва толкует про твои дела,
Догадки щедро прибавляя к ним.
Но похвалой становится хула.
Порок оправдан именем твоим.

В каком великолепнейшем дворце
Соблазнам низким ты даешь приют!
Под маскою прекрасной на лице,
В наряде пышном их не узнают.

Но красоту в пороках не сберечь.
Ржавея, остроту теряет меч.

96

Кто осуждает твой беспечный нрав,
Кого пленяет юный твой успех.
Но, прелестью проступки оправдав,
Ты в добродетель превращаешь грех.

Поддельный камень в перстне королей
Считается алмазом дорогим,—
Так и пороки юности твоей
Достоинствами кажутся другим.

Как много волк похитил бы овец,
Надев ягненка нежное руно.
Как много можешь ты увлечь сердец
Всем, что тебе судьбой твоей дано.

Остановись,— я так тебя люблю,
Что весь я твой и честь твою делю.

97

Мне показалось, что была зима,
Когда тебя не видел я, мой друг.
Какой мороз стоял, какая тьма,
Какой пустой декабрь царил вокруг!

За это время лето протекло
И уступило осени права.
И осень шла, ступая тяжело,—
Оставшаяся на сносях вдова.

Казалось мне, что все плоды земли
С рождения удел сиротский ждет.
Нет в мире лета, если ты вдали.
Где нет тебя, и птица не поет.

А там, где слышен робкий, жалкий свист,
В предчувствии зимы бледнеет лист.

98

Нас разлучил апрель цветущий, бурный.
Всё оживил он веяньем своим.
В ночи звезда тяжелая Сатурна
Смеялась и плясала вместе с ним.

Но гомон птиц и запахи и краски
Бесчисленных цветов не помогли
Рожденью моей весенней сказки.
Не рвал я пестрых первенцев земли.

Раскрывшиеся чаши снежных лилий,
Пурпурных роз душистый первый цвет,
Напоминая, мне не заменили
Ланит и уст, которым равных нет.

Была зима во мне, а блеск весенний
Мне показался тенью милой тени.

99

Фиалке ранней бросил я упрек:
Лукавая крадет свой запах сладкий
Из уст твоих, и каждый лепесток
Свой бархат у тебя берет украдкой.

У лилий — белизна твоей руки,
Твой темный волос — в почках майорана,
У белой розы — цвет твоей щеки,
У красной розы — твой огонь румяный.

У третьей розы — белой, точно снег,
И красной, как заря,— твое дыханье.
Но дерзкий вор возмездья не избег:
Его червяк съедает в наказанье.

Каких цветов в саду весеннем нет!
И все крадут твой запах или цвет.

100

Где муза? Что молчат ее уста
О том, кто вдохновлял ее полет?
Иль, песенкой дешевой занята,
Она ничтожным славу воздает?

Пой, суетная муза, для того,
Кто может оценить твою игру,
Кто придает и блеск, и мастерство,
И благородство твоему перу.

Вглядись в его прекрасные черты
И, если в них морщину ты найдешь,
Изобличи убийцу красоты,
Строфою гневной заклейми грабеж.

Пока не поздно, времени быстрей
Бессмертные черты запечатлей!

101

О ветреная муза, отчего,
Отвергнув правду в блеске красоты,
Ты не рисуешь друга моего,
Чьей доблестью прославлена и ты?

Но, может быть, ты скажешь мне в ответ,
Что красоту не надо украшать,
Что правде придавать не надо цвет
И лучшее не стоит улучшать.

Да, совершенству не нужна хвала,
Но ты ни слов, ни красок не жалей,
Чтоб в славе красота пережила
Свой золотом покрытый мавзолей.

Нетронутым — таким, как в наши дни,
Прекрасный образ миру сохрани!

102

Люблю,— но реже говорю об этом,
Люблю нежней,— но не для многих глаз.
Торгует чувством тот, кто перед светом
Всю душу выставляет напоказ.

Тебя встречал я песней, как приветом,
Когда любовь нова была для нас.
Так соловей гремит в полночный час
Весной, но флейту забывает летом.

Ночь не лишится прелести своей,
Когда его умолкнут излиянья.
Но музыка, звуча со всех ветвей,
Обычной став, теряет обаянье.

И я умолк, подобно соловью:
Свое пропел и больше не пою.

103

У бедной музы красок больше нет,
А что за слава открывалась ей!
Но, видно, лучше голый мой сюжет
Без добавленья похвалы моей.

Вот почему писать я перестал.
Но сам взгляни в зеркальное стекло
И убедись, что выше всех похвал
Стеклом отображенное чело.

Все то, что отразила эта гладь,
Не передаст палитра иль резец.
Зачем же нам, пытаясь передать,
Столь совершенный портить образец?

И мы напрасно спорить не хотим
С природой или зеркалом твоим.

104

Не нахожу я времени примет
В твоих чертах. С тех пор, когда впервые
Тебя я встретил, три зимы седые
Трех пышных лет запорошили след.

Три нежные весны сменили цвет
На сочный плод и листья огневые,
И трижды лес был осенью раздет,
А над тобой не властвуют стихии.

На циферблате, указав нам час,
Покинув цифру, стрелка золотая
Чуть движется невидимо для глаз.
Так на тебе я лет не замечаю.

И если уж закат необходим,
Он был перед рожденьем твоим.

105

Язычником меня ты не зови,
Не называй кумиром божество.
Пою я гимны, полные любви,
Ему, о нем и только для него.

Его любовь нежнее с каждым днем,
И, постоянству посвящая стих,
Я поневоле говорю о нем,
Не зная тем и замыслов других.

«Прекрасный, верный, добрый» — вот слова,
Что я тверже на множество ладов.
В них три определенья божества,
Но сколько сочетаний этих слов!

Добро, краса и верность жили врозь,
Но это все в тебе одном слилось.

106

Когда читаю в свитке мертвых лет
О пламенных устах, давно безгласных,
О красоте, слагающей куплет
Во славу дам и рыцарей прекрасных,

Столетьями хранимые черты —
Улыбка нежных уст, глаза и брови —
Мне говорят, что только в древнем слове
Нашлось бы всё, чем обладаешь ты.

Поэт, вникая в даль влюбленным взглядом,
Мечтал неясный образ передать,
Но красоту твою предугадать
Не довелось ни песням, ни балладам.

А нам, кому теперь она близка,—
Где голос взять, чтобы звучал века?

107

Ни собственный мой страх, ни вещий взор
Миров, что о грядущем грезят сонно,
Не знают, до каких дана мне пор
Любовь, чья смерть казалась предрешённой.

Свое затменье смертная луна
Пережила назло пророкам лживым.
Надежда вновь на трон возведена,
И долгий мир сулит расцвет оливам.

Разлукой смерть не угрожает нам.
Пусть я умру, но я в стихах воскресну.
Слепая смерть грозит лишь племенам,
Еще не просветленным, бессловесным.

В моих строках и ты переживешь
Венцы тиранов и гербы вельмож.

108

Что может мозг бумаге передать,
Чтоб новое к твоим хвалам прибавить?
Что мне припомнить, что мне рассказать,
Чтобы твои достоинства прославить?

Нет ничего, мой друг. Но свой привет,
Как старую молитву — слово в слово,—
Я повторяю. Новизны в нем нет,
Но он звучит торжественно и ново.

Бессмертная любовь, рождаясь вновь,
Нам неизбежно кажется другою.
Морщин не знает вечная любовь
И старость делает своим слугою.

И там ее рожденье, где молва
И время говорят: любовь мертва.

109

Меня неверным другом не зови.
Как мог я изменить иль измениться?
Моя душа, душа моей любви,
В твоей груди, как мой залог, хранится.

Ты — мой приют, дарованный судьбой.
Я уходил и приходил обратно
Таким, как был, и приносил с собой
Живую воду, что смывает пятна.

Пускай грехи мою сжигают кровь,
Но не дошел я до последней грани,
Чтоб из скитаний не вернуться вновь
К тебе, источник всех благодеяний.

Что без тебя просторный этот свет?
В нем только ты. Другого счастья нет.

110

Да, это правда: где я не бывал,
Пред кем шута не корчил площадного.
Как дешево богатство продавал
И оскорблял любовь любовью новой!

Да, это правда: правде не в упор
В глаза смотрел я, а куда-то мимо.
Но юность вновь нашел мой беглый взор,—
Блуждая, он признал тебя любимой.

Все кончено, и я не буду вновь
Искать того, что обостряет страсти,
Любовью новой проверять любовь.
Ты — божество, и весь в твоей я власти.

Вблизи небес ты мне приют найди
На этой чистой, любящей груди.

111

О, как ты прав, судьбу мою браня,
Виновницу дурных моих деяний,
Богиню, осудившую меня
Зависеть от публичных подаяний.

Красильщик скрыть не может ремесло.
Так на меня проклятое занятье
Печатью несмываемой легло.
О, помоги мне смыть мое проклятье!

Согласен я без ропота глотать
Лекарственные горькие коренья,
Не буду горечь горькою считать,
Считать неправой меру исправленья.

Но жалостью своей, о милый друг,
Ты лучше всех излечишь мой недуг!

112

Мой друг, твоя любовь и доброта
Заполнили глубокий след проклятья,
Который выжгла злая клевета
На лбу моем каленою печатью.

Лишь похвала твоя и твой укор
Моей отрадой будут и печалью.
Для всех других я умер с этих пор
И чувства оковал незримой сталью.

В такую бездну страх я зашвырнул,
Что не боюсь гадюк, сплетенных вместе,
И до меня едва доходит гул
Лукавой клеветы и лживой лести.

Я слышу сердце друга моего,
А все кругом беззвучно и мертво.

113

Со дня разлуки — глаз в душе моей,
А тот, которым путь я нахожу,
Не различает видимых вещей,
Хоть я на всё по-прежнему гляжу.

Ни сердцу, ни сознанью беглый взгляд
Не может дать о виденном отчет.
Траве, цветам и птицам он не рад,
И в нем ничто подолгу не живет.

Прекрасный и уродливый предмет
В твое подобье превращает взор:
Голубку и ворону, тьму и свет,
Лазурь морскую и вершины гор.

Тобою полон и тебя лишен,
Мой верный взор неверный видит сон.

114

Неужто я, приняв любви венец,
Как все монархи, лестью упоен?
Одно из двух: мой глаз — лукавый льстец,
Иль волшебству́ тобой он обучен.

Из чудищ и бесформенных вещей
Он херувимов светлых создает.
Всему, что входит в круг его лучей,
С твоим лицом он сходство придает.

Вернее первая догадка: лесть.
Известно глазу все, что я люблю,
И он умеет чашу преподнесть,
Чтобы пришлась по вкусу королю.

Пусть это яд,— мой глаз искупит грех:
Он пробует отраву раньше всех!

115

О, как я лгал когда-то, говоря:
«Моя любовь не может быть сильнее».
Не знал я, полным пламенем горя,
Что я любить еще нежней умею.

Случайностей предвидя миллион,
Вторгающихся в каждое мгновенье,
Ломающих незыблемый закон,
Колеблющих и клятвы и стремленья,

Не веря переменчивой судьбе,
А только часу, что еще не прожит,
Я говорил: «Любовь моя к тебе
Так велика, что больше быть не может!»

Любовь — дитя. Я был пред ней неправ,
Ребенка взрослой женщиной назвав.

116

Мешать соединенью двух сердец
Я не намерен. Может ли измена
Любви безмерной положить конец?
Любовь не знает убыли и тлена.

Любовь — над бурей поднятый маяк,
Не меркнущий во мраке и тумане,
Любовь — звезда, которою моряк
Определяет место в океане.

Любовь — не кукла жалкая в руках
У времени, стирающего розы
На пламенных устах и на щеках,
И не страшны ей времени угрозы.

А если я не прав и лжет мой стих,—
То нет любви и нет стихов моих!

117

Скажи, что я уплатой пренебрег
За все добро, каким тебе обязан,
Что я забыл заветный твой порог,
С которым всеми узами я связан.

Что я не знал цены твоим часам,
Безжалостно чужим их отдавая,
Что позволял безвестным парусам
Себя нести от милого мне края.

Все преступленья вольности моей
Ты положи с моей любовью рядом,
Представь на строгий суд твоих очей,
Но не казни меня смертельным взглядом.

Я виноват. Но вся моя вина
Покажет, как любовь твоя верна.

118

Для аппетита пряностью приправы
Мы вызываем горький вкус во рту.
Мы горечь пьем, чтоб избежать отравы,
Нарочно возбуждая дурноту.

Так, избалованный твоей любовью,
Я в горьких мыслях радость находил
И сам себе придумал нездоровье
Еще в расцвете бодрости и сил.

От этого любовного коварства
И опасенья вымышленных бед
Я заболел не в шутку и лекарства
Горчайшие глотал себе во вред.

Но понял я: лекарства — яд смертельный
Тем, кто любовью болен беспредельной.

119

Каким питьем из горьких слез Сирен
Отравлен я, какой настойкой ада?
То я страшусь, то взят надеждой в плен,
К богатству близок и лишаюсь клада.

Чем согрешил я в свой счастливый час,
Когда в блаженстве я достиг зенита?
Какой недуг всего меня потряс
Так, что глаза покинули орбиты?

О, благодетельная сила зла!
Все лучшее от горя хорошеет,
И та любовь, что сожжена дотла,
Еще пышней цветет и зеленеет.

Так после всех бесчисленных утрат
Во много раз я более богат.

120

То, что мой друг бывал жесток со мною,
Полезно мне. Сам испытав печаль,
Я должен гнуться под своей виною,
Коль это сердце — сердце, а не сталь.

И если я потряс обидой друга,
Как он меня,— его терзает ад,
И у меня не может быть досуга
Припоминать обид минувших яд.

Пускай та ночь печали и томленья
Напомнит мне, что чувствовал я сам,
Чтоб другу я принес для исцеленья,
Как он тогда, раскаянья бальзам.

Я всё простил, что испытал когда-то,
И ты прости,— взаимная расплата!

121

Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть.
Напраслина страшнее обличенья.
И гибнет радость, коль ее судить
Должно не наше, а чужое мненье.

Как может взгляд чужих порочных глаз
Щадить во мне игру горячей крови?
Пусть грешен я, но не грешнее вас,
Мои шпионы, мастера злословья.

Я — это я, а вы грехи мои
По своему равняете примеру.
Но, может быть, я прям, а у судьи
Неправого в руках кривая мера,

И видит он в любом из ближних ложь,
Поскольку ближний на него похож!

122

Твоих таблиц не надо мне. В мозгу —
Верней, чем на пергаменте и воске,—
Я образ твой навеки сберегу,
И не нужны мне памятные доски.

Ты будешь жить до тех далеких дней,
Когда живое, уступая тленью,
Отдаст частицу памяти твоей
Всесильному и вечному забвенью.

Так долго бы не сохранился воск
Твоих таблиц — подарок твой напрасный.
Нет, любящее сердце, чуткий мозг
Полнее сберегут твой лик прекрасный.

Кто должен памятку любви хранить,
Тому способна память изменить!

123

Не хвастай, время, властью надо мной.
Те пирамиды, что возведены
Тобою вновь, не блещут новизной.
Они — перелицовка старины.

Наш век недолог. Нас не мудрено
Прельстить перелицованным старьем.
Мы верим, будто нами рождено
Все то, что мы от предков узнаем.

Цена тебе с твоим архивом грош.
Во мне и тени удивленья нет
Пред тем, что есть и было. Эту ложь
Плетешь ты в спешке суетливых лет.

И если был я верен до сих пор,
Не изменюсь тебе наперекор!

124

О, будь моя любовь — дитя удачи,
Дочь времени, рожденная без прав,—
Судьба могла бы место ей назначить
Среди цветов иль в куче сорных трав.

Но нет, мою любовь не создал случай.
Ей не сулит судьбы слепая власть
Быть жалкою рабой благополучья
И жалкой жертвой возмущенья пасть.

Ей не страшны уловки и угрозы
Тех, кто у счастья час берет внаем.
Ее не греет луч, не губят грозы.
Она идет своим большим путем.

И этому ты, временщик, свидетель,
Чья жизнь — порок, а гибель — добродетель.

125

Что, если бы я право заслужил
Держать над троном бархат балдахина
Или бессмертья камень заложил,
Не более надежный, чем руина?

Кто гонится за внешней суетой,
Теряет всё, не рассчитав расплаты,
И часто забывает вкус простой,
Избáлован стряпней замысловатой.

Нет, в сердце мне приют прошу я дать,
А ты прими мой хлеб, простой и скудный.
Дается он тебе, как благодать,
В знак бескорыстной жертвы обоюдной.

Прочь, клеветник! Чем правоте трудней,
Тем менее ты властвуешь над ней!

126

Крылатый мальчик мой, несущий бремя
Часов, что нам отсчитывают время,

От убыли растешь ты, подтверждая,
Что мы любовь питаем, увядая.

Природа, разрушительница-мать,
Твой ход упорно возвращает вспять.

Она тебя хранит для праздной шутки,
Чтобы, рождая, убивать минутки.

Но бойся госпожи своей жестокой:
Коварная щадит тебя до срока.

Когда же это время истечет,—
Предъявит счет и даст тебе расчет.

127

Прекрасным не считался черный цвет,
Когда на свете красоту ценили.
Но, видно, изменился белый свет —
Прекрасное подделкой очернили.

С тех пор как все природные цвета
Искусно подменяет цвет заемный,
Последних прав лишилась красота,
Живет она безродной и бездомной.

Вот почему и волосы и взор
Возлюбленной моей чернее ночи,—
Как будто носят траурный убор
По тем, кто краской красоту порочит.

Но так идет им черная фата,
Что красотою стала чернота.

128

Едва лишь ты, о музыка моя,
Займешься музыкой, встревожив строй
Ладов и струн искусною игрой,—
Ревнивой завистью терзаюсь я.

Обидно мне, что ласки нежных рук
Ты отдаешь танцующим ладам,
Срывая краткий, мимолетный звук,—
А не моим томящимся устам.

Я весь хотел бы клавишами стать,
Чтоб только пальцы легкие твои
Прошлись по мне, заставив трепетать,
Когда ты струн коснешься в забытьи.

Но если счастье выпало струне,
Отдай ты руки ей, а губы — мне!

129

Издержки духа и стыда растрата —
Вот сладострастье в действии. Оно
Безжалостно, коварно, бесновато,
Жестоко, грубо, ярости полно.

Утолено,— влечет оно презренье,
В преследованье не жалеет сил.
И тот лишен покоя и забвенья,
Кто невзначай приманку проглотил.

Безумное, само с собой в раздоре,
Оно владеет иль владеют им.
В надежде — радость, в испытанье — горе,
А в прошлом — сон, растаявший, как дым.

Всё это так. Но избежит ли грешный
Небесных врат, ведущих в ад кромешный?

130

Ее глаза на звезды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И черной проволокой вьется прядь.

С дамасской розой, алой или белой,
Нельзя сравнить оттенок этих щек.
А тело пахнет так, как пахнет тело,
Не как фиалки нежный лепесток.

Ты не найдешь в ней совершенных линий,
Особенного света на челе.
Не знаю я, как шествуют богини,
Но милая ступает по земле.

И всё ж она уступит тем едва ли,
Кого в сравненьях пышных оболгали.

131

Ты прихоти полна и любишь власть,
Подобно всем красавицам надменным.
Ты знаешь, что моя слепая страсть
Тебя считает даром драгоценным.

Пусть говорят, что смуглый облик твой
Не сто́ит слез любовного томленья,—
Я не решаюсь в спор вступать с молвой,
Но спорю с ней в своем воображенье.

Чтобы себя уверить до конца
И доказать нелепость этих басен,
Клянусь до слез, что темный цвет лица
И черный цвет волос твоих прекрасен.

Беда не в том, что ты лицом смугла,—
Не ты черна, черны твои дела!

132

Люблю твои глаза. Они меня,
Забытого, жалеют непритворно.
Отвергнутого друга хороня,
Они, как траур, носят цвет свой черный.

Поверь, что солнца блеск не так идет
Лицу седого раннего востока,
И та звезда, что вечер к нам ведет,—
Небес прозрачных западное око,—

Не так лучиста и не так светла,
Как этот взор, прекрасный и прощальный.
Ах, если б ты и сердце облекла
В такой же траур, мягкий и печальный,—

Я думал бы, что красота сама
Черна, как ночь, и ярче света — тьма!

133

Будь проклята душа, что истерзала
Меня и друга прихотью измен.
Терзать меня тебе казалось мало,—
Мой лучший друг захвачен в тот же плен.

Жестокая, меня недобрым глазом
Ты навсегда лишила трех сердец:
Теряя волю, я утратил разом
Тебя, себя и друга наконец.

Но друга ты избавь от рабской доли
И прикажи, чтоб я его стерёг.
Я буду стражем, находясь в неволе,
И сердце за него отдам в залог.

Мольба напрасна. Ты — моя темница,
И всё мое со мной должно томиться.

134

Итак, он твой. Теперь судьба моя
Окажется заложенным именьем,
Чтоб только он — мое второе я —
По-прежнему служил мне утешеньем.

Но он не хочет и не хочешь ты.
Ты не отдашь его корысти ради.
А он из бесконечной доброты
Готов остаться у тебя в закладе.

Он поручитель мой и твой должник.
Ты властью красоты своей жестокой
Преследуешь его, как ростовщик,
И мне грозишь судьбою одинокой.

Свою свободу отдал он в залог,
Но мне свободу возвратить не мог!

135[1]

Недаром имя, данное мне, значит
«Желание». Желанием томим,
Молю тебя: возьми меня в придачу
Ко всем другим желаниям твоим.

Ужели ты, чья воля так безбрежна,
Не можешь для моей найти приют?
И если есть желаньям отклик нежный,
Ужель мои ответа не найдут?

Как в полноводном, вольном океане
Приют находят странники-дожди,—
Среди своих бесчисленных желаний
И моему пристанище найди.

Недобрым «нет» не причиняй мне боли.
Желанья все в твоей сольются воле.

[1] Сонеты 135 и 136 построены на игре слов. Сокращенное имя поэта — «Will» (от «William» — «Вильям») пишется и звучит так же, как слово, означающее волю или желание.— *Ред.*

136

Твоя душа противится свиданьям,
Но ты скажи ей, как меня зовут.
Меня прозвали «волей» иль «желаньем»,
А воле есть в любой душе приют.

Она твоей любви наполнит недра
Собой одной и множествами воль.
А в тех делах, где счет ведется щедро,
Число один — не более чем ноль.

Пусть я ничто во множестве несметном,
Но для тебя останусь я одним.
Считай меня ничтожным, незаметным,
Считай ничем, но чем-то дорогим.

Ты полюби сперва мое прозванье,
Тогда меня полюбишь. Я — желанье!

137

Любовь слепа и нас лишает глаз.
Не вижу я того, что вижу ясно.
Я видел красоту, но каждый раз
Понять не мог, что дурно, что прекрасно.

И если взгляды сердце завели
И якорь бросили в такие воды,
Где многие проходят корабли,—
Зачем ему ты не даешь свободы?

Как сердцу моему проезжий двор
Казаться мог усадьбою счастливой?
Но всё, что видел, отрицал мой взор,
Подкрашивая правдой облик лживый.

Правдивый свет мне заменила тьма,
И ложь меня объяла, как чума.

138

Когда клянешься мне, что вся ты сплошь
Служить достойна правды образцом,
Я верю, хоть и вижу, как ты лжешь,
Вообразив меня слепым юнцом.

Польщенный тем, что я еще могу
Казаться юным правде вопреки,
Я сам себе в своем тщеславье лгу,
И оба мы от правды далеки.

Не скажешь ты, что солгала мне вновь,
И мне признать свой возраст смысла нет.
Доверьем мнимым держится любовь,
А старость, полюбив, стыдится лет.

Я лгу тебе, ты лжешь невольно мне,
И, кажется, довольны мы вполне!

139

Оправдывать меня не принуждай
Твою несправедливость и обман.
Уж лучше силу силой побеждай,
Но хитростью не наноси мне ран.

Люби другого, но в минуты встреч
Ты от меня ресниц не отводи.
Зачем хитрить? Твой взгляд — разящий меч,
И нет брони на любящей груди.

Сама ты знаешь силу глаз твоих,
И, может статься, взоры отводя,
Ты убивать готовишься других,
Меня из милосердия щадя.

О, не щади! Пускай прямой твой взгляд
Убьет меня,— я смерти буду рад.

140

Будь так умна, как зла. Не размыкай
Зажатых уст моей душевной боли.
Не то страданья, хлынув через край,
Заговорят внезапно поневоле.

Хоть ты меня не любишь, обмани
Меня поддельной, мнимою любовью.
Кто доживает считанные дни,
Ждет от врачей надежды на здоровье.

Презреньем ты с ума меня сведешь
И вынудишь молчанье нарушить.
А злоречивый свет любую ложь,
Любой безумный бред готов подслушать.

Чтоб избежать позорного клейма,
Криви душой, а с виду будь пряма!

141

Мои глаза в тебя не влюблены,—
Они твои пороки видят ясно.
А сердце ни одной твоей вины
Не видит и с глазами не согласно.

Мой слух твоя не услаждает речь.
Твой голос, взор и рук твоих касанье,
Прельщая, не могли меня увлечь
На праздник слуха, зренья, осязанья.

И всё же внешним чувствам не дано —
Ни всем пяти, ни каждому отдельно —
Уверить сердце бедное одно,
Что это рабство для него смертельно.

В своем несчастье одному я рад,
Что ты — мой грех и ты — мой вечный ад.

142

Любовь — мой грех, и гнев твой справедлив.
Ты не прощаешь моего порока.
Но, наши преступления сравнив,
Моей любви не бросишь ты упрека.

Или поймешь, что не твои уста
Изобличать меня имеют право.
Осквернена давно их красота
Изменой, ложью, клятвою лукавой.

Грешнее ли моя любовь твоей?
Пусть я люблю тебя, а ты — другого,
Но ты меня в несчастье пожалей,
Чтоб свет тебя не осудил сурово.

А если жалость спит в твоей груди,
То и сама ты жалости не жди!

143

Нередко для того, чтобы поймать
Шальную курицу иль петуха,
Ребенка наземь опускает мать,
К его мольбам и жалобам глуха,

И тщетно гонится за беглецом,
Который, шею вытянув вперед
И трепеща перед ее лицом,
Передохнуть хозяйке не дает.

Так ты меня оставила, мой друг,
Гонясь за тем, что убегает прочь.
Я, как дитя, ищу тебя вокруг,
Зову тебя, терзаясь день и ночь.

Скорей мечту крылатую лови
И возвратись к покинутой любви.

144

На радость и печаль, по воле рока,
Два друга, две любви владеют мной:
Мужчина светлокудрый, светлоокий
И женщина, в чьих взорах мрак ночной.

Чтобы меня низвергнуть в ад кромешный,
Стремится демон ангела прельстить,
Увлечь его своей красою грешной
И в дьявола соблазном превратить.

Не знаю я, следя за их борьбою,
Кто победит, но доброго не жду.
Мои друзья — друзья между собою,
И я боюсь, что ангел мой в аду.

Но там ли он,— об этом знать я буду,
Когда извергнут будет он оттуда.

145

Я ненавижу,— вот слова,
Что с милых уст ее на днях
Сорвались в гневе. Но едва
Она приметила мой страх,—

Как придержала язычок,
Который мне до этих пор
Шептал то ласку, то упрек,
А не жестокий приговор.

«Я ненавижу»,— присмирев,
Уста промолвили, а взгляд
Уже сменил на милость гнев,
И ночь с небес умчалась в ад.

«Я ненавижу»,— но тотчас
Она добавила: — «Не вас!»

146

Моя душа, ядро земли греховной,
Мятежным силам отдаваясь в плен,
Ты изнываешь от нужды духовной
И тратишься на роспись внешних стен.

Недолгий гость, зачем такие средства
Расходуешь на свой наемный дом,
Чтобы слепым червям отдать в наследство
Имущество, добытое трудом?

Расти, душа, и насыщайся вволю,
Копи свой клад за счет бегущих дней
И, лучшую приобретая долю,
Живи богаче, внешне победней.

Над смертью властвуй в жизни быстротечной,
И смерть умрет, а ты пребудешь вечно.

147

Любовь — недуг. Моя душа больна
Томительной, неутолимой жаждой.
Того же яда требует она,
Который отравил ее однажды.

Мой разум-врач любовь мою лечил.
Она отвергла травы и коренья,
И бедный лекарь выбился из сил
И нас покинул, потеряв терпенье.

Отныне мой недуг неизлечим.
Душа ни в чем покоя не находит.
Покинутые разумом моим,
И чувства и слова по воле бродят.

И долго мне, лишенному ума,
Казался раем ад, а светом — тьма!

148

О, как любовь моей изменила глаз!
Расходится с действительностью зренье.
Или настолько разум мой угас,
Что отрицает зримые явленья?

Коль хорошо, что нравится глазам,
То как же мир со мною несогласен?
А если нет,— признать я должен сам,
Что взор любви неверен и неясен.

Кто прав: весь мир иль мой влюбленный взор?
Но любящим смотреть мешают слезы.
Подчас и солнце слепнет до тех пор,
Пока все небо не омоют грозы.

Любовь хитра,— нужны ей слез ручьи,
Чтоб утаить от глаз грехи свои!

149

Ты говоришь, что нет любви во мне.
Но разве я, ведя войну с тобою,
Не на твоей воюю стороне
И не сдаю оружия без боя?

Вступал ли я в союз с твоим врагом?
Люблю ли тех, кого ты ненавидишь?
И разве не виню себя кругом,
Когда меня напрасно ты обидишь?

Какой заслугой я горжусь своей,
Чтобы считать позором униженье?
Твой грех мне добродетели милей,
Мой приговор — ресниц твоих движенье.

В твоей вражде понятно мне одно:
Ты любишь зрячих,— я ослеп давно.

150

Откуда столько силы ты берешь,
Чтоб властвовать в бессилье надо мной?
Я собственным глазам внушаю ложь,
Клянусь им, что не светел свет дневной.

Так бесконечно обаянье зла,
Уверенность и власть греховных сил,
Что я, прощая черные дела,
Твой грех, как добродетель, полюбил.

Всё, что вражду питало бы в другом,
Питает нежность у меня в груди.
Люблю я то, что все клянут кругом,
Но ты меня со всеми не суди.

Особенной любви достоин тот,
Кто недостойной душу отдает.

151

Не знает юность совести упреков,
Как и любовь, хоть совесть — дочь любви.
И ты не обличай моих пороков
Или себя к ответу призови.

Тобою предан, я себя всецело
Страстям простым и грубым предаю.
Мой дух лукаво соблазняет тело,
И плоть победу празднует свою.

При имени твоем она стремится
На цель своих желаний указать,
Встает, как раб перед своей царицей,
Чтобы упасть у ног ее опять.

Кто знал в любви паденья и подъемы,
Тому глубины совести знакомы.

152

Я знаю, что грешна моя любовь,
Но ты в двойном предательстве виновна,
Забыв обет супружеский и вновь
Нарушив клятву верности любовной.

Но есть ли у меня на то права,
Чтоб упрекать тебя в двойной измене?
Признаться, сам я совершил не два,
А целых двадцать клятвопреступлений.

Я клялся в доброте твоей не раз,
В твоей любви и верности глубокой.
Я осенялял зрачки пристрастных глаз,
Дабы не видеть твоего порока.

Я клялся: ты правдива и чиста,—
И черной ложью осквернил уста.

153

Бог Купидон дремал в тиши лесной,
А нимфа юная у Купидона
Взяла горящий факел смоляной
И опустила в ручеек студеный.

Огонь погас, а в ручейке вода
Нагрелась, забурлила, закипела.
И вот больные сходятся туда
Лечить купаньем немощное тело.

А между тем любви лукавый бог
Добыл огонь из глаз моей подруги
И сердце мне для опыта поджег.
О, как с тех пор томят меня недуги!

Но исцелить их может не ручей,
А тот же яд — огонь ее очей.

Божок любви под деревом прилег,
Швырнув на землю факел свой горящий.
Увидев, что уснул коварный бог,
Решились нимфы выбежать из чащи.

Одна из них приблизилась к огню,
Который девам бед наделал много,
И в воду окунула головню,
Обезоружив дремлющего бога.

Вода потока стала горячей.
Она лечила многие недуги.
И я ходил купаться в тот ручей,
Чтоб излечиться от любви к подруге.

Любовь нагрела воду,— но вода
Любви не охлаждала никогда.

ПРИМЕЧАНИЯ

Шекспир писал свои пьесы для театра. Продав рукопись своей труппе, он переставал быть ее собственником. Театр же не был заинтересован в том, чтобы печатать принадлежащие ему пьесы, опасаясь, как бы их не поставили конкурирующие труппы. Но так как пьесы пользовались успехом, предприимчивые издатели добывали разными путями тексты и печатали их. Некоторые пьесы Шекспира появились в печати без разрешения его или труппы, которой они принадлежали. Борясь против таких пиратских изданий, театры и авторы иногда сами печатали пьесы, но делали это лишь в случаях, когда надо было помешать незаконным изданиям.

Шекспир не предназначал своих пьес для печати, и лишь половина их была издана при его жизни по причинам, о которых сказано выше. Прижизненные издания были далеко не совершенны. После смерти Шекспира его друзья актеры Хеминг и Конделл в 1623 году выпустили первое собрание драматических произведений Шекспира, содержавшее 36 пьес. Впоследствии к ним была добавлена еще одна пьеса — «Перикл» — признанная как пьеса, написанная Шекспиром частично, а может быть, и полностью. Это посмертное издание тоже не было свободно от недостатков.

Когда в XVIII веке англичане признали Шекспира своим классиком, стали появляться новые издания его произведений, отредактированные учеными, стремившимися устранить дефекты первых изданий и восстановить, насколько возможно, достоверный текст. Эта работа длится по настоящее время. Наиболее авторитетным изданием Шекспира является так называемое Кембриджское издание (The Cambridge Shakespeare) под редакцией У. Дж. Кларка и У. Э. Райта при участии Дж. Гловера. Его окончательный текст был напечатан в 1891—1893 годах. В XX веке появилось несколько новых изданий, созданных современными текстологами (Дж. Довер Уилсон, Ч. Дж. Сиссон, П. Александер, Дж. Б. Харрисон и др.), но ни одно из них не получило всеобщего признания, хотя отдельные открытия нашего времени помогли уточнить тексты пьес Шекспира.

Редакторы текстов исправили орфографию оригинала, устранили опечатки, произвели деление пьес на акты и сцены (отсутствовавшее во многих первопечатных текстах), добавили некоторые ремарки относительно действия, происходящего на сцене.

На русском языке имеются многочисленные переводы отдельных пьес Шекспира и несколько изданий полного собрания сочинений писателя. Назовем наиболее значительные издания:

Шекспир. Перевод Н. Кетчера, М. 1858—1879, 9 частей. (Все пьесы переведены прозой.)

Полное собрание драматических произведений Шекспира в переводе русских писателей. Изд. Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля, СПб. 1865, 4 тома. Переиздавалось Н. Гербелем в 1880, 1887—1888, 1889 гг. в 3 томах. (В дальнейшем ссылки на это изд. обозначаются сокращенно — изд. Н. Гербеля.)

Шекспир в переводе и объяснении А. Л. Соколовского, СПб. 1894—1898, 8 томов; второе издание в 12 томах вышло в 1913 г. (Ссылки на переводы А. Л. Соколовского даны по первому изданию.)

Шекспир. Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. Изд. Брокгауз-Ефрон, СПб. 1902—1905, 5 томов. (Ссылки на это изд. даются сокращенно — изд. Брокгауз-Ефрон.)

Шекспир. Полное собрание сочинений. Изд. Academia — Гослитиздат, 1936—1950 гг., 8 томов.

Шекспир. Полное собрание сочинений под ред. А. А. Смирнова и А. А. Аникста. Изд. «Искусство», М. 1957—1960, 8 томов. (В дальнейшем сокращенно обозначается — изд. «Искусство».)

В справках об изданиях отдельных пьес указываются также переводы, не входившие в названные собрания сочинений.

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА

Ранняя трагедия Шекспира, написана в 1594—1595 годах. Первое издание 1597 года было пиратским, второе, вышедшее два года спустя, было «заново исправленным, дополненным и расширенным» — по-видимому, самим Шекспиром. Трагедия затем дважды переиздавалась, до того как была включена в собрание 1623 года.

В первопечатных изданиях деления на акты и сцены нет. Оно было произведено редакторами сочинений Шекспира в XVIII веке.

История трагической гибели юных любящих существ имеет большую древность, и почти у каждого народа есть подобные поэтические легенды. История, драматизированная Шекспиром, возникла в Италии и неоднократно излагалась в различных новеллах. Новеллу Матео Банделло (1554) перевели на французский язык, а с него — на английский (1567), но еще до этого английский поэт Артур Брук написал поэму на

тот же сюжет (1562). Шекспир явно был с ней знаком. Возможно также, что ему была известна не дошедшая до нас пьеса на тот же сюжет, упоминаемая Бруком в его предисловии к поэме.

Трагедия много раз переводилась на русский язык. Наиболее интересные с литературной точки зрения переводы: Аполлона Григорьева (в изд. Брокгауз-Ефрон, т. I, 1902), А. Л. Соколовского (его издание Шекспира, т. 2, 1894), Д. Л. Михаловского (в изд. Н. Гербеля, т. 3, 1888, 1899), А. Радловой (1939), Т. Щепкиной-Куперник (много переизданий, см. Шекспир, изд. «Искусство», т. 3, 1958).

Стр. 26. *Эскал.*— Описываемые события, согласно легенде, произошли в начале XIV века, когда Вероной правил Бартоломео делла Скала; отсюда имя в шекспировской пьесе: Эскал.

Кормилица.— Женщины не играли на сцене эпохи Шекспира. Роль кормилицы исполнял комик, игравший роли шутов.

Мантуя — город в северо-западной части Ломбардии. Мантуя являлась самостоятельным княжеством.

Стр. 27. *Пролог.*— Текст пролога произносил хор. Роль «хора» в театре эпохи Шекспира исполнял актер, одетый в черный плащ.

Стр. 28. *Я буду грызть ноготь...*— Грызть ноготь большого пальца, щелкая им о зубы, считалось оскорблением (таким же, как показать язык).

Стр. 29. *Где меч мой боевой?* — В эпоху Шекспира боевые длинные средневековые мечи были уже пережитком. Деталь, намекающая на старость синьора Капулетти.

Стр. 30. *Виллафранка* — небольшой город около Вероны.

Стр. 35. *Ей нет еще четырнадцати лет.*— В ту эпоху не только в Италии, но и в Англии девочка четырнадцати лет считалась «на выданье».

Стр. 36. *Хорош при этом также подорожник.*— Подорожник применялся как средство лечения при ранениях и ушибах.

Стр. 41. *Я факельщиком буду.*— В группе ряженых тот, кто не умел или не желал танцевать, брал на себя обязанности факельщика.

Стр. 43. *Все королева Маб.*— Имя этой феи — кельтского происхождения (Англия до завоевания ее англосаксами в V—VI веках была населена кельтами). Маб названа «родоприемницей» в двойном значении: во-первых, она, согласно народному поверью, помогала рождению снов, а во-вторых, согласно другому поверью, подменивала новорожденных младенцев оборотнями.

Заводятся в ногтях у мастериц.— Согласно старинному английскому народному поверью, у ленивых девушек заводятся под ногтями червячки.

Стр. 51. *О нищей и царе Кофетуа.*— Кофетуа — легендарный африканский царь, воспетый в старинной английской народной балладе. Кофетуа был женоненавистником, но однажды он увидел из окна своего дворца нищую девушку и полюбил ее на всю жизнь.

Стр. 62. *...кота Тибальта из сказки...* — Тибальтом зовут кота в английском варианте «Рейнеке Лиса», знаменитого произведения средневекового эпоса.

А его бессмертные passado, его punto reverso, его hai! — Passado, punto reverso — итальянские названия приемов фехтования; hai — принятое в то время восклицание фехтовальщика во время выпада.

...не стало места на старых лавках! — Намек на случай, действительно имевший место в Лондоне. Когда среди английской щегольской молодежи стало модным носить широкие французские штаны (короткие, до колен, и похожие на два баллона), однажды случилось, что члены палаты лордов, среди которых были и молодые щеголи, не поместились на своих старинных скамьях.

Лаура — возлюбленная Петрарки, воспетая им в сонетах.

Стр. 65. *Розмарин* — цветок; считался символом верной любви.

Стр. 72. *Одну из твоих девяти жизней, кошачий царь...* — Имеется в виду старинная английская поговорка: «У кошки девять жизней».

Стр. 76. *Фаэтон* — в античной мифологии сын Феба, бога солнца. Он взялся править солнечной колесницей своего отца, но погнал коней так быстро, что колесница опрокинулась, и солнце обожгло землю, превратив часть Африки в пустыню.

Стр. 77. *Убьет вернее взгляда василиска.* — Василиск — сказочное чудовище, один взгляд которого будто бы убивает человека.

Стр. 101. *...как стоны мандрагоры...* — Согласно старинному поверью, корень мандрагоры, когда его выдергивают из земли, издает ужасные стоны, от которых люди сходят с ума.

Стр. 103. *Вот и музыканты.* — Согласно обычаю, жених будил невесту в день свадьбы музыкой и пением.

Стр. 107. *Когда в груди терзания и муки...* — Эти стихи, принадлежащие поэту и драматургу Ричарду Эдвардсу, были, вероятно, текстом популярного в то время романса. Возможно, что в этой сцене скрыт направленный против легковесной поэзии полемический выпад со стороны Шекспира, который иронизирует над бессодержательным эпитетом «серебряные звуки».

Стр. 109. *В аптеке черепаха, крокодил...* — Аптекари в Англии времен Шекспира украшали свои лавки чучелами черепах, крокодилов и других причудливых на вид животных, что придавало аптекам «таинственный» вид. Медицина была близка к знахарству.

ГАМЛЕТ

Трагедия написана около 1601 года. Первое издание 1603 года было пиратским. Аутентичный текст вышел в следующем (1604) году. С небольшими изменениями он повторен в собрании 1623 года.

История об Амлете, принце датском, впервые встречается у летописца Саксона Грамматика (1200). Благодаря французскому пересказу (1576) сюжет стал известен в Англии, где неизвестный автор (полагают, что им был Томас Кид) около 1589 года написал трагедию. Шекспир, несомненно, знал ее, но, так как текст ее не сохранился, трудно сказать, в какой мере он воспользовался ею. Судя по тому, как кардинально переработал он раннюю пьесу о юности Генриха V, послужившую основой для «Генриха IV», а также по другим подобным случаям, Шекспир использовал только схему действия, наполнив ее своим глубоким социальным и философским содержанием.

В первопечатных изданиях деление на акты и сцены произведено неполностью. Оно завершено последующими редакторами.

Очень вольная переработка «Гамлета» впервые появилась в России в 1748 году. Ее автором был А. П. Сумароков. Первые литературные переводы: М. Вронченко (1828) и Н. Полевого (1837). Наиболее значительные переводы: А. Кронеберга (1840, неоднократно переиздавался, см. изд. Брокгауз-Ефрон, 1903, т. III), К. Р. (1899), А. Радловой (1939), М. Лозинского (1933, много переизданий, см. Шекспир, изд. «Искусство», т. 6, 1960).

Публикуемый здесь перевод имеет свою творческую историю. Опубликованный впервые в 1940 году в журнале «Молодая гвардия» (№№ 5—6), он был затем полностью напечатан отдельной книжкой (М. Гослитиздат, 1941) и впоследствии неоднократно переиздавался с незначительными сокращениями (Детгиз, 1942; «Искусство», 1951 и др.). При переизданиях поэт вносил разного рода поправки, иногда весьма существенные. Последнее прижизненное издание перевода вошло в однотомник «Избранные произведения» Шекспира (М. Гослитиздат, 1953). В распоряжении редакции был экземпляр этого издания, содержащий рукописную правку Б. Пастернака. При подготовке настоящего издания был принят полный текст перевода с учетом этой последней правки. Поэтому публикуемый здесь перевод содержит ряд разночтений, отличающих его от предыдущих изданий. Подготовка текста была произведена А. А. Аникстом и Е. Б. Пастернаком.

Стр. 124. *Эльсинор* — город в Дании, расположенный на берегу пролива, отделяющего Данию от Скандинавского полуострова.

Стр. 125. *Площадка перед замком* — то есть специально устроенная эспланада, открытое и ровное пространство вокруг замка. Атакующая неприятельская пехота, пересекая это пространство, подвергала себя особой опасности.

Стр. 127. *Он ждет вопроса.* — Согласно древнему поверью, призраки не могли заговорить первыми.

Стр. 131. *Наследницу военных рубежей...*— Клавдий хитро оправдывает захват престола, как бы мимоходом называя свою жену Гертруду наследницей и не упоминая о Гамлете.

Стр. 150. *...как Лазарю...*— «Лазарями» — именем, заимствованным из евангельской легенды,— в эпоху Шекспира назывались больные проказой.

Стр. 153. *Вот меч,— клянитесь.*— Клятва на мече, восходящая к древнейшим временам, считалась особенно священной.

Hic et ubique? — «здесь и повсюду» *(лат.)*. Согласно поверью, духи могли одновременно появляться во многих местах.

Стр. 164. *Не пускайте ее на солнце.*— Возможно, это значит: не пускайте Офелию к королевскому двору. Сравнение монарха с солнцем было широко принято.

Стр. 166. *Мы не верхи на колпаке Фортуны* — то есть не баловни судьбы.

Стр. 168. *Последние нововведенья.*— Темное место, которое осталось нерасшифрованным. Возможно, здесь скрыт намек на то, что той труппе, к которой принадлежал Шекспир, было на время запрещено давать спектакли в Лондоне, и актерам пришлось отправиться в турне по провинции. Такие запрещения были частым явлением.

...целый выводок детворы...— Конкурентами взрослых актеров были в эпоху Шекспира труппы, состоявшие из мальчиков-подростков, славившихся умением петь и танцевать.

Стр. 169. *И Геркулеса с его ношей* — то есть труппу театра «Глобус», к которой принадлежал Шекспир. На вывеске театра «Глобус» был изображен Геркулес, держащий на плечах земной шар.

Росций — знаменитый римский актер I века до н. э.

Стр. 170. *Важность Сенеки, легкость Плавта...*— Сенека — римский автор трагедий (умер в 65 году н. э.); Плавт — римский автор комедий (умер в 184 году до н. э.). Сенеке и Плавту подражала английская «школьная драма» XVI века.

О Евфай, судья Израиля...— Согласно библейскому преданию, Евфай принес в жертву свою единственную дочь. Так и Полоний (намекает Гамлет) жертвует Офелией, используя ее в борьбе против Гамлета.

Вас ли я вижу, барышня моя? — Гамлет шутливо обращается к мальчику, исполнителю женских ролей. В английском театре эпохи Шекспира женские роли исполнялись мальчиками-подростками и юношами.

Стр. 170—171. *...Эней рассказывает о себе Дидоне...*— После взятия Трои греками один из троянских героев, Эней, долго странствовал. Во время своих странствий Эней был выброшен бурей на карфагенский берег и нашел приют у царицы Карфагена Дидоны, страстно его полюбившей. В монологе, который читает первый актер, Эней рассказывает Дидоне о гибели Трои.

Стр. 171. *Пирр* — сын греческого героя Ахилла. Пирр мстил троянцам за смерть отца. Эта тема мести за отца напоминает Гамлету его собственную судьбу (вероятно, поэтому Гамлет и вспомнил об этом монологе).

...как зверь Гирканский...— то есть тигр. Гирканией в Англии эпохи Шекспира называли страны, расположенные на восток от Каспийского моря.

Стр. 172. *Гекуба* — жена Приама, царя Трои.

Стр. 180. *Для сбора недовыплаченной дани.*— В VIII—XI веках н. э. датчане и скандинавы предпринимали опустошительные нападения на Англию. Одно время (XI в.) вся Англия подчинялась датскому королю и платила ему налоги («датские деньги»).

...переиродить Ирода.— Царь Ирод был излюбленным персонажем средневековых религиозных драм (мистерий). Он отличался неистовой свирепостью и произносил «громовые» речи. Гамлет говорит об этом персонаже как о воплощении ходульной декламации.

Стр. 183. *По-хамелеонски.*— Согласно поверью той эпохи, хамелеон питается воздухом.

Стр. 187. *Вы хорошо заменяете хор, милорд.*— Роль «хора», читавшего пролог или поясняющего то, что происходит на сцене, исполнялась в театре времен Шекспира одним лицом.

«Взывает к мести каркающий ворон».— Это цитата из пьесы неизвестного автора «Истинная трагедия о Ричарде III», в которой в мрачных красках изображен преступный король на троне (Гамлет намекает на Клавдия).

Геката — одно из мрачных божеств древнегреческой мифологии. Ее изображали с тремя головами: лошадиной, псьей и львиной. В средневековых поверьях Геката была царицей ведьм.

Стр. 188. *...целый лес перьев, да пара провансальских роз на башмаках...*— Пышные перья на голове и большие банты в виде роз на башмаках были частой принадлежностью костюма трагических актеров.

Дамон — герой античной легенды о двух друзьях; в нарицательном смысле — верный друг.

Стр. 191. *Души Нерона в грудь мне не вселяй.*— Нерон, римский император I века н. э., прославившийся своими жестокостями, был матереубийцей.

Стр. 198. *Ты смотришь в пустоту...*— Согласно поверью, призраки были видимы только тем, кому они являлись.

Стр. 203. *...какой-то губки?* — Гамлет сравнивает придворных с губками. В сатирическом сочинении эпохи Шекспира читаем: «Когда короли воспользуются придворными, как губками, впитавшими все соки из бедного люда, им доставляет удовольствие выжимать содержимое этих губок в королевские сосуды».

Стр. 210. *Шлык паломника на нем...*— Образ паломника в поэзии той эпохи — символ влюбленного. Офелия думает то о Гамлете, который, как ей кажется, погиб на чужбине, то о Полонии.

...сова была раньше дочкой пекаря.— Согласно средневековой легенде, дочка пекаря, отказавшаяся дать Христу хлеба, была превращена в сову.

Стр. 211. *В Валентинов день...*— В день святого Валентина (14 февраля) первая девушка, встретившаяся юноше, становилась его «Валентиной» (нареченной).

Стр. 212. *Швейцарцы где?* — Наемные швейцарцы часто бывали в ту эпоху телохранителями монархов.

Стр. 224. *Два могильщика.*— Роль могильщиков исполнялась во времена Шекспира шутами, комиками. Начало разговора могильщиков является пародией на схоластические тонкости и абстрактные определения юриспруденции той эпохи.

Стр. 225. *Сбегай, брат, к Иогену...*— Так звали хозяина кабачка, находившегося по соседству с театром «Глобус».

Стр. 227. *...когда родился молодой Гамлет...*— Ниже могильщик говорит, что он работает тридцать лет на кладбище. Следовательно, Гамлету тридцать лет. Но Гамлет — студент, Лаэрт говорит о любви Гамлета к Офелии как о страсти ранней юности. С такого рода противоречиями мы нередко встречаемся у Шекспира.

Стр. 230. *Град каменьев.*— Тела самоубийц кидали в яму и забрасывали камнями. Это называлось «ослиным погребением». Церковь запрещала молиться о самоубийцах.

...которая превысит Пелион и голубой Олимп.— Пелион и Олимп — названия гор в Греции. Древние греки считали Олимп самой высокой горой в мире; на вершине Олимпа, по верованиям древних греков, восседали боги.

Стр. 232. *Осса* — гора в Греции.

Стр. 242. *Я ловко сети, Озрик, расставлял...*— Из этого обращения Лаэрта к Озрику ясно, что Озрик был посвящен в тайну отравленного оружия.

ОТЕЛЛО

На основе документальных данных принято считать, что трагедия написана в 1604 году. Известно, что тогда ее играли при дворе короля Якова I. При жизни Шекспира напечатана не была. Первое издание вышло в 1622 году, затем перепечатано в собрании 1623 года. Деление на акты и сцены в первых изданиях уже имеется.

Основу сюжета Шекспир заимствовал из сборника итальянских новелл Джиральди Чинтио «Экатомити» (перевод см. в кн. Итальянская новелла эпохи Возрождения, ГИХЛ, М. 1957).

Переводы, заслуживающие внимания: П. И. Вейнберга (много изданий, см. изд. Брокгауз-Ефрон, 1903, т. III), А. Л. Соколовского (т. I, 1894), А. Радловой (1935), М. Л. Лозинского (однотомник Шекспира, 1950).

Стр. 248. *Мавр.*— В эпоху Шекспира слово «мавр» (Moor) употреблялось в широком значении: «чернокожий», «темнокожий». Шекспир представлял себе Отелло с толстыми губами (Родриго называет его «толстогубым») и с темным, а не смуглым лицом.

Яго.— Некоторые комментаторы полагают, что Яго, судя по имени, испанец. В дальнейшем, в одном месте подлинника, Яго ругается на испанском языке.

Родриго.— В издании 1623 года о Родриго добавлено: «одураченный дворянин».

Стр. 250. *Родос и Кипр* — острова; были военно-морскими базами Венецианской республики.

Стр. 253. *...без подобающей охраны...*— В эпоху Шекспира не только женщины, но и мужчины редко рисковали выходить из дому ночью. Улицы не освещались и были полны грабителей. То, что Дездемона бежала к Отелло одна, без охраны, говорило зрителям шекспировской эпохи о смелости Дездемоны.

Стр. 260. *Что, Марк Лукезе в городе?* — Очевидно, первая мысль дожа — назначить командующим этого Лукезе. Но так как он уехал, остается один выход: назначить темнокожего Отелло, которого, таким образом, дож и сенат назначают волей-неволей, по необходимости.

Стр. 274. *Птичий клей.*— Клейкое вещество, при помощи которого ловили птиц. Возможно, что здесь скрыт намек: Яго уже приготовил «птичий клей» для Кассио и Дездемоны.

Стр. 281. *Король Стефан был бережлив...*— Яго поет строфу из известной в ту эпоху песенки, прославлявшей бережливость. В этой песенке беседуют муж и жена: муж хочет наряжаться в шелк и бархат, а жена уговаривает его быть бережливым. В эпоху Шекспира джентльмены старинного склада, а также пуритане, этот авангард растущей буржуазии, обличали новомодную роскошь и расточительность придворной знати. Король Стефан, царствовавший в XII веке, не раз упоминается в литературе того времени как образец бережливости. Близкий к пуританам современник Шекспира драматург Роберт Грин в своем памфлете «Шутка для придворного выскочки, или Спор между бархатными и холщовыми штанами» (1592) писал следующее: «Хорошее и благословенное время было в Англии, когда король Стефан платил за штаны всего один золотой и то считал это роскошью». Не указывает ли эта песенка на пуританские черты у Яго?

Стр. 289. *Входит Кассио с музыкантами.*— Во времена Шекспира существовал обычай исполнять ранним утром веселую приветственную песенку под окном новобрачных.

...поют в нос... — намек на свойственное неаполитанцам произношение в нос.

Стр. 303. *Мандрагора.* — Корень мандрагоры считался одним из самых сильно действующих снотворных средств.

Стр. 310. *Какая влажная!* — По распространенному в ту эпоху мнению, горячие и влажные руки были признаком чувственности.

Стр. 319. *Вы шишки не набили?* — Здесь Яго, по-видимому, указывает на лоб Отелло, намекая на рога, то есть на возможную измену Дездемоны.

Стр. 338. *Зеленая ива.* — В народных песнях и поговорках эпохи Шекспира плакучая ива была эмблемой девушки или женщины, покинутой любимым человеком. Песня Дездемоны является вариацией на тему народной песни-баллады.

Стр. 352. *Влияние луны.* — Согласно воззрениям того времени, одной из причин безумия было влияние луны, уклонившейся от своего обычного пути.

Стр. 353. *Она была коварна, как вода.* — Это сравнение встречается у многих народов: тихие и глубокие воды таят в себе гибель.

Стр. 362. *Спартанская собака.* — У Шекспира и современных ему писателей псы древней Спарты часто упоминаются как воплощение кровожадной свирепости.

КОРОЛЬ ЛИР

Написанная в 1605 или 1606 году, трагедия игралась при королевском дворе в 1606 году. Ее первое издание, вышедшее в 1608 году, близко к тексту в собрании 1623 года, но на 100 строк короче и, кроме того, небрежно напечатано. Деление на акты и сцены имеется уже в первых изданиях.

Сюжет восходит к доисторическим временам, многократно повторялся в легендах и летописях. Во времена, близкие к Шекспиру, его пересказали в стихах в поэме «Зеркало правителей» (1559), написанной несколькими авторами, поэт Эдмунд Спенсер в «Королеве фей» (1589—1596), а в прозе Р. Холиншед в своих «Хрониках Англии, Шотландии и Ирландии» (1587). Сохранилась анонимная пьеса «Король Лир», написанная около 1594 года. Сравнение ее с трагедией Шекспира показывает, насколько кардинально перерабатывал драматург источники, которыми он пользовался. Подробное изложение дошекспировской пьесы на русском языке читатель найдет в статье Л. Н. Толстого «О Шекспире и о драме».

Лучшие переводы, наряду с печатаемым здесь: А. Дружинина (1859, см. изд. Брокгауз-Ефрон, 1903, т. III), Т. Щепкиной-Куперник (см. Шекспир. Избранные произведения. М.—Л., Гослитиздат, 1950).

Стр. 364. *Лир, король Британии.*— Древняя, населенная кельтами Британия была страной политически раздробленной; Шекспир же рисует ее единым королевством.

Герцог Бургундский.— Бургундия была некогда самостоятельным герцогством, возникшим в X веке н. э. В XV веке Бургундия слилась с Францией. В легендарные времена Лира не существовало ни Бургундского герцогства, ни Французского королевства. В шекспировской пьесе, как в сказке, смешаны разные эпохи.

Герцог Корнуэльский.— Корнуол — герцогство в юго-западной части Англии.

Герцог Альбанский.— Олбени — древнее название гористой северной Шотландии. Но в эпоху Шекспира многие полагали, что это было древним названием вообще всей северной половины Британского острова.

Граф Кент.— Кент — графство в юго-восточной части Англии.

Граф Глостер.— В пьесе Шекспира граф Глостер, согласно феодальной иерархии, подчинен своему сюзерену — герцогу Корнуэльскому.

Стр. 367. *А что Корделии сказать?* — Согласно одному из вариантов легенды о Лире, Корделия приготовила речь о своей любви к отцу, но, услыхав лживые слова сестер, решила молчать.

...молоко Бургундии с лозой французской в споре? — Здесь Лир подразумевает женихов Корделии — герцога Бургундского и короля Французского.

Стр. 368. *Из ничего не выйдет ничего.*— Эти слова Лира вошли пословицей в английский язык.

...звездами, благодаря которым родимся мы и жить перестаем...— У многих народов долго господствовало убеждение, что над судьбой человека властвуют небесные светила. По их положению, как считали, астрологи могут предсказать будущее. В словах Лира о священном свете солнца звучит отголосок верований древних британцев, поклонявшихся солнцу.

Стр. 378. *Том из Бедлама.*— После закрытия монастырей в Англии (XVI в.) в бывшем Вифлеемском монастыре *(англ.,* сокращенно: Bedlam), в Лондоне, был устроен сумасшедший дом. Хронических сумасшедших переставали «лечить» (то есть лить воду на голову, бить, сажать на цепь и пр.) и отпускали на все четыре стороны, разрешая им просить милостыню. Народ прозвал их «Томами из Бедлама». Впоследствии Эдгар переодевается таким «Томом».

С каких пор записался ты в астрономы? — Астрологию обычно называли астрономией. Интересно, что молодое поколение (Эдмунд, Эдгар), в отличие от старого поколения (Глостер), не верит в астрологию.

Стр. 381. *...не есть рыбы.*— Это место не получило окончательного и единодушного объяснения. Существует два толкования: а) я не соблюдаю католических постов (когда ели рыбу вместо мяса), то есть я — верный

сын протестантской церкви (в Англии времен Шекспира борьба протестантизма с католицизмом носила острый политический характер, причем под знаменем католицизма группировались реакционные силы); б) я постного не ем, то есть люблю покушать как следует.

Стр. 384. *...ты взвалил осла себе на спину...*— Шут перефразирует старинную английскую пословицу: «перенести осла на своей спине через грязь» — поступить глупо, бессмысленно жертвовать собой.

Стр. 386. *Потухла свечка, вот мы и в потемках.*— Этот стих заимствован из пересказа легенды о Лире, принадлежащего одному из крупнейших английских поэтов XVI века Эдмунду Спенсеру (1552—1599). Шут намекает, что отказ Лира от власти погрузил всю страну во мрак.

Стр. 393. *И призывал луну помочь злодейству.*— Луна считалась покровительницей тайных и злых дел.

Стр. 418. *Это пророчество сделает Мерлин...*— Лир, согласно легенде, царствовал в Британии до сказочного короля Артура, в царствование которого якобы жил волшебник Мерлин.

Стр. 420. *Сажень с половиной!..*— Эдгар подражает крику матросов, измеряющих глубину шестами.

Стр. 421. *В терновнике северный ветер свистит.*— Эдгар беспорядочно цитирует отрывки из народных песен и баллад.

Стр. 422. *Флибертиджиббет* — имя одного из злых духов в старинных английских народных поверьях. В дальнейшем Эдгар упоминает Смолкина, Мадó, Мéго, а также Фратеретто и Гонденса (в сцене шестой) — имена злых духов и чертей, заимствованные Шекспиром из выходивших в то время многочисленных книг по «демонологии». Упоминаемый в песенке святой Витольд считался защитником от «нечисти». В песенном отрывке о Роланде само имя взято из «Песни о Роланде» (XI в.), но идет речь о герое шотландской баллады, который проник в мрачную башню, где жил злой великан.

Стр. 424. *...с фиванцем этим мудрым.*— Семивратные Фивы — древнегреческий город. Дальше Лир называет Эдгара «афинянином». Лир, по-видимому, сравнивает «бедного Тома» с древнегреческими стоиками, учившими, что человек должен пренебрегать житейскими удобствами.

Стр. 447. *Я вылечить его хочу.*— Распространенный в ту эпоху способ лечения от «меланхолии» путем сильного потрясения.

Стр. 449. *Нет, они не могут запретить мне чеканить деньги.*— Лир одержим мыслью о возмездии. В дальнейшем Лир представляет себе, что он уже приступил к вербовке солдат, которых поведет на вероломных дочерей. Для того чтобы снарядить войско, ему нужно восстановить свое право, как короля, чеканить деньги. Итак, в бессвязных словах Лира «бессмыслица и смысл — все вместе», как говорит Эдгар.

С седой бородой? — Это, по-видимому, насмешка над тем, что Гонерилья и в самом деле возомнила себя мудрым правителем государства.

Стр. 456. *Играет тихая музыка.*— В эпоху Шекспира музыкой пытались лечить глубокую скорбь.

Стр. 468. *Труби, герольд!* — В эпоху средневековья спор между рыцарями часто решался торжественно обставленным поединком, так называемым «судом божьим», в котором победитель считался правым, а побежденный — виновным. О начале поединка возвещал герольд (глашатай).

Стр. 477. *На губы посмотрите!* — Некоторые комментаторы предполагают, что Лиру в это мгновение почудилось, будто губы Корделии шевельнулись, и он умер от прилива внезапной радости.

Стр. 478. Согласно другому варианту текста, последние слова трагедии произносит Эдгар.

МАКБЕТ

Время написания — 1606 год. При жизни Шекспира трагедия не была напечатана. Сведения о ее постановке на сцене при нем сохранились. Впервые опубликована в собрании 1623 года с делением на акты и сцены.

Источник сюжета — «Хроника Англии, Шотландии и Ирландии» Р. Холиншеда (1587).

Из многочисленных переводов, которых насчитывается около двух десятков, отметим следующие: А. Кронеберга (1846, см. изд. Гербеля, т. 3, и изд. Брокгауз-Ефрон, 1903, т. III), А. Л. Соколовского (1894, т. I), А. Радловой (1935), М. Л. Лозинского (однотомник Шекспира, 1950), Ю. Корнеева (изд. «Искусство», 1960, т. 7).

Стр. 480. *Макбет.*— Шотландский король Макбет царствовал в XI веке (1040—1057). Имя Макбет произносится с ударением на втором слоге.

Стр. 481. *Три ведьмы.*— В то время, когда Шекспир писал «Макбета» (1605), по всей Англии пылали костры, на которых сжигали женщин, обвиненных в ведовстве. Холиншед, у которого Шекспир заимствовал общие контуры сюжета своей трагедии, полагал, что Макбету явились не «обычные» ведьмы. «То были,— пишет Холиншед,— три вещие сестры, то есть богини судьбы, или другие волшебные существа». В тексте шекспировской трагедии о ведьмах также говорят как о «вещих сестрах» (впрочем, это говорят Макбет и Банко, которые жаждут исполнения пророчества: Макбет — для себя, Банко — для своего потомства). В древнескандинавской религии «вещими сестрами» назывались властвовавшие над судьбами людей три норны, соответствующие трем паркам древнегреческой религии.

Мурлычет кот... зов жабы...— Согласно поверьям той эпохи, черный кот и жаба были неизменными спутниками ведьм: под обликом этих животных якобы скрывались бесы.

Стр. 483. *...как пушки мощности двойной...*— В XI веке, конечно, не было пушек (порох был изобретен лишь в XIV веке). С такого рода анахронизмами мы часто встречаемся у Шекспира.

Тан — старинный шотландский титул крупного феодала.

Беллона — богиня войны в древнеримской мифологии.

Стр. 485. *...как крыса без хвоста...*— Согласно поверью той эпохи, ведьма могла превратиться в крысу, но только в бесхвостую.

Стр. 491. *В сан принца Комберленда.*— В старинной Шотландии это был титул наследника престола.

Стр. 497. *...как кошка в пословице.*— Леди Макбет имеет в виду старинную английскую поговорку: «Кошка любит рыбу, но боится лапки замочить».

Стр. 500. *...как Тарквиний.*— Макбет вспоминает легендарного древнеримского царя Тарквиния, обесчестившего Лукрецию. Преступный Тарквиний описан Шекспиром в его ранней поэме «Лукреция».

Стр. 504. *Какой-нибудь земледелец, повесившийся в ожидании большого урожая.*— Когда Шекспир писал «Макбета», неурожайные годы усугубили тяжелое положение народа. Из уст в уста передавали рассказ о фермере, который набрал денег в долг и накупил зерна в расчете на недород и на то, что цены на зерно повысятся. Увидав, что урожай в том году будет лучше, чем он предполагал, он повесился с отчаяния. В рассказе подчеркивалось, что алчный фермер был наказан за свое намерение нажиться на народном бедствии.

Стр. 505. *Это английский портной, который урезал французские брюки...*— Комментаторы объясняют, что французские штаны, которые в то время были модными в Англии, были очень широкими, а потому портным, шившим их, было легко красть материал.

Стр. 507. *...вас Горгона ослепит.*— Горгоны — женоподобные чудовища в древнегреческой мифологии. У Горгоны вместо волос на голове вились змеи. Один взгляд Горгоны превращал человека в камень.

Стр. 511. *...поехал в Скон короноваться.*— Скон — старинный шотландский замок, где происходило коронование шотландских королей.

Стр. 528. *Ему там Эдуард благочестивый...*— то есть английский король Эдуард (1042—1066), прозванный «Исповедником».

Стр. 529. *Нортумберленда и Сиварда* — то есть старого Сиварда, графа Нортумберлендского, и его сына, молодого Сиварда.

Стр. 534. *Восемь королей.*— Имеются в виду восемь шотландских королей (не считая королевы Марии) из дома Стюартов, правивших с конца XIV по начало XVII века. Банко был легендарным предком династии Стюартов.

Со скипетром тройным, с двойной державой.— После смерти Елизаветы (1603) на английский престол взошел шотландский король Яков

Стюарт, ставший королем Англии и Шотландии («двойная держава»), а также королем Ирландии («тройной скипетр»).

Стр. 552. *Входит Сейтон.*— Сейтоны были наследственными оруженосцами шотландских королей. Можно предположить, что Сейтон не потому остается верным Макбету, что сочувствует ему, но потому, что боится запятнать честь своего рода.

Стр. 559. *...подобно римскому безумцу.*— Макбет вспоминает Марка Антония, который покончил с собой, бросившись на меч (см. трагедию «Антоний и Клеопатра»).

АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

Трагедия написана в 1607 году. Хотя рукопись была зарегистрирована для предполагавшегося издания в 1608 году, тем не менее при жизни Шекспира напечатана не была и впервые появилась в собрании 1623 года. Деления на акты и сцены в этом издании нет.

Сюжет заимствован из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха (Биография Марка Антония, есть несколько русских переводов).

Русские переводы трагедии: А. Л. Соколовского (изд. Гербеля, т. 3, 1880 и изд. А. Соколовского, т. IV, 1895), Д. Л. Михаловского (изд. Гербеля, т. 3, 1880—1899), Н. Минского и О. Чюминой (изд. Брокгауз-Ефрон, т. IV, 1903), А. Радловой (1940), Мих. Донского (изд. «Искусство», т. 7, 1960).

Стр. 564. Марк *Антоний* (83—30 гг. до н. э.) — римский полководец, сподвижник Юлия Цезаря. В 44 г. до н. э., после смерти диктатора Юлия Цезаря, пытался захватить власть в Риме, но был вынужден заключить соглашение (так называемый второй триумвират) с двумя другими претендентами на руководящую роль в римском государстве — Октавием Цезарем и Лепидом.

Октавий (или Октавиан) *Цезарь* (63 г. до н. э.—14 г. н. э.)—внучатный племянник Юлия Цезаря, усыновленный им по завещанию. После разрыва с Антонием и победы над ним (в битве при Акциуме в 30 г. до н. э.) стал самодержавным правителем римского государства и принял титул императора Августа. Победой Октавия над Антонием завершился длительный период гражданских войн в Риме, явившихся следствием острого кризиса рабовладельческого общества.

Лепид (умер в 13 г. до н. э.) — сподвижник Юлия Цезаря, третий член второго триумвирата, вскоре, однако, отстраненный Октавием от власти.

Секст Помпей (74—35 гг. до н. э.) — сын Гнея Помпея Великого, союзника (во время первого триумвирата), а затем врага Юлия Цезаря. Воевал с Октавианом и Антонием и заключил с ними почетный мир в Мизене (39 г. до н. э.), но затем, по возобновлении борьбы, бежал в провин-

цию Азию (на западе современной Турции) и был умерщвлен приближенными Марка Антония.

Клеопатра (69—30 гг. до н. э.) — царица Египта, дочь Птоломея (иначе Птолемея) Авлета. Первоначально правила совместно со своим несовершеннолетним братом Птоломеем Дионисом, с которым, по египетскому обычаю, она была помолвлена. (К моменту действия трагедии Шекспира Диониса в живых уже не было.) Придворные круги лишили Клеопатру престола, но в 47 г. до н. э. ее восстановил на троне Юлий Цезарь. После его смерти Клеопатра сблизилась с приехавшим по государственным делам в Александрию (41 г. до н. э.) Антонием и до конца разделила его участь, как это изображено у Шекспира.

Стр. 571. *И ей войной ответил брат мой Люций?* — События, о которых рассказывает гонец, заключались в следующем. В то время как Антоний и Октавий вели на окраинах римского государства войну с республиканцами, убившими Юлия Цезаря, жена Антония Фульвия сделалась в Риме почти диктатором. После недолгой борьбы с консулом Люцием Антонием, братом Марка Антония, Фульвия выступила совместно с ним против Октавия, который к этому времени развелся со своей женой Клодией, дочерью Фульвии от первого ее брака. Война эта закончилась в 41 г. до н. э. победой Октавия.

Лабиен — римский полководец, выступавший против Антония и Октавия. Бежал к парфянам и в союзе с ними вел войну против Рима. Был разбит Вентидием, полководцем Антония (см. ниже, акт III, сцена I).

Сикион — город в Греции. Проиграв войну против Октавия, Фульвия уехала в Грецию для свидания с Антонием. После бурного объяснения между ними и отъезда Антония в Египет Фульвия вскоре умерла, не перенеся его измены.

Стр. 573. *...и страшен преобладаньем на море.*— Секст Помпей, изгнанный из Рима триумвирами, овладел хлебными областями — Сицилией, Сардинией и Корсикой — и подверг Рим голодной блокаде с моря.

Стр. 574. *...как конский волос, который может сделаться змеей.*— По поверью, конский волос, опущенный в воду, мог превратиться в змею.

Стр. 577. *...этот римский Геркулес.*— Антоний был очень похож лицом на статую Геркулеса, потомком которого он считался.

Стр. 580. *Бежал ты из Модены...*— Во время войны с республиканцами, убившими Юлия Цезаря, Антоний осадил в 43 г. до н. э. одного из их вождей в Модене (древней Мутине), в Северной Италии. Тогда на выручку осажденным римский сенат послал войско под начальством консулов Пансы и Гирция, которые разбили и обратили в бегство Антония, но сами погибли в сражении.

Стр. 582. *Когда был жив широколобый Цезарь.*— Юлий Цезарь, будучи в Египте (в 48—47 гг. до н. э.), также подпал под влияние чар Клеопатры. Что касается Помпея, то здесь Шекспир допускает ошибку:

историк Плутарх пишет, что Клеопатра плепила не Помпея Великого, а его сына Гнея Помпея, младшего брата Секста Помпея.

Стр. 587. *Я даже не побрил бы бороды.*— Презрительный намек на юный возраст (безбородость) Октавия.

Стр. 592. *У Мизен.*— Мизенский мыс около Неаполя. Здесь состоялось временное соглашение Секста Помпея с триумвирами в 39 г. до н. э. (см. акт. II, сцены 6 и 7).

Стр. 598. *Его филиппский меч.*— При Филиппах (в Македонии) в 42 г. до н. э. Антоний и Октавий в двух сражениях разбили армию республиканцев, возглавляемую убийцами Юлия Цезаря Брутом и Кассием. Потерпев поражение, Брут и Кассий покончили жизнь самоубийством.

Стр. 602. *Я Цезаря Антонию в угоду бесславила.*— Клеопатра говорит здесь о Юлии Цезаре.

Стр. 604. *...на суше ты забрал дом моего отца.*— Когда продавался дом Помпея, Антоний купил его, но затем отказался заплатить деньги.

Стр. 606. *Царицу носил в потемках Цезарю в мешке.*— Согласно Плутарху, Юлий Цезарь, заняв Александрию, вызвал из изгнания свергнутую с престола Клеопатру и в первый раз виделся с Клеопатрой тайно. Приближенный Клеопатры Аполлодор в сумерках повез ее в лодке ко дворцу Цезаря, она легла в мешок для постели, и Аполлодор, стянув его ремнями, в таком виде внес Клеопатру к Цезарю.

Стр. 613. *Марк Красс* — римский полководец; возглавлял поход против парфян в 53 г. до н. э., был разбит парфянским царем Ородом и вслед за тем предательски умерщвлен во время переговоров.

Стр. 623. *Цезарион* — сын Клеопатры и Юлия Цезаря. Впоследствии был казнен по приказу Октавия.

Из сыновей он одного парек...— Речь идет о двух сыновьях Клеопатры и Антония — Александре и Птоломее.

Стр. 627. *Акциум* (Акций) — мыс на западном побережье Греции.

Стр. 628. *Брундизий и Тарент* — порты на юге Италии. *Торина* — в Эпире, на севере Греции.

Стр. 629. *Фетида* — богиня моря.

Стр. 643. *...стада Басанского холма перереветь.*— Басанский холм со множеством ревущих тельцов на нем — библейский образ, взятый из Псалмов Давида.

Стр. 661. *На мне рубашка Несса.*— Здесь намек на следующие эпизоды из мифа о Геркулесе (иначе Алкиде), которого Антоний считал своим предком. Кентавр Несс, насмерть пораженный Геркулесом за попытку оскорбить его жену Деяниру, захотел после смерти отомстить Геркулесу и с этой целью дал Деянире пропитанную ядом рубашку, сказав, что она будто бы обладает чудесным свойством возвращать супружескую верность. Когда впоследствии Геркулес изменил Деянире, она послала

ему через своего раба Лихаса эту рубашку. Надев ее, Геркулес сразу же почувствовал тяжкие страдания и, схватив Лихаса, бросил его в море.

Стр. 662. *Теламон* — намек на эпизод из мифа о Троянской войне. После смерти Ахилла одним из претендентов на его доспехи выступил Аякс Теламонид (у Шекспира — Теламон). Доспехи, однако, были присуждены Одиссею. Тогда Аякс от ярости сошел с ума и перебил стадо баранов, приняв их за обидевших его греков.

Фессалийский (или калидонский) *вепрь* — чудовищный вепрь из древнегреческого сказания, будто бы посланный богиней Артемидой (Дианой) и долго опустошавший Калидонскую область.

Стр. 664. *Семеричный щит Аякса...*— Щит Аякса состоял из семи слоев воловьей кожи.

СОНЕТЫ

Сонет — форма лирического стихотворения, распространенная в поэзии эпохи Возрождения. В Англии в конце XVI века появилось большое количество циклов сонетов, созданных лучшими поэтами того времени. Шекспир также принял участие в соревновании по созданию произведений этого жанра. Однако Шекспир не собирался их издавать. Тем не менее они попали в руки предприимчивого книгоиздателя Томаса Торпа, который напечатал их в 1609 году с нижеследующим посвящением: «Тому единственному, кому обязаны своим появлением нижеследующие сонеты, господину W. H.— вечности, обещанной нашим бессмертным поэтом, желает доброжелатель, предпринявший напечатание их. Т.Т.» Не удалось установить, кто тот W. H., которому Томас посвятил свое издание «Сонетов»: то ли это друг, которого воспел в своих стихах Шекспир, то ли просто — лицо, отдавшее издателю рукопись «Сонетов».

Порядок расположения сонетов многим исследователям творчества Шекспира представляется спорным. Предпринимались попытки найти новое расположение, но ни одна не является более убедительной, чем первоначальный порядок, по-видимому установленный издателем или лицом, передавшим ему «Сонеты».

На русском языке имеются также следующие полные переводы «Сонетов»: Н. Гербеля (1880), М. Чайковского (1914). В изд. Брокгауз-Ефрон (т. V, 1905) сонеты напечатаны в переводах разных поэтов: В. Брюсова, Н. Брянского, Г. Галиной, В. Лихачева, В. Мазуркевича, Ф. Червинского и др.

А. Аникст, М. Морозов

СОДЕРЖАНИЕ

А. Аникст. Вильям Шекспир 5

ТРАГЕДИИ

Ромео и Джульетта. *Перевод Б. Пастернака* 25
Гамлет. *Перевод Б. Пастернака* 123
Отелло. *Перевод Б. Пастернака* 247
Король Лир. *Перевод Б. Пастернака* 363
Макбет. *Перевод Б. Пастернака* 479
Антоний и Клеопатра. *Перевод Б. Пастернака* 563

СОНЕТЫ *Перевод С. Маршака* 691

Примечания *А. Аникста* и *М. Морозова* 773

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ПЕРВАЯ
Том 36

Вильям Шекспир
ТРАГЕДИИ. СОНЕТЫ

*

Редактор С. Шлапоберская
Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор
М. Позднякова
Корректоры
Р. Пунга и А. Юрьева

*

Сдано в набор 16/VI 1967 г. Подписано к печати 19/IX 1967 г. Бумага типографская № 1. 60×84¹/₁₆. 49,5 печ. л. 46,18 усл. печ. л. 39,01. уч.-изд. л. + 5 накидок и 1 вкл.-39,56 л. Тираж 300 000 экз. Заказ № 1739. Цена 1 р. 67 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва, Ж-54, Валовая, 28